

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского
и международного
права

Том 13, № 9А, 2023.

С. 1-523.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

September 2023, Volume 13, Issue 9A.

Pages 1-523.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 13, № 9А, 2023

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия* – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, *Оренбургский государственный университет* – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42934** «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 67,5. Формат 60x90/8.

Подписано в печать: 30.09.2023. Дата выхода в свет: 30.10.2023.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7500.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».

127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

September 2023, Volume 13, Issue 9A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences* (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, *Saratov State Law Academy* (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, *Orenburg State University* (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 67.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Passed for printing on 30.09.2023. Date of release: 30.10.2023.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7500.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностраный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Команджаев Евгений Александрович

Аджаев Айс Вячеславович

Законодательные основы военной реформы Александра II.....11

Петров Александр Васильевич

Горбатова Марина Константиновна

Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения.....18

Михайлов Александр Николаевич

Денисенко Светлана Евгеньевна

Проблемы боевой подготовки пограничников на фронте и пути их решения в годы войны за Отечество (1941-1945)26

Шаов Ибрагим Капланович

Юридические формы политики Османского государства на Северо-Западном Кавказе: на примере Анапского наместничества (1782-1828)38

Лемищенко Ольга Александровна

Калинин Александр Ростиславович

Тенденции формирования правосознания в Российском обществе: аспекты влияния на формирование правовой культуры47

Матюхин Анатолий Алексеевич

Куксин Иван Николаевич

Социальные институты: понятие и структура.....56

Матюхин Анатолий Алексеевич

Куксин Иван Николаевич

Классификация социальных институтов в правовом государстве73

Чупанова Анжела Чупановна

Гайбатова Диана Данияловна

Проблемы формирования правосознания и правовой культуры населения в России.....82

Керимов Александр Джангирович

Плутократия как неотъемлемый атрибут буржуазного строя90

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Таранов Игорь Евгеньевич

Меры реализации административной ответственности в системе мер административно-правового принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг.....100

Брослав Александр Анатольевич

Роль органов прокуратуры в механизме обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы в Российской Федерации110

Кубиевич Станислав Владимирович

Остапчук Анастасия Игоревна

Особенности правового статуса и полномочий адвоката в гражданском процессе117

Мирзоян Регина Эдуардовна

Зарецкая Марина Гаруновна

Багова Инна Руслановна

Правовые и экономические условия формирования финансовой безопасности России: современное состояние, угрозы и пути обеспечения.....123

Аванесова Рита Рафаэловна	
Слюсаренко Эльвира Евгеньевна	
Курочкин Николай Олегович	
Проблемы и приоритетные направления развития системы обращения с твердыми коммунальными отходами на региональном уровне	130
Ешев Марат Альбекович	
Хавдок Анзаур Моратович	
Беликов Александр Викторович	
Тхаркахо Марина Меджидовна	
Терроризм и экстремизм как угрозы безопасности современного государства	141
Гетман Илья Борисович	
Шилехин Константин Евгеньевич	
Налоговое правонарушение: сущность и виды	149
Егоров Максим Анатольевич	
Государственно-патриотическое воспитание как составляющая воспитательной работы в органах прокуратуры	158
Струкова Ольга Николаевна	
Судоргина Елена Валерьевна	
Правовые особенности заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов.....	166
Асеев Дмитрий Владимирович	
Вахитова Юлия Рустэмовна	
Общая характеристика принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью в России	176
Усейнов Мирас Исмаилович	
Вопросы совершенствования правового регулирования законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации.....	183
Александров Григорий Дмитриевич	
Правотворчество Правительства Москвы: стадии, особенности и эффективность	190
Соколова Юлия Александровна	
Артюхова Алина Валерьевна	
Дисциплинарное производство органов внутренних дел в Российской Федерации	197
Алехин Тимофей Олегович	
К вопросу о становлении и развитии института культурных прав в России: проблемы их реализации	206
Шкиперов Антон Александрович	
Каллаур Руслан Ростиславович	
Клейменова Анастасия Николаевна	
Актуальные проблемы административно-правового регулирования автоматизации таможенных операций, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита	214
Дзыбова Саида Гиссовна	
Исторический и теоретический аспекты правового обычая и закона как источника права	227
Зуев Андрей Вячеславович	
Бородин Михаил Павлович	
Рубцов Сергей Николаевич	
Беседина Валентина Алексеевна	
Турова Виктория Евгеньевна	
Общие положения о механизме государственной регистрации прав на земельные участки и сделок с ними в российской правовой системе	233

Зуев Андрей Вячеславович	
Бородин Михаил Павлович	
Рубцов Сергей Николаевич	
Беседина Валентина Алексеевна	
Становление и развитие системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России.....	242
Белоплотов Антон Олегович	
Актуальные проблемы размещения мобильных производственных объектов на землях, используемых в порядке главы V.6 ЗК РФ, при строительстве дорожной сети	252
Бабошина Елена Владимировна	
Гусейнова Ираде Сафаратдиновна	
Радмиссия как институт международно-правового регулирования миграции	264
Соболев Кирилл Владимирович	
Овчинников Алексей Александрович	
Правовая природа решения общего собрания собственников недвижимости.....	271
Гусейнов Гаджи Магомедкамилович	
Будунова Шанисат Магомедовна	
Нуцалханова Фатима Шамиловна	
Солтанова Зухра Арсланалиевна	
Проблемные аспекты реализации семейной политики в Республике Дагестан	280
Гусейнов Гаджи Магомедкамилович	
Мусаева Сабият Гасбуллаевна	
Амиргамзаева Сапият Магомедовна	
Османов Гаджимурад Ибрагимович	
Реализация социальной программы поддержки малообеспеченных слоев населения Республики Дагестан	291
Новикова Анна Ивановна	
Участие граждан в отправлении правосудия как субъективное право и форма реализации принципа народовластия в России, Беларуси, Казахстане	302
Овчинников Алексей Александрович	
Кирдяшева Дарья Александровна	
Примирительные процедуры в исполнительном производстве как альтернативный способ исполнения судебных актов	315
Галимов Артур Шафкатович	
Возникновение моделирования версионного иска	321
<i>Частно-правовые (цивилистические) науки</i>	
Перевалов Андрей Геннадьевич	
Актуальные вопросы срочного трудового договора с работодателем – субъектом малого предпринимательства.....	327
Иванов Андрей Викторович	
Правовая природа и соотношение права гражданина на неприкосновенность собственного изображения и интеллектуальных прав автора произведения на примере Российской Федерации и Республики Беларусь: <i>ius conditum</i>	337
Барков Константин Борисович	
Субсидиарная ответственность в России.....	346
Гуменюк Елена Валентиновна	
Салахова Эльмира Джалаловна	
Хабуда Евгения Сергеевна	
Проблема разграничения института банкротства индивидуальных предпринимателей и института банкротства физических лиц.....	358

Марченко Алексей Николаевич
Медведева Валерия Сергеевна
Злоупотребление процессуальным правом в гражданском и арбитражном
судопроизводствах365

Дитрих Дмитрий Константинович
Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве377

Абесалашвили Маринэ Зауровна
Тутарищева Светлана Муратовна
Пшизова Елена Насурдиновна
Понятие, виды и системообразующие признаки безвозмездных договоров в
современном гражданском законодательстве384

Уголовно-правовые науки

Егорова Раиса Евгеньевна
Право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное право392

Рогожкин Виктор Андреевич
Кубасов Игорь Анатольевич
Актуальные проблемные вопросы в профилактической работе с несовершеннолетними403

Рошко Николай Валериевич
Особенности оценки прокурором доказательств по уголовному делу, поступившему с
обвинительным заключением (актом, постановлением)410

Слабкая Диана Николаевна
Институт наказания в уголовном праве: эволюция и современное состояние418

Новиков Алексей Валерьевич
Гуманизация института наказания за преступления небольшой и средней тяжести425

Котляров Андрей Андреевич
Спиридонова Юлия Николаевна
Слабкая Диана Николаевна
Классификация осужденных по строгости наказания и их распределение в
исправительных учреждениях и СИЗО433

Дзыбова Саида Гиссовна
Цеева Светлана Касимовна
Курбанова Елена Михайловна
История развития и применения смертной казни в России441

Щерба Сергей Петрович
Тлехуч Заурбий Азметович
Понятие доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве государств-
участников СНГ449

Никитин Александр Макарович
Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и криминологии как фактор
повышения эффективности борьбы с преступностью458

Питько Роман Юрьевич
Уголовно-процессуальная форма: понятие, признаки и соотношение с иными
процессуальными категориями463

Алиева Сурижат Юсуфовна
Ответственность за преступления с двумя формами вины: теоретико-правовые
проблемы473

Фетищева Лидия Михайловна
Слабкая Диана Николаевна
Новиков Алексей Валерьевич
Полномочия прокурора по надзору за соблюдением законов учреждениями УИС479

Лудилин Денис Борисович Уголовная ответственность за подкуп третейского судьи (арбитра)	488
---	-----

Международно-правовые науки

Саунина Елена Валентиновна Регионализация международных организаций как тенденция развития современных международно-правовых отношений	495
---	-----

Нуцалханов Гамзат Нуцалханович Содержание Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе.....	506
---	-----

Табуева Медея Юрьевна Развитие института международно-правового признания государств	515
--	-----

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Evgenii A. Komandzhaev

Ais V. Adzhaev

Legislative basis for the military reform of Alexander II.....11

Aleksandr V. Petrov

Marina K. Gorbatova

Legal reality and legal existence: correlation problems18

Aleksandr N. Mikhailov

Svetlana E. Denisenko

Problems of combat training of border guards at the front and ways to solve them during the War for the Fatherland (1941-1945)26

Ibragim K. Shaov

Legal forms of the policy of the Ottoman State in the Northwest Caucasus: on the example of the Anapa Vicegerency (1782-1828)38

Ol'ga A. Lemishchenko

Aleksandr R. Kalinin

Trends in the formation of legal consciousness in Russian society: aspects of influence on the formation of legal culture47

Anatolii A. Matyukhin

Ivan N. Kuksin

Social institutions: concept and structure56

Anatolii A. Matyukhin

Ivan N. Kuksin

Classification of social institutions in a legal state.....73

Anzhela Ch. Chupanova

Diana D. Gaibatova

Problems of formation of legal awareness and legal culture of the population in Russia.....82

Aleksandr D. Kerimov

Plutocracy as an Integral Attribute of the Bourgeois System.....90

Public law (state and law) sciences

Igor' E. Taranov

Measures for the implementation of administrative responsibility in the system of administrative and legal enforcement measures applied to participants in relations in the securities market.....100

Aleksandr A. Broslav

The role of the prosecutor's office in the mechanism of turning into state income property for which no information has been provided confirming its acquisition with legal income in the Russian Federation110

Stanislav V. Kubievich

Anastasiya I. Ostapchuk

Peculiarities of the legal status and powers of an advocate in civil proceedings117

Regina E. Mirzoyan

Marina G. Zaretskaya

Inna R. Bagova

Legal and economic conditions for the formation of financial security in Russia: current state, threats and ways to ensure.....123

Rita R. Avanesova El'vira E. Slyusarenko Nikolai O. Kurochkin	Problems and priority directions of development of the system for handling with solid municipal waste at the regional level	130
Marat A. Eshev Anzaur M. Khavdok Aleksandr V. Belikov Marina M. Tkharkakho	Terrorism and extremism as a threat to the security of a modern state	141
Il'ya B. Getman Konstantin E. Shilekhin	Tax offense: the essence and types.....	149
Maksim A. Egorov	State-patriotic education as a component of educational work in the prosecutor's office.....	158
Ol'ga N. Strukova Elena V. Sudorgina	Legal features of the conclusion and execution of state and municipal contracts.....	166
Dmitrii V. Aseev Yuliya R. Vakhitova	General characteristics of the principles of the organization of state supervision of banking activities in Russia.....	176
Miras I. Useinov	Issues of improving the legal regulation of legislation on the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation	183
Grigorii D. Aleksandrov	Lawmaking of the Moscow Government: stages, features and effectiveness	190
Yuliya A. Sokolova Alina V. Artyukhova	Disciplinary proceedings of internal affairs bodies in the Russian Federation	197
Timofei O. Alekhin	On the issue of the formation and development of the institution of cultural rights in Russia: problems of their implementation	206
Anton A. Shkiperov Ruslan R. Kallaur Anastasiya N. Kleimenova	Current problems of administrative and legal regulation of automation of customs operations related to the placement of goods under the customs procedure of customs transit	214
Saida G. Dzybova	Historical and theoretical aspects of legal custom and law as a source of law	227
Andrei V. Zuev Mikhail P. Borodin Sergei N. Rubtsov Valentina A. Besedina Viktoriya E. Turova	General provisions about the mechanism of state registration of rights to land and transactions with them in the Russian legal system	233

Andrei V. Zuev	
Mikhail P. Borodin	
Sergei N. Rubtsov	
Valentina A. Besedina	
Formation and development of the system of state registration of rights to real property and transactions with it in Russia.....	242
Anton O. Beloplotov	
Actual problems of placement of mobile production facilities on the lands used in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation during the construction of the road network.....	252
Elena V. Baboshina	
Irade S. Guseinova	
Readmission as an institute of international legal regulation of migration	264
Aleksei A. Ovchinnikov	
Kirill V. Sobolev	
Legal nature of the decision of the general meeting of real estate owners.....	271
Gadzhi M. Guseinov	
Shanisat M. Budunova	
Fatima Sh. Nutsalkhanova	
Zukhra A. Soltanova	
Problem aspects of implementation of family policy in the Republic of Dagestan	280
Gadzhi M. Guseinov	
Sabiyat G. Musaeva	
Sapiyat M. Amirgamzaeva	
Gadzhimurad I. Osmanov	
Implementation of a social program to support low-income groups of the population of the Republic of Dagestan	291
Anna I. Novikova	
Participation of citizens in the administration of justice as a subjective right and a form of implementation of the principle of democracy in Russia, Belarus, Kazakhstan	302
Aleksei A. Ovchinnikov	
Dar'ya A. Kirdyasheva	
Conciliation procedures in enforcement proceedings as an alternative method of execution of judicial acts.....	315
Artur Sh. Galimov	
The emergence of the modeling of a versioned claim.....	321
<i>Private law (civilistic) sciences</i>	
Andrei G. Perevalov	
Topical issues of a fixed-term employment contract with an employer – small business entity	327
Andrei V. Ivanov	
The legal nature and correlation of the citizen's right to inviolability of his own image and the intellectual rights of the author of the work on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus: <i>ius conditum</i>	337
Konstantin B. Barkov	
Subsidiary liability in Russia.....	346
Elena V. Gumenyuk	
El'mira D. Salakhova	
Evgeniya S. Khabuda	
The problem of institute delimitation bankruptcy of individual entrepreneurs and institute of bankruptcy of individuals.....	358

Aleksei N. Marchenko Valeriya S. Medvedeva	Abuse of procedural law in civil and arbitration proceedings.....	365
Dmitrii K. Ditrikh	Control and supervision: problems of terminology in Russian legislation	377
Marine Z. Abesalashvili Svetlana M. Tutarishcheva Elena N. Pshizova	The concept, types and system-forming features of gratuitous contracts in modern civil legislation	384
<i>Criminal law sciences</i>		
Raisa E. Egorova	The right to a reasonable time in criminal proceedings as a subjective right.....	392
Viktor A. Rogozhkin Igor' A. Kubasov	Current problematic issues in preventive work with minors.....	403
Nikolai V. Roshko	Features of the prosecutor's assessment of evidence in a criminal case received with an indictment (act, resolution)	410
Diana N. Slabkaya	The Institute of Punishment in Criminal Law: Evolution and Current State	418
Aleksei V. Novikov	Humanization of the institution of punishment for crimes of minor and medium gravity.....	425
Andrei A. Kotlyarov Yuliya N. Spiridonova Diana N. Slabkaya	Classification of convicts by severity of punishment and their distribution in correctional institutions and pre-trial detention centers	433
Saida G. Dzybova Svetlana K. Tseeva Elena M. Kurbanova	History of the development and application of the death penalty in Russia	441
Sergei P. Shcherba Zaurbii A. Tlekhuch	The concept of evidence in the criminal procedure legislation of the CIS member States.....	449
Aleksandr M. Nikitin	The relationship between operational investigative activities and criminology as a factor in improving the effectiveness of the fight against crime	458
Roman Yu. Pit'ko	Criminal procedural form: concept, features and relation with other procedural categories	463
Surizhat Yu. Alieva	Responsibility for crimes with two forms of guilt: theoretical and legal problems	473
Lidiya M. Fetishcheva Diana N. Slabkaya Aleksei V. Novikov	Powers of the prosecutor to supervise compliance with laws by penal institutions.....	479
Denis B. Ludilin	Criminal liability for bribery of an arbitrator	488

International legal sciences

Elena V. Saunina

Regionalization of international organizations as a trend in the development of modern international legal relations495

Gamzat N. Nutsalkhanov

Contents of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean506

Medeya Yu. Tabueva

Development of the institution of international legal recognition of states515

УДК 340.114

DOI: 10.34670/AR.2023.41.94.001

Законодательные основы военной реформы Александра II

Команджаев Евгений Александрович

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой теории и истории государства и права,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: komandzhaev@mail.ru

Аджаев Айс Вячеславович

Магистрант,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: adzhaev.ays@mail.ru

Аннотация

В настоящее время в Российской Федерации проходит постепенное реформирование вооруженных сил. Главной целью преобразований в военной сфере является оптимизация управления, улучшение подготовки военных кадров и военнослужащих, повышение престижа военной службы. Реформирование вооруженных сил невозможно без учета исторического опыта. Проект современной реформы во многом напоминает реформы армии второй половины XIX в. времен Александра II. Реформа Александра II затронула не только порядок формирования армии, но и организационно-управленческие и технические стороны армии. При этом были приняты ряд важнейших нормативных правовых актов. Статья посвящена изучению законодательной основы военной реформы Александра II. Итогом военной реформы Александра II стала хорошо подготовленная российская армия, отвечающая требованиям того времени. Реформа затронула не только порядок комплектования армии, но и порядок управления вооруженными силами и техническое перевооружение. В основе всех преобразований лежали хорошо подготовленные нормативные правовые акты. За время проведения преобразований в военной сфере в 1862–1874 гг. численность солдат сократился на 40%. В итоге рекрутские наборы были заменены всеобщей воинской повинностью. При этом была усовершенствована система военного управления, устранена излишняя централизация военного ведомства. Результаты военной реформы показала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. России удалось вернуть часть территорий, потерянных в ходе Крымской войны.

Для цитирования в научных исследованиях

Команджаев Е.А., Аджаев А.В. Законодательные основы военной реформы Александра II // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 11–17. DOI: 10.34670/AR.2023.41.94.001

Ключевые слова

Военная реформа, военные округа, управление войсками, Военно-судебный устав, всеобщая воинская повинность.

Введение

В настоящее время в Российской Федерации проходит постепенное реформирование вооруженных сил. Главной целью преобразований в военной сфере является оптимизация управления, улучшение подготовки военных кадров и военнослужащих, повышение престижа военной службы. Реформирование вооруженных сил невозможно без учета исторического опыта. Проект современной реформы во многом напоминает реформы армии второй половины XIX в. времен Александра II. Реформа Александра II затронула не только порядок формирования армии, но и организационно-управленческие и технические стороны армии. При этом были приняты ряд важнейших нормативных правовых актов.

Основная часть

Необходимость в преобразованиях российской армии в XIX в. наглядно продемонстрировало поражение России в Крымской войне. Проект военной реформы был разработан военным министром графом Д.А. Милютиным. 15 января 1862 г. в докладе военного министерства были представлены основные положения реорганизации системы военного управления. В докладе определялись задачи по изменению воинских частей, сокращению численности армии и ее перевооружению.

В мае 1862 г. Д.А. Милютиным представлены «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам». В данном документе предлагалось разделить страну на военные округа во главе с Командующими военными округами. Предполагалось, что командующие военными округами сосредоточат всю военную власть на территории военного округа.

В 1864 г. было принято «Положение о военно-окружных управлениях»¹. В соответствии с этим Положением 1864 г. было образовано 10 военных округов: Петербургский, Финляндский, Рижский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Харьковский, Московский и Казанский. При этом на некоторых территориях страны (Кавказ, Оренбургский край, Западная и Восточная Сибирь) временно сохранялось их военное устройство до введения Положения 1864 г. Земли Войска Донского сохраняли прежнее управление.

Военно-окружное управление составляли части и отделы: Военно-окружной совет, Окружной штаб, Окружное интендантское управление, Окружное артиллерийское управление, Окружное инженерное управление, Окружное военно-медицинское управление, Окружной инспектор военных госпиталей.

Командующий войсками округа назначался императором. Командующему военным округом подчинялись все войска округа. Положение определяло обязанности Командующего военными округами в мирное и военное время.

¹ Высочайше утвержденное Положение о Военно-окружных управлениях от 6 августа 1864 г. // ПСЗ РИ – 2. Т. 39. 1864. № 41162.

В мирное время Командующий военным округом:

- обеспечивал соблюдение военного законодательства;
- контролировать личный состав войск;
- поддержание воинской дисциплины;
- заботился об охране здоровья личного состава;
- контролировал размещение войск и их передвижения;
- контролировал состояние войск и правильное несение службы;
- наблюдал за правильным формированием войск и рекрутскими наборами;
- наблюдал за правильным следствием и судом в войсках;
- контролировал отделы военно-окружного управления;
- контролировал снабжение войск и содержание запасов;
- наблюдал за состоянием крепостей, зданий;
- осуществлял общий надзор за состоянием военно-учебных учреждений.

В военное время обязанности Командующего военным округом зависели от театра военных действий. В округе, объявленном на военном положении на Командующего возлагалось:

- обеспечение порядка в губерниях;
- надзирал за выполнением воинских повинностей.

Командующий военным округом обязан был лично или через других помощником инспектировать воинские части. Ежегодно Командующий отчитывался о состоянии дел в военном округе. Отчет подавался через военного министра Императору. Также Командующий военным округом подчинялся военному министру и отчитывался перед ним.

Положение о военно-окружных управлениях 1864 г. перечисляло права и обязанности всех должностных лиц военно-окружного управления: помощников командующего войсками округа и всех подразделений

Тогда же 6 августа 1864 г. были утверждены Положение об интендантских складах², Временное положение о начальнике военного госпиталя³, Положение об управлении пехотной и кавалерийской дивизии⁴, Положения об управлении местными войсками военного округа, о губернских батальонах и уездных командирах, о резервных батальонах пехотных и стрелковых⁵, дополнительные Правила об управлении войсками и учреждениями Петербургского военного округа⁶.

14 мая 1867 г. был принят «Военно-судебный устав»⁷. Устав закрепил структуру и компетенцию военных судов. В соответствии с Военно-судебным уставом были образованы

² Высочайше утвержденное Положение об интендантских складах от 6 августа 1864 г. // ПСЗ РИ – 2. Т. 39. 1864. № 41163

³ Высочайше утвержденное временное Положение о начальнике военного госпиталя от 6 августа 1864 г. // ПСЗ РИ – 2. Т. 39. 1864. № 41164

⁴ Высочайше утвержденное Положение об управлении пехотной и кавалерийской дивизии от 6 августа 1864 г. // ПСЗ РИ – 2. Т. 39. 1864. № 41165

⁵ Высочайше утвержденное Положения об управлении местными войсками военного округа, о губернских батальонах и уездных командирах, о резервных батальонах пехотных и стрелковых от 6 августа 1864 г. // ПСЗ РИ – 2. Т. 39. 1864. № 41166

⁶ Высочайше утвержденные дополнительные Правила об управлении войсками и учреждениями Петербургского военного округа от 6 августа 1864 г. // ПСЗ РИ – 2. Т. 39. 1864. № 41168

⁷ Высочайше утвержденный Военно-Судебный устав от 15 мая 1867 г. // ПСЗ РИ – 2. 1867. № 44575.

Главный военный суд, военно-окружные суды, полковые суды. Полковые и военно-окружные суды рассматривали дело по существу о виновности или невиновности подсудимого. Главный военный суд надзирал за точным и единообразным применением законодательства.

Для производства следствия создавались должности военных следователей. Для прокурорского надзора создавались должности Главного военного прокурора и военных прокуроров.

Полковые суды создавались при каждом полку или военной части и состоял из Председателя, которым был штаб-офицер и двух обер-офицеров в качестве членов суда.

Военно-окружной суд создавался в каждом военном округе. В состав военно-окружного суда входили постоянные и временные члены. Постоянными членами суда были председатель суда и судьи. Временные члены суда назначались от войск на 6 месяцев: два штаб-офицера и 4 обер-офицера. При каждом военно-окружном суде состоял военный прокурор.

Главный военный суд находился в Санкт-Петербурге, два его отделения находились в Сибири и на Кавказе. Главный военный суд и два его отделения состояли из Председателя и судей. При Главном военном суде состоял Главный военный прокурор.

Военно-судебный устав установил устройство военно-судебных мест, порядок проведения заседаний, перечислял полномочия должностных лиц, определял порядок следствия и судопроизводства.

15 мая 1867 г. был утвержден Военно-морской судебный устав⁸, установивший экипажные суды, военно-морские суды и главный военно-морской суд.

Одновременно проводились мероприятия по техническому перевооружению армии. В армии планомерно вводились новые стандарты обмундирования и вооружения. Так, в 1856 г. была разработана 6-линейная винтовка, которой впоследствии было вооружено более 250 тысяч человек. В 1866 г. были утверждены стандарты вооружения артиллерии. Артиллерийские части вооружались 4-фунтовыми и 9-фунтовыми нарезными пушками. Российский флот пополнился броненосцами.

1 января 1874 г. императором был подписан Манифест о введении всеобщей воинской повинности⁹. «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Все мужское население привлекается к отправлению воинской повинности» - говорилось в Манифесте¹⁰. Одновременно был утвержден Устав о воинской повинности¹¹.

Н.А. Маслов писал, что воинская повинность учитывала положительные стороны рекрутской повинности [Маслов, 2012].

В соответствии с Уставом 1874 г. рекрутские наборы отменялись и вводилась всеобщая воинская повинность для всего мужского населения без различия сословий. Призыву на военную службу подлежали мужчины с 20 лет. В каждом уезде создавались один или несколько призывных участков.

Устав определял сроки службы. В пехоте служили 15 лет, из них 6 лет действительной службы и 9 лет нахождения в запасе. На флоте срок службы составлял 10 лет: 7 лет на действительной службе и 3 года в запасе. Эти сроки действовали в мирное время. Во время

⁸ Высочайше утвержденный Военно-морской судебный устав от 15 мая 1867 г. // ПСЗ РИ – 2. 1867. № 44576

⁹ О введении всеобщей воинской повинности: манифест от 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ - 2. Т. 49. 1874. №52982.

¹⁰ О введении всеобщей воинской повинности: манифест от 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ - 2. Т. 49. 1874. №52982.

¹¹ О введении общей воинской повинности: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ - 2. Т. 49. №52983

войны служба длилась «пока того будет требовать государственная надобность». Срок службы мог быть сокращен в зависимости от образовательного ценза. Так, лица с высшим образованием служило полгода.

Проходя военную службу, лица сохраняли все личные и имущественные права. Во время службы лица освобождались от налогов и сборов.

Согласно Уставу 1874 г. имели отсрочки от службы лица, имеющие заболевания или телесные недостатки. Также устанавливались отсрочки до 2 лет по имущественным причинам: для лиц, управлявших собственным недвижимым имуществом, фабриками и промышленными предприятиями. От службы освобождались единственные кормильцы в семье при малолетних детях, преподаватели и доктора. Также от службы освобождалось духовенство.

За нарушение правил о воинской повинности предусматривалась ответственность в виде штрафов или арестов. Для военнотружущих отменялись телесные наказания.

В.И. Баяндин отмечал, что военная реформа имела важное значение в деле совершенствования армии России. Он писал, что большинство новобранцев поступало на службу в 20-21 год, поэтому возрастной состав армии стал более однородным, что положительно отразилось на физическом состоянии армии [Баяндин, 2011].

С.Н. Рудник писал, что принятие Устава вызвало бурную полемику между Военным министерством и сторонниками прежних порядков [Рудник, 2014].

Военный министр Д.А. Милютин также уделил внимание преобразованию военного образования. Были созданы юнкерские и военные училища. Профессиональный военный теперь получал теоретические знания, перед тем как отправиться на службу.

Заключение

За время проведения преобразований в военной сфере в 1862–1874 гг. численность солдат сократилась на 40%. В итоге рекрутские наборы были заменены всеобщей воинской повинностью. При этом была усовершенствована система военного управления, устранена излишняя централизация военного ведомства. Результаты военной реформы показала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. России удалось вернуть часть территорий, потерянных в ходе Крымской войны.

Библиография

1. Баяндин В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 18-21.
2. Высочайше утвержденное временное Положение о начальнике военного госпиталя от 6 августа 1864 г.
3. Высочайше утвержденное Положение о Военно-окружных управлениях от 6 августа 1864 г.
4. Высочайше утвержденное Положение об интендантских складах от 6 августа 1864 г.
5. Высочайше утвержденное Положение об управлении пехотной и кавалерийской дивизии от 6 августа 1864 г.
6. Высочайше утвержденное Положение об управлении местными войсками военного округа, о губернских батальонах и уездных командирах, о резервных батальонах пехотных и стрелковых от 6 августа 1864 г.
7. Высочайше утвержденные дополнительные Правила об управлении войсками и учреждениями Петербургского военного округа от 6 августа 1864 г.
8. Высочайше утвержденный Военно-морской судебный устав от 15 мая 1867 г.
9. Высочайше утвержденный Военно-Судебный устав от 15 мая 1867 г.
10. Купавых А.Н., Пыльцина М.В. Военная реформа Александра II: нормативно-правовая основа и значение преобразований // Концепт. 2017. Т. 39. С. 1366-1370.
11. Маслов Н.А. Субъект воинской обязанности в России в XIX-XX вв.: историко-правовое исследование // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 126-133.

12. О введении всеобщей воинской повинности: манифест от 1 января 1874 г.
13. О введении общей воинской повинности: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 января 1874 г.
14. Рудник С.Н. Особенности реформ 1860-1870-х гг. (на примере подготовки Устава о воинской повинности) // Модернизация в России: история, политика, образование. СПб., 2014. С. 16-24.

Legislative basis for the military reform of Alexander II

Evgenii A. Komandzhaev

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Kalmyk State University,
358000, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: komandzhaev@mail.ru

Ais V. Adzhaev

Master's Student,
Kalmyk State University,
358000, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: adzhaev.ays@mail.ru

Abstract

Currently, the Russian Federation is undergoing a gradual reform of the armed forces. The main goal of reforms in the military sphere is to optimize management, improve the training of military personnel and military personnel, and increase the prestige of military service. The modern reform project is in many ways reminiscent of the army reforms of the second half of the 19th century, the time of Alexander II. The reform of Alexander II affected not only the procedure for forming the army, but also the organizational, managerial and technical aspects of the army. At the same time, a number of important regulatory legal acts were adopted. The article is devoted to the study of the legislative basis of the military reform of Alexander II. Reforming the armed forces in the country is impossible without considering historical experience. The result of the military reform of Alexander II was a well-trained Russian army that met the requirements of the time. The reform affected not only the procedure for recruiting the army, but also the procedure for managing the armed forces and technical re-equipment. All transformations were based on well-prepared regulatory legal acts. The military command system was improved and excessive centralization of the military department was eliminated. The results of military reform were shown by the Russian-Turkish War of 1877–1878. Russia managed to regain some of the territories lost during the Crimean War.

For citation

Komandzhaev E.A., Adzhaev A.V. (2023) *Zakonodatel'nye osnovy voennoi reformy Aleksandra II [Legislative basis for the military reform of Alexander II]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2023.41.94.001*

Keywords

Military reform, military districts, command and control, Military-judicial regulations, universal conscription.

References

1. Bayandin V.I. (2011) Vseobshchaya voinskaya povinnost' kak chast' voennykh reform imperatora Aleksandra II [Universal conscription as part of the military reforms of Emperor Alexander II]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2, pp. 18-21.
2. Kupavykh A.N., Pyl'tsina M.V. (2017) Voennaya reforma Aleksandra II: normativno-pravovaya osnova i znachenie preobrazovaniy [Military reform of Alexander II: legal framework and significance of transformations]. *Kontsept* [Concept], 39, pp. 1366-1370.
3. Maslov N.A. (2012) Sub'ekt voinskoi obyazannosti v Rossii v XIX-XX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie [Subject of military duty in Russia in the 19th-20th centuries: historical and legal research]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 11, pp. 126-133.
4. *O vvedenii obshchei voinskoi povinnosti: vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 1 yanvarya 1874 g.* [On the introduction of general military service: the highly approved opinion of the State Council of January 1, 1874].
5. *O vvedenii vseobshchei voinskoi povinnosti: manifest ot 1 yanvarya 1874 g.* [On the introduction of universal military service: manifesto of January 1, 1874].
6. Rudnik S.N. (2014) Osobennosti reform 1860-1870-kh gg. (na primere podgotovki Ustava o voinskoi povinnosti) [Features of the reforms of the 1860-1870s. (using the example of the preparation of the Charter on military service)]. In: *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie* [Modernization in Russia: history, politics, education]. St. Petersburg.
7. *Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o Voенно-okruzhnykh upravleniyakh ot 6 avgusta 1864 g.* [The highly approved Regulations on Military District Directorates dated August 6, 1864].
8. *Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie ob intendantskikh skladakh ot 6 avgusta 1864 g.* [The highly approved Regulations on commissary warehouses dated August 6, 1864].
9. *Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii pekhotnoi i kavaleriiskoi divizii ot 6 avgusta 1864 g.* [The highly approved Regulations on the management of the infantry and cavalry divisions of August 6, 1864].
10. *Vysochaishe utverzhdennoe Polozheniye ob upravlenii mestnymi voiskami voennogo okruga, o gubernskikh batal'onakh i uezdnykh komandirakh, o rezervnykh batal'onakh pekhotnykh i strelkovykh ot 6 avgusta 1864 g.* [The highly approved Regulations on the management of local troops of the military district, on provincial battalions and district commanders, on reserve infantry and rifle battalions dated August 6, 1864].
11. *Vysochaishe utverzhdennoe vremennoe Polozhenie o nachal'nikе voennogo gospi'talya ot 6 avgusta 1864 g.* [The highly approved temporary Regulations on the head of a military hospital dated August 6, 1864].
12. *Vysochaishe utverzhdennye dopolnitel'nye Pravila ob upravlenii voiskami i uchrezhdeniyami Peterburgskogo voennogo okruga ot 6 avgusta 1864 g.* [Highly approved additional Rules on the management of troops and institutions of the St. Petersburg Military District of August 6, 1864].
13. *Vysochaishe utverzhdennyi Voенно-morskoi sudebnyi ustav ot 15 maya 1867 g.* [Highly approved Naval Judicial Charter of May 15, 1867].
14. *Vysochaishe utverzhdennyi Voенно-Sudebnyi ustav ot 15 maya 1867 g.* [Highly approved Military Judicial Charter of May 15, 1867].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.25.51.002

Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения

Петров Александр Васильевич

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой конституционного и муниципального права,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: avpetrov@unn.ru

Горбатова Марина Константиновна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: mk-g@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается соотношение между правовой действительностью, которая определяется как сфера проявления сущностного в праве и правовой реальностью, которая предстает как сфера непосредственного бытия права. В отличие от правовой действительности правовая реальность обременена различного рода аномалиями, которые стремится преодолеть для эффективного функционирования на основе необходимого и закономерного в праве. Отмечается особая роль в процессе преодоления аномалий права юридической науки и образования, которые, воздействуя на правовое практическое мышление, побуждают его к действиям в соответствии с открытыми сущностными характеристиками права. Показывается значение последних реформ в сфере высшего образования для прогрессивного развития правовой реальности. Нельзя недооценивать роль и значение юридической науки и юридического образования в процессе эффективного функционирования и прогрессивного развития правовой реальности. Именно через эти элементы правовой системы общества осуществляется преобразование правовой реальности в правовую действительность, где господствует не произвольное, случайное и стихийное, а сущностное, необходимое и закономерное в праве. Правовая реальность каждой страны – это система, которая преобразуется под влиянием различных экономических, политических идеологических процессов, доминирующих в обществе классов, социальных групп и страт, впитывая их соответствующие интересы. Наука и образование среди этих интересов далеко не всегда выступают как основной приоритет.

Для цитирования в научных исследованиях

Петров А.В., Горбатова М.К. Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 18-25. DOI: 10.34670/AR.2023.25.51.002

Ключевые слова

Сущность права, содержание права, закономерности права, правовая действительность, правовая реальность, юридическая наука и юридическое образование.

Введение

Все общественные явления имеют в основе общую сущность – социальную волю, т.е. осмысленное стремление людей к достижению социально значимых целей и соответствующих им результатов. Они также подразделяются на относительно самостоятельные сферы и группы в зависимости от качественной определенности социальной воли. Ее специфика обусловлена тем, что служит источником формирования данной социальной воли, какие субъекты являются ее основными носителями, в чем состоят ее конкретные предметные цели.

Основная часть

Социальная воля, лежащая в основе права, по этим параметрам отличается от волей, формирующих экономическую, политическую, нравственную, религиозную и иные сферы общественной жизни. Обозначим терминологически эту социальную волю как волю правовую и назовем ее основные особенности.

Во-первых, источником правовой воли служат социальные потребности, возникающие в среде предправовых общественных отношений. Это отношения различных сфер общественной жизни, обладающие для них особой значимостью, обеспечивающие их нормальное функционирование и потому нуждающиеся в закреплении необходимых форм и охране от возможных нарушений. Правовая воля возникает на основе не любых социальных связей, а только тех, которые имеют качество, потенциально позволяющее им стать отношениями правовыми.

Во-вторых, субъектом, носителем правовой воли выступает общество в целом, поскольку в упорядочении социальных связей заинтересованы все его социально ответственные субъекты. Однако общество, формирующее правовую волю, социально дифференцировано, разнородно. Поэтому основное бремя ответственности за формирование правовой воли всегда лежит на наиболее активной части общества, в качестве которой выступают доминирующие в нем социальные слои и группы. Правовая воля – это воля всех, но сконцентрированная в воле доминирующих в обществе социальных групп.

В-третьих, правовая воля в качестве особенной предметной цели имеет цель упорядочения общественных отношений, т.е. закрепление за ними необходимых для нормальной реализации форм и охраны от возможных нарушений. Это первичная цель правовой воли, тогда как ее основная цель заключается в достижении посредством упорядочения форм отношений баланса интересов основных социальных групп, личности и социальных институтов. Не достигая этого баланса в социально дифференцированном обществе, невозможно добиться его стабильного функционирования и развития.

Правовая воля в качестве сущности права, реализуя свои цели, воплощается в правовой деятельности субъектов социальной жизни, которая проявляется в виде разнообразных правовых явлений и процессов. Целостная совокупность этих явлений и процессов образует содержание права.

В отличие от наиболее распространенных в современной российской теории права позиций,

где категория содержания права вообще не фигурирует, либо появляется в виде содержания нормативных актов, полагаем, что содержание изучаемого явления – одна из ключевых категорий любой социальной теории и должна отдельно выделяться в ее понятийном ряду. А главное, что содержание может быть правильно понято только как производное от сущности предмета, в правовой теории – как сфера необходимых проявлений правовой воли, путь которой начинается с правовых потребностей и заканчивается достижением целей правовой воли.

На этом пути можно выделить ряд необходимых элементов содержания права и соответствующих этапов развертывания правовой воли. Это: осознание правовых потребностей и формирование правовой воли; создание нормативных предписаний и согласование их между собой; определение субъектов права и фиксация их правового статуса; установление юридических фактов и возникновение правоотношений; реализация субъективных прав и обязанностей и применение права; установление фактов правонарушений, определение и реализация юридической ответственности; наконец, формирования правопорядка и его обеспечение.

Указанные здесь структурные элементы, составляя этапы развертывания сущности права, последовательно переходят друг в друга, образуя с сущностной стороны замкнутый цикл возникновения правовых потребностей и их удовлетворения в достигнутых целях. Констатируем, что содержание права – это вся совокупность необходимых элементов содержания, ибо именно посредством этого целостного образования правовая воля достигает своих целей. Соответственно, отсутствие какого-либо из элементов или их определенной последовательности делает невозможным проявление сущности права и существование права как такового.

Представление о содержании права было бы неполным, если не обратить внимание на то, что связи между отдельными его элементами носят необходимый, устойчивый и существенный характер. Они поэтому могут рассматриваться как законы или закономерности права (здесь не проводится отмечаемое иногда в философской литературе различие между этими категориями), которые определяют необходимый порядок перехода одного элемента содержания права в другой. Этот порядок, наряду с последовательным набором элементов содержания права является неперенным условием адекватного достижения сущностью права – правовой волей своих целей.

Закономерности права как устойчивые и необходимые связи между отдельными элементами содержания, проявляются на разных уровнях содержания права. Можно выделить закономерности, которые относятся к отдельным элементам права, например, закономерная связь между гипотезой, диспозицией и санкцией юридической нормы, или связь между элементами состава правонарушения.

Есть закономерности, которые относятся к содержанию права в целом и носят в этом плане всеобщий характер. К ним относятся: закон адекватности отражения правовых потребностей в содержании и формах юридических норм; закон согласованности системы юридических норм, правильного распределения по институтам и отраслям права; закон эффективной реализации юридических норм, законности применения права; закон неотвратимости ответственности при совершении правонарушения; закон соответствия правопорядка правовым потребностям общества.

Отметим на полях, что категория закономерностей или законов права, так же, как и категория содержания права, не получила адекватного отражения в современной российской юридической литературе, и это при общем посыле, что основным предметом, скажем, теории

права, является изучение закономерностей права.

В рамках настоящей статьи нас интересует не категория закономерностей или законов права сама по себе. Здесь важно показать, что правовые явления общества образуют нечто единое целое, единство которого определено сущностью права – правовой волей, а целостность – последовательным ее развертыванием или проявлением в виде необходимого содержания и закономерностей права. Это единое целое существует как самостоятельная сфера общественной жизни, отличаясь по своим параметрам от других ее сфер, и выполняет особую социальную миссию, функционируя в процессе достижения целей правовой воли.

Это имманентное единство сущности и ее проявлений в соответствии с философской понятийной системой прямо обозначать категорией действительности. «Действительность, – как пишет Г.В.Ф. Гегель, – есть ставшее непосредственным единство сущности и существования или внутреннего и внешнего. Обнаружение действительного есть само действительное, так что оно в этом обнаружении также остается существенным и лишь постольку существенно, поскольку оно имеется в непосредственном внешнем существовании» [Гегель, 1974, 312-313].

Правовая действительность – это сфера проявления существенного в праве, т.е. необходимого и закономерного в нем. Акцентируем внимание на этом потому, что правовую действительность нельзя отождествлять со всем существующим в праве, и представлять дело таким образом, что все непосредственное бытие правовых явлений есть их действительное бытие. Как верно отмечает В.М. Сырых «правовая действительность представляет собой не любое реально сущее, или, по образному выражению Г. Гегеля, «вульгарную действительность наличного бытия», а лишь правовые явления и процессы, полностью соответствующие закономерному и необходимому» [Сырых, 2000, 126].

Несоответствие правовых явлений сущностному и закономерному связано с наличием различных аномалий права. Они приводят к искажению элементов содержания права, их связей между собой, а в итоге – к невозможности адекватной реализации целей правовой воли как сущности права. По отношению к сущностным сторонам права аномалии носят случайный характер, но они есть и их существование обуславливают определенные объективные и субъективные причины.

В частности, объективными причинами существования аномалий права могут быть кризисное состояние общественной системы в целом или ее отдельных блоков; превалирование над правом экономических, политических и иных процессов; неблагоприятные внешние условия и др. Субъективными причинами аномалий права могут быть доминирование частных интересов в противовес общим; низкий уровень культуры населения; отсутствие стремления к созиданию права и др.

Правовую действительность как выражающую необходимое и закономерное, т.е. существенное в праве следует поэтому отличать от правовой реальности, составляющей срез непосредственного бытия правовых явлений. Правовая реальность – это смешанный поток существенного и несущественного, необходимого и случайного, закономерного и стихийного, в котором действительное существует как сторона и потенция развития. Этот смешанный поток образуется потому, что существенное в праве всегда является наряду с искаженными аномалиями сторонами права.

Правовая реальность имеет внутреннюю потенцию к тому, чтобы все ее элементы, связи и стороны приобретали характер действительных. Эта потенция объективна и существует потому, что достижение целей правовой воли и соответственно эффективное функционирование права

достигается только при приближении его к параметрам правовой действительности.

Процесс замещения аномальных элементов и связей правовой реальности на действительные осуществляется отчасти естественным, стихийным путем. Этот путь далеко не всегда бывает продуктивным и приводит к необходимым результатам, поскольку реализуется главным образом методом проб и ошибок и путем накопления не всегда позитивного опыта. В то же время есть путь разумности, основанный на понимании того, что за существующей реальностью нужно вскрыть элементы действительного и воплотить их в практической деятельности. Он реализуется путем возникновения и развития различных форм правосознания, прежде всего юридической науки и юридического образования [Петров, 2016, 215-221].

Понимание сущности, содержания, форм, закономерностей права и других элементов правовой действительности достигается в основном на уровне юридической науки. Это знание не остается неизменным, исторически меняясь в сторону все большего приближения к истинному отражению. Неизменным не остается и юридическое образование, содержание которого меняется в соответствии с достижениями юридической науки, а формы и методы – в сторону большей эффективности.

Эти процессы в силу разных причин не всегда имеют исключительно прогрессивную направленность. Рассмотрим последние тенденции в развитии российского высшего юридического образования. Было признано, что за последние десятилетия направленность российского высшего образования на следование принципам Болонского процесса не дало ожидаемых позитивных результатов и не привело к существенному возрастанию уровня высшего образования в стране [Парламентские слушания..., www].

С позиции юридического образования, то за это время вузы не смогли самостоятельно проводить конкурсный отбор абитуриентов и, следовательно, определять необходимый для получения юридического образования уровень и стиль рационального мышления, а также гражданских и нравственных качеств поступающего.

Вузы получили нечеткие стандарты обучения, которые не фиксируют ни номенклатуру, ни объемы, ни последовательность предметов, необходимых для формирования профессионального юридического мышления. Каждый вуз самостоятельно выбирает соответствующую его возможностям траекторию и готовит юристов по-своему, в отличие, скажем, от юридического образования в советский период. Это при сохраняющейся необходимости обеспечить единство правовой системы страны, которое становится труднодостижимо при наличии разноподготовленных юристов.

По мнению авторов, юридическое образование явно снизило уровень фундаментальности, сократив или просто исключив дисциплины теоретического характера. Они активно замещаются дисциплинами узкого, прикладного характера. Вместе с фундаментальностью юридическое образование теряет и признак универсальности. Полагаем, что наличие в этом смысла для юридической практики далеко не очевидно.

Есть в этом направлении и позитивные тенденции. Указом Президента РФ объявлено об осуществлении пилотного проекта, направленного на изменение уровней высшего образования. Определены вузы участвующие в пилотном проекте и основные его задачи [Апольский, 2023].

Заключение

В рамках заявленной темы статьи остается отметить, что нельзя недооценивать роль и значение юридической науки и юридического образования в процессе эффективного функционирования и прогрессивного развития правовой реальности. Именно через эти

элементы правовой системы общества осуществляется преобразование правовой реальности в правовую действительность, где господствует не произвольное, случайное и стихийное, а сущностное, необходимое и закономерное в праве.

В то же время нужно понимать, что степень влияния юридической науки и образования на правовую практическую деятельность зависит не только от их состояния. Существенную роль здесь играет способность и стремление практического мышления, прежде всего работников сферы юриспруденции, воспринимать достижения юридической науки и проводить их в своей практической деятельности.

Правовая реальность каждой страны – это система, которая преобразуется под влиянием различных экономических, политических идеологических процессов, доминирующих в обществе классов, социальных групп и страт, впитывая их соответствующие интересы. Наука и образование среди этих интересов далеко не всегда выступают как основной приоритет. Поэтому для продвижения правовой реальности к правовой действительности необходимо не только развитие юридической науки и образования, но и создание системы устойчивых стимулов восприятия их правовой практической сферой.

Природу юридического явления можно установить лишь посредством научного анализа, определения места и закономерных связей в содержании права, а откорректировать при необходимости – путем продуктивной работы различных форм юридического образования в тесном взаимодействии с правовым практическим мышлением.

Библиография

1. Апольский Е.А. Категория «правосознание» в современном теоретико-правовом дискурсе: гносеологическое измерение // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 39-41.
2. Аржиловский Д.Е. Профессиональное толкование в системе российского права // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 48-49.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
4. Егоров А.М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности // Метаморфозы истории. 2022. № 25. С. 6.
5. Егоров А.М. Средневековая юстиция и иностранцы на северо-западе Руси // Родина. 2003. № 12. С. 80.
6. Парламентские слушания по вопросам развития системы высшего образования в России 27 июня 2023 года. URL: <http://duma.gov.ru/news/54725/>
7. Петров А.В. О содержании категории правосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 253-258.
8. Самигуллин В.К. Правовая традиция как уникальный социальный феномен // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). С. 45-46.
9. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. 528 с.
10. Терентьев А.С. Правотворческая деятельность ООН как основа защиты прав и свобод человека в современном мире // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169). С. 105-107.
11. Указ Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» от 12 мая 2023 года.
12. Чешин А.В. Гражданско-правовые договоры в инвестиционной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 186-192.
13. Шолохов А.В. Магистр профессионального образования в области правоведения как системообразующий элемент кадрового состава учреждений среднего юридического образования // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 429-431.
14. Khodkovskaya Yu.V. A new paradigm of interaction between education, science and production: transformation of competencies // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). P. 386-388.

Legal reality and legal existence: correlation problems**Aleksandr V. Petrov**

PhD in Law, Associate Professor,
Head of Department of Constitutional and Municipal Law,
National Research Nizhny Novgorod State University,
603950, 23, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: avpetrov@unn.ru

Marina K. Gorbatova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law,
National Research Nizhny Novgorod State University,
603950, 23, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: mk-g@mail.ru

Abstract

The article examines the relationship between legal reality, which is defined as the sphere of manifestation of the essential in law and legal existence, which appears as the sphere of the direct life of law. Unlike legal reality, legal existence is burdened with various kinds of anomalies, which it seeks to overcome in order to function effectively on the basis of what is necessary and natural in law. A special role is noted in the process of overcoming the anomalies of law of legal science and education, which, influencing legal practical thinking, encourage it to act in accordance with the open essential characteristics of law. The importance of recent reforms in the field of higher education for the progressive development of legal existence is shown. The role and importance of legal science and legal education in the process of effective functioning and progressive development of legal reality cannot be underestimated. It is through these elements of the legal system of society that the transformation of legal reality into legal reality is carried out, where it is not the arbitrary, accidental and spontaneous that prevails, but the essential, necessary and natural in law. The legal reality of each country is a system that is transformed under the influence of various economic, political ideological processes, dominant classes, social groups and strata in society, absorbing their respective interests. Among these interests, science and education are not always the main priority.

For citation

Petrov A.V., Gorbatova M.K. (2023) Pravovaya deistvitel'nost' i pravovaya real'nost': problemy sootnosheniya [Legal reality and legal existence: correlation problems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 18-25. DOI: 10.34670/AR.2023.25.51.002

Keywords

The essence of law, the content of law, the order in law, legal reality, legal existence, legal science and legal education.

References

1. Apol'skii E.A. (2023) Kategoriya «pravosoznanie» v sovremennom teoretiko-pravovom diskurse: gnoseologicheskoe izmerenie [The category of “legal consciousness” in modern theoretical and legal discourse: epistemological dimension]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 7 (182), pp. 39-41.
2. Arzhilovskii D.E. (2023) Professional'noe tolkovanie v sisteme rossiiskogo prava [Professional interpretation in the system of Russian law]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2 (177), pp. 48-49.
3. Cheshin A.V. (2023) Grazhdansko-pravovye dogovory v investitsionnoi deyatelnosti [Civil law contracts in investment activities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13, 4-1, pp. 186-192.
4. Egorov A.M. (2022) Problema sokhraneniya istoricheskoi pamyati v kontekste sovremennosti [The problem of preserving historical memory in the context of modernity]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of history], 25, p. 6.
5. Egorov A.M. (2003) Srednevekovaya yustitsiya i inostrantsy na severo-zapade Rusi [Medieval justice and foreigners in the north-west of Rus]. *Rodina* [Motherland], 12, p. 80.
6. Hegel G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of logic]. Moscow: Mysl' Publ.
7. Khodkovskaya Yu.V. (2022) A new paradigm of interaction between education, science and production: transformation of competencies. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 11 (174), pp. 386-388.
8. *Parlamentskie slushaniya po voprosam razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii 27 iyunya 2023 goda* [Parliamentary hearings on the development of the higher education system in Russia on June 27, 2023]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/54725/> [Accessed 10/10/2023]
9. Petrov A.V. (2016) O sodержanii kategorii pravosoznaniya [On the content of the category of legal consciousness]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University], 5, pp. 253-258.
10. Samigullin V.K. (2022) Pravovaya traditsiya kak unikal'nyi sotsial'nyi fenomen [Legal tradition as a unique social phenomenon]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 11 (174), pp. 45-46.
11. Sholokhov A.V. (2021) Magistr professional'nogo obrazovaniya v oblasti pravovedeniya kak sistemoobrazuyushchii element kadrovogo sostava uchrezhdenii srednego yuridicheskogo obrazovaniya [Master of professional education in the field of jurisprudence as a system-forming element of the personnel of institutions of secondary legal education]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 5 (156), pp. 429-431.
12. Strykh V.M. (2000) *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava. T. 1. Elementnyi sostav* [Logical foundations of the general theory of law. Vol. 1. Elemental composition]. Moscow: Yustitsinform Publ.
13. Terent'ev A.S. (2022) Pravotvorcheskaya deyatelnost' OON kak osnova zashchity prav i svobod cheloveka v sovremennom mire [Law-making activity of the UN as the basis for the protection of human rights and freedoms in the modern world]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 6 (169), pp. 105-107.
14. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii «O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya sistemy vysshego obrazovaniya» ot 12 maya 2023 goda* [Decree of the President of the Russian Federation “On some issues of improving the higher education system” dated May 12, 2023].

УДК 37.014

DOI: 10.34670/AR.2023.97.18.003

**Проблемы боевой подготовки пограничников
на фронте и пути их решения
в годы войны за Отечество (1941-1945)**

Михайлов Александр Николаевич

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры технологического менеджмента
и социально-экономических дисциплин,
Региональный институт в г. Темрюке,
Московский государственный университет технологий и управления,
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: ord@mgutm.ru

Денисенко Светлана Евгеньевна

Кандидат социологических наук,
заместитель директора по учебной и организационной работе,
Кубанский казачий государственный университет
пищевой индустрии и бизнеса,
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: temryuk@mgutm.ru

Аннотация

В научной статье боевая подготовка рассматривается как важный фактор успешного решения служебно-боевых задач поставленных перед пограничниками на фронте в годы войны за Отечество. В ней освещены вопросы перестройки боевой подготовки пограничников в первом периоде войны, совершенствование и развитие системы боевой подготовки в последующие годы войны. Обобщен опыт по организации и проведению боевой подготовки пограничников действующих в различных структурах и органах в военное время. Показано, что за годы войны в большинстве фронтов и армий, в составе которых действовали пограничники, боевая подготовка планировалась и проводилась на протяжении всей войны. На время перерывов между боями четко ставились конкретные задачи. На периоды подготовки боя или операции и на каждое учение строго определялся перечень тактических задач, которые соединения и части должны были обязательно отработать. Больше внимание стали уделять тактическим учениям с боевой стрельбой артиллерии, минометов, танков и стрелкового оружия. В действующей армии формы и методы боевого обучения пограничников развивались и совершенствовались в системе боевой подготовки Красной Армии. Пограничники усваивали знания, им прививались навыки и формировались умения действовать в основных видах и приемах боя. Общим и неизменным правилом оставалось стремление пограничников обобщать боевой опыт, улучшать приемы взаимодействия, лучше овладевать техникой.

Для цитирования в научных исследованиях

Михайлов А.Н., Денисенко С.Е. Проблемы боевой подготовки пограничников на фронте и пути их решения в годы войны за Отечество (1941-1945) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2023.97.18.003

Ключевые слова

Боевая подготовка, система боевой подготовки, перестройка боевой подготовки, содержание и методика обучения, принципы обучения, методы воспитания, опыт боевой подготовки, боевая учеба, полевая выучка, структуры боевой подготовки.

Введение

Великая Отечественная война явилась тяжелейшим испытанием для всего нашего народа и его Вооруженных Сил. Путь к победе был необычайно труден и тернист. Потребовались титанические усилия, величайшее мужество, колоссальные жертвы и лишения, чтобы разгромить такого опасного и сильного противника, как гитлеровская Германия.

История Великой Отечественной войны наглядно показывает, что в достижении победы, наряду с другими постоянно действующими факторами, решающую роль играли уровень подготовленности войск, качество их боевой выучки.

Анализ научно-исторической литературы показал, что многие проблемы боевой, служебной и оперативной деятельности пограничных войск в годы Великой Отечественной войны достаточно освещены и разработаны в исследованиях и работах таких ученых и публицистов, как Г.П. Сечкин, В.С. Иванов, Ю.Г. Кисловский, А.И. Чугунов и др. Однако, в общем объеме литературы, посвященной истории Великой Отечественной войны, исследования по проблемам боевой подготовки пограничников занимают незначительное место.

Наше исследование показало, что проблемы боевой подготовки пограничников начались рассматриваться и изучаться непосредственно в годы Великой Отечественной войны. В журналах и газетах публиковались статьи об опыте боевого обучения пограничников, помещались методические советы и рекомендации организации и методики боевой подготовки [Гульев, 1943; Дерман, 1944; Котов, 1942; Яковлев, 1944 и др.].

Основная часть

Одной из первых работ, посвященных истории подготовки пограничников в масштабе всей страны, явился труд Управления подготовки и службы войск Главного штаба ФПС России «Подготовка российских пограничников: история и современность (1827-2001)». В научном труде, в частности, были рассмотрены содержание и некоторые аспекты методики боевой подготовки пограничных войск в годы Великой Отечественной войны [Лепешкин, 2002].

Для первого десятилетия XXI века заметными оказались результаты исследований авторского коллектива об участии пограничных войск во второй мировой войне. Широкой читательской аудитории была представлена книга «Испытанные войной. Пограничные войска (1939-1945)» [Испытанные войной, 2008].

В историческом труде была создана более полная картина участия пограничных войск в войне. В книге показаны роль и место пограничников в условиях военного времени, их героизм, отвага, доблесть и беспримерная стойкость во имя независимости Родины.

Раскрываются многие проблемы служебно-боевой деятельности пограничников, в частности, организация и содержание боевой подготовки пограничников накануне войны, а также подготовка кадров командно-начальствующего состава в ходе войны.

Одновременно в книге остались нераскрытыми особенности боевой подготовки подразделений и частей пограничных войск, участвующих в боях на фронте, обеспечивающих охрану тыла действующей армии, а также охраняющих государственную границу во время войны.

Продолжая работу предшествовавших исследователей, нами боевая подготовка пограничников рассматривается как важный фактор успешного боевого применения пограничных войск в годы Великой Отечественной войны. Наши основные усилия были сосредоточены на том, чтобы на фоне конкретных военных событий показать роль и место боевой подготовки в общем процессе служебно-боевой деятельности пограничных войск.

22 июня 1941 года в 4 часа по московскому времени авиацией и артиллерией фашистской Германии были нанесены массированные огневые удары по территории СССР на глубину 250-300 километров от государственной границы. Началась Великая Отечественная война.

«Война не была внезапной, ее ждали, к ней готовились. Но удар нацистов был действительно невиданной в истории разрушительной мощи. 22 июня 1941 года Советский Союз столкнулся с самой сильной и обученной армией мира, на которую работал промышленный, экономический, военный потенциал практически всей Европы. В этом смертоносном нашествии принял участие не только вермахт, но и сателлиты Германии, воинские контингенты многих других государств европейского континента» [Путин, www].

В боях на линии границы пограничники показали высокие морально-боевые качества. Вооруженные лишь стрелковым оружием, они мужественно встречали врага, проявляли массовый героизм.

В приграничных сражениях пограничные войска понесли самые тяжелые потери за всю войну. При выводе пограничных частей из боев, они включались в состав общевойсковых соединений, а также приступали к охране тыла фронта. Часть пограничников, уцелевших после первых боев на границе, приняли участие в партизанском движении [Сечкин, 1993].

Фронт непрерывно требовал большего количества хорошо подготовленных людских пополнений, способных в кратчайшие сроки включиться в боевые действия. Так было «в июле-августе 1942 г., когда из пограничных войск во исполнение постановления ГКО было передано в Красную Армию 4500 сержантов и рядовых для формирования гвардейских минометных частей» [Михайлов, Липатников, 2016, 95].

Всего за годы войны пограничные войска передали на формирование общевойсковых соединений около 100 тысяч человек. Непосредственно в боях на фронте приняло участие 113 тысяч пограничников, в том числе 19 065 офицеров и генералов [Петров, 2017].

В целях стабилизации положения на фронте летом и осенью 1941 года советское руководство предприняло срочные меры по усилению группировок войск, частичному восполнению понесенных потерь, подготовке резервов.

В первые месяцы войны пополнения, прибывавшие на фронт, сразу же направлялись в действующие части. В последующем, личный состав, поступавший из учебных центров и учебных частей, направлялся во фронтовые запасные части. Здесь воины проходили краткую (10–14 дней) доподготовку в соответствии с конкретными требованиями данного фронта, устраняли недостатки в обучении, выявленные на смотрах при приеме пополнения. И уже после этого направлялись в действующие части.

В ходе боевой подготовки пограничников, «практиковалось увеличение продолжительности учебного дня, повышение интенсивности обучения, совмещение одиночного обучения со слаживанием подразделений. Основным методом обучения личного состава являлся четкий и наглядный показ, сопровождаемый кратким пояснением способов применения оружия и боевой техники непосредственно на поле боя. Широкое распространение получило индивидуальное боевое наставничество» [Дерман, 1944, 37].

Обучение пограничников не ограничивалось временем их пребывания в запасных и учебных частях. Оно продолжалось и в пути следования на фронт. Например, в Хабаровском и Приморском пограничных округах, «...был установлен следующий порядок организации боевой учебы пополнения при отправке его на фронт: в период подготовки к отправке командиры подразделений готовили расписание занятий по боевой и политической подготовке в пути следования эшелона.

Расписание составлялось на 10-15 дней и предусматривало минимум 6 часов групповых и индивидуальных занятий в день. Обучение в пути следования на фронт проводилось, главным образом, для закрепления знаний бойцов и младших командиров по отдельным, слабо усвоенным вопросам». [Михайлов, Липатников, 2016, 179].

Боевая подготовка пограничников на фронте носила специфический характер: она подчинялась непосредственным боевым действиям и определялась ими. Процесс боевого обучения пограничников проходил в системе боевой подготовки Красной Армии.

Во время войны большое значение для боевой подготовки имели сами боевые действия. И действительно, именно в бою пограничники мужали духовно, оттачивали свое мастерство, набирались боевого опыта. Приобретаемый в ожесточенных сражениях фронтовой опыт становился все более надежным подспорьем. Он укреплял уверенность пограничников в себе и в своем оружии.

В трудные 1941 и 1942 годы боевая подготовка на фронте проводилась в ограниченные сроки. В этих условиях обучение бойцов и командиров очень часто велось методами краткого инструктажа. Но, и в этот период, где позволяла обстановка, обучение проходило в форме сборов и плановых занятий. Так, во время подготовки войск Закавказского фронта к наступлению в конце 1942 года офицеры всех родов войск на специальных семинарах, сборах, тактических занятиях изучали особенности предполагаемых боевых действий.

«Командиры частей и подразделений, в составе которых были и пограничники, изучали способы форсирования водных преград, готовились к прорыву сильно укрепленной обороны противника, учились руководству уличными боями, ведению боевых действий в условиях горно-лесистой местности. Личный состав изучал тактику горного боя, саперное дело.

В частях и соединениях были организованы тренировки войск на специально оборудованных учебных полях. Горнострелковые части во время боевой учебы практически учились преодолевать препятствия, вести боевые действия в горах. Психологическая подготовка направлялась на обеспечение высокого наступательного духа личного состава» [Михайлов, 2020, 73].

С начала войны и до середины 1942 года соединения, понесшие на фронтах большие потери, в большинстве своем не доукомплектовывались, а использовались для пополнения вновь формируемых дивизий и бригад, что себя не оправдало. В последующем, понесшие потери соединения и части не расформировывались, а выводились в тыл для доукомплектования личным составом и вооружением. Это давало возможность сохранить имеющие боевой опыт органы управления, костяк личного состава и в более короткие сроки подготовить боеспособные

соединения. Пограничные соединения и части в полном составе выводились в учебные центры, где они получали новое вооружение, пополнялись личным составом и проходили боевое слаживание.

К концу 1942 года в Красной Армии прочно сложились основные требования и принципы боевой подготовки войск, командного состава и штабов в военное время. На этой основе появилась возможность осуществления целенаправленной, более эффективной боевой подготовки пограничников в действующей армии применительно к изменяющимся условиям ведения войны в целом и характеру выполняемых задач.

Был накоплен ценный опыт в проведении мероприятий боевой подготовки непосредственно в боевых условиях, повысилось методическое мастерство офицерского состава, что позволило перейти к более совершенным и действенным формам и методам боевого обучения пограничников.

Во втором периоде войны Красная Армия накопила богатый опыт подготовки и проведения не только оборонительных, но и наступательных операций на большую глубину и с решительными целями. Это определило и совершенно иной подход к подготовке войск и штабов. Ставка Верховного Главнокомандования (Ставка ВГК) в директиве от 23 апреля 1943 года «потребовала более эффективно готовить войска, командиров и штабы к наступательному бою и операции, к прорыву оборонительной полосы противника, быстрому закреплению захваченных рубежей, отражению контрударов врага, противодействию массированным ударам его танков, авиации и к ночным действиям» [Петров, 2017, 215].

С переходом стратегической инициативы к нашим войскам, после Сталинградской битвы, боевая подготовка войск приобрела более конкретный и целеустремленный характер, организация и методика основательно изменились.

С введением новых уставов в, были полностью пересмотрены программы по боевой подготовке. Программы по боевой подготовке пограничных частях и соединениях, действующих на фронте, были приведены в соответствие с требованиями нового Устава и вводились в действие с 1 января 1943 года. С учетом фронтового опыта перестраивалась тактическая, огневая и саперная подготовка. По огневой подготовке вводились два дополнительных упражнения боевых стрельб, в том числе в составе подразделения.

Появилась возможность выводить соединения первого оперативного эшелона для боевого обучения в тыловые районы. На учебных полях создавались такие же фортификационные сооружения, какие были обнаружены во вражеской обороне. Части и подразделения обучались в том составе, в каком им предстояло действовать в бою.

В третий период войны наши войска вели преимущественно наступательные операции, причем активность их значительно возросла, длительных оперативных пауз стало меньше. В этих условиях определяющим в боевой подготовке войск и органов управления стал фактор времени.

Ставка ВГК и Генштаб постоянно учитывали эту особенность. Как только на том или другом участке советско-германского фронта обозначалась пауза в боевых действиях, командующие получали конкретные указания по боевой и оперативной подготовке.

В 1944-1945 годы опыт многих частей доказал, что на фронте наилучшие результаты в боевой подготовке давал групповой метод занятий. Особенно важно, чтобы в каждом стрелковом подразделении были представлены другие рода войск.

Чтобы полнее усвоить тактико-технические данные огневых средств и танков в полках 162-й Среднеазиатской дивизии (сформированной из пограничников) 70-й Армии применили

следующий метод. «На групповом занятии каждый командир стрелкового батальона принимал решение за начальника штаба танкового подразделения. Присутствовавший на этом занятии офицер-артиллерист или танкист оказывал общевойсковому командиру необходимую помощь. Таким образом, на занятиях был установлен тесный контакт между пехотными офицерами и командирами специальных подразделений.

Вся учеба строилась на принципе всесторонней подготовки к решению ближайшей боевой задачи. Применительно к каждой воинской части эта задача еще более конкретизировалась. Если одни части учились прорывать вражескую оборону, то другие осваивали бой в глубине, а третьи учились действовать в преследовании. Словом, в первую очередь изучались именно те виды боев, которые должна будет вести данная часть.

Следует отметить еще одну важную деталь. Проработка каждой тактической темы планировалась с таким расчетом, чтобы упреждать план занятий в подразделениях. Если, скажем, завтра бойцам предстояло заниматься атакой переднего края, то сегодня офицеры уже сдают зачет по этой теме. При такой постановке дела учеба в подразделениях проходила на высоком уровне» [Яковлев, 1944, 16-17].

В огневой подготовке повысилась роль упражнений. Особо следует остановиться на вопросах огневой поддержки атаки и, в частности, на обучении приемам стрельбы на ходу.

Фронтный опыт показывал, что при наступлении ручным пулеметчикам часто приходилось менять огневые позиции. Это приводило к заметному ослаблению огня. Если в период наступления подобного рода паузы компенсировались стрельбой артиллерии, минометов, станковых пулеметов, то с началом атаки пехота должна была опираться на помощь своего огня. Вот почему особенно стало важным, чтобы не только стрелки, но и ручные пулеметчики умели вести меткую стрельбу с хода.

На заключительном этапе войны многие части на фронте тренировки по управлению подразделениями и огнем стали проводить на ящике с песком, который оборудовался с учетом характера той местности, на которой предстояло действовать в бою.

Отличительной чертой всех учений, проводимых во фронтовой обстановке, была их целеустремленность, конкретность и максимальное приближение обучения к действительным условиям той боевой задачи, которую непосредственно предстояло выполнять войскам. При подготовке к наступлению в ближайшем тылу оборудовались примерно такие же опорные пункты, какие были у противника, и войска тренировались в их штурме и преодолении. В обороне систематически отрабатывались: отражение атак противника и методика контратак, а также маневр резервами на угрожаемые направления.

На все батальонные, полковые и дивизионные тактические учения привлекались артиллерийские, инженерные части и другие средства усиления, которые должны были совместно выполнять боевые задачи. Это давало возможность командирам взаимодействующих частей более согласованно действовать в бою.

Большое значение для обучения и морально-боевой закалки пограничников, которые воевали в составе стрелковых частей и соединений, имели учения с боевой стрельбой, атака за огненным валом, обкатка танками пехоты, находящейся в траншеях и окопах, метание боевых гранат, создание противотанковых, противопехотных заграждений и их преодоление. Все учения, в том числе и в глубоком тылу, проводились на местности, оборудованной в инженерном отношении применительно к обороне, создаваемой противником на фронте [Михайлов, 2017].

Победоносное завершение Великой Отечественной войны в мае 1945 года связано с

блестяще проведенной операцией по уничтожению последнего оплота фашизма – берлинской группировки. «В целях всесторонней подготовки к наступлению, изготовили точный макет города с его пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в городе.

Были проведены командные игры на картах и на макетах Берлина во фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных звеньях и в частях всех родов войск. В пограничных частях, участвующих в штурме Берлина, была организована подготовка с целью отработать предстоящие действия, помочь полнее представить развитие событий и обстановку и, тем самым, укрепить психологическую готовность личного состава к активным боевым действиям. Пограничников обучали форсированию водной преграды, ведению боевых действий в городе, в лесу, ночью. Кроме того, они учились взаимодействовать в бою» [Михайлов, 2020, 83].

Из приведенных фактов видно, что самыми характерными особенностями боевой подготовки в то время были максимальное их приближение к решаемым задачам, значительно возросшая интенсивность, более широкий диапазон применяемых форм и методов обучения, целенаправленность в изучении и использовании опыта войны.

Тактические учения были основной формой обучения войск и в военных округах, которые сыграли большую роль в подготовке резервов для фронта. Действующая армия непрерывно требовала пополнения. Поэтому обучать вновь формируемые части и соединения приходилось в короткие сроки, делая основной упор на практическую отработку тех тактических задач, которые на том или ином этапе войны приобретали решающее значение.

В годы Великой Отечественной войны наряду с участием в боевых действиях, пограничники выполняли ряд специальных задач. Учитывая специальную подготовку пограничных войск, их опыт борьбы со шпионами и диверсантами, на них была возложена задача по охране тыла фронтов Действующей Армии.

В соответствии с приказанием заместителя народного комиссара внутренних дел по войскам генерал-лейтенанта И.И. Масленникова от 26 июня 1941 г. № 31 «все войска НКВД (пограничные, оперативные, по охране особо важных предприятий промышленности, по охране железнодорожных сооружений, конвойные), оказавшиеся в районе боевых действий, были привлечены к охране тыла действующей Красной армии.

Из состава пограничных войск были выделены следующие силы для охраны прифронтовой полосы: 48 пограничных отрядов, 10 отдельных комендатур, 4 резервных пограничных полка, отдельные резервные батальоны общей численностью 58 049 человек» [Сечкин, 1993, 281].

Руководство деятельностью пограничных частей и подразделений в пределах фронта осуществлял начальник Управления пограничных войск НКВД по охране тыла, который в оперативном отношении подчинялся Военному совету фронта.

Пограничные части действовали в соответствии с инструкцией о службе заставы по охране войскового тыла Западного фронта действующей Красной армии, которая определяла задачи этого войскового наряда: «обеспечение строжайшего порядка в населенных пунктах и на основных коммуникациях; уничтожение банд, парашютных десантов и отдельных диверсантов, забрасываемых в тыл; обеспечение охраны мостов и проводной связи; поддержание дорог прифронтовой полосы в состоянии, обеспечивающем нормальное движение по ним частей Красной армии» [Лепешкин, 2002, 95].

Опыт применения войск по охране тыла фронтов Действующей Армии показал, что для них основной формой выполнения задач являлась специальная (чекистско-войсковая) операция по очистке тыла фронта, в ходе которой ликвидировалась агентура, диверсионно-

разведывательные группы и другие отряды противника. В рамках проводимых специальных операций отработывались и совершенствовались различные методы и способы действий войск.

В ходе нашего исследования установлено, что боевая подготовка внутренних войск (в их составе пограничных частей и подразделений) была разделена на заблаговременную и непосредственную. Заблаговременная подготовка проводилась при повседневной деятельности войск в целях организованного и быстрого привлечения соединений и воинских частей к выполнению задач, обеспечения слаженной работы командиров и штабов, согласования сил и средств, принимавших участие в выполнении служебно-боевых задач. Непосредственная подготовка соединений и воинских частей проводилась с получением конкретной задачи.

В системе боевой подготовки по формированию у пограничников профессиональных качеств и изучения тактики действий агентов противника командиры частей и подразделений активно использовали служебные совещания, на которых доводились и разъяснялись приказы, обзоры, сообщались новые факты о тактике действия врага, анализировались недостатки в действиях служебных нарядов.

В первые месяцы войны в боевой учебе пограничников имели место трудности и недостатки. В некоторых подразделениях подготовка личного состава к борьбе с танками противника практически не началась, в частности, не было налажено обучение правилам применения в бою бутылок с зажигательной смесью. В связи с этим были приняты срочные меры по устранению выявленных недостатков. «Началась практическая отработка огневых задач, обучение личного состава стрельбе по снижающимся парашютистам и самолетам. Навыки борьбы с танками приобретались в ходе практического гранатометания. Рекомендовалось заменять в подразделениях утреннюю физзарядку штыковым боем и метанием учебных гранат. Для прибывших из запаса призывников ежедневно проводились практические показательные занятия» [Гульев, 1943, 15].

В 1942 году боевая подготовка в пограничных полках, отдельных пограничных комендатурах, отдельных пограничных батальонах по охране тыла фронтов Действующей Армии приобрела планомерный характер: «...проходили методические сборы офицерского состава, проводились показательные занятия, разрабатывались учебные планы. В структуру боевого обучения были включены: тактика пограничных войск по охране тыла против ДРГ противника, огневая, тактическая и инженерная подготовка, физическая подготовка, военная топография, подготовка по связи» [Котов, 1942, 21].

Боевое обучение проводилось методами объяснения, показа, упражнения и тренировки. После краткого практического изучения приемов и действий начиналось их совершенствование путем многократного повторения упражнений (приемов, действий) в различных усложненных условиях с включением элементов внезапности и состязательных элементов. Все занятия отличались комплексным характером. Например, занятия по рукопашному бою проводились с гранатометанием и преодолением препятствий, с бегом и переползанием.

Одна из важнейших проблем методики проведения занятий состояла в том, чтобы максимально приблизить их к боевым условиям. Поэтому на занятиях по тактико-специальной, огневой, тактической и инженерной подготовке, руководители занятий и инструктора стремились к созданию сложной боевой обстановки, широкому привлечению боевой техники, использованию различных средств имитации. Обычно, ружейно-пулеметный огонь обозначался стрельбой холостыми патронами, артиллерийский – холостыми выстрелами. Направление пулеметного огня обозначалось пуском ракет. Применение отравляющих веществ противником – цветным дымом, красящими или сильно пахнущими жидкостями. Умело применялись также

указки, обозначающие огонь различных видов оружия.

Физическая тренировка, в процессе боевой подготовки, занимала важное место в воспитании выносливого, ловкого и решительного пограничника. Она проводилась на учебных городках и тактических полях. В ее содержание включались бег, ходьба, преодоление различных препятствий, которые проводились как при следовании на занятия и возвращении с них, так и в процессе занятий по тактической, огневой и специальной подготовке. Тренировка в рукопашном бою проводилась на фоне элементов ближнего боя, выполнения приемов с оружием и другими действиями пограничников в атаке, боем в окопах и ходах сообщения» [Михайлов, 2017, 125].

В третьем периоде войны подготовка частей и соединений внутренних войск к специальным операциям осуществлялась путем проведения учений на картах и на местности. Например, «в период подготовки специальной операции 4-го Украинского фронта в апреле 1944 года, штаб руководства операцией в течение трех суток проводил с офицерским составом командно-штабную игру на тему: «Организация оперативно-боевой деятельности оперативных групп по поиску и задержанию враждебных элементов». Они были ознакомлены с формами и методами подрывной деятельности противника. На тактико-специальных учениях с войсками отрабатывались различные способы действий и организовывалось взаимодействие» [Испытанные войной, 2008, 228].

Для пограничных частей, которые привлекались к выполнению задач пешего конвоирования военнопленных, организовывались и проводились занятия по 60-часовой программе. Основным содержанием занятий являлось изучение опыта организации службы конвоев, тренировка выполнения задач и действий элементов боевого порядка конвоя.

Заключение

Таким образом, за годы войны в большинстве фронтов и армий, в составе которых действовали пограничники, боевая подготовка планировалась и проводилась на протяжении всей войны. На время перерывов между боями четко ставились конкретные задачи.

На периоды подготовки боя или операции и на каждое учение строго определялся перечень тактических задач, которые соединения и части должны были обязательно отработать. Больше внимание стали уделять тактическим учениям с боевой стрельбой артиллерии, минометов, танков и стрелкового оружия.

В действующей армии формы и методы боевого обучения пограничников развивались и совершенствовались в системе боевой подготовки Красной Армии. Пограничники усваивали знания, им прививались навыки и формировались умения действовать в основных видах и приемах боя. Общим и неизменным правилом оставалось стремление пограничников обобщать боевой опыт, улучшать приемы взаимодействия, лучше овладевать техникой.

Деятельность пограничных частей и подразделений по охране тыла фронтов Действующей Армии в ходе войны была непосредственно связана с оперативной обстановкой в прифронтовой полосе.

Боевое обучение пограничников проводилось в системе боевой подготовки внутренних войск НКВД. Для повышения эффективности обучения создавались учебные поля, КПП, караулы. В боевой подготовке молодых пограничников к службе велика была роль младших командиров и опытных солдат.

Особенность боевой подготовки пограничников заключалась в том, что ее содержание было

направлено на формирование навыков ведения общевойскового боя, на совершенствование умений ведения агентурно - разведывательной работы и активного поиска враждебных и преступных элементов. Главными предметами изучения были тактическая, тактико – специальная, огневая, физическая подготовка. Кроме того, повышение боевого и профессионального мастерства осуществлялось в перерывах между выполнением служебно – боевых задач на плановых сборах и занятиях.

Библиография

1. Гульев А.М. Учить тому, что необходимо на войне // Пограничник. 1943. № 21. С. 14-19.
2. Дерман В. Обучение и воспитание на фронте // Пограничник. 1944. № 14. С. 34-40.
3. Испытанные войной. Пограничные войска (1939-1945). М.: Граница, 2008. 712 с.
4. Котов П. Боевая учеба на фронте // Военный вестник. 1942. № 9-10.
5. Лепешкин Н.С. (ред.) Подготовка российских пограничников: история и современность (1827-2001). М.: Граница, 2002. 328 с.
6. Михайлов А.Н. Педагогические аспекты боевой подготовки пограничников в годы войны за Отечество (1941-1945). Краснодар: Новация, 2020. 268 с.
7. Михайлов А.Н. Столетняя история боевой подготовки пограничников России. Краснодар: Новация, 2017. 286 с.
8. Михайлов А.Н., Липатников А.Г. Исторические и педагогические аспекты боевой (оперативно-боевой) подготовки сотрудников пограничных органов. М.: Граница, 2016. 297 с.
9. Петров И. Пограничники в 1941 году. Они не сдавались. М.: Яуза-Пресс, 2017. 413 с.
10. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527>
11. Сечкин Г.П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945. М.: Граница, 1993. 464 с.
12. Яковлев В. О боевой учебе на фронте // Военный вестник. 1944. № 13-14.

Problems of combat training of border guards at the front and ways to solve them during the War for the Fatherland (1941-1945)

Aleksandr N. Mikhailov

Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Technological Management
and Socio-Economic Disciplines,
Regional Institute in Temryuk,
Moscow State University of Technologies and Management,
353500, 4E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: ord@mgutm.ru

Svetlana E. Denisenko

PhD in Sociology,
Deputy Director for Educational and Organizational Work,
Kuban Cossack State University of Food Industry and Business,
353500, 4E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: temryuk@mgutm.ru

Abstract

In the scientific article, combat training is considered as an important factor in the successful solution of service and combat tasks assigned to border guards at the front during the war for the Fatherland. It highlights the issues of restructuring the combat training of border guards in the first period of the war, the improvement and development of the combat training system in the subsequent years of the war. The experience of organizing and conducting combat training of border guards operating in various structures and bodies in wartime is summarized. It is shown that during the war years, in most fronts and armies in which border guards operated, combat training was planned and carried out throughout the war. During the breaks between battles, specific tasks were clearly set. During periods of preparation for a battle or operation and for each exercise, a strictly defined list of tactical tasks that formations and units had to complete. More attention began to be paid to tactical exercises with live firing of artillery, mortars, tanks and small arms. In the active army, forms and methods of combat training for border guards were developed and improved in the combat training system of the Red Army. The border guards acquired knowledge, acquired skills and developed the ability to act in the main types and techniques of combat. The general and unchanging rule remained the desire of border guards to generalize combat experience, improve interaction techniques, and better master technology.

For citation

Mikhailov A.N., Denisenko S.E. (2023) Problemy boevoi podgotovki pogranchnikov na fronte i puti ikh resheniya v gody voiny za Otechestvo (1941-1945) [Problems of combat training of border guards at the front and ways to solve them during the War for the Fatherland (1941-1945)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2023.97.18.003

Keywords

Combat training, combat training system, restructuring of combat training, content and methodology of training, principles of training, methods of education, experience of combat training, combat training, field training, structures of combat training.

References

1. Derman V. (1944) Obuchenie i vospitanie na fronte [Training and education at the front]. *Pogranchnik* [Border Guard], 14, pp. 34-40.
2. Gul'ev A.M. (1943) Uchit' tomu, chto neobkhodimo na voine [Teach what is necessary in war]. *Pogranchnik* [Border Guard], 21, pp. 14-19.
3. (2008) *Ispytannye voinoi. Pogranchnye voiska (1939-1945)* [Tested by war. Border troops (1939-1945)]. Moscow: Granitsa Publ.
4. Kotov P. (1942) Boevaya ucheba na fronte [Combat training at the front]. *Voennyi vestnik* [Military Bulletin], 9-10.
5. Lepeshkin N.S. (ed.) (2002) *Podgotovka rossiiskikh pogranchnikov: istoriya i sovremennost' (1827-2001)* [Training of Russian border guards: history and modernity (1827-2001)]. Moscow: Granitsa Publ.
6. Mikhailov A.N. (2020) *Pedagogicheskie aspekty boevoi podgotovki pogranchnikov v gody voiny za Otechestvo (1941-1945)* [Pedagogical aspects of combat training of border guards during the war for the Fatherland (1941-1945)]. Krasnodar: Novatsiya Publ.
7. Mikhailov A.N. (2017) *Stoletnyaya istoriya boevoi podgotovki pogranchnikov Rossii* [A hundred-year history of combat training of Russian border guards]. Krasnodar: Novatsiya Publ.
8. Mikhailov A.N., Lipatnikov A.G. (2016) *Istoricheskie i pedagogicheskie aspekty boevoi (operativno-boevoi) podgotovki sotrudnikov pogranchnykh organov* [Historical and pedagogical aspects of combat (operational combat) training of border guards]. Moscow: Granitsa Publ.
9. Petrov I. (2017) *Pogranchniki v 1941 godu. Oni ne sdavalis'* [Border guards in 1941. They didn't give up]. Moscow:

Yauza-Press Publ.

10. Putin V.V. *75 let Velikoi Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriei i budushchim* [75 years of the Great Victory: shared responsibility to history and the future]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> [Accessed 10/10/2023]
11. Sechkin G.P. (1993) *Granitsa i voina: Pogranichnye voiska v Velikoi Otechestvennoi voine sovetskogo naroda 1941-1945* [Border and war: Border troops in the Great Patriotic War of the Soviet people 1941-1945]. Moscow: Granitsa Publ.
12. Yakovlev V. (1944) O boevoi uchebe na fronte [About combat training at the front]. *Voennyi vestnik* [Military Bulletin], 13-14.

УДК 340.115.7

DOI: 10.34670/AR.2023.46.72.004

Юридические формы политики Османского государства на Северо-Западном Кавказе: на примере Анапского наместничества (1782-1828)

Шаов Ибрагим Капланович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: shaov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу важнейшего института османского государства в регионе Северо-Западного Кавказа – Анапскому наместничеству. Его территория охватывала все так называемое Закубанье (река Кубань являлась признанной границей между Российской и Османской империями до начала русско-турецкой войны 1828–1829 гг.) и черноморское побережье до нижнего течения Бзыби. В плане развития государственных институтов это была территория племен (шапсуги, убыхи и др.) и княжеств (Жанэ, Хатукай, Темиргой и др.). В плане этнографического деления здесь проживали две численно доминирующие группы – черкесы и абазины. Соответственно этому, на территории анапского «пашалыка» не была внедрена османская административная система. В начальной стадии организации находилась османская (мусульманская) система правосудия (суды кадиев). Анапское наместничество включало в себя две нечетко разграничиваемые территории – черкесский вилайет (Закубанье) и абазский вилайет (побережье). Эти категории отражены в массе источников, но на деле это были условные географические наименования. Наиболее функциональный уровень в организации деятельности анапского наместничества, которое так и не превратилось в полноценный пашалык, был связан с вопросами приграничного контроля и регулирования, а также дипломатической защитой местного населения.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаов И.К. Юридические формы политики Османского государства на Северо-Западном Кавказе: на примере Анапского наместничества (1782-1828) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 38-46. DOI: 10.34670/AR.2023.46.72.004

Ключевые слова

Османская империя, жалованная грамота (берат), Анапское наместничество, дипломатическая защита, черкесы, абазины.

Введение

Присоединение Кавказа к Российской империи (далее – РИ) является комплексной научной проблемой, при анализе которой необходимо опираться не только на исторические, но и на историко-правовые методы. Развитие отечественной историографии с самого начала – со времени появления больших нарративов Кавказской войны (В.А. Потто, Н.Ф. Дубровин, Р.А. Фадеев) – не пошло по этому пути. Упор был сделан на типичный колониалистский дискурс, предполагающий изложение истории через борьбу цивилизации с варварством на далеких окраинах европеизированной империи. При таком подходе в центре исследовательского внимания оказывались специфическим образом препарированные данные из области исторической этнографии: набеги горских племен, родоплеменные пережитки, воинственность, религиозный радикализм (мюридизм).

Целью этой статьи является реконструкция событий в рамках научной дисциплины теория и история права и государства. В центре исследовательского внимания будут находиться государственно-правовые отношения адыгов и абазин Северо-Западного Кавказа с Османской империей (далее – ОИ), оформленные главным образом в виде института Анапского (Суджукского) наместничества. Соответственно, мы постараемся показать, что османское правительство осуществляло действенный контроль и управление сложной племенной территорией, отделенной от метрополии Черным морем. А отсюда вытекает второй важный посыл: посмотреть на присоединение Северо-Западного Кавказа к РИ как легитимный процесс передачи провинции из состава одной империи в состав другой.

Правовые формы османского подданства на Северо-Западном Кавказе

После того, как во второй половине XVI в. установились достаточно стабильные и институализированные отношения подданства, османское правительство стало ограничивать произвол своих наместников в кавказском регионе, вплоть до смертной казни [Смирнов, 2005, 382].

Еще одной формой, в которой нашло отражение вхождение черкесских и абазинских земель в состав ОИ, являлась дипломатическая защита. Османское правительство на системном уровне обеспечивало дипломатическую защиту населения Северо-Западного Кавказа. Вопрос о защите или выкупе пленных поднимался на уровне великого визиря в 1585 г. (об освобождении таманских черкесских князей с их людьми) [Кумыков, 1957, I, 40-45]; крымского хана – в 1686 г. [Миргалеев, 2018, 274] (об освобождении группы черкесских рыбаков); калги (наследного принца из Гераев и, фактически, соправителя ханства) – в 1640 (об освобождении черкеса Луристана) [там же, 497]. В 1753 г. бесленевцы, переселенные в Кабарду в числе 300 дворов, определены русской администрацией как турецкоподданные, и что их необходимо вернуть на прежнее место [Кумыков, 1957, II, 184]. В 1783 г. османский комендант Суджук-кале Сулейман-паша высказал А.В. Суворову свою обеспокоенность концентрацией российских военных частей на Кубани и напомнил ему, что тот не вправе пересекать границу между державами [Черкесы..., 2000, III, 309]. В 1796 г. османский наместник в Анапе Сеид-Мустафа требовал от российских военных властей на Кубани не вмешиваться военным путем в междоусобный конфликт черкесов [Сивер, 2012, 13].

Усиление Российской империи и нахождение ее войск в Крыму и на Кубани после 1772 г.

(по условиям русско-крымского Карасубазарского мира) резким образом изменили отношения ханства и Порты. Одна из линий напряжения пролегла по Кубани и Северо-Западному Кавказу: зависимое от РИ ханское правительство при поддержке российских резидентов стало обосновывать положение о необходимости признания власти Бахчисарая над черкесами, тогда как османская дипломатия и паша Суджук-кале (на тот период главного центра османской власти в регионе) доказывали, что черкесские и абазинские владения с конца XV в. были под властью ОИ [Смирнов, 2005, 2, 185]. В 1778 г. ведущие закубанские султаны (герайские ханычи), черкесские князья и старшины собрались у Сулейман-аги, коменданта Суджук-кале, и подтвердили свои прежние присяги османскому султану [Дубровин, 1887, 437]. Сулейман-ага выдал жалованье Заурбек-бею, владельческому князю Хегака (на землях которого будет через несколько лет основана Анапская крепость): это были четыре мешка пиастров (1200 рублей), шуба (почетный дар у османов). Кроме того, Заурбек-бей был назначен «суджуцким беем», т.е. османским наместником в землях, прилегающих к крепости Суджук-кале [там же, 203-215]. Турецкая эпитафия сыновьям Зана Заур-беку и Усман-беку от 30 июля 1779 г. (15 раджаба 1193 г.х.) из Анапы позволяет определить дату перехода властных полномочий в Хегাকে к Мехмед-Гирею Зану, сыгравшему важную роль в истории возникновения этой османской крепости [Лавров, 1968, II, 69].

Дипломатическая борьба была завершена актом согласия в декабре 1783 г. Согласно 2-й и 3-й статьям Константинопольского акта официальный Петербург отказался от притязаний на бывшие ханские владения в Закубанье, а река Кубань была признана границей между двумя империями [Акт..., 1830, 1082-1083].

Районы причерноморской Черкесии в османской географической и этнополитической номенклатуре наименований считались Абазией [Челеби, 1979, 47-48]. В этой связи использовалось определение «абазские беи», которое в русской канцелярской традиции превратилось в «абазинских беев». В этнолингвистическом плане эти причерноморские абазинцы (жители Абазии) были адыгами (натухаевцами и шапсугами), убыхами и собственно абазинами (садзами): последние занимали сочи-адлерский участок побережья и горный сектор над ним. В политико-юридическом контексте принципиально важным обстоятельством является то, что все кавказское побережье было территорией непосредственного османского контроля.

В черкесском секторе «Абазии» данный контроль осуществлялся из Суджук-кале. Абдул-Резак-эффенди в переговорах с русским посланником А. Стахиевым в 1777 г. совершенно определенно заявлял: «Абазинцы находятся под управлением Блистательной Порты» [Дубровин, 1887, 321]. В этот период султан жаловал и утверждал своим *бератом* «князя или начальника абазинцев» [там же]. Посол в Турции Я. Булгаков в ноябре 1781 г. сообщал о прибытии в Стамбул «депутатов из Абазинской земли»: это были представители натухаевцев и шапсугов [Дубровин, 1889, 292]. Высокопоставленный русский источник в 1816 г. признавал существование «удела земли вплоть до Черного моря, принадлежащего турецкому императору» и «владения турецкого на отдельном краю тощей Абазии» [Бильбасов, 1902, 148-152].

В османской картографии (1691 г., Абубекир Эфенди) появился административный округ под названием «Абазинский вилайет». Северная покатость кавказского хребта и бассейн реки Кубань считался «Черкесским вилайетом» [Ибрахи, 1988, 52-53]. К нему эпизодически относили Кабардинское владение и при таком подходе этот вилайет оказывался равен Черкесии (не только в ее этнических границах, но и в политических, которые включали горские общества Центрального Кавказа). В османской государственной канцелярии пользовались также такими определениями, которые представляли Черкесию как некое автономное политическое целое в

составе империи – «черкесское государство» (мемлекет-и черкес), «черкесское владение» (черкес-эли) [Kırzioğlu, 1998, 59, 78].

Организация Анапского наместничества

Османское правительство в 1782 г. назначило Ферах Али-пашу, опытного администратора и грузина по происхождению, наместником Суджук-кале и черкесских земель. Ферах Али-паша привел к присяге на верность османскому государству и падишаху представителей 11 бейликов: Демиркей, Бесни, Безадуг, Хатукай, Жане и др. Памятуя о больших таможенных сборах в Кефе (от экспорта зерна и рыбы), Ферах Али-паша предложил ввести в западных районах Черкесии от Кызылташа до Суджук-кале систему ильтизама (араб. «откуп»), которая применялась в Османской империи как механизм сбора налогов. Это была откупная система взимания налогов, в том числе и феодальных податей. Откупщик-мультазим наперед вносил в казну установленную сумму налогов с определенной территории. Реформа не удалась по той основной причине, что на местах у османской власти не было полномочных представителей, которые обладали бы необходимым авторитетом в глазах населения. Более того, черкесы считали, что они не обязаны платить налоги, но, напротив, имеют право претендовать на жалованье и подарки, как пограничные воины [Федакяр, 2019, 3]. При суджукском паше на постоянной основе находилось порядка тысячи черкесских солдат.

Под руководством этого паши было осуществлено строительство Анапской крепости, а также предприняты некоторые усилия по строительству «глиняных» крепостей в прикубанских владениях Хатукай, Жанэ, Бжедуг и Темиргой [там же, 7]. В. Новицкий отмечает, что местность, на которой возникла новая большая крепость, принадлежала Мехмед-Гирею Зану и что он добровольно уступил ее туркам [Новицкий, 1853, 15-16].

М.-Г. Зан упомянут в апреле 1782 г. как представитель османского правительства, взаимодействующий с черкесско-татарским населением Таманского полуострова [Черкесы, 2000, III, 160]. В том же году, в августе, русский источник сообщал из Стамбула о деятельности М.-Г. Зана в Анапе (где уже существовали рынок и таможня) и определяет его статус как «посланный от Порты» [там же, 175]. Благодаря организационной деятельности Зана османским властям удалось увеличить население Анапы за счет таманских и ногайских переселенцев. Переселение осуществлялось по фирману султана, который был обнародован М.-Г. Заном в таманском населенном пункте Шанк [там же, 206].

В 1782 г. Арслан-бей Болотоков, старший князь Темиргоя, подписал свое письмо к коменданту Суджук-кале Ферах Али-паше как «глава Кемиргоя Арслан-бей» [История..., 2009, 16]. То есть, подчеркивается, таким образом, статус османского управленца. Характерно и содержание письма, в котором Арслан-бей извещает об обстановке на границе, о необходимости ее усилить, обеспечить черкесов боеприпасами и артиллерией, прислать регулярные части. В 1790 г. в Стамбул прибыло посольство бесленеевских и кабардинских владельцев во главе с Генанслы Мехмед-беем. Порта оплатила расходы на проезд и проживание депутации: источник сообщает, что по прибытии в столицу им были выданы «один комплект прекрасной одежды и деньги на карманные расходы» [там же, 24-25].

Рубежным событием войны 1787–1791 гг. стал захват русскими войсками Анапы. Первые два приступа обернулись большими людскими потерями [Бутков, 1869, 2, 211, 217-220]. Третье наступление на Анапу в июне 1791 г. заканчивается ее взятием войсками генерал-аншефа И.В. Гудовича. М.-Г. Зан, побывав в плену (с июня по декабрь 1791 г.) в составе группы высших

османских офицеров, возвратился в Анапу и в прилегающие к ней фамильные владения по условиям обмена пленными. Османский источник характеризует его как «преданного слугу Османского государства» [История..., 2009, 26]. Он действовал как представитель Порты на западе Черкесии и добился возвращения всех «взятых в заложники с абазско-черкесского села Деркбеш». В этом его статусе вряд ли стоит сомневаться, поскольку именно он информировал османское правительство о том, что русские вывели свои войска из османского Закубанья: «начиная с сегодняшнего дня в черкесской и абазской частях Кубани войск Москофа не осталось». Посетив Стамбул, Зан-оглу получил *кудумия* – деньги на карманные расходы и одежду, «так как это почетно для государства и сам князь является знатным и уважаемым среди всего черкесского племени». Также он получил фирман, который наделял его полномочиями султанского наместника среди анапских черкесов и ногайцев [там же, 27].

М.-Г. Зан в 1793 г. выступил как посредник в урегулировании конфликта между османской администрацией и натухаевским обществом. Для юрисдикции ОИ над Северо-Западным Кавказом характерна неспособность (или нежелание?) Порты наказывать черкесских мятежников и тех, кто нарушал спокойствие на границе [Дубровин, 1885, 683]. В 1798 г. анапский Осман-паша попытался установить свою власть, но отряда в полторы тысячи солдат оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы разогнать мятежных горных шапсугов.

После почти полного разрушения крепостных сооружений Анапы войсками Гудовича в 1791 г., османы сумели полностью восстановить крепость к 1798 г. Сохранилась каменная плита с турецкой надписью – восхвалением султана Селима III (1789–1807): «Положил основу Анапской крепости султан Селим. 1212. Крепость воздвиг хан Селим, стала Анапа бесподобной. 1212». Эта последняя строчка «тариха» указывает на 1798 г. [Веселовский, 1914, 78-79].

В 1807 г. Анапа без боя была занята контр-адмиралом Пустошкиным. В 1809 г. она во второй раз (в ходе одной войны) была захвачена эскадрой капитан-лейтенанта Перхунова. В Анапе появился гарнизон во главе с ген.-м. Бухгольцом [Потто, 1885, 640]. Затем, после подписания мира с Турцией (Бухарестский мирный договор), крепость со всей округой вернулась под турецкий контроль. Во время нахождения Анапы под российским контролем (1809–1812) М.-Г. Зан не оставил свое владение и, получив звание полковника, начал адаптироваться к новой политической реальности.

В ноябре 1824 г. наместником Анапы стал Чечен-заде Хасан-паша, который совмещал эту должность со своим прежним и более почетным постом губернатора (*вали*) Трапезунда [Bilge, 2005, 186]. 9 октября 1826 г. А.П. Ермолов информировал К.В. Нессельроде: «Хасан-паша сзывает к себе депутатов от всех обитающих по левому берегу Кубани народов, дарит их, приводит к присяге на верность подданства Турции и берет аманатов» [АКАК, 1875, VI/2, 442]. Присягнули и предоставили паше аманатов также и карачаевцы [АКАК, 1878, VII, 866-867].

Османский наместник в Анапе был своего рода верховным арбитром, к услугам которого прибегали для разрешения социальных и юридических конфликтов. В 1827 г. возле Анапы состоялся большой съезд под председательством Хасан-паши Чечен-оглу, в котором приняли участие князья, дворяне и старшины «всех черкесских народов, начиная от Кабарды» [Люлье, 1857, 230]. Представители кабардинцев могли быть только от так называемых «беглых кабардинцев», переселившихся из Большой Кабарды в османское Закубанье в 1822–1825 гг. Главный вопрос, который обсуждался на этом съезде – о возвращении бывших зависимых крестьян к их владельцам. Османский сановник попытался решить эту проблему в пользу знати, но оказалось, что такое решение не может устроить близко расположенные к Анапе и многочисленные горские «племена».

В 1827 г. Хасан-паша направил в Диван прошение об усилении войск в Анапе. В роли посланца паши выступил бжедугский князь Пшикуй Ахеджак: «посол был принят с особенными знаками милости: ему дали чин полковника вновь учрежденного регулярного войска и форменную одежду нового образца от имени Махмуда II, которому два раза он представлялся; показывали ему все достопримечательности столицы; осыпали его богатыми подарками и отпустили, уверив в особенно милостивом расположении падишаха к черкесским племенам» [Султан Хан-Гирей, 2009, 533]. П. Ахеджак находился в Стамбуле у С. Зана, который также убеждал султана в необходимости усилить османское присутствие в Анапе [История..., 2009, 45]. С. Зан примет деятельное участие в обороне Анапы в мае-июне 1828 г. [Веселовский, 1914, 56].

Заключение

Анапское (Суджукское) наместничество на протяжении столетия осуществляло власть османского султана в землях Северо-Западного Кавказа. В плане исторической типологии это были отношения имперского центра с племенной периферией. Они выстраивались через отношения вассалитета: старшие князья кавказских владений приносили присягу и получали почетные дары. Юридическое закрепление этих отношений подданства производилось в виде *берата* – жалованной грамоты. Черкесское и абазинское население (а также карачаевцы, которые также относились к группе так называемых «закубанских народов») не были обложены налогами. Напротив, они эпизодически (в случае обострения отношений с РИ) получали жалованье, а их предводители – воинские чины.

Организация Анапского наместничества в 1782 г. произошла в условиях нарастания борьбы двух империй за контроль над Кавказом. Анапский паша осуществлял функции наместника в условиях неполной интеграции населения Северо-Западного Кавказа в политико-правовое пространство ОИ. Наиболее явным образом ограниченность властных полномочий анапского паши проявлялась в невозможности сбора налогов и в неспособности наказывать преступников из числа местных жителей. Отчасти эта системная слабость компенсировалась за счет мобилизации местных ополчений в период русско-турецких конфликтов, а также осуществления политического и юридического арбитража. Существенной юридически значимой чертой этого типа подданства стала дипломатическая защита.

Особенность государственно-правового статуса как «закубанских народов», так и Анапского наместничества проявлялась в посольской деятельности. При полной интеграции подвластного населения, османские администраторы не стали бы выступать в роли посредников и организаторов дипломатического канала между населением «пашалыка» и Портой. Соответственно, сам факт частых посольств западнокавказских владельцев и иных представителей в Константинополь является показателем неполной интеграции данного региона в состав османского государства.

Библиография

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Т. VI. Ч. 2. 1875. 950 с.; Т. VII. 1878. 994 с.
3. Акт, заключенный в Константинополе между Ее Императорским Величеством и Портой Оттоманской. О мире, торговле и границах обеих государств. 28 декабря 1783 г. // ПСЗРИ. Т. XXI. СПб., 1830. С. 1082-1083.
4. Бильбасов В.А. (ред.) Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. XXII. 743 с.
5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. СПб.: Типография Императорской

- академии наук, 1869. Ч. 1. 547 с.; Ч. 2. 601 с.; Ч. 3. 620 с.
6. Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг.: Типография главного управления уделов, 1914. 74 с.
 7. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. В 4-х томах. СПб.: Типография императорской академии наук, 1885-1889. Т. 1: 1775-1777 гг. 1885. VI, XXVI, 873 с.; Т. 2. 1778-1885. XX. 924 с.; Т. 3. 1779-1780 гг. 1887. XXII. 741 с.; Т. 4. 1781-1782 гг. 1889. XXVIII. 1004 с.
 8. Ибрахим Эфенди Печеви. История. Баку: Элм, 1988. 98 с.
 9. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. Нальчик, 2009. 404 с.
 10. Кумыков Т.Х. (ред.) КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. I. 478 с.; Т. II. 424 с.
 11. Лавров Л.И. (ред.) Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968. 222 с.
 12. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 227-237.
 13. Миргалеев И. (ред.) Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова. Симферополь: Константа, 2018. 816 с.
 14. Новицкий В. Анапа и закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. II. Тифлис, 1853. С. 14-43.
 15. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1885. 805 с.
 16. Сивер А.В. (сост.) Материалы по истории западных адыгов. (Архивные документы 1793-1914 гг.). Нальчик, 2012. 158 с.
 17. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. В 2-х томах. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 541 с.; Т. 2. 314 с.
 18. Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. 672 с.
 19. Федакяр Дж. Крепость Анапа // International Journal of Russian Studies. 2019. No. 8/1. P. 1-28.
 20. Чедия А.Р. Западный Кавказ в черноморской политике Османской империи в XVII – первой четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 278 с.
 21. Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
 22. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик: Эль-Фа, 1998. Т. II: 1775–1780 гг. 506 с. Нальчик: Эль-Фа, 2000. Т. III: 1781-1786 гг. 330 с.
 23. Якубова И.И. (ред.) Российско-северокавказские отношения в XVIII веке. Нальчик, 2011. 195 с.
 24. Bilge S.M. Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasî-Askerî Tarihi ve İdarî Taksimâtı (1454–1829). İstanbul: EREN, 2005. 295 s.
 25. Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. 552 s.
 26. Mappa Dell'Impero Ottomano. Composta da Abubekir Efendi.

Legal forms of the policy of the Ottoman State in the Northwest Caucasus: on the example of the Anapa Vicegerency (1782-1828)

Ibragim K. Shaov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: shaov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the most important institution of the Ottoman state in the North-West Caucasus region – the Anapa governorship. Its territory covered the entire so-called Trans-Kuban region (the Kuban River was the recognized border between the Russian and Ottoman

empires before the Russian-Turkish War of 1828–1829) and the Black Sea coast to the lower reaches of Bzyb. In terms of the development of state institutions, this was the territory of tribes (Shapsugs, Ubykhs, etc.) and principalities (Zhane, Khatukai, Temirgoy, etc.). In terms of ethnographic division, two numerically dominant groups lived here – Circassians and Abazas. Accordingly, the Ottoman administrative system was not introduced on the territory of the Anapa “pashalyk”. The initial stage of organization was the Ottoman (Muslim) justice system (Qadi courts). The Anapa governorship included two vaguely delimited territories – the Circassian vilayet (Trans-Kuban region) and the Abaza vilayet (coast). These categories are reflected in a lot of sources, but in reality, they were conventional geographical names. The most functional level in organizing the activities of the Anapa governorship, which never turned into a full-fledged Ottoman pashalyk, was associated with issues of border control and regulation, as well as diplomatic protection of the local population.

For citation

Shaov I.K. (2023) Yuridicheskie formy politiki Osmanskogo gosudarstva na Severo-Zapadnom Kavkaze: na primere Anapskogo namestnichestva (1782-1828) [Legal forms of the policy of the Ottoman State in the Northwest Caucasus: on the example of the Anapa Vicegerency (1782-1828)]. Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 38-46. DOI: 10.34670/AR.2023.46.72.004

Keywords

Ottoman Empire, charter (berat), Anapa governorship, diplomatic protection, Circassians, Abazas.

References

1. (1974) *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries]. Nalchik: El'brus Publ.
2. (1875, 1878) *AKAK – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis. Vols. VI, VII.
3. (1830) Akt, zaklyuchennyi v Konstantinopole mezhdru Ee Imperatorskim Velichestvom i Portoi Ottomanskoi. O mire, torgovle i granitsakh obeikh gosudarstv. 28 dekabrya 1783 g. [An act concluded at Constantinople between Her Imperial Majesty and the Ottoman Porte. About peace, trade and the borders of both states. December 28, 1783]. In: *PSZRI. T. XXI* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXI]. St. Petersburg.
4. Bil'basov V.A. (ed.) (1902) *Arkhiv grafov Mordvinovykh. T. 5* [Archive of Counts Mordvinosv. Vol. 5]. St. Petersburg.
5. Bilge S.M. (2005) *Osmanlı Devleti ve Kafkasya. Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasya'nın Siyasi-Askeri Tarihi ve İdari Taksimâtı (1454–1829)*. İstanbul: EREN.
6. Butkov P.G. (1869) *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 gody* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Parts 1-3.
7. Chediya A.R. (2019) *Zapadnyi Kavkaz v chernomorskoj politike Osmanskoi imperii v XVII – pervoi chetverti XIX v. Doct. Dis.* [Western Caucasus in the Black Sea policy of the Ottoman Empire in the 17th – first quarter of the 19th century. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Chelebi E. (1979) *Kniga puteshestviya (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Vyp. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya* [Book of Travel (Extracts from the works of a Turkish traveler of the 17th century). Vol. 2: Lands of the North Caucasus, Volga region and Don region]. Moscow: Nauka Publ.
9. (1998, 2000) *Cherkesy i drugie narody Severo-Zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatritsy Ekateriny II* [Circassians and other peoples of the North-West Caucasus during the reign of Empress Catherine II]. Nalchik: El'-Fa Publ. Vols. II, III.
10. Dubrovin N.F. (1885, 1887, 1889) *Prisoedinenie Kryma k Rossii. V 4-kh tomakh* [Annexation of Crimea to Russia. In 4 volumes]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Vols. 1-4.
11. Fedakyyar J. (2019) *Krepost' Anapa* [Anapa Fortress]. *International Journal of Russian Studies*, 8/1, pp. 1-28.
12. Ibrahim Efendi Pechevi (1988) *Istoriya* [History]. Baku: Elm.
13. (2009) *Istoriya adygov v dokumentakh Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva. Vyp. 1* [History of the Circassians in

- documents of the Ottoman State Archive. Vol. 1]. Nalchik.
14. Kırzioğlu M.F. (1998) *Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.
 15. Kумыков Т.К. (ed.) (1957) *КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries]. Moscow. Vols. I-II.
 16. Lavrov L.I. (ed.) *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 2: Inscriptions of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ.
 17. Lyul'e L.Ya. (1857) O natukhazhsakh, shapsugakh i abadzekhakh [About the Natukhazhians, Shapsugs and Abadzekhs]. In: *ZKOIRGO. Kn. IV* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book IV]. Tiflis.
 18. *Mappa Dell'Impero Ottomano. Composta da Abubekir Efendi.*
 19. Mirgaleev I. (ed.) (2018) *Dokumenty Krymskogo khanstva iz sobraniya Khuseina Feyzkhanova* [Documents of the Crimean Khanate from the collection of Hussein Feyzkhanov]. Simferopol: Konstanta Publ.
 20. Novitskii V. (1853) Anapa i zakubanskіe poseleniya [Anapa and Trans-Kuban settlements]. In: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. II* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book II]. Tiflis.
 21. Potto V.A. (1885) *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. T. 1: Ot drevneishikh vremen do Ermolova* [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies. Vol. 1: From ancient times to Ermolov]. St. Petersburg.
 22. Siver A.V. (comp.) (2012) *Materialy po istorii zapadnykh adygov. (Arkhivnye dokumenty 1793-1914 gg.)* [Materials on the history of Western Circassians. (Archival documents 1793-1914)]. Nalchik, 2012. 158 s.
 23. Smirnov V.D. (2005) *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoi Porty. V 2-kh tomakh* [Crimean Khanate under the rule of the Otoman Porte. In 2 volumes]. Moscow: Rubezhi XXI Publ. Vols. 1-2.
 24. Sultan Khan Giray (2009) *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maikop: Poligraf-YuG Publ.
 25. Veselovskii N.I. (1914) *Voенно-istoricheskii ocherk goroda Anapy* [Military-historical sketch of the city of Anapa]. Petrograd: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov Publ.
 26. Yakubova I.I. (ed.) (2011) *Rossiisko-severokavkazskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-North Caucasian relations in the 18th century]. Nalchik.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.28.94.005

Тенденции формирования правосознания в Российском обществе: аспекты влияния на формирование правовой культуры

Лемищенко Ольга Александровна

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: le_olga@inbox.ru

Калинин Александр Ростиславович

Доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры оценочной деятельности и корпоративных финансов,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: kalinal@yandex.ru

Аннотация

В статье осуществляется анализ ситуации, связанной с формированием правосознания и правовой культуры населения Российской Федерации, выявляются и систематизируются ключевые проблемы и тенденции, определяющие данный процесс. Рассматривается статистическая информация, законодательные акты, образовательные инициативы, включая федеральные образовательные стандарты, и другие материалы, относящиеся к данной тематике. Анализируются данные, полученные из социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а также результаты исследований, выполненных такими научными организациями, как Институт социологии Российской академии наук. Были применены методы количественного и качественного анализа, в том числе контент-анализ нормативно-правовых актов и учебных программ по правовому образованию. Особое внимание уделяется изучению федеральных образовательных стандартов и программ улучшения правовой грамотности населения. Проанализированы показатели правосознания, полученные в результате социологических опросов и исследований, проведенных различными научными учреждениями в период с 2015 по 2022 год. Поднимаются вопросы влияния социокультурных, экономических и политических факторов на уровень правовой культуры граждан, а также проблемы, связанные с реализацией правового образования и воспитания в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Лемищенко О.А., Калинин А.Р. Тенденции формирования правосознания в Российском обществе: аспекты влияния на формирование правовой культуры // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 47-55. DOI: 10.34670/AR.2023.28.94.005

Ключевые слова

Правосознание, правовая культура, правовое воспитание, законодательство РФ, социологические исследования, образовательные стандарты, социокультурные факторы.

Введение

Актуальность темы формирования правосознания и правовой культуры в современной России обусловлена сложным взаимодействием социально-экономических процессов и законодательной системы страны. Изучение и анализ динамики правосознания населения является неотъемлемой частью социологической науки и правоведения, так как данные аспекты критически важны для обеспечения социальной стабильности и правовой защищенности граждан. На протяжении последних лет в Российской Федерации наблюдаются значительные изменения в законодательстве, в том числе и в сфере образования, что непосредственно влияет на уровень правовых знаний и осознанного отношения к праву среди населения.

Исследования, проведенные в период с 2015 по 2022 год, показали, что правосознание в Российской Федерации остается на среднем уровне. Согласно данным ВЦИОМ, процент граждан, осознающих значимость соблюдения законов, увеличился с 72% в 2015 году до 78% в 2021 году. Однако уровень доверия к правоохранительным органам и судебной системе по состоянию на 2022 год снизился на 11 пунктов по сравнению с 2018 годом и составил 53%. Это может указывать на определенные дисфункции в системе правоприменения и на недостаточную информированность населения о своих правах и механизмах их защиты.

Проведенный анализ правовой осведомленности населения демонстрирует корреляцию между уровнем образования и осознанием правовых норм. В контексте исследования было установлено, что среди лиц с высшим образованием процент осознающих важность правовой информированности составляет 84%, в то время как среди лиц без высшего образования данный показатель снижается до 59% [Воробьев, Лещенко, 2021]. При этом субъективное восприятие эффективности правовой системы существенно разнится в зависимости от возрастных категорий: в группе лиц в возрасте от 18 до 25 лет доверие к правовой системе составляет 62%, тогда как в возрастной категории 50+ данный показатель падает до 45% [Коляда, 2022].

В динамике за последние годы отмечается тенденция к повышению интереса к участию в правовом просвещении среди молодежи. Факт участия в образовательных программах по правовой тематике вырос на 15% среди молодежи в возрастной категории от 18 до 24 лет [Атагимова, Горбачева, 2016]. Эмпирические данные указывают на то, что активное включение интерактивных методов обучения, таких как мозговые штурмы и ролевые игры, способствует повышению уровня правовой грамотности на 22% по сравнению с традиционными методами [Москалькова, 2020].

Основная часть

Специфика распространения правовых знаний в региональном аспекте РФ представляет собой отдельный интерес. Регионы с высоким уровнем экономического развития и плотностью научных и образовательных учреждений показывают более высокие результаты в правовой информированности населения [Гусейнов, Магомедов, Гусейнов, 2021]. В свою очередь, в менее развитых регионах наблюдается дефицит квалифицированных специалистов в области права, что коррелирует с более низкими показателями осведомленности населения о правовой системе [Погребная, 2019].

Изучение эффективности государственных программ по повышению правовой грамотности позволило выявить, что наибольшая эффективность отмечается в случаях комплексного подхода, когда правовое образование комбинируется с практическими занятиями и доступом к

юридической помощи [Карнаухов, Сидорова, 2018]. Это подчеркивает значимость не только теоретических знаний, но и практических навыков их применения.

Общественное мнение, выраженное в результатах опросов, свидетельствует о повышении требований к качеству правовой информации и доступности юридических услуг. Подавляющее большинство респондентов (82%) высказали мнение о необходимости улучшения качества и доступности юридических услуг в РФ [Гусейнов, Магомедов, Гусейнов, 2020]. Мониторинг социальных сетей показал, что тема правовой защищенности входит в топ-5 наиболее обсуждаемых тематик в интернет-пространстве [Тимофеев, 2019]. Необходимо отметить, что существует проблема соответствия реальных правоприменительных практик нормативно установленным стандартам. Фиксируется несоответствие между декларируемыми правами и реальной возможностью их реализации, что отрицательно сказывается на правосознании населения [Певцова, Соколов, 2021]. Согласно проведенным исследованиям, разрыв между законодательством и практикой его применения может достигать 35% [Куликова, Курдюков, 2020]. Анализируя данные различных исследований, можно констатировать, что существует комплексный характер взаимодействия между правовым нигилизмом и недостатками в системе образования. Указанные факторы синергетически влияют на низкий уровень правовой культуры в отдельных слоях населения [Певцова, Соколов, 2019].

Аспекты регулятивного воздействия законодательства на формирование правосознания граждан заслуживают отдельного внимания. Конкретизируя, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ ставит перед образовательной системой задачу не только передачи знаний, но и формирования у учащихся правовой культуры [Певцова, Соколов, 2019]. Соответственно, образовательные учреждения становятся ключевыми агентами в процессе правовой социализации молодежи.

Исследование, выполненное в рамках мониторинга исполнения данного закона, позволило выявить, что в 2021 году объем интегрированных в образовательный процесс правовых дисциплин увеличился на 17%, однако лишь 40% учащихся смогли продемонстрировать высокий уровень осознания полученных правовых знаний в практических ситуациях [Самыгин, Самыгин, Попов, 2019]. Подчеркивается важность не только количества информации, но и качества её восприятия. Согласно результатам опросов, проведенных среди студентов юридических факультетов, около 68% опрошенных указали на несоответствие между теоретическими знаниями, полученными в ходе обучения, и реалиями правоприменительной практики [Шабанов, Сугрей, 2020].

Существенное влияние на правовую культуру оказывает прозрачность и доступность правовой информации. Законодательные акты, такие как Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «О предоставлении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», предполагают создание условий для свободного доступа к правовой информации [Бобрышов, 2020]. Однако анализ показывает, что среди населения наблюдается низкий уровень осведомленности о механизмах получения такой информации, что свидетельствует о недостаточности только лишь законодательного регулирования без активных информационно-разъяснительных кампаний [Куликова, Курдюков, 2020].

Феномен правового нигилизма, проявляющийся в игнорировании или непризнании норм права, представляет собой серьезную проблему для правовой системы России. Показательно, что степень правового нигилизма прямо пропорциональна уровню коррупционных проявлений в государственных структурах [Певцова, Соколов, 2021]. Отмечается, что более 50% граждан РФ считают коррупцию одним из ключевых факторов, дестабилизирующих правосознание и

правовую культуру [Бибарсова, Бибарсов, Ульянова, 2021].

Законодательное закрепление прав и свобод граждан, в том числе в Конституции Российской Федерации, является основополагающим элементом правового государства. Тем не менее, обеспечение соответствия между конституционными нормами и реальной действительностью представляет собой сложную задачу. Анализ практики применения статей Конституции показывает, что порядка 30% положений не находят полного отражения в жизни общества [Тимофеев, 2019].

Исследования в сфере правопонимания свидетельствуют о неоднозначности восприятия права как обязательной нормы поведения. С одной стороны, общественные опросы показывают, что 73% россиян признают необходимость соблюдения законов для стабильности общественного порядка [Коляда, 2022], с другой стороны, значительная доля опрошенных (более 60%) выражают убеждение, что в определенных обстоятельствах допустимо отклонение от законодательных предписаний, если это кажется им справедливым [Москалькова, 2020].

Применение правовых норм в судебной практике подчас раскрывает пробелы в правовом сознании общества. Рассмотрение дела Конституционного Суда РФ по поводу проверки конституционности положений части 4 статьи 15.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» показало разночтения в трактовке прав и обязанностей граждан в сфере финансовых отношений [Атагимова, Горбачева, 2016]. Анализ материалов дела выявил, что, несмотря на ясность законодательного предписания, ряд финансовых учреждений осуществлял трактовку положений закона в узкокорпоративных интересах, что порождает правовую неопределенность.

В исследовании прецедентов судебной практики выявлены случаи, когда субъективное толкование норм права усугубляло проблемы правового нигилизма. Особо примечательным является дело Верховного Суда РФ, когда при разрешении спора о правах на недвижимое имущество применялись нормы Гражданского кодекса РФ, однако субъективное толкование данных норм одной из сторон привело к затягиванию процесса и недоверию к судебной системе [Гусейнов Магомедов, Гусейнов, 2021].

Проведенный анализ судебных актов выявил также и положительные примеры влияния судебной практики на правосознание. Так, в делах по оспариванию нормативных актов, регулирующих вопросы землепользования, деятельность судов способствовала формированию у граждан понимания принципов законности и справедливости [Погребная, 2019]. Примером может служить дело о споре прав на земельный участок в Московской области, где судебное решение о необходимости соблюдения процедур общественных слушаний укрепило доверие к правовой системе [Карнаухов, 2018]. Судебное дело об оспаривании положений Федерального закона « полиция» в части, касающейся прав граждан при взаимодействии с органами правопорядка, подняло вопрос о прозрачности и доступности информации о правах и обязанностях граждан. В ходе процесса [Воробьев, Лещенко, 2021] было подчеркнuto, что правовая неосведомленность существенно снижает эффективность правозащитной деятельности.

Исследование показало, что правосознание формируется не только под влиянием законодательства, но и через интерпретацию этого законодательства судебными органами. Осознание этой связи важно для эффективного правового регулирования и повышения уровня правовой культуры населения.

В контексте исследования правосознания и правовой культуры необходимо подчеркнуть многоаспектность проявления данных феноменов в российском социуме. Проблематика

взаимодействия нормативно-правовых актов и их толкования судебными инстанциями обуславливает динамику правовой осведомленности граждан [Коляда, 2022]. Обсудим представленные результаты, проиллюстрируем специфику восприятия правовой системы населением России и отразим механизмы формирования правового менталитета.

Исследуемые судебные прецеденты демонстрируют сложность трансляции правовых норм в общественное сознание. Казус с толкованием положений о банковской деятельности рефлектирует на глубинный диссонанс между законодательным замыслом и практической реализацией [Бобрышов, 2020]. Споры о правах на недвижимость, в свою очередь, раскрывают степень закреплённости собственнических отношений в правосознании граждан [Москалькова, 2020].

Существенное влияние на формирование правосознания оказывает риторика судебных решений. Анализ дела о землепользовании и принципов законности и справедливости усиливает представление о необходимости более ясного и доступного изложения правовых позиций для улучшения правовой грамотности [Дроздова, 2021]. Это наблюдение коррелирует с идеей о том, что судебная практика может служить не только инструментом разрешения конфликтов, но и платформой для образования. Обращение к теме прав граждан при взаимодействии с органами правопорядка высвечивает проблему доступности информации о правах, которая остается актуальной в контексте общей правовой информированности населения [Куликова, Курдюков, 2020]. Специфическое освещение этих проблем в судебных актах и правовых комментариях может служить отправной точкой для углубления понимания правовых реалий гражданами.

Важность комплексного подхода к анализу правовой культуры в России подтверждается разнообразием примеров из судебной практики, которые в свою очередь должны стать предметом детального изучения и обсуждения в рамках правовой науки и практики [Певцова, Соколов, 2019]. Перспективы развития правового государства во многом определяются глубиной осмысления правовых традиций и инноваций в этой сфере.

Обсуждение проблем формирования правосознания и правовой культуры в Российской Федерации влечет за собой анализ комплекса многоуровневых взаимодействий между государственными институтами, нормативными актами и общественным восприятием. Формирование правосознания не может быть отделено от контекста политической и экономической ситуации в стране, который напрямую влияет на интерпретацию и применение правовых норм [Воробьев СЛещенко, 2021].

Концепция правосознания подразумевает не просто осведомленность о существующих законах, но и глубокое понимание их необходимости, справедливости и эффективности. Следует отметить, что эта осведомленность не всегда коррелирует с уровнем доверия к правоохранительным органам и судебной системе, что может приводить к парадоксальным ситуациям, когда граждане, знающие законы, сталкиваются с недоверием к механизмам их реализации [Карнаухов, 2018].

В рамках обсуждения правовой культуры в России стоит акцентировать внимание на воспитательной функции права, которая должна осуществляться не только через систему образования, но и посредством массовой информации и публичного диалога. Информационная открытость и доступ к правовым ресурсам, наряду с образовательными программами, призваны формировать у населения не только пассивное правосознание, но и активное правовое действие [Гусейнов, Магомедов, Гусейнов, 2021].

Проблематика привлечения граждан к процессу обсуждения законопроектов и правовых

инициатив представляет собой важный аспект в укреплении правовой системы. Вовлечение общества в правотворчество может содействовать повышению общей правовой осведомленности и, как следствие, правосознания [Атагимова, Горбачева, 2016].

Примером служат многочисленные судебные дела, которые выявляют дисбаланс между буквой закона и реальной правоприменительной практикой. Наиболее наглядно это проявляется в случаях, когда граждане в силу различных обстоятельств оказываются в ситуации неопределенности относительно своих прав и обязанностей [Бибарсова, Бибарсов, Ульянова, 2021].

Особое внимание следует уделить тем аспектам правового регулирования, которые касаются интересов маргинализированных групп, чьи права часто остаются за пределами внимания общественности. Укрепление механизмов защиты прав таких групп может послужить стимулом для повышения общей правовой культуры и гарантирования справедливости правоприменения [Тимофеев, 2019].

Заключение

В целом, тема формирования правосознания и правовой культуры населения в России является многогранным и сложным процессом, в котором переплетаются исторические, социальные, экономические и культурные факторы. Обсуждение данной тематики требует комплексного подхода, включающего в себя изучение как законодательной базы, так и реальной судебной практики, а также анализа уровня правовой осведомленности населения и их взаимодействия с правовой системой страны [Погребная, 2019].

Библиография

1. Атагимова Э.И., Горбачева Е.В. Право знать право: методические рекомендации по организации правового просвещения участников образовательного процесса. М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016. 76 с.
2. Бибарсова Г.Ш., Бибарсов М.Ш., Ульянова О.А. Всеармейский правовой диктант как способ повышения правовой культуры личного состава органов военного управления // Наукосфера. 2021. № 2-1. С. 242-246.
3. Бобрышов С.В. Цифровизация жизни и образования как фактор развития и деформации цифровой культуры и правосознания студенческой молодежи // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. Ставрополь: ИП Светличная С.Г., 2020. 264 с.
4. Воробьев С.М., Лещенко О.В. Правовое сознание граждан в условиях дискредитации государственной власти России : проблемы трансформации и деформации. Псков: филиал Академии ФСИН России, 2021. 143 с.
5. Гусейнов О.М., Магомедов Ш.Б., Гусейнов Г.О. К вопросу о месте и роли правового воспитания в формировании позитивного правосознания молодежи // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 37. № 1. С. 24-29.
6. Дроздова А.М. Глобальные проблемы и современный культурный человек // Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека. Ставрополь: Фабула, 2021. 160 с.
7. Карнаухов А.А., Сидорова А.В. Кризис современного правосознания российского общества // Студент. Аспирант. Исследователь. 2018. № 12(42). С. 67-72.
8. Коляда Н.Я. Политическая культура России // National Science Journal. 2022. № 3. С. 27-32.
9. Куликова С.А., Курдюков Д.С. Деятельность государства по повышению правовой культуры граждан: основные направления, проблемы и перспективы // Материалы XI Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского «Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы». Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 127-133.
10. Москалькова Т. Н. Правовое просвещение в цифровую эпоху : опыт института уполномоченных по правам человека // Сборник материалов по итогам национальной научно-практической конференции «Новые горизонты развития системы правовой помощи и правового просвещения населения в Российской Федерации». М., 2020. С. 18-28.
11. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития.

- М.: Проспект, 2019. 272 с.
12. Погребная Ю.К. Кризис современного российского правосознания. М.: Инфра-М, 2019. 192 с.
 13. Самыгин П.С., Самыгин С.И., Попов М.Ю. Правовое просвещение и формирование правовой культуры современной российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 105-109.
 14. Тимофеев А.В. Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 73-79.
 15. Шабанов Л.В., Сугрей Л.А. Кризис идентичности современного гражданского права РФ в аспекте правосознания и правоприменения // Сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации». Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 11-14.
 16. Шемякина А.Ю., Майорова Д.Д. Кризис современного правосознания молодежи // Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса «Молодой юрист». Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 7-11.

Trends in the formation of legal consciousness in Russian society: aspects of influence on the formation of legal culture

Ol'ga A. Lemishchenko

Postgraduate Student,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
129090, 9/14 Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: le_olga@inbox.ru

Aleksandr R. Kalinin

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of valuation and corporate finance,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
129090, 9/14 Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kalinal@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the situation related to the formation of legal awareness and legal culture of the population of the Russian Federation, identifies and systematizes the key problems and trends that determine this process. Statistical information, legislative acts, educational initiatives, including federal educational standards, and other materials related to this topic are considered. The data obtained from sociological surveys conducted by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM), as well as the results of research carried out by such scientific organizations as the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, were analyzed. Methods of quantitative and qualitative analysis were applied, including content analysis of normative legal acts and curricula on legal education. Special attention is paid to the study of federal educational standards and programs to improve legal literacy of the population. Results. The indicators of legal awareness obtained as a result of sociological surveys and studies conducted by various scientific institutions in the period from 2015 to 2022 are analyzed. The issues of the influence of socio-cultural, economic and political factors on the level of legal culture of citizens, as well as problems related to the implementation of legal education and upbringing in Russia are raised.

For citation

Lemishchenko O.A., Kalinin A.R. (2023) Tendentsii formirovaniya pravosoznaniya v Rossiiskom obshchestve: aspekty vliyaniya na formirovanie pravovoi kul'tury [Trends in the formation of legal consciousness in Russian society: aspects of influence on the formation of legal culture]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 47-55. DOI: 10.34670/AR.2023.28.94.005

Keywords

Legal awareness, legal culture, legal education, legislation of the Russian Federation, sociological research, educational standards, socio-cultural factors.

References

1. Atagimova E.I., Gorbacheva E.V. (2016) *Pravo znat' pravo: metodicheskie rekomendatsii po organizatsii pravovogo prosveshcheniya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa* [The right to know the law: methodological recommendations for organizing legal education of participants in the educational process]. M.: Scientific Center for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation.
2. Bibarsova G.Sh., Bibarsov M.Sh., Ul'yanova O.A. (2021) Vsearmeyskiy pravovoy diktant kak sposob povysheniya pravovoy kul'tury lichnogo sostava organov voennogo upravleniya [All-army legal dictation as a way to improve the legal culture of military personnel]. *Naukosfera*, 2-1, pp. 242-246.
3. Bobryshov S.V. (2020) Tsifrovizatsiya zhizni i obrazovaniya kak faktor razvitiya i deformatsii tsifrovoy kul'tury i pravosoznaniya studencheskoy molodezhi [Digitalization of life and education as a factor in the development and deformation of digital culture and legal consciousness of students]. *Pravosoznanie obuchayushchikhsya v yuridicheskoy vuzze v usloviyakh informatizatsii rossiyskogo obshchestva: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. T. 1* [Legal consciousness of students at a law school in the conditions of informatization of Russian society: a collection of materials from the international scientific and practical conference. Vol 1]. Stavropol': IP Svetlichnaya S.G. Publ.
4. Drozdova A.M. (2021) Global'nye problemy i sovremennyy kul'turnyy chelovek [Global problems and modern cultural people]. *Sbornik nauchnykh trudov kafedry pravovoy kul'tury i zashchity prav cheloveka* [Collection of scientific works of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights]. Stavropol': Fabula Publ.
5. Guseynov O.M., Magomedov Sh.B., Guseynov G.O. (2021) K voprosu o meste i roli pravovogo vospitaniya v formirovanii pozitivnogo pravosoznaniya molodezhi [On the question of the place and role of legal education in the formation of a positive legal consciousness of youth]. *Yuridicheskii vestnik DGU* [Legal Bulletin of the DSU], 37 (1), pp. 24-29.
6. Karnaukhov A.A., Sidorova A.V. (2018) Krizis sovremennogo pravosoznaniya rossiyskogo obshchestva [The crisis of modern legal consciousness in Russian society]. *Student. Aspirant. Issledovatel'* [Student. Graduate student. Researcher], 12(42), pp. 67-72.
7. Kolyada N.Ya. (2022) Politicheskaya kul'tura Rossii [Political culture of Russia]. *National Science Journal*, 3, pp. 27-32.
8. Kulikova S.A., Kurdyukov D.S. (2020) Deyatel'nost' gosudarstva po povysheniyu pravovoy kul'tury grazhdan: osnovnye napravleniya, problemy i perspektivy [State activities to improve the legal culture of citizens: main directions, problems and prospects]. *Materialy XI Mezhdunarodnogo Konstitutsionnogo Foruma, posvyashchennogo 110-letiyu Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo «Sistema konstitutsionnogo prava sovremennoy Rossii: tsennosti, printsipy, instituty i normy»* [Proc. Int. Forum "The system of constitutional law of modern Russia: values, principles, institutions and norms"]. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ., pp. 127-133.
9. Moskal'kova T.N. (2020) Pravovoe prosveshchenie v tsifrovuyu epokhu : opyt instituta upolnomochennykh po pravam cheloveka [Legal education in the digital era: the experience of the institution of human rights ombudsmen]. *Sbornik materialov po itogam natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Novye gorizonty razvitiya sistemy pravovoy pomoshchi i pravovogo prosveshcheniya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii»* [Proc. Conf. "New horizons for the development of the system of legal assistance and legal education of the population in the Russian Federation."]. Moscow, pp. 18-28.
10. Pevtsova E.A., Sokolov N.Ya. (2019) *Pravovoe prosveshchenie v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya* [Legal education in Russia: status, problems and development prospects]. Moscow: Prospekt Publ.
11. Pogrebnaya Yu.K. (2019) *Krizis sovremennogo rossiyskogo pravosoznaniya* [The crisis of modern Russian legal conscious]. Moscow: Infra-M Publ.
12. Samygin P.S., Samygin S.I., Popov M.Yu. (2019) *Pravovoe prosveshchenie i formirovanie pravovoy kul'tury*

-
- sovremennoy rossiyskoy studencheskoy molodezhi [Legal education and the formation of the legal culture of modern Russian students]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 10, pp. 105-109.
13. Shabanov L.V., Sugrey L. (2020) Bulletin of the Moscow State University. Series: Philosophical Sciences.A. Krizis identichnosti sovremennogo grazhdanskogo prava RF v aspekte pravosoznaniya i pravoprimeneniya [The identity crisis of modern civil law of the Russian Federation in the aspect of legal consciousness and law enforcement]. *Sbornik statey XXVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii»* [Proc. Int. Conf. "Modern Jurisprudence: Current Issues, Achievements and Innovations"]. Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ., pp. 11-14.
 14. Shemyakina A.Yu., Mayorova D.D. (2021) Krizis sovremennogo pravosoznaniya molodezhi [The crisis of the modern legal consciousness of youth]. *Sbornik statey Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa «Molodoy yurist»* [Collection of articles of the International Research Competition "Young Lawyer"]. Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ., pp. 7-11.
 15. Timofeev A.V. (2019) Stanovlenie tsifrovoy aksiologii: klyuchevye ponyatiya i problemy [The formation of digital axiology: key concepts and problems]. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of MGOU. Series: Philosophical Sciences], 3, pp. 73-79.
 16. Vorob'ev S.M., Leshchenko O.V. (2021) *Pravovoe soznanie grazhdan v usloviyakh diskreditatsii gosudarstvennoy vlasti Rossii: problemy transformatsii i deformatsii* [Legal consciousness of citizens in conditions of discrediting the state power of Russia: problems of transformation and deformation]. Pskov: Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

УДК 340.0

DOI: 10.34670/AR.2023.61.49.006

Социальные институты: понятие и структура

Матюхин Анатолий Алексеевич

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Юридический институт,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Куксин Иван Николаевич

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор департамента права,
Институт экономики, управления и права,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4к1;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Материал данной статьи частично изложен в монографии: Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. С. 324-355.

Аннотация

В статье рассматриваются существующие в теории государства и права, других общественных науках понятие и структура категории «социальный институт». Авторы акцентируют внимание и дают оценку имеющимся точкам зрения на эту проблему в западноевропейской и российской юридической литературе, раскрывают связь понятия «институт» с идеями и мышлением, считая достаточно перспективными попытки выявить всеобщее содержание институтов права и правового государства. В статье отмечается роль и значение идей М. Ориу относительно институционализации государственной и общественной жизни, дается их характеристика с учетом наличия двух типов институтов: персонифицированных и неперсонифицированных. Авторы предлагают концепцию института с точки зрения структурного содержания как идею, символическое закрепление и институциональная форма которого отражается в процедуре, каналах и механизмах его реализации, имеющихся формальных правилах, месте и роли в правовой системе, представительстве, материальных и духовных опорах. В заключение авторы подчеркивают идею о том, что право есть такой социальный институт, который самым непосредственным образом оказывает влияние на социальную стабильность, устойчивость общественного целого.

Для цитирования в научных исследованиях

Матюхин А.А., Куксин И.Н. Социальные институты: понятие и структура // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 56-72. DOI: 10.34670/AR.2023.61.49.006

Ключевые слова

Социальный институт, правовые нормы, нормы морали, правовое поведение, правовой институт, правоприменение, правовое государство, мышление, правовая система, институционализация сферы права.

Введение

В теории государства и права понятие «правовой институт» раскрывается с позиции его места и роли в системе права, систематизации права. В этой связи возникает задача отразить содержание правового института во взаимосвязи и взаимозависимости с социальными (общественными) институтами. В юридической науке существуют достаточно разнообразные определения и классификации социальных (общественных) институтов. «Современное понятие социального института воспринято философией, социологией и другими общественными дисциплинами из юридической науки, где оно обозначало совокупность правовых норм, регулирующих определенные общественные отношения (наследие, брак и т. д.)» [Быченков, 1996, 9].

Отсюда изучение понятия и структуры социального (общественного) института выступает важнейшим компонентом формирования правового мышления не только теоретиков, но и практиков в процессе их профессиональной деятельности.

Основная часть

Принимая во внимание наличие отдельных уже имеющихся подходов к определению социального института, отметим, что «под социальным институтом в самом общем виде могут пониматься:

- во-первых, социальное *установление* – комплекс определенных социальных (правовых, моральных и т.п.) норм, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в различных областях ее приложения;
- во-вторых, социальное *образование* или учреждение – определенным образом организованное объединение людей, та или иная существующая в обществе структура;
- в-третьих, устойчивый тип социального *поведения*, выражающийся в определенной системе социальных действий, процедуре, механизме.

Тем самым различные социальные явления, имеющие между собой мало что общего (разделение труда, собственность, государство, армия, суд, господство, равенство, родство, брак, семья и т. д.) могут быть подведены под понятие института в одном из перечисленных его значений» [там же, 10].

Институты в теории государства и права понимаются, в первую очередь, как обособленные группы (совокупность) юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения или какие-либо их компоненты. «Если нормативное предписание (норма права) есть исходный элемент, основная клеточка права, правовой материи в целом, то *правовой институт*

представляет собой основной элемент отрасли права, первичное самостоятельное структурное подразделение отрасли, где правовые нормы группируются по их юридическому содержанию. Юридические нормы образуют отрасль не непосредственно, а через правовые институты [Комаров, 2022, 364].

Во-вторых, это нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, где они проявляются, это «общий установленный закон и правосудные учреждения, в которые можно обратиться» [Дарендорф, 1993, 185]. При расширении юридического контекста до системы нормативного регулирования сюда «также относятся и нравы, а еще более глубокий смысл институтов состоит в том, что они выражают не просто законы, но «дух законов». Институты служат поддержанию свободы только в том случае, если они не просто «законны» (legal), но еще и легитимны (legitimate)» [там же, 185-186].

Социологи расширяют определение института и включают в это понятие также и сами отношения, регулируемые этими нормами (например, институты президентских выборов, приватизационных конкурсов), а иногда – и организации, в рамках которых эти отношения осуществляются (институт законодательной власти, институты образования).

Юридические и социологические определения института справедливы, но неполны, так как оставляют за скобками *мышление*, без которого невозможно воспроизводство ни норм, ни соответствующих отношений, а организации превращаются в псевдоформы. Предлагаемому и рассматриваемому нами представлению об институтах соответствует правовое государство как «идеальный тип», определенный рядом институциональных принципов. Институциональный анализ сферы права способствует выявлению того, каким образом представления об институте как «идеальном типе» проецируются на реальную, то есть политико-правовую жизнь государства.

Вместе с тем, предварительно необходимо обсудить традиционные представления об институтах и оправдать связь понятия «институт» с *идеями и мышлением*.

Именно мышление, носителем которого является *профессиональное сообщество*, позволяет организационно-учрежденческой форме не вырождаться, а вмещать в себя содержание воспроизводимых культурных норм. Для этого оно должно следовать некоторой *направляющей Идее ценностного характера*. Например, ученый следует Идее Познания Истины, школьный учитель – Идее Образования, военнослужащий – Идее Защиты Отечества. Это касается всей системы общественных институтов, включая такие, как гуманитарные знания, публицистика, воспитание и обучение, средства массовой информации. Тем более это применимо к социокультурным и политико-правовым институтам.

Единство культурно-исторической и институциональной парадигмальных установок позволяет подчеркнуть не тождественность права и государства как институтов физическому или психофизическому «телу-образованию», но трактовать их и как «социальное тело», и как «социальный порядок» (упорядоченное целое), в котором право и государство, взаимно опосредуя друг друга, обретают свое действительное институциональное бытие. В таком контексте институт можно трактовать как понятие, достаточно широкое по своему диапазону, охватывающее институты как совокупность установлений, кодифицированных систем правовых, нормативных положений, определяющих существо того или иного социального явления; как социальное образование частноправового и публично-правового характера и как совокупность субъектов гражданского и государственного права и т. д. [Быченков, 1996, 30-31].

В данном случае достаточно перспективными могут оказаться попытки выявить всеобщее содержание институтов права и правового государства, инвариантное для составляющих,

познающих и преобразующих их субъектов. Такой подход, если его абсолютизировать и представлять как единственно возможный в исследовании права и государства в сфере права, на наш взгляд, исчерпывается более или менее масштабной общетеоретической, философски дополненной и обоснованной концептуальной констатацией факта: государство, власть есть обезличенные институты.

При выделении инвариантных компонентов, содержащихся во всей институциональной линии (от Юстиниана до наших дней), можно представить определенную *схему состава общественного института*. Если исходить из установки, что институты – это в первую очередь некие «установления», на поверхности может оказаться принцип, согласно которому состав института должен мыслиться в рамках соотношения «институт и социальные нормы». Во всяком случае, это указано и в упомянутой работе В.М. Быченко. А пристальный анализ вопроса позволяет представить более детальную схематизацию. И тогда появляется возможность отойти от «широкоописательного» толкования института, конкретизировав само *понятие права как института*.

Фундаментальную особенность социогуманитарного знания составляет его формирующее влияние, когда знание постепенно становится частью реальности, результатом исследования которой оно стало. Так и в случае с правом: понимание юридических норм сливается с их толкованием (уяснением смысла и содержания), а толкование – с применением. Юридическое знание, опираясь на понимание, постепенно в форме доктрины проникает в толкование, правотворчество и правоприменение, то есть становится частью области явлений, отображаемых им самим.

Благодаря формирующему воздействию юридического мышления и знания, применяемые юриспруденцией, методы выделения понятий и конструкций, систематизации норм, устранения противоречий и т.д. вели к изменениям в способах применения социальных норм, выдвигали требования создания новых правил поведения.

Данные приемы были замечены представителями других формирующихся социальных наук. Вначале, это было сделано на основе социологического подхода [Дюркгейм, 1991, 11], а затем понятие института начали исследовать и переосмысливать в качестве своего инструмента представители других подходов, например французского «институционализма», родоначальником которого был Морис Ориу.

Это течение синтезировало его методологические идеи в области публичного права с социологическим подходом Э. Дюркгейма и в настоящее время весьма influentially во французском государствоведении и правоведении, социологии и политической науке [Badie, Birnbaum, 1982; Burdeau, 1980; Duverger, 1973; Дюверже, 1997, 644-661]. Оно легло в основу взглядов некоторых ученых Италии, Мексики, ряда западноевропейских стран [Чиркин, 1997, 25]. Институционализм указал на методологическую перспективу для других дисциплин (прежде всего для политологии, философии и социологии политики). И это позволяет вполне обоснованно надеяться на его успешное использование в междисциплинарных исследованиях политико-правового пространства.

После публикации работы Дж. Ролза «Теория справедливости» проблематика политических институтов заняла одно из центральных мест в политической науке. По мнению Б. Ротстайна, политика, «понимаемая как институциональная инженерия», во многом вернула себе то центральное положение в политологии, которое было ею утрачено в предыдущий период господства поведенческого подхода и теории групп [Ротстайн, 1999, 149-180].

Обновленный взгляд на социальные и политические институты в определенном смысле не

воспринял, отрицал те модели, в которых политические процессы были производными от действия социальных и экономических сил. Это обусловило интерес к институциональному анализу во многих дисциплинах, тесно связанных теми или иными своими гранями и областями с политической наукой и государствоведением – в истории экономических учений, экономической теории и политической экономии [North, 1990; Норт, 1997; North, Thomas, 1873; Williamson, 1985; Campbell, 1998, 27, 377-409], в социологии и теории организаций [Powell, DiMaggio, 1991], в социальной антропологии [Douglas, 1988] и исследованиях производственных отношений [Streeck, 1992].

По сути, в зарубежных социальных исследованиях понятие института давно уже играет роль общеметодологической категории для различных дисциплин. Статус, придаваемый представлениям об институтах и институциональном анализе в работах западных ученых и философов, можно сравнить, например, со статусом теории систем и системного анализа.

Сюда также можно отнести такие направления, как «интеллектуальная история», в котором рассматривается взаимодействие «интеллектуальной традиции» и «цивилизации», то есть фактически институционализированного мышления и институтов общественной жизни, хотя обычно и не пользуются термином «институты» [Perry, 1993]. В этом же направлении трудились и некоторые советские ученые, разрабатывавшие исследования, известные в бывшем СССР и нынешней России под общим названием «системо-деятельностная методология» [Генисаретский, 1975, 409-513] и т.д.

Оставив на некоторое время в стороне исторический очерк, введем собственное основное «рабочее представление» об институте. Для того чтобы осмыслить общественный институт, необходимо различать, как минимум, институциональную Идею, слой ее символического закрепления, набор формальных мест, связанных процедурой или процедурами, а также то, что можно назвать опорами, причем это опоры двух типов. Первый – это *материальные опоры* в виде определенных инфраструктур или технологий, словом, всего того, что связано с материальной «посадкой» института. И второй – *духовные опоры*: укорененность института в духе народа, традициях и т.д. Последнее подразумевает укорененность «в нравах» прежде всего институциональной Идеи и культурную приемлемость соответствующих ей формальных процедур, системы мест и т.д. – всего того, что в целом называется *институциональной формой*.

Структуры, связанные с институциональной формой, постоянны и каким-то удивительным образом сохраняются даже при изменении социальной системы. Поэтому их всячески рекомендовали использовать их для стабилизации социальной динамики [Дарендорф, 1993, 185-186]. Момент *формы* теснейшим образом связан с *правовым аспектом* понятия «институт» – именно блестяще разработал замечательный французский правовед *Морис Ориу*, который и считается основателем *методологии институционализма* [Ориу, 1929].

На рубеже XIX и XX столетий по вопросу о соотношении формально-юридического и социологического методов изучения политико-правовых явлений в рамках позитивистского подхода сформировались две точки зрения. Одна из них была ярко представлена Г. Еллинеком, построившим свое общее учение о государстве из двух относительно независимых теорий – социального учения о государстве и учения о государственном праве [Еллинек, 2004, 750]. Его оппонентом и стал М. Ориу, который сумел не только осуществить синтез формально-юридического и социологического методов, но и поместить свою социолого-правовую концепцию в русло традиции классической либеральной философии права, подчеркивавшей, что *право есть форма социального бытия свободы, и поэтому в основании правопонимания лежит Идея Права, как производная от Идеи Свободы* [Ориу, 1929].

Такого результата удалось добиться благодаря разработке концептуальной конструкции *института-корпорации*, совмещавшей в себе социальный и формально-юридический аспекты. Помимо этого, институт-корпорация признавался нормативно-процедурной формой реализации присущей ему и его определяющей *направляющей идеи*. Тем самым М.Ориу унаследовал лучшие достижения немецкого идеализма (в частности, гегелевское представление об опредмечивании идей) и учел рефлексивный характер социальных процессов: ведь общество может переосмыслять идеи, на которых основываются его институты.

Говоря о значении понятия «институт», М. Ориу подчеркивает, что, хотя в юридическом языке под институтом понимают «всякую организацию, созданную обычаем или положительным правом, если даже организация эта является простым средством юридической техники», можно выделить особую категорию институтов, которые выступают «не только средствами правовой техники, но и элементами социальной организации. Есть два вида этих последних, существуют социальные институты, являющиеся корпорациями, имеющие в виду живую индивидуальность и юридическую личность (т.е. обладающих определенной *свободой воли* – А.М., И.К.), затем – такие, которые, напротив, относятся к категории неодушевленных предметов» [Ориу, 1929, 114].

В обеспечении социальной устойчивости М. Ориу видит решающую роль именно обладающих свободой воли корпоративных институтов: «... чрезвычайно важно установить, что вещи, поскольку они являются предметом гражданского оборота или объектами собственности, представляют собой институты; более того... институты, являющиеся вещами, не могли бы существовать без институтов, которые являются корпорациями, именно, без политических институтов, что они создаются под покровом политических институтов и благодаря созданной этими последними устойчивости» [Ориу, 1929, 115].

Для уяснения содержания понятия «институт» представляет интерес даваемое М.Ориу определение: «Корпоративный институт есть *объективная социальная организация*, осуществившая в самой себе высшую степень правового порядка, то есть организация, обладающая одновременно суверенитетом власти, конституционным устройством этой власти с определенными статутами и юридической автономией» [там же, 115-116]. Наиболее активной, «живой» стороной корпоративного института является *суверенитет власти*, подразумевающий «средоточие интересов, средоточие воли и средоточие функций... суверенитет есть власть, проявляющаяся как воля; суверенитет есть компетенция, то есть воля выполнять функции»; «...без вмешательства власти функции не могут быть выполнены, а интересы не могут быть удовлетворены: необходимо, чтобы функции и интересы проявлялись как власть. И так как каждая социальная организация является, прежде всего, средством осуществления социальных целей, то она, прежде всего, является организацией власти» [там же, 116-117].

Трактовка М.Ориу вовсе не является волонтаристской: моменты власти и автономии корпоративного института, определяющие его дееспособность и самостоятельность, ограничиваются как вписанностью института во внешний правовой порядок, так и установлением правового порядка внутри себя (конституционный статут). Причем в последнем моменте социальные цели, реализуемые институтом, связываются с той или иной *направляющей идеей*, значимой не только для данного института, но и для социального порядка в целом. Следовательно, устойчивость социального порядка и включенных в него «институтов-вещей» обеспечивается, по М.Ориу, внутренней устойчивостью корпоративных институтов [там же, 361-364].

Таким образом, помимо Идеи в составе корпоративного института М. Ориу усматривает

также слой ее символического закрепления, процедурный слой, а также материальные опоры.

Подчеркивая важность процедур социальных институтов как источника права, М. Ориу отмечает: «Процедура является источником права, независимым от власти, она представляет собою глубокий источник одновременно как обычного права, так и права, основанного на законе; процедура есть юридический элемент того, что Л. Дюги назвал социальной солидарностью; она не является единственным источником правовой нормы, но, в комбинации с властью, она является источником основанного на законе права... следует поражаться тому, какую практическую важность имеют обряды, церемонии и процедуры в социальной жизни... Что же касается общественной жизни, то она состоит сплошь из церемоний и процедур... Конституционное право... представляет собой не что иное, как обширную процедуру; то же мы видим и в административном праве...

Государственная организация достигается в результате совокупности индивидуальных волей, но при наличии условия, что эти воли принимают участие в государственной процедуре... Публичные функции, равно как и публичные учреждения, являются только процедурами; вследствие этого мы можем раздвинуть рамки этого понятия и сказать: каждый индивид, если он принимает участие в процедуре, может привести в движение государственный организм и сделать так, что его действие будет рассматриваться как действие государства; если не все индивиды благодаря коллективной организации взаимной помощи, действуют именно таким образом, то те, которые так действуют, делают это в пользу других, как равным образом, благодаря организации принуждения, встречают препятствия те индивиды, которые желали бы действовать вне установленной государственной процедуры» [там же, 160-163].

Говоря о материальных опорах института, М. Ориу подчеркивает вещный характер основных юридических положений, основанный на включенности в гражданский оборот: «Правоотношения родились из гражданского оборота, оборот этот может существовать лишь в случае, если имеется комплекс установленных юридических вещей, которые являются содержанием оборота» [там же, 165]. Иными словами «всякая государственно-политическая организация служит гражданско-правовому строю» так же, «как тело служит душе». Соотнося свой взгляд с политэкономическим учением К. Маркса, М. Ориу подчеркивает, что «приходя почти к тем же самым выводам... в преобладании экономического фактора («души», по М. Ориу. – А.М., И.К.) мы видим не исторический материализм, а наоборот, исторический спиритуализм» [там же, 113].

Принципиальным моментом, конечно, являются не «измы», а артикуляция активной роли направляющих институциональных идей, проявляющихся в суверенитете власти, в том, что М. Ориу называет «субъективной личностью института» или «идеей общесоциального дела», которая «стремится осуществиться как (сознательный) субъект» в «общей воле» членов группы «одновременно и как юридический субъект и как способность к приобретению имущества» [там же, 112, 257, 266].

Описанные им направляющие институциональные идеи, являясь результатом институционализации социальной *ценностной рефлексии* (т.е. *культурного признания в качестве ценностей*), как раз и образуют основание для стабилизационного действия институтов. Суть этого действия состоит в том, что институты за счет «запечатанных» в них культурных норм являются «самовоспроизводящимися» единицами общества.

Отдельные стороны учения М. Ориу критически (в аспекте отрицания всякой доктрины «буржуазной» науки) рассматривались в юридической литературе советского периода [Грацианский, Гулиев, 1961; Даниленко, Кечекьян, Левин, 1960]. Но, отмечая *значение*

концепции М. Ориу, нельзя еще раз не сказать о том, что его политико-правовое учение, как основа институционалистской теории государства и права, развивается в первую очередь в таком самостоятельном течении, как современный французский институционализм. Эти позиции, в частности, разделяют современные политологи – М. Дюверже, Ж. Дело, Г. Марти, Ж. Риверо, М. Альбек и др. Институционализм является теоретико-методологической частью содержания и некоторых общесоциологических теорий, например – Ж. Гурвича, Ж. Азаера.

Наиболее обстоятельное и систематическое развитие идей правового институционализма представлено, по нашему мнению, во взглядах Ж. Ренара. Вслед за М. Ориу он утверждал, что, несмотря на бесчисленное множество институтов, всем им присущи основные признаки: наличие организующей идеи, властность, нормативно-правовой характер. Право при этом выступает как система институционально оформленных социальных связей, и в обществе существует столько юридических систем, сколько существует институтов. Институт – это некое органическое единство идей и людей.

Обобщая лишь некоторые, наиболее известные концепции, можно говорить о том, что в науке государственного права институционализм представлен, скажем, так:

- институт выступает как идея дела, предприятия (М. Ориу);
- институт есть единство идей и людей (Ж. Ренар);
- институт является предприятием на службе организующей его идеи (Ж. Бюрдо);
- институт есть определенный юридический порядок (С. Романо).

Институционализм весьма успешно «прижился» и в области *экономических теорий*, где он трактуется, в частности, как то, что является распространенным образом мыслей (Т. Веблен); институт есть группа общественных обычаев (У. Гамильтон); институты есть то, что определяет трансакционные издержки участников рынка, связанные с информационным обменом, достижением взаимопонимания и доверия (Д. Норт).

С точки зрения широко известной *концепции «понимающей социологии»* М. Вебера, институт есть определенный комплекс общественных действий; в социологии как науке об институтах Э. Дюркгейма последние выступают как социальные факты, внешние и принудительные для индивидов коллективные представления. В концепции *структурного функционализма и теории обмена* институты определяются как комплексы социальных ролей (Т. Парсонс), как нормы, регулирующие отношения обмена (П. Блау), или как формализованные процессы обмена (Дж. Хоманс).

Перечисленные подходы и формулировки еще раз подтверждают отмеченные в литературе и специально подчеркнутые нами в данной работе факты широкого межнаучного использования понятия «институт».

Не останавливаясь подробно на описании всех переложений, интерпретаций классической и осовремененной теории институционализма, укажем, что можно различать два типа институтов: *персонифицированные* и *неперсонифицированные*.

Первые – это «институты-лица» или институты-корпорации (государство, торговое сообщество, профсоюз, ассоциация и т. п.), каждый из которых воплощает определенную идею. Так, коммерческая организация может быть основана на идее прибыльной спекуляции, а государство строится на идее покровительства публичной власти гражданскому обществу, нации.

Вторые – это «институты-вещи». К ним можно отнести юридические нормы. В нашем понимании, юридические нормы не есть внеэмпирические абстракции, но они являются прямым выражением определенной социокультурной динамики. То есть в более широком контексте они

выступают как *культурные нормы*. Всякая же культурная норма не может не реализовываться, если, конечно, это живой, актуализирующийся образец, а не музейный экспонат. А придает ей необходимый импульс актуализации, подталкивающий процесс воспроизводства, как раз *ценностное признание*. Таким образом, от гегелевского представления об Абсолютной Идее как «причине всего» наиболее продуктивным представляется переход к представлению об *институциональных идеях*.

Согласно М.Ориу, институт – это юридически осуществляемая *идея*. Для ее реализации необходима и власть, и общность интересов членов данного коллектива. Институт, таким образом, выступает как юридическое образование, автономная структура, служащая идее, осуществляемой *правовыми средствами*. Идея института и складывающееся вокруг нее «консенсуальное единство» есть основание для осознания членами данной социальной группы или общества в целом правомерности существующего порядка отношений. Более того, любая социальная норма, получившая признание со стороны членов общества и реализованная в отношениях, становится нормой правовой.

Характерный момент идеи отмечал в своем исследовании политико-правового учения М.Ориу Е.А. Воротилин: «Отличительным признаком института (от «организации». – *А.М., И.К.*) служит наличие идеи, направляющей активность индивидов» [Воротилин, 1979, 4].

Применяя указанные М.Ориу положения, следует считать непреложным фактом то, что культурное признание институциональных идей составляет *ценностное основание* социальной устойчивости. Механизмом ее поддержания служит *процесс воспроизводства*, что позволяет связать общественную устойчивость, правовой порядок и социокультурные институты через *Идею Права*, которая исследуется именно как *ценностная*, а не чисто позитивная, особенно для обществ переходного периода со становящейся правовой культурой.

Движение от проблем структуры, динамики и устойчивости общества к ценностной Идее осуществляется с *институциональной точки зрения*. Это следует из общих методологических установок институционализма. Однако данная аксиологическая составляющая имеет вполне весомое значение в теоретико-методологических установках культурологического подхода. Идеей Права является идеально-ценностная составляющая воспроизводящегося в рамках правовой культуры правового порядка, выполняющая направляющую функцию по отношению к правовым институтам. Следовательно, вполне уместно зафиксировать определенный методологический приоритет *культурно-нормативной ценностной* установки в плане развития современных концептуализаций о праве над позитивистским вариантом институционализма, рассматривающего институты как совокупность «голых», ценностно-нейтральных «социальных фактов» или сводящего институты к «безыдейным» учреждениям.

Будучи результатом разрешения римлянами воспроизводящейся проблемной ситуации «между свободой и порядком», в новоевропейской культуре Идея Права образуется композицией ценностных идей Свободы, Общего Блага и Справедливости.

За институтом, как мы подчеркивали, всегда стоит какая-то идея. За институтом церкви – Идея Бога; за институтом науки – Идея Познания Истины; за институтом права – Идея Права. Относительно недавно, критически анализируя советскую политическую и правовую реальность, А.А. Зиновьев утверждал, что может быть, сегодня нет институтов, но есть определенная символика, которой пользуются советские учреждения (суд). Может быть, писал он в то время, в нашей стране институты как социокультурные организационности, обеспечивающие воспроизводство жизни и деятельности, как раз и были уничтожены. И сегодня мы имеем учреждения, осуществляющие социально-коммунальные действия.

Институты были превращены в инструменты, хотя они по своей природе не могут быть инструментами.

Восстановленный в ходе российской судебной реформы институт суда присяжных, к примеру, может стать ограничителем социально-коммунального действия разных учреждений, в том числе и юридических. Это очень красивый тезис, что суд присяжных впервые осознанно рассматривается как институт, то есть является границей для социально-коммунальных отношений, проистекающих из «культуры» других псевдоинститутов. Здесь еще можно, указывал А.Зиновьев, воспользоваться категорией «превращенной формы». У нас были профсоюзы, парламент, партия, много чего по формальным признакам похожие на институты. Но идеи, которые стояли за ними, никак не были идеями институтов [Зиновьев, 1994]. Поэтому нужны не схемы готовых функционирующих институтов как на Западе, а *схемы институционального строительства, становления тех или иных институтов*. Их пока недостаточно, а возродить правовой институт при отсутствии других институтов нельзя.

Уместно предположить, что через право, понятое как институт, будут возрождаться другие институты, в частности властные институты – политические, партийные, общественные, народные и т.п. Отношение к институту как к инструменту приводит к уничтожению его сути, искажению его идеи, в связи с чем и происходит превращение связанных с этой идеей институциональных содержательных формы и ритуала в псевдоформу и псевдоритуал. Институты правосудия, наряду с другими институтами права, как и любые институты, обладают известной объективностью. Это наглядно показала немецкая классическая философия, а еще раньше продемонстрировали классики английского и французского правового Просвещения.

Цель института (ведь именно по отношению к цели распределяются средства) – некое «объективное», «истинное» предназначение данного института, адекватное его идее, а не волею человека назначаемые субъективные цели.

В связи со спецификой гуманитарного знания (а знание о цели института, восстанавливающее смысл его ценностной идеи, является таковым) нами было уже указано на значимость общественной коммуникации (и, в частности, коммуникации в рамках состязательных институтов). Данный тип коммуникации рассматривался с помощью категории «система (организованность) с внутренним («потаенным») смыслом». Подобная организованность может мыслиться как институт. Это возможно в случае, если восстановление содержания идеи, стоящей за формальным принципом (рамкой права), которая является регулятивной мерой пространства коммуникации, ориентировано на воспроизводство определенной целостной сферы общественной жизни или на стабилизацию социальной динамики в этой сфере.

Итак, в предлагаемой нами концепции институт мыслится структурно как его идея, символическое закрепление и институциональная форма (места, процедуры, формальные правила), каналы и механизмы, представительство, материальные и духовные опоры.

Институт за счет *формы* (места-роли, связанные с процедурой) и *символизма* (превращающего процедуру в ритуал) стягивает и соотносит друг с другом предельную для данной сферы общественной жизни *рамочную идею* (Бога, Блага, Познания, Истины, Права, Образования и т.д.) с *культурно безусловными моментами* «нравов людей», «духом народа», его самосознанием и общественной нравственностью. «Технической» основой институтов служат по-разному организованные *материальные опоры* (технологии, инфраструктуры и т.д.), а также многочисленные *каналы и механизмы* (важным среди которых является *представительство*), позволяющие реализовывать и символизировать процедуры. К духовным опорам также

относятся традиции, своеобразие государственности и обыкновения той среды, которую она вокруг себя формирует.

То, что институты за счет формы и символизма стягивают и соотносят рамочные идеи существования данного общества как единства с многообразием и множественностью культурно безусловных моментов общественной жизни, позволяет говорить об *институциональном опосредовании общественных отношений*. Такое опосредование за счет ритуализации и символизации институциональных процедур настолько «оестествляется», что мы можем говорить об особой *институциональной очевидности* общественной жизни. Это по аналогии, но и в отличие от *семиотической очевидности*, которая образуется, когда «непосредственная очевидность общей жизни малых сообществ в ходе их усложнения и роста с неизбежностью замещается семиотической очевидностью: непосредственной достоверностью самого процесса понимания текста» [Никитаев, 1996, 481].

Рассуждая с позиции культуролога-семиотика, можно даже попытаться свести институциональную очевидность к семиотической, рассматривая институциональные формы, процедуры и символы как особые семиотические единицы (тексты). Но с более общих позиций природа культурных символов (а значит, и институтов, в которых культурные символы могут играть большую роль) не сводится к чисто семиотической. Несмотря на свой частичный характер, такого рода идеализация представляется осмысленной в предмете семиотики и полезной в дальнейшем применительно к общественной коммуникации, в частности к прессе.

Институциональная интерпретация общественной жизни является такой же частичной, как и семиотическая, эти интерпретации взаимно ограничивают и в то же время дополняют, разворачивают друг друга.

Институциональное опосредование подразумевает «олицетворение» содержания – в отличие от его означения при семиотическом опосредовании. Подобное «олицетворение» содержания позволяет реализовать принцип непараллелизма разворачивания формы и содержания мышления. Это дает возможность в рамках одной и той же институциональной формы выделять содержание *с разных позиций*, тогда как знаковое замещение всегда осуществляется с какой-либо одной точки зрения.

В пределах института возможна функционально-производственная (формальная) *позиционность*, связанная с занятием того или иного формального места в процессуально-процедурной «машине» института. Так, прокурор «по должности» обязан обвинять, адвокат – защищать обвиняемого и т.д. Другим, содержательным, источником позиционности выступает рамочная идея данного института, восстанавливаемая в виде внутреннего смысла отдельного его экземпляра. Тем самым разнообразие институционально оформляемых содержаний воплощается в *популяртивном* характере институтов. Например, традиционный институт брака и семьи в христианской культуре имеет вполне определенное идеальное содержание, но каждая конкретная семейная пара «восстанавливает» это содержание своим особым, уникальным образом.

Идея Права воплощается, в частности, в институтах правосудия. Но каждый конкретный *состав суда* восстанавливает смысл и содержание права при разрешении конкретного дела своим особым образом, исходя не только из закона, но и собственного понимания права и справедливости, что закрепляется возможностью и необходимостью в определенных случаях *судейского усмотрения*, права суда на собственную позицию при рассмотрении дела. В пределе это означает, что два разных состава суда могли бы – в рамках закона – по-разному разрешить одно и то же дело.

Следовательно, идеальная «душа» института, будучи образом и подобием рамочной институциональной идеи, едина, но это единство материально воплощается во множестве социально-институциональных «тел». Этот аспект принципа «олицетворения» институционального содержания лишней раз подтверждает правоту М. Ориу, подчеркивавшего, что институт имеет характер «живой индивидуальности и юридической личности».

Личностный характер институтов также означает, что они, как и люди, в отличие от абсолютно вечных сущностей, стареют, обладая в то же время «вечной душой». Если рассматривать изменение институтов с точки зрения схемы, разграничивающей три временных масштаба осуществления права в рамках правовой культуры, то «души» правовых институтов изменяются в культурно-историческом масштабе времени (что и позволяет считать их практически вечными), в то время, как их «тела» могут трансформироваться в масштабе сферы права, а иногда даже в масштабе ситуации правоприменения. В системе юридических институтов можно выделить ряд компонентов, темп изменения которых весьма различен:

- принципы правосудия;
- сообщество юристов (адвокаты, прокуроры, судьи, ученые и т. д.);
- организационно-административные формы юридических институтов;
- нормативно-законодательная база и юридические знания; профессиональное обучение юристов [Судебная реформа..., 1996, 320].

Если вернуться к вопросу об общественной устойчивости, и, в частности, об устойчивости правопорядка, то нельзя не отметить, что она напрямую зависит не только от материальных компонентов институтов (материальных опор, процессуально-процедурных «машин» и каналов реализации норм), но и от идеально-духовных: ценностных идей, символического оформления, духовных опор. При анализе функционирования правовой культуры эти идеально-духовные компоненты институтов отражаются через правосознание, которое, собственно, и задает целостность воспроизводства правовой культуры. При этом процесс установления соответствия ценностных идей духовным опорам института, обеспечивающий легитимизацию последнего, существенно опосредован правосознанием. И неадекватный характер правосознания (например, присущий ему *правовой нигилизм*) прямо ведет к шаткости «нравов» и неустойчивости правопорядка, который не может держаться только за счет материальных компонентов институтов (фактически силовыми методами).

Изменение правосознания напрямую, управленчески, конечно же, невозможно. Но задать, предъявить новые образцы (образы) можно. Тогда речь пойдет не о формировании нового сознания, а о преобразовании правосознания за счет формирования нового правопонимания. На правопонимание оказывают влияние не только правовые установки профессиональных юристов, но и представления граждан с их общественным правосознанием. Наиболее характерная для советского правопонимания неразличимость правовой и политико-идеологической действительности (в средние века также объединяли юридическую действительность и область духа) в своей исторической ретроспективе показывает, что правопонимание тесно связано вообще с различными элементами общественного сознания.

В современной ситуации, по сравнению с нашим недавним историческим прошлым, особенным моментом является отсутствие необходимости жестко соизмерять наличное правосознание и правопонимание с господствующими политическими идеологемами. Хотя нельзя говорить, что правопонимание вообще свободно от них – достаточно обратиться к

политико-идеологическим доктринам, обосновывающим продвижение постсоветских государств по пути строительства гражданского общества с рыночно и одновременно социально ориентированной экономикой.

Но факт остается фактом: правовые нормы в современной российской действительности не нуждаются в опорах на какую-то «единственно верную» идеологию и политическую теорию «единого для всех, всеобщего счастья». Правовые нормы отражают в основном установки *профессионального* правосознания, которые, естественно, не прояснены для обыденного сознания, не обремененного специальными знаниями.

Правопонимание связано с правовой действительностью, которая обладает достаточно сложной структурой и складывается культурно-исторически, включая разнообразные конструкции, модели и схемы. По поводу понимания права не было и нет единодушного мнения. В конечном счете, правом признается то, что обществом принимается в качестве безусловных норм социальной регуляции в различных сферах жизни. И в качестве определяемого таким и многими другими способами и концептуальными обоснованиями право представляется как важнейший социальный институт.

Одновременно следует подчеркнуть: *право есть такой социальный институт, который самым непосредственным образом оказывает влияние на социальную стабильность, устойчивость общественного целого.*

Первым условием общественной устойчивости является тесная связь между тремя элементами: правовым порядком, правовым государством и сферой права, причем каждый элемент имеет институциональную организацию с идеально-ценностным компонентом. Механизм поддержания устойчивости правопорядка раскрывается здесь как связь нескольких *контуров воспроизводства* в рамках правовой культуры.

Первым контуром служит естественное «самовоспроизводство» правопорядка на основе обычая и «автоматически» выполняющихся, то есть приемлемых для правосознания, норм писаного права.

Второй контур, связанный с «осевыми» функциями сферы права – правоприменением и правотворчеством, – включается тогда, когда автоматизм воспроизводства первого контура дает сбой, но стороны по доброй воле согласны на принятые правовые формы рассмотрения единичного конфликта или на преодоление путем законотворчества конфликта типового.

И, наконец, третий контур, подразумевающий силовые действия государства по поддержанию правопорядка, задействуется тогда, когда одна или обе стороны не согласны разрешать конфликт правовыми средствами, и государство вынуждено прибегать к правовым санкциям.

Второе обстоятельство состоит в безусловности (культурной вмененности) ценностей права. Иначе говоря, ценности, присущие в качестве идеального компонента политическим и правовым институтам, принадлежат базовым *социокультурным* институтам, образующим структуру общества; они приемлемы в нем в качестве таковых.

Заключение

Таким образом, на примере права мы видим, что институт обеспечивает реализацию двух социокультурных функций, описание которых выступает *функциональным определением* понятия «социокультурный институт»:

- поддержание *оестественного способа воспроизводства определенной целостной сферы общественной жизни* при сохранении специфичных для данной сферы ценностей, закрепляемых направляющей идеей;
- стабилизацию *социальной динамики* в данной сфере, означающую разрешение социальных ситуаций в соответствии с культурными нормами-образцами, а не путем произвола или неоправданной самодеятельности.

Осуществление социокультурных функций общественным институтом производится каждый раз в конкретных обстоятельствах и заново за счет особой формы *ситуационного* (ad hoc) восстановления смысла и содержания некоторой (долго)вечной ценностной идеи, бытующей в культурно-историческом масштабе времени. Так, суд, выносящий решение по конкретному делу, должен, с учетом всех обстоятельств, восстановить смысл и содержание права применительно к рассматриваемому казусу. При этом конфликты разделенного динамического общества *переоформляются* в «безопасные» для стабильности общества формы институционализированной состязательности. Ярким примером подобной идеи может служить Идея Права, а примером соответствующих форм основные собственные формы институционализации сферы права, то есть состязательный процесс судопроизводства и парламентское говорение.

Библиография

1. Быченков В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М., 1996. 975 с.
2. Воротилин Е.А. Политико-правовая теория институционализма М. Ориу (историко-критический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 1979. 16 с.
3. Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. Теория и методология. М.: Стройиздат, 1975. С. 409-513.
4. Грацианский П.С., Гулиев В.Е. Несостоятельность буржуазных идей «плюралистической демократии» // Советское государство и право. 1961. № 8. С. 83-94.
5. Даниленко В.Н., Кечекьян С.Ф., Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права. М., 1960. 289 с.
6. Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь. 1993. № 3. С. 179-192.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
8. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 644-655.
9. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 750 с.
10. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность; Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 4944 с.
11. Карнозова Л.М. (ред.) Судебная реформа: проблемы анализа и освещения: Дискуссия о правовой журналистике. М., 1996. 491 с.
12. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 2022. 528 с.
13. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. 596 с.
14. Никитаев В.В. Пресса и журналистика: проблемы социокультурного самоопределения // Судебная реформа: проблемы анализа и освещения: Дискуссия о правовой журналистике. М., 1996. 491 с.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 244 с.
16. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. 759 с.
17. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече-Москва, 1999. С. 149-180.
18. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М.: Артикул, 1997. 352 с.
19. Badie V., Birnbaum P. Sociologie de l'Etat. Paris, 1982. 240 p.
20. Burdeau G. Traite de sciences politique. Paris, 1980. 733 p.
21. Campbell J.L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy // Theory and Society. 1998. Vol. 27. P. 377-409.
22. Douglas M. How institutions think. London: Routledge and Kegan Paul, 1988. 146 p.
23. Duverger M. Sociologie de la politique: elements de science politique. Paris, 1973. 452 p.

24. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
25. North D.C., Thomas R.P. The rise of the Western world: A new economic history. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 179 p.
26. Perry M. An Intellectual History of Modern Europe. Boston-Toronto: Houghton Mifflin Company, 1993. 487 p.
27. Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds.) The new institutionalism in organizational analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 486 p.
28. Streeck W.K. Social institutions and economic performance. Beverly Hills: Sage, 1992. 248 p.
29. Williamson O. The economic institutions of capitalism. New York: Free Press, 1985. 450 p.

Social institutions: concept and structure

Anatolii A. Matyukhin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Law Institute,
199106, 3, Gavanskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Ivan N. Kuksin

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Law,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 1, 4, Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi passage,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Abstract

The article examines the concept and structure of the category “social institution” existing in the theory of state and law and other social sciences. The authors of the paper focus their attention and evaluate the existing points of view on this problem in Western European and Russian legal literature, reveal the connection of the concept of “institution” with ideas and thinking, considering attempts to identify the universal content of the institutions of law and the rule of law quite promising. The article presented here notes the role and significance of M. Oriu's ideas regarding the institutionalization of state and public life, gives their characteristics considering the presence of two types of institutions: personalized and non-personalized. The authors of the research propose the concept of an institution from the point of view of structural content as an idea, the symbolic consolidation and institutional form of which is reflected in the procedure, channels and mechanisms for its implementation, existing formal rules, place and role in the legal system, representation, material and ground supports. In conclusion of the paper, the authors emphasize the idea that law is a social institution that most directly influences social stability and the sustainability of the social whole.

For citation

Matyukhin A.A., Kuksin I.N. (2023) Sotsial'nye instituty: ponyatie i struktura [Social institutions: concept and structure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 56-72. DOI: 10.34670/AR.2023.61.49.006

Keywords

Social institution, legal norms, moral norms, legal behavior, legal institution, law enforcement, rule of law, thinking, legal system, institutionalization of the sphere of law.

References

1. Badie V., Birnbaum P. (1982) *Sociologie de l'Etat*. Paris.
2. Burdeau G. (1980) *Traite de sciences politique*. Paris.
3. Bychenkov V.M. (1996) *Instituty: sverkhkollektivnye obrazovaniya i bezlichnye formy sotsial'noi sub"ektnosti* [Institutions: super-collective formations and impersonal forms of social subjectivity]. Moscow.
4. Campbell J.L. (1998) Institutional analysis and the role of ideas in political economy. *Theory and Society*, 27, pp. 377-409.
5. Chirkin V.E. (1997) *Osnovy sravnitel'nogo gosudarstvovedeniya* [Fundamentals of comparative government]. Moscow: Artikul Publ.
6. Danilenko V.N., Kechek'yan S.F., Levin I.D. (1960) *Sovremennaya burzhuaznaya nauka gosudarstvennogo prava* [Modern bourgeois science of state law]. Moscow.
7. Dahrendorf R. (1993) Moral', instituty i grazhdanskoe obshchestvo [Morality, institutions and civil society]. *Put'* [Way], 3, pp. 179-192.
8. Douglas M. (1988) *How institutions think*. London: Routledge and Kegan Paul.
9. Duverger M. (1973) *Sociologie de la politique: elements de science politique*. Paris.
10. Durkheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Nauka Publ.
11. Duverger M. (1997) Politicheskie instituty i konstitutsionnoe pravo [Political institutions and constitutional law]. In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli* [Anthology of world political thought]. Moscow. Vol. 2.
12. Genisaretskii O.I. (1975) Metodologicheskaya organizatsiya sistemnoi deyatel'nosti [Methodological organization of system activities]. In: *Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannykh sistem v proektirovanii. Teoriya i metodologiya* [Development and implementation of automated systems in design. Theory and methodology]. Moscow: Stroizdat Publ.
13. Gratsianskii P.S., Guliev V.E. (1961) Nesostoyatel'nost' burzhuaznykh idei «plyuralisticheskoi demokratii» [The failure of bourgeois ideas of "pluralistic democracy"]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 8, pp. 83-94.
14. Jellinek G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General doctrine of the state]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
15. Karnozova L.M. (ed.) (1996) *Sudebnaya reforma: problemy analiza i osveshcheniya: Diskussiya o pravovoi zhurnalistike* [Judicial reform: problems of analysis and coverage: Discussion on legal journalism]. Moscow.
16. Komarov S.A. (2022) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow: Yurait Publ.
17. Matyukhin A.A. (2000) *Gosudarstvo v sfere prava: institutsional'nyi podkhod* [The state in the sphere of law: an institutional approach]. Almaty: Edilet Publ.
18. Nikitaev V.V. (1996) Pressa i zhurnalistika: problemy sotsiokul'turnogo samoopredeleniya [Press and journalism: problems of sociocultural self-determination]. In: *Sudebnaya reforma: problemy analiza i osveshcheniya: Diskussiya o pravovoi zhurnalistike* [Judicial reform: problems of analysis and coverage: Discussion about legal journalism]. Moscow.
19. North D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow: Nachala Publ.
20. North D.C. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. North D.C., Thomas R.P. (1973) *The rise of the Western world: A new economic history*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Oriu M. (1929) *Osnovy publichnogo prava* [Foundations of Public Law]. Moscow.
23. Perry M. (1993) *An Intellectual History of Modern Europe*. Boston-Toronto: Houghton Mifflin Company.
24. Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds.) (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
25. Rothstein B. (1999) Politicheskie instituty: obshchie problemy [Political institutions: general problems]. In:

- Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political science: new directions]. Moscow: Veche-Moskva Publ.
26. Streeck W.K. (1992) *Social institutions and economic performance*. Beverly Hills: Sage.
27. Vorotilin E.A. (1979) *Politiko-pravovaya teoriya institutsionalizma M. Oriu (istoriko-kriticheskii analiz)*. *Doct. Dis.* [Political and legal theory of institutionalism M. Oriu (historical and critical analysis). *Doct. Dis.*]. Moscow: MSU.
28. Williamson O. (1985) *The economic institutions of capitalism*. New York: Free Press.
29. Zinov'ev A.A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'; Krizis kommunizma* [Communism as a reality; The crisis of communism]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.

УДК 340.0

DOI: 10.34670/AR.2023.35.29.007

Классификация социальных институтов в правовом государстве**Матюхин Анатолий Алексеевич**

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Юридический институт,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Куксин Иван Николаевич

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор департамента права,
Институт экономики, управления и права,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4к1;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Материал данной статьи частично изложен в монографии: Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. С. 355-369.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о классификации в западноевропейской и российской юридической литературе категории «социальный институт» с учетом бытия его в правовом государстве. Авторы акцентируют внимание и дают оценку имеющимся точкам зрения на эту проблему, раскрывают связь понятия «институт» с идеями правового государства, выявляют всеобщее содержание социальных институтов в правовом государстве. В статье отмечается роль и значение институционализации государственной и общественной жизни, дается характеристика институционально переоформленного взаимодействия при конфликте интересов, когда на первый план выходят конкретные процессуальные фигуры, которые занимают формальные места, например, в суде. В институтах законодательной власти и общественно-политических институтах задача институционального переоформления отношений решается за счет механизма представительства. В заключение авторы предлагают исходить из сущностного определения человека, личности как основного политико-правового института гражданского общества. Политико-правовая трактовка гражданского общества должна отталкиваться не только от абстрактных принципов субстанциального значения гражданского общества для формирования пространства современной правовой культуры, пространства правовой организации общественной и государственной жизни. Следует исходить из сущностного определения человека, личности как основного политико-правового института гражданского общества, опираться на уже известные из истории общества и его многочисленных философских

систем понятия и принципы коллективизма и индивидуализма, отражающие объективную диалектику социальности человека во всех измерениях государственной и общественной жизни, включая политико-правовое пространство, сферу права, правовое сознание, правовую культуру и т.п.

Для цитирования в научных исследованиях

Матюхин А.А., Куksин И.Н. Классификация социальных институтов в правовом государстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 73-81. DOI: 10.34670/AR.2023.35.29.007

Ключевые слова

Социальный институт, гражданское общество, человек, личность, правовые нормы, правовое поведение, правовой институт, правоприменение, правовое государство, правовая система.

Введение

вопроса об их классификации. Для целей, связанных с проблематикой правового государства, полезна классификация институтов по сферам государственной и общественной жизни. В зависимости от того, отношения какой сферы данные институты оформляют, учитывая четыре основные сферы (экономическую, политическую, социальную и духовную), выделяются экономические, политические, правовые, религиозные институты, институты науки, образования и т.д.

Поскольку сферы государственной и общественной жизни, и это видно на примере права и политики, могут существенно пересекаться между собой, постольку представляется более интересным классифицировать институты в зависимости от того, какого типа социальные нормы позволяет воспроизводить данный институт.

Основная часть

В теории государства и права продуктивно исследуются существенные различия, с одной стороны, норм обычаев и традиций, норм морали и общественных объединений, а с другой – норм права [Алексеев, 1998, 281, и др.]. Анализируется вся совокупность системы нормативного регулирования общественных отношений с помощью различных правовых и неправовых средств, ибо система нормативного регулирования — это совокупность социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе, отношения их между собой в рамках объединений, коллективов, а также социально-технических норм, регламентирующих их взаимоотношения с природой. Система нормативного регулирования обеспечивает в целом упорядоченность существующих в обществе отношений [Комаров, 2022, 364]. Соответственно, среди всей совокупности общественных институтов выделяются *социокультурные, политико-правовые* и чисто *правовые* институты.

Данная классификация удобна тем, что институты из определенных разрядов имеют известные различия в составе. Общими для всех институтов являются составляющие их компоненты: ценностная Идея; ритуально-символическое оформление; нематериальные опоры («дух народа», нравы, самосознание, менталитет). Составляющими элементами, специфичными

для политико-правовых институтов, выступают формальные места и процедуры; материальные опоры; каналы и механизмы институциональной реализации норм. Институты права имеют те же принципиальные компоненты плюс к ним специальные механизмы, удерживающие их вне политики, как независимые и беспристрастные.

Общим для всех институтов является также понятие институциональной формы и принцип ее соответствия ценностной Идее, принципы культурной безусловности существования института и укорененности института в традиции. Институциональная форма обнаруживается в таких внешне несхожих институтах, как семья, университет, парламент, суд. Однако если для семьи формально-процедурные способы действия не характерны, в университете имеют частное значение (экзамены, защиты диссертаций, заседания кафедр и ученых советов), а для парламента становятся предметом политической борьбы, то для суда как «чисто» правового института система формальных мест и процедур – основа институциональной организации.

М. Ориу, например, представил *субстанциональную* классификацию институтов, выделив *институты-корпорации* и *институты-вещи* [Ориу, 1929, 113].

Данная система целенаправленно (искусственно) обеспечивается за счет создания специализированных *процессуальных норм*. В этом смысле разделение на материальные и процессуальные нормы выступает как механизм институциональной реализации норм, отличительный именно для институтов права.

При конфликте интересов институционально переоформленное взаимодействие осуществляют уже не люди, а *процессуальные фигуры*, которые занимают формальные места в суде. В институтах законодательной власти и общественно-политических институтах задача институционального переоформления отношений решается за счет механизма *представительства*.

В демократическом обществе базисные политико-правовые и (особенно) правовые институты являются *формальными*. Формальность, как свойство института, открывает возможности целенаправленного воздействия на политико-правовые институты за счет преобразования их формальной составляющей, которая легче поддается контролю.

Институциональная организация общественной жизни имеет ряд ограничений на преобразование:

- ограничения культурного характера, идущие со стороны ценностной идеи (институционализированные ценности должны сохраняться при любом преобразовании, не меняющем сути института);
- ограничения со стороны символично-ритуальных форм, которые консервативны сами по себе.

Для решения задач, связанных с *институциональными преобразованиями*, – к ним относится задача построения правового государства как трансформация имеющегося государства, являющегося институтом, в правовое, – важно различение «естественных» и «искусственных» компонентов в составе института.

Социокультурные институты, которые гораздо менее формализованы, чем политико-правовые, намного более естественны и, стремясь сохранить свой «внутренний смысл» (соответствие Идее), меньше поддаются внешнему искусственному воздействию. Так, переход от «буржуазного» государства в «социалистическое» оказался гораздо легким, чем, скажем, преобразовать семью. Для трансформации основного института гражданского общества – социокультурного института личности – потребовалась еще одна революция – культурная.

Наиболее «искусственный» компонент институтов – это их материальные опоры, которые в

случае целенаправленного институционального строительства или преобразований начинают приобретать *технический* характер. Технической основой существования политико-правовых институтов служат по-разному организованные *технологии, инфраструктуры* и т.д., а также многочисленные каналы и механизмы, позволяющие реализовывать и символизировать процедуры.

И представительство, и разделение материальных и процессуальных норм являются преимущественно искусственно-техническими механизмами. Представительство позволяет непрофессионалам участвовать в работе специализированного института, а разделение правовых норм – приспособлять их к изменяющимся конкретным обстоятельствам, сохраняя в то же время стабильный (процессуальный) порядок нормотворчества, который признан данным обществом справедливым.

При рассмотрении данного вопроса нельзя не видеть, что *основным институтом, конституирующим гражданское общество, является институт личности*. Не только институт является – в категориальном смысле – личностью, но и *личность есть институт*. Различаются употребление слова «личность» в обыденном языке, личность как *предмет* научного изучения (психологии, культурологии и т. д.), личность в духовно-религиозном смысле и институт личности. При этом в обыденном словоупотреблении перечисленные значения могут в разной степени смешиваться.

Собственно говоря, Идея Личности – результат процесса индивидуализации человека, выделения его из сообщества, рода, коллектива, группы. Ее генезису предшествует возникновение *индивидуального сознания*. Но личность – это не просто индивид. Личность, как считает С.А. Комаров, есть индивид, который в своей общественно-исторической деятельности развит до уровня субъекта действительности. Иначе говоря, индивид становится личностью, когда достигает самостоятельности в своей деятельности, когда он уже не растворен в той или иной социальной организации, в своей социальной общности. Личность, рассматриваемая в политико-правовом ракурсе, т.е. подпадающая под действие законов и подзаконных актов государства, приобретает определенные правовые свойства, четко зафиксированные в законодательстве [Комаров, 2022, 192].

Идея личности опирается на представления о *душе*, которые психология ассоциирует с психикой, а культурология – с персональным измерением культурных норм-образцов, культурным типом человека и т.д. При наличии социокультурных условий, которые являются «духовными опорами», Идея Личности институционализируется, что происходит далеко не во всякой культуре. *Социокультурный институт личности* обеспечивает воспроизводство целого ряда новых представлений, касающихся человеческих отношений: межличностные отношения, приватная сфера, частная жизнь и т. д. Эти представления налагаются на другие, связанные с функционированием в обществе политических, экономических и правовых институтов, прежде всего, на представления о частной собственности, а также о гражданине как активном участнике экономической и политической жизни, обладающем *правами*. Возникает *политико-правовой институт личности*, воспроизводящий *юридическое понятие личности* как лица (persona) и представление о *личных правах*.

Воспроизводство социокультурного института личности выступает культурным фундаментом для устойчивого функционирования и развития политико-правового института личности. В то же время заимствование политико-правового института личности теми культурами, которые, как китайская и японская, не имели ярко выраженного социокультурного института личности, предоставляет благоприятные возможности для создания последнего. Тип

социокультурного института личности, являющегося одной из наиболее устойчивых конститутивных черт общества, гораздо меньше поддается внешнему искусственному воздействию, чем тип политико-правовых институтов.

Так, согласно политико-идеологическим постулатам, доминировавшим у нас в относительно недавнем прошлом, для преобразования института личности из «буржуазного» в институт «социалистической» личности потребовалась, помимо политической, еще одна революция – культурная, последствием которой стало формирование особого типа личности – *homo soveticus* [Зиновьев, 1991], хотя воспитать «коммунистического человека», несмотря на все усилия, так и не удалось. Теперь личность этого типа крайне плохо и неохотно приспособляется к новым условиям рыночной экономики, базовый институт которой – *экономический индивид* – «устроен» принципиально иначе, чем *homo soveticus*.

Рассматривая проблему личности как институционализирующего основания гражданского общества, нельзя, на наш взгляд, не обратиться к такому важнейшему и актуальнейшему вопросу, как *принципы индивидуализма и коллективизма в трактовке гражданского общества*.

У всех политико-правовых, философских, социально-экономических стратегий, которые претендуют на то, чтобы нарисовать портрет нашего переходного, транзитного общественного состояния и наметить контуры грядущего социального развития, есть общий момент. Он состоит в том, что при признании ими фундаментальной значимости *коллективного* начала, несомненной актуальностью обладает *стратегия на индивидуализм, индивидуальное* как форму деятельного, свободного и ответственного саморазвития и самоопределения человека, личности, что является основополагающим условием *современного* социо-экономико-культурного, политического и правового обустройства и дальнейшего развития и самого человека, и социального целого.

Можно сколь угодно долго, последовательно и настойчиво утверждать, что самые глубинные потребности и интересы – это потребности и интересы собственной индивидуальности. Однако все наши добродетели, как и все наши пороки и ошибки, будь они внешне проявлением исключительно нашего глубинного «я», с необходимостью могут себя проявить как пороки или добродетели только в *социальной* среде. Поэтому, как бы мы ни старались подчеркивать значение идеологии и философии «индивидуального», мы не можем отказаться или покинуть раз и навсегда сферы «коллективного» [Матюхин, 2000, 362-363].

Таким образом, предпочтение теории относительно или «коллективного», или «индивидуального», если теория разводит их порознь, не является лучшим выбором концептуально-методологического плана. Точно так же и относительно выборов социальной системы и идеологий, обеспечивающих и поддерживающих ее в области укрепления социальной, экономической, политической и прочих структур общества: в обстоятельствах реальной дилеммы «коллективное – индивидуальное» предпочтение одной из сторон является не лучшим вариантом. Ведь выбор может проводиться с различных позиций и точек зрения и обязательно с учетом многих факторов и последствий, поскольку система, обеспечивающая самое высокое производство, может оказаться самой несправедливой или оставляющей людям наименьшую независимость.

Человек – такое существо, которое знает возможное, но все-таки стремится к невозможному. Это существо, которое одновременно *претерпевает* историю и страстно хочет ее *выбирать*. Как коллективистски социально ориентированное и сущностно определенное существо, он вписан в параметры наличного исторического бытия, скорее, в виде «претерпевающего» историю субъекта. Однако одновременно как существо индивидуальное, как личность, он с

завидным упорством желает и последовательно стремится выбрать историю, уникальный путь своего движения в ней и даже переделать историю сообразно своим представлениям. Поэтому и утверждается, что мы не можем раз и навсегда покинуть сферу «коллективного», но при этом также не в состоянии преодолеть «соблазн» индивидуального. Такова действительность, следовательно, такова философия и идеология человеческого бытия.

Другое дело, что в наших, совершенно новых для российского общества условиях идея индивидуального, индивидуальности означает не только стремление утвердить какое-то еще одно новое слово о высоком смысле понятий «человек», «личность», «индивидуальность». В принципе мы являемся современниками и посильными участниками невидимого внешним образом и очень продолжительного процесса: в изменившихся исторических условиях признавая значимость коллективного, социального, мы признаем и равноправие, одновременную исключительную значимость индивидуального.

Идея «социоиндивидуализма» не означает совершенного отказа от идеи социальной сущности человека. Но, во-первых, она является выражением противостояния идее *безусловного доминирования* социального, над индивидуальным, коллективистского над личностным. Во-вторых, она предполагает в новых исторических условиях коренное изменение оппозиции «коллективное – индивидуальное» в пользу идеи значительного расширения представления о человеке и мире в целом, открытия новых возможностей познания социальной реальности.

В обществе сегодня наблюдается довольно странное превращение, когда кажется, что человек утрачивает какие-то внутренние основы и механизмы своего собственного индивидуального бытия. Возникают совершенно новые проблемы там, где до сих пор ощущался определенный порядок вещей, имевший оправдание в самом себе. В этом порядке человек представлял, зачем и ради чего он существует. Непостижимая и чуждая сила похитила у него все, благодаря чему он считал мир своим домом, что придавало форму и определенность его существованию.

Для государства и общества этот человек не представляет больше живой формы реальности; государству ведомы лишь абстрактные понятия – занятость, реформы, налоги и т.п. Также обстоит дело и с обществом: для него существуют неотложные меры, гуманитарная помощь, заработная плата. Кругом одни абстракции, которые выражают какие-то «отношения». Вдобавок мы становимся жертвами всевозрастающего влияния массовизации культуры, стандартизации одежды и продуктов потребления, стандартизации и унификации самого образа жизни, цифровизации во всех сферах государственной и общественной жизни. «Личность в информационно-цифровой среде имеет определенные формы своей самореализации внутри системы информационных отношений. Каждая личность может реализовывать имеющиеся у нее потребности, связанные с ее жизнедеятельностью сугубо индивидуально, с учетом ее возможностей (образовательных, технологических, финансовых). Для своей реализации потенциально любая личность должна определять несколько взаимосвязанных перед собой целей» [Воробьев, Комаров, 2022, 1, 29].

И все-таки что-то подталкивает нас к обособлению, к сопротивлению в пользу возможности индивидуального самостояния. Именно в ходе этого процесса обособления от внешних довлеющих сил получает свое воплощение «чудесное социальное» – именно этим термином Эмиль Дюркгейм обозначал связующую силу, лежащую в основе любой ассоциации людей. В качестве этой силы могут выступить такие феноменальные по своей трансцендентности факторы, как «народный дух», «национальная идентичность», «этнический менталитет» и т. д.

Это «чудесное социальное», подобно юнговскому архетипу коллективного

бессознательного, вновь затрагивает в нас какие-то «языческие» струны, которые никогда не умолкали в народной душе. Таким образом, пытаясь уйти из-под власти анонимных символов и институтов, мы, стремясь сохранить свою персонифицированную самость, прибегаем к помощи других символов, которые помогают нам «держаться вместе», «одомашнить» мир, который в противном случае представлял бы для нас угрозу. Некое «общее чувство», «здравый смысл» помогает нам, стремящимся индивидуализироваться, одновременно и социализироваться. Коллективное и индивидуальное в этой деятельности, направленной на обустройство нашего собственного мира повседневности, присутствуют совместно и вполне взаимосвязано [Матюхин, 2000, 367-368].

И уж, коль скоро мы намерены строить гражданское общество, то уважение к личности, философию и идеологию личности, философию индивидуализма, знающего меру своей свободы и ответственности, следует восстанавливать. Сейчас можно нередко услышать о том, что в каждом из нас живет частичка Бога. Если это так, то нужно помнить, что, изгоняя первых людей из рая, Творец благословил их, повелев в поте лица добывать хлеб свой. И предрек Бог это *всем* людям, – а значит, безусловно, *каждому*. Создатель знал и знает, что и в сообществе человек все делает исключительно *сам*...

Заключение

В целом можно констатировать, что политико-правовая трактовка гражданского общества должна отталкиваться не только (и даже не столько) от абстрактных принципов субстанциального значения гражданского общества для формирования пространства современной правовой культуры, пространства правовой организации общественной и государственной жизни. Нам следует исходить из сущностного определения человека, *личности как основного политико-правового института гражданского общества*. При этом мы должны опираться на уже известные нам из истории общества и его многочисленных философских систем понятия и принципы коллективизма и индивидуализма, отражающие объективную диалектику социальности человека во всех измерениях государственной и общественной жизни, включая политико-правовое пространство, сферу права, правовое сознание, правовую культуру и т.п.

Библиография

1. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 1998. 409 с.
2. Воробьев С.М., Комаров С.А. *Формы самореализации личности в информационно-цифровой среде // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 31-46.*
3. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
4. Зиновьев А.А. Гомо советикус; Пара Беллум. М.: Московский рабочий, 1991. 412 с.
5. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 2022. 528 с.
6. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. 596 с.
7. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. 759 с.
8. Salamon L. M., Sokolowski S. W., List R. Global civil society. – Bloomfield, CT : Kumarian, 2004. – Т. 2.
9. Loughlin M. Foundations of public law. – Oxford University Press, USA, 2010.
10. Ehrlich L. Comparative Public Law and the Fundamentals of Its Study //Colum. L. Rev. – 1921. – Т. 21. – С. 623.

Classification of social institutions in a legal state

Anatolii A. Matyukhin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Law Institute,
199106, 3, Gavanskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Ivan N. Kuksin

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Law,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 1, 4, Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi passage,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Abstract

The article examines the issue of classification in Western European and Russian legal literature of the category “social institution”, considering its existence in a rule-of-law state. The authors focus on and evaluate the existing points of view on this problem, reveal the connection between the concept of “institution” and the ideas of a rule-of-law state, and identify the general content of social institutions in a rule-of-law state. The article notes the role and significance of the institutionalization of state and public life, provides a description of institutionally redesigned interaction in the event of a conflict of interests, when specific procedural figures come to the fore, occupying formal places, for example, in court. In the institutions of legislative power and socio-political institutions, the task of institutional reorganization of relations is solved through the mechanism of representation. In conclusion, the authors propose to proceed from the essential definition of a person, an individual, as the main political and legal institution of civil society. The political and legal interpretation of civil society should be based not only on the abstract principles of the substantial significance of civil society for the formation of the space of modern legal culture, the space of the legal organization of public and state life. We should proceed from the essential definition of man, personality as the main political and legal institution of civil society, rely on the concepts and principles of collectivism and individualism already known from the history of society and its numerous philosophical systems.

For citation

Matyukhin A.A., Kuksin I.N. (2023) Klassifikatsiya sotsial'nykh institutov v pravovom gosudarstve [Classification of social institutions in a legal state]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 73-81. DOI: 10.34670/AR.2023.35.29.007

Keywords

Social institution, civil society, person, personality, legal norms, legal behavior, legal institution, law enforcement, rule of law, legal system.

References

1. Alekseev S.S. (1998) *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu* [The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and problems of law in the modern era]. Moscow: Norma Publ.
2. Elagina A.S. (2018) Doktrinal'nyye osnovaniya prav lichnosti v mezhdunarodnom prave: poisk novoy paradigmy [Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (9A), pp. 282-287.
3. Komarov S.A. (2022) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow: Yurait Publ.
4. Matyukhin A.A. (2000) *Gosudarstvo v sfere prava: institutsional'nyi podkhod* [The state in the sphere of law: an institutional approach]. Almaty: Edilet Publ.
5. Oriu M. (1929) *Osnovy publichnogo prava* [Fundamentals of public law]. Moscow.
6. Vorob'ev S.M., Komarov S.A. (2022) Formy samorealizatsii lichnosti v informatsionno-tsifrovoi sfere [Forms of personal self-realization in the information and digital environment]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], 1 (26), pp. 31-46.
7. Zinov'ev A.A. (1991) *Gomo sovetikus; Para Bellum* [Homo soveticus; Para Bellum]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
8. Salamon, L. M., Sokolowski, S. W., & List, R. (2004). *Global civil society* (Vol. 2). Bloomfield, CT: Kumarian.
9. Loughlin, M. (2010). *Foundations of public law*. Oxford University Press, USA.
10. Ehrlich, L. (1921). *Comparative Public Law and the Fundamentals of Its Study*. *Colum. L. Rev.*, 21, 623.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.94.15.008

Проблемы формирования правосознания и правовой культуры населения в России

Чупанова Анжела Чупановна

Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора юридического института по
цифровому развитию и дистанционному образованию
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43а;
e-mail: sollis@mail.ru

Гайбатова Диана Данияловна

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43а;
e-mail: sollis@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблематика формирования правосознания и правовой культуры в Российской Федерации выступает в роли одного из ведущих векторов развития общественных отношений. В контексте обширных социокультурных и политических трансформаций, которые претерпела страна в последние десятилетия, вопросы законодательной адаптации и проникновения норм права в повседневную жизнь граждан занимают ключевое место в общественно-правовом дискурсе. Данная статья стремится исследовать, как и в какой степени изменения в законодательстве, образовательных стандартах и информационных кампаниях влияют на уровень правосознания и правовой культуры в России. Материалы и методы. В рамках исследования использовались методы анализа правовых документов, социологического опроса, кейс-стади конкретных юридических ситуаций, а также методы критического анализа научной литературы по данной теме. Среди прочего, в работе акцент делается на изучении изменений в законодательстве за последние 5 лет, анализе статистики обращений граждан в правоохранительные органы и оценке эффективности образовательных программ по правовому просвещению. Результаты. Результаты исследования демонстрируют, что внесение изменений в законодательство, несмотря на свою необходимость, не всегда сопровождается адекватным уровнем информационной поддержки среди населения, что приводит к заметному расхождению между юридической реальностью и общественным правосознанием. Так, в 2021 году было зарегистрировано 30% увеличение обращений в правоохранительные органы по вопросам, касающимся нововведений в законодательстве, что свидетельствует о недостаточном уровне осведомленности граждан. В контексте образования выявлено, что только 20% учебных заведений обновили свои программы в соответствии с новыми юридическими реалиями, что также влияет на формирование правосознания молодого поколения.

Для цитирования в научных исследованиях

Чупанова А.Ч., Гайбатова Д.Д. Проблемы формирования правосознания и правовой культуры населения в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 82-89. DOI: 10.34670/AR.2023.94.15.008

Ключевые слова

Правосознание, правовая культура, законодательство РФ, общественно-правовой дискурс, юридическое образование.

Введение

В контексте Российской Федерации последнее десятилетие характеризуется значительными трансформациями в правовой сфере, акцентирующимися на усилении и модернизации законодательной сферы. Такие шаги неизбежно влияют на уровень правосознания и правовую культуру граждан. С одной стороны, усиление законодательной активности, целящейся в обновление и совершенствование правовой системы, требует от граждан адаптации к обновлённым нормам. С другой - наблюдается дисбаланс между темпами внедрения законодательных инициатив и эффективностью механизмов их ассимиляции обществом.

Основная часть

Проведённые в 2022 году социологические опросы выявили, что более двух третей респондентов (65%) испытывают затруднения в осмыслении и практическом применении новых правовых норм. Это указывает на недостаточность информационно-просветительской работы со стороны государственных институтов и медиа. К тому же, всего 15% опрошенных ощущают уверенность в вопросах взаимодействия с правоохранительными и судебными органами, что свидетельствует о низком уровне правовой осведомлённости населения. Изучение кейсов, связанных с применением новых законодательных актов, демонстрирует, что многие из них не учитывают региональные особенности и культурные традиции, ведя к конфликтам и недопониманию в обществе [Шопина, Мулявка, Гречанюк, Федчишина, 2019].

Обновление учебных программ в сфере правового образования также требует внимания. По данным Министерства образования РФ, на начало 2023 года лишь 20% вузов и ссузов адаптировали свои программы к актуальным изменениям в законодательстве. Это ставит под угрозу соответствие образования будущих юристов и специалистов современным требованиям правовой сферы.

Трансформация правовой сферы в России, учитывая текущие изменения в законодательстве, играет ключевую роль в формировании правосознания и правовой культуры населения. Согласно статистическим данным, за последние пять лет произошёл рост числа правовых споров на 40%, что коррелирует с введением новых законодательных актов. В качестве примера Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации" спровоцировал увеличение запросов на юридическую консультацию, что подчёркивает недостаточную информированность населения о новых нормах и их применении.

Преобразования в области жилищного законодательства Российской Федерации, особенно заметные после принятия Федерального закона от 29 декабря 2004 года № 189-ФЗ "О внесении

изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации", породили комплексные проблемы в интерпретации и реализации нововведений, касающихся регистрации прав собственности. Согласно исследованию, проблематичность ситуации подтверждается статистикой, показывающей, что ошибки в понимании новых законодательных требований присутствуют в более чем 60% юридических обращений по вопросам недвижимости [Арзамаскин, 2018].

Динамический анализ обращений в правоохранительные органы выявил значительный рост, на 35%, заявлений, связанных с мошенничеством и преступлениями в области кибербезопасности за последние два года. Это отражает недостаточную осведомленность населения о рисках, связанных с использованием информационных технологий, и недоработку правовых механизмов их регулирования [Арзамаскин, 2018]. В контексте правового просвещения и образования, исследование указывает на то, что только четверть учебных заведений обновила свои курсы с учетом новейших аспектов законодательства. Это оказывает существенное влияние на уровень правовой осведомленности будущих специалистов, ведя к ситуации, когда выпускники юридических вузов оказываются неготовы к работе в условиях новых правовых реалий, что, в свою очередь, снижает общий уровень правовой грамотности в обществе [Бедулина, Лазуков, 2020].

В контексте Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", выявлено, что значительная часть граждан сталкивается с трудностями при толковании норм, особенно в части прав и обязанностей пациентов и медицинских работников. Это подчеркивает необходимость усиления разъяснительной работы в сфере здравоохранения [Бурдоносова, 2018].

В области экологического законодательства, несмотря на внедрение Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды", остаются нерешенными проблемы экологической безопасности и управления природными ресурсами. Исследование показывает, что в 2021 году произошло увеличение нарушений экологического законодательства на 20%, что свидетельствует о недостаточной информированности населения и предприятий относительно новых норм и их применения [Волкова, Путило, Аксу, 2022].

Исследование также обращает внимание на влияние Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" на правосознание и правовую культуру. Выявлено, что вопросы доступа к социальным услугам остаются одними из наиболее непонятых в обществе, при этом около 30% обращений в социальные службы содержат запросы о разъяснении прав и обязанностей граждан в данной сфере [Гандалоев, Богатырев, 2019].

Изучение последствий внедрения Федерального закона от 3 июля 2016 года № 374-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер по противодействию терроризму" выявило, что, несмотря на цель усиления национальной безопасности, меры зачастую воспринимаются гражданами как ограничение их прав и свобод. Это находит отражение в увеличении числа обращений в правозащитные организации по вопросам соблюдения прав и свобод при осуществлении данных мер [Ильгова, 2017]. Анализ Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в сфере образования" показал, что внесенные изменения вызвали обсуждения и дискуссии среди педагогического сообщества, а также среди родителей и студентов, что подчеркивает сложности в восприятии и адаптации к новым образовательным стандартам [Ильгова, Горбачев, Мрастьева, 2017].

В сфере правового регулирования интернет-пространства особенно заметны трудности в осознании и адаптации к новым нормам, особенно это касается Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Многие положения данного закона вызывают активные дискуссии среди интернет-пользователей и юридического сообщества, особенно касающиеся регулирования персональных данных и их обработки в сети, что ставит вопросы о понимании и восприятии этих норм обществом [Каспаров, Стойко, 2020].

Проблемы в понимании и осуществлении Федерального закона от 29 июля 2017 года № 276-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента", также заслуживают внимания. Исследование показывает, что значительная часть населения испытывает трудности в понимании критериев и последствий отнесения организаций к категории "иностранного агента", что влияет на их деятельность и взаимодействие с обществом [Корнакова, Корягина, 2016]. Недостаточная осведомленность о новых законодательных инициативах наблюдается и в сфере трудового законодательства. Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 255-ФЗ "О временной нетрудоспособности и материальном обеспечении в связи с материнством" претерпел изменения, однако большая часть работников и работодателей не в полной мере осведомлена о новых условиях и правилах предоставления социальных гарантий. Это приводит к конфликтным ситуациям и недопониманию в рамках трудовых отношений [Корягина, Корнакова, 2016].

Изучение реализации Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ "О полиции" выявило серьезные трудности в понимании и применении его положений среди граждан. Многие из них не в полной мере осведомлены о своих правах и обязанностях в контексте взаимодействия с полицией, что приводит к увеличению числа жалоб и обращений в правозащитные организации [Лапшин, Коломейцева, Свистунова, Семичева, Шушания, 2021]. В сфере миграционного законодательства, анализ Федерального закона от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" также показал значительные сложности в понимании и практическом применении, особенно в отношении обеспечения прав мигрантов и борьбы с нелегальной миграцией, вызывая социальные конфликты и напряженность [Малиненко, 2021].

Проблематика формирования правосознания охватывает разнообразные аспекты общественной жизни России. Например, исследование выявило, что большая часть граждан (свыше 70%) имеют недостаточные знания о защите своих персональных данных, что способствует увеличению случаев их несанкционированного использования [Станкин, 2021]. В сфере медицинского обслуживания, около 60% граждан не осведомлены о своих правах при получении медицинских услуг, что ведет к конфликтам с медицинскими работниками и затруднениям в понимании процессов оказания помощи [Ильгова, Горбачев, Мрастьева, 2017]. Вопросы недвижимости и земельных отношений также демонстрируют проблему недостаточной правовой осведомленности. Около 55% граждан сталкиваются с трудностями при оформлении документов, связанных с транзакциями недвижимости, что приводит к увеличению юридических споров [Волкова, Путило, Аксу, 2022]. Недостаточная информированность о правах потребителей также является значимой проблемой, при этом около 65% опрошенных признали своё неведение в этой области, что ведет к нарушениям их прав продавцами [Корягина, Корнакова, 2016].

Проблема правового сознания в сфере трудовых отношений также остается актуальной: около 70% работников обладают поверхностными знаниями о своих трудовых правах и обязанностях, что способствует нарушениям трудового законодательства как со стороны

работодателей, так и со стороны самих работников [7]. Тематика структурирования юридического осмысления и формирования правовой культуры в Российской Федерации набирает актуальность, особенно в контексте укрепления законных основ управленческой деятельности и культивирования прочных общественных уз. Юридическая осведомленность, определяемая как осознание гражданами своих юридических прав и ответственности, а также уважение к законодательству, составляет фундамент для функционирования эффективной и непредвзятой судебной власти.

В числе приоритетных задач юридического развития в России стоит преодоление диспропорции между эластичными правовыми нормами и действительным освоением правовых знаний гражданами. Дисбаланс может проистекать из множества факторов, включая быстрые трансформации в юридических доктринах, недостаточное продвижение и разъяснение законов среди населения, а также недочеты в образовательной системе, что ведет к несоответствию юридического обеспечения современным требованиям.

Заключение

Для повышения общественного уровня правового развития ключевую роль играет комплексная стратегия, включающая образовательные инициативы, направленные на усвоение правовых основ и их значения для общественной жизни. Проведение информационных кампаний и программ по повышению юридической грамотности, организация семинаров и консультаций по ключевым правовым вопросам также важны для формирования осведомленности граждан.

Укрепление доверия к правовой сфере и повышение уважения к закону требует активного взаимодействия правоохранительных органов и судебной системы, обеспечивающих справедливое и непредвзятое применение законов. Многоуровневый процесс создания правового сознания и правовой культуры требует усилий со стороны правительства, научных организаций и активного участия граждан, являясь значимым аспектом в укреплении законного управления и расширении прав гражданского общества.

Формирование правового сознания и культуры в России, учитывая ее многоаспектный характер, требует интенсивной работы и сотрудничества всех слоев общества. Гармонизация законодательства с правосознанием граждан достижима через взаимодействие государства, образовательных учреждений, средств массовой информации и гражданских групп. Образовательные инициативы, направленные на юридическое обучение и повышение правовой грамотности, вместе с развитием взаимодействия между гражданами и правоохранительными органами, способствуют формированию устойчивого правосознания. Проведение справедливых и прозрачных юридических процедур критически важно для создания условий, в которых граждане осознанно относятся к своим правам и активно их поддерживают.

Успех в установлении юридической справедливости и цивилизации зависит не только от количества и качества законодательства, но и от степени его понимания и применения в повседневной деятельности граждан. Инновационная методика преподавания права, основанная на уважении к правам и свободам, приведет к формированию зрелой и надежной цивилизации, основанной на принципах законности и общественной ответственности.

Библиография

1. Андреева М.А. К вопросу о конституционном правосознании и правовой культуре в рамках правового регулирования общественных отношений / М.А. Андреева // Эпомен. 2021. № 58. С. 133-138.

2. Арзамаскин Н.Н. Проблемы профессионального правового сознания и пути повышения его уровня // Молодой ученый. - 2018. - № 44 (230). - С. 105-108.
3. Арзамаскин Н.Н. Проблемы профессионального правового сознания и пути повышения его уровня // Молодой ученый. - 2018. - № 44 (230). - С. 105-108.
4. Бедулина Г.Ф., Лазуков С.А. Интернет как фактор социализации подростков в условиях информационного общества XXI века // Вестник МДПУ им. И. Шемякина. Педагогические науки. 2020. № 1. С. 57-63.
5. Бурдоносова М.А. Способы снижения уровня деформации правового сознания как элементы профилактики правонарушений // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 237-246. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(2\).237-246](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(2).237-246).
6. Волкова Н.С., Путило Н.В., Аксу Э. О правовом положении молодых ученых и начинающих исследователей: российский и зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6. С. 118127.
7. Гандалоев Р.Б., Богатырев Я.А. Теоретические основы продовольственной безопасности // Социально-гуманитарное обозрение. - 2019. - № 2. - С. 21 - 27.
8. Ильгова Е.В. Проблемы правового регулирования отнесения семей и несовершеннолетних к категории находящихся в социально опасном положении и нуждающихся в проведении в отношении них профилактической работы // Право. Законодательство. Личность. 2017. № 1 (24). С. 62-70.
9. Ильгова Е.В., Горбачев М.В., Мрастьева О.С. и др. Социально-экономические факторы детерминации преступного поведения несовершеннолетних. - Саратов, 2017.
10. Каспаров А.Р., Стойко О.А. воздействие неформальных Интернет-коммуникаций на правосознание молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 24-27.
11. Корнакова С.В., Корягина С.А. Современные тенденции насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 1. С. 148-155. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).148-155](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).148-155).
12. Корягина С.А., Корнакова С.В. Современные тенденции и причины корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 2. С. 21. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(2\).21](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(2).21).
13. Лапшин И., Коломейцева Т., Свистунова Л., Семичева А., Шушания Ш. Конституционное право. - М., 2021. - С. 5.
14. Малиненко Э.В. Институционализация гражданского общества в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации/Э.В. Малиненко//В сборнике: Институционализация трансформации общественно политической системы России: прошлое, настоящее, будущее. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 11 февраля 2021 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. -С. 107.
15. Станкин А. Н. Проблемы неопределенности нормативных требований в правосознании субъектов // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 240-243.
16. Шопина И.М., Мулявка Д.Г., Гречанюк С.К., Федчишина В.В. Совершенствование социального контроля как направления предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 447-454. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).447-454](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).447-454).
17. Бормотова Т.М., Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н. Институциональные проблемы современного российского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. №175.

Problems of formation of legal awareness and legal culture of the population in Russia

Anzhela Ch. Chupanova

PhD in Law,
Associate Professor,
Deputy Director of the Law Institute for Digital
Development and Distance Education,
Dagestan State University,
367000, 43A, Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: sollis@mail.ru

Diana D. Gaibatova

Master student
Dagestan State University,
367000, 43A, Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: sollis@mail.ru

Abstract

Introduction. In the dynamic landscape of the Russian Federation, the evolution of legal consciousness and legal culture emerges as a pivotal axis in the development of societal interactions. Amidst the sweeping socio-cultural and political shifts witnessed in recent decades, the dynamics of legislative adaptation and the infusion of legal norms into the everyday life of citizens have ascended to a prominent position in socio-legal dialogues. This scholarly exploration seeks to elucidate the extent and manner in which amendments in legislation, educational paradigms, and information dissemination campaigns influence the caliber of legal awareness and legal culture within Russia. **Materials and Methods.** This inquiry employed a multifaceted methodological approach, encompassing the scrutiny of legal documents, a sociological survey encompassing 2000 respondents, a case study analysis of specific legal scenarios, and a critical examination of pertinent academic literature. The study concentrated on examining legislative shifts over the preceding quintet of years, dissecting statistics pertinent to citizen interactions with law enforcement bodies, and appraising the impact of educational initiatives focused on legal instruction. **Results.** The findings of this investigation reveal that while legislative modifications are imperative, their introduction frequently transpires without commensurate levels of informational dissemination amongst the populace, engendering a tangible disconnect between legal realities and public legal consciousness. For instance, in 2021, there was a recorded 30% surge in citizen appeals to law enforcement agencies concerning issues linked to legislative novelties, underscoring a deficit in public awareness. Regarding educational endeavors, the study uncovered that a mere 20% of educational institutions have realigned their curricula to reflect contemporary legal frameworks, a factor that significantly shapes the legal consciousness of the emergent generation.

For citation

Chupanova A.Ch., Gaibatova D.D. (2023) Problemy formirovaniya pravosoznaniya i pravovoi kul'tury naseleniya v Rossii [Problems of formation of legal awareness and legal culture of the population in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 82-89. DOI: 10.34670/AR.2023.94.15.008

Keywords

Legal awareness, legal culture, legislation of the Russian Federation, social and legal discourse, legal education.

References

1. Andreeva M.A. On the issue of constitutional legal consciousness and legal culture within the framework of legal regulation of public relations / M.A. Andreeva // *Epomen*. 2021. No. 58. pp. 133-138.
2. Arzamaskin N.N. Problems of professional legal consciousness and ways to increase its level // *Young scientist*. - 2018. - No. 44 (230). - P. 105-108.
3. Arzamaskin N.N. Problems of professional legal consciousness and ways to increase its level // *Young scientist*. - 2018.

-
- No. 44 (230). - P. 105-108.
4. Bedulina G.F., Lazukov S.A. Internet as a factor in the socialization of adolescents in the information society of the 21st century // *Bulletin of the MDPU named after. I. Shemyakina. Pedagogical sciences.* 2020. No. 1. P. 57-63.
 5. Burdonosova M.A. Ways to reduce the level of deformation of legal consciousness as elements of crime prevention // *All-Russian Criminological Journal.* 2018. T. 12, no. 2. pp. 237-246. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(2\).237-246](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(2).237-246).
 6. Volkova N.S., Putilo N.V., Aksu E. On the legal status of young scientists and beginning researchers: Russian and foreign experience // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law.* 2022. No. 6. P. 118127.
 7. Gandaloev R.B., Bogatyrev Ya.A. Theoretical foundations of food security // *Social and Humanitarian Review.* - 2019. - No. 2. - P. 21 - 27.
 8. Ilgova E.V. Problems of legal regulation of classifying families and minors as those in a socially dangerous situation and in need of preventive work against them // *Law. Legislation. Personality.* 2017. No. 1 (24). pp. 62-70.
 9. Ilgova E.V., Gorbachev M.V., Mrastyeva O.S. and others. Socio-economic factors in determining the criminal behavior of minors. - Saratov, 2017.
 10. Kasparov A.R., Stoyko O.A. the impact of informal Internet communications on the legal consciousness of youth // *Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2020. No. 8. pp. 24-27.
 11. Kornakova S.V., Koryagina S.A. Modern trends in violent crimes committed by minors // *All-Russian Journal of Criminology.* 2016. T. 10, No. 1. P. 148-155. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).148-155](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).148-155).
 12. Koryagina S.A., Kornakova S.V. Modern trends and causes of selfish and selfish-violent crimes committed by minors // *Baikal Research Journal.* 2016. T. 7, No. 2. P. 21. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(2\).21](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(2).21).
 13. Lapshin I., Kolomeytseva T., Svistunova L., Semicheva A., Shushania Sh. Constitutional law. - M., 2021. - P. 5.
 14. Malinenko E.V. Institutionalization of civil society in the constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation/E.V. Malinenko // In the collection: *Institutionalization of the transformation of the socio-political system of Russia: past, present, future. Collection of reports of the international scientific and practical conference. Rostov-on-Don, February 11, 2021* Rostov n/a: Publishing house of YuRIU RANEPa, 2021. -P. 107.
 15. Stankin A. N. Problems of uncertainty of normative requirements in the legal consciousness of subjects // *State legal studies.* 2021. Issue. 4. pp. 240-243.
 16. Shopina I.M., Mulyavka D.G., Grechanyuk S.K., Fedchishina V.V. Improving social control as an area of crime prevention // *All-Russian Journal of Criminology.* 2019. T. 13, No. 3. P. 447-454. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).447-454](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).447-454).
 17. Bormotova T.M., Yudina T.N., Mazaev Yu.N. Institutional problems of modern Russian society // *Ethnosocium and interethnic culture.* 2023. No. 175.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.70.92.009

Плутократия как неотъемлемый атрибут буржуазного строя

Керимов Александр Жангирович

Доктор юридических наук, профессор,
член Экспертного совета при Уполномоченном
по правам человека в Российской Федерации,
главный научный сотрудник,
заместитель научного руководителя,
Центр интеграционных и цивилизационных исследований,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: 8017498@mail.ru

Аннотация

Автор настойчиво проводит мысль о том, что в условиях господства капитала плутократия есть наиболее распространённый тип политического режима. Дается её дефиниция. Выделяются две противоположные тенденции в определении различными сегментами правящих элит современных государств своих ценностных установок и, соответственно, направлений конкретно-практической деятельности. Автор выражает всемерную поддержку той части отечественного истеблишмента (во главе с Президентом РФ В.В. Путиным) и связанной с ней патриотически настроенной интеллигенцией, которая ставит своей целью всестороннее возрождение могущества России. Он вместе с тем считает, что для достижения этой цели необходима понимаемая в широком смысле мобилизация всех институтов государства и общества, которая невозможна, по мнению автора, без отказа от субстанциональных основ буржуазного строя.

Для цитирования в научных исследованиях

Керимов А.Д. Плутократия как неотъемлемый атрибут буржуазного строя // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 90-99. DOI: 10.34670/AR.2023.70.92.009

Ключевые слова

Капитализм, плутократия, власть, несправедливость, государство, интеллигенция, буржуазия, Конституция, либерализм, патриотизм.

Введение

Тяжкой, смертельно опасной болезнью поражены все страны и этносы земного шара. Болезнь эта – вопиющая социальная несправедливость. Она представляет собой отличительную черту отнюдь не только стародавних, навечно ушедших времён, но, конечно же, и нынешнего периода исторического развития человечества. От неё испокон веку мучительно и безвинно страдали и продолжают страдать люди. Её многочисленные явные и завуалированные, зримые и сокрытые от праздного взгляда безобразные проявления, грубо попирающие права и свободы, жестоко унижающие честь и достоинство личности, вселяющие в души безверие и разочарование, без труда обнаруживаются буквально повсюду, на каждом шагу и абсолютно во всех сферах общественного бытия. Это в полной мере относится и к области государственно-правовой, о чём красноречиво свидетельствует тот факт, что плутократия в прошлом являлась и особенно сегодня является самой распространённой разновидностью политического режима.

Основная часть

Попытаемся предложить максимально чёткое и ясное, притом достаточно функциональное определение данного понятия. Оно, пожалуй, могло бы быть следующим. Плутократия (др.-греч. *πλοῦτος* – богатство, *κράτος* – мощь, сила, власть) – тип политического режима (при наличии высокого имущественного избирательного ценза может рассматриваться и как элемент формы правления), характеризующийся тем, что реальная власть в государстве принадлежит наиболее состоятельным слоям населения, наиболее зажиточным гражданам. Соответственно, значимые для народа, стратегические решения принимаются либо непосредственно его самыми богатыми представителями, либо в результате их целенаправленного, интенсивного и эффективного воздействия на государственные институты и структуры. Лица, обладающие большими деньгами, таким образом, прямо и (или) косвенно осуществляют властные полномочия. У них всегда есть эта привилегия, вне зависимости от того, располагают ли они необходимыми личностными качествами, способностями и навыками, обширными знаниями, житейским опытом и мудростью, должным уровнем интеллектуального развития, образованности и профессионализма, что само по себе чудовищно несправедливо. Как резонно подчёркивает А.С. Панарин (1940 – 2003), невозможно закрывать глаза на то обстоятельство, что люди, заполучившие монополию на государственное руководство, в состоянии менять облик общества и катастрофически ломать обычное, привычное течение жизни [Панарин, 1999, 14].

Власть богатых детерминирована, с одной стороны, тем, что в классово антагонистической общественной системе материально-финансовое могущество в той или иной, но неизменно существенной степени гарантирует политическое, нередко и идеологическое господство. С другой – тем, что индивиды, захватившие в масштабах страны бразды верховного правления, вполне легально, по итогам общенациональных выборов или же насильственно, вооружённым путём, и в дальнейшем уверенно и твёрдо удерживающие их в руках, оказываются со временем (в любой цивилизации, при любой социально-экономической формации, за исключением, естественно, коммунистической) собственниками огромных богатств и ресурсов, созданных как органической и неорганической природой, так и, непрерывным, напряжённым и терпеливым трудом народов. Истеблишмент получает прерогативу безраздельного владения, пользования и распоряжения этими богатствами. Власть и богатство искони взаимообусловлены, они

постоянно воспроизводят, с успехом репродуцируют друг друга. Плутократия в эксплуататорских обществах, (которые и доминируют, вероятно, даже являются на современном этапе исторического развития единственными в мире) есть феномен закономерный, и поэтому он распространён практически повсеместно. Очень сложно, если вообще возможно, указать страну, в которой не укоренился бы названный политический режим.

Не удивительно, что первоочередной задачей истеблишмента становится, сохранение притом, как правило, какими угодно средствами, статуса-кво, сложившегося положения вещей, а именно, гегемонии правящей страты, обеспечение перманентной действенной защиты её активов, фундаментальных классовых ценностей и интересов, традиционно комфортного образа жизни и т. п. (помимо, разумеется, выполнения функций и задач, де-факто имеющих важное значение и заведомо полезных для всех без исключения членов социума).

При капиталистическом способе производства таким, т. е. господствующим классом выступает буржуазия. Тезис, сформулированный ещё в 1848 г. К. Марксом (1818 – 1883) и Ф. Энгельсом (1820 – 1895) в знаменитом на весь мир произведении «Манифест Коммунистической партии», согласно которому государство есть комитет, управляющий делами данного класса [Маркс, Энгельс, 1970, 27], по сути своей совершенно верен¹.

Заметим, кстати, что подобной точки зрения придерживаются не только сторонники марксизма, но в известной мере и многие, не разделяющие базовых постулатов этого учения величайшие мыслители. Среди них, например, Л.Н. Толстой (1828 – 1910). Достаточно вспомнить его сравнение государства с шайкой разбойников, в котором он отдаёт предпочтение последней [Толстой, 1910, 263].

Приведённый марксистский тезис бесспорно актуален и в наши дни. С той, однако, принципиальной разницей, что ситуация с тех пор усугубилась и теперь комитет по управлению делами капиталистов работает скорее ради охраны и приумножения выгод, привилегий и преимуществ не всей названной общественной группы, а прежде всего её высшего слоя: реально властвующей в отдельной стране (зачастую и на глобальном уровне) элиты. К ней мы относим высокопоставленных чиновников, видных политических деятелей, финансовых магнатов, крупных промышленников и предпринимателей, руководителей и собственников авторитетнейших СМИ, глав религиозных конфессий, выдающихся интеллектуалов – словом, всех, кому принадлежат бразды правления в важнейших сферах – экономике, политике, культуре, военной, административной, информационно-коммуникативной областях и др., кто в состоянии кардинально менять ход событий, оказывать определяющее воздействие на судьбы целых народов.

Более того, сегодня эта элита идёт дальше. Она стремится приватизировать или уже приватизировала государство (государственный аппарат), что фактически и произошло в США, Западной Европе, многих других странах. Такая устремлённость вполне понятна. Она продиктована неодолимым эгоистическим желанием беспощадно выхолостить ту неотъемлемую, органическую и весьма весомую часть его внутреннего содержания, его

¹ Здесь нельзя не обратить внимание на чрезвычайно существенное, но постоянно, упорно и злонамеренно игнорируемое обстоятельство: основатели марксистской теории прекрасно и уж точно не хуже других понимали, что государство неизбежно выполняет функции, удовлетворяющие в том числе и общие интересы, запросы и потребности. Они ясно осознавали, что его роль, конечно, вовсе не сводится лишь к классовому господству. На это указывает, в частности, Г.А. Багатурия (1929 – 2020), чьё мнение, как ведущего специалиста-марксоведа, безусловно следует признать компетентным [Бердяев, 1932, 137].

имманентной природы и априорного предназначения, которая объективно ориентирована на решение вопросов и задач общеобщественного уровня и масштаба. Власти предержавшие (вернее, их основная масса) хотят во что бы то ни стало использовать изначально имеющиеся у государства поистине гигантские возможности и разнообразные ресурсы² исключительно в своих целях, трансформировать его в эффективно функционирующую бизнес-корпорацию, сфокусированную в первую очередь на обслуживании собственных своекорыстных интересов. И, надо признать, обычно им это удаётся. В результате нездоровую, ядовитую атмосферу, преобладающий дух, царящий в подавляющем большинстве нынешних великих и малых держав, можно охарактеризовать ярким четверостишьем из поэмы Н.А. Некрасова (1821 – 1878) «Современники»:

«Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдёт грабеж огульный,
И – случится крррах!» [Некрасов, 1877, 289].

Так и вышло. Но нельзя забывать, что нет ничего пагубнее, как справедливо подчёркивал Ж.-Ж. Руссо (1712 – 1778), чем влияние частных интересов на общественные дела [Петров, 1985, 15], тем более на дела государственные.

На настоящем этапе истории мы являемся свидетелями усиления борьбы (происходящей практически во всём мире, на всех континентах, в каждой конкретной республике или монархии) между двумя альтернативными векторами развития, двумя противоположными тенденциями. Одна, явно вредоносная, крайне разрушительная для человечества, отдельных стран и народов проистекает, по мнению автора, из глубоко порочной, безнравственной, но, к сожалению, в целом успешно реализуемой установки нобилитета любыми путями, применяя всяческие средства, хитроумные приёмы и методы, изощрённые политические технологии, как говорится, прибрать к рукам, максимально приспособить органы и учреждения публичной власти к своим нуждам. Следование таким курсом верно предвещает в ближайшем будущем чиновничий произвол, беззаконие, бесправие, к тому же массовое обнищание населения, неумолимо ведёт к обострению издавна существующего противоречия между государством и руководимым им социумом, к постепенной утрате ими своей провиденциальной судьбы, к их ослаблению, увяданию, разложению и в конце концов к гибели.

Вторая (которую мы выделяем), принципиально иная, хорошо различимая и при этом несомненно позитивная направленность эволюционирования управленческих структур, их взаимоотношений с обществом обусловлена искренним намерением господствующей элиты, проникнута спасительной альтруистической идеей обеспечить всемерную нацеленность соответствующих институтов на приоритетную всеобъемлющую защиту национальных интересов, заботу о рядовых гражданах, равно и на мобилизацию народа для воплощения в жизнь того грандиозного замысла, который фатально предуготован ему Демиургом истории.

² Около ста лет тому назад Х. Ортега-и Гассет (1883 – 1955) резонно отметил, что государство превратилось в чудовищную машину невысказанных возможностей, действующую фантастически точно и оперативно. Оно, по мнению испанского философа, есть средоточие общества, где довольно лишь нажатия кнопки, чтобы огромные рычаги молниеносно обработали каждую пядь социального тела. [Ортега-и-Гассет, с. 128 – 129].

Очевидно, что возобладание такой тенденции сулит процветание и благоденствие. Однако это возможно лишь в том случае, если подобные намерения и идеи неотъемлемо, органично входят в систему ценностных ориентиров элиты.

Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что во многих странах даже самый высший слой, наиболее привилегированный сегмент истеблишмента, рассматриваемый в этическом контексте, т. е. с точки зрения исповедуемой им морали, отнюдь не однороден и совсем не единоклубен. Его представители вовсе не обязательно придерживаются совпадающих или хотя бы в значительной степени схожих аксиологических установок, правил и норм, в совокупности определяющих их отношение ко всему остальному социуму. Напротив, их взгляды и убеждения по вопросу о том, что есть нравственно и допустимо, а что – безнравственно и неприемлемо, не только ощутимо разнятся, но нередко и откровенно антагонистичны.

Посему часть индивидов, принадлежащих к верхам правящего клана, выказывая удручающую недалёковидность, действуют крайне цинично и аморально, постоянно поступают беззастенчиво эгоистически, беспрестанно думают исключительно о себе, об удовлетворении своих примитивных, низших, по преимуществу сугубо материальных и плотских потребностях. Другая же их часть никоим образом не противопоставляет себя народу, не стремится дистанцироваться, огородиться и отделиться от него. Она понимает, что тысячами невидимых, но прочных нитей неразрывно и навечно связана с ним, его судьбой и поэтому естественно в первую очередь озабочена нуждами и запросами, надеждами и чаяниями своих соотечественников. Она вдохновляется величием Родины, беззаветной и преданной любовью к ней, испытывает чувство гордости за Отчизну и в силу этого сосредоточена на каждодневной, тяжёлой и кропотливой работе во имя её прогрессивного развития, достойного и светлого будущего.

Следует заметить, что в среде лиц умственного труда обыкновенно принято резко критиковать, беспощадно ругать власть, огульно, поверхностно и без разбора обвиняя абсолютно всех её репрезентантов в неугомонной погоне за наживой, в страсти к ненасытному и вульгарному стяжательству, в неуёмном патологическом корыстолюбии и, конечно, начисто отказывая им в приверженности высоким идеалам. Такое поведение многих людей творческих профессий, предполагающее категорическое неприятие, перманентное гневное осуждение любых шагов и инициатив политически и экономически господствующего меньшинства, вызвано, по мнению автора, превалирующим в интеллигентской среде умонастроением, которое в эпоху повального увлечения либерализмом почти беспрепятственно вошло в моду, стало считаться непрременным атрибутом, неким непреложным правилом хорошего тона. Это умонастроение, скорее, даже устойчивую, агрессивную и непреклонную позицию можно в нескольких словах охарактеризовать следующим образом: власть по самой своей сути априори, всегда и во всём вредоносна, вне сомнения, враждебна по отношению к обществу и личности, ввиду чего мы неизменно и настойчиво будем восставать против неё. Но, как полагает автор статьи, всякому здравомыслящему человеку ясно, что подобный взгляд на вещи далеко не в полной мере соответствует реальности, а вытекающая из него целеустановка неоправданна и неконструктивна. В данном случае интеллигенции, по нашему мнению, явно недостаёт беспристрастности и объективности.

К тому же, если она станет в течение долгого времени упорствовать в отстаивании такой позиции, то в итоге естественно окажется в лагере радикальных анархистов, отрицающих необходимость официальной публичной власти в принципе. Б.Н. Чичерин (1828 – 1904) настаивал на том, что русский либерал, теоретически вообще не признает никакой власти. Он хочет

повиноваться лишь тем законам, которые ему нравятся. Самая, казалось бы, необходимая деятельность государства рассматривается им как притеснение; общеобязательные нормы, чиновники, полиция и т. п. расцениваются им как порождения возмутительного деспотизма [Чичерин, www...]. Удивительно, но суждение, высказанное отечественным философом, историком и правоведом более 150 лет тому назад и по сей день актуально.

Амбивалентность восприятия власти нынешней либерально настроенной интеллигенцией состоит, по нашему мнению, в том, что она, с одной стороны, ненавидит государственные структуры, презирает министров и парламентариев, а с другой – панически боится остаться без их защиты и покровительства, наедине с непонятным ей, диким и тёмным в её представлении народом. Она в массе своей страшится охлократии (что резонно) и нередко безотчётно тяготеет к сильному государству, объективная потребность в котором в современных условиях, как мы полагаем, очевидна.

Мы полагаем, что сегодня, несмотря на все невероятные трудности и перипетии, смертельные опасности и угрозы современного исторического периода жизни нашего Отечества, всё же есть веские основания для оптимистического взгляда в будущее. Ведь налицо – воодушевляюще позитивные, вселяющие в сердце спокойную уверенность коренные сдвиги, качественные, надеемся, необратимые изменения в понимании реалий социальной действительности (и на внутригосударственном, и на международном уровне) не только большинством обычных людей, но и немалой частью правящих кругов. А это весьма существенно, поскольку не кто иной, как власть принимает судьбоносные для всех и каждого решения.

Создаётся впечатление и, надо сказать, абсолютно оправданное, неоспоримо подтверждаемое конкретными фактами, что многие высшие руководители нашей страны (увы, разумеется, далеко не все) во главе с Президентом В.В. Путиным в самом деле всецело поглощены заботами о благе сограждан, максимально сконцентрированы на отстаивании их нужд и потребностей, равно и интересов всего государства. Они сфокусированы в первую очередь на том, чтобы в кратчайшие сроки вернуть нашей Родине лидирующие позиции в мире и в полной мере восстановить её как великую державу.

Мы здесь имеем в виду установление, согласно которому Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности, и во исполнение её – прямой запрет на какие бы то ни было действия (за исключением делимитации, демаркации и редемаркации государственной границы России с сопредельными странами), направленные на отчуждение части территории РФ, и даже на призывы к подобным действиям (ч. 2¹ ст. 67 К.)³. Мы в данном случае также подразумеваем жёсткие, но, по нашему убеждению, вполне адекватные и совершенно справедливые требования к должностным лицам различного, в том числе и самого высокого уровня, работающим в сфере публичной власти: речь идёт главным образом об ограничениях, касающихся наличия гражданства, либо вида на жительство другого государства или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, равно как и об ограничениях, касающихся наличия счетов (вкладов), денежных средств и ценностей в иностранных банках. (например, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81 К. и др.) Мы безусловно обращаем внимание и на

³ Ниже по тексту пункты, части статей и сами статьи Конституции Российской Федерации обозначаются в соответствии с устоявшимися сокращениями: «п.», «ч.», «ст.», «К.».

нормы, закрепляющие верховенство Основного закона РФ по сравнению с решениями межгосударственных органов, (в частности, ст. 79 К.) и на другие, не менее важные в указанном смысле конституционные установления.

Но всё же, пожалуй, наиболее существенное значение в рассматриваемом контексте имеет то, что в новой, 2020 года редакции Конституции, по сути, поставлена грандиозная задача, зафиксирована общая стратегическая и вовсе не долгосрочная, рассчитанная на длительную перспективу, а, напротив, на ближайшее будущее цель – полностью и во всех отношениях возродить былые мощь и могущество нашей страны, преумножить их и обеспечить на все времена ей статус мировой сверхдержавы. Достижение этой глобальной цели, бесспорно, соответствует сокровенным упованиям, мессианскими ожиданиям русского народа, осознанию, точнее, чувствованию им своей богоизбранности, своей провиденциальной роли в Истории и отвечает, тем самым, нашим подлинным и незыблемым национальным интересам. Так, и никак иначе должно трактовать базовые принципы и идеи, заложенные в одобренных общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. изменениях в Основной закон, согласно которым Россия признаётся правопреемником (правопродолжателем) СССР (ч. 1 ст. 67¹. К.), сохраняет преемственность в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67¹. К.)⁴, и др. Очевидность и однозначность именно такого толкования обусловлены тем, что практически на всём протяжении своего существования и Киевская Русь, и Русское царство, и Российская империя, и Советский Союз являлись великими державами.

Ни для кого не составит никакого труда привести ещё немало разнообразных фактов (и не обязательно из знакомой и привычной нам юридической сферы), свидетельствующих о неустанном и неослабном стремлении части высшего руководства во главе с В.В. Путиным к тому, чтобы мобилизовать всё общество, включая правящий класс, на реализацию названной и множества других целей и задач, во весь рост встающих сегодня перед нашей Отчиной.

Здесь, однако, возникает чрезвычайно важный вопрос: возможно ли должным образом и в полной мере осуществить мобилизацию (рассматриваемую не в сугубо военном смысле, а понимаемую гораздо шире, как приведение в напряжённо-деятельное, максимально работоспособное состояние всех институтов и структур социума и государства, подразумевающую продуктивное использование всех имеющихся сил, средств и ресурсов, в особенности людских), оставаясь в рамках капиталистического строя и идеально соответствующего ему плутократического режима?

Ответ на поставленный вопрос предельно ясен, и он, естественно, отрицательный. Нет необходимости обстоятельно, входя во все подробности, доказывать, что капитализм и порождаемая, перманентно воспроизводимая им на различных уровнях и в многочисленных учреждениях публичной власти плутократия, чудовищно несправедливы и безнравственны. Они отравляют весь социальный организм в целом, тлетворно влияют на мысли и чувства отдельных личностей, извращают отношения между ними, ломают их и без того нередко горестные судьбы. Возрастающая аморальность, изощрённая порочность данной системы,

⁴ Можно только восторженно приветствовать то, что 17 июня – в последний день проведения Петербургского международного экономического форума 2023 г. на берегу Финского залива напротив парка 300-летия Северной столицы на почти 180-метровые, самые высокие в Европе флаштоки были подняты три гигантских флага – бело-сине-красный (триколор Петра I (1672 – 1825)), чёрно-жёлто-белый (утверждённый указом Александром II (1818 – 1881) и красный (периода социализма), символизирующие единство нашего народа, его нынешнего и ушедших поколений, диалектическую взаимосвязь и неразрывность различных этапов отечественной истории.

сформированного ею общества потребления, объясняются нами бесчеловечностью, а следовательно, изначальной пагубностью её основополагающей аксиомы, которую можно, не мудрствуя лукаво, используя обыденный язык, охарактеризовать очень просто: всё продаётся и всё покупается, включая тела и души.

Эта догма, как ни прискорбно, принимается существенной частью населения за истину; этот принцип жизнеустройства, фатально предопределяя, подчиняет себе настроения, вкусы, предпочтения и в конечном счёте повседневное поведение масс.

Однако, окидывая мысленным взором всю историю русской цивилизации и говоря весьма обобщённо, не акцентируя внимания на несущественных деталях и второстепенных моментах, мы вправе ответственно заявить, что именно в эпоху социализма, несмотря на все несомненно имевшиеся его недостатки и изъяны, наша Империя достигла наивысшего расцвета в своём развитии. Этот явный и неоспоримый триумф русского мира, зримо воплотившийся в выдающихся свершениях СССР, вполне естественен и закономерен. Ведь он детерминирован, помимо прочего, тем фундаментальным законом целенаправленной человеческой деятельности, тем парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни, который был блестяще сформулирован А.Дж. Тойнби (1889 – 1975). По мнению знаменитого англичанина, для достижения какой-то определенной цели, следует стремиться не к ней самой, а к чему-то более возвышенному, находящемуся далеко за её пределами. [Тойнби, 2010, 528]⁵. Данная максима универсальна: она относится равно и к индивиду, и к этносу, и к церкви⁶, и к государству. А Советский Союз, его многонациональный народ, как известно, неизменно ставили перед собой гораздо более высокие цели, нежели простое увеличение валового внутреннего продукта и банальное обогащение граждан. В нашем Отечестве никогда не угасала, всегда органически жила вожделенная и благородная мечта о светлом и справедливом будущем.

Заключение

Учитывая перечисленные и другие факторы, мы приходим к нашему однозначному выводу: осуществить всестороннюю мобилизацию российского общества, аппарата публичной власти, мобилизацию, понимаемую в том смысле, в каком она была кратко охарактеризована нами в основной части статьи, можно лишь при условии решительного отказа от субстанциональных экономических, политических, нравственных основ буржуазного строя, от режима плутократии, в частности. Отрадно, что осознание этой истины, т. е. непреложной необходимости в таком отказе, пусть пока медленно, постепенно, шаг за шагом, но неотвратимо происходит в среде наиболее ответственных, гуманистически ориентированных представителей правящей элиты нашей страны. Данная прогрессивная тенденция, конечно же, нуждается в энергичной интеллектуальной поддержке, особенно со стороны лиц, занимающихся духовным производством.

⁵ Нет ничего удивительного в том, что А.С. Панарин, обладавший потрясающим даром культурно-исторического мировосприятия, тонким чутьём, до некоторой степени даже проницательностью провидца (в чём легко убедиться, изучив его капитальные научные монографии) обратил особое внимание на эти рассуждения А.Дж. Тойнби. [Чичерин, 1862, 53].

⁶ Размышляя о вселенских церквях, учёный и изложил этот постулат.

Библиография

1. Афоризмы: По иностранным источникам. Сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин. Предисл. Н.М. Грибачёва. 3-е изд. перераб., доп. М.: Прогресс, 1985.
2. Багатурия Г.А. Контуры грядущего. Избранные произведения. Издательство Московского университета. 2014.
3. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира. Путь. Органь русской религиозной мысли. Под редакцией Н.А. Бердяева, при участии Б.П. Вышеславцева. Париж, 1932, сентябрь, № 35.
4. Бердяев Николай. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Москва 1918.
5. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире. Сост. А.В. Щипков. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015.
6. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово о традиции и современном обществе. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2016.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1970.
8. Ницше Ф. Весёлая наука. Злая мудрость. М.: Эксмо, 2008.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Пер. с исп. А. Гелескула. М.: Издательство АСТ, 2020.
10. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
11. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
12. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>).
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В двадцати томах. М.: Издательство «Художественная литература». 1969. Том 7.
14. Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмертное издание. Томъ III. 1873 – 1877. Санктпетербургъ. Типографія М.М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7. 1879.
15. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. Под ред. д.и.н., проф. В.И. Уколовой и к.и.н. Д. Э. Харитоновича. М.: Айрис-пресс. 2010. (Библиотека истории и культуры).
16. Толстой Л.Н. Путь жизни. 1910. Полн. собр. соч. Т. 45. Серия первая. Произведения. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956.
17. Чичерин Б.Н. Мера и границы. Впервые опубликовано: «Наше время» 1862, № 11. (http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_mera_i_granicy.html).

Plutocracy as an Integral Attribute of the Bourgeois System

Aleksandr D. Kerimov

Doctor of Law, Professor,
Member of the Expert Council
under the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation,
Chief Researcher, Deputy Scientific Director,
Center for Integrational and Civilizational Studies,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 8017498@mail.ru

Abstract

The author persistently pursues the idea that under the dominance of capital, plutocracy is the most common type of political regime. Its definition is given. Two opposing trends are identified in how different segments of the ruling elites of modern states determine their value systems and, accordingly, the directions of specific practical activities. The author expresses full support for that part of the domestic establishment (headed by the President of the Russian Federation V.V. Putin)

Aleksandr D. Kerimov

and the patriotic intelligentsia associated with it, which aims at the comprehensive revival of the power of Russia. At the same time, he believes that to achieve this goal, it is necessary to understand in a broad sense the mobilization of all institutions of the state and society, which is impossible, according to the author, without abandoning the substantial foundations of the bourgeois system.

For citation

Kerimov A.D. (2023) Plutokratiya kak neot'emlemyi atribut burzhuaznogo stroya [Plutocracy as an integral attribute of the bourgeois system]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 90-99. DOI: 10.34670/AR.2023.70.92.009

Keywords

Capitalism, plutocracy, power, injustice, state, intelligentsia, bourgeoisie, Constitution, liberalism, patriotism.

References

1. Aphorisms: According to foreign sources. Comp. P.P. Petrov, Ya.V. Berlin. Preface N.M. Gribachev. 3rd ed. reworked, additional M.: Progress, 1985.
2. Bagaturia G.A. Contours of the future. Selected works. Moscow University Publishing House. 2014.
3. Berdyaev N.A. The spiritual state of the modern world. Path. Organ of Russian religious thought. Edited by N.A. Berdyaev, with the participation of B.P. Vysheslavtseva. Paris, 1932, September, No. 35.
4. Berdyaev Nikolay. The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality. Published by G. A. Leman and S. I. Sakharov. Moscow 1918.
5. Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. Seven words about the Russian world. Comp. A.V. Shchipkov. M.: World Russian People's Council, 2015.
6. Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. A word about tradition and modern society. M.: World Russian People's Council, 2016.
7. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. M., Politizdat, 1970.
8. Nietzsche F. Gay Science. Evil wisdom. M.: Eksmo, 2008.
9. Ortega y Gasset H. Revolt of the Masses. Per. from Spanish A. Geleskula. M.: AST Publishing House, 2020.
10. Panarin A.S. Global political forecasting in conditions of strategic instability. M.: Editorial URSS, 1999.
11. Panarin A.S. Russia in the cycles of world history. M.: Moscow State University Publishing House, 1999.
12. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated February 21, 2023 (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>).
13. Saltykov-Shchedrin M.E. Collected works. In twenty volumes. M.: Publishing house "Khudozhestvennaya literatura". 1969. Volume 7.
14. Poems by N.A. Nekrasova. Posthumous edition. Volume III. 1873 – 1877. St. Petersburg. Printing house M.M. Stasyulevich, Vas. Ost., 2 l., 7. 1879.
15. Toynbee A.J. Comprehension of history. Per. from English E. D. Zharkova. Ed. Doctor of History, Prof. IN AND. Ukolova and Ph.D. D. E. Kharitonovich. M.: Iris-press. 2010. (Library of History and Culture).
16. Tolstoy L.N. The path of life. 1910. Complete. collection op. T. 45. Series one. Works. M.: State Publishing House of Fiction, 1956.
17. Chicherin B.N. Measure and boundaries. First published: "Our Time" 1862, No. 11. (http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_mera_i_granicy.html).

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.52.31.010

Меры реализации административной ответственности в системе мер административно-правового принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг

Таранов Игорь Евгеньевич

Аспирант,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Средний проспект В.О., 57;
e-mail: taranov_i@inbox.ru

Аннотация

На основе общетеоретических подходов к понятию государственного принуждения, административного принуждения как его вида и административной ответственности, с использованием методов анализа и синтеза, в статье рассматривается система мер административного принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг, с акцентом на меры реализацию мер административной ответственности. Отмечено, что административно-правовое принуждение представляет собой сложный, многоплановый и неоднородный социально-правовой институт. Автором выявлено пять групп относительно самостоятельных и взаимосвязанных административно-принудительных мер, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг. Сформулированы авторские определения системы мер административно-правового принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг и административной ответственности за правонарушения в области рынка ценных бумаг. Административная ответственность рассмотрена как правовое состояние и как правовой процесс. Прослежена взаимосвязь между такими правовыми категориями как «принуждение», «ответственность», «наказание»; автором обосновывается, что принуждение всегда связано с ответственностью и наказанием, но не всегда административная ответственность реализуется посредством наказания. Выявлена специфика мер реализации административной ответственности за правонарушения в сфере рынка ценных бумаг.

Для цитирования в научных исследованиях

Таранов И.Е. Меры реализации административной ответственности в системе мер административно-правового принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 100-109. DOI: 10.34670/AR.2023.52.31.010

Ключевые слова

Рынок ценных бумаг, административно-правовое принуждение, административно-деликтное законодательство, административно-правовая ответственность, административное наказание, государственное принуждение.

Введение

В юридических дисциплинах «принуждение» выступает фундаментальной категорией, основой существования и функционирования любой правовой системы, инструментом государственной власти, ограничивающим права и свободы людей в целях обеспечения законности и поддержания общественного порядка. Вместе с тем, дискуссия относительно сущности, содержания, структуры и легитимности государственного принуждения в академической литературе далека от завершения и остается одной из наиболее актуальных в отечественной правовой науке. Дать определение концепции принуждения само по себе сложно, о чем свидетельствует обилие таких терминов, «государственное принуждение», «государственно-правовое принуждение», «правовое принуждение», «меры принуждения», «финансово-правовое принуждение», «административно-правовое принуждение» и т.д.

Основная часть

Термин «принуждение» происходит от латинского «coercitio» – действие по ограничению, действие по подавлению, право на подавление и от глагола «coerere» – сдерживать, подавлять, наказывать, исправлять, заставлять подчиняться долгу. Принуждение в его современном широком понимании – это использование мер воздействия физического, психического или морального характера для оказания влияния на поведение другого субъекта.

Немецкий правовед Рудольф фон Иеринг в своем сочинении «Цель в праве» (1875-1881) говорит о государстве как о держателе «Zwangsmonopol» – «монополии принуждения». Иеринг выдвигает теорию о переходе от частного правосудия к публичному. Так, по мнению ученого, первые этапы развития права начинаются с системы частного правосудия. Жертвы мстят своим обидчикам сами. Этот первый этап частного правосудия заканчивается, когда государство решает регулировать частное насилие и требует, чтобы потерпевшая сторона получила его разрешение, прежде чем мстить. Через некоторое время ответственность за месть берет на себя само государство, то есть монополизировало осуществление мести. Государство не отменяет естественное состояние, оно институционализирует его. Иеринг рассматривает естественную монополию принуждения государства как средство управления общественным благом, т.е. государство осуществляет принуждение от имени всего общества [Иеринг, 1881].

Несколько иную терминологию мы видим у М. Вебера, в работах которого осуществляется переход от понятия «монополии принуждения» к законному (легальному) насилию. Макс Вебер полагал, что особенностью государства является требование «монополии на законное физическое насилие» и присвоение себе исключительной привилегии прибегать к принуждению. Государство Вебера не имеет естественной монополии, а лишь условную, которая зависит от его способности исключать конкурентов. Следует отметить, что Вебер взаимозаменяемо использовал слова «насилие», «сила» и «принуждение» при определении государства, которое представляет собой «то человеческое сообщество, которое на определенной территории успешно претендует на монополию на законное физическое насилие» [Вебер, 2018].

Однако в философии права проблема соотношения указанных понятий характеризуется множественностью мнений: (1) насилие (применение силы) рассматривается как одна из форм проявления принуждения – физическая, воздействующая на личную или материальную сторону субъекта; (2) сила, насилие и принуждение – это эквивалентные слова, не допускающие дифференциации; (3) сила и принуждение есть различные (но не единственные) формы осуществления власти; (4) разграничение принуждения (силы) от насилия в зависимости от

наличия ограничений и, в конечном счете, юридической легитимности: принуждение применяется в качестве крайней меры, пропорционально нарушению и ориентировано в соответствии с коллективными интересами, власть и закон – это рамки государственного принуждения, основа его легитимизации; насилие хаотично, не имеет ограничений, считается незаконным, неприемлемым и в конечном итоге должно преследоваться с применением силы (принуждения) [Чашников, Фалькина, 2015; Петренко, 2020]. Нам импонирует первый и последний подходы, однако они находятся на методологически разных уровнях: в первом варианте речь идет о классификации форм реализации принуждения, во-втором – о выборе наиболее корректных с точки зрения юридической терминологии лексических единиц, позволяющих отграничивать легальное насилие от криминального.

Говоря о принуждении в правовом контексте, следует отметить, что оно характеризуется неразрывной связью правовой нормы и материальной силы: правовая норма опирается на материальную силу, гарантирующую исполнение ее предписаний; материальная сила опосредуется правовой нормой, гарантирующей обоснованность ее применения. Вместе с тем, следует признать обоснованным уточнение М.Н. Петренко, о том, что указанная связь с позиции интегративной концепции правопонимания является мнимой и верна лишь применительно к объективному праву, т.е. закону [там же].

Не вдаваясь подобно в суть дискуссии о соотношении понятий права и закона, отметим лишь, что в правовой литературе наблюдается неопределенность в употреблении указанных понятий, их смешение, ярко проявляющееся в многочисленных определениях права, которые группируются вокруг трех основных критериев, часто используемых в сочетании: критерий целей права, критерий «правового процесса», критерий принудительной силы, придаваемой правовой нормой. С позиций естественного права право толкуется как идеологическое явление, в котором доминирует намерение, стремление к справедливости, т.е. право есть применение идеи справедливости к социальным взаимодействиям. Предполагается, что правовая норма возникает не в государстве, а, как писал Фома Аквинский, в универсальном «созвездии принципов», не «созданных» людьми, а «данных» им (богом, разумом или природой), которым с течением времени суждено постепенно конкретизироваться в законе в соответствии с эволюцией морального и юридического сознания человечества. Государство рассматривается только как интерпретатор, посредник, и предполагается, что правовая норма существует независимо от его вмешательства. Обязанность государства — осуществлять принуждение в соответствии с непреложным естественным законом, не делая исключений.

Для теоретиков юридического позитивизма, напротив, не существует права, предшествующего и превосходящего государство: именно государство предшествует праву, оно устанавливает правовой порядок и если оно подчиняется последнему, то всегда добровольно.

Отметим, что в современном мире государство претендует на роль носителя идеала справедливости, независимо от того, гарантирует ли оно всем одинаковые права и свободы (коммутативная справедливость), или же оно стремится к достижению конкретного равенства между людьми (распределительная справедливость). Государство представляет собой само воплощение идеи права, являясь монополистом той силы, которая необходима для придания правовой норме эффективности и действенности, реагируя принуждением на неисполнение нормативных предписаний. Хотя нет необходимости, чтобы каждое из нормативных правил сопровождалось санкцией, но, рассматриваемый в глобальном масштабе закон, эффективен только при наличии принуждения. Механизм государственного принуждения обеспечивает окончательную гарантию конституционного строя в целом.

Таким образом, слово «правовое» применительно к принуждению предполагает наличие правовых норм, построенных иерархическим образом, следующих принципу непротиворечивости, которые содержат правила и стандарты, во-первых, ограничивающие «естественное состояние» человека в целях общественного блага, а во-вторых, определяющие условия и порядок применения принудительных мер. Только государство в лице уполномоченных им органов и лиц обладает легитимной силой принуждения. Эта легитимность будет сохраняться до тех пор, пока властные субъекты действуют в рамках нормативных предписаний, в противном случае речь идет о злоупотреблении силой.

В академической литературе наблюдается множество точек зрения, относительно дефиниции термина «государственное принуждение». Ряд авторов подчеркивают властную функцию государства (А.И. Козулин, В.Д. Ардашкина и др.); другие делают акцент на значимости правого начала (С.С. Алексеев). Имеется теория о государственно-правовом принуждении, где различается субъект и содержание – учитывая связь между правом и государством, субъектом при таком подходе является государство, а содержанием – правовые аспекты [Штода, 2014, 34]. То есть, субъект (государство) обеспечивает своей принудительной силой реализацию установленных в законе мер ответственности (содержание).

С.А. Старостин предлагает рассматривать государственное принуждение как взаимосвязь объективного и субъективного элементов. Первый включает правовой статус властного субъекта и степень общественной опасности возникшей чрезвычайной ситуации. Второй базируется на дискреционных полномочиях властного субъекта, позволяющих выбирать из предложенного законом перечня те меры воздействия, которые наилучшим образом будут способствовать защите прав и свобод, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности [Старостин, 2021, 96].

Интересный подход мы видим в работах А.И. Каплунова, который определяет государственное принуждение как метод воздействия, который используется государством в лице своих органов и должностных лиц для преодоления правовой аномалии. Этот метод, по мнению ученого, позволяет «посредством правовых ограничений, лишений, обременений или ответных действий заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законом запреты, а также обеспечить правопорядок, безопасность личности, общества и государства от потенциальных и реальных угроз» [Каплунов, 2006, 5].

Государственное принуждение, единое по своей сути, тем не менее неоднородно. Д.Н. Бахрах подразделил виды государственного принуждения с учетом отраслевого критерия на уголовное, административное, служебно-дисциплинарное, гражданско-правовое и самостоятельное процессуальное принуждение [Бахрах, 1965].

Административное принуждение представляет собой сложный, многоплановый и неоднородный социально-правовой институт, который в российской правовой доктрине исследован весьма основательно, однако единого подхода к его пониманию правовая наука до сих пор не выработала.

Вместе с тем, отметим, что тезис о неоднородности административного принуждения, отталкивающийся от идеи о неоднородности принуждения государственного, не оспаривается, так же как не отрицается и системность мер административного принуждения, выступающих «внешним способом существования» рассматриваемого института [Майоров, Коркин, 2016, 17] и характеризующихся различными особенностями процессуального и материального характера, правовыми последствиями их применения. Однако количество и содержание элементов этой системы, как и основания применения принудительных мер дискутируется.

Начиная с советского периода многими авторами (Л.Л. Попова, Ц.А. Ямпольская, Т.И. Козырева и ряд других ученых) административное принуждение, во-первых, ставилось в жесткую зависимость от совершения административного правонарушения, которое признавалось единственным основанием его применения, а во-вторых, предполагалось, что оно может реализовываться лишь в рамках юридической – административной – ответственности.

Однако в настоящее время преобладает иная точка зрения, с которой мы солидаризируемся – в основе применения административного принуждения может лежать как совершение административного правонарушения, так и наступление особых ситуаций, потенциально угрожающих охраняемым общественным отношениям, при соблюдении условий, предусмотренных правовой нормой [Сафоненков, 2016, 498].

Изучив предложенные в различное время подходы к систематизации мер административно-правового принуждения, высказанные таким учеными как И.И. Евтихийев, Ц.А. Ямпольская (1940-е годы), С.С. Студеникин (1945 год), И.И. Веремеенко (1970 год), М.И. Еропкин (1963 год), В.В. Гушин (1996 год), А.П. Коренев и Л.Л. Попов (1997 год), Л.М. Розин (1970 год), А.И. Каплунов (2005 год), Ю.А. Дмитриев, И.А. Полянский и Е.В. Трофимов (2008 год), А.В. Ивашкина (2016 год), проанализировав административно-деликтное законодательство и нормы, регулирующие функционирование рынка ценных бумаг, учитывая изложенное выше, мы, взяв за основу критерий целевого предназначения, определили 5 групп относительно самостоятельных и взаимосвязанных административно-принудительных мер, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, административно-восстановительные меры, меры административно-процессуального обеспечения, меры реализации административной ответственности.

Ответственность, как и принуждение, является еще одним фундаментальным правовым понятием, применимым к любой правовой системе и к любой отрасли правовой системы, однако не имеющим легального определения и неоднозначно трактуемым в правовой науке. Термин «ответственность» в правовой доктрине можно трактовать по крайней мере пятью способами: во-первых, ответственность как обязательство или обязанность, вытекающая из выполнения определенной правовой роли и ответственность в качестве обладателя этой роли; во-вторых, ответственность как синоним дееспособности и ответственность дееспособного лица; в-третьих, ответственность как синоним причинности действия и последствий; в-четвертых, ответственность как синоним санкции, наказания и, в-пятых, ответственность как принуждение.

Полагаем, что «обязанность», «дееспособность», «причинность», «наказание», «принуждение» – это концепции, широко используемые в праве; практики и ученые приложили значительные усилия для их разграничения. Их взаимосвязь с ответственностью сложно отрицать, однако считаем некорректным размывать их сущность до степени полного или частичного смешения.

Практически все авторы сходятся на том, что административная ответственность тесно связана с административно-правовыми (управленческими) отношениями, которые весьма разнообразны. В контексте тематики статьи мы говорим об охранительных административно-деликтных правоотношениях, объектом которых являются нарушенные общественные отношения, охраняемые законодательством, их содержанием – взаимосвязанный комплекс прав и обязанностей государства и правонарушителя, а юридическим фактом в результате которого они возникают, изменяются или прекращаются – факт совершения административного правонарушения в сфере рынка ценных бумаг. У государства в лице компетентных органов

возникает правомочие применить к виновному комплекс административно- принудительных мер процессуального и материального характера в соответствии с законом, а у правонарушителя появляется коррелирующая обязанность претерпеть последствия: подвергнуться мерам административно-процессуального воздействия, а затем понести административное наказание. Однако у правонарушителя есть право отвечать только за конкретно совершенное правонарушение и только в пределах, обозначенных законом, которому, в свою очередь коррелирует обязанность государства правильно квалифицировать деяние и принять справедливое решение относительно формы реализации административной ответственности. Таким образом, административная ответственность не существует вне рамок административно-правового отношения, сторонами которого всегда выступает властный управомоченный публичный субъект и виновный в совершении административного правонарушения невластный субъект(ы) (физическое, должностное или юридическое лицо).

Административную ответственность можно понимать как правовое состояние и как правовой процесс. Чтобы находиться в правовом состоянии административной ответственности, необходимо быть адресатом правовой нормы, виновно нарушить закон, соответствовать критериям (основным и дополнительным), установленным законом для субъекта административной ответственности и претерпеть установленные законом негативные последствия.

Содержанием административной ответственности как правового процесса являются действия властного управомоченного субъекта по применению комплекса административно-принудительных мер в порядке и на условиях, определенных законодательством к виновному лицу, а также действия правонарушителя связанные с обязанностью исполнить своевременно и полно решение об административном наказании.

Принуждение всегда связано с ответственностью и наказанием, но не всегда административная ответственность реализуется в форме наказания. Поэтому мы не можем согласиться с мнением А.А. Демина, считающего, что «ответственность – это применение наказания, а не обязательно принуждение. Принуждение – это насильственное подчинение воли управляемого субъекта к воле управляющего, а ответственность этот субъект может принять и без насилия, добровольно, например уплатить штраф как наказание» [Демин, 2013]. Полагаем, что критерий добровольности исполнения достаточно зыбок – если человек не желает исполнять норму права или решение об административном наказании – ни один орган власти и государство в целом его не заставят, иначе не были бы столь распространены ситуации злостного неисполнения решения о выплате административных штрафов. Не отрицая возможность добровольного претерпевания лицом наказания, отметим, что принуждение во всех его формах – это всегда ограничение «естественного состояния» управляемого субъекта, и факт согласия или противодействия этому ограничению не влияет на наличие принудительного воздействия норм права.

Рассматривая соотношение принуждения и ответственности, согласимся с позицией А.И. Каплунова, выявившего следующую взаимосвязь: «административное принуждение – это метод, а административная ответственность – это один из способов, применяемый в рамках этого метода» [Каплунов, 2019]. Наказание же – одна из мер юридической реализации административной ответственности. Другими мерами реализации являются освобождение от административной ответственности и «постнаказательное состояние» (ст. 4.5 КоАП РФ) [Дерюга, Шаклеин, 2020].

Меры реализации административной ответственности в сфере рынка ценных бумаг имеют свою специфику:

Дела об административных правонарушениях рассматриваются преимущественно уполномоченными должностными лицами Банка России, судам эта категория дел подсудна только в тех случаях, когда санкцией статьи предусмотрено административное наказание в виде дисквалификации (ст. ст. 15.19, 15.21; 15.22, 15.27; 15.30; 15.35 КоАП РФ) и в порядке обжалования.

В большинстве случаев указанные меры применяются к должностным и юридическим лицам.

Субъектом административной ответственности по ст. 15.19 КоАП РФ может быть индивидуальный предприниматель – инвестиционный советник, но санкция статьи не предусматривает вида и размера наказания для такой категории субъекта. Этот пробел требует законодательного устранения.

Видами административных наказаний, применимых за правонарушения в сфере рынка ценных бумаг являются предупреждение, штраф, дисквалификация. Анализ статистики Банка России и судов показывает преобладание административного штрафа в структуре административных наказаний за данный вид правонарушений.

Действующее отраслевое законодательство предоставляет Банку России возможность применения «квазиадминистративного наказания» – штрафа, предусмотренного нормой, установленной не статьей КоАП РФ, а статьей 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Полагаем эту двойственность нарушением общих начал административно-деликтного законодательства.

Применимым только к двум составам правонарушений в сфере рынка ценных бумаг (ст. 15.21 «Неправомерное использование инсайдерской информации» и ст. 15.30 «Манипулирование рынком») основанием отказа от административной ответственности является Соглашение с Банком России. Это гибридное основание, сочетающее репрессию (выплату денежной суммы в бюджет), превенцию (обязательство принять меры, направленные на содействие установлению обстоятельств, которые привели к инсайду и манипулированию, а также предупреждать свершение аналогичных правонарушений в дальнейшем) и восстановление (обязательство устранить последствия правонарушения). Данное основание является условным – освобождение наступает только при условии исполнения определенных соглашением в установленный срок и в полном объеме.

Заключение

Подводя итог изложенному, сформулируем два авторских определения. Система мер административно-правового принуждения, применяемых к участникам отношений в сфере рынка ценных бумаг – это совокупность взаимозависимых элементов – конкретных видов мер, упреждающе-превентивного, пресекающего, процессуально-обеспечивающего, восстановительного и репрессивного характера, ограниченно самостоятельных и взаимно непротиворечивых взаимосвязанных, применение которых возможно только на базе общих начал административно-деликтного законодательства, в отношении обязанных субъектов в сфере рынка ценных бумаг в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в указанной сфере.

Административная ответственность за правонарушения в области рынка ценных бумаг – это применение уполномоченными должностными лицами Банка России, судьями (судами) комплекса административно-принудительных мер процессуального и материального характера,

в порядке, установленном нормами административно-деликтного и отраслевого законодательства, к участникам рынка ценных бумаг (их должностным лицам) за противоправные виновные действия (бездействия), посягающие на общественные отношения, которые направлены на защиту правил, требований и процедур, связанных с: (1) выпуском, обращением, учетом и осуществлением прав по ценным бумагам; (2) предоставлением, раскрытием, хранением информации в сфере рынка ценных бумаг; (3) осуществлением действий, входящих в профессиональную сферу участников рынка ценных бумаг; (4) противодействие рыночным злоупотреблениям (5) подготовкой и проведения общих собраний хозяйственных обществ.

Библиография

1. Бахрах Д.Н. Виды административного принуждения: проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности // Ученые записки: Проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности. Ученые записки ВНИИСЗ. 1965. Вып. 5. С. 91-98.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ-классик, 2018. 288 с.
3. Демин А.А. Является ли ответственность видом принуждения? // Современные проблемы административного и полицейского права. Омск: Омская юридическая академия, 2013. С. 55-62.
4. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Соотношение понятий административного наказания и административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1. С. 93-99.
5. Иеринг Р. Цель в праве. Значение римского права для нового мира, 1875. СПб., 1881. 443 с.
6. Каплунов А.И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 518-524.
7. Каплунов А.И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 5-13.
8. Майоров В.И., Коркин А.В. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 8-20.
9. Петренко М.Н. Государственно-правовое принуждение: отдельные проблемные вопросы // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/09/93373>
10. Сафоненков П.Н. Административное принуждение как вид государственного принуждения // Административное и муниципальное право. 2016. № 6 (102). С. 493-499.
11. Старостин С.А. Административное принуждение: проблемы теории, законодательства, практики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 93-108.
12. Чашников В.А., Фалькина Т.Ю. О соотношении понятий «Принуждение» и «Насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 41-43.
13. Штода И.С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 152 с.

Measures for the implementation of administrative responsibility in the system of administrative and legal enforcement measures applied to participants in relations in the securities market

Igor' E. Taranov

Postgraduate,
Northwest Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
199178, 57, Srednii ave. of Vasilievsky Island, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: taranov_i@inbox.ru

Abstract

On the basis of general theoretical approaches to the concept of state coercion, administrative coercion as its type and administrative responsibility, using methods of analysis and synthesis, the article considers a system of administrative coercion measures applied to participants in relations in the securities market, with an emphasis on measures to implement measures of administrative responsibility. It is noted that administrative and legal coercion is a complex, multifaceted and heterogeneous socio-legal institution. The author of the paper has identified five groups of relatively independent and interrelated administrative and coercive measures applied to participants in relations in the securities market. The author's definitions of the system of administrative and legal coercion measures applied to participants in relations in the securities market and administrative responsibility for offenses in the securities market are formulated. Administrative responsibility is considered as a legal condition and as a legal process. The interrelation between such legal categories as "coercion", "responsibility", "punishment" is traced the research; the author of this paper substantiates that coercion is always associated with responsibility and punishment, but administrative responsibility is not always realized through punishment. The specifics of measures to implement administrative responsibility for offenses in the securities market are revealed in the article.

For citation

Taranov I.E. (2023) Mery realizatsii administrativnoi otvetstvennosti v sisteme mer administrativno-pravovogo prinuzhdeniya, primenyaemykh k uchastnikam otnoshenii v sfere rynka tsennykh bumag [Measures for the implementation of administrative responsibility in the system of administrative and legal enforcement measures applied to participants in relations in the securities market]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 100-109. DOI: 10.34670/AR.2023.52.31.010

Keywords

Securities market, administrative and legal coercion, administrative and tort legislation, administrative and legal responsibility, administrative punishment, state coercion.

References

1. Bakhrakh D.N. (1965) Vidy administrativnogo prinuzhdeniya: problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti [Types of administrative coercion: problems of improving legislation on administrative responsibility]. *Uchenye zapiski: Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti. Uchenye zapiski VNIISZ* [Scientific notes: Problems of improving legislation on administrative responsibility. Scientific notes All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation], 5, pp. 91-98.
2. Chashnikov V.A., Fal'kina T.Yu. (2015) O sootnoshenii ponyatii «Prinuzhdenie» i «Nasilie» [On the relationship between the concepts of "Coercion" and "Violence"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 41-43.
3. Demin A.A. (2013) Yavlyaetsya li otvetstvennost' vidom prinuzhdeniya? [Is responsibility a type of coercion?]. In: *Sovremennye problemy administrativnogo i politseiskogo prava* [Modern problems of administrative and police law]. Omsk: Omsk Law Academy.
4. Deryuga A.N., Shaklein S.N. (2020) Sootnoshenie ponyatii administrativnogo nakazaniya i administrativnoi otvetstvennosti [Correlation between the concepts of administrative punishment and administrative responsibility]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review], 1, pp. 93-99.
5. Iering R. (1881) *Tsel' v prave. Znachenie rimskogo prava dlya novogo mira, 1875* [Purpose in law. The significance of Roman law for the new world, 1875]. St. Petersburg.
6. Kaplunov A.I. (2019) Administrativnaya otvetstvennost' kak forma administrativnogo prinuzhdeniya [Administrative responsibility as a form of administrative coercion]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review], 4, pp. 518-524.

7. Kaplunov A.I. (2006) O klassifikatsii mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya [On the classification of measures of state coercion]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 3, pp. 5-13.
8. Maiorov V.I., Korkin A.V. (2016) Administrativnoe prinuzhdenie: ponyatie, mesto i formy vyrazheniya [Administrative coercion: concept, place and forms of expression]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 4 (11), pp. 8-20.
9. Petrenko M.N. (2020) Gosudarstvenno-pravovoe prinuzhdenie: otdel'nye problemnye voprosy [State legal coercion: selected problematic issues]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation], 9. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2020/09/93373> [Accessed 09/09/2023]
10. Safonenkov P.N. (2016) Administrativnoe prinuzhdenie kak vid gosudarstvennogo prinuzhdeniya [Administrative coercion as a type of state coercion]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 6 (102), pp. 493-499.
11. Shtoda I.S. (2014) *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v sovremennoi Rossii: teoretiko-pravovoe issledovanie. Doct. Dis.* [State coercion in modern Russia: theoretical and legal research. Doct. Dis.]. Moscow.
12. Starostin S.A. (2021) Administrativnoe prinuzhdenie: problemy teorii, zakonodatel'stva, praktiki [Administrative coercion: problems of theory, legislation, practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 39, pp. 93-108.
13. Weber M. (2018) *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation]. Moscow: RIPOL-klassik Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.82.97.011

Роль органов прокуратуры в механизме обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы в Российской Федерации

Брослав Александр Анатольевич

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, Б. Черемушкинская ул., 34;
e-mail: a.broslav@yandex.ru

Аннотация

Прокуратура, согласно Конституции Российской Федерации, это особая государственная структура, не входящая в триаду ветвей власти, наделенная полномочиями по надзору за соблюдением законности на территории государства. Указанному государственному органу отводится особая роль в реализации механизма антикоррупционного законодательства, в рамках которого ею осуществляется надзор за доходами и расходами чиновников. Однако расширенный законодателем комплекс полномочий сотрудников прокуратуры в рамках института обращения взыскания в пользу государства имущества чиновников, чьи расходы не соответствуют доходам, все еще далек от совершенства, что подтверждается судебной и следственной практикой. Поступление в доход государства имущества чиновников, записанное на его родственников и друзей, до настоящего времени является результатом тщательных проверок со стороны прокуратуры и разъяснений Конституционного Суда РФ, в отсутствие соответствующей позиции законодателя, что говорит о необходимости устранения данного правового пробела. Полагаем, что действующее законодательство в сфере регулирования доходов государственных служащих нуждается в улучшении и оптимизации с целью достижения полного и всестороннего контроля, а также снижения уровня коррупции, что возможно достичь посредством более детального анализа доходов семей и близких чиновников.

Для цитирования в научных исследованиях

Брослав А.А. Роль органов прокуратуры в механизме обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 110-116. DOI: 10.34670/AR.2023.82.97.011

Ключевые слова

Прокуратура, антикоррупционное законодательство, обращение взыскания, контроль за соответствием расходов лиц, чиновник.

Введение

Прокуратура, как государственная структура, всегда находилась в центре повышенного внимания как со стороны общества, так и научной доктрины, что обосновано нечеткостью ее правового статуса. Распространенным в обществе мнением является то, что данный государственный орган, обладает карательными функциями, что в корне не верно, так как, исходя из позиции законодателя, закрепленной в ст.1 Закона о прокуратуре¹, главной целью его полномочий выступает обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Компетенция данной структуры очерчена рамками уже упомянутого выше Федерального закона, где, в числе полномочий в области борьбы с коррупцией, значится надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства, контроль исполнения требований, предъявляемых к поведению и действиям должностных лиц, при наличии конфликта интересов; надзор за полнотой и достоверностью сведений о доходах и расходах чиновников и членов их семей; осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и т.д.

Следует отметить, что контроль за расходами чиновников – достаточно распространенная в мировом масштабе практика, свойственная всем экономически развитым странам. Подотчетность чиновников активно практикуется в Китае, Финляндии, Англии, Италии и иных государствах. К примеру, в Соединенных Штатах Америки, в случаях непредставления сведений об источниках дохода или неуплаты налогов на богатство, чиновник подвергается уголовному наказанию.

Основная часть

Надзорные функции прокуратуры в отношении доходов и расходов чиновников сведены к контролю за исполнением законов, содержащих нормы регулирующие вопросы контроля за расходами, контролю за соответствием правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами в сфере контроля за расходами, действующему законодательству, что вытекает из приведенного в ст. 21 вышеупомянутого закона определения предмета прокурорского надзора. Регламентированные Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – закон № 230-ФЗ)² обязанности по надзору за доходами чиновников, организационно конкретизируются на уровне приказа Генеральной прокуратуры России от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции»³.

Закон № 230-ФЗ в ч. 3 ст.16 обязывает органы прокуратуры в установленные законодателем сроки дать оценку поступившим материалам с точки зрения их относимости, допустимости и

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

² Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

³ Приказ Генеральной прокуратуры России от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции».

достаточности, соответствуют ли все прилагаемые к нему документы перечню, представленному в приказе Минтруда России от 31.03.2015 № 206н⁴. В рамках реализации данного закона разработаны методические рекомендации по применению прокурорского надзора и выявлению нарушений законодательства о соблюдении чиновниками обязанности по представлению сведений о расходах.

Роль прокуратуры в рамках функционирования исследуемого института обусловлена тем, что только прокурор наделен правомочием обратиться в суд с заявлением об обращении имущества чиновника в доход Российской Федерации. Данное право корреспондирует с его процессуальной обязанностью доказать обстоятельства, на которые он ссылается в подтверждении своих доводов. Задачи прокурора проверить поступивший материал, который должен быть составлен в соответствии с приказом Минтруда России от 31.03.2015 № 206н, чтобы исключить возможность отказа суда в рассмотрении заявления. В этих целях, как правило прокурор запрашивает необходимые сведения в органах Федеральной налоговой службы, Росреестра, Социального Фонда, кредитных организаций и иных государственных структурах и организациях⁵. В рамках межведомственного взаимодействия по контролю за расходами должностных лиц и информационного обмена, органами прокуратуры заключен ряд соответствующих соглашений, обязывающих государственные структуры сотрудничать на всех уровнях⁶.

Спектр правомочий прокуратуры, закрепленный в вышеупомянутом приказе, очерчен комплексом мер, направленных на выявление и пресечение фактов злоупотребления служебными (должностными) полномочиями с целью получения выгоды имущественного характера, дачи и получения взяток, коммерческого подкупа, иных коррупционных правонарушений, совершаемых чиновниками. В этих целях ими особенно акцентируется внимание на соблюдении установленного порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Тщательному исследованию подлежат справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за отчетный период, который равняется предшествующему дате подачи календарному году, а также за прошедшие два календарных года. Однако, учитывая последние поправки, данная сфера продолжает обладать определенной пробельностью, что не позволяет в полном объеме комплексно оценивать сведения, подаваемые чиновниками, касаемо доходов и расходов.

⁴ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 марта 2015 г. № 206н «Об утверждении инструктивно-методических указаний о порядке подготовки и направления в органы прокуратуры Российской Федерации материалов, необходимых для обращения прокурора в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы».

⁵ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации по организации работы прокуроров по надзору за исполнением Федерального закона № 230-ФЗ и выявлению нарушений законодательства о соблюдении обязанности по предоставлению сведений о расходах лицами, замещающими государственные должности.

⁶ См., например, Соглашение ФНС России № ММВ-23-11/2, Генпрокуратуры России № СД-1-14 от 14.02.2014 «О взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной налоговой службы в области противодействия коррупции»

Анализируя практику применения данного института, следует отметить, что первые несколько лет его работа не была заметна, однако, многочисленные законодательные поправки исправили положение, чему подтверждением является приводимая Генеральной Прокуратурой РФ статистика. В частности, в 2020 году в казну государства поступило имущество чиновников на сумму почти 8 млрд рублей, в 2021 - 52 млрд рублей, в 2022 году у отечественных государственных и муниципальных служащих изъяли уже 7,5 тыс. объектов имущества, на сумму свыше 90 млрд рублей⁷. Отметим, что наиболее часто при возбуждении уголовного дела в отношении коррупционера выявляются факты скрытого проявления коррупционной деятельности. В частности, в большинстве случаев незаконно приобретенное имущество чиновников, записывается на его близких родственников, которые не указываются им в справках о доходах и расходах, подлежащих отчету. Следственных примеров тому достаточно много.

Так, Генеральной Прокуратурой подано заявление об обращении в доход государства, имущество стоимостью свыше 130 млн рублей, принадлежащие бывшему начальнику отделения УМВД России по Ростову-на-Дону Н. Щитову, который все свои активы оформлял на родственников⁸. Приобрел имущество на сумму 1 млрд 469 млн 127 тыс. рублей в обход антикоррупционного законодательства и бывший сенатор Карачаево-Черкесии Рауф Арашук, оформляя свои «покупки» на отца, иных родственников, охранников, личного водителя⁹. Аналогичные случаи имели место быть и ранее, например, дело в отношении главы Серпуховского района А.В. Шестун, где в качестве ответчиков предстали 14 физических и 20 юридических лиц, которые не были в близком родстве с чиновником, но оформленное на них имущество, благодаря коррупционеру, составило 10 млрд. рублей¹⁰. В этом же году, по иску прокуратуры, в пользу государства было обращено имущество бывшего главы Клинского района А.Н. Постригань, который все свои активы оформил на 12 юридических и 12 физических лиц¹¹. Примечательно, что данные полномочия по обращению взыскания на имущество «не родственников» предоставил органам прокуратуры Конституционный Суд Российской Федерации, определив, что обращение взыскание на имущество чиновника относится к мерам особого характера и в доход государства может быть обращена собственность любого человека, если он не докажет законность ее происхождения¹². При этом до настоящего времени ст.17 закона № 230-ФЗ в числе подотчетных лиц отмечает только самого чиновника, его супругу / супруга и несовершеннолетних детей. Указанное говорит, что на сегодняшний день правоприменитель, в лице судебных органов, вопреки позиции законодателя, отводит на усмотрение Генеральной Прокуратуры определение круга субъектов, причастных к делам о соответствии расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам.

⁷ Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>

⁸ Генпрокуратура нашла активы на более 130 млн рублей у сотрудника МВД. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1f4f2d53>

⁹ Решение Басманного районного суда г. Москвы от 22 июля 2021 года по делу Рауфа Арашукова

¹⁰ Решение Красногорского городского суда от 08.04.2019 по делу №2-3150/2019

¹¹ Решение Клинского городского суда от 15.05.2019 по делу №2-1916/2019

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 02 октября 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации»

Заключение

Таким образом, органам прокуратуры отводится особая роль в реализации антикоррупционного механизма, посредством надзора за выполнением законодательства в сфере борьбы с коррупцией. Однако, расширенный законодателем комплекс правомочий сотрудников прокуратуры в рамках института обращения взыскания в пользу государства имущества чиновников, чьи расходы не соответствуют доходам, все еще далек от совершенства, что подтверждается судебной и следственной практикой. Поступление в доход государства имущества чиновников, записанное на его родственников и друзей, до настоящего времени является результатом тщательных проверок со стороны прокуратуры и разъяснений Конституционного Суда РФ, в отсутствие соответствующей позиции законодателя, что говорит о необходимости устранения данного правового пробела.

Полагаем, что действующее законодательство в сфере регулирования доходов государственных служащих нуждается в улучшении и оптимизации с целью достижения полного и всестороннего контроля, а также снижения уровня коррупции, что возможно достичь посредством более детального анализа доходов семей и близких чиновников.

Библиография

1. Генпрокуратура нашла активы на более 130 млн рублей у сотрудника МВД. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1f4f2d53>
2. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации по организации работы прокуроров по надзору за исполнением Федерального закона № 230-ФЗ и выявлению нарушений законодательства о соблюдении обязанности по предоставлению сведений о расходах лицами, замещающими государственные должности. URL: <https://favt.gov.ru/public/materials/d/a/8/4/e/da84edb3c4f23a4ef5468f97c7e545ad.pdf>
3. Определение Конституционного Суда РФ от 02 октября 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
4. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>
5. Приказ Генеральной прокуратуры России от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции».
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 марта 2015 г. № 206н «Об утверждении инструктивно-методических указаний о порядке подготовки и направления в органы прокуратуры Российской Федерации материалов, необходимых для обращения прокурора в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы».
7. Решение Басманного районного суда г. Москвы от 22 июля 2021 года по делу Рауфа Арашукова.
8. Решение Клинского городского суда от 15.05.2019 по делу №2-1916/2019.
9. Решение Красногорского городского суда от 08.04.2019 по делу №2-3150/2019.
10. Соглашение ФНС России № ММВ-23-11/2, Генпрокуратуры России № СД-1-14 от 14.02.2014 «О взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной налоговой службы в области противодействия коррупции».
11. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».
12. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

**The role of the prosecutor's office in the mechanism
of turning into state income property for which
no information has been provided confirming its
acquisition with legal income
in the Russian Federation**

Aleksandr A. Broslav

Postgraduate,
The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.broslav@yandex.ru

Abstract

The prosecutor's office, according to the Constitution of the Russian Federation, is a special body that is not part of the triad of branches of government, vested with the powers to supervise compliance with the rule of law on the territory of the state. This government structure is assigned a special role in the implementation of the mechanism of anti-corruption legislation, within the framework of which it supervises the income and expenses of officials. However, the set of powers of prosecutors expanded by the legislator within the framework of the institution of foreclosure in favor of the state of the property of officials whose expenses do not correspond to income is still far from perfect, as confirmed by judicial and investigative practice. The receipt of the property of officials, recorded in the name of his relatives and friends, into the state's income has so far been the result of thorough checks by the prosecutor's office and clarifications of the Constitutional Court of the Russian Federation, in the absence of a corresponding position of the legislator, which indicates the need to eliminate this legal gap. We believe that the current legislation in the field of regulating the income of civil servants needs to be improved and optimized in order to achieve complete and comprehensive control, as well as reduce the level of corruption, which can be achieved through a more detailed analysis of the income of families and close officials.

For citation

Broslav A.A. (2023) Rol' organov prokuratury v mekhanizme obrashcheniya v dokhod gosudarstva imushchestva, v otnoshenii kotorogo ne predstavleno svedenii, podtverzhdayushchikh ego priobretenie na zakonnye dokhody v Rossiiskoi Federatsii [The role of the prosecutor's office in the mechanism of turning into state income property for which no information has been provided confirming its acquisition with legal income in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 110-116. DOI: 10.34670/AR.2023.82.97.011

Keywords

Prosecutor's office, anti-corruption legislation, foreclosure, control over the compliance of individuals' expenses, official.

References

1. *Federal'nyi zakon ot 17 yanvarya 1992 g. № 2202-I «O prokurature Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”].
2. *Federal'nyi zakon ot 3 dekabrya 2012 g. № 230-FZ «O kontrole za sootvetstviem raskhodov lits, zameshchayushchikh gosudarstvennyye dolzhnosti, i inykh lits ikh dokhodam»* [Federal Law of December 3, 2012 No. 230-FZ “On control over the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their income”].
3. *Genprokuratura nashla aktivy na bolee 130 mln rublei u sotrudnika MVD* [The Prosecutor General’s Office found assets worth more than 130 million rubles from an employee of the Ministry of Internal Affairs]. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/1f4f2d53> [Accessed 09/09/2023]
4. *Metodicheskie rekomendatsii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii po organizatsii raboty prokurorov po nadzoru za ispolneniem Federal'nogo zakona № 230-FZ i vvyavleniyu narushenii zakonodatel'stva o soblyudenii obyazannosti po predostavleniyu svedenii o raskhodakh litsami, zameshchayushchimi gosudarstvennyye dolzhnosti* [Methodological recommendations of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation on organizing the work of prosecutors to supervise the implementation of Federal Law No. 230-FZ and identifying violations of the law on compliance with the obligation to provide information on expenses by persons holding public positions]. Available at: <https://favt.gov.ru/public/materials/d/a/8/4/e/da84edb3c4f23a4ef5468f97c7e545ad.pdf> [Accessed 09/09/2023]
5. *Ofitsial'nyi sait General'noi Prokuratury RF* [Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> [Accessed 09/09/2023]
6. *Opreделение Конституционного Суда РФ от 02 октябрия 2019 года «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зakharchenko Dmitriya Viktorovicha i Semyinoini Mariny Aleksandrovny na narushenie ikh konstitutsionnykh prav i konstitutsionnykh prav ikh nesovershennoletnei docheri polozheniyami federal'nykh zakonov «O kontrole za sootvetstviem raskhodov lits, zameshchayushchikh gosudarstvennyye dolzhnosti, i inykh lits ikh dokhodam», «O protivodeistvii korruptsii» i «O gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 2, 2019 “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Dmitry Viktorovich Zakharchenko and Marina Aleksandrovna Semyina about the violation of their constitutional rights and the constitutional rights of their minor daughter by the provisions of the federal laws “On control over the compliance of expenses of persons replacing public positions, and other persons to their income”, “On combating corruption” and “On the state civil service of the Russian Federation”].
7. *Prikaz General'noi prokuratury Rossii ot 10.10.2022 № 581 «Ob osushchestvlenii prokurorskogo nadzora i realizatsii prokurorami inykh polnomochii v sfere protivodeistviya korruptsii»* [Order of the General Prosecutor's Office of Russia dated October 10, 2022 No. 581 “On the implementation of prosecutorial supervision and the exercise by prosecutors of other powers in the field of combating corruption”].
8. *Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF ot 31 marta 2015 g. № 206n «Ob utverzhdenii instruktivno-metodicheskikh ukazanii o poryadke podgotovki i napravleniya v organy prokuratury Rossiiskoi Federatsii materialov, neobkhodimyykh dlya obrashcheniya prokurora v sud s zayavleniem ob obrashchenii v dokhod Rossiiskoi Federatsii zemel'nykh uchastkov, drugikh ob"ektov nedvizhimosti, transportnykh sredstv, tsennykh bumag, aktsii (dolei uchastiya, paev v ustavnykh (skladochnykh) kapitalakh organizatsii), v otoshenii kotorykh ne predstavleny svedeniya, podtverzhdayushchie ikh priobretenie na zakonnyye dokhody»* [Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated March 31, 2015 No. 206n “On approval of instructive and methodological instructions on the procedure for preparing and sending to the prosecutor’s office of the Russian Federation the materials necessary for the prosecutor to apply to the court with an application for application to the income of the Russian Federation land plots, other real estate, vehicles, securities, shares (participatory interests, shares in the authorized (share) capital of organizations), in respect of which information has not been provided confirming their acquisition with legal income”].
9. *Reshenie Basmannogo raionnogo suda g. Moskvy ot 22 iyulya 2021 goda po delu Raufa Arashukova* [Decision of the Basmanny District Court of Moscow dated July 22, 2021 in the case of Rauf Arashukov].
10. *Reshenie Klinskogo gorodskogo suda ot 15.05.2019 po delu №2-1916/2019* [Decision of the Klin City Court dated May 15, 2019 in case No. 2-1916/2019].
11. *Reshenie Krasnogorskogo gorodskogo suda ot 08.04.2019 po delu №2-3150/2019* [Decision of the Krasnogorsk City Court dated 04/08/2019 in case No. 2-3150/2019].
12. *Soglashenie FNS Rossii № MMV-23-11/2, Genprokuratury Rossii № SD-1-14 ot 14.02.2014 «O vzaimodeistvii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii i Federal'noi nalogovoi sluzhby v oblasti protivodeistviya korruptsii»* [Agreement of the Federal Tax Service of Russia No. MMV-23-11/2, Prosecutor General’s Office of Russia No. SD-1-14 dated 02.14.2014 “On interaction between the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation and the Federal Tax Service in the field of combating corruption”].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.12.11.012

Особенности правового статуса и полномочий адвоката в гражданском процессе

Кубиевич Станислав Владимирович

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 80;
e-mail: ksv87@list.ru

Остапчук Анастасия Игоревна

Студент,
Одинцовский филиал, МГИМО МИД России,
143000, Российская Федерация, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3;
e-mail: anastasia.got.s@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правового статуса адвоката, который выступает представителем в гражданском процессе. Рассматриваются особенности адвокатского представительства с позиции реализации гарантированного Конституцией права на судебную защиту и профессиональной деятельности, такие как обязательность участия адвоката в делах определенной категории, вопросы удостоверения полномочий, действия, которые адвокат вправе совершать при осуществлении представительства стороны гражданского процесса, адвокатский запрос и адвокатская тайна. Подводя итоги, можно отметить следующее. Посредством осуществления адвокатской деятельности обеспечивается защита прав, свобод и законных интересов граждан. Представляется возможным выделить следующие отличительные черты представителя-адвоката от представителя-лица с юридическим образованием: адвокат может быть представителем стороны в гражданском судопроизводстве в любом суде и в любой инстанции; его полномочия удостоверяются адвокатским удостоверением и ордером; адвокат обладает правом на адвокатский запрос. В своей профессиональной деятельности адвокат связан адвокатской тайной и положениями Кодекса профессиональной этики. Таким образом, в гражданском процессе адвокат, выступая представителем стороны, является профессиональным участником, деятельность которого строго регламентирована в целях качественного оказания юридической помощи.

Для цитирования в научных исследованиях

Кубиевич С.В., Остапчук А.И. Особенности правового статуса и полномочий адвоката в гражданском процессе // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 117-122. DOI: 10.34670/AR.2023.12.11.012

Ключевые слова

Гражданский процесс, представитель, адвокат, правовой статус, ордер.

Введение

Конституцией РФ гарантировано право на защиту прав и свобод в судебном порядке. При рассмотрении споров в порядке гражданского судопроизводства стороны имеют право участвовать в нем лично или через представителей, причем участие представителей не исключает личного участия стороны (ст. 48 Гражданского процессуального кодекса РФ). Наиболее часто к помощи представителей прибегают в случаях отсутствия возможности участия в судебном заседании, а также при рассмотрении наиболее важных для человека вопросов при отсутствии у него достаточных познаний в области юриспруденции.

Также действующим законодательством предусмотрены основания, по которым участие представителя обязательно. Так, в ст. 50 Гражданского процессуального кодекса РФ указаны такие основания как отсутствие представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в случаях, прямо указанных в законе – например, в ст. 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи».

Представителями при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства могут быть лица, обладающие полной гражданской дееспособностью и оформленными надлежащим образом полномочиями (если дело рассматривается мировым судьей или в районном суде). Адвокат может быть представителем при рассмотрении дела в любом суде и в любой инстанции. Адвокатом является лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность.

Основная часть

Институт адвокатуры является одним из наиболее важных институтов гражданского общества, и тесно связан с его принципами. Адвокат осуществляет свою деятельность на основе таких принципов как законность и независимость. Существуют и иные принципы деятельности, характерные для адвокатского сообщества: самоуправления, корпоративности, равенства адвокатов.

Осуществляя свою профессиональную деятельность, адвокат:

- осуществляет консультирование в устной и письменной форме;
- составляет документы правового характера;
- принимает участие в судебных заседаниях;
- представляет интересы доверителя в органах государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органах;
- представляет доверителя в исполнительном производстве.

Адвокатские полномочия оформляются ордером (ч. 5 ст. 53 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Дополнительно адвокат предъявляет адвокатское удостоверение, которое подтверждает наличие у него статуса адвоката. При подаче апелляционной жалобы адвокат прикладывает к ней документы, удостоверяющие его статус при их отсутствии в деле.

Так, суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении частной жалобы на определение о возвращении частной жалобы по следующим основаниям. Ответчик подала частную жалобу на определение суда о возврате апелляционной жалобы, указывая при этом, что все недостатки были устранены в установленный срок. В определении о возврате апелляционной жалобы судья указал, что апелляционная жалоба подписана представителем без

предоставления документов, подтверждающих наличие юридического образования или ученой степени. Также не было предоставлено адвокатского удостоверения, удостоверяющего наличие у лица статуса адвоката, и ордера. Таким образом то, что подписавший апелляционную жалобу представитель имеет статус адвоката, надлежащим образом подтверждено не было, в связи с чем возврат апелляционной жалобы является обоснованным.

Статус выступающего в гражданском судопроизводстве в качестве представителя адвоката отличается от статуса представителя-лица, не являющегося адвокатом [Федоров, 2022, 12]. Только адвокат имеет право быть представителем лица в любом суде любой инстанции, кроме того, его деятельность и ее ограничения регулируются Кодексом профессиональной этики адвоката [Кодекс профессиональной этики адвоката, 2003].

Выступая в качестве представителя, адвокат выполняет следующие функции, присущие институту представительства:

- правозащитная;
- содействие суду в осуществлении правосудия [Кутяхов, 2023, 531].

Представительство предполагает наличие прав, которые перешли представителю от доверителя, и процессуальных обязанностей, служащих качественному исполнению поручения доверителя.

Оказывая юридическую помощь доверителю при рассмотрении дела в суде адвокат вправе:

- собирать все необходимые для качественного оказания юридической помощи сведения, том числе путем направления адвокатских запросов;
- собирать и представлять доказательства, в том числе производить опрос лиц с их согласия;
- привлекать иных лиц, обладающих знаниям в отдельных областях для получения информации по вопросам, связанным с оказанием помощи;
- знакомиться с материалами дела, в том числе путем снятия фотокопий;
- получать все процессуальные документы, касающиеся рассматриваемого дела, в котором он участвует в качестве представителя;
- заявлять ходатайства и отводы.

Полагаем необходимым отдельно остановиться на таком праве адвоката, которое отличает его от представителей без адвокатского статуса в гражданском процессе – праве на адвокатский запрос. Под адвокатским запросом понимают официальный запрос адвоката в органы государственной власти, общественным и иным организациям о предоставлении необходимых адвокату сведений по вопросам, входящим в компетенцию этих органы и организации. Предоставление ответа на него в тридцатидневный срок при наличии информации и ее открытости является обязательным.

Адвокату при оказании юридической помощи запрещено выполнять заведомо незаконные поручения, действовать вопреки позиции доверителя, а также предписывается избегать конфликта интересов. Нормативное определение конфликта интересов отсутствует, но он упоминается в ст. 11 Кодекса профессиональной этики [Кодекс профессиональной этики адвоката, 2003] и п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», в котором указаны случаи, когда адвокат не имеет права принимать от доверителя поручение. Нормативное определение «конфликта интересов» содержится в нормативных актах, регулирующих правоотношения при прохождении государственной и муниципальной гражданской службы и некоторых других.

Наиболее общая формулировка понятия закреплена в ст. 10 Федерального закона «О

противодействию коррупции», в ней же одновременно раскрывается понятие личной заинтересованности. П.В. Смирнов отмечает, что понятие личной заинтересованности невозможно применять к адвокатской деятельности, поскольку при этом из правового регулирования исключалась бы ситуация, в которой отсутствует личный интерес адвоката [Смирнов, 2020, 160] (например, если к адвокату обратились доверители, чьи интересы в правовой ситуации противоположны). В связи с этим полагаем, что для предотвращения возможности возникновения конфликта интересов целесообразно нормативно установить ряд запретов с четким определением их границ, которые бы заведомо исключали ситуации, при которых возникает конфликт интересов.

Также на адвоката как представителя накладываются и иные морально-этические ограничения. Поскольку для подготовки выигрышной позиции по делу адвокат должен знать все нюансы вопроса, за разрешением которого к нему обратился доверитель, все сообщенные им сведения адвокат должен хранить в тайне. В связи с этим существует понятие адвокатской тайны, которой не связаны иные представители. Обязательность конфиденциальности полученной от доверителя информации является гарантией его доверия адвокату и залогом успешного оказания юридической помощи.

В случае, когда адвокату стали известны сведения о незаконных действиях его доверителя, он не имеет права сообщать об этом в компетентные органы. Вместе с тем, адвокат вправе без объяснения причин отказаться от представительства доверителя на любой стадии рассмотрения дела. Наличие такого права позволяет адвокату осуществлять свою профессиональную деятельность в соответствии со своими моральными принципами и не поступаясь ими по причине необходимости оказания юридической помощи. Однако и при отказе от дальнейшего представления интересов доверителя адвокат обязан хранить адвокатскую тайну.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить следующее. Посредством осуществления адвокатской деятельности обеспечивается защита прав, свобод и законных интересов граждан. Представляется возможным выделить следующие отличительные черты представителя-адвоката от представителя-лица с юридическим образованием:

- 1) Адвокат может быть представителем стороны в гражданском судопроизводстве в любом суде и в любой инстанции.
- 2) Его полномочия удостоверяются адвокатским удостоверением и ордером.
- 3) Адвокат обладает правом на адвокатский запрос.
- 4) В своей профессиональной деятельности адвокат связан адвокатской тайной и положениями Кодекса профессиональной этики.

Таким образом, в гражданском процессе адвокат, выступая представителем стороны, является профессиональным участником, деятельность которого строго регламентирована в целях качественного оказания юридической помощи.

Библиография

1. Апелляционное определение Московского областного суда от 17.01.2022 по делу № 33-1978/2022.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями,

- одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
4. кс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2, 3.
 5. Кутяхов О.Е. Правовая природа представительства и полномочия адвоката-представителя в гражданском процессе // Образование и право. 2023. № 5. С. 530-534.
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».
 7. Смирнов П.В. Правовое регулирование института конфликта интересов в адвокатской деятельности по законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 158-162.
 8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».
 9. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
 10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».
 11. Федоров А.А. Особенности деятельности адвоката-представителя в гражданском процессе // Вестник науки и творчества. 2022. № 2 (74). С. 10-13.

Peculiarities of the legal status and powers of an advocate in civil proceedings

Stanislav V. Kubievich

Postgraduate,
Moscow Finance and Industry University “Synergy”,
125190, 80, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ksv87@list.ru

Anastasiya I. Ostapchuk

Student,
Odintsovo Branch,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
143000, 3, Novo-Sportivnaya str., Odintsovo, Russian Federation;
e-mail: anastasia.got.s@mail.ru

Abstract

The article discusses the features of the legal status of a lawyer who acts as a representative in civil proceedings. The features of lawyer representation are considered from the standpoint of the implementation of the constitutionally guaranteed right to judicial protection and professional activity, such as the mandatory participation of a lawyer in cases of a certain category, issues of certification of powers, actions that a lawyer has the right to perform when representing a party to a civil proceeding, a lawyer's request and lawyer-client privilege. To summarize, we can note the following. Through the exercise of advocacy, the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens is ensured. It seems possible to identify the following distinctive features of a representative lawyer from a representative person with a legal education: a lawyer can be a representative of a party in civil proceedings in any court and in any instance; his powers are certified by a lawyer's license and a warrant; a lawyer has the right to a lawyer's request. In his professional activities, a lawyer is bound by attorney-client privilege and the provisions of the Code of

Professional Ethics. Thus, in civil proceedings, a lawyer, acting as a representative of a party, is a professional participant whose activities are strictly regulated in order to provide high-quality legal assistance.

For citation

Kubievich S.V., Ostapchuk A.I. (2023) Osobennosti pravovogo statusa i polnomochii advokata v grazhdanskom protsesse [Peculiarities of the legal status and powers of an advocate in civil proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 117-122. DOI: 10.34670/AR.2023.12.11.012

Keywords

Civil procedure, representative, lawyer, legal status, warrant.

References

1. *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 17.01.2022 po delu № 33-1978/2022* [Appeal ruling of the Moscow Regional Court dated January 17, 2022 in case No. 33-1978/2022].
2. *Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 № 324-FZ (red. ot 24.06.2023) «O besplatnoi yuridicheskoi pomoshchi v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 324-FZ dated November 21, 2011 (as amended on June 24, 2023) "On free legal assistance in the Russian Federation." 9. Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption"].
3. *Federal'nyi zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodeistvii korruptsii»* [Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption"].
4. *Federal'nyi zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ (red. ot 24.07.2023) «Ob advokatskoi deyatel'nosti i advokature v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on July 24, 2023) "On advocacy and the legal profession in the Russian Federation"].
5. Fedorov A.A. (2022) Osobennosti deyatel'nosti advokata-predstavatelya v grazhdanskom protsesse [Features of the activities of a lawyer-representative in civil proceedings]. *Vestnik nauki i tvorchestva* [Bulletin of Science and Creativity], 2 (74), pp. 10-13.
6. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 24.06.2023, s izm. ot 20.07.2023)* [Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on June 24, 2023, as amended on July 20, 2023)].
7. (2003) Kodeks professional'noi etiki advokata (prinyat I Vserossiiskim s'ezdom advokatov 31.01.2003) [Code of Professional Ethics for Lawyers (adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003)]. *Vestnik Federal'noi palaty advokatov RF* [Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation], 2, 3.
8. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)].
9. Kutyakhov O.E. (2023) Pravovaya priroda predstavitel'stva i polnomochiya advokata-predstavatelya v grazhdanskom protsesse [The legal nature of representation and the powers of the representative lawyer in civil proceedings]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 5, pp. 530-534.
10. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.06.2021 № 16 «O primenenii sudami norm grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchikh proizvodstvo v sude apellyatsionnoi instantsii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2021 No. 16 "On the application by courts of the norms of civil procedural legislation governing proceedings in the court of appeal"].
11. Smirnov P.V. (2020) Pravovoe regulirovanie instituta konflikta interesov v advokatskoi deyatel'nosti po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii [Legal regulation of the institution of conflict of interests in advocacy under the legislation of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 1, pp. 158-162.

УДК 338.23: 336(47)

DOI: 10.34670/AR.2023.35.18.013

Правовые и экономические условия формирования финансовой безопасности России: современное состояние, угрозы и пути обеспечения

Мирзоян Регина Эдуардовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: mir-regina@yandex.ru

Зарецкая Марина Гаруновна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Багова Инна Руслановна

Кандидат социологических наук,
доцент гражданского права и гражданского процесса,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Аннотация

В последние годы для России проблема обеспечения финансовой безопасности является одной из наиболее актуальных. Страна была вынуждена в условиях беспрецедентных санкций со стороны международных финансовых организаций и иностранных государств вступить в игру мировых финансов: трансформировать экономическую систему, достигнуть технологической независимости и переориентироваться в международных экономических связях. В условиях беспрецедентного санкционного давления Российская Федерация усилила участие финансового рынка в регулировании финансовой системы и экономики, прежде всего используя при этом внутренние ресурсы. Были созданы необходимые правовые и экономические условия для формирования стабильной финансовой системы и инвестиционных программ. Современное состояние финансовой безопасности анализируется и используется Банком России совместно с Правительством Российской Федерации для разработки стратегий и программ социально-экономического развития. Цель исследования заключается в характеристике современного состояния финансовой

безопасности России, определении угроз и путей по снижению рисков финансовой безопасности. Значимые риски для развития российского финансового рынка на трехлетнем горизонте несет геополитическая ситуация. В случае усиления санкционного давления это может создавать дополнительные ограничения для российской экономики и финансового рынка, а также осложнять взаимодействие с дружественными странами. В этих условиях может потребоваться более длительное время для восстановления и структурной трансформации российской экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Мирзоян Р.Э., Зарецкая М.Г., Багова И.Р. Правовые и экономические условия формирования финансовой безопасности России: современное состояние, угрозы и пути обеспечения // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 123-129. DOI: 10.34670/AR.2023.35.18.013

Ключевые слова

Внешние угрозы, внутренние угрозы, задачи финансовой безопасности, кибербезопасность, национальная безопасность, финансовая безопасность, финансовая стабильность.

Введение

В последние годы для России проблема обеспечения финансовой безопасности является одной из наиболее актуальных. Страна была вынуждена в условиях беспрецедентных санкций со стороны международных финансовых организаций и иностранных государств вступить в игру мировых финансов: трансформировать экономическую систему, достигнуть технологической независимости и переориентироваться в международных экономических связях. Так, для России актуальны установление новых связей с финансовыми системами (в том числе с регуляторами) дружественных стран – Азиатского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки, создание работающей системы платежей и расчетов в валютах дружественных стран.

Финансовая безопасность является индикатором общего состояния экономической системы в государстве, так как является важнейшим элементом экономической безопасности страны.

Основная часть

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года утвердила 40 показателей, которые необходимо мониторить для оценки состояния экономической (финансовой) безопасности [Буянова, 2019]. Угроза экономической безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере. Среди основных угроз развития национальной экономики в Стратегии экономической безопасности выделены: ограничения доступа к международным финансовым ресурсам и современным технологиям; колебания на мировых товарных и финансовых рынках; уязвимость финансово-банковской системы. Таким образом, Стратегия-2030 «является документом стратегического планирования, разработанным в целях реализации стратегических

национальных приоритетов Российской Федерации, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Проанализировав Стратегию-2030, можно сделать вывод, финансовая безопасность является ключевой и неотъемлемой частью общей национальной и экономической безопасности. Экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации национального приоритета России.

Следует согласиться с выводом Борщ Л.М. о том, что с прикладной точки зрения, финансовая безопасность представляет собой основу состояния национальной финансовой системы России [Борщ, 2022].

Исходя из вышеизложенного, финансовую безопасность целесообразно определить как создание условий устойчивого, надежного функционирования финансовой системы страны, предотвращающих возникновение финансового кризиса [Товмасын, 2012].

Отметим, что в настоящее время, без всякого сомнения, учитывая конфронтацию на мировой арене, очень остро выдвигается и носит наступательный характер повышение финансовой безопасности государства [Борщ, 2022]. На основе анализа Стратегии-2030 можно определить политику России на защиту экономики в связи с угрозами и санкциями. Основываясь на Стратегии-2030 и программах социально-экономического развития, финансовая система должна формировать все предпосылки для независимости, эффективности функционирования и конкурентоспособности всего финансового сектора экономического развития.

В рамках исследования представляется необходимым исходить из того, что финансовая безопасность является категорией правовой науки, т.к. обеспечение финансовой безопасности осуществляется в правовом поле [Блажевич, 2022]. Отметим, в настоящее время реализация мер финансовой безопасности осуществляются в неразрывной системной связи с действующими положениями финансового, банковского и налогового законодательства.

Важным условием безопасности финансовой системы России, как правило, является финансовая стабильность и независимость с использованием грамотной и эффективной защиты национальных интересов. В основе обеспечения финансовой безопасности должен лежать целевой подход. Сложно обеспечить стабильный рост и развитие экономики без разработки долгосрочной стратегии и внедрения эффективной системы финансовой безопасности.

В современных условиях, задачами финансовой безопасности признаются: 1) развитие и устойчивость денежно-кредитной и валютной политики; 2) создание благоприятных условий для противостояния санкциям; 3) совершенствование нормативной правовой базы, в том числе по разработке и принятию финансовой доктрины и т.д. [Румянцева, 2017].

В рамках исследования представляется необходимым исходить из того, что угрозы финансовой безопасности РФ подразделяются на внутренние и внешние. Мы полностью поддерживаем точку зрения Ищенко Л.Э., что внутренние угрозы появляются, как правило, неадекватной финансово-экономической политикой, просчетами органов власти и управления, ошибками управления финансовой системой страны. Но к настоящему времени большую роль играют внешние угрозы. К этим угрозам надо отнести интернационализацию и глобализацию мирового хозяйства. Они стимулируют интенсивность экономических и хозяйственных связей и усиливают процесс воздействия на мировую финансовую ситуацию, а также изменяют содержание финансовых потоков, которые показывают оторванность финансовых потоков от

воспроизводственных процессов [там же].

Вместе с тем следует отметить, что для борьбы с угрозами финансовой безопасности, необходимо активно повышать уровень финансовой грамотности населения, а также разработать и внедрять методологию, направленную на осведомление потребителей услуг относительно цифрового рубля и способах противодействия мошенникам.

Анализ Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года позволяет отметить, что «повышение финансовой грамотности и формирование финансовой культуры граждан способствует формированию достаточного уровня сбережений граждан («финансовые подушки безопасности»)».

Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года способствует повышению уровня финансовой безопасности, в том числе финансовой кибербезопасности граждан. Для достижения вышеуказанных целей необходимо решить следующие задачи:

-формирование доверительного отношения граждан к финансовому рынку и финансовым институтам;

-обеспечение финансовой безопасности, в том числе, финансовой кибербезопасности, путем формирования у граждан навыков, установок и поведенческих практик для защиты от возможных рисков в финансовой сфере, эффективного противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке и мошенничеству.

Вышеизложенное позволяет отметить, что путем повышения финансовой безопасности в России является совершенствование государственной деятельности в сфере экономической безопасности, а именно принятие собственных методических рекомендаций в сфере банковского надзора, которые учитывали бы специфику России, ибо особенности нашей страны игнорировать нельзя [Румянцева, 2017].

Кроме того, следует согласиться с Кирилловым Р.В. по вопросу способов повышения финансовой безопасности, а именно совершенствование технологий. Необходимо создать максимально действенную систему против кибератак: использовать современные средства защиты информации от несанкционированного доступа, средства проверки эффективности систем защиты, анализаторы протоколов, антивирусные программы, криптографические средства, системы резервного копирования [Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы..., www]. Эффективность данной системы зависит от информационных инноваций, в связи с этим при разработке таких систем будут открываться все новые технические пути повышения финансовой безопасности [Румянцева, 2017].

Заключение

Отметим, что настоящее время Банк России проводит постоянный мониторинг ситуации и оценку рисков, реализация которых может препятствовать проведению или оказать влияние на проведение мероприятий, намеченных Банком России и Правительством Российской Федерации в сфере развития финансового рынка, или ограничивать их эффективность. Банк России и Правительство Российской Федерации принимают меры, направленные на предотвращение реализации рисков, а в случае их реализации – на ограничение негативных эффектов [Меры Банка России..., www].

Значимые риски для развития российского финансового рынка на трехлетнем горизонте несет геополитическая ситуация. В случае усиления санкционного давления это может создавать дополнительные ограничения для российской экономики и финансового рынка,

а также осложнять взаимодействие с дружественными странами. В этих условиях может потребоваться более длительное время для восстановления и структурной трансформации российской экономики [там же].

Библиография

1. Блажевич О.Г. Особенности обеспечения финансовой безопасности государства // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2022. № 2. С. 5-17.
2. Борщ Л.М. Финансовая безопасность российской финансовой системы: современные вызовы и угрозы // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2022. № 1. С. 5-17
3. Буянова М.Э. Анализ финансовой безопасности России: современные тенденции, вызовы, угрозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. 2019. Т. 21. № 2. С. 19-33. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2019.2.2>
4. Меры Банка России по стабилизации ситуации на финансовом рынке в условиях реализации санкционных рисков. URL: https://cbr.ru/support_measures/#a_134865file
5. Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2023-2025 годов: одобрены Советом директоров Банка России 22.05.2023. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/148351/onrib_2025.pdf
6. Румянцева А.Ю. (ред.) Проблемы обеспечения финансовой безопасности и эффективности экономических систем в XXI в. СПб., 2017. 700 с.
7. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 №2958-р.
8. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 №4355-р.
9. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена Указом Президента РФ № 208 от 13.05.2017 г.
10. Товмасын Р.Э. Финансовая безопасность в денежной сфере // Финансовая безопасность: экономические и правовые проблемы. Саратов, 2012. 236 с.

Legal and economic conditions for the formation of financial security in Russia: current state, threats and ways to ensure

Regina E. Mirzoyan

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: mir-regina@yandex.ru

Marina G. Zaretskaya

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Administrative and Criminal Law,
Maikop State Technological University,
385016, 191, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Inna R. Bagova

PhD in Sociology,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Abstract

In recent years, the problem of ensuring financial security has been one of the most pressing for Russia. The country was forced, under conditions of unprecedented sanctions from international financial organizations and foreign countries, to enter the game of global finance: transform the economic system, achieve technological independence and reorient itself in international economic relations. Under conditions of unprecedented sanctions pressure, the Russian Federation has strengthened the participation of the financial market in regulating the financial system and economy, primarily using internal resources. The necessary legal and economic conditions were created for the formation of a stable financial system and investment programs. The current state of financial security is analyzed and used by the Bank of Russia together with the Government of the Russian Federation to develop strategies and programs for socio-economic development. The purpose of the study is to characterize the current state of financial security in Russia, identify threats and ways to reduce financial security risks. The geopolitical situation poses significant risks for the development of the Russian financial market over a three-year horizon. If sanctions pressure increases, this may create additional restrictions for the Russian economy and financial market, as well as complicate interaction with friendly countries. Under these conditions, it may take a longer time for the recovery and structural transformation of the Russian economy.

For citation

Mirzoyan R.E., Zaretskaya M.G., Bagova I.R. (2023) Pravovye i ekonomicheskie usloviya formirovaniya finansovoi bezopasnosti Rossii: sovremennoe sostoyanie, ugrozy i puti obespecheniya [Legal and economic conditions for the formation of financial security in Russia: current state, threats and ways to ensure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 123-129. DOI: 10.34670/AR.2023.35.18.013

Keywords

External threats, internal threats, financial security challenges, cybersecurity, national security, financial security, financial stability.

References

1. Blazhevich O.G. (2022) Osobennosti obespecheniya finansovoi bezopasnosti gosudarstva [Features of ensuring the financial security of the state]. *Nauchnyi vestnik: Finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, banks, investments], 2, pp. 5-17.
2. Borshch L.M. (2022) Finansovaya bezopasnost' rossiiskoi finansovoi sistemy: sovremennye vyzovy i ugrozy [Financial security of the Russian financial system: modern challenges and threats]. *Nauchnyi vestnik: Finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, banks, investments], 1, pp. 5-17
3. Buyanova M.E. (2019) Analiz finansovoi bezopasnosti Rossii: sovremennye tendentsii, vyzovy, ugrozy [Analysis of the financial security of Russia: current trends, challenges, threats]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 3, Economics. Ecology], 21, 2, pp. 19-

-
33. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2019.2.2>
 4. *Mery Banka Rossii po stabilizatsii situatsii na finansovom rynke v usloviyakh realizatsii sanktsionnykh riskov* [Measures of the Bank of Russia to stabilize the situation in the financial market in the context of the implementation of sanctions risks]. Available at: https://cbr.ru/support_measures/#a_134865file [Accessed 10/10/2023]
 5. *Osnovnye napravleniya razvitiya informatsionnoi bezopasnosti kreditno-finansovoi sfery na period 2023-2025 godov: odobreny Sovetom direktorov Banka Rossii 22.05.2023* [Main directions for the development of information security in the credit and financial sector for the period 2023-2025: approved by the Board of Directors of the Bank of Russia on May 22, 2023]. Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/148351/onrib_2025.pdf [Accessed 10/10/2023]
 6. Rumyantseva A.Yu. (ed.) (2017) *Problemy obespecheniya finansovoi bezopasnosti i effektivnosti ekonomicheskikh sistem v XXI v.* [Problems of ensuring financial security and efficiency of economic systems in the 21st century]. St. Petersburg.
 7. *Strategiya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: utverzhdena Ukazom Prezidenta RF № 208 ot 13.05.2017 g.* [Economic security strategy of the Russian Federation for the period until 2030: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017].
 8. *Strategiya povysheniya finansovoi gramotnosti i formirovaniya finansovoi kul'tury do 2030 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24.10.2023 №2958-r* [Strategy for increasing financial literacy and developing a financial culture until 2030: approved by Order of the Government of the Russian Federation dated October 24, 2023 No. 2958-r].
 9. *Strategiya razvitiya finansovogo rynka Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2022 №4355-r* [Strategy for the development of the financial market of the Russian Federation until 2030: approved by order of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2022 No. 4355-r].
 10. Tovmasyan R.E. (2012) *Finansovaya bezopasnost' v denezhnoi sfere* [Financial security in the monetary sphere]. In: *Finansovaya bezopasnost': ekonomicheskie i pravovye problemy* [Financial security: economic and legal problems]. Saratov.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.83.97.014

Проблемы и приоритетные направления развития системы обращения с твердыми коммунальными отходами на региональном уровне

Аванесова Рита Рафаэловна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры правовых, психолого-педагогических
и экономических дисциплин,
филиал Адыгейского государственного университета в г. Белореченске,
352630, Российская Федерация, Белореченск, ул. 8 Марта 57/1;
e-mail: margarita-ava@yandex.ru

Слюсаренко Эльвира Евгеньевна

Кандидат биологических наук,
доцент кафедры правовых, психолого-педагогических
и экономических дисциплин,
филиал Адыгейского государственного университета в г. Белореченске,
352630, Российская Федерация, Белореченск, ул. 8 Марта 57/1;
e-mail: chehovich_elvira@mail.ru

Курочкин Николай Олегович

Главный специалист-эксперт отдела административного производства
Управления по охране, федеральному государственному надзору
и регулированию использования объектов животного мира
и среды их обитания,
Министерство природных ресурсов Краснодарского края,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Северная, 275/1;
e-mail: 777kolyan.k@mail.ru

Аннотация

В статье проведено исследование направлений совершенствования деятельности по утилизации твердых коммунальных отходов. Рассмотрены инструменты, приемы и методы регулирования системы обращения с отходами на региональном уровне. Авторы отмечают, что направления совершенствования системы обращения с твердыми коммунальными отходами должны учитывать интересы всех ее участников, риски, затраты и выгоды, что требует разработки не только производственно-технологических решений, но и соответствующих организационно-экономических механизмов. Основным приоритетом для усовершенствующих нововведений должна стать более продуманная государственная поддержка субъектов предпринимательской деятельности, основанная на внедрении современных механизмов зеленого финансирования на основе государственно-частного

партнерства, а также поддержка предприятий, разрабатывающих и внедряющих новые технологические решения в сфере обращения с отходами.

Для цитирования в научных исследованиях

Аванесова Р.Р., Слюсаренко Э.Е., Курочкин Н.О. Проблемы и приоритетные направления развития системы обращения с твердыми коммунальными отходами на региональном уровне // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 130-140. DOI: 10.34670/AR.2023.83.97.014

Ключевые слова

Твердые коммунальные отходы, утилизация, мусороперерабатывающий комплекс, мусоросжигательный завод, региональный экологический оператор, полигон, сортировка, экологическая экспертиза, окружающая среда.

Введение

На сегодняшний день отходы производства и потребления считают глобальной проблемой современности, а вопросы спасения окружающей среды занимают важное место в международных повестках. Основными причинами увеличения количества отходов можно назвать рост производства товаров массового потребления одноразового использования; увеличение количества упаковки; повышение уровня жизни, позволяющее пригодные к использованию вещи заменить новыми.

Большая часть бытовых отходов не разлагается в естественных условиях или имеет очень длительный срок разложения. Доля таких отходов увеличивается с каждым годом. Общегородские свалки и мусорные полигоны переполнены смешанным мусором, до 80% которого могло бы стать качественным вторичным сырьем при условии его отдельного сбора.

Поэтому проблема утилизации бытовых отходов в больших городах становится все более актуальной. Утилизация и переработка отходов в современном мире вызывает вопросы не только по непосредственному процессу их уничтожения и использования, но и с точки зрения экологии – как минимизировать загрязнение окружающей среды при их уничтожении или захоронении [Аванесова, Слюсаренко, 2021].

Отсутствие мусоросортировочных и мусороперерабатывающих заводов на территории муниципальных образований значительно усложняет работу в этой области.

Основная часть

Ежегодно Россия производит около 70 млн тонн отходов, и с каждым годом объемы только растут. К 2030 году они могут достигнуть 100 млн тонн. Практически 90% отходов идут на свалки, площадь покрытой мусором территории России уже сопоставима с площадью небольшого государства.

Содержащиеся на полигонах и свалках токсичные вещества могут являться источником поступления вредных химических, биологических и биохимических веществ в окружающую среду. Это создает определенную угрозу здоровью и жизни населения.

С другой стороны, отходы следует рассматривать как техногенные образования, которые характеризуются значимым содержанием в них ряда ценных практически бесплатных

компонентов, черных, цветных металлов и других материалов, пригодных для использования в экономике.

Практически для всех субъектов Российской Федерации одна из основных задач в области охраны окружающей среды – решение проблем обращения и утилизации отходов производства и потребления.

Утилизация отходов подразумевает использование отходов для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг, включая повторное применение отходов, в том числе повторное применение отходов по прямому назначению (рециклинг), их возврат в производственный цикл после соответствующей подготовки (регенерация), а также извлечение полезных компонентов для их повторного применения (рекуперация) [Аванесова, Слюсаренко, 2020].

В федеральных законах обозначены основные принципы, которыми следует руководствоваться при разработке программ по сбору и утилизации мусора:

- восстанавливать и поддерживать благоприятную экологическую среду, уменьшать пагубное влияние мусора на состояние здоровья людей;
- учитывать научные достижения, добиваться эффективных экологических и экономических показателей;
- использовать новейшие из доступных технологий для сортировки, переработки и захоронения твердых коммунальных отходов (далее – ТКО);
- уменьшить количество мусора, поступающего на захоронение, использовать экономический потенциал мусора;
- использовать экономические рычаги влияния для регулирования деятельности в области утилизации ТКО;
- обеспечить открытый доступ к информации о состоянии территориальной схемы утилизации ТКО в рамках разрешенного законодательством РФ [Сравнительный анализ технологий переработки твердых коммунальных отходов..., www].

Таким образом, в порядке приоритета важными направлениями государственная власть выделяет: освоение максимально безотходного производства; уменьшение количества образующегося мусора; обеспечение понижения класса опасности ТКО на этапе их создания; рассортировку и переработка мусора, обезвреживание опасных ТКО.

Захоронение на полигонах является одним из наиболее часто используемых методов утилизации отходов во всем мире. С экономической точки зрения является неэффективным, требует колоссальных бюджетных затрат. Эти издержки ничем не оправданы с экологической точки зрения: происходит безвозвратная потеря невозполнимых природных ресурсов в виде таких компонентов ТКО, как пластиковая и металлическая тара, стекло и макулатура [Козлов, Елисеева, 2017].

Для того чтобы минимизировать воздействие на окружающую среду, полигон ТКО должен представлять инженерный объект, безопасный для окружающей среды и местного населения, который эксплуатируется и развивается строго по проекту, имеющему действующее положительное заключение государственной экологической экспертизы, с соблюдением всех технологических норм и правил.

Учитывая высокую химическую и санитарно-эпидемиологическую опасность неорганизованного складирования и хранения ТКО, перед выбором площадки для такого складирования необходимо тщательно рассмотреть ряд вопросов: особенности местности;

рельеф местности; особенности геологического строения земных слоев предполагаемого места складирования и хранения ТКО; преобладающую розу ветров; особенности окружающего природного ландшафта.

Только после тщательной экологической экспертизы, выполненной независимыми экспертами, можно останавливаться на выборе определенного участка для складирования, хранения и переработки ТКО.

В настоящее время получил развитие комплексный подход к функционированию полигонов, который подразумевает не только складирование отходов, но и сортировку. В этом случае отсутствует необходимость брикетировать «хвосты», обязательно размещается установка для компостирования органических отходов. Совершенно логичным становится размещение на полигонах участков по получению продукции из вторичного сырья [Елисеева., Федоренко, 2013].

Построение промышленной технологии именно по принципу комбинации различных методов переработки ТКО нивелирует недостатки каждого метода, взятого в отдельности. Объединяющим процессом при этом является сортировка (в том числе на основе селективного сбора), изменяющая качественный и количественный состав отходов.

Предварительная сортировка улучшает и ускоряет процесс компостирования органических веществ, облегчает очистку компоста от примесей, снижает требуемую производительность весьма дорогостоящего биотермического и термического оборудования, улучшает состав, улучшает процесс сжигания, т.е. технология комплексной переработки ТКО повышает экологичность и экономичность традиционной термической и биотермической обработки отходов. Эта технология, кроме того, повышает уплотняемость полигонов не утилизируемых отходов и, как следствие, уменьшает их объем и количество проникающих в почву фильтрационных вод [Информационный портал об обращении с ТКО в России, www].

Мусороперерабатывающий комплекс (далее МПК) – предприятие, комбинирующее различные методы переработки ТКО.

Важными преимуществами МПК являются:

- 1) рациональное использование существующих полигонов и свалок, экономия площадей под новые полигоны;
- 2) уменьшение доли захораниваемых отходов и их вторичное использование;
- 3) трансформирование традиционных полигонных захоронений с известными негативными факторами в складирование отходов различной «длительности» с исключением попадания загрязняющих веществ в окружающую среду.

На большинстве производств работа выстраивается следующим образом:

- 1) Осуществляется сортировка привезенного мусора.
- 2) Полученные виды сырья перерабатываются разработанными для них способами – сухая очистка, мойка, размол, грануляция, агломерация и т.п.
- 3) Производство из переработанного мусора материалов и изделий.
- 4) Захоронение или сжигание утиля, который не подлежит вторичной переработке.

Из вторичного сырья получают топливо; строительные материалы; изделия для бытовых и хозяйственных нужд; полимерные пленки и трубы; гранулированные материалы; нетканые материалы; бумажные изделия.

Открытие перерабатывающих заводов имеет плюсы: появляются новые рабочие места; экономятся ресурсы природы; снижаются затраты предприятий на осуществление

производственных процессов; производится ценное сырье; сокращается количество территорий, отводимых под свалки.

На всю Россию действует всего четыре комплекса по переработке отходов: столичный ГУП «Экотехром», «Оренбургский», «Курский», «Новокузнецкий». Они не в состоянии серьезно решить экологические проблемы. Ситуация изменится только при условии открытия большого количества небольших мусороперерабатывающих производств [Слюсаренко, Шхапацев, 2014].

Преимущества организации такого бизнеса состоят в следующем: неисчерпаемая сырьевая база; низкая конкуренция; широкий спектр сфер, имеющих потребность в производимой продукции; спрос.

Во многих регионах власти оказывают поддержку предпринимателям, желающим начать заниматься переработкой отходов. Для этого применяются следующие перспективные механизмы поддержки: льготы на технологическое присоединение к электрическим сетям; договор о поставке мощности; льготные кредиты и займы; субсидирование и грантовая поддержка; зеленые тарифы и зеленые сертификаты; расширенная ответственность производителя; льготное налогообложение и сборы; государственно-частное партнерство.

Существенные недостатки данного вида деятельности связаны с тем, что изначально требуются немалые финансовые вложения; возникают сложности взаимодействия с бюрократической системой РФ и нахождения подходящей территории для организации производства; непрестижность работы в сфере утилизации отходов; сложившийся менталитет граждан не позволяет вести отдельный сбор мусора, что в дальнейшем усложняет его вторичную переработку [Сравнительный анализ технологий переработки твердых коммунальных отходов..., www].

В Краснодарском крае ежегодно производится 2,6 млн тонн отходов. Такой колоссальный объем не способны вместить действующие полигоны, а для открытий новых свободных территорий нет в связи с высокой плотностью населения. Как отметил губернатор В. Кондратьев, «Мы не можем превращать кубанскую землю в новые полигоны. Сегодня в крае идти по пути полигонов – это лишь отсрочить и еще больше накопить проблему, но не решить ее... Мы пришли к той черте, когда просто складировать отходы, захоранивать их на полигонах, невозможно» [Аванесова, Слюсаренко, 2020].

Министр природных ресурсов и экологии РФ А.А. Козлов, посетивший крупнейшие свалки края, в том числе полигон в г. Белореченске, отметил, что Краснодарский край не справляется с мусорной реформой. Регион срывает сроки по рекультивации старых полигонов, отстает от графиков мусорной реформы минимум на год и не устраняет экологические нарушения на объектах.

Одним из самых проблемных в Краснодарском крае признан полигон ТКО в г. Белореченске. Он расположен в 3 км от города. Эксплуатируется с 2017 года, мусор поступает из пяти районов края: Апшеронского, Белореченского, Горячключевского, Туапсинского и г. Сочи. На объекте постоянно фиксируют нарушения, а его ресурсов не хватает на переработку всего привозимого мусора. Местные жители жалуются на проблемы со здоровьем.

В связи со сложившейся критической ситуацией было проведено совещание с участием руководителей: Минприроды Александра Козлова, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Светланы Радионовой, главы Кубани Вениамина Кондратьева, на котором обсудили объект в г. Белореченске. На встрече озвучили, что ежегодно на полигоне образуется более 580 тыс. тонн мусора, большую часть из которого (330 тыс. тонн) везут из г. Сочи, в

котором практически не работает сортировка, поэтому все отходы привозят сгнившим и непереработанными. Проектная вместимость объекта составляет 903 тыс. тонны, но на полигоне уже находится 1 485 тыс. тонн, это больше норматива на 60%. Нормативную вместимость полигон исчерпал еще в 2020 году.

Росприроднадзором были выявлены 27 нарушений. Среди самых опасных – загрязнение подземных вод ядовитыми веществами, образующимися при разложении мусора и фильтрующимися сквозь почву. Нарушение вызвано отсутствием системы отведения фильтрата с тела полигона. Также предприятие не соблюдало закон об экологической экспертизе, скрывало и искажало информацию. Следует отметить, что ранее данная проблема многократно озвучивалась средствами массовой информации, однако власти края игнорировали представленные данные. После вмешательства федерального надзорного органа материалы о нарушениях были направлены в Белореченский районный суд [Информационный портал Росприроднадзора, www].

В связи с тем, что организация «Крайжилкомресурс», являющаяся региональным экологическим оператором Белореченского полигона ТБО, неоднократно допускала многочисленные нарушения, в том числе эксплуатация проводилась, когда он исчерпал свои мощности, Белореченский районный суд 25 января 2023 года вынес решение о приостановке деятельности на 30 суток. Дело рассматривалось по ч. 6 ст. 8.2 КоАП РФ (несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления) [там же].

Руководством региона запланировано возвести около первого полигона вторую очередь, площадью 4 га. Для этого необходимо перевести прилегающие земли из категории сельскохозяйственных в промышленные, хотя это является прямым нарушением федерального законодательства. По нормативам выделенного участка хватит на 2-3 года эксплуатации. За этот период планируется строительство двух мусоросжигательных заводов на территории края.

Мусоросжигательный завод – предприятие, утилизирующее отходы с сопутствующей функцией выделения тепловой и электрической энергий. Такие заводы широко распространены в США, Западной Европе, Японии. Выбор данного метода рекомендуется использовать только там, где наблюдается острый дефицит земельных участков для полигонного захоронения.

С экологической точки зрения завод безопаснее полигона, снижается загрязнение почвы и вод, используются меньшие площади под захоронение отходов. Например, в Австрии такой завод стоит прямо в центре Вены и не только уничтожает производимый мегаполисом мусор, но еще и вырабатывает энергию.

Технология «Ростеха», с которым в настоящее время администрация Краснодарского края проводит переговоры о заключении контрактов на строительство, предусматривает максимальную первичную сортировку и переработку мусора на вторсырье. В итоге утилизируются только так называемые «хвосты», в том числе с системой обеззараживания. Действующие полигоны рекультивироваться не будут. Следовательно, во избежание их переполнения необходимо ввести качественную переработку отходов. Так, до конца следующего года в пяти муниципальных образованиях (Сочи, Крымске, Усть-Лабинске, Ленинградском и Туапсинском районах) появятся мусоросортировочные комплексы. Это позволит захоранивать в два раза меньше отходов, появится возможность более длительного использования полигонов [Сравнительный анализ технологий переработки твердых коммунальных отходов..., www].

Таким образом, можно утверждать, что нынешняя схема обращения с отходами в регионах сложилась неэффективная, отсутствует селективный сбор мусора у населения, нет мусоросортировочных и мусороперерабатывающих заводов, по факту существует только вывоз и размещение ТКО на площадках временного захоронения.

К числу проблем в области обращения с отходами в регионах России также относятся несовершенство нормативно-правового обеспечения этой деятельности, недостаточная эффективность государственного управления, контроля и надзора в этой сфере.

Основополагающий законодательный акт в области обращения с отходами производства и потребления – Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ – требует существенной корректировки и дополнения. В частности, он содержит неполный и нераскрытый понятийный аппарат, существуют разночтения в терминологии с Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. В Законе отсутствует описание порядка применения наилучших существующих технологий в области обращения с отходами, методология управления потоками отходов, требующих специального регулирования, не прописан механизм перехода собственности на отходы и др. Существующая законодательная база не позволяет стимулировать физических и юридических лиц, занятых в сфере обращения с отходами, а также принимать адекватные меры к лицам, наносящим ущерб окружающей среде несанкционированным размещением отходов [Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ, [www](#)].

С 2019 года в России стартовала мусорная реформа, которая призвана сократить объем отходов на полигонах и увеличить долю переработки мусора. Реформа реализуется в рамках национального проекта «Экология», который включает в себя 11 федеральных проектов. На данный момент в стране насчитывается до 240 мусороперерабатывающих заводов, 50 мусоросортировочных комплексов и 10 мусоросжигательных заводов. К 2024 году намерены построить 210 комплексов по обработке и утилизации твердых коммунальных отходов, что поможет решить проблему мусорных полигонов и наладить переработку 60% всего объема мусора [Национальный проект «Экология», [www](#)].

В качестве экономических инструментов поддержки реализации таких проектов предлагается рассматривать расширение форм их финансирования в части предоставления из средств федерального бюджета субсидий в виде имущественного взноса, компенсацию процентных ставок по кредитам, возмещение расходов на создание объектов обработки и утилизации отходов, экологический сбор, применение «зеленого» тарифа на поставку электроэнергии из отходов.

В Российской Федерации на федеральном уровне действует публично-правовая компания «Российский экологический оператор» (далее – РЭО) для формирования системы обращения с твердыми коммунальными отходами. На уровне регионов Российской Федерации действуют региональные экологические операторы, от работы которых во многом зависит экологическое благополучие. В Краснодарском крае действуют пять региональных операторов: АО «Мусороуборочная компания», АО «Крайжилкомресурс», ООО «ЭкоЮг», ООО «Экоцентр» и ООО «Чистая станция» [Сравнительный анализ технологий переработки твердых коммунальных отходов..., [www](#)].

В 2022 году в эксплуатацию было введено 36 объектов по переработке отходов, а всего с 2019 по 2022 год – 211 объектов. Для развития инфраструктуры предусмотрен ряд мер поддержки, в том числе тех, которые оказывает РЭО. В рамках реформы по обращению с ТКО

проводится работа по формированию экономики замкнутого цикла в России.

В настоящее время реализуется также федеральный проект «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» в составе национального проекта «Экология» в целях создания эффективной системы обращения с отходами.

В таблице 1 представлены основные показатели обращения с отходами по Южному федеральному округу, в том числе по Краснодарскому краю.

Таблица 1 - Основные показатели обращения с ТКО в регионах ЮФО в 2022 году, тыс. тонн

Субъект РФ	Наличие на начало отчетного периода	Образование ТКО за отчетный год	Направлено на обработку	Направлено на утилизацию	Направлено на захоронение	Накоплено на конец отчетного периода
Российская Федерация	3 066 746	45 867 422	22 404 868	3 012 346	36 807 501	3 734 475
Астраханская область	266 862	242 870	137 362	7 613	279 824	200 838
Волгоградская область	1 492	544 444	390 698	4 019	528 296	2 006
Краснодарский край	33 275	1 898 272	425 295	25 013	1 737 895	41 852
Республика Адыгея	—	290 567	256 572	14 500	147 781	—
Республика Калмыкия	1 140	84 983	83 643	4 929	78 713	2 480
Республика Крым	—	917 072	2 702	40	915 184	—
Ростовская область	1 393 023	1 468 151	661 187	42 529	1 607 522	1 211 032
Севастополь	—	225 593	44 489	1 290	224 303	—

В 2022 году достигнуты ключевые показатели и результаты федерального проекта по ТКО, а какие-то из них превышены в полтора-два раза. Так, не менее половины образованной массы твердых коммунальных отходов (50,2%) было направлено на обработку в России (в федеральном проекте значилась цель в 32,7%). На утилизацию было направлено 11,9% ТКО, то есть эти отходы были далее отправлены во вторичный оборот. Это почти вдвое больше цели в федеральном проекте – 7,6%. Достичь таких показателей удалось в первую очередь благодаря созданию новых мощностей по обработке, утилизации и размещению твердых коммунальных отходов.

Заключение

Сложившаяся в Российской Федерации ситуация в области обращения, использования, обезвреживания, размещения, утилизации отходов ведет к опасному загрязнению окружающей среды, нерациональному использованию природных ресурсов, значительному экономическому ущербу и представляет реальную угрозу здоровью современных и будущих поколений страны.

В целом, за последние годы стратегия управления отходами претерпела существенные изменения. Взят ориентир на уменьшение количества образующихся отходов, развитие методов

их утилизации и снижение потока захораниваемых отходов, в том числе за счет создания таких условий, при которых захоронение отходов становится экономически невыгодным [Сравнительный анализ технологий переработки твердых коммунальных отходов..., www].

Сегодня реализация актуальных задач национального проекта «Экология», в частности развитие современной инфраструктуры по обращению с ТКО, усложняется по ряду объективных причин.

Во-первых, с каждым годом увеличивается количество отходов, что связано с ростом потребительского спроса и снижением срока эксплуатации многих потребительских товаров.

Во-вторых, высока стоимость затрат предприятий, выполняющих весь необходимый цикл бизнес-процессов.

В-третьих, трудное финансовое положение региональных операторов из-за низкой рентабельности основной деятельности и проблем с финансированием.

В-четвертых, из-за санкций поставка оборудования от швейцарско-японского консорциума Hitachi Zosen Inova, с которыми ранее были заключены соглашения о поставке, невозможна. В настоящее время ведутся переговоры с другими странами.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что направления совершенствования системы обращения с твердыми коммунальными отходами должны учитывать интересы всех ее участников, риски, затраты и выгоды, что требует разработки не только производственно-технологических решений, но и соответствующих организационно-экономических механизмов. Основным приоритетом для усовершенствующих нововведений должна стать более продуманная государственная поддержка субъектов предпринимательской деятельности, основанная на внедрении современных механизмов зеленого финансирования на основе государственно-частного партнерства, а также поддержка предприятий, разрабатывающих и внедряющих новые технологические решения в сфере обращения с отходами.

Библиография

1. Аванесова Р.Р., Слюсаренко Э.Е. Основные экологические проблемы города и подходы к их решению // Сборник научных трудов 10-й Международной научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий в Российской Федерации «Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах». Курск, 2021. С. 17-22.
2. Аванесова Р.Р., Слюсаренко Э.Е. Региональные проблемы обеспечения эколого-экономической безопасности предприятий в современных условиях // Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции « Социально-экономические и гуманитарные науки». 2020. С. 41-44.
3. Елисеева Н.В., Федоренко К.А. Экология и возможная рекультивация свалок ТБО (на примере МО Белореченский район, Краснодарского края) // Известия СГУ. 2013. № 2(25). С. 63-68.
4. Информационный портал об обращении с ТКО в России. URL: <https://www.vivoz-musora.site/tarify>.
5. Информационный портал Росприроднадзора. URL: <https://rpn.gov.ru/upload/iblock/950/3>.
6. Ковальчук А.П., Милорадов К.А. Организационно-экономическая модель развития системы управления отходами на региональном уровне // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 3. С. 1147-1158.
7. Козлов Д.С., Елисеева Н.В. Экологические проблемы и пути их решения в Краснодарском крае // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экономическая безопасность. 2017. № 29 (1). С. 58-62.
8. Национальный проект «Экология». URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology.
9. Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109.
10. Слюсаренко Э.Е., Шапацев А.К. Белореченская свалка твердых бытовых отходов, как одна из важнейших экологических проблем региона // Вицюк Л.А. (ред.) Сборник научных трудов и статей «Ученые записки». Москва-Белореченск, 2014. С. 148-151.
11. Сравнительный анализ технологий переработки твердых коммунальных отходов и механизмов обеспечения окупаемости проектов по строительству объектов по переработке твердых коммунальных отходов с

минимизацией перекрестного субсидирования для участников оптового рынка электроэнергии и мощности.
URL: <https://www.np-sr.ru/ru/announce/46532-opublikovan-sravnitelnyy-analiz-tehnologiy-pererabotki-tverdyh-kommunalnyh-othodov-i>.

Problems and priority directions of development of the system for handling with solid municipal waste at the regional level

Rita R. Avanesova

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of legal, psychological, pedagogical and economic disciplines,
branch of the Adyghe State University in Belorechensk,
352630, 57/1 8 Marta str., Belorechensk, Russian Federation;
e-mail: margarita-ava@yandex.ru

El'vira E. Slyusarenko

PhD in Biology,
Associate Professor of the Department of legal, psychological, pedagogical and economic disciplines,
branch of the Adyghe State University in Belorechensk,
352630, 57/1 8 Marta str., Belorechensk, Russian Federation;
e-mail: chehovich_elvira@mail.ru

Nikolai O. Kurochkin

Chief Specialist-Expert of the Department of administrative proceedings of the Department for protection, federal state supervision and regulation of the use of wildlife and their habitat,
Ministry of Natural Resources of the Krasnodar Territory,
350020, 275/1 Severnaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: 777kolyan.k@mail.ru

Abstract

The article studies the directions for improving the activities for the disposal of municipal solid waste. The tools, techniques and methods of regulation of the waste management system at the regional level are considered. The authors note that the directions for improving the municipal solid waste management system should take into account the interests of all its participants, risks, costs and benefits, which requires the development of not only production and technological solutions, but also appropriate organizational and economic mechanisms. The main priority for improving innovations should be more thoughtful state support for business entities, based on the introduction of modern green financing mechanisms based on public-private partnerships, as well as support for enterprises that develop and implement new technological solutions in the field of waste management.

For citation

Avanesova R.R., Slyusarenko E.E., Kurochkin N.O. (2023) Problemy i prioritetye napravleniya razvitiya sistemy obrashcheniya s tverdymi kommunal'nymi otkhodami na regional'nom urovne [Problems and priority directions of development of the system for handling with solid municipal waste at the regional level]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 130-140. DOI: 10.34670/AR.2023.83.97.014

Keywords

Municipal solid waste, recycling, waste processing complex, waste incineration plant, regional environmental operator, landfill, sorting, environmental impact assessment, environment.

References

1. Avanesova R.R., Slyusarenko E.E. (2021) Osnovnye ekologicheskie problemy goroda i podkhody k ikh resheniyu [The main environmental problems of the city and approaches to their solution]. In: *Sbornik nauchnykh trudov 10-i Mezhdunarodnoinauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Godu nauki i tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii «Sovremennye podkhody k transformatsii kontseptsii gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh»* [Proc. Int. Conf. "Modern approaches to the transformation of the concepts of state regulation and management in socio-economic systems."]. Kursk, pp. 17-22.
 2. Avanesova R.R., Slyusarenko E.E. (2020) Regional'nye problemy obespecheniya ekologo-ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatii v sovremennykh usloviyakh [Regional problems of ensuring the environmental and economic security of enterprises in modern conditions]. In: *Sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki»* [Proc. Int. Conf. "Socio-economic and humanitarian sciences"], pp. 41-44.
 3. Eliseeva N.V., Fedorenko K.A. (2013) Ekologiya i vozmozhnaya rekultivatsiya svalok TBO (na primere MO Belorechenskii raion, Krasnodarskogo kraja) [Ecology and possible reclamation of solid waste dumps (on the example of Belorechensky District, Krasnodar Territory)]. *Izvestiya SGU* [News of the Saratov University], 2(25), pp. 63-68.
 4. *Informatsionnyi portal ob obrashchenii s TKO v Rossii* [Information portal about MSW management in Russia]. Available at: <https://www.vivoz-musora.site/tarify> [Accessed 13/03/2023].
 5. *Informatsionnyi portal Rosprirodnadzora* [Information portal of Rosprirodnadzor]. Available at: <https://tpn.gov.ru/upload/iblock/950/3> [Accessed 16/03/2023].
 6. Koval'chuk A.P., Miloradov K.A. (2022) Organizatsionno-ekonomicheskaya model' razvitiya sistemy upravleniya otkhodami na regional'nom urovne [Organizational and economic model of waste management system development at the regional level]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 16 (3), pp. 1147-1158.
 7. Kozlov D.S., Eliseeva N.V. (2017) Ekologicheskie problemy i puti ikh resheniya v Krasnodarskom krae [Ecological problems and ways to solve them in the Krasnodar Territory]. *Chrezvychainye situatsii: promyshlennaya i ekonomicheskaya bezopasnost'* [Emergency situations: industrial and economic security], 29 (1), pp. 58-62.
 8. *Natsional'nyi projekt «Ekologiya»* [National project "Ecology"]. Available at: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology [Accessed 17/03/2023].
 9. *Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya: feder. zakon ot 24.06.1998 № 89-FZ* [On production and consumption wastes: Federal Law No. 89-FZ of June 24, 1998]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109 [Accessed 16/03/2023].
 10. Slyusarenko E.E., Shkhatpatsev A.K. (2014) Belorechenskaya svalka tverdyykh bytovyykh otkhodov, kak odna iz vazhneishikh ekologicheskikh problem regiona [Belorechensk dump of solid household waste as one of the most important environmental problems of the region]. In: Vitsyuk L.A. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov i statei «Uchenye zapiski»* [Collection of scientific papers and articles "Scientific Notes"]. Moscow-Belorechensk, pp. 148-151.
 11. *Sravnitel'nyi analiz tekhnologii pererabotki tverdyykh kommunal'nykh otkhodov i mekhanizmov obespecheniya okupaemosti projektov po stroitel'stvu ob"ektov po pererabotke tverdyykh kommunal'nykh otkhodov s minimizatsiei perekrestnogo subsidirovaniya dlya uchastnikov optovogo rynka elektroenergii i moshchnosti* [Comparative analysis of solid municipal waste processing technologies and mechanisms to ensure the payback of projects for the construction of solid municipal waste processing facilities with minimization of cross-subsidization for participants in the wholesale electricity and capacity market]. Available at: <https://www.np-sr.ru/announce/46532-opublikovan-sravnitelnyy-analiz-tehnologiy-pererabotki-tverdyyh-kommunalnyh-otkhodov-i> [Accessed 16/03/2023].
-

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.95.96.015

Терроризм и экстремизм как угрозы безопасности современного государства

Ешев Марат Альбекович

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Хавдок Анзаур Моратович

Старший преподаватель кафедры специальных дисциплин,
подполковник полиции,
Краснодарский университет МВД России,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Беликов Александр Викторович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Тхаркахо Марина Меджидовна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Аннотация

В статье отмечается, что государство в условиях информационного общества XXI в. подвергается влиянию ряда деструктивных факторов. В частности, обращается внимание на терроризм и экстремизм в аспекте генезиса и развития многочисленных рисков, прямо или косвенно затрагивающих социальный институт государства. Авторы рассматривают особенности терроризма и экстремизма, в том числе и применительно к современному

этапу общественного развития. Сделан вывод о том, что современная наука и система социального управления нацелены как на полноценную рефлексию относительно терроризма и экстремизма, так и на поиск эффективных инструментов нивелирования подобных угроз.

Для цитирования в научных исследованиях

Ешев М.А., Хавдок А.М., Беликов А.В., Тхаркахо М.М. Терроризм и экстремизм как угрозы безопасности современного государства // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 141-148. DOI: 10.34670/AR.2023.95.96.015

Ключевые слова

Информационное общество, трансформационные процессы, государство, экстремизм, терроризм, научно-управленческая рефлексия.

Введение

Институт государства в XXI веке испытывает на себе действие множества факторов риска и неопределенности. Главным образом, это связано с кардинальными трансформациями социума на фоне модернизационных процессов, затронувших социокоммуникативную реальность (Интернет, информационно-компьютерные технологии и т.п.). В современной ситуации общество становится все более открытым, а благодаря глобализации имеет место определенное нивелирование пространственно-временных границ. В настоящее время формируются объективные условия для ускоренного развития социальной, культурной и экономической подсистем общества. Однако в политической сфере наблюдаются противоположные процессы, связанные с отчетливым проявлением дезорганизационных тенденций (прежде всего, на глобальном, «внешнем» уровне), воплощением которых стали терроризм и экстремизм. Данные негативные социальные явления появились еще до возникновения современного информационного общества. Однако сейчас они подверглись весьма существенным преобразованиям, в связи с чем приобретает актуальность научный анализ терроризма и экстремизма, особенно с учетом опасных социальных последствий как для отдельной личности, так и государства и общества.

Основная часть

Следует отметить, что терроризм и экстремизм имеют как сходные черты, так и достаточно существенные различия. В этой связи представляется возможным осуществить более подробное рассмотрение особенностей терроризма и экстремизма, в том числе применительно к современному этапу общественного развития.

В частности, спецификой терроризма выступает акцент на насильственном достижении главным образом политических целей, а также иных радикальных целевых установок, непосредственно связанных с политикой. Такое понимание сущности терроризма можно считать «классическим».

По мнению Д.С. Полянского, терроризм представляет собой «организованную форму политического насилия, направленную на достижение поставленных целей, отрицание субъектами политической борьбы принципов общечеловеческой морали, циничное пренебрежение нормами гуманизма и справедливости» [Полянский, 2006]. Следует вместе с тем

обратить внимание на то, что в политической жизни меняются принципы морали и нравственности, особенно в условиях жесткой борьбы между субъектами политического процесса. В этой связи не случайно в науке и практике используется термин «макиавеллизм», обозначающий высокий уровень беспринципности и аморализма как эффективный элемент достижения политических целей.

Именно поэтому ученым зачастую бывает сложно провести грань между ожесточенной политической борьбой и терроризмом. Так, в свое время великий князь Василий II Темный приказал выколоть глаз старшему сыну своего дяди Василию Косому; в свою очередь, младший брат пострадавшего Дмитрий Шемяка захватил в монастыре и ослепил самого великого князя. В ходе революции и Гражданской войны 1917-1920 гг. обе противоборствующие стороны («красные» и «белые») активно применяли террор в отношении политических противников. Таким образом, жестокость, коварство, вероломство и другие отрицательные с точки зрения общечеловеческой морали черты в политической жизни могут оцениваться по-другому. В этом феномене также кроются истоки терроризма.

Следует отметить, что, согласно российскому законодательству, терроризм представляет собой «идеологию насилия и практику воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с силовым воздействием, устрашением мирного населения и/или иными формами противоправных насильственных действий» [Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, www].

Стоит подчеркнуть, что терроризм имеет давнюю историю в мире. В частности, в нашей стране он в полной мере заявил о себе в период правления императора Александра II, который и погиб в конечном итоге от руки террориста-смертника И. Гриневецкого. Своего апогея террор в России достиг в период Гражданской войны 1917-1920 гг. («белый» и «красный» террор). В последующие десятилетия террор периодически системно использовался политической властью для достижения определенных целей в рамках сформировавшегося тоталитарного режима. Несмотря на то, что в последние десятилетия террор уже не является доминирующим элементом политической жизни общества, периодически он напоминает о себе. В частности, именно так произошло в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в нашей стране, столкнувшейся с крупными террористическими актами (взрывы жилых домов в Москве и других городах в 1999 г., массовая гибель заложников при захвате террористами московского мюзикла Норд-Ост в 2002 г. и школы в Беслане в 2004 г. и т.д.). В последующие годы государственной власти удалось в целом добиться позитивной динамики в противодействии крупным террористическим угрозам, однако данная проблема все еще остается весьма актуальной, особенно с учетом социальной динамики последних десятилетий.

На развитие террористических угроз оказывает влияние и современная ситуация в глобальном информационном обществе. Новый этап развития социальной системы способствует глубоким трансформациям в различных областях жизни, в том числе в сфере политики. Как отмечает А.Ю. Пинчук, в нынешних условиях «происходит трансформация сущности терроризма, который из маргинального политико-криминального явления превратился в значимый деструктивный фактор воздействия на социально-политические процессы, как локальные, так и глобальные, что предполагает изменение подходов к противодействию ему» [Пинчук, 2019].

Существенно усилили потенциал терроризма быстро прогрессирующие информационно-компьютерные и интернет-технологии. За довольно непродолжительное время их развитие

привело к генезису новой виртуальной реальности, а процесс глобализации затронул подавляющее большинство современных государств. В этих условиях терроризм трансформируется, принимает новые, ранее не известные науке и практике государственного управления формы. В частности, исследователи обращают внимание на феномен кибертерроризма. В данном случае речь идет об опасном социально-политическом и социально-коммуникационном явлении, связанном с «преднамеренным осуществлением наносящей ущерб деятельности компьютерных или коммуникационных сетей с намерением причинить вред или достигнуть иных социальных, идеологических, религиозных или других целей, направленных на дестабилизацию властно-политических отношений, устрашение граждан и организаций, нарушение нормального функционирования новой «цифровой» среды» [там же].

Таким образом, «классический» облик терроризма в последние годы дополнился и определенными модернизированными элементами, как, например, кибертерроризм. В целом, данное явление на протяжении веков представляло собой одну из наиболее серьезных опасностей для института государства, ситуация принципиально не изменилась и в начале XXI в. Основная опасность терроризма для государственных структур состоит в том, что они имеют дело с вполне реальными действиями, направленными на разрушение социального порядка и общественной безопасности. Как правило, терроризм во главу угла ставит нелегитимное насилие как элемент политического принуждения, претендуя на оспаривание основополагающих функций государства.

Терроризм выступает одним из проявлений более широкого социального явления – экстремизма. В отличие от терроризма, в отношении экстремизма в научной литературе отмечается существенно больше разночтений и в целом семантической вариативности. Как полагает И.В. Гребенщиков, экстремизм – это «особое состояние сознания, характеризующееся ощущением сверхценности исповедуемых идей, тотальным безоговорочным подчинением своей жизни их реализации, отрицанием возможности иного отличного видения мира, приверженностью к крайним, иногда насильственным методам достижения избранных целей» [Гребенщиков, 2019]. В данном случае делается акцент именно на особом состоянии индивидуального, группового или массового сознания жителей страны. В то же время ряд исследователей полагает, что экстремизм охватывает по преимуществу идеологическую сферу. По мнению С.Н. Фридинского, в данном случае речь идет о «системном явлении, в рамках которого объединенные на основе общих взглядов и убеждений совершаются противоправные действия, движимые экстремистскими побуждениями, направленными на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими» [Фридинский, 2011].

Ряд исследователей выдвигает точку зрения о том, что экстремизм представляет собой сложную антинормативную конструкцию, распространяющую свое влияние на макро- и микроуровни социальной реальности. Как полагает Е.В. Демидова, экстремизм представляет собой «приверженность к крайним взглядам и мерам, проявляющуюся в соответствующем социальном поведении, во всех сферах человеческой активности: в межличностном общении, во взаимоотношениях полов, в отношении к природе, в политике и т.д.» [Демидова, 2010]. В этой дефиниции сконцентрированы и антисоциальные перспективы экстремизма, и его принципиальная антинормативность.

В то же время К.В. Асташонок позиционирует экстремизм как принципиальное отрицание «всякого чувства меры деформированными представлениями о действительности. В языке это выражается в крайности суждений, безапелляционности, категоричности. В практической

деятельности это неизбежно приводит к насилию» [Асташонок, 2013]. Кроме того, в научном дискурсе представлена и точка зрения о том, что экстремизм представляет собой «агрессивное поведение человека или группы людей, проявления которых направлены на выход за рамки нормальности» [Гребенщиков, 2019]. Следовательно, экстремизм нередко ассоциируется учеными как некое системное антинормативное явление, нарушающее одновременно множество социальных норм (права, морали, традиций, религии и т.п.), вследствие чего и продуцируются агрессивно-насильственные формы социальных практик индивидов, групп, общностей, субкультур. Это, безусловно, вполне уместно рассматривать как фактор риска для института государства.

Исследователи обращают внимание на негативные социальные последствия как для общества в целом, так и для институциональных структур государства, связанные с «практическим» воплощением экстремистских идей. Д.С. Миц в этой связи указывает, что «общественная опасность преступлений экстремистской направленности обусловлена их способностью провоцировать и (либо) усиливать нетерпимость по отношению к тем или иным социальным группам в связи с явными отличительными признаками последних» [Миц, 2017].

Стоит заметить, что связь между распространением экстремистских идей и соответствующих практик в обществе и нарастанием угроз терроризма вполне очевидна. Экстремизм, прежде всего, изменяет сознание людей в весьма негативном аспекте. Возрастает иррационализм при совершении социальных действий и взаимодействий, что также выступает вполне благодатной основой для развития индивидуальных или групповых практик террора. Именно поэтому экстремизм рассматривается исследователями как идейно-концептуальная основа для перехода к наиболее опасным для государства террористическим методам достижения целей – не только политических, но и иных.

Подводя итоги, целесообразно отметить, что терроризм и экстремизм в настоящее время выступают одними из наиболее существенных угроз социальному порядку. Учитывая тот факт, что именно институт государства нацелен главным образом на обеспечение социального порядка и безопасности (на макро- и микроуровнях социума), существование терроризма и экстремизма представляет собой не только очевидную угрозу обществу, но и серьезный вызов институту государства.

С учетом многочисленных факторов детерминации терроризма и экстремизма уместно заметить, что эффективное решение данной проблемы институтом государства вряд ли представляется возможным. На протяжении веков терроризм и экстремизм сопровождали государство и весьма осложняли действия государственной власти в аспекте выполнения ключевых функций. С переходом социума к постиндустриальной стадии можно было бы предположить некоторое снижение социально-политической напряженности за счет формирования виртуального глобального информационного общества. Однако на практике этого не произошло вследствие многочисленных причин.

Заключение

Существенной проблемой для современного государства стал быстрый научно-технологический прогресс, актуализировавший риски ускоренного инновационного развития. К этому оказалось не достаточно готово государство. Одновременно стали возникать лакуны в социокоммуникативной и социокультурной сферах, которыми начали активно пользоваться представители террористических и экстремистских движений. Информационная эра предоставила деструктивным силам весьма широкие возможности для воздействия на сознание

и поведение людей, в основном за счет «презентаций» своих антисоциальных позиций широкой аудитории посредством инструментов массовой коммуникации. В то же время действия системны государственного управления по борьбе с терроризмом и экстремизмом осложняются отсутствием достаточного уровня верифицированной информации, которая бы учитывала тенденции изменения в облике этих опасных социальных явлений последних лет. Именно поэтому особое значение в настоящее время необходимо придавать организации теоретических и эмпирических исследований проявлений терроризма и экстремизма в современном российском обществе.

Библиография

1. Асташонок К.В. Феномен экстремизма. Возникновение и развитие // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 539-542.
2. Гребенщиков И.В. Влияние государства на развитие дискурса об экстремизме: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2019. 479 с.
3. Демидова Е.В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 66-69.
4. Миц Д.С. Противодействие экстремизму в современной России // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 2. С. 34-40.
5. О противодействии терроризму: федер. закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522>.
6. Пинчук А.Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019.
7. Полянский Д.С. Терроризм как политическое явление в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. 170 с.
8. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
9. Masuda Y. The information society as post-industrial society. – World Future Society, 1981.
10. Beniger J. The control revolution: Technological and economic origins of the information society. – Harvard university press, 2009.

Terrorism and extremism as a threat to the security of a modern state

Marat A. Eshev

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of theory and history of state
and law, constitutional construction and political science,
Adyge State University,
385000, 208 Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Anzaur M. Khavdok

Senior Lecturer at the Department of special disciplines,
Police Lieutenant Colonel,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350005, 128 Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Aleksandr V. Belikov

PhD in History,
Associate Professor of the Department of theory and history of state
and law, constitutional construction and political science,
Adyghe State University,
385000, 208 Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Marina M. Tkharkakho

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of theory and history of state
and law, constitutional construction and political science,
Adyghe State University,
385000, 208 Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: Tkharkakho@mail.ru

Abstract

The article notes that the state in the information society of the 21st century exposed to a number of destructive factors. In particular, attention is drawn to terrorism and extremism in terms of the genesis and development of numerous risks that directly or indirectly affect the social institution of the state. The authors examine the features of terrorism and extremism, including in relation to the current stage of social development. It is concluded that modern science and the system of social management are aimed at both a full reflection on terrorism and extremism, and at finding effective tools for leveling such threats.

For citation

Eshev M.A., Khavdok A.M., Belikov A.V., Tkharkakho M.M. (2023) Terrorism i ekstremizm kak ugrozy bezopasnosti sovremennogo gosudarstva [Terrorism and extremism as a threat to the security of a modern state]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 141-148. DOI: 10.34670/AR.2023.95.96.015

Keywords

Information society, transformation processes, the state, extremism, terrorism, scientific and managerial reflection.

References

1. Astashonok K.V. (2013) Fenomen ekstremizma. Vozniknovenie i razvitie [Phenomenon of extremism. Emergence and development]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 6, pp. 539-542.
2. Demidova E.V. (2010) Ekstremizm: ponyatie i sushchnost' [Extremism: concept and essence]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, pp. 66-69.
3. Fridinskii S.N. (2011) *Protivodeistvie ekstremistskoi deyatel'nosti (ekstremizmu) v Rossii: sotsial'no-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie. Dokt. Diss.* [Countering extremist activity (extremism) in Russia: socio-legal and criminological research. Doct. Diss.]. Moscow.
4. Grebenshchikov I.V. (2019) *Vliyanie gosudarstva na razvitie diskursa ob ekstremizme. Dokt. Diss.* [Influence of the state

- on the development of discourse on extremism. Doct. Diss.]. Saint Petersburg.
5. Mits D.S. (2017) Protivodeistvie ekstremizmu v sovremennoi Rossii [Countering extremism in modern Russia]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo institute* [Bulletin of the Prikamsky Social Institute], 2, pp. 34-40.
 6. *O protivodeistvii terrorizmu: feder. zakon RF ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ* [On countering terrorism: Federal Law of the Russian Federation of March 6, 2006 No. 35-FZ]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> [Accessed 16/08/2023].
 7. Pinchuk A.Yu. (2019) *Terrorizm v usloviyakh globalizatsii kak faktor politicheskoi destruktсии: politologicheskii analiz. Dokt. Diss.* [Terrorism in the conditions of globalization as a factor of political destruction: political analysis. Doct. Diss.]. Moscow.
 8. Polyanskii D.S. (2006) *Terrorizm kak politicheskoe yavlenie v sovremennoi Rossii. Dokt. Diss.* [Terrorism as a political phenomenon in modern Russia]. Stavropol'.
 9. Masuda, Y. (1981). *The information society as post-industrial society.* World Future Society.
 10. Beniger, J. (2009). *The control revolution: Technological and economic origins of the information society.* Harvard university press.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.99.86.016

Налоговое правонарушение: сущность и виды

Гетман Илья Борисович

Доцент кафедры экономической теории и финансового права,
Омская академия МВД России,
644092, Российская Федерация, Омск, просп. Комарова, 7;
e-mail: getmanx@mail.ru

Шилехин Константин Евгеньевич

Старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности,
Омская академия МВД России,
644092, Российская Федерация, Омск, просп. Комарова, 7;
e-mail: stalker_orc@mail.ru

Аннотация

Противодействие нарушениям права всегда является острой проблемой любого общества. Нередко задача борьбы с таким явлением приобретает жизненно важное значение. Решение такой задачи невозможно без фундаментального, основанного на научном знании, понимания причин противоправности и выработки инструментария противодействия ей. В настоящей работе авторы не ставят целью проанализировать нарушения права во всем их многообразии, а лишь рассматривают фундамент – базовую категорию правонарушений в сфере налогов и сборов. Верное определение налогового правонарушения, выделение его на фоне других правонарушений позволит, прежде всего, создать методологическую основу для построения системы борьбы с ним.

Для цитирования в научных исследованиях

Гетман И.Б., Шилехин К.Е. Налоговое правонарушение: сущность и виды // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 149-157. DOI: 10.34670/AR.2023.99.86.016

Ключевые слова

Налоги, налоговое законодательство, правонарушение, ответственность, федеральная налоговая служба.

Введение

Объектом нашего внимания выступают общественные отношения, возникающие в связи с нарушением действующих правовых норм в сфере взимания и уплаты налогов и сборов. Предметную область исследования составляет налоговое правонарушение, под которым в рамках данной статьи мы будем понимать как налоговые преступления, так и административные правонарушения в области налогов и сборов, а равно налоговые правонарушения, установленные Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ). Таким образом, мы проанализируем все формы противоправности в сфере налогов и сборов.

Налоговые правонарушения, прежде всего, предстают перед нами как посягательства на доходы государства. Однако, в отличие от хищений, они посягают не на наличные в бюджетной системе средства, а на право их получения. Вместе с тем государство имеет право на получение различных видов доходов, налоги выступают лишь одним из них. В этой связи важно отметить существенные характеристики налогов, отличающие их от других источников финансирования бюджетной системы. Ключевой характеристикой налогов является то, что они производны от прибавочного продукта. В этом легко убедиться, проанализировав современное законодательство, в частности часть 2 НК РФ. Каждый налог взимается с экономического излишка, образовавшегося в ходе хозяйственной (производственной) деятельности. Таким образом, ключевым признаком налогов является то, что они образуются преимущественно в сфере производства и в результате создания прибавочного продукта. Косвенные налоги не являются исключением из этого правила, хотя основания их взимания возникают в ходе обращения товаров, работ и услуг, но их основа лежит именно в сфере производства и без формирования прибавочного продукта они невозможны.

Формирование налогов на основе прибавочного продукта порождает главное противоречие любой системы налогообложения, существующей в настоящее время. С одной стороны, объективный интерес хозяйствующих субъектов присвоить прибавочный продукт полностью, с другой – объективная необходимость сотрудничества и защиты общих интересов, основанная на глобальности производственного процесса. Хозяйствующие субъекты, с одной стороны, нуждаются в государстве, поскольку именно оно выступает инструментом защиты их права на присвоение прибавочного продукта как внутри страны, так и за ее пределами. С другой стороны, они объективно не заинтересованы нести существенные расходы на его содержание и тем более на содержание тех государственных структур и элементов, которые не обеспечивают выполнения основной задачи.

Таким образом, суть налоговых правонарушений состоит в том, что хозяйствующий субъект, стремясь реализовать свое право на присвоение прибавочного продукта полностью, игнорирует аналогичное право других хозяйствующих субъектов и ставит под угрозу общие интересы.

Исходя из этого вывода, попробуем найти ответ на вопрос, почему в настоящее время в России налоговые правонарушения разделены на три части, в том числе преступления, какова причина такого деления.

Основная часть

Поиск критерия для деления противоправных деяний на преступления и правонарушения ведется не одно десятилетие и в российской юридической науке, и за рубежом. Результатом отечественного поиска стало выделение общественной опасности как критерия, позволяющего

разграничить преступления и административные правонарушения. Руководствуясь этим критерием, одна группа исследователей считает, что «общественная опасность» присуща только преступлениям, а административные правонарушения не обладают этим признаком и могут быть обособлены [Строгович, 1996; Марцев, 2000]. Другие ученые допускают возможность того, что и административные правонарушения могут быть общественно опасными, но, в отличие от преступлений, этот признак не является обязательным и рассматривается как факультативный [Килясханов, 2003]. По мнению третьих авторов, любые преступления и правонарушения общественно опасны, различия состоят в характере и степени этой опасности [Константинов, Соловьева, Стуканов, 2005]. Данную группу исследователей поддержал Конституционный Суд РФ, который указал, что «административные правонарушения..., в отличие от преступлений, влекущих наступление уголовной ответственности, представляют собой меньшую общественную опасность» [По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях..., www].

Однако механизм определения деяния общественно опасным слабо изучен и вызывает споры в научном сообществе. И.Я. Гонтарь по этому поводу задается вопросом: «Что собой представляет этот процесс (*признания общественно опасного деяния преступлением*) превращения волевого, т.е. субъективного, в некое объективное качество, в явление преступления?» [Гонтарь, 1997].

С аналогичной проблемой столкнулись и немецкие юристы, пытаясь сформулировать различия между уголовными преступлениями и Ordnungswidrigkeiten (немецкий аналог административных правонарушений). Конституционный суд ФРГ определил в качестве критерия «социальную и моральную тяжесть».

Международное сообщество в лице Международной ассоциации уголовного права в 1989 г. на конференции в Вене предприняло коллективную попытку разграничить уголовные преступления и административные правонарушения [Resolutions of the Congresses of the International Association of Penal Law (1926–2004), www]. Были выработаны два критерия: 1) институциональная природа органа, принимающего решение о наложении санкции; 2) природа самой санкции. Практика работы ЕСПЧ свидетельствует, что эти два критерия органично влились в концепцию «уголовной сферы», созданную судом, и используются им при рассмотрении соответствующих дел. Таким образом, рекомендации Международной ассоциации уголовного права были восприняты правоприменительной практикой и воплотились в конкретные судебные решения и законодательные акты на международном уровне.

Рассмотрим указанные критерии подробнее. В соответствии с первым критерием, административные правонарушения – это нарушения права санкции, за которые налагают исключительно административные органы. Суд к ним не относится, поскольку выступает органом правосудия. В классической модели административная санкция применяется административным органом, решение которого может быть обжаловано в суде после предварительного и, как правило, обязательного обращения в вышестоящий административный орган. Воплощение указанной модели мы находим в НК РФ, где руководитель административного органа (налоговый орган) определяет наказание за совершение правонарушения, которое может быть обжаловано в суде только после обращения в вышестоящий административный орган. Большинство наказаний, предусмотренных КоАП РФ, налагаются не административным органом, а судом. Кроме того, административное

законодательство не предусматривает института обязательного досудебного обжалования принятых решений по делу.

Второй из предложенных критериев – природа санкции за правонарушение – активно используется во многих зарубежных правовых системах и некоторое время присутствовал в отечественном законодательстве. В Италии действует закон 1981 г., относящий к административным правонарушениям все «правонарушения, за которые предусмотрено наказание исключительно в форме денежного взыскания» [Головкин, 2016]. Широко известна англосаксонская классификация felonies и misdemeanors, применяемая в США. Felonies признаются деяния, наказуемые смертной казнью или лишением свободы в тюрьме штата, а misdemeanors – деяния, наказуемые штрафом или лишением свободы в местной тюрьме. Незначительные правонарушения наказываются гражданским штрафом [Internal Revenue Manuals (Кодекс внутренних доходов США), [www](http://www.irs.gov)].

Отечественный законодатель некоторое время придерживался указанного критерия. КоАП РФ определял, что штраф не может превышать 5000 рублей для физических лиц, в то время как УК РФ устанавливал границы уголовного штрафа от 5000 рублей. В связи с этим справедлив был вывод о том, что административное правонарушение – это нарушение права, за которое может быть назначен максимальный штраф в размере 5000 рублей. Однако после серии законов, внесших изменения в КоАП РФ в 2013 г., это правило утратило силу и характер (размер) санкции перестал использоваться как признак административного правонарушения.

Таким образом, подход, выработанный международным консультационным органом и воплотившейся в международной практике, не нашел отражения в современном российском законодательстве. Положения ст. 2.1 КоАП РФ не позволяют выделить характерные черты рассматриваемого вида противоправного поведения. Признак «меньшего характера и степени общественной опасности», сформулированный учеными, в целом является верным, поскольку позволяет отличить административное правонарушение от иных видов противоправного поведения, прежде всего преступлений. Однако механизм определения общественной опасности и разграничения ее на степени слабо изучен и в целом не определен.

Мы предлагаем иначе взглянуть на проблему общественной опасности, взяв за основу материалистический подход и рассматривая хозяйственные отношения, т.е. экономику, как базис для иных общественных отношений, в том числе правоотношений. Экономическую основу России, равно как и большинства современных обществ, составляет капиталистический способ ведения хозяйства, базирующийся на частной собственности на средства производства. Вполне логично, что противоправные деяния, прямо посягающие на средства и факторы производства (труд, землю, капитал), обеспечены самой строгой юридической защитой.

В то же время социальная структура общества неоднородна, а права собственности распределены в ней неравномерно. Отмечая этот очевидный факт, американский исследователь Р. Коуз вывел теорему общественной эффективности распределения прав собственности. В самом общем виде теорема звучит так: «Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо от изменений в распределении прав собственности»¹. По мнению Р. Коуза, любая правовая система существует только потому, что

¹ В представленном виде теорема сформулирована Дж. Стиглером на основании анализа работы Р. Коуза «Проблема социальных издержек» (The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics, Vol. 3 (Oct., 1960). URL: www2.econ.iastate.edu/classes/tsc220/hallam/Coase.pdf).

транзакционные издержки использования благ не равны нулю. В противном случае стороны обмена² могли бы самостоятельно, путем переговоров, осуществлять распределение благ, которое не уменьшало бы эффективности использования ограниченных ресурсов. Правовая система в такой ситуации была бы не нужна.

Проиллюстрируем действие теоремы на примере налогового права – отрасли, регулирующей общественные отношения по формированию государственных фондов потребления и инвестирования. Приобретение общественного блага, например безопасности, гипотетически возможно без участия права. Главным условием для этого выступает то, что все заинтересованные в приобретении такого блага стороны смогут самостоятельно достичь соглашения о распределении частных издержек его финансирования. Однако на практике подобное соглашение невозможно, так как: а) велико число участников соглашения; б) не все стороны соглашения способны исполнить его условия, отдельные индивиды рано или поздно попытаются уклониться от исполнения своей части общей обязанности. Следовательно, транзакционные издержки³ приобретения блага в виде безопасности в случае самостоятельного достижения всеми членами общества договоренности чрезвычайно высоки. Альтернативой механизму «самостоятельной договоренности» является установление общеобязательного правила поведения – нормы права. Если все участники обмена соблюдают нормы права, то система работает с максимальной эффективностью, поскольку издержки стремятся к нулю или равны ему. Если отдельные участки обмена начинают игнорировать требования норм права или нарушать их, то издержки возрастают, снижая эффективность всей системы.

Общественная опасность напрямую определяется последствиями неправомерного поведения. Когда эти последствия очевидны и создают издержки для общества, то общество предпринимает максимально возможные, уголовные меры защиты. В ситуации, когда последствия не создают издержек обществу, меры защиты более мягкие.

Таким образом, для определения общественной опасности противоправного поведения важно ответить на вопрос, влечет ли конкретное деяние увеличение транзакционных издержек в экономике и обществе для экономически господствующего класса или нет.

Рассмотрим это на примере правонарушения, предусмотренного ст. 15.5 КоАП РФ, которое устанавливает ответственность за нарушение сроков предоставления налоговой декларации (расчета по страховым взносам). Возникают ли транзакционные или иные, например социальные, издержки при совершении этого правонарушения? Очевидно, что нет, поскольку функционирование налоговой системы может быть не нарушено, налоги и сборы могут быть все равно уплачены, хотя налоговая декларация и представлена с нарушением сроков. Возникает вопрос о том, зачем государство устанавливает ответственность за подобное деяние. Полагаем, ее существование обусловлено тем, что совершение указанного и подобных деяний влечет угрозу возникновения издержек. Угроза проявляется в том, что игнорирование таких деяний многократно увеличивает шанс совершения деяния, которое повлечет возникновение реальных издержек. Иными словами, если не привлекать к ответственности должностных лиц,

² В данном случае слово «обмен» следует принимать как любое перемещение экономических благ от одного субъекта к другому.

³ Транзакционные издержки – затраты на заключение контрактов или затраты, сопровождающие взаимоотношения экономических агентов. Р. Коуз выделял четыре вида: издержки сбора и обработки информации; издержки проведения переговоров и принятия решений; издержки контроля; издержки защиты от неправомерного поведения (Коуз Р. Природа фирмы // Вехи экономической мысли. Вып. 2: Теория фирмы. СПб., 1995. С. 11-32).

нарушающих сроки предоставления налоговых деклараций, то высока вероятность, что будет совершено более тяжкое правонарушение, например неуплата налогов, которое снизит эффективность распределения ресурсов через систему налогообложения и увеличит издержки общества.

В отличие от административных правонарушений, преступления не влекут угрозы возникновения издержек общества, они их прямо создают. Любое преступление с экономической точки зрения – это деяние, влекущее непосредственное снижение эффективности распределения ограниченных ресурсов, в том числе нематериальных, и повышающее транзакционные издержки. Именно это свойство преступления определяет наличие правового института судимости. Судимость – нематериальное благо индикативного свойства, которое сигнализирует неопределенному кругу лиц, что конкретный человек – ненадежный участник транзакции, способный нарушить ее правила.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить некоторые составы административных правонарушений, которые на первый взгляд прямо создают издержки общества и, согласно отмеченному критерию, должны классифицироваться как преступления. Например, ст. 6.1.1, 7.27, 12.24 КоАП РФ, ст. 122, 123 НК РФ и ряд других. Дополнительно укажем на «неопределенность» отдельных видов противоправных деяний⁴.

Данный факт не объясняется теоремой Р. Коуза. Однако если критически рассмотреть его работу, то несложно заметить идеалистический подход ученого к праву. Так, автор полагает, хотя прямо и не пишет об этом, что всякая норма права в свободном, демократическом обществе является результатом компромисса, учитывает интересы всех участников отношений или большего их числа, в связи с чем справедлива, а следование ей – эффективная модель поведения. Вместе с тем нельзя забывать, что право возникает не само по себе и не в результате веления извне. Право — это результат социально-экономических процессов, воплощаемый в конкретных нормативных правовых актах. Цитируя классика, напомним, что право — это возведенная в закон воля экономически господствующего класса [Коуз, 2007]. Поэтому соблюдение нормы права является эффективным поведением, прежде всего, с точки зрения господствующего класса. Норма права не обладает компромиссным характером, вместо этого она всегда воплощает волю конкретного класса.

На наш взгляд, указанные выше «аномальные» составы уголовных преступлений справедливо являются административными правонарушениями, поскольку либо: 1) не приносят господствующему классу прямых издержек (ст. 6.1.1, 7.27 КоАП РФ); либо 2) могут применяться непосредственно к представителям этого класса (ст. 122, 123 НК РФ) и не должны быть суровыми.

Обратим внимание на очевидную тенденцию смягчения ответственности за правонарушения и преступления в сфере экономики в целом и налогов и сборов в частности. Принимаемые нормативные правовые акты [федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ, [www](#)] и заявления первых лиц государства [Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, [www](#)] на фоне сокращения количества проводимых мероприятий налогового контроля свидетельствуют о смягчении налоговой политики в отношении

⁴ Следует вспомнить исключение состава клеветы из УК РФ в декабре 2011 г. и включение ее в КоАП РФ. Однако уже в июле 2012 г. клевета была снова криминализована. Сложно представить, что за указанное время изменилась ее общественная опасность или иные объективные свойства.

предпринимательского сообщества. Следовательно, правонарушения в области налогов и сборов, даже если они напрямую причиняют вред обществу, будут оцениваться законодателем как административные, за исключением незначительного числа наиболее грубых нарушений.

Заключение

Таким образом, на примере всей совокупности налоговых правонарушений, преступлений и административных правонарушений в области налогов и сборов мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, общественная опасность таких деяний заключается исключительно в том, что они нарушают существующий общественный консенсус, закрепленный в нормативных правовых документах и заключающийся в уступке личного права на полное присвоение прибавочной стойкости в пользу защиты общих интересов. Во-вторых, государство вынуждено дифференцировать ответственность на налоговые деликты, поскольку является инструментом хозяйствующих субъектов и защищает их права и интересы, в том числе право на присвоение прибавочной стоимости (право частной собственности). Указанная дифференциация осуществляется множеством способов: возможность освобождения от уголовной ответственности при соблюдении ряда условий; разделение ответственности между юридическими лицами и их собственниками; использование разных видов юридической ответственности и разных видов наказаний, а также иные способы. Наконец, следует выделить ключевой компонент общественной опасности деяния – последствия посягательства (возникновение конкретных издержек в обществе, создание угрозы транзакционных издержек, отсутствие и того и другого.) Таким образом, правонарушение следует рассматривать как деяние, создающее угрозу снижения эффективности распределения ресурсов путем повышения издержек, в то время как преступление – деяние, снижающее эффективность распределения ресурсов.

Библиография

1. Головки Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // LexRussica. 2016. № 1. С. 141.
2. Гонтарь И.Я. Преступления и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997.
3. Килясханов И.Ш. (ред.) Административное право России: курс лекций. М., 2003. 404 с.
4. Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3. С. 60-61.
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007. 224 с.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 4-е изд. В 45 т. Т. 25. М., 1950. С. 72.
7. Марцев А.И. Некоторые условия признания деяния преступным // Правовая наука на рубеже XXI столетия. Омск, 2000. С. 90-99.
8. Махотина А.А. Современные аспекты административной ответственности в области налогов и кассовых операций // Финансы и кредит. 2004. № 8. С. 45-48.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

12. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>.
13. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. 199 с.
14. Internal Revenue Manuals (Кодекс внутренних доходов США). URL: http://www.irs.gov/irm/part4/irm_04-023-009.html.
15. Resolutions of the Congresses of the International Association of Penal Law (1926–2004) // *Nouvelles études pénales*. 2009. No. 21. Toulouse, 2009. URL: <https://www.ehu.eus/documents/1736829/2062034/Resolutions+of+the+congresses+of+the+international+association+of+penal+law.pdf>.

Tax offense: the essence and types

I'ya B. Getman

Associate Professor of the Department of economic theory and financial law,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
644092, 7 Komarova ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: getmanx@mail.ru

Konstantin E. Shilekhin

Senior Lecturer of the Department of administrative law
and administrative activity,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
644092, 7 Komarova ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: stalker_orc@mail.ru

Abstract

Countering violations of law is always an acute problem of any society. Often, the task of combating such a phenomenon becomes vital. The solution of such a task is impossible without a fundamental, based on scientific knowledge, understanding of the causes of illegality and the development of tools to counter it. In this paper, the authors do not aim to analyze violations of law in all their diversity; they only consider the foundation – the basic category of offenses in the field of taxes and fees. The correct definition of a tax offense, highlighting it against the background of other offenses will, first of all, create a methodological basis for building a system to combat it.

For citation

Getman I.B., Shilekhin K.E. (2023) *Nalogovoe pravonarushenie: sushchnost' i vidy* [Tax offense: the essence and types]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 149-157. DOI: 10.34670/AR.2023.99.86.016

Keywords

Taxes, tax legislation, offense, liability, federal tax service.

References

1. Golovko L.V. (2016) *Razgranichenie administrativnoi i ugolovnoi otvetstvennosti po rossiiskomu pravu* [Distinction between administrative and criminal liability under Russian law]. *LexRussica*, 1, p. 141.

2. Gontar' I.Ya. (1997) *Prestupleniya i sostav prestupleniya kak yavleniya i ponyatiya v ugovnom prave* [Crimes and corpus delicti as phenomena and concepts in criminal law]. Vladivostok.
3. *Internal Revenue Manuals (Kodeks vnutrennikh dokhodov SShA)* [Internal Revenue Manuals (US Internal Revenue Code)]. Available at: http://www.irs.gov/irm/part4/irm_04-023-009.html [Accessed 15/09/2023].
4. Kilyashkanov I.Sh. (ed.) (2003) *Administrativnoe pravo Rossii: kurs lektzii* [Administrative law of Russia: a course of lectures]. Moscow.
5. Konstantinov P.Yu., Solov'eva A.K., Stukanov A.P. (2005) *Vzaimosvyaz' administrativnykh pravonarushenii i prestuplenii: problemy teorii i praktiki* [The relationship between administrative offenses and crimes: problems of theory and practice]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 3, pp. 60-61.
6. Kouz R. (2007) *Firma, rynek i pravo* [Firm, market and law]. Moscow.
7. Lenin V.I. (1950) *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], 4th ed. In 45 vols. Vol. 25. Moscow.
8. Makhotina A.A. (2004) *Sovremennye aspekty administrativnoi otvetstvennosti v oblasti nalogov i kassovykh operatsii* [Modern aspects of administrative responsibility in the field of taxes and cash transactions]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 8, pp. 45-48.
9. Martsev A.I. (2000) *Nekotorye usloviya priznaniya deyaniya prestupnym* [Some conditions for recognizing an act as crimi]. *Pravovaya nauka na rubezhe XXI stoletiya* [Legal science at the turn of the 21st century]. Omsk, pp. 90-99.
10. *O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 29 dekabrya 2009 g. № 383-FZ* [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of December 7, 2011 No. 420-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
11. *O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi: feder. zakon ot 7 dekabrya 2011 g. № 420-FZ* [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of December 7, 2011 No. 420-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
12. *Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozenii statei 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 i 30.7 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh, punkta 1 stat'i 1070 i abzatsa tret'ego stat'i 1100 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i stat'i 60 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan M.Yu. Karelina, V.K. Rogozhkina i M.V. Filandrova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 16 iyunya 2009 g. № 9-P* [In the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, paragraph 1 of Article 1070 and paragraph three of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens M.Yu. Karelina, V.K. Rogozhkin and M.V. Filandrova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2009 No. 9-P]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
13. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii* [Address of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> [Accessed 15/09/2023].
14. *Resolutions of the Congresses of the International Association of Penal Law (1926–2004)*. *Nouvelles études pénales*. 2009. No. 21. Toulouse, 2009. Available at: <https://www.ehu.eus/documents/1736829/2062034/Resolutions+of+the+congresses+of+the+international+association+of+penal+law.pdf> [Accessed 12/09/2023].
15. Strogovich M.S. (1966) *Osnovnye voprosy sovetskoj sotsialisticheskoi zakonnosti* [Basic questions of Soviet socialist legality]. Moscow.

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2023.58.25.018****Государственно-патриотическое воспитание как составляющая воспитательной работы в органах прокуратуры****Егоров Максим Анатольевич**

Соискатель,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
191104, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44;
e-mail: maxim64sar@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические подходы, применяемые к патриотическому воспитанию в современное время. Автор обращает внимание на организационное регулирование вопросов государственно-патриотического воспитания в органах прокуратуры. Предлагаются авторские формулировки ряда понятий применительно к теме исследования. Сделан вывод о том, что государственно-патриотическое воспитание в органах прокуратуры является одной из наиболее значимых и сложных сфер воспитания, поскольку в ней формируются не только соответствующие мировоззренческие ориентации, идеалы и принципы, но и происходит становление необходимых личностных качеств как для действующих работников органов прокуратуры, так и для будущих, что в условиях современного общества крайне значимо.

Для цитирования в научных исследованиях

Егоров М.А. Государственно-патриотическое воспитание как составляющая воспитательной работы в органах прокуратуры // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 158-165. DOI: 10.34670/AR.2023.58.25.018

Ключевые слова

Воспитание, прокуратура, прокурорские работники, концепция воспитания.

Введение

С 1 января 2021 года в России стартовала реализация федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование».

Тема патриотического воспитания была обозначена Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным в Указе Президента РФ от 21.07.2020 года № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года».

В целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, формирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодёжи, а также воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» закреплены пять национальных целей развития РФ на период до 2030 года:

1. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей.

2. Возможности для самореализации и развития талантов. Эту национальную цель возможно реализовать только при формировании коммуникативных компетенций у субъектов патриотического воспитания.

3. Комфортная и безопасная среда для жизни.

4. Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство.

5. Цифровая трансформация.

В рамках второй национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов» закреплены шесть задач, которые призваны реализовать субъекты патриотического воспитания и педагогические работники:

1. Вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования.

2. Формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодёжи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся.

3. Обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объёму научных исследований и разработок, в том числе за счёт создания эффективной системы высшего образования.

4. Создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

5. Увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлечённых в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов.

6. Увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996, www]. Эти шесть задач реально возможно реализовать только при формировании участников образовательных отношений, и в первую очередь у субъектов патриотического воспитания и педагогических работников коммуникативных компетенций.

Основная часть

Патриотическое воспитание осуществляется в целях:

- формирования и развития у граждан профессионально значимых качеств, умений и готовности к их активному проявлению в различных сферах общественной жизни;
- формирования у граждан заинтересованности в развитии РФ;
- формирования у граждан стремления к развитию своей личности и осознания необходимости служения Отечеству;
- создание и укоренение в обществе основ патриотизма как приоритетных духовно-нравственных и социальных ценностей, формирование и развитие у подрастающего поколения важнейших социально значимых качеств личности и способности проявить их в созидательном процессе в интересах общества и государства, в том числе в тех видах деятельности, которые связаны с обеспечением его безопасности.

Представляется, что программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации – комплекс правовых, нормативных, организационных, методических, исследовательских и информационных общероссийских и межрегиональных мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию системы патриотического (военно-патриотического) воспитания граждан, направленных на развитие патриотизма – основы достойного служения Отечеству, что, безусловно, отражается и на работе органов и организаций прокуратуры.

Проблему формирования патриотизма целесообразно рассматривать в комплексе проблем духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Эффективное функционирование современного российского общества и укрепление российской государственности неразрывно связаны с развитием культурно-нравственных ценностей, формированием гражданской идентичности, аутентичности, национальной гордости и самоуважения.

Формирование традиционных духовно-нравственных ценностей побуждает обучающихся сохранять историческое прошлое своего народа, испытывать гражданскую сопричастность к настоящему, что является важнейшими составляющими современного патриотического воспитания. Именно история государства, Отечества отражает социальную народную память. Соответственно, сохранение национальной памяти – уникальная и актуальная социальная задача, а с точки зрения формирования патриотического сознания – воспитание гармонично развитой личности патриота своей страны.

Патриотическое воспитание позволяет развивать профессионально важные качества – ответственность за результаты своей деятельности, гражданственность, принципиальность, гуманизм, правовое мировоззрение.

Сформированное государственно-патриотическое мировоззрение позволяет достигать высокого уровня морально-психологической готовности к эффективному выполнению профессионально значимых задач, надёжности и управляемости в различных условиях профессиональной деятельности, позволяет повышать психологическую устойчивость к деструктивному информационно-психологическому воздействию.

Важно отметить, что деструктивное идеологическое и психологическое воздействие способствует насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству.

Патриотизм выступает системообразующей силой в образовании, являясь важным мобилизационным ресурсом общества, направленным на решение стратегических, национальных, культурных проблем, выражающейся в любви и гордости за свою Родину.

В этих сложных условиях усилия, предпринимаемые органами российской прокуратуры, по поддержанию должного уровня состояния законности в стране приобретают характер социальной миссии и являются главным смыслом профессиональной деятельности. Тем более что российские граждане в современности довольно высоко оценивают общественную значимость и эффективность деятельности прокуратуры, впрочем, как и большинства государственных организаций и социальных институтов, общественное доверие ко многим из них в последние годы имеет устойчивую тенденцию к росту, и особенно возросло именно в 2022 году.

Органы прокуратуры являются важнейшим институтом государственной власти, призванным обеспечивать верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Имеющие место социальные, политические, экономические и иные процессы, происходящие в России за последние годы, ставят важные и непростые задачи перед органами и организациями прокуратуры.

Воспитательная работа в органах прокуратуры – это важнейшая составляющая кадровой работы, которая обеспечивается объективной потребностью в профессиональных служащих, мотивированных и способных к выполнению современных задач [Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114, www].

Сегодня, учитывая нестабильную политическую обстановку в мире, принимаемые попытки подмены моральных ценностей, усиление пагубного влияния средств массовой информации и Интернета на сознание подрастающего поколения, остро встаёт вопрос о формировании и воспитании достойного гражданина нашей страны.

Органами прокуратуры в период 2022 года были реализованы различные тематические мероприятия, направленные в первую очередь на восполнение пробелов в истории становления, развития и совершенствования надзорных полномочий прокурора в различные временные периоды, рассмотрены малоизвестные факты из личности выдающихся прокуроров различных времён, подвиги и отдельные успехи прокурорского корпуса.

Отдельно Генеральной прокуратурой Российской Федерации уделено внимание патриотической составляющей развития органов прокуратуры России, особенно в послевоенный период.

Сегодня традиции воспитания молодого специалиста прокуратуры, его становления и развития реализуются всеми структурными подразделениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹.

Неотъемлемым элементом развития кадрового потенциала, формирования мировоззрения и профессиональных навыков, необходимых для выполнения работниками органов и организаций прокуратуры Российской Федерации своих служебных обязанностей, является воспитательная

¹ Некоторый детальный анализ деятельности прокуратуры по государственно-патриотическому воспитанию работников органов и организаций прокуратуры произведён в научной статье М.А. Егорова «Государственно-патриотический аспект воспитательной работы в органах прокуратуры» [Егоров, 2023].

работа, которую надлежит активизировать и систематизировать с учётом единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Благодаря последовательной работе к числу уже имеющихся ведомственных документов, регламентирующих порядок организации и проведения воспитательной работы, добавлен, на наш взгляд, важнейший документ, продиктованный современными реалиями, а именно Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» (далее – Приказ Генерального прокурора РФ № 510), которым утверждена концепция совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации (далее – Концепция).

Приказом Генерального прокурора № 510 прокурорам субъектов предписано обеспечить контроль за организацией работы по государственно-патриотическому воспитанию работников органов прокуратуры, разработать и утвердить план мероприятий патриотического воспитания работников. При этом работа по формированию плана мероприятий патриотического воспитания возложена на все структурные подразделения как Генеральной прокуратуры РФ, так и прокуратур субъектов [Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510, [www](#)].

В работу по патриотическому воспитанию включены не только кадровые подразделения, но и каждый руководитель структурного подразделения, что позволяет сделать вывод о придаваемом значении данной работы.

Таким образом, работа по патриотическому воспитанию возложена не только на кадровые подразделения, но и на всех руководителей структурных подразделений, что, безусловно, позволяет сделать вывод о ценности и значимости данного направления.

Таким образом, в органах и организациях прокуратуры принят организационно-распорядительный документ, определяющий цели и задачи работы по государственно-патриотическому воспитанию прокурорского корпуса, устанавливающий механизм их достижения, раскрывая отдельные способы повышения эффективности проведения данной работы.

Отметим, что обеспечение стабильного развития, решение стоящих перед органами прокуратуры на современном этапе задач требуют более детального изучения и дополнительного научного исследования, в том числе разработки новых форм и методов государственно-патриотического воспитания в прокуратуре как составляющей кадровой работы в органах и организациях прокуратуры.

Важно отметить, что проблема формирования традиционных духовно-нравственных ценностей, психологической безопасности личности от влияния деструктивного информационно-психологического воздействия чрезвычайно глобальная и всеобъемлющая.

Актуализируется проблема обучения тактике и методам обеспечения личной профессиональной безопасности прокурорского работника, связанной с минимизацией различного рода угроз. Последняя связана с формированием ценностей патриотизма, духовности, профилактикой профессиональной деформации личности.

Согласно ст. 54 Закона о прокуратуре, прокурорские работники – это прокуроры, а также другие работники органов и организаций прокуратуры, имеющие классные чины (воинские звания) [Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1, [www](#)]. В этой связи понятие «прокурорские работники» включает в себя следующие категории должностей: прокуроры, а

также другие работники органов и организаций прокуратуры, имеющие классные чины; военные прокуроры; научные и педагогические работники организаций прокуратуры, имеющие классные чины.

Исходя из законодательного регулирования, в органах и организациях прокуратуры имеются, помимо прокурорских работников, должности федеральной государственной гражданской службы, а также должности работников, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, и работников, осуществляющих профессиональную деятельность по профессиям рабочих. Целесообразно распространить Приказ Генерального прокурора РФ № 510 и на данных лиц, применив практико-ориентированный подход к понимаю уже обозначенных составляющих.

Представляется правильным рассматривать государственно-патриотическое воспитание прокурорских работников как одно из направлений воспитательной работы в органах и организациях прокуратуры, которое необходимо проводить на постоянной основе с учётом требований федерального законодательства и организационно-распорядительных документов Генерального прокурора РФ.

С учётом детальной регламентации базовых положений, целей, задач, принципов, форм, методов, средств развития и функционирования системы государственно-патриотического воспитания в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, рассмотренных в Приказе Генерального прокурора РФ № 510, автором предлагается рассматривать государственно-патриотическое воспитание прокурорских работников как систематическую и целенаправленную деятельность органов прокуратуры по формированию у работников прокуратуры любви и уважения к Родине, ответственного отношения к своей стране, чувства верности своему Отечеству, готовности защищать его интересы и вносить своей деятельный вклад в его процветание.

С точки зрения научного обеспечения рассматриваемой темы исследования представляется возможным предложить определение понятия «система патриотического воспитания»: совокупность субъектов патриотического воспитания, нормативно-правовая и духовно-нравственная база воспитательной, образовательной и просветительской деятельности, а также комплекс мероприятий по формированию патриотических чувств и сознания у работников органов прокуратуры Российской Федерации.

С целью формирования единого подхода к пониманию деятельности органов прокуратуры под субъектами в данном случае понимаются прокуроры, прокурорские работники органов и организаций прокуратуры, лицо, группа лиц, планирующих и осуществляющих деятельность по патриотическому воспитанию прокурорских работников и иных работников, осуществляющих трудовую деятельность.

Инструменты патриотического воспитания в органах прокуратуры – совокупность приёмов, форм, методов и средств, применяемых субъектами государственно-патриотического воспитания в отношении прокурорских работников и иных работников для достижения целей патриотического воспитания.

Заключение

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что государственно-патриотическое воспитание в органах прокуратуры является одной из наиболее значимых и сложных сфер воспитания, поскольку в ней формируются не только соответствующие мировоззренческие

ориентации, идеалы и принципы, но происходит становление необходимых личностных качеств как для действующих работников органов прокуратуры, так и для будущих, что в условиях современного общества крайне значимо.

Библиография

1. Воспитать патриота: методические рекомендации по организации мероприятий по патриотическому просвещению обучающихся. Киров: ИПО Кировской области, 2022. 22 с.
2. Егоров М.А. Государственно-патриотический аспект воспитательной работы в органах прокуратуры // Электронный журнал «Искусство правоведения». 2023. № 1 (5). С. 27-30.
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <https://docs.cntd.ru/document/420277810>.
8. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420277810>.
9. Murzina I. Y., Kazakova S. V. Perspective directions of patriotic education // The Education and science journal. – 2019. – Т. 21. – №. 2. – С. 155-175.
10. Sanina A. G. Patriotism and patriotic education in contemporary Russia // Russian social science review. – 2018. – Т. 59. – №. 5. – С. 468-482.

State-patriotic education as a component of educational work in the prosecutor's office

Maksim A. Egorov

Applicant,
Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
191104, 44 Liteinyi ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: maxim64sar@yandex.ru

Abstract

The article discusses theoretical approaches applied to patriotic education in modern times. The author draws attention to the organizational regulation of issues of state-patriotic education in the prosecutor's office. The author's formulations of a number of concepts in relation to the research topic are proposed. It is concluded that state-patriotic education in the prosecutor's office is one of the most significant and complex areas of education, since it forms not only the corresponding ideological orientations, ideals and principles, but also the formation of the necessary personal qualities for current employees of the prosecutor's office, and for the future, which is extremely significant in the conditions of modern society.

For citation

Egorov M.A. (2023) Gosudarstvenno-patrioticheskoe vospitanie kak sostavlyayushchaya vospitatel'noi raboty v organakh prokuratury [State-patriotic education as a component of educational work in the prosecutor's office]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 158-165. DOI: 10.34670/AR.2023.58.25.018

Keywords

Education, prosecutor's office, prosecutorial staff, concept of education.

References

1. Egorov M.A. (2023) Gosudarstvenno-patrioticheskii aspekt vospitatel'noi raboty v organakh prokuratury [State-patriotic aspect of educational work in the prosecutor's office]. *Elektronnyi zhurnal «Iskusstvo pravovedeniya»* [Electronic journal "The Art of Law"], 1 (5), pp. 27-30.
2. O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21.07.2020 g. № 474 [On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
3. O prokurature Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 [About the prosecutor's office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
4. Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie Kodeksa etiki prokurorskogo rabotnika Rossiiskoi Federatsii i Kontseptsii vospitatel'noi raboty v sisteme prokuratury Rossiiskoi Federatsii: prikaz General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii ot 17.03.2010 № 114 [On the approval and implementation of the Code of Ethics for Prosecutor Workers of the Russian Federation and the Concept of Educational Work in the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of March 17, 2010 No. 114]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
5. Ob utverzhdenii Kontseptsii sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvenno-patrioticheskogo vospitaniya v prokurature Rossiiskoi Federatsii: prikaz General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii ot 14.09.2022 № 510 [On approval of the Concept for improving the system of state-patriotic education in the prosecutor's office of the Russian Federation: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated September 14, 2022 No. 510]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
6. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29 maya 2015 g. № 996 [On approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996]. *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [Electronic fund of legal and regulatory technical documentation]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420277810> [Accessed 12/09/2023].
7. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29 maya 2015 g. № 996 [On approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996]. *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [Electronic fund of legal and normative-technical documentation]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420277810> [Accessed 22/09/2023].
8. *Vospitat' patriota: metodicheskie rekomendatsii po organizatsii meropriyatii po patrioticheskomu prosveshcheniyu obuchayushchikhsya* [Raise a patriot: methodological recommendations for organizing events for patriotic education of students] (2022). Kirov: IRO Kirovskoi oblasti Publ.
9. Murzina, I. Y., & Kazakova, S. V. (2019). Perspective directions of patriotic education. *The Education and science journal*, 21(2), 155-175.
10. Sanina, A. G. (2018). Patriotism and patriotic education in contemporary Russia. *Russian social science review*, 59(5), 468-482.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.90.97.019

Правовые особенности заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов

Струкова Ольга Николаевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Тамбовский государственный технический университет,
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Советская, 106;
e-mail: ucforum2009@yandex.ru

Судоргина Елена Валерьевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Тамбовский государственный технический университет,
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Советская, 106;
e-mail: ucforum2009@yandex.ru

Аннотация

В статье авторы раскрывают особенности законодательного регулирования государственных контрактов, заключаемых в рамках контрактной системы, а также процедур заключения и исполнения контрактов. Актуальным является вопрос о необходимости совершенствования правового обеспечения процесса исполнения государственных контрактов и усиления мер ответственности за нарушение обязательств, предусмотренных государственными контрактами. Практическая значимость обусловлена проведением анализа эффективности, определением основных проблем, а также разработкой и обоснованием путей совершенствования нормативно-правового регулирования государственных контрактов Российской Федерации, что может быть взято за основу пересмотра некоторых норм, заключенных в российских нормативно-правовых актах. Нормы Закона № 44-ФЗ и их систематическое совершенствование в первую очередь направлены не только на устранение наиболее распространенных злоупотреблений государственных заказчиков в связи с заключением контрактов с нужными для заказчика исполнителями, для чего и введены всевозможные ограничения для заключения контрактов с единственным поставщиком, но и на возможность призвать к ответственности как недобросовестных исполнителей, так и заказчиков за несоблюдение существенных условий государственных контрактов. Целью статьи является проведение анализа правовых основ, регламентирующих государственные закупки в целом и процедуру заключения и исполнения государственных контрактов в частности, раскрытие проблем, существующих в практике по процедурам заключения и исполнения государственных контрактов, и поиск путей их решения. В статье собраны данные, полученные при анализе научной литературы и нормативно-правовых актов, которые связаны с проблемой правового регулирования государственного контракта. Проведенный

анализ собранной информации позволяет проводить дальнейшие исследования в данной сфере. Научная новизна исследования заключается в выявлении закономерностей и порядка применения норм гражданского законодательства, а также норм специальных законов, регулирующих договоры в рамках контрактной системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Струкова О.Н., Судоргина Е.В. Правовые особенности заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 166-175. DOI: 10.34670/AR.2023.90.97.019

Ключевые слова

Государственный контракт, государственный и муниципальный заказчики, импортозамещение, конкурентные процедуры, контрагент; обязательства, приемка.

Введение

Проект государственного и муниципального контракта разрабатывается государственным и муниципальным заказчиком в соответствии с формой, утвержденной локальным актом заказчика, в отдельных случаях Положением о закупочной деятельности, а затем направляется поставщику для согласования. Сторона, получившая проект, подписывает его и возвращает один экземпляр другой стороне не позднее 30-дневного срока, также оговоренного в условиях закупки. В случае разногласий по условиям контракта в этот же срок составляется протокол разногласий контракта вместе с контрактом либо направляется уведомление об отказе от его заключения другой стороне. Сторона, получившая контракт с протоколом разногласий, должна в течение 30 дней рассмотреть их и принять меры по согласованию последних с другой стороной и известить ее о принятии контракта в ее редакции либо об отклонении протокола разногласий.

В случае отклонения протокола разногласий или истечения указанного срока неурегулированные разногласия по контракту, заключение которого является обязательным для одной из сторон, могут быть переданы другой стороной не позднее 30 дней на рассмотрение суда.

Таким образом, контракт по результатам проведения конкурентной процедуры должен быть заключен не позднее 20 дней со дня проведения этой процедуры.

Если одна из сторон, для которой заключение контракта является обязательным, уклоняется от его заключения, другая сторона с требованием о понуждении этой стороны заключить контракт вправе обратиться в суд.

Основная часть

Следует выделить особенности государственного контракта:

- в соответствии со ст. 764 ГК РФ, по государственному контракту заказчиками могут выступать органы государственной власти, а также иные получатели средств бюджетов различных уровней при размещении заказов на выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования;
- основания и порядок заключения государственного или муниципального контракта определяются по правилам ст. 527 и 528 ГК РФ (основания заключения государственного или муниципального контракта);

- содержание государственного или муниципального контракта, заключенного по результатам торгов или запроса котировок цен на работы, проводимые в целях размещения заказа на выполнение подрядных работ, определяются в соответствии с объявленными условиями торгов или запроса котировок цен на работы и предложением подрядчика, признанного его победителем на основании п. 2 ст. 766 ГК РФ [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, 1994];
- процедура заключения государственного или муниципального контракта зависит от способа закупки, это могут быть конкурентные способы или закупка у единственного поставщика.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 44-ФЗ, выделяются следующие конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей): конкурсы (открытый конкурс в электронной форме), закрытый конкурс, закрытый конкурс в электронной форме); аукционы (открытый аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, закрытый аукцион в электронной форме; запрос котировок в электронной форме [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ, 2013].

Вместе с тем в комментируемом Законе представлена также иная классификация конкурентных способов закупок – открытые и закрытые (ч. 2 статьи 24, ст. 84 44-ФЗ). Процедура заключения контракта зависит от того, каким именно конкурентным способом определяется поставщик. Рассмотрим порядок процедуры по нескольким наиболее часто используемым государственными заказчиками конкурентным способам, а именно: запрос котировок, аукцион в электронной форме, открытый конкурс.

В ст. 72 44-ФЗ содержатся общие положения о таком конкурентном способе определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), как запрос котировок. Запрос котировок – это способ определения госзаказчиком поставщика, при котором информации о закупаемых товарах, работах или услугах сообщается неограниченному кругу лиц посредством размещения в ЕИС соответствующего извещения.

Для запроса котировок существуют два условия, при одновременном выполнении которых заказчик вправе осуществлять закупки путем проведения запроса котировок: начальная (максимальная) цена контракта не должна превышать 500 тыс. рублей; совокупный годовой объем закупок, осуществляемых путем проведения запроса котировок, не должен превышать 10% объема средств, предусмотренных на все закупки заказчика в соответствии с планом-графиком, но не должен составлять более чем 100 млн рублей в год.

Часть 3 ст. 51 44-ФЗ определяет временные рамки заключения контракта: не позднее пяти рабочих дней, следующих за днем размещения заказчиком проекта контракта, участник закупки, с которым заключается контракт, подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени участника закупки, проект контракта и одновременно размещает на электронной площадке и в единой информационной системе подписанный проект контракта, а также документ, подтверждающий предоставление обеспечения исполнения контракта в соответствии с настоящим Федеральным законом.

В соответствии с ч. 1 ст. 51, формирует, подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени участника закупки, и размещает на электронной площадке и в единой информационной системе протокол разногласий в одном или нескольких из следующих случаев: наличие разногласий в отношении информации, включенной в проект контракта, с указанием информации, не соответствующей требованиям, установленным в извещении об осуществлении закупки, и положениям заявки такого участника закупки; несогласие заключить контракт.

В отдельных случаях, на основании ч. 3 ст. 51, формирует, подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени участника закупки, и размещает на электронной площадке отказ от заключения контракта.

Аналогичные положения содержатся в ч. 1 ст. 51 44 -ФЗ в отношении заключения контракта по результатам аукциона и конкурса: «По результатам электронной процедуры контракт заключается с победителем определения поставщика (подрядчика, исполнителя) не ранее чем через десять дней с даты размещения в единой информационной системе протокола подведения итогов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), протокола после предоставления участником закупки, с которым заключается контракт, обеспечения исполнения контракта в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона (если требование обеспечения исполнения контракта установлено в извещении об осуществлении закупки)» [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ, 2013].

Участники закупки, заявки которых не отозваны в соответствии с настоящим Федеральным законом, обязаны подписать контракт.

Цель заключения гражданско-правового договора, государственного или муниципального контракта определяет особенности предмета, условий поставки, специфику оплаты, необходимость соблюдения места поставки, необходимость проведения приемки товара и, в отдельных случаях, обязанность по проведению экспертизы при приемке.

В гражданском законодательстве дается определение термину «исполнение обязательств», содержащее понятие об исполнении государственного контракта. В гражданском законодательстве исполнение обязательства является формой реализации права, при которой субъект совершает активные действия во исполнение возложенной юридической обязанности. И это в полной мере соотносится с принципом свободы договора.

На практике действия, совершаемые поставщиком для исполнения своих обязанностей, зависят от вида обязательства и должны соответствовать условиям обязательства и требованиям закона, нормативно-правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – обычаям делового оборота. Эти правила отражаются в регламентах и положениях о закупочной деятельности заказчиков, которые повторяют нормы, содержащиеся в законодательстве, и являются строго регламентированными. Соблюдение сторонами контрактов этих требований свидетельствует о надлежащем исполнении обязательства, предусмотренного нормами 44-ФЗ.

Таким образом, для института исполнения обязательств характерны два принципа: принцип надлежащего исполнения и принцип реального исполнения. Надлежащее исполнение обязательства предполагает, что обязательства будут исполняться надлежащим образом лицом и лицу, предметом, способом, в месте и в срок. Указанные элементы характерны для существа контракта, заключаемого в соответствии с законодательством о закупках.

Особое значение в отношении обязательств по контракту имеет проверка предоставляемого предмета исполнения посредством процедуры приемки. Поэтому в контрактах вопросу приемки отводится особое место. В разделе о приемке описывается порядок осуществления заказчиком приемки поставляемых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг на соответствие их количества, комплектности, объема и качества требованиям, установленным в таком контракте, что является его обязательным условием. В связи с этим заказчик имеет право установить тот порядок приемки, который в большей степени защищает его от передачи некачественного предмета исполнения с соблюдением общих норм законодательства, регулирующего порядок приемки.

Например, при наличии разногласий сторон контракта на основании документа о приемке осуществляется приемка части выполненных работ, по которой отсутствуют разногласия. При

этом остальная часть работ принимается при условии урегулирования разногласий.

Во многих случаях трудности в ходе приемки возникают при проверке качественной составляющей предмета исполнения, которая зависит от корректно сформулированного технического задания и условий поставки товаров, работ и услуг.

Важным элементом принципа надлежащего исполнения обязательства является место и время исполнения обязательства. Под местом исполнения обязательства понимается конкретный адрес, в котором поставщик обязан исполнить обязательство.

Практика показывает, что возникают споры о законности указания заказчиком в документации в графе «Место оказания услуг» конкретного населенного пункта, так как, по мнению подателей жалоб, в данном случае наблюдаются признаки нарушения конкуренции.

На наш взгляд, указание конкретного места оказания услуг не будет являться ограничением конкуренции.

Таким образом, заказчик не только может, но и обязан указывать в извещении о проведении электронного аукциона место исполнения контрагентом предусмотренных контрактом обязательств. При этом ничто не запрещает определить такое место не путем указания на конкретный почтовый адрес, а (если это отвечает предмету закупки) путем указания на территорию населенного пункта (часть населенного пункта и т.п.).

Срок действия контракта может быть изменён только в случаях, установленных Законом № 44-ФЗ, и в пределах срока доведенных лимитов бюджетных средств (для казенных учреждений) или срока плана ФХД (для бюджетных и автономных учреждений).

В соответствии с ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, при исполнении контракта изменение его существенных условий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных Законом № 44-ФЗ. Согласно ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, изменение существенных условий контракта при его исполнении не допускается, за исключением их изменения по соглашению сторон в перечисленных в нем случаях. Исходя из определения существенных условий, данного в п. 1 ст. 432 ГК РФ, как названных в законе или иных правовых актах существенными или необходимыми для договоров данного вида, сроки исполнения обязательств по контракту отнесены, на наш взгляд, Законом № 44-ФЗ к существенным.

С 4 ноября 2022 года вступила в силу ч. 65.3 ст. 112 Закона № 44-ФЗ. В соответствии с этой нормой, до 31 декабря 2023 года по соглашению сторон допускается изменение существенных условий контрактов, заключенных в соответствии с п. 3, 40, 41, 46, 52, 56, 59 и 62 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ.

Соответственно, в случаях, предусмотренных п. 10 ч. 1 ст. 95 и ч. 65.3 ст. 112 Закона № 44-ФЗ, по соглашению сторон может быть продлен в том числе срок исполнения обязательств по контракту.

Кроме того, на возможность изменения именно сроков исполнения контракта указывают п. 6 и 9 ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ.

Возможность изменения условия о сроке исполнения контракта наряду с прочими следует из п. 2-4, 11 ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ. Однако в большинстве из этих норм предусмотрена возможность изменить условия контракта только в особых случаях, при условии издания отдельного нормативного правового акта.

Согласно ч. 65.1 ст. 112 Закона № 44-ФЗ, по соглашению сторон допускается изменение существенных условий контракта, заключенного до 1 января 2024 года, если при исполнении такого контракта возникли независимые от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения.

Также стоит учитывать разъяснения, содержащиеся в письме Минэкономразвития России

от 10.02.2015 № Д28и-175, которые указывают, что в случае, если на момент окончания срока действия контракта не была осуществлена приемка товара и его оплата, а потребность для заказчика в поставке товара осталась, заказчик вправе осуществить приемку товара и его оплату. При этом, поскольку изменения срока действия контракта не происходит, заказчик не подлежит административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 7.32 КоАП РФ (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ). Следовательно, при поставке товара в январе 2023 года заказчик вправе его принять.

Изменение условий контракта на поставки товаров для нужд государства или муниципалитетов влечет применение административной ответственности.

Исключением гражданско-правовой ответственности за нарушение сроков является наступление обстоятельств непреодолимой силы.

В связи с обострением международной политической ситуации после 22 февраля 2022 г. в отношении Российской Федерации, ее граждан и организаций введены санкции и ограничительные меры, способные оказать влияние на экономическую обстановку и гражданский оборот.

В числе обстоятельств непреодолимой силы названы запретительные меры государств, запрет торговых операций, в том числе с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций; одновременно указано, что к обстоятельствам непреодолимой силы не могут быть отнесены финансово-экономический кризис, изменение валютного курса, девальвация национальной валюты.

При решении вопроса о том, могут ли указанные санкции и ограничительные меры, а также их последствия рассматриваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы, следует исходить из общих подходов, выработанных судебной практикой.

Иными словами, в каждом конкретном случае суд должен будет установить наличие у обстоятельств, препятствующих надлежащему исполнению обязательств, признаков чрезвычайности и непреодолимости, а также непосредственность их влияния на возможность исполнения обязательства. Также необходимо будет учитывать то, что обстоятельство непреодолимой силы должно наступить после возникновения обязательства, а при заключении договора стороны не должны были предвидеть его наступление. Правоприменительная практика по этому вопросу в настоящее время только начинает складываться.

В большинстве случаев ссылки ответчиков на обстоятельства непреодолимой силы судами отклоняются.

Помимо приведенных судебных решений, возможно ориентироваться на подходы, выработанные судами при оценке ранее вводившихся санкций, а также их последствий для экономики и гражданского оборота.

Например, судами признавались обстоятельствами непреодолимой силы:

- невыдача Федеральным ведомством экономики и экспортного контроля ФРГ (BAFA) экспортных лицензий на подлежащее поставке оборудование по причине введения санкций против Российской Федерации; при этом учтено, что предметом договора поставки является импортное оборудование, изготавливаемое в Германии конкретной фирмой, возможность замены оборудования иным аналогичным, в том числе произведенным в Швейцарии, договором не предусмотрена;
- действия межведомственной государственной комиссии Франции, ответственной за выдачу экспортных лицензий, вызванные экономическими и секторальными санкциями,

в результате которых комплектующие изделия не могли быть изготовлены и поставлены в адрес поставщика по государственному контракту;

- запрет, утвержденный Указом Президента РФ от 28.11.2015 № 583 ввоза в РФ плодоовощной продукции, страной происхождения которых является Турецкая Республика, в то время как договором перевалки предусмотрена обязанность по завозу в порт определенных объемов этой продукции.

Напротив, отказывая в признании подобных обстоятельств форс-мажором, суды указывали следующее:

- введение против российских предприятий международных санкций, приведших к необходимости организации импортозамещения, не может быть признано обстоятельством непреодолимой силы по государственному контракту вовремя, при отсутствии доказательств того, что принятие поставщиком мер по импортозамещению по объективным и непреодолимым причинам являлось невозможным в более короткие сроки;
- действия контрагента поставщика по государственному контракту (субпоставщика из США), задержавшего поставку, может расцениваться как предпринимательский риск поставщика, но никак не обстоятельство непреодолимой силы; при этом не представлены какие-либо доказательства того, что невозможность поставки оборудования связана с введением санкций против Российской Федерации Соединенными Штатами Америки;
- заключая государственный контракт на поставку газового оборудования производства Германии в апреле 2018 г., поставщик был осведомлен из сообщений СМИ о введении США и странами Евросоюза экономических санкций в отношении РФ в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма к РФ еще в 2014 г. и, подписывая контракт, имел возможность предусмотреть возникновение осложнений в процессе его исполнения; поставщик должен был предусмотреть возможные процедуры дополнительных проверок, ведущих к увеличению срока исполнения контракта, поэтому указанные процедуры ввиду их предполагаемой очевидности не являются форс-мажорными обстоятельствами, которых он не мог предвидеть;
- на момент заключения государственного контракта поставщику было известно о введении Евросоюзом в 2014 году санкций против Российской Федерации в виде запрета на экспорт товаров двойного назначения и технологий для военного использования;
- не приведены доказательства того, что просрочка исполнения государственного контракта обусловлена ослаблением курса российского рубля и введением экономических санкций против Российской Федерации рядом иностранных государств, что привело к росту инфляции, повышению цен на строительные материалы и транспортные услуги, снижению потребительского спроса;
- введение экономических санкций само по себе не свидетельствует о том, что именно данное обстоятельство явилось причиной увеличения сроков поставки оборудования, а также не может служить основанием для освобождения от обязанности поставить оборудование в срок, установленный договором; при этом падение курса рубля по отношению к иностранным валютам также не является тем существенным обстоятельством, возникновение которого нельзя было предвидеть, так как, вступая в договорные отношения, стороны не могли исключать вероятность резкого ослабления

курса национальной валюты в период исполнения сделки, с учетом закупки оборудования в Европе.

Заключение

Таким образом, в каждом конкретном случае суд должен будет установить наличие у обстоятельств, препятствующих надлежащему исполнению обязательств, признаков чрезвычайности и непреодолимости, а также непосредственность их влияния на возможность исполнения обязательства. Также необходимо будет учитывать то, что обстоятельство непреодолимой силы должно наступить после возникновения обязательства, а при заключении договора стороны не должны были предвидеть его наступление. Правоприменительная практика по этому вопросу в настоящее время только начинает складываться.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (БК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
4. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федер. закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30. Часть I. Ст. 4571.
5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства. 2013. № 14. Ст. 1653.
6. О разъяснениях, связанных с применением Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: письмо Министерства экономического развития РФ от 10 февраля 2015 г. № Д28и-175 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru>.
7. О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион): распоряжение Правительства РФ от 21.03.2016 № 471-р (ред. от 10.08.2016) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 13. Ст. 1880.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства. 2006. № 31. Часть I. Ст. 3434.
10. Hefetz A., Warner M. Privatization and its reverse: Explaining the dynamics of the government contracting process // Journal of public administration research and theory. – 2004. – Т. 14. – №. 2. – С. 171-190.

Legal features of the conclusion and execution of state and municipal contracts

Ol'ga N. Strukova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of constitutional and administrative law;
Tambov State Technical University,
392000, 106 Sovetskaya str., Tambov, Russian Federation;
e-mail: ucforum2009@yandex.ru

Elena V. Sudorgina

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of constitutional and administrative law;
Tambov State Technical University,
392000, 106 Sovetskaya str., Tambov, Russian Federation;
e-mail: ucforum2009@yandex.ru

Abstract

The authors reveal the features of legislative regulation of government contracts concluded within the framework of the contract system, as well as the procedures for concluding and executing contracts. A pressing issue is the need to improve the legal support for the process of execution of government contracts and strengthen measures of liability for violation of obligations stipulated by government contracts. The practical significance is due to the analysis of effectiveness, identification of the main problems, as well as the development and justification of ways to improve the legal regulation of government contracts in the Russian Federation, which can be taken as the basis for revising some of the norms contained in Russian legal acts. The norms of Law No. 44-FZ and their systematic improvement are primarily aimed not only at eliminating the most common abuses of government customers in connection with concluding contracts with the contractors needed by the customer, for which purpose all sorts of restrictions have been introduced for concluding contracts with a single supplier, but also at the opportunity to hold both unscrupulous performers and customers accountable for failure to comply with the essential terms of government contracts. The purpose of the article is to analyze the legal framework regulating public procurement in general and the procedure for concluding and executing government contracts in particular, revealing the problems that exist in practice regarding the procedures for concluding and executing government contracts, and finding ways to solve them. The article collects data obtained from the analysis of scientific literature and regulations that are related to the problem of legal regulation of state contracts. The analysis of the collected information allows for further research in this area. The scientific novelty of the study lies in the identification of patterns and procedures for applying the norms of civil legislation, as well as the norms of special laws governing contracts within the contract system.

For citation

Strukova O.N., Sudorgina E.V. (2023) Pravovye osobennosti zaklyucheniya i ispolneniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh kontraktov [Legal features of the conclusion and execution of state and municipal contracts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 166-175. DOI: 10.34670/AR.2023.90.97.019

Keywords

Government contract, state and municipal customers, import substitution, competitive procedures, counterparty, obligations, acceptance.

References

1. Byudzhetnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 31 iyulya 1998 g. № 145-FZ (BK RF) (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ (BK RF) (with amendments and additions)] (1998).

-
- Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. St. 3823* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 3823], 31..
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 14.04.2023) [Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023)] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF* № St. 3301 [Collection of legislation of the Russian Federation № Фкею 3301], 32.
 3. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh ot 30.12.2001 №195-FZ (red. ot 28.02.2023) [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on February 28, 2023)] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 1* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 1], 1(I).
 4. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2 -FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ)] (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4398* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 4398], 31.
 5. O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: feder. zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ (red. ot 28.12.2022) [On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of April 05, 2013 No. 44-FZ (as amended on 12/28/2022)] (2013). *Sobranie zakonodatel'stva. St. 1653* [Collection of legislation. Art. 1653], 14.
 6. O perechne tovarov, pabot, uslyg, v slychae osyshchectvleniya zakupok kotopykh zakazchik obyazan provodit' ayktsion v elektponnoi forme (elektronnyi ayktsion): rasporyazhenie Pravitel'stva PF ot 21.03.2016 № 471-p (red. ot 10.08.2016) [About the list of goods, works, services, in the event of procurement of which the customer is obliged to conduct an auction in electronic form (electronic auction): Order of the Government of the Russian Federation of March 21, 2016 No. 471-p (as amended at August 10, 2016)] (2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 1880* [Collection of Legislation RF. Art. 1880], 13.
 7. O raz'yasneniyakh, svyazannykh s primeneniem Federal'nogo zakona ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ: pis'mo Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 10 fevralya 2015 g. № D28i-175 [On clarifications related to the application of Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013: Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of February 10, 2015 No. D28i-175], *SPS «Garant»* [SPS Garant]. Available atg: <https://internet.garant.ru> [Accessed 18/09/2023].
 8. O zakupkakh tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lits: feder. zakon ot 18 iyulya 2011 g. № 223-FZ [On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities: Federal Law of July 18, 2011 No. 223-FZ] (2011). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4571* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 4571], 30(I).
 9. O zashchite konkurentsii: feder. zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ (red. ot 29.12.2022) [On the protection of competition: Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ (as amended on December 29, 2022)] (2006). *Sobranie zakonodatel'stva. St. 3434* [Collection of Legislation. Art. 3434], 31(I).
 10. Hefetz, A., & Warner, M. (2004). Privatization and its reverse: Explaining the dynamics of the government contracting process. *Journal of public administration research and theory*, 14(2), 171-190.
-

УДК 342.5

DOI: 10.34670/AR.2023.21.25.020

Общая характеристика принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью в России

Асеев Дмитрий Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: vakhitowayu@yandex.ru

Вахитова Юлия Рустэмовна

Магистрант,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: vakhitowayu@yandex.ru

Аннотация

Повышение устойчивости банков в условиях нестабильности национальной экономики является приоритетной задачей государства, достижение которой невозможно без надлежащей организации государственного надзора за банковской деятельностью. Обусловлено это тем, что банки контролируют значительную часть денежной массы, влияя на природу и характер производства. Неконтролируемая же банковская деятельность приводит к экономическим рискам. В данной связи вопросы организации государственного надзора за банковской деятельностью приобретают особое значение. Принципы организации государственного надзора за банковской деятельностью, представляющие собой фундаментальные начала и безусловные критерии, определяющие пределы свободы осуществления деятельности кредитных организаций, а также границы деятельности субъекта контроля – Банка России, лежат в основе правового регулирования организации государственного надзора. В статье анализируются основные принципы организации государственного надзора за банковской деятельностью и делается вывод о том, что такие принципы оказывают существенное влияние на кредитную политику, поскольку направлены на ограничение нарушений при осуществлении банковской деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Асеев Д.В., Вахитова Ю.Р. Общая характеристика принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 176-182. DOI: 10.34670/AR.2023.21.25.020

Ключевые слова

Банковский надзор, государственный надзор, принципы надзора, принцип законности, принцип открытости и прозрачности участников надзорных правоотношений.

Введение

В основе эффективной организации государственного надзора за банковской деятельностью лежат фундаментальные начала, на которых базируется надзорная деятельность. Такими фундаментальными началами выступают принципы организации государственного надзора, которые в специализированной литературе относят к правовым и организационно-правовым [Логунов, 2021; Рыбакова, 2017].

В правовой теории и на практике принципы относят к обобщениям и декларациям, которые не имеют непосредственно регулирующего значения. Однако, учитывая влияние правовых и организационно-правовых принципов на те или иные сферы отношений, можно говорить о том, что такие принципы являются исходными ориентирами правомерного поведения субъектов различных общественных отношений. Отношения в банковской сфере не являются тому исключением.

В контексте организации государственного надзора за банковской деятельностью правомерность поведения субъектов отношений определяется исходя из соблюдения такими субъектами принятых в банковской сфере правил поведения, а также исходя из их действий в границах установленных правил.

Важно отметить, что не все принципы организации государственного надзора за банковской деятельностью обеспечены именно правовыми механизмами их реализации, что предполагает закрепление соответствующих правил поведения субъектов отношений непосредственно в законодательных нормах. Отсюда анализ значения, особенностей, пределов, гарантий и механизмов отдельных принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью приобретает особое значение.

Основная часть

Совокупность принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью делает возможным создание такого механизма надзора, который обеспечивает стабильность функционирования банковской сферы, перспективы ее развития, определение возможных направлений и тенденций развития.

Все принципы организации государственного надзора за банковской деятельностью находятся в тесной связи и в совокупности друг с другом, образуя систему принципов. При этом механизм применения принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью является особой формой реализации правил, иногда иерархически находящейся выше, чем норма. За счет этого механизма принципы оказывают существенное влияние на кредитную политику, поскольку направлены на ограничение нарушений при осуществлении банковской деятельности.

Основополагающим принципом организации государственного надзора за банковской деятельностью выступает принцип законности, цели и содержание которого предполагают соблюдение нормативных предписаний российского законодательства Центральным Банком Российской Федерации (далее – Банк России) как надзорной инстанцией, а также соблюдение законодательства кредитными организациями при осуществлении деятельности.

В специализированной литературе по данному поводу справедливо отмечается, что принцип законности организации государственного надзора является условием реализации всех

остальных принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью [Джураев, Курбонализода, 2019; Логунов, 2021; Пастушенко, 2022; Прошунин, 2023]. С указанным мнением нельзя не согласиться, поскольку только на основании законодательных норм, закрепляющих функции и полномочия Банка России, могут быть организованы соответствующие мероприятия банковского надзора.

Так, например, статей 57 1 Федерального закона от 10.07.2002 №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» закреплено, что Банк России в рамках реализации надзорной деятельности устанавливает обязательные для кредитных организаций правила проведения банковских операций, бухгалтерского учета и отчетности, правила составления и представления бухгалтерской (финансовой) и статистической отчетности, а также другой информации, предусмотренной федеральными законами [Федеральный закон от 10.07.2002 №86-ФЗ, 2002].

Иными словами, установление каких-либо правил Банком России в нарушение норм действующего законодательства невозможно, а нарушение установленных правил кредитными организациями в рамках проведения надзорных мероприятий будет считаться действием, нарушающим положения норм российского законодательства. Отсюда, несмотря на абстрактность и декларативность, принцип законности ограничивает возможные нарушения со стороны кредитных организаций содержанием норм национального законодательства и правилами поведения, закрепленными в нормативных актах Банка России.

Еще одним принципом организации государственного надзора за банковской деятельностью можно назвать принцип открытости и прозрачности участников надзорных правоотношений. Данный принцип раскрывается в том, что в нормативных документах Банка России содержатся подходы к организации и проведению надзорных мероприятий, а также описание мер надзорного реагирования [Сарнаков, 2022].

В отношении организаций, осуществляющих банковскую деятельность, данный принцип реализуется посредством полного раскрытия информации о деятельности, включая выявленные нарушения нормативных предписаний Банка России и локальных актов кредитных организаций. Ограничением данного принципа может служить только запрет надзорного органа на раскрытие информации и в случаях, и по основаниям, предусмотренным законодательством. В качестве примера такого запрета можно назвать запрет на публикацию в общедоступных информационных ресурсах до 31 декабря 2023 года сведений о финансовых инструментах, которые включают в расчет собственных средств (капитала) кредитной организации, банковской группы (это касается в том числе всех условий и сроков выпуска, погашения, конвертации таких инструментов), а также данных о принимаемых рисках, процедурах их оценки и управления ими, а также капиталом кредитной организации, банковской группы [Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ, 2002].

Основным принципом организации государственного надзора за банковской деятельностью можно назвать и принцип профессионализма лиц, осуществляющих надзорные мероприятия. Содержание данного принципа заключается в том, что лица, осуществляющие мероприятия в области государственного надзора, должны иметь все необходимые знания и навыки в области банковского надзора.

Наличие таких знаний и навыков позволяет объективно подходить к процессу планирования и организации надзорных мероприятий, а также принятию объективных надзорных решений в отношении кредитных организаций. Кроме того, надлежащая квалификация лиц,

осуществляющих банковский надзор, позволяет обеспечивать адекватную оценку действий банка в части соответствия его деятельности всем применимым законам и нормативным актам.

С учетом того факта, что государственный надзор за банковской деятельностью осуществляется на постоянной основе, одним из принципов организации такого надзора можно назвать принцип непрерывности осуществления государственного надзора за банковской деятельностью. Реализация данного принципа осуществляется через постоянное наблюдение за субъектами надзора и через взаимодействие Банка России с поднадзорными кредитными организациями, а также через предоставление на систематической основе информации и отчетности о финансовых показателях деятельности по установленной Банком России форме.

В специализированной литературе выделяют также принцип совещательности, предполагающий «диалог» Банка России и кредитной организации с целью предотвращения и минимизации рисков регуляторного и иного характера [Рогатенюк, 2018; Рождественская, Гузнов, 2018; Рыбакова, 2017; Рыбакова, 2018]. С указанным мнением стоит согласиться в целом, поскольку в рамках процесса государственного надзора за банковской деятельностью перед вынесением итогового решения о результатах надзора в части принятия мер реагирования или выдачи рекомендаций действительно осуществляется диалог между Банком России и кредитной организацией с целью принятия более объективного решения и учета при принятии соответствующего решения аргументов кредитной организации по ситуации, связанной с конкретным нарушением установленных правил.

Исходя из общих принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью, можно сделать вывод о том, что такие принципы создают условия для банковского сектора экономики путем принуждения субъектов банковских правоотношений к использованию установленных правил при осуществлении деятельности, ограничений при осуществлении деятельности и раскрытия информации об осуществлении деятельности, контролируемых со стороны надзорного органа – Банка России.

Реализация принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью – это тот механизм, который направлен на гарантию правомерного поведения, основанного на экономических, социальных и иных интересах.

Вместе с тем, как уже было отмечено ранее, существуют определенные проблемы, связанные с реализацией общих принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью. Во-первых, организация государственного надзора направлена на выработку системных мер по предотвращению правонарушений в банковской сфере в наиболее проблемных направлениях. При этом отдельные направления банковской деятельности не контролируются в рамках надзорных мероприятий.

Во-вторых, государственный надзор за банковской деятельностью выступает мерой абсолютного характера, гарантирующей предотвращение злоупотреблений и банкротств. Обусловлено это тем, что в процессе осуществления деятельности кредитные организации принимают на себя определенные риски, а нормативные предписания Банка России ограничены пределами регулирования.

Вышеобозначенные проблемы диктуют необходимость обеспечения общих принципов организации государственного надзора за банковской деятельностью соответствующими механизмами. Например, выработку надзорных требований с учетом общих издержек кредитных организаций на выполнение и применение соответствующих требований. В качестве таких издержек можно назвать в том числе ошибки в отчетных данных или их сознательное

искажение. Для минимизации или исключения возможности искажения отчетности необходимо проводить обеспечение технологиями, используемыми для повышения эффективности надзора с целью повышения эффективности выполнения требований Центрального Банка.

Заклучение

Подводя итог, необходимо отметить, что принципы организации государственного надзора за банковской деятельностью представляют собой фундаментальные начала и безусловные критерии, определяющие пределы свободы осуществления деятельности кредитных организаций, а также границы деятельности субъекта контроля – Банка России, лежат в основе правового регулирования организации государственного надзора. Такие принципы оказывают существенное влияние на кредитную политику, поскольку направлены на ограничение нарушений при осуществлении банковской деятельности.

Библиография

1. Джураев Б.Ш., Курбонализода М. Формирование основ банковского надзора на постсоветском пространстве // Вестник российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 2. С. 211-218.
2. Логунов Г.Г. Принципы банковского надзора за деятельностью кредитных организаций // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 187-190.
3. О требованиях к раскрытию информации кредитными организациями (головными кредитными организациями банковских групп): решение Совета директоров Банка России от 13.10.2023. URL: <https://cbr.ru>.
4. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10.07.2002 №86-ФЗ // Парламентская газета. 2002. № 131-132.
5. Пастушенко А.С. Финансово-правовые признаки банковского надзора // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 152-158.
6. Прошунин М.М. Консультативный банковский надзор, понятие и принципы // Финансовое право. 2023. № 6. С. 25-28.
7. Рогатенюк Э.В. Контрольно-надзорная деятельность Банка России: сущность, формы и виды, инструментальное обеспечение // Экономика строительства и природопользования. 2018. № 3. С. 86-95.
8. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Банковский надзор в Российской Федерации: учебное пособие для магистратуры. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 176 с.
9. Рыбакова С.В. Финансовая правосубъектность кредитных организаций // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 47-54.
10. Сарнаков И.В. Банковский надзор: отдельные проблемы существующей системы // Банковское право. 2022. № 6. С. 23-30.
11. Сеницын С.А. Правовые средства предупреждения и противодействия вывода активов российскими банками: вопросы совершенствования законодательства // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 66-70.

General characteristics of the principles of the organization of state supervision of banking activities in Russia

Dmitrii V. Aseev

PhD in Sociology,
Associate Professor,
Samara State University of Economics,
443090, 141 Sovetskoy Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: vakhitowayu@yandex.ru

Yuliya R. Vakhitova

Master Student,
Samara State University of Economics,
443090, 141 Sovetskoy Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: vakhitowayu@yandex.ru

Abstract

Increasing the stability of banks in the conditions of instability of the national economy is a priority task of the state, the achievement of which is impossible without proper organization of state supervision of banking activities. This is because banks control a significant part of the money supply, influencing the nature and nature of production. Uncontrolled banking activity leads to economic risks. In this regard, the issues of the organization of state supervision of banking activities are of particular importance. The principles of the organization of state supervision of banking activities, which represent the fundamental principles and unconditional criteria that determine the limits of freedom to carry out the activities of credit institutions, as well as the boundaries of the activities of the subject of control – the Bank of Russia, are the basis of the legal regulation of the organization of state supervision. The article analyzes the basic principles of the organization of state supervision of banking activities and concludes that such principles have a significant impact on credit policy, since they are aimed at limiting violations in the conduct of banking activities.

For citation

Aseev D.V., Vakhitova Yu.R. (2023) Obshchaya kharakteristika printsipov organizatsii gosudarstvennogo nadzora za bankovskoy deyatel'nost'yu v Rossii [General characteristics of the principles of the organization of state supervision of banking activities in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 176-182. DOI: 10.34670/AR.2023.21.25.020

Keywords

Banking supervision, state supervision, principles of supervision, principle of legality, openness and transparency of participants in supervisory legal relations.

References

1. Dzhuraev B.Sh., Kurbonalizoda M. (2019) Formirovanie osnov bankovskogo nadzora na postsovetском prostranstve [Formation of the foundations of banking supervision in the post-Soviet space]. *Vestnik rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov], 2, pp. 211-218.
2. Logunov G.G. (2021) Printsipy bankovskogo nadzora za deyatel'nost'yu kreditnykh organizatsiy [Principles of banking supervision over the activities of credit institutions]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 26 (368), pp. 187-190.
3. *O trebovaniyakh k raskrytiyu informatsii kreditnymi organizatsiyami (golovnymi kreditnymi organizatsiyami bankovskikh grupp): reshenie Soveta direktorov Banka Rossii ot 13.10.2023* [On requirements for disclosure of information by credit institutions (parent credit institutions of banking groups): Decision of the Board of Directors of the Bank of Russia of October 13, 2023]. Available: <https://cbr.ru> [Accessed 16/09/2023].
4. O Tsentral'nom banke Rossiyskoy Federatsii (Banke Rossii): feder. zakon ot 10.07.2002 №86-FZ [On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002] (2002). *Parlamentskaya gazeta* [Parliamentary newspaper], pp. 131-132.
5. Pastushenko A.S. (2022) Finansovo-pravovye priznaki bankovskogo nadzora [Financial and legal features of banking supervision]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Legal Journal.], 2, pp. 152-158.

6. Proshunin M.M. (2023) Konsul'tativnyy bankovskiy nadzor, ponyatie i printsipy [Advisory banking supervision, concept and principles]. *Finansovoe pravo* [Financial law], 6, pp. 25-28.
7. Rogatenyuk E.V. (2018) Kontrol'no-nadzornaya deyatel'nost' Banka Rossii: sushchnost', formy i vidy, instrumental'noe obespechenie [Control and supervisory activities of the Bank of Russia: essence, forms and types, instrumental support]. *Ekonomika stroitel'stva i prirodoopol'zovaniya* [Economics of construction and environmental management.], 3, pp. 86-95.
8. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. (2018) *Bankovskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: uchebnoe posobie dlya magistratury* [Banking supervision in the Russian Federation: a textbook for master's degrees]. Moscow: Norma; INFRA-M Publ.
9. Rybakova S.V. (2017) Finansovaya pravosub"ektnost' kreditnykh organizatsiy [Financial legal personality of credit institutions]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 9, pp. 47-54.
10. Sarnakov I.V. (2022) Bankovskiy nadzor: otdel'nye problemy sushchestvuyushchey sistemy [Banking supervision: selected problems of the existing system]. *Bankovskoe pravo* [Entrepreneurial Law], 6, pp. 23-30.
11. Sinitsyn S.A. (2018) Pravovye sredstva preduprezhdeniya i protivodeystviya vyvoda aktivov rossiyskimi bankami: voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Legal means of preventing and countering the withdrawal of assets by Russian banks: issues of improving legislation]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law.], 1, pp. 66-70.

УДК:342.951

DOI: 10.34670/AR.2023.35.40.021

Вопросы совершенствования правового регулирования законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации

Усейнов Мирас Исмаилович

Старший преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 10;
e-mail: miras_useinov@mail.ru

Анотация

Статья посвящена проблеме законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации, вопросам, касающимся теории и практики на современном этапе. Особую значимость данной работе придает проблема правового регулирования законодательства в области прав человека, которые являются исходными началами. Они присущи всем людям от рождения, независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет, а права гражданина включают в себя те права, которые закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству (гражданство). Автор приводит конкретные предложения по решению данных проблем. Актуальность статьи заключается в том, что приведенный автором закон регулирует не только правоотношения, которые связаны с порядком рассмотрения обращений граждан РФ, но и правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, а также правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющих публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами. Автор отмечает, что в настоящее время, при возросшей миграции населения разных стран, и прежде всего рабочей силы и беженцев, а также в связи с развитием широких контактов в мире бизнеса, науки и культуры в каждой стране постоянно находится, а часто и оседает много людей, которые по разным причинам или временно не приобретают гражданство государства пребывания.

Для цитирования в научных исследованиях

Усейнов М.И. Вопросы совершенствования правового регулирования законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 183-189. DOI: 10.34670/AR.2023.35.40.021

Ключевые слова

Конституция, права, свобода, закон, гражданство, гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства, статус, государство, управление.

Введение

С момента распада СССР Российская Федерация стремилась к построению правового, демократического государства, правовая система которого основана на верховенстве закона. Все вопросы защиты прав человека и гражданина перешли в ведение исполнительных, законодательных и правоохранительных органов Российской Федерации. Государственная власть в Российской Федерации, в соответствии с Конституцией, осуществляется на основе теории разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти действуют самостоятельно в соответствии с Конституцией и законами РФ.

Как известно, для каждого государства конституция имеет особое значение. Это основной закон государства, акт прямого действия, обладающий высшим юридическим статусом и обеспечивающий базовые условия жизни граждан. В основном законе страны отражены сила и потенциал государства и права, их ценностные основы.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [Конституция Российской Федерации, [www](http://www.kremlin.ru)].

Как мы видим, в данной норме Конституции РФ закреплены понятия «права человека» и «права гражданина». В теории права сложилось так, что эти две категории прав обычно упоминаются одновременно, однако их содержание не тождественно. Важно отметить, что права человека проистекают из естественного права, а права гражданина – из позитивного, хотя и те и другие носят неотъемлемый характер.

Права человека являются исходными, они присущи всем людям от рождения, независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет, а права гражданина включают в себя те права, которые закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству (гражданство).

Таким образом, каждый гражданин того или иного государства обладает всем комплексом прав, относящихся к общепризнанным правам человека, и дополнительно всеми правами гражданина, признаваемыми в данном государстве.

Права гражданина – своеобразное ограничение равенства между людьми, поскольку их лишаются лица, живущие в стране, но не имеющие гражданства. Эти права обычно предполагают возможность участия в государственных делах, в выборах высших органов государственной власти, допуска в своей стране к государственной службе и т.д. Следовательно, лица, не имеющие гражданства, этих прав в данном государстве не имеют. Такая позиция, допускаемая международным сообществом, объясняется правомерным желанием каждого государства предоставить указанные права только лицам, устойчиво связанным с судьбой страны и в полной мере несущим конституционные обязанности. Это не означает, что иностранные граждане и лица без гражданства не имеют никаких прав и не несут обязанностей (например, соблюдать конституцию, уплачивать налоги, право обращений в государственные органы и др.).

Основная часть

Как уже отмечалось выше, в Конституции Российской Федерации целая глава посвящена правам и свободам человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина признаются

и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии Конституцией РФ.

Отсюда следует вывод, что, исходя из общих принципов права, правовое положение иностранных граждан определяется, прежде всего, статусом прав человека, а потом только как иностранные граждане и лица без гражданства, и этот статус охраняется каждым государством в силу его нормативно-правовых актов и международного права.

Таким образом, необходимо отметить, что за терминологическим различием человека и гражданина стоит различие правового статуса, т.е. объема прав и обязанностей.

Правовой статус личности – это закрепленное нормами права положение человека и гражданина в обществе, государстве. При этом ведущая роль принадлежит конституционному праву, устанавливающему конституционные основы правового статуса личности [Дзидзоев, Ковтун, Терещенко, 2022, 101].

Это дает основание говорить о том, что большинство прав и обязанностей человека и гражданина в административно-правовых отношениях производны от их конституционных прав и обязанностей. Как отмечает Б.В. Россинский, административно-правовой статус человека и гражданина является составной частью общего правового статуса личности и урегулирован нормами конституционного и административного права. Другие права и обязанности не регламентируются конституционными нормами, но, соответствуя духу Конституции РФ, общей конституционной концепции положения личности в России, устанавливаются иными правовыми актами, с чем мы согласны [Россинский, Старилов, 2009, 166].

Общеизвестно, что комплекс прав и обязанностей личности в правовых отношениях составляет правовое положение человека и гражданина, и эти отношения возникают у человека и гражданина при взаимодействии с другими субъектами права. Например, отношения, складывающиеся в сфере государственного управления. Как правило, эти отношения регулируются нормами различных отраслей права (конституционного, административного, финансового, бюджетного, гражданского и др.).

Как уже отмечалось выше, административно-правовой статус гражданина РФ является составной частью общего правового статуса личности, и это определяется, прежде всего, Конституцией РФ, Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации», другими федеральными законами, иными правовыми актами. А правовая основа административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства определяется Конституцией РФ, Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», другими федеральными законами, межгосударственными договорами, заключенными Российской Федерацией, и другими правовыми актами.

Здесь необходимо отметить, что иностранный гражданин – это физическое лицо, которое не является гражданином РФ и не имеет доказательства о наличии гражданства (подданства) иностранного государства, также и лицо без гражданства – это физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

В Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» понятие «иностраный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан.

Обратим внимание на то, как большой юридический словарь дает определение физического лица: это гражданин (иностранный гражданин, лицо без гражданства) как субъект гражданского права, в отличие от юридического лица, являющегося коллективным образованием [Сухарев, Крутских, Сухарева, 2003].

Необходимо подчеркнуть, что иностранные граждане пользуются правами наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором РФ (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ; ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что стремительное развитие государства и права, вызванное активными преобразованиями в обществе – информатизацией, цифровизацией, автоматизацией и т.д., рождает проблемы и вызовы, которые обуславливают необходимость переосмысления взаимоотношений личности, общества и государства, а также границ вмешательства государства в сферы жизнедеятельности общества. Мы находимся на заре века информации, и этот век предлагает большее количество возможностей, чем когда-либо.

Заметим, что за последние годы наметилась положительная тенденция показателя индекса правовой грамотности населения, граждане начали понимать и непосредственно активно участвовать в защите своих прав и свобод. Об этом свидетельствует количество обращений, поданных в суд за защитой различных прав и свобод, которое с каждым годом растет.

Подчеркнем, что одним из основных конституционных прав граждан Российской Федерации является право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ), в Конституционный Суд РФ (ст. 125 Конституции РФ) [Конституция Российской Федерации, www].

Это право граждан на подачу различного вида обращений также закреплено в ряде федеральных законодательных актов и законов субъектов РФ, например в федеральных законах «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», «О гражданстве Российской Федерации», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О беженцах», Законах РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», «О вынужденных переселенцах», КоАП РФ, Налоговом кодексе РФ, Трудовом кодексе РФ и других актах.

Из вышеперечисленных нормативно-правовых актов следует выделить Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ.

Во-первых, следует заметить, что данным законом регулируются правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации закрепленного за ним Конституцией Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливается порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Во-вторых, правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, за исключением случаев, установленных международным договором Российской Федерации или федеральным законом. И в третьих, установленный законом порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, правоотношения, связанные с рассмотрением

указанными органами, должностными лицами обращений объединений граждан, в том числе юридических лиц, а также правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющих публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами.

Как мы видим, данный закон регулирует не только правоотношения, которые связаны с порядком рассмотрения обращений граждан РФ, но и правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, а также правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющих публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами.

На наш взгляд, необходимо внести в название данного федерального закона поправку, а именно: Федеральный закон Российской Федерации «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц».

Важно отметить, что сегодня, при возросшей миграции населения разных стран, и прежде всего рабочей силы и беженцев, а также в связи с развитием широких контактов в мире бизнеса, науки и культуры в каждой стране постоянно находится, а часто и оседает много людей, которые по разным причинам или временно не приобретают гражданство государства пребывания. Наша страна входит в число стран-лидеров по иммиграции населения, для чего необходимо корректное название нормативно-правового акта.

Заключение

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, можно утверждать, что на сегодняшний день название законодательства «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не совсем точно и неактуально, что требует изменения.

Общеизвестно, что правовые нормы призваны регулировать общественные отношения, поведение людей, при каждом конкретном случае которые установлены правом в соответствии с потребностями общества и государства.

Библиография

1. Дзидзоев Р.М., Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Конституционное право Российской Федерации. Майкоп: ЭЛИТ, 2022. 582 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999.
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868.
5. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. 4-е изд., пер. и доп. М.: Норма, 2009. 166 с.
6. Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
7. Cann S. J. Administrative law. – Sage Publications, 2005.
8. Endicott T. Administrative law. – Oxford University Press, 2021.
9. Barnett H. Constitutional and administrative law. – Routledge, 2019.
10. Metzger G. E., Stack K. M. Internal administrative law //Mich. L. Rev. – 2016. – Т. 115. – С. 1239.

Issues of improving the legal regulation of legislation on the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation

Miras I. Useinov

Senior Lecturer of the Department of constitutional and municipal law,
Volgograd State University
400062, 10 Universitetskiy ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: miras_useinov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of legislation on the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation, issues related to theory and practice at the present stage. Of particular importance to this work is the problem of legal regulation of legislation in the field of human rights, which are the starting points. They are inherent in all people from birth, regardless of whether they are citizens of the state in which they live or not, and the rights of a citizen include those rights that are assigned to a person only by virtue of his belonging to the state (citizenship). The author provides specific proposals for solving these problems. The relevance of the article lies in the fact that the law cited by the author regulates not only legal relations that are related to the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation, but also legal relations related to the consideration of appeals from foreign citizens and stateless persons, as well as legal relations related to the consideration of appeals from citizens and associations citizens, including legal entities performing publicly significant functions by state and municipal institutions, other organizations and their officials. The author notes that at present, with the increased migration of the population of different countries, and above all labor and refugees, as well as in connection with the development of wide contacts in the world of business, science and culture, many people are constantly located, and often settle, in each country and, for various reasons or temporarily, do not acquire citizenship of the host state.

For citation

Useinov M.I. (2023) *Voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya zakonodatel'stva o poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii* [Issues of improving the legal regulation of legislation on the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 183-189. DOI: 10.34670/AR.2023.35.40.021

Keywords

Constitution, rights, freedom, law, citizenship, citizen, foreign citizen, stateless person, status, state, administration.

References

1. Dzidzoev R.M., Kovtun O.A., Tereshchenko N.D. (2022) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Maykop: EIIT Publ.
 2. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote)]
-

-
- on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
3. *O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 02.05.2006 N 59-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999 [Accessed 16/09/2023].
 4. *O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868 [Accessed 16/09/2023].
 5. Rossinskiy B.V., Starilov Yu.N. (2009) *Administrativnoe pravo* [Administrative law], 4th ed. Moscow: Norma Publ.
 6. Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E., Sukhareva A.Ya. (2003) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large legal dictionary]. Moscow: Infra-M Publ.
 7. Cann, S. J. (2005). *Administrative law*. Sage Publications.
 8. Endicott, T. (2021). *Administrative law*. Oxford University Press.
 9. Barnett, H. (2019). *Constitutional and administrative law*. Routledge.
 10. Metzger, G. E., & Stack, K. M. (2016). Internal administrative law. *Mich. L. Rev.*, 115, 1239.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.86.55.023

Правотворчество Правительства Москвы: стадии, особенности и эффективность

Александров Григорий Дмитриевич

Аспирант,
Институт экономики, управления и права,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: www.alexgrig@gmail.com

Аннотация

Демократическое федеративное государство, особенно при динамично развивающемся обществе, как сложная организационная структура требует установления порядка формирования и регулирования правового положения ее структурных элементов. Факт необходимости регламентации объема правотворческих компетенций органов исполнительной власти субъекта представляется несомненным, в том числе из-за существенности обоснования самостоятельности субъекта благодаря возможности создания собственного регионального законодательства. В процессе самостоятельного решения принципиальных вопросов субъекта органы законодательной власти субъекта принимают законы, что однозначно ставит перед исследователем вопрос о правотворческой компетенции органов исполнительной власти субъекта в рамках подзаконного правотворчества, направленного на исполнение и развитие законодательных положений и регулирующих отдельные и конкретные аспекты общественных отношений. В условиях самобытного развития Российской Федерации и субъектов в ее составе, снижения уровня внешнеполитической зависимости и укрепления межсубъектных связей и взаимодействия видится необходимым процесс анализа положительного опыта государственного управления, в том числе его механизмов, одним из которых в значительной степени является правотворчество высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, что представляется важным для последующего заимствования и применения в иных субъектах.

Для цитирования в научных исследованиях

Александров Г.Д. Правотворчество Правительства Москвы: стадии, особенности и эффективность // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 190-196. DOI: 10.34670/AR.2023.86.55.023

Ключевые слова

Правотворчество, правотворчество органов исполнительной власти, высший исполнительный орган власти субъекта Российской Федерации, особенности подзаконного правотворчества, Правительство Москвы.

Введение

Поскольку орган исполнительной власти для целей правотворчества является государственным органом, наделенным от имени государства функциями и полномочиями по созданию, изменению, а также признанию утратившими силу нормативно-правовых актов, и одновременно частью государственного аппарата, наделенной государственно-властными полномочиями для организации и исполнения законов, нормативно-правовых актов [Куртяк, 2005, www], видится важным исследование особенностей правотворчества органа исполнительной власти субъекта РФ, деятельность которого отмечается многими представителями различных сфер жизни общества и государственного управления, правотворческий опыт которого, без сомнения, может быть применен в иных субъектах Российской Федерации.

Основная часть

Поскольку подзаконное правотворчество отличается от законотворчества в том числе высоким уровнем оперативности, а исследование этапов деятельности правотворческого процесса органов исполнительной власти, напротив, в научной среде стало приобретать свою популярность в значительной степени совсем недавно, на основании общих стадий правотворчества, установленных статьей 5 Закона города Москвы от 08 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы» (далее – Закон города Москвы «О правовых актах»), необходимо рассмотреть общие стадии правотворческого процесса применительно к подзаконному правотворчеству Правительства Москвы как органа исполнительной власти общей компетенции, процесс которого урегулирован постановлением Правительства Москвы от 21 февраля 2006 г. № 112-ПП «О Регламенте Правительства Москвы» (далее – Регламент).

Первой стадией необходимо определить планирование правотворчества, так как регламентом Правительства Москвы установлена деятельность членов Правительства Москвы по подготовке в соответствии с указанием Мэра Москвы программы приоритетных направлений на год, которая выносится на обсуждение до начала планируемого года. Также производится деятельность по подготовке программы на полугодие, которая включает в себя перечень ключевых вопросов жизни города, выносимых на обсуждение Правительства Москвы. В соответствии с такими планами или же в соответствии с поручениями Мэра Москвы, органы исполнительной власти, ответственные за подготовку вопроса и являющиеся отраслевыми исполнителями, рассматривают соответствующие вопросы. Важно отметить, что стадия планирования и стадия инициативы в подзаконном правотворчестве тесно связаны друг с другом, поскольку акты Правительства Москвы готовятся как в соответствии с планом работы, в котором регулирование тех или иных отношений правовым актом выносится в инициативном порядке на обсуждение плана работы, так и вне данного плана. Сегодня в открытых источниках информация о том, какие проекты правовых актов Правительства Москвы подготовлены в соответствии с планом, а какие внесены в инициативном порядке, отсутствует. Однако представляется, что ввиду оперативности принятия решений, их результативности, а также механизма формирования и наполнения информационной повестки города в официальных изданиях, социальных сетях органов исполнительной власти, а также Мэра Москвы проекты, внесенные в инициативном порядке, могут быть значительной частью общего нормативно-правового массива столичного подзаконного правотворчества. В связи с этим гибкое

адаптирование стадий представляется универсальным и особенным свойством правотворчества Правительства Москвы. Также подразумевается, что инициатива может являться первой стадией в том случае, когда предусмотреть развитие общественных отношений сфер жизни города на момент составления плана работы Правительства Москвы не представляется возможным, а также в иных случаях, в том числе когда для достижения поставленных целей с помощью правовых актов отдельных органов исполнительной власти нельзя обойтись без регулирования общественных отношений правовым актом Правительства Москвы. Возможность начала процесса правотворчества с инициативы в данном случае оправдывает себя, поскольку действовать в критической ситуации необходимо незамедлительно и обоснованно, соблюдая установленные законодательством субъекта процедурные формы для достижения необходимого уровня качества правового акта и результатов его действия.

В соответствии с вопросами, рассмотренными на заседании Правительства Москвы, этап разработки проектов правовых актов осуществляется с помощью автоматизированной информационной системы согласования документов (АИС СД). Назначенное исполнителем по документу лицо направляет проект правового акта на согласование различным должностным лицам и специалистам различного уровня. Согласование проекта правового акта осуществляется после получения всех согласований перед визированием проекта. При наличии замечаний или дополнений к проекту акта, оформленных в листе учета замечаний, проект акта направляется тем же должностным лицам и структурным подразделениям Аппарата Мэра и Правительства Москвы, что и при согласовании. После этого производится устранение разногласий и учет замечаний к проекту акта и последующее согласование.

После того как проект согласован установленными Регламентом лицами, Правовым управлением Правительства Москвы осуществлена правовая экспертиза проекта, проект направляется в Организационно-аналитическое управление Правительства Москвы для подготовки и рассмотрения на заседании Правительства Москвы. Решения на заседании, как правило, принимаются общим согласием, но по предложению члена Правительства Москвы может проводиться голосование. На стадии рассмотрения проектов актов на заседании Правительства Москвы или Президиума Правительства Москвы принимается решение о принятии правового акта либо о его доработке и повторном вынесении вопроса на одно из следующих заседаний Правительства Москвы. Важно подчеркнуть, что в данном случае указанная деятельность по согласованию проекта правового акта на первый взгляд может показаться перегруженной, однако в широком смысле фактически она завершает один из важных этапов правообразования – именно на этом этапе важно принять окончательные решения, в том числе решения, принимаемые министрами Правительства Москвы, курирующими отдельные отрасли и сферы городской жизни, относительно необходимости регулирования того или иного вопроса, ведь видится, что нередко ситуация, когда на данном этапе проект правового акта уже может быть устаревшим относительно динамично развивающихся правовых отношений, которые требуется урегулировать.

После того как проект акта рассмотрен и принят на заседании Правительства Москвы или Президиума Правительства Москвы, наступает стадия подписания и опубликования – акт направляется Мэру Москвы для соответствующей процедуры. Подлежащие обязательному официальному опубликованию акты в течение одного рабочего дня со дня подписания Мэром Москвы направляются для опубликования в официальные источники.

Стоит обратить внимание на мониторинг правовых актов, обособленный как отдельная стадия в Законе города Москвы «О правовых актах». В научном сообществе отмечается, что эффективность правотворчества повышается с использованием современных, прошедших

апробацию юридических технологий: юридическое прогнозирование, важными методами которого являются правовой эксперимент, создание регуляторных песочниц и разработка концепции нормативного правового акта; планирование правотворческой деятельности; экспертиза проектов нормативных правовых актов (правовая, антикоррупционная, лингвистическая, научная, психологическая, педагогическая, гендерная, этнокультурная и пр.) и оценка их регулирующего воздействия, в целом объединяемые в технологии комплексной оценки проектов нормативных правовых актов; правотворческий краудсорсинг (общественная/народная/гражданская правотворческая инициатива, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов и общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов); правовой мониторинг и в его рамках оценка фактического воздействия. Широкая концепция правового мониторинга предполагает его осуществление не только на стадии применения вступившего в силу акта, но и на иных стадиях жизненного цикла акта, включая его разработку и принятие. Одновременно результаты оценки фактического воздействия акта позволяют определить необходимость и целесообразность его совершенствования» [Пашенцев, Залоило, Иванюк, Головина, 2019, 42]. Таким образом, с помощью мониторинга правовых актов построение сценарного прогноза от негативного до позитивного на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы в отношении внесения изменений в действующие правовые акты и особенно в отношении регулирования такими актами общественных отношений становится более реалистичным и рациональным, что косвенно влияет на оценку качества государственного управления.

Наибольший объем нормативных правовых актов создается органами исполнительной власти города Москвы. Издание нормативных актов представляет собой отдельную правовую форму реализации функций органов власти. Их правотворчество связано с объективной необходимостью в подзаконном регулировании большинства сфер общественной жизни. Действительность показывает, как важно соблюдать все установленные правила этой деятельности, осуществляемой субъектами правотворчества, которая прежде всего обусловлена не только практической значимостью, но и теоретическими основами, а также основополагающими началами, установленными актом, обладающим высшей юридической силой, и принятыми в его развитие иными нормативными правовыми актами. Из этого косвенно следует единообразие подходов и единство органов государственной власти субъектов в правотворческой деятельности и ее видов.

Анализируя роль органов исполнительной власти города Москвы во главе с Правительством Москвы в правотворчестве города Москвы в целом, следует отметить, что совокупность издаваемых ими нормативных правовых актов составляет основной массив регулирования общественных отношений. При этом высший исполнительный орган власти столицы регулирует деятельность исполнительных органов власти города Москвы, в том числе опосредованно, принимая акты, направленные на указание органам о необходимости принятия актов, регламентирующих общественные отношения. С учетом возложенных обязанностей и полномочий на органы исполнительной власти, а также особенностей процедур принятия нормативных правовых актов, ввиду значительной разницы временных интервалов между задачей урегулирования общественных отношений до принятия соответствующего акта – урегулирования общественных отношений, видится масштабный разрыв количества действующих актов, входящих в систему законодательства города Москвы, и подзаконных актов. В соответствии с проанализированными сведениями в открытых источниках, на сегодня в систему законодательства города Москвы входит более 5 300 законов, в то время как действующих подзаконных правовых актов – более 49 тысяч. Такая особенность представляется

следствием роста количества полномочий органов исполнительной власти по сравнению с органами законодательной власти практически в два раза, что подтверждается соответствующими исследованиями [Мониторинг полномочий органов исполнительной власти, 2016, www]. Возможность властного воздействия органов исполнительной власти города Москвы на субъекты позволяет выделить эффективность правотворческих и правоприменительных полномочий в случае, когда это позволяет согласовывать публичные и частные интересы в различных сферах управления городом [Уманская, 2014, 22]. Ввиду того, что свойство эффективности полномочий, как и любое свойство, проявляется лишь при определенных условиях, нормативное закрепление таковых затрагивает и сферу их реализации. В Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», а именно в части 1 статьи 5, закреплена в качестве основной задачи исполнительной власти организация исполнения законодательства Российской Федерации. Напротив, в Законе города Москвы от 20 декабря 2006 г. № 65 «О Правительстве Москвы», определяющем порядок деятельности Правительства Москвы, не закреплены конкретные задачи и цели деятельности, а в главе 3, устанавливающей полномочия указанного органа исполнительной власти, используются общие формулировки полномочий. Однако закрепление полномочий органов исполнительной власти во главе с Правительством Москвы именно таким образом признается целесообразным, поскольку обеспечивает многократность и широту их применения, учитывая системность их закрепления в компетенционных правовых формах, позволяющих объединять несколько полномочий в обширный комплекс мер правового регулирования.

При определении основы оценивания эффективности правотворчества органов исполнительной власти как органов, реализующих полномочия по государственному управлению, направленного на регулирование отношений внутри столицы, необходимо прежде всего, учитывать социальный и экономический эффект от их реализации, который выражается в степени реализации субъектами, участвующими в регулируемых правоотношениях, прав и обязанностей, что напрямую связано с оценкой различных сфер жизни города Москвы. Согласно исследованиям, город Москва на сегодняшний день входит в первые 50 позиций по динамике наиболее перспективных центров экономического роста в Европе, занимает первое место в рейтинге глобальных городов по развитию здравоохранения, пятое место в рейтинге наиболее влиятельных экономических центров, входит в первые 7 самых «умных» городов мира в сфере технологий и ИТ, а также входит в топ-100 рейтинга лучших городов для студентов. Самым ярким достижением 2022 года справедливо считать оценку города Москвы Организацией Объединенных Наций как лучшего мегаполиса по качеству жизни и уровню развития инфраструктуры во всем мире [Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. Достижения Москвы: международные награды и рейтинги, www]

Заключение

Правотворчество Правительства Москвы предлагается считать эффективным, поскольку совокупность правотворческих и правоприменительных полномочий, закрепленных в нормативно-правовых актах города Москвы, стадий правотворчества, их реализации и особенностей их регламентации позволяет содействовать реализации прав и обязанностей субъектов общественных отношений, согласованию публичных и частных интересов в различных сферах государственного управления на высоком уровне.

Регламентация правотворчества Правительства Москвы видится эффективной и

рациональной ввиду достигаемого уровня оценки результатов действия подготовленных нормативных правовых актов, что при более углубленном изучении для последующего заимствования станет одним из факторов роста уровня качества результатов правотворчества в широком и узком смыслах. При этом количество таких нормативных правовых актов составляет основной массив регулирования общественных отношений, что представляется особым показателем роста количества полномочий органов исполнительной власти по сравнению с органами законодательной власти. В связи с этим можно заключить, что закрепление полномочий органов исполнительной власти во главе с Правительством Москвы в широких, одновременно не противоречащих законодательству формулировках, признается целесообразным, поскольку обеспечивает многократность и широту их применения, учитывая системность их закрепления в компетенционных правовых формах, позволяющих объединять несколько полномочий в обширный комплекс мер правового регулирования, что подтверждается социальным и экономическим эффектом.

Библиография

1. Куртяк И.В. Органы исполнительной власти как субъекты правотворчества // Общество и право. 2005. № 3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-ispolnitelnoy-vlasti-kak-subekty-pravotvorchestva>.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс. М., 2007. 352 с.
3. Международные награды и рейтинги // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. Достижения Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/awards/rating>.
4. Мониторинг полномочий органов исполнительной власти. Институт государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ в интересах Минэкономразвития России, 2016. URL: <https://ipag.hse.ru>.
5. Осипов М.Ю. Функции правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2006. № 8. С. 35-43.
6. Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Иванюк О.А., Головина А.А. Цифровизация правотворчества. Поиск новых решений. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
7. Уманская В.П. Система правовых актов федеральных органов исполнительной власти: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 40 с.
8. Zander M. The law-making process. – Bloomsbury Publishing, 2015.
9. Chandranegara I. S., Sihombing E. N. Emergency law-making in Indonesia: Between political and constitutional process // J. Legal Ethical & Regul. Issues. – 2021. – Т. 24. – С. 1.
10. Wang S. International law-making process of combating plastic pollution: status quo, debates and prospects // Marine Policy. – 2023. – Т. 147. – С. 105376.

Lawmaking of the Moscow Government: stages, features and effectiveness

Grigorii D. Aleksandrov

Postgraduate Student,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4 2-y Sel'skokhozyaystvennyy proezd, Moscow, Russian Federation;
e-mail: www.alexgrig@gmail.com

Abstract

A democratic federal state, especially in a dynamically developing society, as a complex organizational structure requires the establishment of the order of formation and regulation of the legal status of its structural elements. The fact of the need to regulate the scope of law-making

competencies of the executive authorities of the subject seems to be indisputable, including due to the materiality of substantiating the independence of the subject due to the possibility of creating its own regional legislation. In the process of independently resolving fundamental issues of the subject, the legislative authorities of the subject adopt laws, which clearly raises the question of the law-making competence of the executive authorities of the subject within the framework of subordinate law-making aimed at the implementation and development of legislative provisions and regulating individual and specific aspects of public relations. In the conditions of the distinctive development of the Russian Federation and its subjects, reducing the level of foreign policy dependence and strengthening intersubjective ties and interaction, it seems necessary to analyze the positive experience of public administration, including its mechanisms, which to a large extent is the law-making of the supreme executive authority of the subject of the Russian Federation, which is important for subsequent borrowing and application in other subjects.

For citation

Aleksandrov G.D. (2023) *Pravotvorchestvo Pravitel'stva Moskvy: stadii, osobennosti i effektivnost'* [Lawmaking of the Moscow Government: stages, features and effectiveness]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 190-196. DOI: 10.34670/AR.2023.86.55.023

Keywords

Law-making, law-making of executive authorities, the highest executive authority of a subject of the Russian Federation, features of subordinate law-making, the Government of Moscow.

References

1. Kurtyak I.V. (2005) *Organy ispolnitel'noy vlasti kak sub"ekty pravotvorchestva* [Executive authorities as subjects of lawmaking]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 3 (9). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-ispolnitelnoy-vlasti-kak-subekty-pravotvorchestva> [Accessed 12/09/2023].
2. Marchenko M.N. (2007) *Teoriya gosudarstva i prava. Elementarnyy kurs* [Theory of Government and Rights. Elementary course]. Moscow.
3. *Mezhdunarodnye nagrody i reytingi* [International awards and ratings]. *Ofitsial'nyy portal Mera i Pravitel'stva Moskvy. Dostizheniya Moskvy* [Official portal of the Mayor and Government of Moscow. Achievements of Moscow]. Available at: <https://www.mos.ru/city/projects/awards/rating> [Accessed 12/09/2023].
4. *Monitoring polnomochiy organov ispolnitel'noy vlasti. Institut gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya NIU VShE v interesakh Minekonomrazvitiya Rossii, 2016* [Monitoring the powers of executive authorities. Institute of State and Municipal Management of the National Research University Higher School of Economics in the interests of the Ministry of Economic Development of Russia, 2016]. Available at: <https://ipag.hse.ru> [Accessed 18/09/2023].
5. Osipov M.Yu. (2006) *Funktsii pravovogo regulirovaniya* [Functions of legal regulation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 8, pp. 35-43.
6. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A., Golovina A.A. (2019) *Tsifrovizatsiya pravotvorchestva. Poisk novykh resheniy* [Digitalization of lawmaking. Search for new solutions]. Moscow: INFRA- Publ.
7. Umanskaya V.P. (2014) *Sistema pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Dokt. Diss. Abstract* [System of legal acts of federal executive authorities: theoretical and applied aspects. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
8. Zander, M. (2015). *The law-making process*. Bloomsbury Publishing.
9. Chandranegara, I. S., & Sihombing, E. N. (2021). Emergency law-making in Indonesia: Between political and constitutional process. *J. Legal Ethical & Regul. Issues*, 24, 1.
10. Wang, S. (2023). International law-making process of combating plastic pollution: status quo, debates and prospects. *Marine Policy*, 147, 105376.

УДК 349.2

DOI: 10.34670/AR.2023.39.80.024

Дисциплинарное производство органов внутренних дел в Российской Федерации

Соколова Юлия Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры финансового и административного права,
Ростовский государственный экономический университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69;
e-mail: U_SOCOL@mail.ru

Артюхова Алина Валерьевна

Студент,
Ростовский государственный экономический университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69;
e-mail: miss.artukhova2000@mail.ru

Аннотация

С древних времен каждого становления любой общины был сформирован определенный порядок и образ жизни. На сегодняшний день, чтобы быть экономически конкурентоспособной и растущей страной, необходимо поддерживать и мотивировать государство нормами и законами, влекущих за собой правопорядок и регулирование экономической среды как внутри Страны, так и снаружи. Чтобы установить соблюдение норм в государственных органах, необходимо также внедрять соблюдение определенной дисциплины. Данная статья посвящена дисциплинарному производству органов внутренних дел в Российской Федерации. Целью данной статьи формируется исследование сущности, правил и норм в дисциплинарном производстве органов внутренних дел Российской Федерации, а также выявление особенностей данного дисциплинарного производства. Обосновано предложение в закреплении в законодательстве РФ пределов дисциплинарной ответственности по каждому правонарушению. Обнаружена необходимость в дополнении списка нарушений и дополнения меры ответственности в разрезе систематического правонарушения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Предложено новое направление по ведению дел дисциплинарной ответственности. Все предложения, приведенные авторами, дают вектор направленности для развития данного правового исследования, а также помогают определить несовершенство правовых положений.

Для цитирования в научных исследованиях

Соколова Ю.А., Артюхова А.В. Дисциплинарное производство органов внутренних дел в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 197-205. DOI: 10.34670/AR.2023.39.80.024

Ключевые слова

Дисциплина, правонарушение, поощрение, право, дисциплинарное производство, нормы, закон, служебная дисциплина, правопорядок, сущность дисциплины ОВД.

Введение

С древних времен каждого становления любой общины был сформирован определенный порядок и образ жизни. На сегодняшний день, чтобы быть экономически конкурентоспособной и растущей страной, необходимо поддерживать и мотивировать государство нормами и законами, влекущих за собой правопорядок и регулирование экономической среды как внутри Страны, так и снаружи. Чтобы установить соблюдение норм в государственных органах, необходимо также внедрять соблюдение определенной дисциплины. В Конституции Российской Федерации упоминается соблюдение норм правопорядка в Статье 15 пункте 2, где говорится, что Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Таким образом, в Российской Федерации существует ряд Законов, Уставов и Приказов, которые помогают регулировать правоотношения, правонарушения и поощрения органов внутренних дел. Данная статья посвящена дисциплинарному производству органов внутренних дел в Российской Федерации. Целью данной статьи формируется исследование сущности, правил и норм в дисциплинарном производстве органов внутренних дел Российской Федерации, а также выявление особенностей данного дисциплинарного производства. Предметом исследования выступают Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в разрезе дисциплинарного производства.

Основная часть

Чтобы исследовать дисциплинарное производство его понятие и сущность, необходимо понять само значение правопорядка.

Нами в процессе исследования было найдено и сформировано определенное понятие правопорядка, которое звучит так: «это определенная система действительности отношений между индивидами, в процессе которой выступает результатом фактическое выполнение, реализация и осуществление норм, порядка, законов и законодательных положений». Если говорить более конкретнее, то правопорядок – это все действия, которые реализуют сквозь призму соблюдения законов, норм и правил. Он служит итогом всей реализации права.

Сформировав понятие правопорядка, можно раскрыть значение самой сущности дисциплины.

Дисциплина является следствием соблюдения или не соблюдения порядка поведения и действий индивидов, в соответствии с действующими нормами, правами, законами, положениями, требованиями и моралью. Тем самым, можно сделать вывод, что дисциплина – это прежде всего исполнение возложенных обязанностей на индивида выполняющего какие-либо действия.

В разрезе государственной службы у сотрудников правоохранительных органов появляется, куда больший спектр и предел ответственности, в особенности соблюдения дисциплины.

В качестве исследуемой научной темы для понимания сущности дисциплинарного

производства необходимо определить определение объекта дисциплинарного проступка.

Объектом в данном положении выступают общественные отношения, которые сложились в процессе совместной деятельности, которые также регулируются нормами трудового и внутреннего права и распорядка деятельности. Из этого следует, что в каждом дисциплинарном производстве существует определенный объект, которые мы предлагаем поделить на основные семь групп:

- прогул/опоздание;
- повреждение имущество работодателя;
- нарушение указаний, приказов;
- разглашение информации;
- нахождение на службе в состоянии алкогольного, наркотического либо иного токсического опьянения;
- посягательства, создающие угрозу жизни, здоровью, нравственности работников;
- нарушение техники безопасности и охраны труда.

На сегодняшний день Регулирование правоотношений, связанных со службой в органах внутренних дел, осуществляется в соответствии с: Конституцией РФ; Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ; Федеральным законом от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции»), Федеральным законом от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и другими федеральными законами, регламентирующими правоотношения, связанные со службой в органах внутренних дел; нормативными правовыми актами Президента РФ, Правительства РФ, федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел; Трудового законодательства; внутреннего организационного Устава, Приказов и положений.

Служебная дисциплина согласно ст. 47 ФЗ № 342 от 30.11.2011 предполагает следующее определение за собой – «Соблюдение сотрудником ОВД установленных законодательством РФ, Присягой сотрудника ОВД РФ, дисциплинарным уставом ОВД РФ, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.».

Чтобы формировать мотивацию и соблюдение дисциплины, существуют определенные меры поощрения и дисциплинарные взыскания.

Существуют следующие меры поощрения ОВД РФ: объявление благодарности, денежная мотивация, награждение материальным ресурсом, награждение почетной грамотой, занесение в книгу почета, награждение ведомственными наградами, досрочное присвоение звания, досрочное снятие дисциплинарного взыскания.

С другой стороны, если говорить о нарушениях служебной дисциплины, то в качестве, которых признается виновное действие или бездействие сотрудника ОВД РФ законодательства норм, устава, правил, неисполнения обязательств и тд., согласно ФЗ №342 от 30.11.2011г. В таком случае применяются определенные дисциплинарные взыскания, соответствующие следующим положениям:

- а) замечание;
- б) выговор,

- в) строгий выговор;
- г) предупреждение;
- д) перевод на нижестоящую должность;
- е) увольнение.

При этом следует отметить, что при нарушении дисциплины сотрудником ОВД РФ может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание за каждый случай такого нарушения.

Следуя каждому соблюдению норм, правил и порядка, существует также предусмотренный законодательством порядок применения этих мер к сотрудникам ОВД РФ.

В соответствии с нормами и законодательными актами было определено, что дисциплинарные взыскания на сотрудника ОВД РФ могут быть наложены для начала со стороны внутренней организации Устава, а именно с руководителя – начальника ОВД РФ. Данные дисциплинарные взыскания со стороны прямого начальника не могут превышать данные ему полномочия по взысканиям и налагаются только в пределах его прав, которые даны руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере органов внутренних дел РФ. В данных правах у руководителя исполнительной власти в сфере органов внутренних дел Российской Федерации есть тоже свои полномочные ограничения, так дисциплинарные взыскания, касающиеся перевода на нижестоящую должность в ОВД РФ или увольнение с самой службы в органах внутренних дел Российской Федерации назначаются Президентом Российской Федерации.

Если на сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации необходимо наложить такое дисциплинарное взыскание, которое соответствующий руководитель не имеет права налагать, он в таком случае отправляет к вышестоящим и правомочным руководителям органов внутренних дел Российской Федерации ходатайство о наложении данного дисциплинарного взыскания в отношении нарушившего дисциплину сотрудника органа внутренних дел РФ.

В полномочиях вышестоящего руководителя органа внутренних дел есть право изменить или отменить дисциплинарное взыскание, которое было наложено нижестоящим начальником органов внутренних дел, если данное дисциплинарное взыскание не соответствует его тяжести совершенного сотрудником ОВД дисциплинарного проступка и нарушения.

Помимо существующих полномочий у каждого руководителя в отношении дисциплинарных поощрений и взысканий органов внутренних дел, законом предусмотрены и сроки их наложения. В этой связи были определены временные рамки дисциплинарного взыскания, которое должно быть наложено не позднее чем через две недели со дня, когда напрямую начальнику ОВД РФ или непосредственному руководителю ОВД РФ стало известно о совершении сотрудником органов внутренних дел РФ дисциплинарного проступка/нарушения. Существуют и случаи, когда проводится проверка по дисциплинарному взысканию или уже возбуждается уголовное дело по нему, в таких случаях срок не должен превышать, чем через один месяц со дня утверждения заключения по результатам служебной проверки или вынесения окончательного решения по уголовному делу. При этом стоит отметить, что указанные выше сроки не включают: периоды временной нетрудоспособности сотрудника, а также его нахождения в отпуске и/или в командировке.

Дисциплинарное взыскание не может быть наложено на сотрудника органов внутренних дел по истечении шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка, а по результатам ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки – по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка. При этом стоит отметить, что указанные выше сроки не включают: периоды временной нетрудоспособности

сотрудника, нахождения его в отпуске или в командировке, а также время производства по уголовному делу.

Чтобы ясно определить причину дисциплинарного проступка обязательно до наложения дисциплинарного взыскания от этого сотрудника органов внутренних дел РФ, привлекаемого к ответственности, должно быть затребовано и получено в письменной форме объяснение. В случае, когда сотрудник ОВД РФ отказывается дать данное требуемое объяснение составляется соответствующий акт.

Также перед наложением дисциплинарного взыскания за проступок сотрудника ОВД РФ по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в соответствии со статьей 52 настоящего Федерального закона, может быть проведена служебная проверка. Также предусмотрены законодательством ситуации, когда необходима также проверка – это случаи, когда совершение дисциплинарного правонарушения произошло в спорных обстоятельствах, или оно считается слишком строгим или щадящим наказанием к обстоятельству нарушения ОВД. Данная проверка также предусматривает свои определенные рамки по срокам ее проведения и проводится в течении тринадцати дней со дня принятия решения о ее проверки по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, а также по заявлению сотрудника.

Данная проверка поможет определить причину дисциплинарного проступка, выявить всю хронологию и поможет принять руководителем ОВД РФ истинное законное решение по дисциплинарному нарушению.

Законом предусмотрено также, что меры поощрения и дисциплинарные взыскания учитываются раздельно.

Исполнение наложенного на сотрудника органов внутренних дел дисциплинарного взыскания в виде перевода на нижестоящую должность в органах внутренних дел осуществляется в порядке, установленном статьей 30 настоящего Федерального закона. Исполнение наложенного на сотрудника органов внутренних дел дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в органах внутренних дел осуществляется в соответствии с главой 12 настоящего Федерального закона.

В процессе исследования дисциплинарного производства было обнаружено, что основные дисциплинарные взыскания затрагивают только более расширенный контур ответственности и нет точности, конкретики в положениях примерного списка деяний, которые будут точно представляться дисциплинарными нарушениями. В вопросах различных дисциплинарных проступков нет точных границ определения, к какому именно взысканию нужно отнести это нарушение, и по какой мере наказанности необходимо возложить на нарушителя дисциплину сотрудника ОВД РФ.

В процессе работы и самой проверки возбужденного дела сложно определить меру ответственности нарушающего сотрудника в силу действия двойственности трактовки положений и отсутствию четких границ меры ответственности по каждому правонарушению.

Существует еще особая трудность, которая заключается в применении мер дисциплинарного воздействия руководителя нарушившего дисциплину сотрудника ОВД РФ. Во-первых, в отношении каждого отдельного случая появляется сложность решения вопросов о дисциплинарном взыскании, так как наряду обычно у руководителей есть огромная многозадачность и недостаток временного ресурса для определения и выяснения четкой информации по дисциплинарному проступку сотрудника органа внутренних дел Российской

Федерации. Во-вторых, у руководителей существует определенная «власть», которая выступает в высокой мере дисциплинарной ответственности, где в различных случаях по одному лишь его усмотрению, можно решить и определить совершен ли проступок сотрудником или нет, где также не стоит забывать об услужении понятия справедливости и обоснованности нарушения. Из этого следует что проблема выявляется в дополнении внедрения цифровизации в действующем Законе. Благодаря дополнению цифровизации можно выстроить определенную программу, которая поможет выстроить похожие дела и их заключения по правонарушениям. Тем самым, данные ситуации будут помогать руководителям увидеть на какие аспекты в каждом похожем деле и по практике (как например, рассматривают судебную практику) выбирать вектор направленности в раскрытии проблемы и принятия пути ее решения. Будь то это поощрение или взыскание.

Поднимая вопрос определения норм взысканий и нарушений, по нашему мнению, необходимо разграничить и установить четкие границы в дисциплинарной ответственности, определить меру ответственности по каждому правонарушению (как материальному, физическому и психологическому воздействию).

По опыту административного права при анализе состава правонарушения и, в частности, объективной стороны деяния, под неоднократностью административного проступка признает совершение более двух однородных правонарушений, предусмотренных конкретной статьей Кодекса об административных правонарушениях. Тем самым, из этого следует, что систематическим признается правонарушение то, которое совершаемое в течение года несколько раз (более трех нарушений), причем в какой-либо одной сфере, одними и теми же субъектами [Попов, 2019].

Наряду с вышесказанным было выяснено что слова «систематический» и «неоднократный» имеют схожее значение и понятие в роли трактования законодательных аспектов. Так, собой подразумевает слово «неоднократный», это действие или проступок происходивший, производимый несколько раз; систематический – это действие/проступок которое постоянно повторяется, не прекращается.

Из вышесказанного сформировывается следующая проблема в несовершенстве дисциплинарного производства, а именно точно не рассмотрено систематическое количественное правонарушение. Так, вследствие неоднократного нарушения дисциплинарного положения, нет четких предписаний в отношении их количественного повторения и в последующем мере ответственности в отношении этих же правонарушений.

Согласно «Положению о службе» все дисциплинарные взыскания, за исключением тех, что были объявлены устно, подлежат учету.

Данный учет взысканий, решений судов чести ведется сотрудниками кадрового подразделения в служебных карточках сотрудника.

Те дисциплинарные взыскания, которые были объявлены в приказе, заносятся в послужные списки личных дел сотрудников.

В предложении со стороны авторов по пути решения данной сформированной проблемы, также создать определенную программу, о которой было ранее сказано, где будут также фиксироваться все дисциплинарные взыскания и поощрения, тем самым это будет ускорять процесс определения количества нарушений у сотрудников, а также поможет определить насколько эти нарушения схожи с иными существующими, и сформирует помощь в определении дисциплинарного взыскания и/или поощрения в отношении сотрудников ОВД РФ.

Заключение

В процессе исследования дисциплинарного производства был выявлен определенный рост и динамика исследований в области права и законов по дисциплине в органах внутренних дел. Заметен факт разработки и постоянных внедрений на правовом уровне. В рамках нашей статьи были предложены несколько порядков внедрений в дисциплинарное производство. В качестве таких, выступают разграничение и определение объекта дисциплинарного производства. В нашем предложении определено 7 основных групп:

- прогул/опоздание;
- повреждение имущество работодателя;
- нарушение указаний, приказов;
- разглашение информации;
- нахождение на службе в состоянии алкогольного, наркотического либо иного токсического опьянения;
- посягательства, создающие угрозу жизни, здоровью, нравственности работников;
- нарушение техники безопасности и охраны труда.

Определение причины следствия нарушения, проверка и обоснование этих нарушений.

Обосновано предложение в закреплении в законодательстве РФ пределов дисциплинарной ответственности по каждому правонарушению.

Обнаружена необходимость в дополнении списка нарушений и дополнения меры ответственности в разрезе систематического правонарушения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Предложено новое направление по ведению дел дисциплинарной ответственности.

Все предложения, приведенные авторами, дают вектор направленности для развития данного правового исследования, а также помогают определить несовершенство правовых положений.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ).
2. Об утверждении инструкции о порядке применения положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 6 июня 2005 года № 76 (с изм. на 58 59 29 июля 2008 г.).
3. Попов Л.Л. (ред.) Административное право. М., 2019. 456 с.
4. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (последняя редакция).
5. Sonde T. Professional Disciplinary Proceedings //The Business Lawyer. – 1975. – С. 157-162.
6. Gajda-Roszczyńska K., Markiewicz K. Disciplinary proceedings as an instrument for breaking the rule of law in Poland //Hague Journal on the Rule of Law. – 2020. – Т. 12. – №. 3. – С. 451-483.
7. Hafen B. C. Disciplinary procedures //Encyclopedia of Mormonism. – 1992. – Т. 1. – С. 386.
8. Ismailov D. A., Repeteva O. E. Role and importance of disciplinary responsibility in the criminal procedural activities of employees of internal affairs bodies //Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9. – №. 2. – С. 18-25.
9. Veselova L. Y. Legality and Discipline of Administrative and Jurisdictional Bodies of Internal Affairs as a Guarantee for Road Safety //JE Eur. L. – 2015. – С. 64.
10. Kozitsyn A. L. Forms of education of staff of department of internal affairs on discipline «Physical Training» //Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences. – 2017. – Т. 14. – №. 3. – С. 35-40.

Disciplinary proceedings of internal affairs bodies in the Russian Federation

Yuliya A. Sokolova

PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Financial and Administrative Law,
Rostov State Economic University,
344002, 69, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: U_SOCOL@mail.ru

Alina V. Artyukhova

Student,
Rostov State Economic University,
344002, 69, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: miss.artyxhova2000@mail.ru

Abstract

Since ancient times, each formation of any community has formed a certain order and way of life. Today, in order to be an economically competitive and growing country, it is necessary to support and motivate the state with norms and laws that entail law and order and regulation of the economic environment both within the Country and outside. In order to establish compliance in government agencies, it is also necessary to implement a certain amount of discipline. This article is devoted to disciplinary proceedings of internal affairs bodies in the Russian Federation. The purpose of this article is to study the essence, rules and norms in the disciplinary proceedings of the internal affairs bodies of the Russian Federation, as well as to identify the features of this disciplinary proceeding. The proposal to establish in the legislation of the Russian Federation the limits of disciplinary liability for each offense is substantiated. A need was discovered to supplement the list of violations and to supplement the measure of responsibility in the context of systematic offenses by an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation. A new direction for managing disciplinary cases has been proposed. All the proposals given by the authors provide a vector of direction for the development of this legal research, and also help to determine the imperfections of legal provisions.

For citation

Sokolova Yu.A., Artyukhova A.V. (2023) Distsiplinarnoe proizvodstvo organov vnutrennikh del v Rossiiskoi Federatsii [Disciplinary proceedings of internal affairs bodies in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 197-205. DOI: 10.34670/AR.2023.39.80.024

Keywords

Discipline, offense, encouragement, law, disciplinary proceedings, norms, law, official discipline, law and order, the essence of ATS discipline.

References

1. Federal'nyi zakon «O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v ot-del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» ot 30.11.2011 № 342-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law “On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” dated November 30, 2011 No. 342-FZ (latest edition)].
2. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (Prinyata vsenarodnym golosoaniem 12 dekabrya 1993 g. s uchedom popravok, vnesennykh Zakonami Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2008 goda № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 goda № 7-FKZ, ot 5 fevralya 2014 goda № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 goda № 11-FKZ, ot 14 marta 2020 goda № 1-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 goda № 5-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 goda № 6-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 goda № 7-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 goda № 8-FKZ) [Constitution of the Russian Federation (Adopted by popular vote on December 12, 1993, taking into account amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated 5 February 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated 4 October 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ)].
3. Ob utverzhdenii instruksii o poryadke primeneniya polozheniya o sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii v uchrezhdeniyakh i organakh ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: Prikaz Minyusta Rossii ot 6 iyunya 2005 goda № 76 (s izm. na 58 59 29 iyulya 2008 g.) [On approval of the instructions on the procedure for applying the regulations on service in the internal affairs bodies of the Russian Federation in institutions and bodies of the penal system: Order of the Ministry of Justice of Russia dated June 6, 2005 No. 76 (as amended to 58 59 July 29, 2008)].
4. Popov L.L. (ed.) (2019) *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Moscow.
5. Sonde, T. (1975). Professional Disciplinary Proceedings. *The Business Lawyer*, 157-162.
6. Gajda-Roszczyńska, K., & Markiewicz, K. (2020). Disciplinary proceedings as an instrument for breaking the rule of law in Poland. *Hague Journal on the Rule of Law*, 12(3), 451-483.
7. Hafen, B. C. (1992). Disciplinary procedures. *Encyclopedia of Mormonism*, 1, 386.
8. Ismailov, D. A., & Repeteva, O. E. (2023). Role and importance of disciplinary responsibility in the criminal procedural activities of employees of internal affairs bodies. *Юридический вестник Самарского университета*, 9(2), 18-25.
9. Veselova, L. Y. (2015). Legality and Discipline of Administrative and Jurisdictional Bodies of Internal Affairs as a Guarantee for Road Safety. *JE Eur. L.*, 64.
10. Kozitsyn, A. L. (2017). Forms of education of staff of department of internal affairs on discipline «Physical Training». *Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 14(3), 35-40.

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2023.60.96.025****К вопросу о становлении и развитии института культурных прав
в России: проблемы их реализации****Алехин Тимофей Олегович**

Аспирант,
Институт экономики, управления и права
Московского городского педагогического университета,
119017, Российская Федерация, Москва, ул. Новокузнецкая, 16;
e-mail: Alekhin.Tim@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается история становления культурных прав в России. Отслеживается трансформация представлений о правах человека (культурных правах); определяются критерии конституционных прав в области культуры, анализируется характер взаимоотношений в их понимании и применении. Рассматриваются проблемы реализации культурных прав в России. Автор приходит к выводу, что в настоящее время в сфере культуры существует большое количество нерешенных проблемных вопросов, требующих должного внимания со стороны государственного аппарата и соответствующей регламентации в законодательной базе.

Для цитирования в научных исследованиях

Алехин Т.О. К вопросу о становлении и развитии института культурных прав в России: проблемы их реализации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 206-213. DOI: 10.34670/AR.2023.60.96.025

Ключевые слова

Культурные права человека, принципы демократии, культурные ценности, культурная правосубъектность, цензура, духовная культура.

Введение

Впервые на международном уровне институт культурных прав личности был определен и зафиксирован гораздо позже, чем закрепленные в рамках мирового сообщества инструменты, регулирующие политические и экономические права человека. основополагающим документом, закрепляющим культурные права, явилась Всеобщая декларация прав человека, принятая в декабре 1948 года. Затем состоялось принятие целого ряда документов в международно-правовом сообществе, что способствовало расширению и укреплению прав человека, в том числе в культурной сфере. Наряду с Всеобщей декларацией и Международным пактом о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах стал одной из трех основных частей главного документа правозащитного движения – Международного билля о правах человека.

Более позднее во временных рамках обращение мирового сообщества к проблеме обеспечения конституционных прав человека в области культуры в сравнении с созданием правовых механизмов по защите политических и экономических прав личности объясняется отсутствием аналитического исследования этой проблемы в работах ученых-правоведов.

Основная часть

По окончании Второй мировой войны вопросу правосубъектности было уделено особо серьезное внимание на международном уровне, так как новый миропорядок требовал коренных изменений во всех сферах общественной жизни, в том числе культурной. Деятельность международных организаций, созданных для решения специализированных задач в рамках ООН, требовала закрепления основных прав и свобод человека в различных сферах, что нашло отражение во многих принятых в данное время международных договорах, конвенциях, декларациях. Советский Союз был одним из самых активных участников, выступающих за правообеспечение граждан любого государства мира. Наиболее значимым событием в истории конституционного обеспечения граждан России стало принятие Конституции РФ 1993 года, в которой людям обеспечивались гарантии на получение образования, культурное развитие, доступ к любым объектам культурного достояния нашего государства, свободу для каждого человека, занимающегося творческим трудом [Конституция Российской Федерации, 2020].

Иными словами, на протяжении последнего десятилетия прошлого века вследствие кардинальных демократических изменений, произошедших в правовой государственной системе, были приняты нормативно-правовые акты, касающиеся защиты прав российских граждан в духовной, культурной, творческой сфере, утверждены алгоритмы их внедрения и реализации, закреплен механизм юридической ответственности за нарушение законов [Матузов, 2013, 257]. Это явилось базовой основой по формированию и реализации конституционных прав в сфере культуры, свободы творчества для каждого гражданина Российской Федерации. Для того, чтобы определить, насколько демократичной является конституция того или иного государства, в какой степени она выступает гарантом прав и свобод своих граждан, следует проанализировать те области общественных отношений, в которых эти права реализуются. В частности, «культурная правосубъектность, – как отмечает А. Морозова, – является отдельным направлением в области конституционного права, регулирующим общественные отношения в культурной среде. Правовая защищенность подразумевает обеспечение свободного доступа любого гражданина государства к его культурным ценностям,

как к физическим, так и духовным» [Морозова, 2005].

Полагаем, что правомочия в области культуры не существуют обособленно, они находятся в тесном взаимодействии с другими группами прав в области экономики, политики, образования и т.д. Большая часть ученых определяет культурные права как возможность человека осуществлять нужные ему действия в области культуры. Культурные права классифицируются на меньшее количество групп по сравнению с остальными видами прав. В отечественной законодательной базе ключевые права закреплены в Основном законе – Конституции Российской Федерации. Конституционно регламентировано право на свободную творческую деятельность; право участвовать в культурной жизни, пользоваться определенными культурными учреждениями; право доступа к культурному достоянию. Кроме этого, в рассматриваемой сфере закреплен и ряд обязанностей: обеспечивать сохранность памятников, иных произведений культуры; заботиться об историческом наследии [Конституция Российской Федерации, 2020]. Указанные правомочия детальнее регламентируются законодательными актами, где установлено право на творческую деятельность, индивидуальную самобытность, художественное образование, владение определенными видами имущества в области культуры, создание социальных организаций, учреждений культуры, осуществление действий в сфере культуры за рубежом и пр.

В 90-е годы по инициативе представителей научных кругов во главе с Д.С. Лихачевым состоялась разработка проекта Декларации культурных прав, который впоследствии был представлен Юнеско, однако не был одобрен к принятию. В документе область культуры отображалась во всей своей многогранности и целостности. Учитывая, что указанная декларация готовилась в качестве международного нормативного акта и регулировала своим содержанием широкий круг актуальных вопросов, ее отклонение можно уверенно считать ошибкой. Итогом этой ошибки стало отсутствие международных нормативов регламентации культурных прав [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1976].

Возвращаясь к дифференциации культурных прав, следует отметить, что множество споров вызывает факт отнесения к данной категории конституционного права на образование, регламентированного ст. 43 Основного закона РФ. Большая часть правоведов считают это право частью скорее социальных норм, нежели культурных. Тем не менее, ряд ученых настаивают на обратном. Это обстоятельство указывает на относительность и субъективность классификации прав с учетом областей социальной жизни.

Право на получение образования представляет собой социальное благо, а значит будет логичным включить его в группу именно социальных прав. Одновременно с этим, если рассматривать культуру как человеческое наследие в области науки, творчества и искусства, а образование – как процесс изучения этого наследия, вопрос классификации становится менее однозначным. Так, образовательная деятельность выступает одним из путей осуществления конституционного права на доступ к произведениям культуры, а значит может рассматриваться как культурное право [Бырдин, 2011, 103].

Ряд правоведов указывают на принадлежность к культурным правомочиям и права авторов, хотя большинство ученых настаивают на его принадлежности к имущественной группе прав. При этом логика в отнесении его к правам в сфере культуры все же прослеживается, так как реализация прав авторов происходит в области культуры. Кроме этого, предметом авторского права выступают культурные произведения. Последний пример еще раз подтверждает относительность разграничения закрепленных в Конституции прав, их взаимообусловленность и неделимость. Тем не менее, рассмотренный вопрос лежит скорее в плоскости теории и не

особо актуален на практике. С позиции практического применения большей значимостью характеризуются аспекты реализации и защиты установленных государством прав, что будет детально рассмотрено далее.

В правовой теории принято полагать, что норма права не обладает самоценностью, а значит, без реализации в правоотношениях бессмысленна. Иначе говоря, когда «нет претворения права в жизнь, происходит его омертвление». Реализация культурно-духовных прав на сегодняшний день осуществляется широким кругом лиц, что особенно важно в рамках нашего государства, где в течение длительного времени рассматриваемые права подвергались ограничениям (например, вводился запрет на опубликование различных литературных произведений, ограничивался допуск в прокат множества кинокартин ввиду строгости политической цензуры).

Начатое в 90-е годы реформирование конституционного законодательства культурной сферы в России привело к коренным изменениям в способах, методиках и целях управления этой областью социальной жизни. Произошло упразднение диктата партии, народу стало доступно множество новых произведений культуры. Процесс преподавания наук, в особенности гуманитарных, перестал осуществляться через призму общепринятой в стране идеологии [Алексеев, 2009, 32]. Другими словами, стало возможным свободное соприкосновение с самыми разными культурными объектами, минуя идеологические границы. Например, литераторам предоставлялась возможность вступления в Союз Писателей, участие в котором позволяло полностью погружаться в творческую деятельность, не задумываясь о финансовом обеспечении, поскольку каждому члену Союза назначалась зарплата. Также был предусмотрен комплекс других поощрительных мер, в частности выплата премий тем участникам, которые проявили особую творческую активность. Кроме этого, одним из благоприятных аспектов являлось субсидирование научных исследований, особенно в рамках технических отраслей.

Финансовое положение ученых поддерживалось на высоком уровне и отличалось стабильностью. Этот фактор являлся значимой мотивацией к занятиям творчеством, искусством и наукой. В процессе реформирования экономики и политики в 90-е годы прошлого века изменениям подверглась большая часть областей социальной жизни. Главным регулятором данного процесса выступил рынок, а не государственный аппарат, как это было прежде. Элементы рыночного взаимодействия отразились и на культуре. В частности, финансирование творческой и научной деятельности резко сократилось, в результате чего огромное количество писателей утратило возможность публиковать свои произведения. Помимо этого, большинство научных открытий оставалось без внимания, в результате чего началась массовая эмиграция ученых за рубеж. Материальное положение рядовых представителей культурной сферы отличалось очень низким уровнем, поэтому люди творческих профессий предпочитали менять деятельность и уходить в более прибыльные отрасли [Матузов, 2013, 257]

Одновременно с этим широко распространенными в 90-е годы стали низкопробные с точки зрения художественной ценности объекты культуры, которые отличались большей ликвидностью в контексте получения дохода. Следует подчеркнуть, что в начале XXI века ситуация частично улучшилась. Так, на государственном уровне вводились программы, направленные на развитие науки, организовывались премии в области кинематографа и литературы, стали проводиться музыкальные фестивали [Алексеев, 2009, 32]. Тем не менее, дефицит финансирования значимых для страны отраслей культуры все же имел место, поэтому полноценная реализация права на творческую деятельность оставалась невозможной. Особую актуальность с учетом вышеизложенного приобретает разработка и внедрение всесторонней грамотной государственной политики в области культуры.

Еще один проблемный аспект также обусловлен экономико-социальными причинами. Он

заключается в отсутствии возможности получить доступ к культурным ценностям, что нарушает одно из культурных прав. Невзирая на тот факт, что законодатель закрепил низкую стоимость такого доступа в нормативных актах, реальной возможностью посетить с культурными целями другие страны либо культурные центры в нашем государстве обладают лишь немногие. Такая тенденция предопределена низким уровнем жизни населения и недостаточностью финансовых средств. Ввиду указанного можно отметить, что уровень достатка и материальное равенство являются одним из условий полноценной реализации культурных прав. При этом, как отмечает кандидат юридических наук Е.Н. Бырдин, «под юридическим равноправием граждан следует понимать предоставленную в равной мере правоспособность (наличие одинаковых возможностей реализации определенных прав на конкретные блага). Тем не менее, данную категорию неверно рассматривать, как разделение благ между всеми гражданами в равных долях» [Бырдин, 2011]. Таким образом, между равенством в фактическом смысле и в юридическом понимании есть существенная разница.

На сегодняшний день в результате широкой распространенности глобальной сети большинство проблемных вопросов, касающихся доступа к культурным ценностям, успешно разрешилось. Сейчас любой гражданин России может без дополнительных усилий получить нужную ему информацию, виртуально посетить известную выставку или музей, приобрести входной билет через Интернет на льготных условиях. Внедрение подобных программ и сервисов приобретает все большую актуальность и уравнивает граждан в реализации права на доступ к произведениям культуры. При этом с использованием глобальной сети связаны и негативные аспекты. Так, к примеру, противоправное распространение данных нарушает конституционные права авторов и вступает в противоречие с конституционной нормой, приведенной в части 3 статьи 17 Основного закона России, где закреплено, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [Конституция Российской Федерации, 2020].

Руководствуясь изложенным выше, среди ключевых проблемных вопросов в части реализации конституционных прав в области культуры можно выделить сложности осуществления таких прав в рамках рыночных экономических отношений, а также затруднительность доступа к культурным произведениям. Учитывая данные проблемы, особую актуальность приобретают разработка и внедрение государственных программ по содействию развития отрасли культуры. Согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ, права человека могут ограничиваться государством «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Полагаем, что, невзирая на неоспоримую потребность ограничивать культурные права с учетом сложившихся в социуме условий, введение таких ограничений не всегда обоснованно. Следовательно, особую актуальность приобретает применение Российской Федерацией позитивного опыта других государств в части разработки законодательной базы, регламентирующей доступ населения к произведениям культуры через СМИ, в особенности посредством телевидения, и вводящей запрет либо ограничение на показ материалов, противоречащих нормам морали и этики. Проблемным вопросом осуществления культурных прав выступает и затрудненность приобщения проживающих в других странах россиян к отечественной культуре. В настоящее время за пределами России живет примерно 25 миллионов россиян, преимущественное большинство которых пребывает на территории балтийских государств и СНГ. Проблематика приобщения проживающих за границей

соотечественников к российским культурным ценностям тесно взаимосвязана с проблематикой создания целостного культурного пространства.

«Основы законодательства РФ о культуре» фиксируют обязательство государственного аппарата всячески поддерживать национально-культурные объединения, сообщества, образовательные и иные союзы соотечественников за границами нашей страны [Закон РФ от 9 октября 1992 г № 3612-1, 1992]. Отдельно следует отметить обязанность поддерживать любой вид творчества на русском языке. Фундаментом оказания такой поддержки будет выступать федеральная программа поддержки русского языка. Наш язык относится к числу самых популярных языков международного сообщества, наравне с такими распространенными языками, как английский и китайский. Помимо указанного, русский язык входит в шестерку официальных языков ООН и иных международных объединений. То есть он имеет особое значение в содействии объединению, формированию целостности и обеспечении развития культуры различных этнических групп нашей страны.

Следует отметить, что в настоящее время во многих государствах, территориально близких к Российской Федерации, русский язык подвергается вытеснению из ключевых областей социальной и политической жизни. Учитывая эту тенденцию, главной задачей российского руководства в отношении государств СНГ следует поставить внедрение русского языка в качестве дополнительного государственного. С этой целью требуется организовать для проживающих за границей россиян обязательное среднее и высшее образование на русском языке. Помимо указанного, необходимо поддерживать соотечественников в деле сохранения самобытности родной культуры и языковой идентичности.

Среди особо актуальных проблем реализации конституционных прав человека в культурной сфере можно выделить сбережение культурных традиций российского народа. Закон РФ от 25.06.2002 года № 73 «Об объектах культурного наследия народов РФ» ориентирован на обеспечение закрепленного Конституцией права человека на доступность культурного наследия. Государство выступает гарантом сохранения ценностей культуры, содействует реализации правомочия на доступ к культурным объектам, способствует получению сведений о таких объектах. Преамбула рассматриваемого нормативного акта также регламентирует обязанность проявлять заботу о сбережении культурных, исторических памятников и иных видов культурного наследия [Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ, 2002].

Заключение

Потребность в сбережении и развитии отечественного культурного достояния предопределена массовым разрушением объектов культурного наследия, характерным для современной действительности. В частности, разрушительное влияние времени и внешней среды нередко отражается на исторических памятниках, важных с точки зрения культурной ценности экспонатах музеев. Ввиду указанного охрана культурного наследия представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современности. На встрече Совета по культуре Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что за последнее десятилетие произошло невосстановимое разрушение более 2500 архитектурных памятников. Причиной такой статистики, помимо прочего, выступает наличие недоработок в законодательстве [Бородина, 2013, 103]. Следовательно, в настоящее время в сфере культуры существует большое количество нерешенных проблемных вопросов, требующих должного внимания со стороны государственного аппарата и соответствующей регламентации в законодательной базе.

Библиография

1. Алексеев С.С. Крушение права. Poleмические заметки. Екатеринбург: Институт частного права, 2009. 32 с.
2. Бородина М.И. Состояние правовой культуры в российском обществе // Мир политики. Волгоград, 2013. С. 103-107.
3. Бырдин Е.Н. Реализация принципа правового равенства граждан в Российской Федерации. Тюмень, 2011. 107 с.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020.
6. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2013. 512 с.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
8. Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
9. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2619.
10. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (с изм. и доп.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
11. Петров А.В. Концепция прав человека в российской культурной традиции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 1(7). С. 56-59.
12. Раевская В.А., Оловянникова А.С., Клевцов М.И. Феномен авторского права советского периода // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11(174). С. 68-70.

On the issue of the formation and development of the institution of cultural rights in Russia: problems of their implementation

Timofei O. Alekhin

Postgraduate Student,
Institute of Economics, Management and Law
of the Moscow City Pedagogical University,
119017, 16 Novokuznetskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Alekhin.Tim@yandex.ru

Abstract

The article deals with the history of the formation of cultural rights in Russia. The transformation of ideas about human rights (cultural rights) is considered; the criteria for constitutional rights in the field of culture are determined, the nature of the relationship in their understanding and application is analyzed. The problems of implementing cultural rights in Russia are considered. The author comes to the conclusion that currently in the cultural sphere there are a large number of unresolved problematic issues that require due attention from the state apparatus and appropriate regulation in the legislative framework.

For citation

Alekhin T.O. (2023) K voprosu o stanovlenii i razvitiu instituta kul'turnykh prav v Rossii: problemy ikh realizatsii [On the issue of the formation and development of the institution of cultural rights in Russia: problems of their implementation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 206-213. DOI: 10.34670/AR.2023.60.96.025

Keywords

Cultural human rights, principles of democracy, cultural values, cultural legal personality, censorship, spiritual culture.

References

1. Alekseev S.S. (2009) *Krushenie prava. Polemicheskie zametki* [The collapse of law. Polemical notes]. Ekaterinburg: Institute of Private Law.
2. Borodina M.I. (2013) Sostoyanie pravovoy kul'tury v rossiyskom obshchestve [The state of legal culture in Russian society]. *Mir politiki* [World of Politics]. Volgograd, pp. 103-107.
3. Byrdin E.N. (2011) *Realizatsiya printsipa pravovogo ravenstva grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Implementation of the principle of legal equality of citizens in the Russian Federation]. Tyumen'.
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)] (2020). *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper].
5. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 04.11.1950 (s izm. i dop. ot 21 sentyabrya 1970 g., 20 dekabrya 1971 g., 1 yanvarya 1990 g., 6 noyabrya 1990 g., 11 maya 1994 g.) [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 (as amended and supplemented by September 21, 1970, December 20, 1971, January 1, 1990, November 6, 1990, May 11, 1994)] (2001). *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of international treaties], 3.
6. Matuzov N.I. (2013) *Aktual'nye problemy teorii prava* [Current problems of legal theory]. Saratov.
7. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (prinyat Rezolyutsiey 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON 16.12.1966) [International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly on December 16, 1966)]. (1976) *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. St. 291* [Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. Art. 291], 17.
8. Morozova A.N. (2005) *Konstitutsionno-pravovye garantii uchastiya grazhdan v kul'turnoy zhizni rossiyskogo obshchestva. Dokt. Diss. Abstract* [Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
9. Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 25 iyunya 2002 g. № 73-FZ (s izm. i dop.) [On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ (as amended and supplemented)] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. St. 2619* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 2619], 26.
10. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture: zakon RF ot 9 oktyabrya 1992 g № 3612-1 (s izm. i dop.) [Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture: Law of the Russian Federation of October 9, 1992 No. 3612-1 (with amendments and additions)] (1992). *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF. St. 2615* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. Art. 2615], 46.
11. Petrov A.V. (2008) Kontseptsiya prav cheloveka v rossiyskoy kul'turnoy traditsii [Concept of human rights in the Russian cultural tradition]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Episode 7: Philosophy. Sociology and social technologies], 1(7), pp. 56-59.
12. Raevskaya V.A., Olovyannikova A.S., Klevtsov M.I. (2022) Fenomen avtorskogo prava sovet'skogo perioda [The phenomenon of copyright in the Soviet period]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 11(174), pp. 68-70.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.83.33.026

**Актуальные проблемы административно-правового
регулирувания автоматизации таможенных операций, связанных
с помещением товаров под таможенную процедуру таможенного
транзита**

Шкиперов Антон Александрович

Помощник президента
Ассоциации судовладельцев рыбопромыслового флота;
советник генерального директора
Ассоциации Деловых партнеров
в сфере внешнеэкономической деятельности,
127018, Российская Федерация, Москва, ул. Суцневский Вал, 16с6;
e-mail: shkiperov@fsarf.ru

Каллаур Руслан Ростиславович

Директор,
Терминально-логистический центр «Белый Раст»,
141870, Российская Федерация, Московская область,
с. Белый Раст, 112с1-Б;
e-mail: tlc@brterminal.ru

Клейменова Анастасия Николаевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры таможенного права,
Российская таможенная академия,
140009, Российская Федерация, Люберцы, Комсомольский пр., 4;
e-mail: a.shashkina@customs-academy.ru

Аннотация

Таможенный транзит является одной из основных таможенных процедур и с учетом значительного транзитного потенциала Российской Федерации данный вопрос представляется особенно актуальным в части совершения таможенных операций, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, ее непосредственного применения, а также завершения. По результатам проделанного исследования предлагается путем принятия соответствующих актов ЕАЭС в сфере таможенного регулирования: а) приравнять статус предварительной информации к полноценному, юридически значимому документу, в том числе транзитной декларации, и исключить, таким образом, необходимость повторного проведения государственного контроля в отношении сведений, заявленных в транзитной декларации, с целью проверки и обеспечения соблюдения таможенного законодательства и в случае его нарушения – привлечения виновного лица к ответственности; б) обеспечить возможность по запросу

лица, имеющего право выступать декларантом таможенной процедуры таможенного транзита, автоматического формирования транзитной декларации программными средствами таможенных органов на основании данных, содержащихся в предварительной информации. Также стоит отметить, что институт предварительного информирования является одним из основных перспективных инструментов реализации концепции «интеллектуального» пункта пропуска в рамках Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, а его совершенствование, таким образом, составляет важное направление в области развития таможенного администрирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкиперов А.А., Каллаур Р.Р., Клейменова А.Н. Актуальные проблемы административно-правового регулирования автоматизации таможенных операций, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 214-226. DOI: 10.34670/AR.2023.83.33.026

Ключевые слова

Внешнеэкономическая деятельность, регулирование, государство, ЕАЭС, таможенный транзит.

Введение

Для целей эффективного регулирования внешнеэкономической деятельности государству необходима полная, актуальная и достоверная информация о перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС товарах. Указанную информацию государству обязаны предоставлять заинтересованные лица – участники внешнеэкономической деятельности (далее – участники ВЭД). От такой информации напрямую зависят применяемые в их отношении меры государственного регулирования (таможенно-тарифные, нетарифные и иные меры административного и экономического характера).

Обеспечение полноты, актуальности и достоверности информации для таможенных целей является обязанностью участников ВЭД, а контроль за обеспечением соблюдения этой обязанности – задачей государства в лице таможенных органов. В настоящее время информация для целей государственного контроля подается участниками ВЭД на разных этапах перемещения товаров. Содержание и получатель информации (федеральный орган исполнительной власти) определяется в зависимости от: перемещаемого товара, вида транспорта; декларанта; порядка использования товара и т.д. Гармонизация и унификация вопроса предоставления информации о перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС товарах позволит как упростить и удешевить процесс трансграничного перемещения товаров, взаимодействия участников ВЭД и таможенных органов, так и повысить эффективность государственного контроля, в том числе посредством более широкого распространения применения автоматизированных информационных систем.

Основная часть

Таможенный транзит является одной из основных таможенных процедур и с учетом значительного транзитного потенциала Российской Федерации (далее – РФ) данный вопрос

представляется особенно актуальным в части совершения таможенных операций, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, ее непосредственного применения, а также завершения.

В соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита «товары перевозятся (транспортируются) от таможенного органа отправления до таможенного органа назначения без уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при соблюдении условий помещения товаров под эту таможенную процедуру» (пункт 1 статьи 142 ТК ЕАЭС).

Использование таможенной процедуры таможенный транзит (то есть помещение под нее, ее применение и завершение) можно представить следующими таможенными и иными операциями (Таблица 1).

Таблица 1 - Таможенные операции, связанные с помещением товаров под таможенный транзит, его действием и завершением

Участник ВЭД	Таможенный орган
I. Помещение товаров под таможенную процедуру таможенного транзита (путем ее заявления при таможенном декларировании товаров)	
1.1. <i>Подача таможенному органу транзитной декларации</i> (иных документов, выступающих в таком качестве) и иных документов	1.2. Фиксация даты и времени подачи транзитной декларации в журнале; 1.3. Регистрация транзитной декларации; 1.4. Выпуск товаров в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, установление срока таможенного транзита и места доставки товаров, а также маршрута перевозки (транспортировки) товаров (при необходимости); 1.5. Направление выпущенной транзитной декларации перевозчику
II Действия, совершаемые в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита	
Обеспечение доставки товаров в место доставки товаров	
Обеспечение сохранности товаров, средств идентификации	
Изменение места, срока и (или) маршрута доставки при наличии разрешения таможенного органа	Выдача разрешения на изменение места, срока и (или) маршрута доставки
Разгрузка, перегрузка (перевалка) и совершение иных грузовых операций с товарами, замена транспортных средств, перевозящих такие товары с разрешения или уведомления таможенного органа	Выдача разрешения на разгрузку, перегрузку (перевалку) и совершение иных грузовых операций с товарами, замену транспортных средств, перевозящих такие товары
Принятие всех мер для обеспечения сохранности товаров и транспортных средств при аварии, действии непреодолимой силы или иных обстоятельствах, препятствующих соблюдению перевозчиком обязанностей, незамедлительное сообщение в ближайший таможенный орган об этих обстоятельствах и месте нахождения товаров, а также перевозка товаров или обеспечение их перевозки (транспортировки) (если его транспортное средство повреждено) в ближайший таможенный орган либо иное место, указанное таможенным органом	Извещение таможенного органа отправления и таможенного органа назначения о возникших обстоятельствах, препятствующих перевозке (транспортировке) товаров
Размещение товаров в зоне таможенного контроля	

Участник ВЭД	Таможенный орган
III. Завершение таможенной процедуры таможенного транзита	
3.1. Представление перевозчиком таможенному органу назначения транзитной декларации, а также имеющиеся у него других документов	3.2. Регистрация подачи представленных документов
3.4. Представление товаров (по требованию таможенного органа)	3.3. Принятие решения о проведении таможенного досмотра (при необходимости)
	3.5. Завершение действия таможенной процедуры таможенного транзита

Таким образом, содержанием правоотношений, возникающих в рамках применения таможенной процедуры таможенного транзита, являются права и обязанности субъектов таких правоотношений – участников ВЭД и таможенных органов. При этом при каждом случае предоставления информации таможенному органу существует риск предоставления недостоверных и (или) неполных сведений, в связи с чем возникает необходимость в проведении таможенными органами действий, направленных на проверку соблюдения таможенного законодательства ЕАЭС и законодательства РФ о таможенном регулировании.

Между тем еще до фактического прибытия товаров и их помещения под таможенную процедуру таможенного транзита таможенные органы имеют сведения о прибывающих товарах благодаря функционированию механизма предварительного информирования (в соответствии со статьей 11 ТК ЕАЭС).

Состав сведений, входящих в предварительную информацию (на примере товаров, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию ЕАЭС автомобильным транспортом) зависит от выбора одной из двух или обеих целей ее предоставления:

1. Для оценки таможенными органами рисков и принятия предварительных решений о выборе объектов, форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля (далее – для таможенного контроля) (в обязательном порядке).

2. Для ускорения совершения таможенными органами таможенных операций и оптимизации проведения таможенного контроля (по желанию лиц).

В рамках второй цели состав сведений, включаемых в предварительную информацию, также варьируется в зависимости от вида государственного контроля (надзора) (транспортного, ветеринарного, санитарно-эпидемиологического, карантинного-фитосанитарного) или таможенных операций (связанных с уведомлением о прибытии, декларированием транспортного средства международной перевозки, помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, помещением товаров на временное хранение).

При этом в рамках предоставления предварительной информации в целях упрощения совершения таможенных операций, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, предоставлению подлежат сведения, указанные в статье 107 ТК ЕАЭС, то есть все те сведения, которые указываются в транзитной декларации. Таким образом, до помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита таможенный орган уже обладает всеми необходимыми для декларирования сведениями (Таблица 2).

Таким образом, сведения, включаемые в предварительную информацию, предоставляемую в обязательном порядке в целях оценки рисков, включают сведения, подлежащие указанию в транзитной декларации.

Данный факт подтверждается также сравнением реквизитов формы транзитной декларации

(утвержденной Решением Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 289) и структуры предварительной информации, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию ЕАЭС автомобильным транспортом (утвержденной Решением Коллегии ЕЭК от 28.11.2018 № 194).

Таблица 2 - Сравнительный анализ сведений, содержащихся в транзитной декларации и предварительной информации

Вид сведений	Сведения, подлежащие указанию в транзитной декларации	Сведения, включаемые в предварительную информацию, предоставляемую в обязательном порядке (на примере товаров, перевозимых автомобильным транспортом)
НПА	Таможенный кодекс Евразийского экономического союза	Решение Коллегии ЕЭК от 17 апреля 2018 г. № 56
1.	об отправителе и получателе товаров в соответствии с транспортными (перевозочными) документами, декларанте, перевозчике	сведения о перевозчике товаров <...>, сведения об отправителе и получателе товаров <...>
2.	о стране отправления и стране назначения товаров	страна отправления и страна назначения товаров
3.	о транспортном средстве, которым перевозятся товары	регистрационный номер, страна регистрации, марка, идентификационный номер (VIN) <...> транспортного средства (тягача), регистрационные номера, страна регистрации, идентификационные номера (VIN) <...> прицепа (прицепов) и (или) полуприцепа, идентификационные номера контейнеров (при наличии)
4.	о наименовании, количестве и стоимости товаров <...>	наименование товаров <...>, стоимость товаров <...>, количество товаров в дополнительных единицах измерения <...>
5.	о коде товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС на уровне не менее первых 6 знаков <...>	коды товаров в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС на уровне не менее первых 6 знаков
6.	о весе товаров брутто или объеме товаров <...>	вес брутто (в килограммах) либо объем товаров (в кубических метрах) <...>
7.	о количестве грузовых мест	количество грузовых мест
8.	о пункте назначения товаров <...>	пункт назначения <...>
9.	о соблюдении запретов и ограничений <...>	сведения о документах, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений <...>
10.	о планируемой перегрузке товаров или грузовых операциях в пути <...>	сведения о планируемой перегрузке (перевалке) товаров или иных грузовых операциях с товарами в пути (при наличии такой информации)
11.	-	другие

Между тем в настоящее время существует ряд правовых и иных проблем, препятствующих использованию предварительной информации в качестве сведений, необходимых для автоматического оформления транзитной декларации:

1. Разные юридические статусы предварительной информации и транзитной декларации. Так «с момента присвоения регистрационного номера транзитная декларация становится документом, свидетельствующим о фактах, имеющих юридическое значение» (пункт 8 статьи 111 ТК ЕАЭС, пункт 8 Решение Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 г. № 438). В

случае регистрации предварительной информации она не становится таким документом. В этой связи некоторые авторы предлагают «использовать предварительное декларирование, предусмотренное ТК ЕАЭС, вместо предварительного информирования» [Шаповалова, Кириченко, 2022].

2. Отсутствие административной и (или) иной ответственности за непредставление предварительной информации (хотя возможность такого установления прямо предусмотрена пунктом 14 статьи 11 ТК ЕАЭС). Так, выявление «расхождения сведений, содержащихся в предварительной информации, со сведениями, содержащимися в транспортных (перевозочных), коммерческих и иных документах» является основанием лишь для принятия решения уполномоченным должностным лицом таможенного органа «о применении форм таможенного контроля в отношении представленных товаров с использованием системы управления рисками», а не привлечения к ответственности.

3. Правовая коллизия, выражающаяся в том, что национальным законодательством РФ (Федеральным законом от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») предусмотрено право, а не обязанность (как в ТК ЕАЭС) лиц представлять предварительную информацию таможенным органам (часть 1 статьи 12).

4. Сведения, подлежащие обязательному указанию в транзитной декларации, могут отсутствовать на момент составления и подачи предварительной информации (Решение Коллегии ЕЭК от 17 апреля 2018 г. № 56 допускает отсутствие некоторых сведений на момент предоставления в таможенный орган предварительной информации (путем использования формулировки «при наличии»)).

5. Предварительная информация подается в единую автоматизированную информационную систему таможенных органов (ЕАИС ТО) и содержится в центральной базе данных единой автоматизированной информационной системы таможенных органов (ЦБД ЕАИС). Таким образом, таможенный орган отправления (пост фактического контроля) получает предварительную информацию только при осуществлении запроса по уникальному идентификационному номеру перевозки, предоставляемому перевозчиком только после фактического прибытия. Только после этого уполномоченное должностное лицо таможенного органа осуществляет сравнение сведений, заявленных в предварительной информации, со сведениями, содержащимися в транспортных и товаросопроводительных документах.¹

6. На законодательном уровне не установлен единый перечень условий использования предварительной информации в качестве транзитной декларации. В качестве таких условий предлагаем следующие:

а) предоставление предварительной информации в объеме транзитной декларации (то есть сведений, указанных в статье 107 ТК ЕАЭС) с дополнительным указанием в ней сведений о лице – декларанте таможенной процедуры таможенного транзита;

б) наличие в предварительной информации указания о ее планируемом использовании в качестве транзитной декларации;

в) лицо, заявляющее об использовании предварительной информации в качестве транзитной

¹ Приказ ФТС России от 26.05.2011 № 1067 «Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов, совершающих таможенные операции и проводящих таможенный контроль при перевозке товаров автомобильным транспортом при их прибытии (убытии), помещении под таможенную процедуру таможенного транзита, а также временном хранении»

декларации, вправе выступать декларантом таможенной процедуры таможенного транзита;

г) лицо, заявляющее об использовании предварительной информации в качестве транзитной декларации, может не совпадать с лицом, представившим такую предварительную информацию.

Однако уже сейчас существуют законодательно определенные случаи использования предварительной информации в качестве транзитной декларации:

- использование предварительной информации, представленной в виде электронного документа, в качестве транзитной декларации (пункт 7 статьи 105 ТК ЕАЭС);
- использование предварительной информации в качестве транзитной декларации таможенным органом, расположенным в месте прибытия (пункты 23-25 Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.12.2018 № 214);
- использование предварительной информации в качестве транзитной декларации таможенным органом отправления (приказ ФТС России от 26.05.2011 № 1067).

Таким образом, на современном этапе уже сложились определенные правовые предпосылки полного замещения предварительной информацией транзитной декларации и признания предварительной информации в качестве документа, имеющего юридическое значение. Данный факт отмечается в ряде научных работ, авторы которых приводят обоснования и выводы о том, что «в совокупности обязательные и необязательные сведения предварительного информирования могут служить полноценной декларацией на товары» [Пучков, 2008], что «перевозчику более выгодно использовать в качестве транзитной декларации предварительную информацию» [Худжатов, 2018]. Указанный аспект также обосновывается в рамках принципа «однократности представления документов и сведений таможенному органу», более широкое применение и развитие которого позволит «обеспечить возможность использования предварительной информации, подаваемой в виде электронного документа, в качестве электронной транзитной декларации» [Дмитриева, 2019].

Между тем таможенные органы «практически ежедневно выявляют административные правонарушения по предоставлению участниками ВЭД некорректной информации»². Выявляемые при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита правонарушения квалифицируются по части 3 статьи 16.1. КоАП РФ.

Частью 3 статьи 16.1 КоАП РФ установлен исчерпывающий перечень недостоверных сведений, за сообщение которых наступает административная ответственность:

- количество грузовых мест;
- маркировка грузовых мест (то есть идентификационные условные обозначения, наносимые на упаковку каждого грузового места);
- наименование товаров;
- вес брутто и (или) объем товаров.

При этом привлечение к административной ответственности за сообщение недостоверных сведений отличных от вышеуказанных, в том числе согласно разъяснениям ФТС России, не является правомерным.

Обеспечение соблюдения таможенного законодательства в данной части представляется целесообразным производить на этапах, предшествующих совершению таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией и выпуском транзитной декларации, а именно на этапах

² https://www.alt.ru/szfo_news/99031/

предварительного информирования и прибытия на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Таким образом, вся необходимая для помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита информация будет иметься у таможенного органа до прибытия товаров, а после их прибытия – будет производиться фактическая проверка.

При этом с учетом автоматизации таможенных операций, связанных с таможенным декларированием, для целей правоприменения части 3 статьи 16.1 получение предварительной информации таможенным органом, расположенным в месте прибытия (таможенным органом отправления) с помощью предоставленного перевозчиком уникального регистрационного номера такой предварительной информации будет считаться началом помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита.

Заключение

Таким образом, таможенным правом ЕАЭС и Российской Федерации на различных этапах перемещения товаров через таможенную границу установлена обязанность участников ВЭД совершать таможенные операции по сообщению сведений или заявлению (декларированию) таможенным органам сведений о товарах, одним из которых является таможенное декларирование товаров с целью их помещения под таможенную процедуру таможенного транзита. Однако с введением института предварительного информирования, предусматривающего обязанность участников ВЭД до фактического прибытия на таможенную границу ЕАЭС предоставлять таможенным органам информацию о планируемых к перемещению товарах, в том числе для целей их последующего помещения под таможенную процедуру таможенного транзита, появилась возможность юридически упростить порядок помещения товаров под указанную таможенную процедуру. Предлагается путем принятия соответствующих актов ЕАЭС в сфере таможенного регулирования:

а) приравнять статус предварительной информации к полноценному, юридически значимому документу, в том числе транзитной декларации, и исключить, таким образом, необходимость повторного проведения государственного контроля в отношении сведений, заявленных в транзитной декларации, с целью проверки и обеспечения соблюдения таможенного законодательства и в случае его нарушения – привлечения виновного лица к ответственности;

б) обеспечить возможность по запросу лица, имеющего право выступать декларантом таможенной процедуры таможенного транзита, автоматического формирования транзитной декларации программными средствами таможенных органов на основании данных, содержащихся в предварительной информации.

Также стоит отметить, что институт предварительного информирования является одним из основных перспективных инструментов реализации концепции «интеллектуального» пункта пропуска в рамках Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, а его совершенствование, таким образом, составляет важное направление в области развития таможенного администрирования.

Библиография

1. Абрамов А.С. Проблемные вопросы и перспективы внедрения технологии декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме как инструмента повышения качества таможенных услуг // Управленческое консультирование. 2018. № 2 (110). С. 80-87.

2. Бондаренко А.О. Модель сквозного таможенного контроля в условиях цифровой и сервисной адаптации // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 1 (58). С. 144-155.
3. Дмитриева О.А. Рекомендации по совершенствованию применения таможенной процедуры таможенного транзита в Российской Федерации при перевозках товаров автомобильным транспортом // Транспортное право и безопасность. 2019. № 1 (29). С. 157.
4. Ефимова Н.А. Электронный таможенный транзит. Авторегистрация // Внешнеэкономическая деятельность: таможенный аспект. 2019. С. 53-57.
5. Кобзарь-Фролова М.Н., Гудзенко А.А. Административная ответственность за нарушение правил прохождения таможенной процедуры «таможенный транзит» // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2 (170). С. 140-147
6. Кондратьева Е.В. Мировой и российский опыт цифровизации таможенного контроля // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества. 2023. С. 36-42.
7. Котенко Е.Д., Кудрявцев О.Е. Анализ возможности оптимизации бизнес-процессов, связанных с технологией электронного таможенного транзита // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2021. С. 26-30.
8. Котова Е.С. Таможенная процедура таможенного транзита: проблемы применения и пути решения // Актуальные проблемы современной экономики. 2021. С. 246-251.
9. Лапин Д.А., Дмитриева О.А. Совершенствование применения таможенной процедуры таможенного транзита // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2020. № 4. С. 5-9.
10. Пахомова А.А. Об Особенности Таможенных Операций Таможенного Транзита //Аллея науки. 2020. Т. 1. № 11. С. 540-546.
11. Письмо ФТС России от 21 декабря 2022 г. № 18-19/73516 «О направлении разъяснений».
12. Письмо ФТС России от 28 июня 2013 г. № 18-12/27777 «О методических рекомендациях».
13. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 30 августа 2016 г. № 144н «Об утверждении Порядка использования единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при таможенном контроле, таможенном декларировании и выпуске (отказе в выпуске) товаров, помещаемых под таможенную процедуру таможенного транзита, в электронной форме».
14. Приказ ФТС России от 26.05.2011 № 1067 «Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов, совершающих таможенные операции и проводящих таможенный контроль при перевозке товаров автомобильным транспортом при их прибытии (убытии), помещении под таможенную процедуру таможенного транзита, а также временном хранении».
15. Проект Решения Коллегии ЕЭК «Об использовании предварительной информации, представленной в виде электронного документа, о товарах, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию Евразийского экономического союза».
16. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р.
17. Рекомендация от 18 декабря 2018 года № 28 «О Порядке электронного взаимодействия между таможенным органом и уполномоченными органами государства – члена Евразийского экономического союза, осуществляющими контроль (надзор) на таможенной границе Союза, при предварительном информировании».
18. Решение Коллегии ЕЭК от 10 апреля 2018 г. № 52 «О порядке регистрации предварительной информации о товарах, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию Евразийского экономического союза».
19. Решение Коллегии ЕЭК от 17 апреля 2018 г. № 56 «Об утверждении Порядка представления предварительной информации о товарах, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию Евразийского экономического союза автомобильным транспортом».
20. Решение Коллегии ЕЭК от 25 декабря 2018 г. № 214 «Об использовании предварительной информации, представленной в виде электронного документа».
21. Решение Коллегии ЕЭК от 28 декабря 2018 г. № 194 «О структуре и формате предварительной информации о товарах, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию Евразийского экономического союза автомобильным транспортом».
22. Решение Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 289 «О форме и порядке заполнения транзитной декларации».
23. Решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 263 «О порядке использования транспортных (перевозочных), коммерческих и (или) иных документов в качестве декларации на товары» (вместе с «Инструкцией о порядке использования транспортных (перевозочных), коммерческих и (или) иных документов в качестве декларации на товары»).
24. Решение от 2 апреля 2019 г. № 50 «О неприменении некоторых рекомендаций Коллегии Евразийской экономической комиссии».
25. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза).
26. Таможенный портал для участников ВЭД. URL: <https://www.alta.ru/>

27. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ.
28. Хаперскова О.Н. Направления совершенствования таможенной процедуры таможенного транзита // Перспективы развития таможенных администраций в условиях углубления евразийской интеграции. 2020. С. 342-345.
29. Яковлева А.А., Куроптев Н.Б. Международный опыт внедрения предварительного информирования в систему таможенного контроля // Бюллетень инновационных технологий. 2023. Т. 7. № 3 (27). С. 37-41.

Current problems of administrative and legal regulation of automation of customs operations related to the placement of goods under the customs procedure of customs transit

Anton A. Shkiperov

Assistant to the President of the Association of Fishing Fleet Shipowners;
Advisor to the General Director of the Association of Business Partners
in the Field of Foreign Economic Activity,
127018, 6, 16, Sushchevskii Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shkiperov@fsarf.ru

Ruslan R. Kallaur

Director of Terminal and Logistics Center "Bely Rast",
141870, B, 1, 112, Bely Rast Village, Moscow Region, Russian Federation;
e-mail: tlc@brterminal.ru

Anastasiya N. Kleimenova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Customs Law,
Russian Customs Academy,
140009, 4, Komsomol'skii ave., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: a.shashkina@customs-academy.ru

Abstract

Customs transit is one of the main customs procedures and, considering the significant transit potential of the Russian Federation, this issue seems especially relevant in terms of customs operations related to the placement of goods under the customs procedure of customs transit, its direct application, as well as completion. Based on the results of the study, it is proposed, by adopting the relevant acts of the EAEU in the field of customs regulation: a) to equate the status of preliminary information with a full-fledged, legally significant document, including a transit declaration, and thus eliminate the need for repeated state control in relation to the information declared in the transit declaration, in order to verify and ensure compliance with customs legislation and, in case of its violation, to bring the perpetrator to justice; b) provide the opportunity, at the request of a person who has the right to act as a declarant of the customs transit procedure, to automatically generate a transit declaration using the software of customs authorities based on the data contained in the

preliminary information. It is also worth noting that the institution of preliminary information is one of the main promising tools for implementing the concept of an “intelligent” checkpoint within the framework of the Development Strategy of the Customs Service of the Russian Federation until 2030, and its improvement, therefore, constitutes an important direction in the field of development of customs administration.

For citation

Shkiperov A.A., Kallaur R.R., Kleimenova A.N. (2023) Aktual'nye problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya avtomatizatsii tamozhennykh operatsii, svyazannykh s pomeshcheniem tovarov pod tamozhennuyu protseduru tamozhennogo tranzita [Current problems of administrative and legal regulation of automation of customs operations related to the placement of goods under the customs procedure of customs transit]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 214-226. DOI: 10.34670/AR.2023.83.33.026

Keywords

Foreign economic activity, regulation, state, EAEU, customs transit.

References

1. Abramov A.S. (2018) Problemnye voprosy i perspektivy vnedreniya tekhnologii deklarirovaniya protsedury tamozhennogo tranzita v elektronnoi forme kak instrumenta povysheniya kachestva tamozhennykh uslug [Problematic issues and prospects for introducing technology for declaring the customs transit procedure in electronic form as a tool for improving the quality of customs services]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2 (110), pp. 80-87.
2. Bondarenko A.O. (2022) Model' skvoznoho tamozhennogo kontrolya v usloviyakh tsifrovoy i servisnoi adaptatsii [Model of end-to-end customs control in the conditions of digital and service adaptation]. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Bulletin of the Russian Customs Academy], 1 (58), pp. 144-155.
3. Dmitrieva O.A. (2019) Rekomendatsii po sovershenstvovaniyu primeneniya tamozhennoi protsedury tamozhennogo tranzita v Rossiiskoi Federatsii pri perevozkakh tovarov avtomobil'nym transportom [Recommendations for improving the application of the customs procedure of customs transit in the Russian Federation when transporting goods by road]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'* [Transport Law and Security], 1 (29), p. 157.
4. Efimova N.A. (2019) Elektronnyi tamozhennyi tranzit. Avtoregistratsiya [Electronic customs transit. Auto-registration]. In: *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': tamozhennyi aspekt* [Foreign economic activity: customs aspect].
5. *Federal'nyi zakon «O tamozhennom regulirovanii v Rossiiskoi Federatsii i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» ot 03.08.2018 № 289-FZ* [Federal Law “On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” dated August 3, 2018 No. 289-FZ].
6. Khaperskova O.N. (2020) Napravleniya sovershenstvovaniya tamozhennoi protsedury tamozhennogo tranzita [Directions for improving the customs procedure for customs transit]. In: *Perspektivy razvitiya tamozhennykh administratsii v usloviyakh uglubleniya evraziiskoi integratsii* [Prospects for the development of customs administrations in the context of deepening Eurasian integration].
7. Kobzar'-Frolova M.N., Gudzenko A.A. (2019) Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie pravil prokhozheniya tamozhennoi protsedury «tamozhennyi tranzit» [Administrative responsibility for violation of the rules for passing the customs procedure “customs transit”]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2 (170), pp. 140-147
8. Kondrat'eva E.V. (2023) Mirovoi i rossiiskii opyt tsifrovizatsii tamozhennogo kontrolya [World and Russian experience in digitalization of customs control]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva* [Modern trends in the development of science and the world community].
9. Kotenko E.D., Kudryavtsev O.E. (2021) Analiz vozmozhnosti optimizatsii biznes-protsessov, svyazannykh s tekhnologiei elektronnoho tamozhennogo tranzita [Analysis of the possibility of optimizing business processes associated with electronic customs transit technology]. In: *Vysokie tekhnologii, nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [High technologies, science and education: current issues, achievements and innovations].
10. Kotova E.S. (2021) Tamozhennaya protsedura tamozhennogo tranzita: problemy primeneniya i puti resheniya [Customs procedure for customs transit: problems of application and solutions]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi ekonomiki*

[Current problems of modern economics].

11. Lapin D.A., Dmitrieva O.A. (2020) Sovershenstvovanie primineniya tamozhennoi protsedury tamozhennogo tranzita [Improving the application of the customs procedure for customs transit]. *Innovatsionnaya ekonomika i sovremennyye menedzhment* [Innovative economics and modern management], 4, pp. 5-9.
12. Pakhomova A.A. (2020) Ob Osobennostyakh Tamozhennykh Operatsii Tamozhennogo Tranzita [About the Features of Customs Operations of Customs Transit]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 1, 11, pp. 540-546.
13. *Pis'mo FTS Rossii ot 21 dekabrya 2022 g. № 18-19/73516 «O napravlenii raz'yasnenii»* [Letter of the Federal Customs Service of Russia dated December 21, 2022 No. 18-19/73516 “On sending clarifications”].
14. *Pis'mo FTS Rossii ot 28 iyunya 2013 g. № 18-12/27777 «O metodicheskikh rekomendatsiyakh»* [Letter of the Federal Customs Service of Russia dated June 28, 2013 No. 18-12/27777 “On methodological recommendations”].
15. *Prikaz FTS Rossii ot 26.05.2011 № 1067 «Ob utverzhenii Instruktsii o deistviyakh dolzhnostnykh lits tamozhennykh organov, sovershayushchikh tamozhennye operatsii i provodyashchikh tamozhennyi kontrol' pri perevozke tovarov avtomobil'nyim transportom pri ikh pribytii (ubytii), pomeshchenii pod tamozhennuyu protseduru tamozhennogo tranzita, a takzhe vremennom khranении»* [Order of the Federal Customs Service of Russia dated May 26, 2011 No. 1067 “On approval of the Instructions on the actions of customs officials performing customs operations and conducting customs control when transporting goods by road upon their arrival (departure), placing them under the customs procedure of customs transit, as well as temporary storage”].
16. *Prikaz Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii ot 30 avgusta 2016 g. № 144n «Ob utverzhenii Poryadka ispol'zovaniya edinoi avtomatizirovannoi informatsionnoi sistemy tamozhennykh organov pri tamozhennom kontrole, tamozhennom deklarirovanii i vypuske (otkaze v vypuske) tovarov, pomeshchaemykh pod tamozhennuyu protseduru tamozhennogo tranzita, v elektronnoi forme»* [Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated August 30, 2016 No. 144n “On approval of the Procedure for using a unified automated information system of customs authorities during customs control, customs declaration and release (refusal to release) of goods placed under the customs procedure of customs transit, in electronic form”].
17. *Proekt Resheniya Kollegii EEK «Ob ispol'zovanii predvaritel'noi informatsii, predstavlennoi v vide elektronnoho dokumenta, o tovarakh, predpolagaemykh k vvozu na tamozhennuyu territoriyu Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza»* [Draft Decision of the EEC Board “On the use of preliminary information, presented in the form of an electronic document, on goods intended for import into the customs territory of the Eurasian Economic Union”].
18. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23.05.2020 № 1388-r* [Order of the Government of the Russian Federation dated May 23, 2020 No. 1388-r].
19. *Rekomendatsiya ot 18 dekabrya 2018 goda № 28 «O Poryadke elektronnoho vzaimodeistviya mezhdu tamozhennym organom i upolnomochennymi organami gosudarstva – chlena Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza, osushchestvlyayushchimi kontrol' (nadzor) na tamozhennoi granitse Soyuz, pri predvaritel'nom informirovanii»* [Recommendation No. 28 dated December 18, 2018 “On the Procedure for electronic interaction between the customs authority and the authorized bodies of a member state of the Eurasian Economic Union exercising control (supervision) at the customs border of the Union, with prior notification”].
20. *Reshenie Kollegii EEK ot 10 aprelya 2018 g. № 52 «O poryadke registratsii predvaritel'noi informatsii o tovarakh, predpolagaemykh k vvozu na tamozhennuyu territoriyu Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza»* [Decision of the EEC Board of April 10, 2018 No. 52 “On the procedure for registering preliminary information about goods intended for import into the customs territory of the Eurasian Economic Union”].
21. *Reshenie Kollegii EEK ot 17 aprelya 2018 g. № 56 «Ob utverzhenii Poryadka predstavleniya predvaritel'noi informatsii o tovarakh, predpolagaemykh k vvozu na tamozhennuyu territoriyu Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza avtomobil'nyim transportom»* [Decision of the EEC Board of April 17, 2018 No. 56 “On approval of the Procedure for submitting preliminary information on goods intended for import into the customs territory of the Eurasian Economic Union by road transport”].
22. *Reshenie Kollegii EEK ot 25 dekabrya 2018 g. № 214 «Ob ispol'zovanii predvaritel'noi informatsii, predstavlennoi v vide elektronnoho dokumenta»* [Decision of the EEC Board of December 25, 2018 No. 214 “On the use of preliminary information presented in the form of an electronic document”].
23. *Reshenie Kollegii EEK ot 28 dekabrya 2018 g. № 194 «O strukture i formate predvaritel'noi informatsii o tovarakh, predpolagaemykh k vvozu na tamozhennuyu territoriyu Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza avtomobil'nyim transportom»* [Decision of the EEC Board of December 28, 2018 No. 194 “On the structure and format of preliminary information on goods intended for import into the customs territory of the Eurasian Economic Union by road transport”].
24. *Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 18 iyunya 2010 g. № 289 «O forme i poryadke zapolneniya tranzitnoi deklaratsii»* [Decision of the Customs Union Commission dated June 18, 2010 No. 289 “On the form and procedure for filling out the transit declaration”].
25. *Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 20 maya 2010 g. № 263 «O poryadke ispol'zovaniya transportnykh (perevozochnykh), kommercheskikh i (ili) inykh dokumentov v kachestve deklaratsii na tovary» (vmeste s «Instruktsiei o poryadke ispol'zovaniya transportnykh (perevozochnykh), kommercheskikh i (ili) inykh dokumentov v kachestve deklaratsii na tovary»)* [Decision of the Customs Union Commission dated May 20, 2010 No. 263 “On the procedure

-
- for using transport (transportation), commercial and (or) other documents as a declaration for goods” (together with the “Instructions on the procedure for using transport (transportation), commercial and (or) other documents as a declaration of goods”).
26. *Reshenie ot 2 aprelya 2019 g. № 50 «O neprimenenii nekotorykh rekomendatsii Kollegii Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii»* [Decision of April 2, 2019 No. 50 “On the non-application of certain recommendations of the Board of the Eurasian Economic Commission”].
 27. *Tamozhennyi kodeks Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza (prilozhenie № 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza)* [Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union)].
 28. *Tamozhennyi portal dlya uchastnikov VED* [Customs portal for foreign trade participants]. Available at: <https://www.alt.ru/> [Accessed 10/10/2023]
 29. Yakovleva A.A., Kuroptev N.B. (2023) *Mezhdunarodnyi opyt vnedreniya predvaritel'nogo informirovaniya v sistemu tamozhennogo kontrolya* [International experience in introducing preliminary information into the customs control system]. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii* [Bulletin of Innovative Technologies], 7, 3 (27), pp. 37-41.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.90.80.028

Исторический и теоретический аспекты правового обычая и закона как источника права

Дзыбова Саида Гиссовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Аннотация

В качестве научной проблемы вопрос об источниках права возник лишь в XIX в. как результат столкновения различных правовых идей. При этом термину «источники права» был придан совсем иной смысл, чем первоначальный. В статье автор анализирует мнение ученых о понятии и значении источника права, а также рассматривает понятия и общую характеристику обычая как источника права, рассматривает закон как основной источник права. Правовой обычай – это источник права с определенной спецификой и незакрепленный в законодательных актах, но используемый в юридической практике. Несоответствие теоретических концепций реальным ситуациям вынуждают теоретиков и практиков искать компромисс и продолжать изучать данное явление. Одной из главных причин этого выступает казуистичность правовых обычаев и их неоднозначность в практическом применении. Первостепенное значение закона гарантировано его безупречностью. Основным требованием к качеству закона является его соответствие праву, неотчуждаемым правам человека, которые закреплены в международно-правовых документах, в принципах и нормах международного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзыбова С.Г. Исторический и теоретический аспекты правового обычая и закона как источника права // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 227-232. DOI: 10.34670/AR.2023.90.80.028

Ключевые слова

Источник права, юридические нормы, нормотворческая деятельность, правовые нормы, обычай, закон.

Введение

Понятие «источник права» возникло более двух тысяч лет назад. Оно впервые было введено Титом Ливием в «Римской истории». Он назвал Законы XII таблиц «источником всего публичного и частного права», имея в виду, что эти законы представляют собой основу, на базе которой развилось и сложилось современное ему римское право.

В качестве научной проблемы вопрос об источниках права возник лишь в XIX в. как результат столкновения различных правовых идей. При этом термину «источники права» был придан совсем иной смысл, чем тот, в котором употреблял его Тит Ливий.

Так, О.Е. Кутафин отмечает «множественность и разноречивость точек зрения как о самом понятии источников права, так и об их соотношении и связи» [Кутафин, 2016, 9].

О.В. Малова высказывает точку зрения, что «полемика вокруг данного правового понятия оправдана нечеткостью самого понятия источника права, с одной стороны, и неоднозначностью правопонимания в целом – с другой». Она считает, что «общее понятие права является предметообразующим понятием юридической науки и, следовательно, понятие источника права должно предваряться анализом общего понятия права, складывающегося в современных условиях. Признание многоаспектности права позволит говорить и о множественности его источников (форм), которые имеют различную природу, и изучить не только формальные, но и содержательные аспекты права, что приведет к обогащению исследуемого понятия» [Малова, 2006, 26].

Термин «источник права» может иметь несколько значений. В смысле технического термина под источником права понимаются способы выражения юридических норм, действующих в каждом обществе. Это нормотворческая деятельность государства и уполномоченных им организаций, а в отдельных случаях – всего народа (референдум), результатом которой является создание правовых норм.

Л.А. Нудненко определяет понятие источника права как «внешнюю форму выражения правовых норм» [Нудненко, 2023, 38].

Множественность вариантов толкования и применения термина источника права в целом сводится к двум основным направлениям: либо говорится о силе, которая создает право и называется источником права в материальном смысле, либо о форме, благодаря которой правовая норма приобретает общеобязательный характер, и называют ее источником права в формальном (юридическом) смысле.

Источники права должны обладать определенными чертами и признаками. Прежде всего – это закрепление норм права государством. Нормы права являются результатом нормотворческой деятельности специальных государственных органов. Право приобретает определенную форму лишь после его официального оформления. До тех пор, пока правовая норма не будет закреплена и санкционирована государством, она не может быть признана источником права.

Под источником права в юридическом смысле следует понимать внешнюю форму выражения правовых норм, через которую ее нормативное содержание получает формальную определенность и общеобязательность.

Основная часть

Рассмотрим один из источников права – обычай.

За время существования юридических обычаев их значение в правовом регулировании

претерпело существенные изменения. По мнению Р.Л. Иванова «первоначально они были единственным формальным источником права, затем длительное время оставались наиболее распространенным способом существования его норм, а на сегодняшний день превратились в субсидиарную форму не только национального, но и международного права» [Иванов, 2021, 15].

Обычай являлся одним из главных инструментов формирования общества и поддержания его жизнеспособности. Как полагает И.М. Максимова, «складываясь под влиянием внешних факторов, он передавался поколение в поколение в незакрепленной (устной) форме и помогал людям определять границы приемлемого поведения, порядок разрешения споров или конфликтов» [Максимова, 2021, 60].

В исторической и правовой литературе под обычным правом понимается «система правовых норм, основывающихся на обычае, регулирующая общественные отношения в данном государстве, в определенной местности либо для данной этнической или социальной группы» [Шан Цзюнь Шу, 1993, 93].

Зачастую областями применения обычного права долгое время оставались сферы наследования, семейно-брачных отношений, ведения сделок и другие.

По мере роста силы государственной власти необходимость в подкреплении принимаемых законов консервативными традициями отпала, и государство смогло выработать принципы правотворческой деятельности. Теперь уже соблюдение законов поддерживалось не только «привычкой» общества, но и силой государственного принуждения.

И хотя обычное право претерпело существенные изменения, оно оставалось одним из источников права. Дело в том, что государство зачастую просто санкционировало правовой обычай, превращая его в нормативно-правовой акт, который обязателен к исполнению, в связи с чем и менялась сущность явления.

Можно выделить следующие признаки обычая как источника права. Во-первых, обычай представляет собой правило поведения; во-вторых, признается лишь сложившийся, длительное время действующий и достаточно определенный в своем содержании обычай; в-третьих, обычай широко и неоднократно применяется в той или иной сфере гражданских правоотношений; в-четвертых, отсутствует законодательное регулирование гражданского правоотношения, к которому применяется обычай, т.е. обычай восполняет пробелы в правовом регулировании; в-пятых, обычай действует независимо от того закреплен ли он в каком-либо документе; в-шестых, обычай признается российским обществом в целом либо специальными субъектами, к которым он обращен; в-седьмых, обычай не противоречит основам нравственности и правопорядка в РФ.

И хотя обычное право претерпело существенные изменения, оно оставалось одним из источников права. Дело в том, что государство зачастую просто санкционировало правовой обычай, превращая его в нормативно-правовой акт, который обязателен к исполнению, в связи с чем и менялась сущность явления.

В современном мире правовой обычай остается наиболее сильным источником права в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки. В странах Европы он наиболее заметен в консервативных странах, к примеру, в Соединенном Королевстве, а также в международной торговле и международных сделках.

По мнению О.Л. Лысенко, «в качестве положительных последствий можно назвать ускорение процесса принятия обычая в качестве зафиксированного источника и отсутствие необходимости каждый раз доказывать его существование и легитимность. С другой стороны, абсолютизация данной функции за судами приведет в итоге к казуистическим заключениям и

путанице в судебных разбирательствах, когда судить будут не по букве закона, а по обычаям и традициям, что может привести к деградации правовой системы» [Лысенко, 2022, 112].

В современном мире господствует точка зрения о необходимости государственного одобрения как на использование обычаев в практике, так и на указание, в каких вопросах они могут быть применимы. В результате правовой обычай становится основой для будущего закона. Важно отметить, что принятие нормативно-правового акта, содержащего обычай, превращает его в закон и наделяет соответствующей силой.

Анализируя закон в системе источников права, мы видим, что он остается стержневым элементом правовой системы во всяком государственно-организованном обществе.

Закон как источник права характеризуется следующими признаками:

- 1) Субъектом принятия закона является представительный орган власти;
- 2) Высшая юридическая сила закона. Остальные подзаконные акты должны соответствовать и не противоречить закону;
- 3) Предметом регулирования являются важнейшие общественные отношения в государстве;
- 4) Принятие закона осуществляется по определенной процедуре. Эта процедура называется законодательным процессом;
- 5) Нормативность закона;
- 6) Невозможность отмены закона другим органом, кроме того, который его принял.

Характеризуя закон, целесообразно определить следующие его свойства:

а) это совокупность дифференцированных правовых норм, так как аппарат государства имеет многопрофильную конструкцию органов с некоторыми правотворческими полномочиями и огромным набором других функций, которые осуществляются благодаря изданию юридических актов;

б) это иерархизированная структура, потому что эта система строится на основе юридической силы разных актов;

в) это детализированные по предмету регулирования, субъектам исполнения и реализации права, указания, которые находятся в источниках.

Следует заметить, что «для обеспечения верховенства закона, его исключительности и его эффективного действия необходим высокий уровень юридической техники, четкость и качество речи законодательных актов, исключая любых противоречия, неоднозначности» [Исаева, 2020, 58].

Заключение

Правовой обычай – это источник права с определенной спецификой и незакрепленный в законодательных актах, но используемый в юридической практике. Несоответствие теоретических концепций реальным ситуациям вынуждают теоретиков и практиков искать компромисс и продолжать изучать данное явление. Одной из главных причин этого выступает казуистичность правовых обычаев и их неоднозначность в практическом применении.

Первостепенное значение закона гарантировано его безупречностью. Основным требованием к качеству закона является его соответствие праву, неотчуждаемым правам человека, которые закреплены в международно-правовых документах, в принципах и нормах международного права.

Библиография

1. Иванов Р.Л. Виды юридических обычаев // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 2. С. 15-25.
2. Исаева Л.А. Виды юридической техники // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7 (187). С. 58-59.
3. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. 521 с.
4. Лысенко О.Л. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран в 2 томах. М.: Норма, 2022. Т. 1. 816 с.
5. Максимова И.М. Правовой обычай как источник права: исторический и теоретический аспекты // Право: история и современность. 2021. № 4 (17). С. 59-64.
6. Малова О.В. Правовой обычай как источник права основных правовых систем современности. Иркутск, 2006. 182 с.
7. Нудненко Л.А. Конституционное право России. М.: Юрайт, 2023. 528 с.
8. Шан Цзюнь Шу. Книга правителя области Шан. М.: Ладомир, 1993. С. 93.
9. Bederman D. J. Custom as a Source of Law. – Cambridge University Press, 2010.
10. Degan V. Ё. Sources of international law. – Martinus Nijhoff Publishers, 1997. – Т. 27.

Historical and theoretical aspects of legal custom and law as a source of law

Saida G. Dzybova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law, Constitutional Construction and Political Science,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Abstract

As a scientific problem, the question of the sources of law arose only in the 19th century as a result of the collision of different legal ideas. At the same time, the term “sources of law” was given a completely different meaning than the original one. In the article, the author of the research analyzes the opinion of scientists about the concept and meaning of a source of law, and also examines the concepts and general characteristics of custom as a source of law, and considers law as the main source of law. Legal custom is a source of law with certain specifics and not fixed in legislative acts, but used in legal practice. The discrepancy between theoretical concepts and real situations forces theorists and practitioners to seek a compromise and continue to study this phenomenon. One of the main reasons for this is the casuistic nature of legal customs and their ambiguity in practical application. The paramount importance of the law is guaranteed by its impeccability. The main requirement for the quality of the law is its compliance with the law, inalienable human rights, which are enshrined in international legal documents, in the principles and norms of international law.

For citation

Dzybova S.G. (2023) Istoricheskii i teoreticheskii aspekty pravovogo obyichaya i zakona kak istochnika prava [Historical and theoretical aspects of legal custom and law as a source of law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 227-232. DOI: 10.34670/AR.2023.90.80.028

Keywords

Source of law, legal norms, rule-making activities, custom, law.

References

1. Bederman, D. J. (2010). *Custom as a Source of Law*. Cambridge University Press.
2. Degan, V. Đ. (1997). *Sources of international law* (Vol. 27). Martinus Nijhoff Publishers.
3. Isaeva L.A. (2020) *Vidy yuridicheskoi tekhniki* [Types of legal technology]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 7 (187), pp. 58-59.
4. Ivanov R.L. (2021) *Vidy yuridicheskikh obychaev* [Types of legal customs]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 18, 2, pp. 15-25.
5. Kutafin O.E. (2016) *Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of constitutional law of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt Publ.
6. Lysenko O.L. (2022) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran v 2 tomakh* [Reader on the history of state and law of foreign countries in 2 volumes]. Moscow: Norma Publ. Vol. 1.
7. Maksimova I.M. (2021) *Pravovoi obychai kak istochnik prava: istoricheskii i teoreticheskii aspekty* [Legal custom as a source of law: historical and theoretical aspects]. *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: history and modernity], 4 (17), pp. 59-64.
8. Malova O.V. (2006) *Pravovoi obychai kak istochnik prava osnovnykh pravovykh sistem sovremennosti* [Legal custom as a source of law in the main legal systems of our time]. Irkutsk.
9. Nudnenko L.A. (2023) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow: Yurait Publ.
10. Shang Jun Shu (1993) *Kniga pravatelya oblasti Shan* [Book of the ruler of the Shan region]. Moscow: Lodomir Publ.

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2023.16.38.029

**Общие положения о механизме государственной
регистрации прав на земельные участки
и сделок с ними в российской
правовой системе**

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: univerandrey@mail.ru

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры переподготовки
и повышения квалификации специалистов,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
196105, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Московский пр., 149;
e-mail: michaelborodin@mail.ru

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры общественных наук,
Северо-Западный институт управления,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Средний проспект В.О., 57;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Беседина Валентина Алексеевна

Кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: valya_jur@mail.ru

Турова Виктория Евгеньевна

Доцент кафедры теории и истории государства и права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: urist-zakon@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены общие положения о механизме государственной регистрации прав на земельные участки и сделок с ними в российской правовой системе. Авторы обращают внимание на правовую регламентацию прав связанных с государственной регистрацией земельных участков, а также осуществления сделок, закрепленных в нормативных актах. Отмечено, что кадастровый учет служит в первую очередь, для упрощения системы регистрации прав на недвижимое имущество, а также защиты прав на такое имущество при возникновении правовых споров. Благодаря кадастровому учету подтверждается факт существования недвижимого имущества или в противоположном случае, что данный объект собственности изменен или его не существует. Авторы приходят к выводу, что государственная регистрация прав как юридический акт на недвижимость и кадастровый учет как постановка объекта недвижимости являются понятиями взаимозависимыми, поэтому при дальнейшем рассмотрении механизма регистрации прав на земельный участок, целесообразно будет и обозрение самого процесса кадастрового учета. Государственная регистрация является главным доказательством существования прав на земельный участок. Данный процесс связан с таким юридическим явлением, как кадастровый учет, так как именно кадастровый учет устанавливает существование земельного объекта, и в дальнейшем появляется возможность определения собственника, то есть регистрация прав на земельный участок.

Для цитирования в научных исследованиях

Зуев А.В., Бородин М.П., Рубцов С.Н., Беседина В.А., Турова В.Е. Общие положения о механизме государственной регистрации прав на земельные участки и сделок с ними в российской правовой системе // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 233-241. DOI: 10.34670/AR.2023.16.38.029

Ключевые слова

Государственная регистрация, кадастровый учет, сделки, земельные участки, недвижимое имущество, объект регистрации недвижимости, юридический акт, правовой институт.

Введение

Государственная регистрация земельных участков относится и к другим видам недвижимости. В теории земельного права предполагается, что данный термин можно рассматривать в двух вариациях, а именно как правовой институт и как юридический акт.

Основная часть

Профессор Боголюбов С.А. рассматривает государственную регистрацию как правовой институт и определяет данное понятие как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в отношении подтверждения факта сделки или факта принадлежности недвижимого имущества лицу, заявившему о праве на такое имущество, в специализированные государственные органы [Боголюбов, 2020]. Анализируя представленное определение, можно выделить, что регистрация прав на земельные участки служит не только подтверждением подлинности сделки государственными органами, но и обязательным фактом проверки документации и ограничений со стороны императивных норма российского законодательства.

Определение термина государственная регистрация прав на недвижимость как юридического описывает Романова Г.В. как административный акт, содержащий правовое решение государства [Романова, 2016, 54]. Важность такого юридического акта формируется из прекращения, возникновения или изменения прав на недвижимость, что подтверждается внесением записи и документации в службу государственной регистрации. Вместе с тем, принятие юридического акта субъекта наделяют не только правами, но и обязательствами, например обременение права на недвижимость: аренда, сервитут, ипотека и т.д. Срок вступления в силу новых прав и обязательств субъекта по отношению к зарегистрированному недвижимому имуществу начинается с фактической даты его регистрации.

На 2023 год в Российской Федерации правовая регламентация прав связанных с государственной регистрацией земельных участков, а также осуществления сделок с ними являются следующие нормативные акты:

Международно-правовые договоры, имеющие юрисдикцию в Российской Федерации, относящиеся к земельному праву. Такие договоры, как правило, являются источником правила предоставления земли находящейся под юрисдикцией Российской Федерации другому государству на основе договора аренды или безвозмездного пользования. В таких конвенциях зачастую прописываются правила юридического оформления права собственности государства на участки земли. Как пример можно привести соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о взаимной передаче в собственность земельных участков и об аренде земельных участков от 28 мая 2010 года.

Конституция Российской Федерации является базовой ступенью в правовом поле, которая позволяет построить систему регистрации прав на земельные участки и сделок с недвижимым имуществом, а также закрепить охрану прав граждан и их частной собственности. Так, например, в части 2 статьи 8 Конституции Российской определено, что в государстве признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Статья 9 часть 2 дает право на землю и другие природные ресурсы в разных формах собственности. Статьи 35 и 36 Конституции Российской Федерации гарантируют гражданам, организациям, органам государственной власти, местного самоуправления принимать участие в гражданском обороте, а именно приобретать права нести обязанности.

Федеральные конституционные законы занимают следующую ступень в правовой регламентации прав на земельные участки, принимаемые по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации. Например, Федеральный конституционный закон, регулирующий судебную систему, является базовым при защите прав граждан, юридических

лиц на недвижимое имущество.

Федеральные законы регулируют обширный перечень правовых особенностей в земельном праве. Детальная регламентация каждого юридического правоотношения закрепляется в Федеральных законах именно поэтому в Российской Федерации их множество. Главными из них являются Гражданский кодекс, Земельный кодекс, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости», Федеральный закон «Об ипотеке», Федеральный закон «О кадастровой деятельности» и другие. При дальнейшем анализе основных понятий и механизма осуществления государственной регистрации и сделок на земельные участки именно данные нормативные акты будут детально разобраны, так как основная информация о государственной регистрации и сделках заложена в них.

Указы Президента Российской Федерации в последние 15 лет не затрагивают особо правовую регламентацию земельного права, в основном, указы служат для внесения изменений или признания утративших силу принятых ранее указов.

Постановления Правительства Российской Федерации закрепляют механизм работы системы регистрации прав на земельные участки, а также сделок с ними. Важным при нашем исследовании будет Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии».

Подзаконные нормативные акты (приказы, инструкции, правила) принимаемые центральными органами исполнительной власти (федеральными министерствами, службами и агентствами) направленные на регулирование правоотношении внутри структуры определенного ведомства.

Нормативные правовые акты, принимаемые субъектами Российской Федерации на местах. Например, в Санкт-Петербурге были приняты законы о земельном налоге, о предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного строительства или ведения садоводства для собственных нужд и дополнительной меры социальной поддержки гражданам, имеющим трех и более детей и другие.

Нормативно-правовые акты, принятые органами самоуправления, являются завершающими в цепочке источников регламентирующих механизм обеспечения регистрации земельных участков. Органы местного самоуправления могут конкретизировать нормы, предусмотренные актами всех указанных уровней, при условии, что нормативно-правовой акт органа местного самоуправления принимается уполномоченным на то органом (должностным лицом) местного самоуправления и в рамках установленной для него компетенции. Например, поскольку земельное законодательство предусматривает право соответствующих органов осуществлять организацию ведения мониторинга земель, то решение соответствующего органа местного самоуправления относительно установления порядка осуществления местного мониторинга земель является правомерным при условии, что этот порядок не противоречит нормативным актам правительства РФ и специального федерального органа по этим вопросам.

В предоставленных выше источниках содержатся основные понятия и принципы регистрации прав на недвижимость свойственные реализации земельного права гражданами, организациями и государственными органами.

Законодательство закрепляет четыре фундаментальных принципа. В первую очередь это принцип обязательности регистрации, он реализуется благодаря факту заключения сделок с момента регистрации недвижимости.

Второй, но не менее важный принцип преемственности, его действие

распространяется на права, полученные до вступления в законную силу федерального закона «о государственной регистрации прав на недвижимое имущество». На данный момент, в законодательстве нет обязательства перерегистрации своих прав на земельные участки и недвижимое имущество, но гражданам и другим субъектам предоставлена возможность перерегистрировать участок, на которого распространяется право собственности субъекта.

Следующий принцип достоверности также прописывается в федеральном законе о госрегистрации, в котором определены основные правила предъявления и заполнения документов для государственного учета недвижимости.

Последний принцип гласности и публичности прописан в части 4 статьи 131 ГК РФ, то есть органы, осуществляющие регистрацию обязаны предоставлять информацию о произведенной регистрации и зарегистрированных правах любому лицу. Но все же законодатель устанавливает некоторые ограничения для защиты гражданских прав собственников. Сведения о содержании правоустанавливающих документов, обобщенные сведения о правах отдельного лица на объекты недвижимости и выписки, в которых содержится информация о переходе прав на объект недвижимости предоставляется определенному кругу субъектов. В данный список входят правообладатель, доверенным лицам правообладателя, руководителям государственных органов, налоговым органам, местного самоуправления, судам, правоохранительным органам, судам и правоохранительным органам, имеющим в производстве дела, связанные с объектами недвижимости, а также федеральному антимонопольному органу.

Проводя анализ положений Гражданского кодекса Российской Федерации можно определить, что государственная регистрация прав на землю и иную недвижимость и сделок с ним это юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество. Профессор Сулин М.А. классифицирует государственный учет на три основные формы:

- регистрация прав на недвижимое имущество;
- регистрация сделок с недвижимым имуществом;
- регистрация ограничений (обременений) недвижимого имущества [Сулин, 2020].

В соответствии со статьей 558 ГК РФ продажа недвижимости, а именно жилого дома или квартиры является заключенным с момента государственной регистрации сделки. Смагина Е.С. подробно описывает продажу недвижимости в виде предприятий и уточняет, что продажа предприятий обязывает сторон регистрировать такую сделку [Смагина, 2001]. Государственный учет также обязателен и при других сделках, а именно аренда, субаренда, мена, дарение, рента, наследование, ипотека земельных участков и объектов недвижимости.

Стоит уточнить, что только земли, прошедшие кадастровый учет, могут быть объектом регистрации недвижимости. Обратимся к понятию кадастровый учет, статья 70 ЗК РФ является бланкетной, и направляет на ФЗ «О государственной регистрации недвижимого имущества», п.7 ст.1 данного сказано, что государственный кадастровый учет это внесение в ЕГРН о земельных участках, зданиях, сооружениях, и других объектов недвижимости с целью учета недвижимости в Российской Федерации.

Васильев Н.В. описывает понятие земельного кадастра как сведения о документах содержащих информацию, о земельных участках, их правовом режиме, местонахождении, кадастровой стоимости и других важных данных для защиты прав собственников, решения спорных вопросов, контроля земельного оборота, а также для поддержания системы налогообложения государства [Васильева, 2020].

Земельный кадастр является многоуровневой системой, именно поэтому при изучении кадастрового учета земель, можно представить из чего он состоит. Итак, классификация содержания земельного кадастра существует в двух вариациях. В первой вариации важную роль играет временной и поэтапный характер, а именно первичный и последующий. Первичный земельный кадастр является сводом о базовых характеристиках земли, таких как экономическое, природное, хозяйственное, экологическое положение данного земельного участка. При составлении первичного земельного кадастра прикладывается множество работы для систематизации всех характеристик и проведения разработки недостающих сведений о земельном участке. Последующий земельный кадастр служит для поддержания и дополнения уже имеющихся сведений с верными характеристиками и реформации изменившегося состояния земельного участка, то есть своевременное внесение в систему земельного кадастра законных изменений.

Кадастровый учет служит в первую очередь, для упрощения системы регистрации прав на недвижимое имущество, а также защиты прав на такое имущество при возникновении правовых споров. Благодаря кадастровому учету подтверждается факт существования недвижимого имущества или в противоположном случае, что данный объект собственности изменен или его не существует. В первую очередь, на данный момент, кадастровый учет очень важен для самих собственников, поэтому именно собственник недвижимого имущества должен обратиться в органы кадастра, а они в свою очередь имеют право уточнения и проверки информации предоставленных сведений собственником. Для постановки на учет земельного участка и другой недвижимости собственник обязан предоставить ряд документов, таких как межевой план, а если это строение, то технический план, акт обследования, карта-план территории. Стоит отметить, что данные документы подготавливаются и проводятся специалистами за определенную плату.

Работы, проводимые для оформления документации для учета земельного участка, осуществляют кадастровые инженеры, которые являются работниками саморегулируемой организацией для кадастровых инженеров, что является профессиональным союзом. Кадастровый инженер обязан проводить работы в случаях межевания, уточнения границ, раздела или объединения, земельных участков для последующей государственной регистрации.

Проводимые работы и кадастровый учет земельного участка является основанием для регистрации права собственности, при этом законом определено, что данные правовые действия могут происходить одновременно. Полагаясь на логический метод исследования, можно сделать вывод, что государственная регистрация прав как юридический акт на недвижимость и кадастровый учет как постановка объекта недвижимости являются понятиями взаимозависимыми, поэтому при дальнейшем рассмотрении механизма регистрации прав на земельный участок, целесообразно будет и обозрение самого процесса кадастрового учета.

Заключение

В результате изучения основных понятий и системы регистрации прав на земельные участки и сделок с ними были сделаны выводы, что юридический акт государственной регистрации прав на земельный участок – это завершающий элемент в правом изменении положений прав собственников на него, а именно прекращение изменение, приобретение прав. Государственная регистрация является главным доказательством существования прав на земельный участок.

Данный процесс связан с таким юридическим явлением, как кадастровый учет, так как именно кадастровый учет устанавливает существование земельного объекта, и в дальнейшем появляется возможность определения собственника, то есть регистрация прав на земельный участок.

Библиография

1. Боголюбов С.А. Земельное право. М.: Юрайт, 2020. С. 187.
2. Васильева Н.В. Кадастровый учет и кадастровая оценка земель. М.: Юрайт, 2020. С. 65.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) от 30.11.1994, часть вторая от 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) от 26.01.1996.
4. Закон «О земельном налоге в Санкт-Петербурге» № 617-105 от 23.11.2012 (с изм. на 29.07.2020).
5. Земельный кодекс Российской Федерации № 136-ФЗ от 25.10.2001 (ред. 04.08.2023).
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
7. Постановление Правительства РФ № 457 (ред. от 30.06.2022) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» от 01.06.2009.
8. Постановление Правительства Санкт-Петербурга «О предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного строительства или ведения садоводства для собственных нужд и дополнительной меры социальной поддержки гражданам, имеющим трех и более детей» №1669 от 13.12.2011.
9. Романова Г.В. Земельное право. М.: Юстиция, 2016. 190 с.
10. Смагина Е.С. Купля продажа предприятия. 2001. URL: <http://esmagina.narod.ru/index.html>
11. Сулин М.А. Кадастр недвижимости и мониторинг земель. СПб.: Лань, 2020. С. 112.
12. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» № 218-ФЗ от 13.07.2015.
13. Федеральный закон «О кадастровой деятельности» № 221-ФЗ от 24.07.2007.
14. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» № 102-ФЗ от 16.07.1998.
15. Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996.

General provisions about the mechanism of state registration of rights to land and transactions with them in the Russian legal system

Andrei V. Zuev

PhD in History,
Associate Professor of the Private Law Department,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: univrandrey@mail.ru

Mikhail P. Borodin

PhD in History,
Associate Professor of the Department of Retraining
and Advanced Training of Specialists,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia,
196105, 149, Moskovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: michaelborodin@mail.ru

Sergei N. Rubtsov

Doctor of History,
Professor of the Departments of Social Sciences,
Northwest Institute of Management of RANEPa,
199178, 57, Srednii ave. of Vasilievsky Island,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Valentina A. Besedina

PhD in Pedagogy, PhD in Law,
Professor of the Department of Private Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: valya_jur@mail.ru

Viktoriya E. Turova

Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: urist-zakon@mail.ru

Abstract

The article discusses general provisions on the mechanism of state registration of rights to land plots and transactions with them in the Russian legal system. The authors draw attention to the legal regulation of rights associated with state registration of land plots, as well as the implementation of transactions enshrined in regulations. It is noted that cadastral registration serves, first of all, to simplify the system for registering rights to real estate, as well as to protect rights to such property in the event of legal disputes. Thanks to cadastral registration, the fact of the existence of real estate is confirmed or, in the opposite case, that this property has been changed or does not exist. The authors concluded that state registration of rights as a legal act on real estate and cadastral registration as the registration of a property are interdependent concepts, therefore, when further considering the mechanism for registering rights to a land plot, it would be advisable to review the cadastral registration process itself. State registration is the main evidence of the existence of rights to a land plot. This process is associated with such a legal phenomenon as cadastral registration, since it is cadastral registration that establishes the existence of a land object, and in the future, it becomes possible to determine the owner, that is, registration of rights to a land plot.

For citation

Zuev A.V., Borodin M.P., Rubtsov S.N., Besedina V.A., Turova V.E. (2023) Obshchie polozheniya o mekhanizme gosudarstvennoi registratsii prav na zemel'nye uchastki i sdelok s nimi v rossiiskoi pravovoi sisteme [General provisions about the mechanism of state registration of rights to land and transactions with them in the Russian legal system]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 233-241. DOI: 10.34670/AR.2023.16.38.029

Keywords

State registration, cadastral registration, transactions, land plots, real estate, real estate registration object, legal act, legal institution.

References

1. Bogolyubov S.A. (2020) *Zemel'noe pravo* [Land law]. Moscow: Yurait Publ.
2. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon № 1-FKZ (red. ot 16.04.2022) «O sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii» ot 31.12.1996* [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ (as amended on April 16, 2022) “On the Judicial System of the Russian Federation” dated December 31, 1996].
3. *Federal'nyi zakon «O gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti» № 218-FZ ot 13.07.2015* [Federal Law “On State Registration of Real Estate” No. 218-FZ dated July 13, 2015].
4. *Federal'nyi zakon «O kadaastrovoi deyatelnosti» № 221-FZ ot 24.07.2007* [Federal Law “On Cadastral Activities” No. 221-FZ dated July 24, 2007].
5. *Federal'nyi zakon «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» № 102-FZ ot 16.07.1998* [Federal Law “On Mortgage (Pledge of Real Estate)” No. 102-FZ dated July 16, 1998].
6. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii chast' pervaya № 51-FZ (red. ot 24.07.2023) ot 30.11.1994, chast' vtoraya ot 14-FZ (red. ot 24.07.2023) ot 26.01.1996* [Civil Code of the Russian Federation, part one No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) dated November 30, 1994, part two No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023) dated January 26, 1996].
7. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym referendumom 12 dekabrya 1993 g. (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular referendum on December 12, 1993 (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020)].
8. *Postanovlenie Pravitel'stva RF № 457 (red. ot 30.06.2022) «O Federal'noi sluzhbe gosudarstvennoi registratsii, kadastra i kartografii» ot 01.06.2009* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 457 (as amended on June 30, 2022) “On the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography” dated June 1, 2009].
9. *Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga «O predostavlenii zemel'nykh uchastkov dlya individual'nogo zhilishchnogo stroitel'stva ili vedeniya sadovodstva dlya sobstvennykh nuzhd i dopolnitel'noi mery sotsial'noi podderzhki grazhdanam, imeyushchim trekh i bolee detei» №1669 ot 13.12.2011* [Decree of the Government of St. Petersburg “On the provision of land plots for individual housing construction or gardening for their own needs and additional measures of social support for citizens with three or more children” No. 1669 dated December 13, 2011].
10. Romanova G.V. (2016) *Zemel'noe pravo* [Land law]. Moscow: Yustitsiya Publ.
11. Smagina E.S. (2001) *Kuplya prodazha predpriyatiya* [Purchase and sale of an enterprise]. Available at: <http://esmagina.narod.ru/index.html> [Accessed 10/10/2013]
12. Sulin M.A. (2020) *Kadastr nedvizhimosti i monitoring zemel'* [Real estate cadastre and land monitoring]. St. Petersburg: Lan' Publ.
13. Vasil'eva N.V. (2020) *Kadastryvyy uchety i kadastraya otsenka zemel'* [Cadastral registration and cadastral valuation of land]. Moscow: Yurait Publ.
14. *Zakon «O zemel'nom naloge v Sankt-Peterburge» № 617-105 ot 23.11.2012 (s izm. na 29.07.2020)* [Law “On land tax in St. Petersburg” No. 617-105 dated November 23, 2012 (as amended on July 29, 2020)].
15. *Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii № 136-FZ ot 25.10.2001 (red. 04.08.2023)* [Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended on August 4, 2023)].

УДК 340

DOI: 10.34670/AR.2023.25.22.031

Становление и развитие системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: univerandrey@mail.ru

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры переподготовки
и повышения квалификации специалистов,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
196105, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Московский пр., 149;
e-mail: michaelborodin@mail.ru

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры общественных наук,
Северо-Западный институт управления,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Средний проспект В.О., 57;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Беседина Валентина Алексеевна

Кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: valya_jur@mail.ru

Аннотация

Исторические корни, предшествующие появлению института права частной собственности на земельный участок, зарождаются еще в Древней Руси. Первые упоминания, связанные с учетом земель, были обращены к церковным землям, которые закрепляли права духовенства на определенные участки. В статье рассмотрен вопрос

становления и развития системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России. Авторы обращают внимание на то, что итогом проведенного анализа истории становления и развития системы государственной регистрации прав на земельные участки, недвижимое имущество и сделок с ними является постепенный процесс создания общего централизованного органа учета и оформление документированного закрепления прав граждан на земельные участки. Отмечено, что длительный процесс был обусловлен политическим и экономическим положением государства на разных временных периодах. Начиная от Древней Руси и заканчивая нашим временем, можно понять, насколько сильно стала важность для субъектов гражданского права юридически грамотная регистрация недвижимости. Авторы приходят к выводу, что именно создание и развитие системы регистрации является важным в понимании механизма работы данной системы в наше время и для будущего его развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Зуев А.В., Бородин М.П., Рубцов С.Н., Беседина В.А. Становление и развитие системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 242-251. DOI: 10.34670/AR.2023.25.22.031

Ключевые слова

Государственная регистрация, земельные участки, недвижимое имущество, объект регистрации недвижимости, юридический акт, правовой институт, кадастровая система.

Введение

Исторические корни, предшествующие появлению института права частной собственности на земельный участок, зарождаются еще в Древней Руси. Первые упоминания, связанные с учетом земель, были обращены к церковным землям, которые закрепляли права духовенства на определенные участки.

Основная часть

Во второй половине 15 века при Иване III началось «собрание» земель, что послужило поводом к новому землеописанию. Земля предоставлялась в основном служивым людям, о чем было описано в Судебнике 1497 года. Для государства становится значимым учет земель, так как за участки с лиц взимались налоги, которые в дальнейшем распределялись для защиты и расширению территории государства.

В 16 веке появляется орган под названием Поместный приказ, в функции которого включалось регулирование кадастровых и межевых работ, так как количество земли все еще исчислялось приблизительно. Князья вели записи «Писцовых книгах», отражавшие к какому виду принадлежат земли, и какой налог (соха) будет применяться, все виды сделок по каждому земельному участку, и носили юридический характер. «Писцовые книги» стали важнейшим доказательством прав и, во многом, прообразом современного единого государственного реестра прав. После Смутного времени писцы выполняли работу, уже не связанную с описанием земель для налогов, а для установления поземельных отношений и гражданского устройства, так как значительно увеличились межевые тяжбы и споры.

С началом правления Петра I начинается реформация землеустройства в России. Введение подушного налога сделало бессмысленным характерный учет земель в писцовых книгах, но при развитии геометрических и математических наук, улучшилась точность измерения земли. С 1714 года был официально закреплён термин «недвижимое имущество» и упорядочена система передачи прав на недвижимость.

С 1701-1721 реформируется понятие собственности на земельные участки, также ведение переписных книг, в которых теперь указывалось размер земли, количество людей и дворы. В 1719 году при Юстиц-коллегии была создана отдельная ячейка «крепостная контора», которая осуществляла регистрацию крепостей на крестьян и земли. В 1721 году была учреждена Вотчинная коллегия – центральное правительственное учреждение землевладения и межевания совместно с крепостной конторой, которое и заложило новый принцип публичности в вотчинных правоотношениях.

При правлении Елизаветы Петровны производится всеобщее «Генеральное межевание» [Полное собрание законов Российской империи, www], которое производило регистрацию земельных владений в первую очередь казенных. В каждом дворе составлялась межевая книга, обязательно отмечался собственник, местонахождение и количество земель, экономическое и качественное описание земли.

Впервые понятие полного права собственности в российском законодательстве появилось с выходом Манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г., согласно которому поместья потеряли условный характер и стали «...обычной частной собственностью, отчуждаемой и наследуемой независимо от службы» [Зуй, 2004].

По указу Екатерины Второй в 1765 году проводилось ещё одно Генеральное межевание, но на этот раз данная процедура была создана только для нанесения границ земельных участков на карты, характеристике земель и их владельческих прав не уделяли большого значения. Регистрация залоговых прав стала осуществляться органами губерний. Гражданские палаты и уездные суды теперь заменяли палату крепостных дел, которые регистрировали акты по делам крепостных, также приобретатели недвижимости должны были предъявлять также и акты для ввода во владение, призванные служить заменой справки, вводной, послушной и отказной грамот.

Правление Павла Первого дало развитие свободной купли-продажи недвижимости и земельных участков, также фискальные реформы в зависимости от свойства земли. Ведение и составление карт перешло в военное ведомство.

В 1861 году была проведена земельная реформа, по которой крестьяне наделялись правами на земли и могли её приобретать в собственность с согласия помещика. Государственную регистрацию стали осуществлять нотариусы. Каждый окружной суд владел нотариальным архивом по своей области, в котором фиксировалась вся юридически важная информация по земельным участкам и границам, к каждому архиву назначался старший нотариус, который находился на государственной службе.

В 1866 году было издано Положение о нотариальной части, в соответствии с которым акты на недвижимость (купчая крепость, закладная крепость и т.д.) должны быть совершены у младшего нотариуса и затем представлены на утверждение старшему нотариусу. Для совершения старшим нотариусом процедуры утверждения сделки ему в течение года должны были представить выписку из актов, в которую младший нотариус внес запись о совершении в нотариальной форме сделки с недвижимым имуществом. После уплаты пошлины и при отсутствии оснований для отказа старший нотариус утверждал представленную ему выписку,

делал запись в крепостной книге и отметку в реестре крепостных дел. О содержании внесенной в книги записи старший нотариус обязан был сообщать земской или городской управе по месту нахождения недвижимости. На основании внесенной в крепостную книгу сделки старший нотариус выдавал сторонам выписку, которая являлась удостоверением права частных лиц на недвижимость.

В конце 18 века и начале 19 века происходит совершенствование уже сложившейся системы регулирования земельных участков. В каждом населенном пункте должны были производиться переоценка земельных участков, с целью определения их хозяйственной пригодности. Переоценка влияла на гражданские сделки, такие как купля-продажа, залог, найм и т.д.

С 1906 года по 1910 год начинается принципиально новая аграрная политика в Российской империи. С помощью проведенной реформы было упрощено собирание налоговых платежей, а землевладельцам предоставлялась правовая защита при гражданских межевых спорах. 19 ноября 1906 года Николай II подписал Указ «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», основная цель которого заключалась в окончательном уничтожении общины как фундамента социального устройства крестьян, сокращение числа переделов, что объяснялось выходами крестьян из общин и переходом чересполосных наделных земель в собственность, что мешало исполнить передел. Подробную статистику по губерниям приводит А.М. Золотарев в Ежегоднике Российской Империи на 1906 год. Около половины крестьянских общин не переделывали землю, часть из них (18,9%) владела землей на подворном праве, которое исключало переделы. Подворное землевладение преобладало на Правобережной Украине (86% всего крестьянского землевладения), Левобережной Украине (67%), Литовской и Белорусской губерниях (61%). Санкт-Петербург, Псковская, Смоленская губернии представляли собой переходную полосу со слабой предельной активностью общин.

В соответствии с аграрной реформой появилось огромное количество работы по регистрации новых собственников и земельных участков. Данные о каждом собственнике, вещных правах и сделок, совершаемых с земельными участками, содержались в «Поземельной книге». Области земельных участков и точные границы отображались в «Межевой книге».

А.А. Леонтьев утверждает, что, законы от 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. изданы были «...с явным намерением разрушить такие особенности крестьянского права, как община и общая семейная собственность» [Леонтьев, 1914]. В результате появились новые области юридических отношений, в частности, единоличная собственность с особенностями в объеме права собственности, в наследовании, в порядке оформления и защиты этих прав.

Коренной переворот произошел в определении земельной собственности после Октябрьской революции. Вся земля в новой России была национализирована и являлась единой государственной собственностью. Государственная регистрация прав на недвижимость перестала быть актуальной. Вместе с тем утратили свою значимость и налоговые платежи на земельные участки. Предшествующие «Поземельные» и «Межевые» книги служили для новой советской власти как сведения о землеустройстве, для построения плановой экономики на всей территории, свои основные фискальную и регистрирующую функции данные книги потеряли. Исчез сам термин «недвижимость», его сменило понятие «основные фонды». В обороте находилась только личная собственность.

Ведущее место занимали проблемы учета и инвентаризации, которые зачастую относили к государственной регистрации. Однако учет государственной собственности носил ведомственный, объектный или территориальный характер, что исключало потребность в единой государственной системе учета и инвентаризации недвижимого имущества.

Первые этапы создания нового социалистического государства для института земельного права ознаменовались принятием Декрета от 20 октября 1917 г. «О земле», а также Декрет от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на землю в городах». Главное реформирование данных нормативных актов строилось на принципе полного изъятия земельных участков из гражданского оборота, предоставлялось только право пользования всем гражданам. Следующим важным шагом для юридического заключения землеустройства стало создание Народным комиссариатом земледелия РСФСР в 1922 году Инструкции по учету земель и формам, порядке производства государственной записи землепользования. В этом же году 30 октября вступил в силу Земельный кодекс РСФСР, который так же закреплял за гражданами землепользование и устанавливал собственность на землю за государством. Сергиевская, Н. Д. в своем автореферате выделяет тот факт, что в разделе II «О трудовой аренде земли», предусматривалась возможность для трудовых хозяйств временно не выполняющих землепользования по физическим или природным причинам сдавать его в аренду за денежную сумму или другие виды вознаграждения, а именно заключать сделки на определенный срок [Сергиевская, 1954]. С 1928 года в период объединения единоличных хозяйств в коллективные крестьянские хозяйства аренда земельных участков как гражданско-правовая сделка была исключена из законодательства. В соответствии со статьей 21 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. земля признавалась достоянием государства и не могла быть предметом частного оборота, владение землею допускалось только на правах пользования. Учет земель и регистрация землепользования производился с помощью актов выдававшимся коллективным хозяйствам на вечное пользование земельным участком и внутреннему землеустройству.

Второй этап развития и становления новой системы землеустройства был закреплен в Постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», в пункте 12 устанавливалась новая обязанность ведения отделов райисполкомов государственных земельных книг регистрации земель, сосредоточенные на описании единого земельного массива по каждому колхозу согласно акту на вечное пользование, общественных земель колхоза отдельно каждого и приусадебных участков колхозников. Земельно-учетная документация разделялась на Земельную шнуровую книгу, которая была создана по каждому колхозу и Государственную земельную книгу, предназначенную для административных центров.

Важным законодательным актом советского времени формирующий общую кадастровую и регистрационную систему является Закон СССР от 13 декабря 1968 года «Об утверждении основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик». Земельный кадастр состоял из общей книги в табличной вариации, в которой прописывались пользователи и характеристики земли. Особое внимание уделялось землям сельскохозяйственного назначения, землеустройство городов и промышленных районов характеризовалось незначительно. Другой составной частью системы являлись акты о предоставлении владения или пользованию земельным участком. Переход от одного землепользователя к другому происходил при изъятии у одного лица (бывшего землепользователя) и передаче другому лицу (новому землепользователю) только под контролем органов исполнительной власти.

Третий этап в истории советского земельного права был ознаменован «перестройкой». По мнению ученого О.И. Крассова, попытка восстановления права частной собственности на землю было установление титула «пожизненное наследуемое владение» [Крассов, 2000, 19]. Данный термин был закреплен в статьях 5 и 20 «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» от 28 февраля 1990 года. В данном принципе важен был характер подставляемых земель для пожизненного наследуемого владения, а именно для крестьянского

и личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, садоводства и животноводства; дачного строительства и т.д.

Полное возвращение частной собственности на земельные участки было осуществлено 1 января 1991 года в соответствии с принятыми законами «О земельной реформе» и «О собственности в РСФСР». С этого момента земля могла находиться в государственной, муниципальной, частной собственности, а также предоставляться во владение и пользование гражданину, юридическому лицу, государственным, национально-государственным и административно-территориальным образованиям. Зарождение нового объекта гражданского оборота является поводом создания нового порядка регистрации земельных участков.

С 11 декабря 1993 года издание Указа «О государственном земельном кадастре и регистрации документов о правах на недвижимость» повлияло на создание единой системы регистрации и оформления документов о правах на недвижимость, которую осуществлял Комитет Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству.

После принятия глобальных нововведений вырос спрос на малообъемные земельные участки для дачных построек, что вызвало земельные споры, так как в государственном кадастре не было четкого разграничения земельных участков сведений, о местоположении разделяющих смежные земельные участки. С увеличением числа собственников государство приняло решение о создании централизованного органа, а именно Федеральной регистрационной службы. В октябре 2004 года была создана Федеральная регистрационная служба, а с 1 января 2005 года центральный аппарат и территориальные органы Федеральной регистрационной службы, действия которых распространялись на регистрацию прав, на недвижимость и сделок с ними на всей территории государства. Систематизация исполнительных органов так же привела к развитию более точного измерения границ и перехода на электронные ресурсы, где возможно информирование на цифровых картах.

Заключаящей точкой в реформации регистрационной системе земельных участков стал Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» от 24 июля 2007 года, его направленность была также на создание единой многоуровневой системы оформления земли как объект гражданского права, также ведения кадастровой документации. С 2008 года в силу Указа Президента РФ № 1847 Росрегистрация сменила название на Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии. С 1 января 2017 года сведения (базы данных), содержащиеся в Государственном кадастре недвижимости и ЕГРП, вошли в состав Единого государственного реестра недвижимости.

На сегодняшний момент системы государственной регистрации прав на земельные участки и сделок с ними осуществляют Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, и их территориальные органы. Сегодня, данный регистрирующий орган продолжает свое развитие и постепенное создание эффективной системы обеспечения предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере учетно-регистрационной системы земельных отношений.

Заключение

Итогом проведенного анализа истории становления и развития системы государственной регистрации прав на земельные участки, недвижимое имущество и сделок с ними является постепенный процесс создания общего централизованного органа учета и оформление документированного закрепления прав граждан на земельные участки. Данный длительный процесс был обусловлен политическим и экономическим положением государства на разных

временных периодах. Начиная от Древней Руси и заканчивая нашим временем, можно понять, насколько сильно стала важность для субъектов гражданского права юридически грамотная регистрация недвижимости. Именно создание и развитие системы регистрации является важным в понимании механизма работы данной системы в наше время и для будущего его развития.

Библиография

1. Декрет II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. О земле. 1917. URL: <http://istmat.info/node/27653>
2. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах. 1918. URL: <http://istmat.info/node/30987>
3. Ежегодник Российской Империи 1906 года Центральный статистический комитет МВД. «Составъ совокупности I и II группъ по категориямъ владѣній и сословіямъ личныхъ владѣльцевъ». URL: <http://istmat.info/node/23902>
4. Закон РСФСР № 374-1 «О земельной реформе» от 23.11.1990. URL: http://www.consultant.ru_doc_LAW_30/
5. Закон РСФСР № 443-1 «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990. URL: http://www.consultant.ru_doc_LAW_37/
6. Закон СССР № 3401-VII «Об утверждении Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13.12.1968. URL: http://www.consultant.ru_doc#0761079290
7. Зуй Ю.В. Институт права частной собственности на землю в российском государстве. Краснодар, 2004. С. 15.
8. Крассов О.И. Право частной собственности на землю. М., 2000. 379 с.
9. Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914. С. 3.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: Собрание 1: по 12 декабря 1825 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/358610>
11. Положение о нотариальной части 1866 г. Материалы по судебной реформе в России 1864 года: т. 1-74. URL: <https://www.prlib.ru/item/343209>
12. Постановление ВС СССР № 1252-1 «О введении в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» от 28.02.1990. URL: <http://www.consultant.ru#00901542107332729>
13. Постановление ВЦИК «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») от 11.11.1922. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi%3Ffreq%3Ddoc>
14. Постановление ВЦИК «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на IV сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом РСФСР») от 30.10.1922. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi19492#02635252160422916>
15. Сергиевская Н.Д. История Земельного кодекса РСФСР 1922 г. (подготовка и принятие): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 15.
16. Указ «Об изменении и дополнении некоторых постановлений об крестьянском землевладении» // Свод Законов Российской Империи. Особые положения. Том IX. Книга третья, глава вторая.
17. Указ Президента РФ № 2130 «О государственном земельном кадастре и регистрации документов о правах на недвижимость» от 11.12.1993.
18. Циркулярное письмо ЦК ВКП (б) в связи с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 19.06.1939. URL: <http://istmat.info/node/36456>

Formation and development of the system of state registration of rights to real property and transactions with it in Russia

Andrei V. Zuev

PhD in History,
Associate Professor of the Private Law Department,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: univerandrey@mail.ru

Mikhail P. Borodin

PhD in History,
Associate Professor of the Department of Retraining
and Advanced Training of Specialists,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia,
196105, 149, Moskovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: michaelborodin@mail.ru

Sergei N. Rubtsov

Doctor of History,
Professor of the Departments of Social Sciences,
Northwest Institute of Management of RANEPa,
199178, 57, Srednii ave. of Vasilievsky Island,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Valentina A. Besedina

PhD in Pedagogy, PhD in Law,
Professor of the Department of Private Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: valya_jur@mail.ru

Abstract

The historical roots preceding the emergence of the institution of private property rights to land originate in Ancient Rus'. The first mentions related to land accounting were addressed to church lands, which secured the rights of the clergy to certain areas. The article examines the issue of the formation and development of the system of state registration of rights to real estate and transactions with it in Russia. The authors draw attention to the fact that the result of the analysis of the history of the formation and development of the system of state registration of rights to land plots, real estate and transactions with them is the gradual process of creating a general centralized accounting body and the formalization of documented consolidation of citizens' rights to land plots. It is noted that the long process was determined by the political and economic position of the state at different time periods. Starting from Ancient Rus' to our time, one can understand how important the legally competent registration of real estate has become for subjects of civil law. The authors concluded that it is the creation and development of the registration system that is important in understanding the mechanism of operation of this system in our time and for its future development.

For citation

Zuev A.V., Borodin M.P., Rubtsov S.N., Besedina V.A. (2023) Stanovlenie i razvitie sistemy gosudarstvennoi registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim v Rossii [Formation and development of the system of state registration of rights to real property and transactions with it in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 242-251. DOI: 10.34670/AR.2023.25.22.031

Keywords

State registration, land plots, real estate, real estate registration object, legal act, legal institution, cadastral system.

References

1. *Dekret II Vserossiiskogo S'ezda Sovetov Rabochikh, Soldatskikh i Krest'yanskikh Deputatov. O zemle. 1917* [Decree of the II All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. About the land. 1917]. Available at: <http://istmat.info/node/27653> [Accessed 10/10/2023]
2. *Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov Rabochikh, Soldatskikh, Krest'yanskikh i Kazach'ikh Deputatov. Ob otmene prava chastnoi sobstvennosti na nedvizhimosti v gorodakh. 1918* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the Councils of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossacks' Deputies. On the abolition of private property rights to real estate in cities. 1918]. Available at: <http://istmat.info/node/30987> [Accessed 10/10/2023]
3. *Ezhegodnik Rossiiskoi Imperii 1906 goda Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD. Sostav sovokupnosti I i IT grupp po kategoriyam "vladēnii i sosloviyam lichnykh" vladēl'tsev* [Yearbook of the Russian Empire 1906 Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. "Composition of the totality of I and IT groups by categories of ownership and classes of personal owners"]. Available at: <http://istmat.info/node/23902> [Accessed 10/10/2023]
4. Krassov O.I. (2000) *Pravo chastnoi sobstvennosti na zemlyu* [The right of private ownership of land]. Moscow.
5. Leont'ev A.A. (1914) *Krest'yanskoe pravo. Sistematischeskoe izlozhenie osobennostei zakonodatel'stva o krest'yanakh* [Peasant law. A systematic presentation of the features of legislation on peasants]. St. Petersburg.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda: Sobranie 1: po 12 dekabrya 1825 g.* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649: Collection 1: to December 12, 1825]. Available at: <https://www.prilib.ru/item/358610> [Accessed 10/10/2023]
7. *Polozhenie o notarial'noi chasti 1866 g. Materialy po sudebnoi reforme v Rossii 1864 goda: t. 1-74* [Regulations on the notarial part of 1866. Materials on judicial reform in Russia in 1864: t. 1-74]. Available at: <https://www.prilib.ru/item/343209> [Accessed 10/10/2023]
8. *Postanovlenie VS SSSR № 1252-1 «O vvedenii v deistvie Osnov zakonodatel'stva Soyuzov SSR i soyuznykh respublik o zemle» ot 28.02.1990* [Resolution of the USSR Supreme Council No. 1252-1 "On the implementation of the Fundamentals of the Legislation of the USSR and Union Republics on Land" dated 02.28.1990]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?3Freq%3Ddoc> [Accessed 10/10/2023]
9. *Postanovlenie VTsIK «O vvedenii v deistvie Grazhdanskogo kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Grazhdanskim kodeksom R.S.F.S.R.») ot 11.11.1922* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the entry into force of the Civil Code of the R.S.F.S.R." (together with the "Civil Code of the R.S.F.S.R.") dated November 11, 1922]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi%3Freq%3Ddoc> [Accessed 10/10/2023]
10. *Postanovlenie VTsIK «O vvedenii v deistvie Zemel'nogo Kodeksa, prinyatogo na IV sessii IX sozyva» (vmeste s «Zemel'nym Kodeksom R.S.F.S.R.») ot 30.10.1922* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the implementation of the Land Code adopted at the IV session of the IX convocation" (together with the "Land Code of the R.S.F.S.R.") dated 10/30/1922]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi19492#02635252160422916> [Accessed 10/10/2023]
11. Sergievskaya N.D. (1954) *Istoriya Zemel'nogo kodeksa RSFSR 1922 g. (podgotovka i prinyatie). Doct. Dis.* [History of the Land Code of the RSFSR of 1922 (preparation and adoption). Doct. Dis.]. Moscow.
12. *Tsirkulyarnoe pis'mo TsK VKP (b) v svyazi s postanovleniem TsK VKP (b) i SNK SSSR «O merakh okhrany obshchestvennykh zemel' kolkhozov ot razbazarivaniya» ot 19.06.1939* [Circular letter of the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) in connection with the resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) and the Council of People's Commissars of the USSR "On measures to protect public lands of collective farms from squandering" dated June 19, 1939]. Available at: <http://istmat.info/node/36456> [Accessed 10/10/2023]
13. Ukaz «Ob izmenenii i dopolnenii nekotorykh postanovlenii ob krest'yanskom zemlevladienii» [Decree "On amendments and additions to some regulations on peasant land ownership"]. In: *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Osobyie polozheniya. Tom IX. Kniga tret'ya, glava vtoraya* [Code of Laws of the Russian Empire. Special provisions. Volume IX. Book three, chapter two].
14. Ukaz Prezidenta RF № 2130 «O gosudarstvennom zemel'nom kadastrе i registratsii dokumentov o pravakh na nedvizhimost'» ot 11.12.1993 [Decree of the President of the Russian Federation No. 2130 "On the state land cadastre and registration of documents on real estate rights" dated December 11, 1993].
15. *Zakon RSFSR № 374-1 «O zemel'noi reforme» ot 23.11.1990* [Law of the RSFSR No. 374-1 "On land reform" dated November 23, 1990]. Available at: http://www.consultant.ru_doc_LAW_30/ [Accessed 10/10/2023]
16. *Zakon RSFSR № 443-1 «O sobstvennosti v RSFSR» ot 24.12.1990* [Law of the RSFSR No. 443-1 "On property in the RSFSR" dated December 24, 1990]. Available at: http://www.consultant.ru_doc_LAW_37/ [Accessed 10/10/2023]

-
17. *Zakon SSSR № 3401-VII «Ob utverzhdenii Osnov zemel'nogo zakonodatel'stva Soyuzna SSR i soyuznykh respublik» ot 13.12.1968* [USSR Law No. 3401-VII “On approval of the Fundamentals of Land Legislation of the USSR and Union Republics” dated December 13, 1968]. Available at: <http://www.consultant=doc#0761079290> [Accessed 10/10/2023]
 18. Zui Yu.V. (2004) *Institut prava chastnoi sobstvennosti na zemlyu v rossiiskom gosudarstve* [Institute of private property rights to land in the Russian state]. Krasnodar.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.31.98.032

Актуальные проблемы размещения мобильных производственных объектов на землях, используемых в порядке главы V.6 ЗК РФ, при строительстве дорожной сети

Белоplotov Антон Олегович

Аспирант кафедры земельного, градостроительного
и экологического права,
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620066, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: Beloplotov@mail.ru

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Современное градостроительство: новые вызовы», отобранного по итогам конкурса научных проектов ведущих научных школ УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева 2023-2024 гг.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные аспекты размещения и эксплуатации мобильного производственного оборудования на землях, разрешение на использование которых выдано без предоставления земельных участков и установления сервитута, в целях возведения некапитальных строений, сооружений для обеспечения строительства, реконструкции объектов дорожной сети федерального, регионального или местного значения. Также в статье на основании правоприменительной практики проанализированы основные способы защиты прав граждан и юридических лиц, нарушенных в связи с таким размещением. Автор обосновывает, что существует несколько способов защиты прав граждан и юридических лиц в случае размещения некапитальных объектов в порядке статьи 39.33 Земельного кодекса Российской Федерации вблизи их места жительства (нахождения). При этом автор приходит к выводу, что наиболее эффективным способом защиты является понуждение застройщика к надлежащему соблюдению санитарно-эпидемиологических и иных экологических норм.

Для цитирования в научных исследованиях

Белоplotov А.О. Актуальные проблемы размещения мобильных производственных объектов на землях, используемых в порядке главы V.6 ЗК РФ, при строительстве дорожной сети // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 252-263. DOI: 10.34670/AR.2023.31.98.032

Ключевые слова

Использование земель без предоставления земельных участков и установления сервитута, некапитальные строения и сооружения, мобильный асфальтобетонный завод, дробильно-сортировочный комплекс, охрана окружающей среды.

Введение

Процесс реализации любого крупного строительного проекта, помимо иных немаловажных вопросов, сопряжен с разрешением главного – наличием и предоставлением земельного участка (территории), на котором будет производиться строительство (п. 1 ч. 2 ст. 5.2 ГрК РФ).

Помимо участка, предназначенного непосредственно под размещение объекта, неизбежно в проекте требуется предусмотреть территорию, на которой будут размещены сопутствующие объекты: бытовой городок, стоянка транспортных средств, места хранения строительных материалов и инвентаря.

Однако если для строительства зданий указанный вопрос решается достаточно просто, то для реализации таких проектов, как строительство или ремонт линейных объектов, использование земель для размещения таких «вспомогательных» объектов влечет необходимость учета дополнительных обстоятельств (возможность технологического присоединения к системе электроснабжения, расстояние до места строительства линейного объекта и т.п.).

Здесь уже немаловажную роль играет экономический фактор, так как каждый исполнитель государственного (муниципального) контракта стремится снизить издержки, связанные со строительством или ремонтом линейного объекта.

Как правило, разрешение на использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, под размещение таких объектов выдается в порядке статьи 39.33 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ).

В соответствии с данной нормой, одним из случаев использования земель или земельных участков без их предоставления и установления сервитута, публичного сервитута является возведение некапитальных строений, сооружений (включая ограждения, бытовки, навесы), складирование строительных и иных материалов, техники для обеспечения строительства, реконструкции линейных объектов федерального, регионального или местного значения.

Вместе с тем зачастую лицо, получившее соответствующее разрешение, в процессе использования земель существенно злоупотребляет своими правами, а земли используются без учета требований охраны окружающей среды.

Наибольшее количество таких злоупотреблений имеет место при строительстве дорожной сети.

Так, зачастую земли, используемые застройщиком в порядке статьи 39.33 ЗК РФ под размещение некапитальных объектов и складирования строительных материалов, эксплуатируются для размещения целых производственных комплексов (мобильные асфальтобетонные заводы, дробильно-сортировочные комплексы).

Разрешение на использование земель, предусмотренное статьей 39.33 ЗК РФ, не дает права лицу, которому оно выдано, на строительство или реконструкцию объектов капитального строительства. В случае строительства на таких землях соответствующих объектов последние будут являться самовольными постройками (статья 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [Боголюбов, Бутовецкий, Ковалева, 2017, 168]).

Вместе с тем такое ограничение формально соблюдается в случае размещения мобильных асфальтобетонных заводов, комплексов дробилок и измельчителей, так как указанные комплексы не являются объектами капитального строительства, а представляют собой мобильные технические установки.

При этом производительность такого «оборудования» достигает 80 тонн/час, а габариты самой установки составляют 30/40 метров [Асфальтобетонные заводы Мустанг 60-80 тонн/час,

www], что позволяет полностью обеспечить реализацию проекта строительства соответствующего объекта региональной или муниципальной дорожной сети.

Размещение обозначенных асфальтобетонных установок на землях, использование которых разрешено в порядке статьи 39.33 ЗК РФ, на сегодняшний день является сложившейся практикой.

Вместе с тем, с учетом обозначенных выше экономических причин, такое размещение зачастую осуществляется вблизи населенных пунктов, что приводит к многочисленным протестам местных жителей в связи с ухудшением состояния окружающей среды [АСВ-строй] незаконно строит асфальтовый завод, www; Асфальтовый завод перенесли на 500 метров от Баляги после жалоб жителей, www].

Такое размещение связано с тем, что вблизи населенных пунктов практически всегда есть точка технологического присоединения к сетям электроснабжения, отсутствует необходимость в строительстве подъездных дорог, что существенным образом снижает финансовые затраты застройщика.

В такой ситуации имеющееся правовое регулирование не только допускает использование земель, например, сельскохозяйственного назначения, фактически в производственных целях, но и в отдельных случаях приводит к нарушению прав неопределенного круга лиц.

В настоящей статье предлагается рассмотреть возможность размещения и работы мобильного производственного оборудования на землях, разрешение на использование которых выдано без предоставления земельных участков и установления сервитута, в целях возведения некапитальных строений, сооружений для обеспечения строительства, реконструкции объектов дорожной сети федерального, регионального или местного значения, а также проанализировать наиболее эффективные способы защиты прав граждан, нарушенных в связи с таким размещением.

Квалификация мобильного производственного оборудования для целей главы V.6 ЗК РФ

Глава V.6 ЗК РФ в достаточной степени рассмотрена рядом авторов, которые отмечают как отрицательные, так и положительные моменты в ее содержании [Смоляков, 2020; Смоляков, 2018; Смоляков, 2019; Смоляков, 2022].

Например, А.Л. Корнеев отмечает, что в результате применения положений главы V.6 ЗК РФ создается специальный правовой режим «дозволенных действий», при котором: «собственник продолжает оставаться собственником, пользователь получает возможность удовлетворить свои потребности, а нужды в применении тех или иных договоров нет» [Боголюбов, Бутовецкий, Ковалева, 2016, 18].

Именно в контексте правового режима «дозволенных действий» рассмотрим проблему более детально применительно к вопросу, что именно считать объектами, возведение которых допускается на предоставленных землях, и можно ли к таковым отнести оборудование по типу приведенного выше – мобильные асфальтобетонные заводы, дробильно-сортировочные комплексы.

В соответствии с частью 1 статьи 39.33 ЗК РФ, использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, за исключением земельных участков, предоставленных гражданам или юридическим лицам, может осуществляться без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута, в том числе в случае возведения некапитальных строений, сооружений (включая

ограждения, бытовки, навесы), складирование строительных и иных материалов, техники для обеспечения строительства, реконструкции линейных объектов федерального, регионального или местного значения.

Некапитальные строения, сооружения – строения, сооружения, которые не имеют прочной связи с землей и конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений) (подпункт 10.2 статьи 1 ГрК РФ).

С учетом внесенных изменений в августе 2023 года в рассматриваемую статью (статья 39.33 ЗК РФ) мобильное производственное оборудование (асфальтосмесительная установка, комплекс дробилок) подпадает под понятие «некапитальные сооружения», что указывает на правомерность их размещения на участке с использованием данного правового механизма использования земель.

Фактически целью размещения таких производственных комплексов является организация постоянного производственного процесса, конечный продукт которого (асфальтобетон) используется для строительства дорожной сети.

К строительной же технике рассматриваемое мобильное производственное оборудование отнесено быть не может, так как при буквальном прочтении подпункта 3 пункта 1 статьи 39.33 ЗК РФ можно сделать вывод, что в нем содержатся две самостоятельные цели использования земель: (1) *возведение* некапитальных строений, сооружений (включая ограждения, бытовки, навесы), (2) *складирование* строительных и иных материалов, техники для обеспечения строительства, реконструкции линейных объектов.

Следовательно, из буквального толкования данной нормы можно сделать вывод, что использование земель в данном случае возможно исключительно для целей хранения строительной техники.

В свою очередь, мобильные асфальтобетонные заводы и дробильно-сортировочные установки постоянно эксплуатируются компанией-застройщиком.

Таким образом, указанные виды мобильного производственного оборудования относятся к некапитальным объектам и могут быть размещены на землях, используемых в порядке подпункта 3 пункта 1 статьи 39.33 ЗК РФ.

При этом эксплуатация таких объектов должна осуществляться с соблюдением всех нормативов и требований, в том числе в части предельно допустимых концентраций опасных веществ.

Отметим, что вновь введенная формулировка «некапитальные строения, сооружения» является более широкой по сравнению с предыдущей редакцией, что дает дозволение застройщику размещать на таких землях фактически любые некапитальные объекты, не вдаваясь в проблемы их квалификации в качестве временных или вспомогательных.

Проблемы защиты прав граждан в связи с нахождением мобильного производственного комплекса вблизи населенного пункта

В подавляющем большинстве случаев, в том числе приведенных в настоящей статье, одним из оснований возникновения споров относительно правомерности размещения асфальтосмесительной установки и комплекса дробилок явилось существенное ухудшение состояния окружающей среды.

Возникает закономерный вопрос: каким образом граждане и организации могут защитить свои права в подобной ситуации?

Особенно актуальным указанный вопрос стал в последнее время, что связано с инициированием масштабных строительно-ремонтных работ в отношении дорожной сети, осуществляемых в рамках реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», [www](#)], контроль за соблюдением законодательства о которых имеет особый приоритет [Приказ Генпрокуратуры России от 14.03.2019 № 192, [www](#)].

В научной литературе проблематику охраны прав граждан при размещении вблизи их места жительства мобильного производственного оборудования рассматривал ряд авторов.

По мнению Ю.Д. Сюбаевой, в подобной ситуации «суд должен назначить компенсационные выплаты в разумных пределах, которые явились бы возмещением за длительное претерпевание гражданами негативного воздействия. Данное положение приведет к балансу интересов между гражданами и предприятиями, когда деятельность последних не может быть прекращена ввиду общественного интереса» [Боголюбов, Бутовецкий, Ковалева, 2021, 49].

Однако правоприменительные реалии существенным образом отличаются от подходов, которые предлагаются юридической наукой, а сами способы защиты прав граждан в подобных ситуациях достаточно разнообразны.

Не углубляясь в практику административных способов защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду (обращение в органы Прокуратуры Российской Федерации, в Федеральную службу по надзору в сфере природопользования и другие), рассмотрим имеющиеся возможности именно судебной защиты.

Оспаривание разрешения на использование земель или земельного участка без предоставления земельного участка и установления сервитута

Разрешение, выданное застройщику в порядке главы V.6 ЗК РФ, может быть оспорено в качестве самостоятельного ненормативного акта по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) либо по правилам главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), в случае, если оспариваемым разрешением затрагиваются права заявителей в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

При этом такое обжалование возможно до начала строительства и размещения соответствующего производственного комплекса, что способно предотвратить причинение вреда окружающей среде.

Оспариваемое разрешение в ходе судебного контроля должно быть проверено на соответствие всем требованиям, так как суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в заявлении (часть 8 статьи 226 КАС РФ).

Правоприменительная практика по заявлениям об оспаривании разрешений на использование земель без предоставления земельного участка и установления сервитута для целей размещения временных и вспомогательных объектов (подпункт 3 части 1 статьи 39.33 ЗК РФ) исходит из того, что при формальном соответствии оспариваемого ненормативного акта установленным требованиям в удовлетворении заявления надлежит отказать.

Например, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 29.09.2022 по делу

№ А71-14972/2021 (Определением Верховного Суда РФ от 27.01.2023 № 309-ЭС22-27543 отказано в передаче дела № А71-14972/2021 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления) суд указал следующее: «Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства в соответствии с положениями ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, установив отсутствие оснований, предусмотренных пунктом 8 раздела 2 Административного регламента, для отказа в предоставлении разрешения обществу «МРСК Центра и Приволжья» на использование спорного земельного участка без его предоставления и установления сервитута, суды пришли к выводу о том, что оспариваемое решение является законным и обоснованным, и не нарушает прав заявителя.

Судами обоснованно отклонен довод предпринимателя о том, что размещение спорного электросетевого объекта и наличие охранной зоны препятствует ведению предпринимательской деятельности, существенно затрудняет проезд легкового автотранспорта, делает невозможным проезд грузовых автомобилей, крупногабаритной спецтехники, создает угрозу жизни и здоровью пешеходов, фактически ограничивает право пользования собственником земельными участками и объектами капитального строительства.

В отсутствие совокупности условий, необходимой для признания оспариваемого решения незаконным, в удовлетворении заявления отказано правомерно».

Напротив, при нарушении требований (например, при использовании земель для строительства объектов, не поименованных в статье 39.33 ЗК РФ) ненормативный акт признается недействительным.

Так, в апелляционном определении Челябинского областного суда от 15.01.2016 по делу № 11-699/2016 суд отметил: «Для строительства иных объектов (не указанных в статье 39.33 ЗК РФ), действующее земельное законодательство не предусматривает использование земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления и установления сервитута.

Отсутствие нормы права, позволяющей разрешить использование земельного участка в целях, указанных в оспоренном распоряжении, свидетельствует о незаконности данного распоряжения, решение суда в этой части является верным».

Полагаем, что при рассмотрении данной категории дел существенное значение должны иметь в том числе вопросы правомерности размещения таких некапитальных объектов на конкретной территории. В частности, соответствие предполагаемого использования земель требованиям водного законодательства (часть 15 статьи 65 ВК РФ), если использование земель планируется осуществлять вблизи водоема, наличие угрозы жизни и здоровью населения.

Так, например, суды отказывают в иске застройщика, которому отказано в выдаче соответствующего разрешения, к администрации в случае, если объекты, для размещения которых испрашивалась территория, не могут размещаться вблизи жилой застройки и создают угрозу жизни и здоровью населения [Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 по делу № А41-19500/2020, [www](http://www.kad.arbitr.ru)].

Отметим, что законность ненормативного акта суд также может оценить и при рассмотрении материально-правового требования к публично-правовому образованию в рамках гражданского производства с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами».

На необходимость производства такой оценки обращают внимание и представители научного сообщества [Смоляков, 2023].

Иск о запрещении деятельности, создающей опасность

Статья 1065 ГК РФ предусматривает возможность обращения с иском о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда, что также применимо к деятельности по размещению и эксплуатации мобильных производственных установок.

При этом, как разъяснено в пункте 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», наличие у ответчика разрешительной документации на осуществление деятельности, создающей опасность причинения вреда, положительного заключения экологической экспертизы, не является основанием для отказа в иске.

Вместе с тем абзац 2 пункта 2 статьи 1065 ГК предусматривает, что суд может отказать в иске о приостановлении либо прекращении соответствующей деятельности, если это противоречит публичным интересам.

Учитывая обозначенный выше статус национального проекта у работ по строительству объектов дорожной сети, наличие публичного интереса у значительного количества строительных работ представляется очевидным.

В такой ситуации приостановление деятельности мобильного производственного комплекса может быть квалифицировано как нарушающее общественный интерес, а в удовлетворении искового заявления будет отказано.

На наличие данной проблемы также обоснованно обращает внимание Ю.Д. Сюбаева [Сюбаева, 2021, 48], в подтверждение чего ссылается на судебную практику.

Однако наличие публичного интереса является не единственным основанием для возможного отказа в удовлетворении исковых требований.

Истец должен доказать реальность наступления для него опасности (причинение вреда) в результате осуществления этой деятельности. В противном случае в удовлетворении иска будет отказано вне зависимости от отсутствия/наличия публичного интереса.

Например, в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2021 № 88-175/2021 суд, оставляя судебные акты нижестоящих инстанций без изменения, указал: «Разрешая спор по существу и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что деятельность ООО «Вика» соответствует закону, а истец не доказал реальность наступления для него опасности в результате осуществления этой деятельности.

Доводы кассационной жалобы о том, что производственная деятельность ООО «Вика» относится ко второму классу опасности являлись предметом оценки суда апелляционной инстанции, который правомерно указал, что данные доводы какими либо доказательствами не подтверждены и опровергаются санитарно-эпидемиологическим заключением главного государственного санитарного врача Челябинской области от 17 августа 2017 года, в котором определен третий класс опасности. Кроме того, расстояние от земельного участка с кадастровым номером <данные изъяты> до земельного участка истца составляет не менее 680 м, что превышает размер санитарно-защитной зоны, установленной для объектов второго класса опасности (500 м)».

Таким образом, следует констатировать, что при существующем правовом регулировании рассматриваемых отношений способы судебной защиты нарушенных прав граждан и организаций достаточно разнообразны.

Вместе с тем правоприменительная практика показывает, что при размещении мобильного производственного комплекса в порядке подпункта 3 части 1 статьи 39.33 ЗК РФ вблизи населенного пункта его полная «ликвидация» представляется достаточно затруднительной, а судебные решения зачастую принимаются не в пользу заявителей.

Понуждение к соблюдению экологического законодательства

Несколько иначе складывается правоприменительная практика при заявлении требований о соблюдении со стороны застройщика требований санитарно-эпидемиологического законодательства, а также законодательства об охране окружающей среды.

Так, например, с точки зрения практики интересен кейс, имевший место в Челябинской области.

Изначально гражданин обратился в суд с иском к застройщику о запрете эксплуатировать асфальтосмесительную установку до устранения нарушений действующих санитарных норм и правил.

Исковое заявление было удовлетворено. После вступления судебного акта в законную силу региональным Управлением Роспотребнадзора в отношении площадки была установлена санитарно-защитная зона в размере 300 метров.

Однако гражданин оспорил решение Управления в части размера санитарно-защитной зоны. По мнению административного истца, ее размер должен составлять 500 метров.

По результатам судебной экспертизы асфальтобетонная установка по своим техническим характеристикам и производственному технологическому была квалифицирована в качестве стационарного асфальтобетонного завода, который относится к объектам II класса опасности с необходимостью установления санитарно-защитной зоны в размере 500 метров. С учетом выводов судебной экспертизы иск был удовлетворен [ассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 № 88а-11711/2022 по делу № 2а-2663/2021, www].

Требования о приведении деятельности в соответствии с санитарными нормами и правилами могут быть заявлены также со стороны органов Прокуратуры Российской Федерации [Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2021 № 88-4477/2021, www; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 19.02.2018 по делу № 33-3390/2018, www].

Таким образом, граждане и организации посредством контроля за соблюдением со стороны застройщика санитарно-эпидемиологических норм имеют реальную возможность минимизировать негативное воздействие и «отодвинуть» мобильное производственное оборудование застройщика на безопасное расстояние от населенного пункта.

Примечательно, что защиту нарушенных экологических прав должны инициировать граждане или уполномоченные государственные органы, так как, например, органы местного самоуправления не вправе обращаться с исками в защиту неопределенного круга лиц о запрете деятельности хозяйствующих субъектов [Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.04.2020 по делу № 88-6665/2020, www].

Заключение

Несмотря на правомерный характер размещения на землях, используемых в порядке главы V.6. ЗК РФ, мобильного производственного оборудования (асфальтосмесительные установки, дробильно-сортировочные комплексы), такие некапитальные объекты должны эксплуатироваться в соответствии с действующими санитарными нормами с соблюдением прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Правоприменительная практика по спорам относительно эксплуатации подобного оборудования свидетельствует о преваливании публичных интересов над частными. Правообладателям близлежащих земельных участков предлагается претерпевать значительные неудобства во благо реализации строительных проектов федерального, регионального и муниципального уровней.

Наиболее эффективным способом минимизации претерпеваемых неудобств представляется понуждение организации, эксплуатирующей оборудование, строго соблюдать действующее законодательство об охране окружающей среды.

При этом эффективный контроль за соблюдением соответствующих требований со стороны застройщика при эксплуатации мобильного производственного оборудования требует применения всех четырех групп организационно-правовых мер охраны окружающей среды [Круглов, 2018].

Иными словами, при реализации масштабных строительных проектов в отношении линейных объектов органы публичной администрации, правоохранительные органы должны принимать активное участие в защите частных интересов посредством усиления контрольно-надзорных мероприятий, эффективное проведение которых будет способствовать снижению конфликтных ситуаций.

Вместе с тем обращение граждан и организаций за судебной защитой, как показывает практика, является самым эффективным способом защиты своих прав при размещении вблизи населенного пункта мобильных производственных объектов в порядке главы V.6 ЗК РФ.

Библиография

1. Анисимова А.П. и др. Актуальные проблемы теории земельного права России. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.
2. «АСВ-строй» незаконно строит асфальтовый завод. URL: <https://tverigrad.ru/tblog/asv-stroj-nezakonno-stroit-asfaltovyj-zavod/>.
3. Асфальтобетонные заводы Мустанг 60-80 тонн/час. URL: <http://asphalt-zavod.ru/mustang-60-80>.
4. Асфальтовый завод перенесли на 500 метров от Баляги после жалоб жителей. URL: <https://zabrab75.ru/news/obshhestvo/asfaltovyj-zavod-perenesli-na-500-metrov-ot-balyagi-posle-zhalob-zhitelej/>
5. Боголюбов С.А., Бутовецкий А.И., Ковалева Е.Л. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 784 с.
6. Гаевская Е.Ю., Вагина О.В. Особенности использования земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, без их предоставления и установления сервитута // Бизнес, Менеджмент и Право. 2018. № 4. С. 42-44.
7. Игнатъева И.А. Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика. М.: Проспект, 2019. 368 с.
8. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 № 88а-11711/2022 по делу № 2а-2663/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Корнеев А.Л. Некоторые вопросы использования земельных участков без предоставления и установления сервитута // Юрист. 2016. № 14. С. 15-19.
10. Круглов В.В. Организационно-правовое обеспечение охраны окружающей среды // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 179-182.
11. Кузьмин Р.Р. Использование земли без предоставления и установления сервитута как фиктивная категория. Ее влияние на вещное право // Хозяйство и право. 2022. № 6. С. 53-61.

12. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов: приказ Генпрокуратуры России от 14.03.2019 № 192 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2021 № 88-4477/2021; апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 19.02.2018 по делу № 33-3390/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.04.2020 по делу № 88-6665/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 15) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 по делу № А41-19500/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Смоляков П.Н. Оспаривание ненормативных правовых актов // СПС «КонсультантПлюс». 2023.
18. Сюбаева Ю.Д. Некоторые особенности разрешения соседских конфликтов, связанных с деятельностью юридических лиц // Юрист. 2021. № 4. С. 46-50.

Actual problems of placement of mobile production facilities on the lands used in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation during the construction of the road network

Anton O. Beloplotov

Postgraduate Sstudent of the Department of land, urban planning
and environmental law,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620066, 21 Komsomol'skaya str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: Beloplotov@mail.ru

Abstract

The article discusses the problematic aspects of the placement and operation of stationary production equipment on land, the permission for the use of which was issued without the provision of land and the establishment of an easement, in order to erect non-capital buildings, structures to ensure the construction, reconstruction of road network facilities of federal, regional or local significance. Also in the article, based on law enforcement practice, the main ways of protecting the rights of citizens and legal entities violated in connection with such placement are analyzed. The author substantiates that there are several ways to protect the rights of citizens and legal entities in the case of placement of non-capital objects in accordance with Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation near their place of residence (location). At the same time, the author comes to the conclusion that the most effective way of protection is to compel the developer to properly comply with sanitary and epidemiological norms and other environmental standards.

For citation

Beloplotov A.O. (2023) Aktual'nye problemy razmeshcheniya mobil'nykh proizvodstvennykh ob'ektov na zemlyakh, ispol'zuemykh v poryadke glavy V.6 ZK RF, pri stroitel'stve dorozhnoy seti [Actual problems of placement of mobile production facilities on the lands used in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation during the construction of the road network]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 252-263. DOI: 10.34670/AR.2023.31.98.032

Keywords

Land use without the provision of land plots and the establishment of an easement, non-capital buildings and structures, mobile asphalt plant, crushing and screening complex, environmental protection.

References

1. Anisimova A.P. et al. (2020) *Aktual'nye problemy teorii zemel'nogo prava Rossii* [urrent problems of the theory of land law in Russia]. Moscow: Yustitsinform Publ.
2. *Asfal'tobetonnye zavody Mustang 60-80 tonn/chas* [Asphalt concrete plants Mustang 60-80 tons/hour]. Available at: <http://asphalt-zavod.ru/mustang-60-80>.
3. *Asfal'tovyy zavod perenesli na 500 metrov ot Balyagi posle zhalob zhiteley* [The asphalt plant was moved 500 meters from Balyagi after complaints from residents]. Available at: <https://zabrab75.ru/news/obshhestvo/asfaltovyy-zavod-perenesli-na-500-metrov-ot-balyagi-posle-zhalob-zhitelej/>
4. *ASV-stroy" nezakonno stroit asfal'tovyy zavod* [ASV-Stroy is illegally building an asphalt plant]. Available at: <https://tverigrad.ru/tblog/asv-strojj-nezakonno-stroit-asfaltovyyj-zavod/>.
5. Bogolyubov S.A., Butovetskiy A.I., Kovaleva E.L. (2017) *Kommentariy k Zemel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Commentary on the Land Code of the Russian Federation (item-by-item)], 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.
6. Gaevskaya E.Yu., Vagina O.V. (2018) *Osobennosti ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy i munitsipal'noy sobstvennosti, bez ikh predostavleniya i ustanovleniya servituta* [Features of the use of land plots in state and municipal ownership without their provision and establishment of easements]. *Biznes, Menedzhment i Pravo* [Business, Management and Law], 4, pp. 42-44.
7. Ignat'eva I.A. (2019) *Ispol'zovanie zemel' i zemel'nykh uchastkov s ob'ektami elektroenergetiki: pravo i praktika* [The use of lands and land plots with electric power facilities: law and practice]. Moscow: Prospekt Publ.
8. *Kassatsionnoe opredelenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 26.07.2022 № 88a-11711/2022 po delu № 2a-2663/2021* [Cassation ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated July 26, 2022 No. 88a-11711/2022 in case No. 2a-2663/2021]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
9. Korneev A.L. *Nekotorye voprosy ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov bez predostavleniya i ustanovleniya servituta* [Some issues of using land plots without granting and establishing an easement]. *Yurist* [Lawyer], 14, pp. 15-19.
10. Kruglov V.V. *Organizatsionno-pravovoe obespechenie okhrany okruzhayushche(2018)y sredy* [Organizational and legal support for environmental protection]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Legal Journal], 6, pp. 179-182.
11. Kuz'min R.R. (2022) *Ispol'zovanie zemli bez predostavleniya i ustanovleniya servituta kak fiktivnaya kategoriya. Ee vliyanie na veshchnoe pravo* [The use of land without the provision and establishment of an easement as a fictitious category. Its influence on property law]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 6, pp. 53-61.
12. *Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva pri realizatsii natsional'nykh proektov: prikaz Genprokuratury Rossii ot 14.03.2019 № 192* [On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation during the implementation of national projects: Order of the Prosecutor General's Office of Russia of March 14, 2019 No. 192]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
13. *Opredelenie Devyatogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 25.05.2021 № 88-4477/2021; apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 19.02.2018 po delu № 33-3390/2018* [Ruling of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction dated May 25, 2021 No. 88-4477/2021; appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated February 19, 2018 in case No. 33-3390/2018]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
14. *Opredelenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 24.04.2020 po delu № 88-6665/2020* [Determination of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 24, 2020 in case No. 88-6665/2020]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
15. *Pasport natsional'nogo proekta «Bezopasnye i kachestvennye avtomobil'nye dorogi» (utv. Prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 15)* [Passport of the national project "Safe and high-quality highways" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, protocol dated December 24, 2018 No. 15)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
16. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 14.02.2023 po delu № A41-19500/2020* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 14, 2023 in case No. A41-19500/2020]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
17. Smolyakov P.N. (2023) *Osparivanie nenormativnykh pravovykh aktov* [Challenging non-normative legal acts]. *SPS*

«Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant].

18. Syubaeva Yu.D. (2021) Nekotorye osobennosti razresheniya sosedskikh konfliktov, svyazannykh s deyatelnost'yu yuridicheskikh lits [Some features of resolving neighbor conflicts related to the activities of legal entities]. *Yurist* [Lawyer], 4, pp. 46-50.

УДК 341.01

DOI: 10.34670/AR.2023.74.57.033

Рeadмиссия как институт международно-правового регулирования миграции

Бабoшина Елена Владимировна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права, правосудия
и правоохранительной деятельности,
Юридический институт
Пятигорского государственного университета,
357502, Российская Федерация, Пятигорск, ул. Октябрьская, 38;
e-mail: baboshina.80@mail.ru

Гусейнова Ираде Сафаратдиновна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального
управления и права,
Московский педагогический государственный университет,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Пироговская, 1;
e-mail: nazirova.irada@yandex.ru

Аннотация

В статье дан анализ понятию «реадмиссия» в отечественной и международной доктрине. Автором выделены характерные признаки реадмиссии, отличающие ее от высылки, экстрадиции, удаления, выдворения. Определена необходимость доработки на практическом международно-правовом уровне. Сделан вывод о том, что реадмиссия – это сложный межотраслевой комплекс международно-правового регулирования миграции со стабильной структурой. Рeadмиссия способствует поддержанию порядка внутри государств, а также на мировой арене, защищая интересы как мигрантов, так и граждан отдельных стран.

Для цитирования в научных исследованиях

Бабoшина Е.В., Гусейнова И.С. Рeadмиссия как институт международно-правового регулирования миграции // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 264-270. DOI: 10.34670/AR.2023.74.57.033

Ключевые слова

Рeadмиссия, миграция, депортация, административное выдворение, борьба с незаконной миграцией, реадмиссионные соглашения.

Введение

Развитие международных отношений и миграционных процессов усугубляет проблему обеспечения миграционной безопасности государств. Одним из механизмов регулирования миграции с помощью международных норм является институт реадмиссии.

Понятие «реадмиссия» (от англ. to readmit – принимать назад) существует в международном праве со второй половины XX в. и означает согласие государства на возвращение на свою территорию собственных граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно въехавших на территорию другого государства непосредственно с территории первого государства. Данный механизм облегчает регулирование миграционных потоков и нацелен на борьбу с нелегальной миграцией.

На международном уровне не существует общепринятого определения понятия «реадмиссия». Обычно предполагается, что термин «реадмиссия» охватывает все случаи, когда решение о передаче человека принимается свободно, с учетом «прав и свобод человека» и с соблюдением норм права при применении реадмиссии.

Эксперты МОМ отмечают, что «международная практика не выделяет реадмиссию как самостоятельный правовой институт и, соответственно, в актах национальных законодательств иностранных государств реадмиссия не урегулирована, оставаясь исключительно категорией международного права. С точки зрения международной практики реадмиссия представляет собой лишь технический механизм, используемый при реализации решения о принудительном удалении иностранного гражданина или лица без гражданства с территории государства» [Руководство по реадмиссии, 2009, 301].

Основная часть

В зарубежной литературе при рассмотрении международно-правового регулирования реадмиссии наравне с термином реадмиссия употребляются такие термины, как высылка, экстрадиция, удаление, выдворение.

Одним из отличительных признаков реадмиссии, по сравнению с депортацией и выдворением, является возможность ее применения в отношении лиц, которые не имеют документов, удостоверяющих личность. Основанием для применения реадмиссии в таком случае является сообщение лица, не имеющего документов, о его национальной принадлежности, а также сведения о государстве, с территории которого лицо въехало на территорию Российской Федерации либо в котором оно проживало в последнее время на основании разрешительных документов.

Рeadмиссия является наиболее эффективным средством борьбы с административными правонарушениями в сфере миграции, совершаемыми иностранными гражданами, не имеющими документов, удостоверяющих личность, поскольку может применяться в отношении лиц, личность которых не установлена. В то же время применение процедуры реадмиссии возможно только при наличии подписанных международных договоров, что в целом делает затруднительным ее применение.

Стоит отметить, что волеизъявление мигрантов в правоотношениях договаривающихся государств по поводу реадмиссии не учитывается. Для них, как правило, предусмотрены только общие гарантии в области естественных прав и свобод. Право свободно возвращаться в свою страну, закреплённое в ч. 4 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах

1966 г. [Международный пакт от 16 декабря 1966 г., 1976], здесь игнорируется, так как предметом договоров о реадмиссии является принудительная и контролируемая государствами-участниками репатриация.

Термин «депортация» используется в Федеральном законе Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Гражданско-процессуальном кодексе Российской Федерации и иных документах. Часто данный термин рассматривается как синоним термина «административное выдворение», однако Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ, 2002] употребляет данные термины через запятую, указывая на то, что они являются разными по сути. Многие ученые также разграничивают указанные понятия, вкладывая в них различный смысл.

Рассматривая административное выдворение, правоведы, как правило, берут за основу определение, данное в ст. 3.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, 2002]: «административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации».

Еще более отчетливо видны различия между формами принудительного возвращения на сравнительном примере реадмиссии и административного выдворения. Как уже отмечалось, основанием для применения института реадмиссии является заключенный и вступивший в законную силу международный договор одного государства с другим, нормы которого получают развитие в актах национального законодательства.

Институт же административного выдворения урегулирован только на основании актов национального законодательства. Административное выдворение – это вид административного наказания, который назначается судьей и реализуется в форме принудительного контролируемого перемещения за пределы государства либо в виде контролируемого самостоятельного выезда иностранного гражданина за пределы государства. У выдворяемого лица имеется возможность обжалования постановления об административном выдворении.

Выдворение может осуществляться только в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания иностранного гражданина или лица без гражданства. О факте административного выдворения уведомляется дипломатическое представительство или консульское учреждение соответствующего иностранного государства.

В отличие от административного выдворения, реадмиссия не является видом наказания, и решение о реадмиссии принимается во внесудебном порядке компетентным органом и может осуществляться в том числе в государство, с территории которого иностранный гражданин или лицо без гражданства непосредственно прибыли на территорию государства. Рeadмиссия выгодно отличается от административного выдворения и депортации тем, что прием-передача двумя договаривающимися государствами лиц, незаконно находящихся на территории одного из государств, путем межгосударственного взаимодействия, является «дипломатическим» способом удаления таких лиц с территории [Паукова, 2012, 56].

В международном праве «депортация» – это власть государства насильно выслать

иностранца в любую страну, выбранную депортирующим государством, и высылку, согласно которой иностранец может быть выслан с территории высылающего государства, которое должно добиться согласия лица, подлежащего высылке для определения места назначения, которым во всех случаях является государство, гражданином которого это лицо является.

В отечественной доктрине расшифровка термина «депортация» дается в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которой «депортация – принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации» [Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ, 2002].

Что касается депортации, то она, как и реадмиссия, не является видом наказания. Депортация представляет собой механизм принудительной высылки иностранного гражданина или лица без гражданства из государства и осуществляется во внесудебном порядке компетентными органами. Вместе с тем процедуры депортации и реадмиссии имеют и существенные различия. Правовую основу института депортации составляют исключительно акты национального законодательства.

Депортация применяется, во-первых, в случае несоблюдения иностранным гражданином или лицом без гражданства ранее объявленного ему требования покинуть территорию государства в связи с сокращением срока пребывания (проживания) или аннулированием разрешения на временное проживание или вида на жительство; во-вторых, в связи с отказом в удовлетворении ходатайства о признании беженцем или получением уведомления об утрате или лишении статуса беженца; в-третьих, при вынесении решения о нежелательности пребывания (проживания), а также при утрате или прекращении законных оснований для дальнейшего пребывания (проживания) на территории государства [Волох, 2012, 265].

Депортация осуществляется только в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания иностранного гражданина или лица без гражданства. О факте депортации, как и в случае с административным выдворением, уведомляется дипломатическое представительство или консульское учреждение соответствующего иностранного государства.

Рeadмиссия, в отличие от депортации, не обусловлена критерием неисполнения иностранным гражданином или лицом без гражданства требования покинуть территорию государства, она может осуществляться в том числе в государство, с территории которого иностранный гражданин или лицо без гражданства непосредственно прибыли в государство.

Стоит подчеркнуть, что, несмотря на явную схожесть данных понятий, они нуждаются в отграничении друг от друга, поскольку имеют ряд отличий при их назначении и применении.

Согласно точке зрения А.Ю. Ястребовой, «ни реадмиссия, ни выдворение, ни депортация не выступают эффективными средствами предупреждения незаконной миграции. Эти формы принудительного возвращения иностранных граждан в страну происхождения или же транзита способствуют исключительно обеспечению безопасности принимающего государства и прекращению незаконного пребывания мигрантов» [Ястребова, 2014, 394]

По мнению Д.П. Сологуб, термин «реадмиссия» применяется «к человеку (иностранному гражданину) при передаче запрашивающим государством и принятии запрашиваемым государством лиц, которые признаны нелегально въехавшими в запрашивающее государство, нелегально пребывающими или нелегально проживающими в стране применяющей порядок реадмиссии» [Сологуб, 2016, 107].

Вызывает интерес мнение О.С. Кажяевой в отношении понятия «реадмиссия». Автор

предлагает два определения одного института: одно выдвигается с позиции содержания правоотношений, другое – с позиции места в системе международного права.

«С позиции места в системе международного права реадмиссия – это формирующийся институт международно-правового регулирования миграции, нормы которого регулируют процедуру реадмиссии, включая прием, возврат и транзит лиц, незаконно находящихся на территории одного из договаривающихся государств»

С позиции содержания правоотношений реадмиссия представляет собой организационно-правовой механизм, позволяющий государствам, заключившим соглашения о реадмиссии, осуществлять процедуру возвращения (передачу и прием) лиц (граждан государств сторон, граждан третьих стран и лиц без гражданства) при обнаружении факта отсутствия или утраты ими законных оснований въезда, пребывания и проживания в принимающем государстве, в государства их гражданства, государства их постоянного места жительства или в третьи государства, с территории которых они прибыли.

Вместе с тем правовая природа перечисленных форм принудительного возвращения различна. Так, правовые институты депортации и административного выдворения за пределы государства регулируются нормами национального законодательства, в то время как институт реадмиссии – категория международного права и международных договоров между государствами» [Кажаева, 2014, 156].

При применении реадмиссии гражданство нелегала не всегда имеет значение. Как правило, он может быть направлен лишь в ту страну, из которой он прибыл, соответственно, принимающая сторона должна его принять независимо от гражданской принадлежности. Так как это невозможно выполнить без взаимодействия государств, правовое регулирование этого процесса осуществляется в соответствии с международными договорами.

Заключение

Таким образом, реадмиссия представляет собой сложный межотраслевой комплекс международно-правового регулирования миграции со стабильной структурой, т.е. характеризуется однородностью фактического содержания, единством правовых норм, нормативной обособленностью и полнотой регулируемых отношений. Рeadмиссия способствует поддержанию порядка внутри государств, а также на мировой арене, защищая интересы как мигрантов, так и граждан отдельных стран.

Библиография

1. Волох В.А. Миграционная политика: реадмиссия – эффективный инструмент противодействия нелегальной миграции // Вопросы безопасности. 2012. № 1. С. 265.
2. Кажаева О.С. Институт реадмиссии в международном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 156 с.
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1.
4. О гражданских и политических правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
6. Паукова Ю.В. Административное выдворение, депортация и реадмиссия как механизм удаления иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 56.
7. Руководство по реадмиссии. В 2 т. Т. 2: Практика реализации соглашений о реадмиссии в Российской Федерации. М., 2009. 301 с.

8. Сологуб Д.П. К вопросу о понятии реадмиссия // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в социальное пространство Байкальского региона». Чита, 2016. 107 с.
9. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации. М.: ВАКО, 2014. 394 с.
10. Sheryazdanova K. Illegal immigration and fight against illegal migration in member states of the European Union // Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies. – 2015. – Т. 8. – №. 1. – С. 89-102.

Readmission as an institute of international legal regulation of migration

Elena V. Baboshina

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of international law and justice
and law enforcement activities,
Law Institute of Pyatigorsk State University,
357502, 38 Oktyabr'skaya str., Pyatigorsk, Russian Federation;
e-mail: baboshina.80@mail.ru

Irade S. Guseinova

PhD in Law History,
Associate Professor of the Department of state
and municipal management and law,
Moscow Pedagogical State University,
119991, 1 Pirogovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nazirova.irada@yandex.ru

Abstract

The article provides an analysis of the concept of "readmission" in domestic and international doctrine. The author highlights the characteristic features of readmission that distinguish it from expulsion, extradition, removal, expulsion. The need for improvement at the practical international legal level is identified. It is concluded that readmission is intersectoral complex of international legal regulation of migration with a stable structure. Readmission helps maintain order within states, as well as on the world stage, protecting the interests of both migrants and citizens of individual countries.

Fot citation

Baboshina E.V., Guseinova I.S. (2023) Readmissiya kak institut mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya migratsii [Readmission as an institute of international legal regulation of migration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 264-270. DOI: 10.34670/AR.2023.74.57.033

Keywords

Readmission, migration, deportation, administrative expulsion, fight against illegal migration, readmission agreements.

References

1. Kazhaeva O.S. (2014) *Institut readmissii v mezhdunarodnom prave. Dokt. Diss.* [Institute of readmission in international law. Doct. Diss.] Moscow.
2. Kodeks ob administrativnykh pravonarusheniyakh Rossiyskoy Federatsii [Code of Administrative Offenses of the Russian Federation] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1.
3. O grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: mezhdunarodnyy pakt ot 16 dekabrya 1966 g. [On civil and political rights: International Covenant of December 16, 1966] (1976). *Vedomosti VS SSSR. St. 291* [Gazette of the USSR Armed Forces. Art. 291], 17.
4. O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ [On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 3032* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 3032], 30.
5. Paukova Yu.V. (2012) Administrativnoe vydvorenie, deportatsiya i readmissiya kak mekhanizm udaleniya inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva s territorii Rossiyskoy Federatsii [Administrative expulsion, deportation and readmission as a mechanism for removing foreign citizens and stateless persons from the territory of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 1, p. 56.
6. *Rukovodstvo po readmissii. V 2 t. T. 2: Praktika realizatsii soglasheniy o readmissii v Rossiyskoy Federatsii* [Guidelines for readmission. In 2 vols. Vol. 2: Practice of implementing readmission agreements in the Russian Federation]. (2009) Moscow.
7. Sologub D.P. (2016) K voprosu o ponyatii readmissiya [On the issue of the concept of readmission]. In: *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy sotsial'no-kul'turnoy adaptatsii i integratsii migrantov v sotsial'noe prostranstvo Baykal'skogo regiona»* [Proc. Int. Conf. “Problems of socio-cultural adaptation and integration of migrants into the social space of the Baikal region”]. Chita.
8. Volokh V.A. (2012) Migratsionnaya politika: readmissiya – effektivnyy instrument protivodeystviya nelegal'noy migratsii [Migration policy: readmission is an effective tool to combat illegal migration]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 1, p. 265.
9. Yastrebova A.Yu. (2014) *Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy regulirovaniya migratsii: doktrinal'nye podkhody i opyt Rossiyskoy Federatsii* [International legal mechanisms for regulating migration: doctrinal approaches and experience of the Russian Federation]. Moscow: VAKO Publ.
10. Sheryazdanova, K. (2015). Illegal immigration and fight against illegal migration in member states of the European Union. *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*, 8(1), 89-102.

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2023.46.12.034

Правовая природа решения общего собрания собственников недвижимости

Соболев Кирилл Владимирович

Директор,
Центр подготовки арбитражных управляющих,
630132, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Нарымская, 21;
e-mail: vigor1975@gmail.com

Овчинников Алексей Александрович

Кандидат юридических наук,
доцент департамента правового регулирования
экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: ov4innickoff@ya.ru

Аннотация

В статье раскрывается понятие решения общего собрания собственников недвижимости. С развитием общественных отношений, а также внесением в законодательство определенных изменений, решения общего собрания собственников недвижимости стали получать свое активное развитие на практике, что актуализировало необходимость их изучения с доктринальных позиций. В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа проблемы определения правовой природы решения общего собрания собственников с учетом имеющихся в научной среде подходов к пониманию сущности данного вида решения. Особое внимание также уделяется внесенным в жилищное и гражданское законодательство изменениям относительно гражданско-правовых сообществ и их решений с акцентированием внимания на отсутствии законодательной дефиниции изучаемого термина. Цель исследования состоит в определении признаков, присущих решению общего собрания собственников недвижимости. При написании статьи были применены методы анализа, дедукции, сравнительно-правовой и формальной-юридической. По результатам исследования выделены характерные для данных решений признаки и предложено авторское определение данного вида решения.

Для цитирования в научных исследованиях

Соболев К.В., Овчинников А.А. Правовая природа решения общего собрания собственников недвижимости // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 271-279. DOI: 10.34670/AR.2023.46.12.034

Ключевые слова

Гражданско-правовое сообщество, недвижимое имущество, сделка, собрание собственников, решение.

Введение

На современном этапе в центре внимания исследователей находятся вопросы, связанные с собраниями собственников недвижимого имущества в целом, и с управлением многоквартирным домом, в частности. Однако, стоит подчеркнуть, что вопросам правовой природы решений общего собрания собственников недвижимого имущества уделяется довольно фрагментарное внимание, что затрудняет определение сущности данного вида решений. Рассматривая институт решений данного собрания, следует рассмотреть, что в целом представляет собой общее собрание собственников недвижимости.

Материалы и методы исследования

При проведении настоящего исследования были использованы положения отечественного законодательства, а также научные труды исследователей, посвятивших свои работы вопросам особенностей решений собраний собственников недвижимости. К числу авторов, работы которых были использованы, относятся: В.А. Белов, А.В. Габов, А. Дегтярева, В.В. Долинская, Е.В. Иванова и др.

Результаты исследования

Как следует из ч. 2 ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 №188-ФЗ (далее – ЖК РФ), собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов управления многоквартирным домом и одним из данных способов как раз выступает общее собрание собственников. На настоящий момент общее собрание собственников в соответствии с действующим законодательством относится к числу органов гражданско-правового сообщества. При этом под гражданско-правовым сообществом понимается неправосубъектное образование, уполномоченное на принятие решений, обладающих характером общеобязательности для всех его участников. Стоит при этом подчеркнуть, что общее собрание собственников недвижимого имущества характерно не только для многоквартирных домов, но также и для иных видов недвижимого имущества. Однако именно в жилищном законодательстве данной форме управления уделяется большая степень внимания.

Общее собрание собственников недвижимого имущества предполагает принятие решений по тем или иным вопросам, входящим в компетенцию данного органа. Так, например, на общем собрании собственники могут решить вопрос относительно способа формирования фонда капитального ремонта [Газизов, Елисеев, 2017, 178].

Прежде всего, изучая вопрос правовой природы решений общего собрания, важно обратить внимание на законодательные положения в данной сфере. Так, обратим внимание на ч. 1 ст. 46 ЖК РФ, в которую были внесены достаточно серьезные изменения. Так, на основании внесенных изменений решение собрания стало признаваться официальным документом, наряду с протоколом общего собрания. Как следует из указанной нормы, благодаря решению происходит удостоверение фактов, влекущих определенные последствия. Данные последствия выражаются в возникновении новых обязанностей, которые возлагаются на собственников недвижимого имущества.

В целях унификации законодательства соответствующие изменения были внесены и в гражданское законодательство, а именно в п. 1.1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской

Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ (далее – ГК РФ). В указанной статье стало определяться, что решение собрания является одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Данные изменения были внесены Федеральным законом от 07.05.2013 г. №100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Кроме того, в период внесения указанных изменений ГК РФ был также дополнен главой 9.1, которая получила наименование «Решения собраний». В силу положений данной главы был устранен пробел, который имелся до сих пор в части признания решения гражданско-правового сообщества ничтожным.

Тем самым можно заключить, что законодатель причислил решения общего собрания собственников к юридическим фактам, на основании которых происходит возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей участников гражданского оборота.

Обсуждение результатов исследования

В результате придания решениям общего собрания собственников недвижимого имущества официального характера со стороны законодательства к ним также были ужесточены и требования в части их содержания и формы. При этом стоит отметить, что вследствие принятия Федерального закона № 100-ФЗ, который по своей сути является довольно реформистским, в научной среде актуализировались вопросы в части определения сущности решения общего собрания собственников недвижимости.

Так, анализ научных работ позволяет отметить, что авторы ведут активные дискуссии относительно того, что важно обозначать под актами, которые издаются органами юридических лиц. При этом, хоть дискуссии на данную тему и активно ведутся, до сих пор не выработан единый подход к сущности решений общего собрания собственников недвижимости. Выделим три подхода к пониманию решения собрания собственников.

Согласно первому подходу, решение общего собрания собственников приравнивается к нормативному акту, который издается органами юридического лица [Чеговадзе, 2013, 15]. Согласно позиции И.С. Шиткиной, решение общего собрания собственников стоит рассматривать через призму локального акта, который издается строго установленным органом и распространяющим свое действие на определенный круг субъектов, являющихся участниками гражданско-правового сообщества [Шиткина, 2005, 12].

В то же время данная точка зрения активно критикуется другой группой исследователей, поскольку авторами подчеркивается содержание признака нормативности [Кривушева, 2019, 176]. В целом, нормативность, как важнейший признак нормативных актов, в принципе, предполагает наличие сразу двух составляющих: норма, указанная в нормативном акте, может применяться неоднократно; исходя из текста нормативного акта, невозможно определить адресата. Иными словами, нормативный акт должен быть неперсонифицированным, то есть распространяющим свое действие не на конкретного субъекта, которого можно индивидуализировать, а на неопределенный круг субъектов. Соответственно, авторы указывают, что решение собрания по своему характеру является нормативным документом, поскольку в нем не должно содержаться сведений, идентифицирующих адресатов на которых он направлен, при этом его действие распространяется на определенный круг лиц – участников собрания собственников.

В.А. Белов обосновывает свое несогласие тем, что «сфера действия подобных решений ограничена самим обществом, его участниками и работниками, «вовне» сила этих решений не

распространяется» [Белов, 2016, 134].

Е.В. Иванова также полагает, что решение собрания собственников не является нормативным актом, но при этом данный документ содержит в себе предписания относительно того, как именно следует действовать участникам гражданско-правового сообщества [Иванова, 2021, 185]. Относительно правовой природы решения общего собрания собственников высказывает свое мнение и В.А. Лаптев, отмечающий, что данное решение является актом коллективной воли членов корпорации, которые при проведении собрания и принятии решения реализовали свои корпоративные права [Лаптев, 2016, 32].

Второй подход заключен в синонимичности терминов «решение» и «сделка», поскольку при каждом из них наступают определенные последствия, а также предусмотрен одинаковый порядок признания решения и сделки недействительным [Дегтярева, 2014, 46]. Кроме того, в своей работе А. В. Егоров говорит о необходимости отождествления сделки и решения общего собрания, поскольку в Германии – государстве, где и были зарожжены сделки как правовой институт, происходит уравнивание сделок и решений собраний [Черенцов, 2020, 79].

При этом отдельные исследователи, расширяя данный подход, высказывают позицию, согласно которой решения собраний должны рассматриваться как многосторонние гражданско-правовые корпоративные сделки, поскольку последствия его принятия распространяются на лиц, которые не голосовали за данное решение и не высказывались относительно принятия того или иного решения [Бандо, 2018, 59].

Однако мы полагаем, что решение собрание собственников общего собрания нельзя отнести к многосторонней сделке, и в данном вопросе солидарны с позицией Д.В. Ломакина и А.В. Габова. Так, как отмечает Д.В. Ломакин, сделка по своей природе влечет правовые последствия только для тех лиц, которые принимали в ней непосредственное участие. При принятии же решения оно будет распространяться, в том числе, и на участников, не голосовавших на собрании, или тех, кто голосовал против его принятия [Ломакин, 2005, 49].

В то же время отдельные цивилисты считают, стоит разграничивать сделки и решения по различным факторам: во-первых, различными являются правовые последствия при принятии решения и совершения сделки – при заключении сделки возникают, изменяются и прекращаются лишь гражданские права, в то время как решение оказывает влияние и на другие общественные отношения. Например, трудовые. Во-вторых, решение и сделку стоит разграничивать по форме, поскольку для сделки не характерно ее существование в форме локального нормативного акта в отличие от решения общего собрания собственников. И, наконец, различным является и субъект действия: решение выносится соответствующим единоличным или коллегиальным органом юридического лица, в то время как совершается или лично, или при помощи представителя на основании доверенности [Габов, 2005, 158].

Что касается третьего подхода, то его суть заключается в признании решения общего собрания собственников особым самостоятельным юридическим фактом. Одним из представителей данного подхода выступает В.В. Долинская [Долинская, 2014, 18].

А.В. Ткач считает, что «указание решения собрания в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей наряду с другими самостоятельными правовыми основаниями свидетельствует об отсутствии объективных причин рассматривать решение собраний в качестве сделки». Более того, автор указывает, что решение есть основание для последующего изъяснения воли со стороны участников общего собрания собственников, чьи действия должны соответствовать положениям, отраженным в данном решении [Ткач, 2015, 103].

Рассмотрев основные подходы к правовой природе решений общего собрания собственников недвижимости, можно резюмировать, что основной причиной разрозненности

мнений является отсутствие на законодательном уровне легального определения исследуемого понятия. Законодатель сам не закрепил, что следует признавать данным решением. В связи с этим вполне логично представителями доктрины стали выдвигаться собственные версии. Вместе с тем нельзя не заметить роль ВС РФ в данном вопросе, который восполнил имеющийся законодательный пробел. Речь идет о п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Как можно заметить, ВС РФ не дал четких указаний относительно того, что именно представляет собой решение – сделку или самостоятельный юридический факт. В данном контексте особая проблема состоит в отождествлении отдельными исследователями между собой сделки и решения собрания собственников. На первый взгляд, данные действия действительно имеют много общего, но их необходимо между собой разграничивать и в подтверждение данной позиции приведем критерии, при помощи которых возможно провести данное разграничение:

- сделки и решения различаются по волевому элементу – при заключении сделки можно наблюдать совпадение воли и волеизъявления, что нехарактерно для принятия решений общим собранием собственников. При этом несовпадение воли и волеизъявления участника собрания не свидетельствует о том, что принятое решение является недействительным;
- следующее различие заключается в субъектном составе: заключая сделку, вновь образованные права и обязанности распространяются на непосредственных участников сделки, что отсутствует при вынесении решения – оно может распространяться на собственника недвижимости, который не голосовал за принятие данного решения или был против него;
- форма и процедура принятия и создания также являются различными. Решение собрания может быть признано действительным только при соблюдении ряда процедур, предусмотренных законом. Для сделок же на законодательном уровне могут быть предусмотрены и более простые способы их заключения. Например, соблюдение только устной их формы, либо совершение сделки путем акцептирования;
- еще одно различие между сделками и решениями – это объем прав и обязанностей, которые они влекут за собой. Отличительная особенность решения состоит в том, что меньшинство подчиняется позиции большинства, что неприменимо для сделок.

Исходя из вышеизложенных критериев, можно заключить, что решение общего собрания собственников недвижимости хоть и имеет определенные схожие черты со сделкой, но полностью с ней не совпадает. И по итогу можно сказать, что решение собрания можно рассматривать как особый самостоятельный юридический факт, в результате которого также возникают права и обязанности для определенной группы лиц, но при наличии при этом ряда специфических черт, в силу которых и становится возможным решение отделить от сделки.

Заключение

Таким образом, рассматриваемое решение является особым юридическим фактом, который имеет множество схожих черт со сделкой, но не является ею полностью. Так, среди отличительных признаков решения можно указать количество лиц, его принимающих – это группа собственников, не ограниченная двумя лицами. Сделка же может быть совершена и лишь между двумя лицами. Основное отличие решения общего собрания от сделки заключается

еще и в том, что оно принимается коллегиально и имеет обязательный характер для всех участников собрания. Кроме того, решение собрания может затрагивать не только имущественные, но и иные интересы собственников недвижимости. Проведенный в настоящей работе анализ позволяет выделить признаки, которые характерны для решения общего собрания собственников недвижимости:

- в решениях собрания происходит закрепление воли участников гражданско-правового сообщества в форме общего собрания собственников;
- решение собрания носит межотраслевой характер, поскольку его принятие влечет за собой возникновение прав и обязанностей не только гражданско-правового характера, но и в сфере трудовых, жилищных и иных правоотношений;
- последствия, возникающие в силу принятия рассматриваемого решения, распространяются не только на участников общего собрания;
- вынесение решения общего собрания должно соответствовать всем требованиям действующего законодательства РФ: в частности, должна быть соблюдена процедура проведения собрания, форма и содержание решения должны соответствовать нормам права.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение: решение общего собрания собственников недвижимого имущества – это особый юридический факт, принимаемый участниками общего собрания при соблюдении требований законодательства к процедуре проведения собрания, в результате которого происходит возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, как для участников собрания, так и для иных лиц.

Библиография

1. Аскрели Д.З. и др. Признание права собственности на самовольную постройку // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 225-226.
2. Бандо М.В. Решения собственников помещений многоквартирных домов, имеющие юридическое значение // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 58-61.
3. Белов В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. М., 2016. Т. 1. 418 с.
4. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005. 344 с.
5. Газизов Р.М., Елисеев Д.В. Договорные отношения регионального оператора в сфере капитального ремонта по формированию фонда капитального ремонта // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3 (106). С. 177-180.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022).
7. Дегтярева А. Поправки в ГК РФ: анализ изменений. Новеллы о решении собраний // Административное право. 2014. № 2. С. 45-49.
8. Долинская В.В. Собрания и их решения в гражданском праве и праве корпораций // Власть закона. 2014. № 3. С. 15-24.
9. Егоров А.М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности // Метаморфозы истории. 2022. № 25. С. 6.
10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022).
11. Иванова Е.В. Проблемные аспекты признания решения общего собрания собственников недействительным // Аграрное и земельное право. 2021. № 11 (203). С. 185-189.
12. Кривушева С.С. Решения собраний как юридические факты в российском гражданском праве. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 176-177.
13. Курбатова Г.В. Купля-продажа отдельных видов недвижимости: особенности и реализация // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 204-205.
14. Курбатова Г.В. Товарищество собственников недвижимости как организационно-правовая форма некоммерческих организаций: проблемы правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 195-197.
15. Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30-37.
16. Ломакин Д.В. Общее собрание акционеров // Законодательство. 2005. № 2. С. 49-58.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
18. Рыбинская Е.Т. Становление и развитие института права собственности на недвижимое имущество // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). С. 126-128.
19. Ситковский А.М. Методические аспекты развития малых центров социальных услуг муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 31-39.
20. Сорокина С.Г. Использование рекуррентности как средства аргументации при построении текстов научного содержания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 196 с.
21. Ткач А.В. Решения собрания как юридический факт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 102-107.
22. Туманов Э.В. Некоторые особенности защиты права собственности на недвижимость путем применения виндикационного иска // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 189-190.
23. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
24. Чеговадзе Л.А. О договорах и сделках как юридических фактах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 15-16.
25. Черенцов Р.В. Правовая природа решения общего собрания и его место в системе юридических фактов // КиберЮрист. 2020. № 2-3. С. 77-83.
26. Чешин А.В. Гражданско-правовые договоры в инвестиционной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 186-192.
27. Чешин А.В. Использование фикций в гражданском праве: преимущества и недостатки // Власть Закона. 2023. № 3(55). С. 197-206.
28. Шиткина И.С. Локальное (внутреннее) нормотворчество в акционерном обществе // Предпринимательское право. 2005. № 3. С. 11-16.

Legal nature of the decision of the general meeting of real estate owners

Kirill V. Sobolev

Director of LLC “Center for Training of Arbitration Managers”,
630132, 21, Narymskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vigor1975@gmail.com

Aleksei A. Ovchinnikov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ov4innickoff@ya.ru

Abstract

The article reveals the concept of the decision of the general meeting of owners of real estate. With the development of social relations, as well as with the introduction of certain changes in the legislation, the decisions of the general meeting of property owners began to receive their active development in practice, which actualized the need to study them from doctrinal positions. This research attempts to analyze the problem of determining the legal nature of a decision made by a general meeting of owners, taking into account the approaches to understanding the essence of this type of decision that are available in the scientific environment. Special attention is also paid to the

changes introduced into the housing and civil legislation concerning civil law communities and their decisions with the emphasis on the absence of a legislative definition of the term under study. The purpose of the study is to determine the characteristics inherent in the decision of the general meeting of property owners. When writing the article, the methods of analysis, deduction, comparative-legal and formal-legal were applied. According to the results of the research the signs characteristic for these decisions are allocated and the author's definition of this type of the decision is offered.

For citation

Sobolev K.V., Ovchinnikov A.A. (2023) Pravovaya priroda resheniya obshchego sobraniya sobstvennikov nedvizhimosti [Legal nature of the decision of the general meeting of real estate owners]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 271-279. DOI: 10.34670/AR.2023.46.12.034

Keywords

Civil legal community, real estate, transaction, meeting of owners, decision.

References

1. Askreli D.Z. et al. (2022) Priznanie prava sobstvennosti na samovol'nyuyu postroiku [Recognition of property rights to unauthorized construction]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 10 (173), pp. 225-226.
2. Bando M.V. (2018) Resheniya sobstvennikov pomeshchenii mnogokvartirnykh domov, imeyushchie yuridicheskoe znachenie [Decisions of owners of premises of apartment buildings that have legal significance]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 11, pp. 58-61.
3. Belov V.A. (2016) *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil law. Current problems of theory and practice]. Moscow. Vol. 1.
4. Chegovadze L.A. (2013) O dogovorakh i sdelkakh kak yuridicheskikh faktakh [On contracts and transactions as legal facts]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 6, pp. 15-16.
5. Cherentsov R.V. (2020) Pravovaya priroda resheniya obshchego sobraniya i ego mesto v sisteme yuridicheskikh faktov [The legal nature of the decision of the general meeting and its place in the system of legal facts]. *KiberYurist* [CyberLawyer], 2-3, pp. 77-83.
6. Cheshin A.V. (2023) Grazhdansko-pravovye dogovory v investitsionnoi deyatel'nosti [Civil law contracts in investment activities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13, 4-1, pp. 186-192.
7. Cheshin A.V. (2023) Ispol'zovanie fiktsii v grazhdanskom prave: preimushchestva i nedostatki [The use of fictions in civil law: advantages and disadvantages]. *Vlast' Zakona* [The Power of Law], 3 (55), pp. 197-206.
8. Degtyareva A. (2014) Popravki v GK RF: analiz izmenenii. Novelly o reshenii sobranii [Amendments to the Civil Code of the Russian Federation: analysis of changes. Novels about decisions of meetings]. *Administrativnoe pravo* [Administrative law], 2, pp. 45-49.
9. Dolinskaya V.V. (2014) Sobraniya i ikh resheniya v grazhdanskom prave i prave korporatsii [Meetings and their decisions in civil law and corporate law]. *Vlast' zakona* [The Power of Law], 3, pp. 15-24.
10. Egorov A.M. (2022) Problema sokhraneniya istoricheskoi pamyati v kontekste sovremennosti [The problem of preserving historical memory in the context of modernity]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of history], 25, p. 6.
11. *Federal'nyi zakon ot 07.05.2013 № 100-FZ (red. ot 28.12.2016) «O vnesenii izmenenii v podrazdely 4 i 5 razdela I chasti pervoi i stat'yu 1153 chasti tret'ei Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 100-FZ dated 05/07/2013 (as amended on 12/28/2016) "On amendments to subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation"].
12. Gabov A.V. (2005) *Sdelki s zainteresovannost'yu v praktike aktsionernykh obshchestv: problemy pravovogo regulirovaniya* [Interested party transactions in the practice of joint stock companies: problems of legal regulation]. Moscow.
13. Gazizov R.M., Eliseev D.V. (2017) Dogovornye otnosheniya regional'nogo operatora v sfere kapital'nogo remonta po formirovaniyu fonda kapital'nogo remonta [Contractual relations of a regional operator in the field of capital repairs for the formation of a capital repair fund]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 3 (106), pp. 177-180.
14. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.04.2022)* [Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 16, 2022)].

15. Ivanova E.V. (2021) Problemnye aspekty priznaniya resheniya obshchego sobraniya sobstvennikov nedeistvitel'nykh [Problematic aspects of recognizing the decision of the general meeting of owners as invalid]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 11 (203), pp. 185-189.
16. Krivusheva S.S. (2019) *Resheniya sobranii kak yuridicheskie fakty v rossiiskom grazhdanskom prave* [Decisions of meetings as legal facts in Russian civil law]. Moscow: Yurlitinform Publ.
17. Kurbatova G.V. (2022) Kuplya-prodazha otdel'nykh vidov nedvizhimosti: osobennosti i realizatsiya [Purchase and sale of certain types of real estate: features and implementation]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 10 (173), pp. 204-205.
18. Kurbatova G.V. (2023) Tovarishchestvo sobstvennikov nedvizhimosti kak organizatsionno-pravovaya forma nekommercheskikh organizatsii: problemy pravovogo regulirovaniya [Partnership of real estate owners as an organizational and legal form of non-profit organizations: problems of legal regulation]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2 (177), pp. 195-197.
19. Laptsev V.A. (2016) Resheniya sobranii i sdelki: pravovoi rezhim i otlichiya [Decisions of meetings and transactions: legal regime and differences]. *Yurist* [Lawyer], 2, pp. 30-37.
20. Lomakin D.V. (2005) Obshchee sobranie aktsionerov [General meeting of shareholders]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2, pp. 49-58.
21. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primeneniі sudami nekotorykh polozenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I, Part One of the Civil Code of the Russian Federation”].
22. Rybinskaya E.T. (2022) Stanovlenie i razvitie instituta prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo [Formation and development of the institution of property rights to real estate]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 11 (174), pp. 126-128.
23. Shitkina I.S. (2005) Lokal'noe (vnutrennee) normotvorchestvo v aktsionernom obshchestve [Local (internal) rule-making in a joint-stock company]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law], 3, pp. 11-16.
24. Sitkovskii A.M. (2019) Metodicheskie aspekty razvitiya mal'nykh tsevtrov sotsial'nykh uslug munitsipal'nogo obrazovaniya [Methodological aspects of the development of small centers of social services of a municipal formation]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 4 (29), pp. 31-39.
25. Sorokina S.G. (2016) *Ispol'zovanie rekurrentnosti kak sredstva argumentatsii pri postroenii tekstov nauchnogo soderzhaniya. Doct. Dis.* [Using recurrence as a means of argumentation in constructing texts of scientific content. Doct. Dis.]. Moscow.
26. Tkach A.V. (2015) Resheniya sobraniya kak yuridicheskii fakt [Meeting decisions as a legal fact]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 7, pp. 102-107.
27. Tumanov E.V. (2022) Nekotorye osobennosti zashchity prava sobstvennosti na nedvizhimost' putem primeneniya vindikatsionnogo iska [Some features of protecting the right of ownership of real estate by applying a vindication claim]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 1 (164), pp. 189-190.
28. *Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 № 188-FZ (red. ot 21.11.2022)* [Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on November 21, 2022)].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.38.21.035

Проблемные аспекты реализации семейной политики в Республике Дагестан

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович

Кандидат исторических наук, доцент,
и.о. завкафедрой теории и истории социальной работы,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Будунова Шанисат Магомедовна

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Нуцалханова Фатима Шамиловна

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Солтанова Зухра Арсланалиевна

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Аннотация

Одной из ключевых научных проблем в современной российской политической социологии выступает вопрос, связанный с выработкой комплексного подхода к исследованию государственной семейной политики, реализуемой в регионах Российской Федерации. Региональные срезы в состоянии продемонстрировать специфику вопроса на уровне конкретного субъекта РФ, но вместе с тем позволяют увидеть общероссийскую ситуацию в контексте существующих демографических вызовов и оценки эффективности и результативности семейной политики гражданами. Надо сказать, что социальная политика представляет собой важную часть комплексной государственной политики России, без реализации которой определенные социальные группы и конкретные индивиды не в состоянии полноценно удовлетворять жизненно важные потребности. Социальная политика – это многоуровневая система, ориентированная на решение

проблем общества, которая подразделяется на различные направления, и одним из таких направлений, нацеленной на решение вопросов в семейном секторе, является семейная политика. Поскольку современная семейная политика характеризуется, прежде всего, демографической направленностью, исследовательское внимание в настоящей статье сосредоточено именно на анализе оценки гражданами результативности мер, направленных на увеличение рождаемости, процессу, который выступает основным критерием эффективности современной семейной политики как в России в целом, так и в каждом ее субъекте в отдельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Гусейнов Г.М., Будунова Ш.М., Нуцалханова Ф.Ш., Солтанова З.А. Проблемные аспекты реализации семейной политики в Республике Дагестан // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 280-290. DOI: 10.34670/AR.2023.38.21.035

Ключевые слова

Проблема реализации, семейная политика, Республика Дагестан, современный период, социальная политика.

Введение

Указом Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 показатели «Численность населения субъекта Российской Федерации» и «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» включены в перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц регионов и деятельности их органов власти. На их основе характеризуется текущая демографическая ситуация в регионе, формируются производные и расчетные значения, позволяющие всесторонне оценить структуру и движение населения, а также социально-демографические процессы.

Основная часть

По данным органов статистики, численность постоянного населения Дагестана на 1 января 2023 года составила 3 154 тыс. чел. и увеличилась по сравнению с прошлым годом на 20,5 тыс. чел., в то время как в 2021 году по сравнению с 2020 годом население республики выросло на 22,5 тыс. человек.

В 2022 году родилось 43 606 детей, что на 3 445 младенцев меньше, чем за прошлый год (47 051 детей), показатель уменьшился на 8 процентов, а за первое полугодие текущего года родилось уже 19 793 детей, или 96,7 проц. от показателя 2021-го года. За 10 лет число родившихся в республике снизилось на 12,5 тыс. чел. – это на 22,3%.

На фоне снижения рождаемости естественный прирост населения также снизился на 11,2 процента, и в расчете на 1000 человек населения коэффициент естественного прироста населения составил 7,7 промилле, а в 2021 году составлял 8,8 промилле.

В январе-мае 2023 года число зарегистрированных детей, умерших в возрасте до 1 года, составило 165 детей против 156 детей за соответствующий период предыдущего года. Коэффициент младенческой смертности на 1000 родившихся живыми тоже вырос: с 6,8 до 7,9 промилле – один из худших показателей по стране.

Выросло количество зарегистрированных разводов. За 2022 год оформлено 9 133 разводов против 5 302 разводов за 2021 год. В целом на 1000 человек населения в республике 4 брака и 3 развода, или почти 8 разводов на 10 браков. Растет миграционная убыль населения, которая на 1 мая текущего года составила 9 750 человек [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, [www](http://www.fedstat.ru)].

По итогам реализации различных направлений национальных приоритетных проектов к 2024 году в целом по Российской Федерации предполагается достижение следующих целей и целевых показателей:

- увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет,
- увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7,
- увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни,
- увеличение до 55 процентов доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом.

При этом программой деятельности Правительства Республики Дагестан для региона на 2024 год определены следующие целевые показатели: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 77,79 лет, увеличение коэффициента рождаемости до 14,6 и снижение смертности до 6,1 [Официальный сайт Республиканского информационного агентства РИА «Дагестан», [www](http://www.ria-dagestan.ru)].

Сегодня уже не будет преувеличением мысль о том, что рождаемость – один из важнейших вопросов национальной безопасности. И в условиях, когда в период репродукции вступили женщины, чье рождение совпало с демографическим спадом 1990-х годов, становится очевидным, что ожидать всплеска рождаемости не приходится. А это означает, что в действующей государственной семейной политике необходимо бороться за каждого новорожденного. И мало стремиться к тому, чтобы каждая беременность была желанной, крайне важно всеми силами обеспечить рождение здорового ребенка.

Коэффициент рождаемости является медико-социальным показателем и напрямую зависит от социально-экономической структуры общества, общественной морали, образа и условий жизни людей, а не только от биологической способности к деторождению. Это особенно стало очевидным, когда в 2007 году началась реализация программы родовых сертификатов и материнского капитала [Шилкина, 2020].

Сокращение рождаемости – это общая тенденция демографической ситуации во всех регионах России.

В 2007 году, с начала реализации программы по материнскому капиталу, вплоть до 2015 года, в Республике Дагестан отмечалась устойчивая тенденция к росту рождаемости. Однако, начиная с 2015 года, количество родившихся ежегодно уменьшается на более чем 2000 детей.

Несмотря на тенденцию к снижению рождаемости во всех субъектах Российской Федерации, Республика Дагестан продолжает входить в пятерку лидеров среди регионов страны с высоким показателем рождаемости. По оперативным данным Росстата общий коэффициент рождаемости за 6 месяцев в 2022 году составил 12,6 на 1000 человек населения против 14,7 в 2019 году, но он в 1,5 раза превышает среднероссийский уровень (8,8) [Официальный сайт Республиканского информационного агентства РИА «Дагестан», [www](http://www.ria-dagestan.ru)].

Отметим, что в рамках реализации нацпроекта «Демография» в республике обеспечена доступность процедуры экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) в рамках ОМС всем нуждающимся в ней семьям.

Количество состоящих на диспансерном учете пациентов с бесплодием с каждым годом

возрастает и составляет более 20 тысяч человек. За 2021 год проведено 1290 процедур ЭКО. Из года в год растет число супружеских пар, которые получили процедуру ЭКО, не выезжая за пределы республики. Так, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, ГБУ РД «Республиканский центр охраны здоровья семьи и репродукции» провел 853 процедуры.

Результативность ЭКО проводимых в республике достаточно высокая – 38,5 процента за год (за 6 мес. – 38,2 проц.) – на уровне средне федеративного показателя. На 2022 год в рамках национального проекта «Демография» запланирован показатель 1300 процедур, выполнена за 7 месяцев текущего года 801 процедура, что составляет 61,6% от запланированного. До 2024 года планируется постепенное увеличение числа проводимых процедур ЭКО до 1400 случаев.

В рамках государственной программы Республики Дагестан «Развитие здравоохранения Республики Дагестан» реализуются мероприятия по улучшению демографической ситуации – снижению числа аборт и проведению профилактических осмотров детей 15-17 лет на раннее выявление репродуктивной патологии с целью своевременной коррекции выявленных заболеваний и подготовки их к семейной жизни.

Благодаря проводимым мероприятиям по профилактике абортов отмечается снижение числа абортов по сравнению с аналогичным периодом 2021 года с 2716 до 2614. Показатель частоты абортов составляет 3,1 на 1000 женщин детородного возраста. В 2021 году он составлял 3,2, незначительно, но имеется тенденция к снижению.

В Республике Дагестан в первом полугодии 2022 года доабортным консультированием охвачено 100 процентов беременных, обратившихся в медицинские организации по поводу прерывания беременности [там же].

Необходимо подчеркнуть, что снижение основных демографических показателей связано с недостаточной эффективностью деятельности органов власти, наделенных полномочиями по проведению социальной политики.

Надо также отметить, что за период реализации национального проекта «Образование» было построено немало школ. Так, например, наглядно это можно посмотреть на рисунке 1.

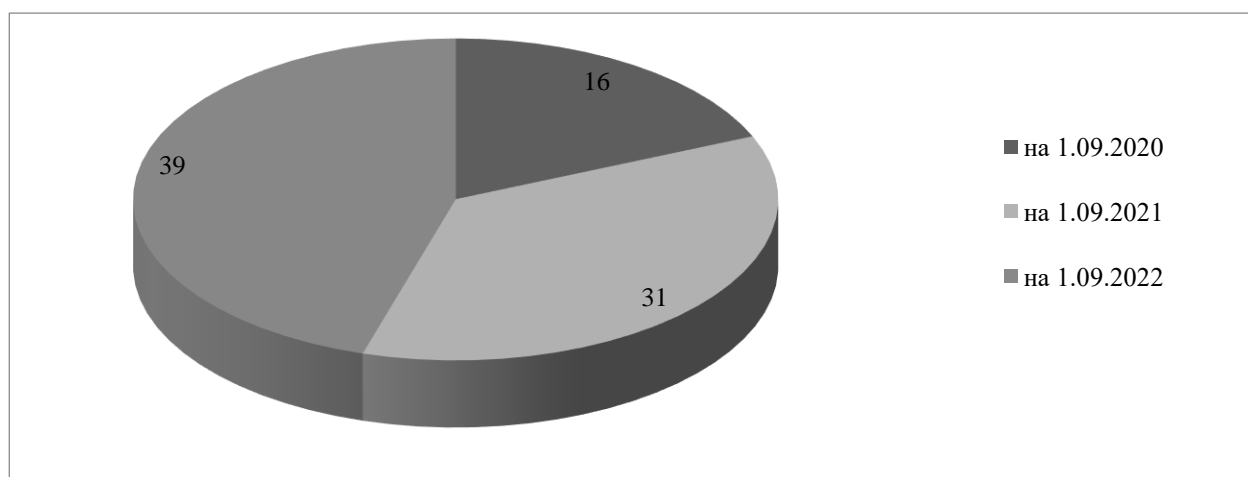

Рисунок 1 - Количество школ, построенных в РД за 2020-2022 гг.

За период реализации национального проекта «Образование» в республике контингент обучающихся значительно увеличился, что подтверждает необходимость не только модернизации существующей сети образовательных организаций, но и ее значительного расширения за счет строительства новых школ и дошкольных образовательных организаций.

Отметим, что реализация национального проекта в Республике Дагестан приносит достаточно неплохие результаты.

Так, в результате реализации национального проекта «Образование» в республике создана республиканская информационная система доступности дошкольного образования в РД (далее – РИС ДДО). Республиканская информационная система доступности дошкольного образования обеспечивает возможность формирования в автоматизированном режиме информации о предоставлении мест детям в государственных, муниципальных образовательных организациях, а также в иных организациях в рамках соглашений о государственно-частном, муниципально-частном партнерстве и контроль за представлением достоверных данных о численности детей, находящихся на учете для получения места в ДОО. Данная система в ежедневном режиме обновляет данные о численности детей и позволяет контролировать показатели доступности дошкольного образования для детей дошкольного возраста (см. табл. 1).

Таблица 1 - Численность детей в возрасте от 0 до 8 лет, зарегистрированных в очереди на прием в дошкольные образовательные организации

	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Численность детей	93000	85555	99801	111488	33610	30809	33626	28387	32257	28109

В целях информационной поддержки разработки и реализации государственной политики в сфере образования, непрерывного системного анализа, оценки качества, динамики и перспектив развития системы дошкольного образования 114 ДОО республики принимают участие в проекте «Мониторинг качества дошкольного образования» (далее – МКДО), что позволяет повысить эффективность управления качеством дошкольного образования на институциональном, муниципальном и региональном уровнях, создать доказательную основу для развития всей системы дошкольного образования.

Качество дошкольного образования в большей степени определяет качество последующих уровней системы образования. Поэтому поиск путей улучшения качества образования в дошкольных образовательных организациях является важной социально-значимой задачей, стоящей перед системой образования республики.

На начало 2021/2022 учебного года на территории Республики Дагестан функционирует 1412 общеобразовательных организаций с контингентом обучающихся 453015 учеников. В городах функционирует 231 общеобразовательная организация с контингентом 223531 учеников, в сельской местности – 1181 школа с контингентом 229484 ученика. Из общего числа школ: государственные – 93 школы с контингентом 19071 учеников, муниципальные – 1303 школы с контингентом 428 448 учеников, частные – 16 школ с контингентом 5496 ученика. Из общего количества общеобразовательных организаций малокомплектных – 500, аварийных – 130, приспособленных – 693, типовых – 537 [там же].

С целью увеличения охвата детей научно-техническим творчеством в республике созданы 2 детских технопарка «Кванториум» (1 стационарный, 1 мобильный).

Отметим, что «Кванториум» это оснащенная по последнему слову техники площадка для получения ребенком дополнительных знаний в области биологии, географии и других естественных наук. Дети изучают историю своего края и историю России, рассматривают различные тонкости научного метода получения знаний. Дети становятся более

заинтересованными.

В полуигровой форме они получают новые знания, и это в дальнейшем позиционирует их на то, чтобы они тянулись к новым знаниям и старались получить их и на обычных уроках. Бывает, что на занятиях в «Кванториуме» дети получают те знания, которые только недавно получали на обычном уроке в школе, только более расширенные с интересными примерами, что еще более закрепляет полученную ими информацию. Так у ребенка появляется тяга к научной деятельности и проведению различных научных исследований.

Сказалось внедрение национального проекта «Образование» и на сфере среднего профессионального образования. Так, сегодня система профессионального образования Республики Дагестан представлена 84 образовательными организациями, в том числе 6 вузами, реализующими программы среднего профессионального образования (далее – СПО). Информация о средних профессиональных образовательных организациях Республики Дагестан представлена в таблице 7.

Таблица 2 - Информация о средних профессиональных образовательных организациях Республики Дагестан на 2022 г.

Ведомственная принадлежность	Кол-во образовательных организаций	Контингент обучающихся	Педагогический состав
Минобрнауки РД	22	28476	1767
Минздрав РД	5	7386	312
Минкультуры РД	4	1375	205
Минспорта РД	3	239	35
УФСИН Российской Федерации по РД	1	200	23
Негосударственные организации	43	15459	600
ВУЗы, реализующие программы СПО	6	8263	603
Итого	84	61398	3545

Кроме того, в республике реализуется 127 образовательных программ по 28 укрупненным группам. Из них 27 программ входят в перечень ТОП-50 компетенций, наиболее востребованных для экономики Республики Дагестан, по которым обучаются более 3 тыс. человек в 22 колледжах республики.

С 2020 года увеличилось количество дополнительных выплат малоимущим семьям: пособие по беременности и родам при постановке на учет на раннем сроке беременности, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет, а также выплата на первого ребенка и второго до трех лет и др.

С 1 апреля государством установлена новая выплата для семей с детьми в возрасте от 8 до 17 лет. Кроме этого, продлено действие кешбэка на детский отдых, ведется работа по модернизации стационарных детских лагерей и многое другое.

В перечень многочисленных мер социальной поддержки семей с детьми в первую очередь входят выплаты пособий для детей разных возрастов из малоимущих семей.

Так, например, при рождении ребенка выплачивается единовременное пособие в размере 20 тысяч 400 рублей – независимо от дохода. Далее выплачивается ежемесячное пособие по уходу за ребенком в размере 7677,81 руб. до достижения им возраста 1,5 года.

В случае оформления опеки над ребенком также назначается пособие по уходу за ребенком.

Ежемесячно выплачивается пособие в размере 13894,61 руб. на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву. А сумма единовременного пособия беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, составляет 32420,77 руб.

С 2007 года установлены единовременные денежные выплаты семьям при рождении: пятого и каждого последующего ребенка в размере 20 тысяч рублей; десятого и каждого последующего ребенка выплата составляет 300 тысяч рублей. Кстати, в Дагестане в 2021 году выплату в 300 тысяч рублей получили 7 семей. Также 312 семей при рождении двойни получили 20 тысяч рублей. Кроме того, 100 тысяч рублей при рождении одновременно трех и более детей получили 5 семей.

Еще существуют выплаты на детей из малоимущих многодетных семей, поступающих в первый класс. Сумма этой выплаты составляет 2 318 рублей на ребенка. За 2021 год данная выплата осуществлена на 6 381 ребенка. С января 2018 года в рамках нацпроекта «Демография» малоимущим семьям, где родился или усыновлен первый и (или) второй ребенок, осуществляется ежемесячная выплата до достижения ребенком 3-х лет в сумме 11 499 рублей.

Пособие семьям с детьми от трех до семи лет положено тем, у кого среднедушевой доход не превышает прожиточного минимума. Сумма выплаты рассчитывается по трехступенчатой системе:

- 50% – в размере 6324 руб. – минимальный размер выплаты;
- 75% – в размере 8624,25 руб. – если минимальное пособие не позволяет поднять среднедушевой доход до прожиточного минимума;
- 100% – в размере 12649 руб. – если и повышенный размер не позволяет вывести семью из числа нуждающихся.

Отметим, что в 2021 году пособие от 3 до 7 лет выплачивалось на 291,6 тыс. детей.

В целом, по региону численность детей в возрасте до 16 (18) лет, на которых назначено ежемесячное пособие, представлена следующими цифрами (табл. 3)

Таблица 3 - Численность детей в возрасте до 16 (18) лет, на которых назначено ежемесячное пособие по субъектам Российской Федерации [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, www]

Регион РФ	человек	к общей численности детей в возрасте до 18 лет, проценты	человек	к общей численности детей в возрасте до 18 лет, проценты	человек	к общей численности детей в возрасте до 18 лет, проценты	человек	к общей численности детей в возрасте до 18 лет, проценты
		2018		2019		2020		2021
Республика Дагестан	448 053	50,9	476 230	53,9	499 015	56,5	502 875	57,3

Таким образом, согласно представленным данным можно заметить, что численность детей в возрасте до 16 (18) лет, на которых назначено ежемесячное пособие, постоянно хоть и незначительно, растет. Очевидно, что данному факту способствует проводимая государственная семейная политика.

В этом году по поручению Президента РФ осуществляется новая мера социальной поддержки малоимущих семей с детьми. Пособие доступно для семей с детьми в возрасте от 8 до 17 лет включительно, чей доход в расчете на каждого члена семьи не превышает прожиточный минимум.

В Дагестане уже получают выплаты в размере 50%, 75% или 100% от размера прожиточного минимума на ребенка по региону.

Хочется также отметить, что в этом году сумма материнского капитала была увеличена, так как подверглась ежегодной индексации. Сегодня сумма материнского капитала составляет 524 527,90 руб. Если ранее право на материнский капитал не возникало, он составит 693 144,10 руб. [Официальный сайт Республиканского информационного агентства РИА «Дагестан», www.riadagestan.ru].

Также, в республике существуют реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Таких центров в ведении Минтруда 13, ежегодно услуги по реабилитации и адаптации получают более 8 тыс. детей с ограниченными возможностями здоровья.

Также работа с детьми проводится в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, где в прошлом году социальное обслуживание получили около 1,5 тыс. несовершеннолетних.

Помощь детям с ограниченными возможностями здоровья оказывается и через автономные некоммерческие организации, которые участвуют и побеждают в конкурсах на грант Минтруда.

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу, что в Республике Дагестан создаются все еще недостаточно эффективные условия в рамках реализации государственной семейной политики, направленных на улучшение социальной сферы. Есть еще недоработки, однако работа в данном направлении ведется постоянно, комплексно и целенаправленно. Также отметим, что по данным анализа в Республике Дагестан показала выстроенный управленческий цикл на всех уровнях региональной образовательной экосистемы. Сложность, многоаспектность и взаимозависимость управленческих проблем на различных уровнях управления образовательными системами, определяющих характер реформирования в области образования, в современных условиях требуют новых идей и вариативных подходов, раскрывающих пути оптимизации управления образованием на муниципальном уровне.

Библиография

1. Burmakin V. et al. The cross-impact of corruption and consumer culture // *Journal of Financial Crime*. 2021. Vol. 29 (4). P. 1155-1171.
2. Gushchin A. "To teach learning", or on the culture of thinking today's students // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214. P. 457.
3. Sitkovskiy A.M. Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity) // *Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Часть 1*. СПб.: Фора-принт, 2019. P. 260-269.
4. Гордеев С.С. «Эффект колеи» в пространственном межмуниципальном развитии // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2019. № 4 (29). С. 40-55.
5. Гордеев С.С. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 11 (433). С. 38-47.
6. Егоров А.М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности // *Метаморфозы истории*. 2022. № 25. С. 6.
7. Маркварт Э. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // *Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии*. М.: Дело, 2021. С. 63-93.
8. Официальный сайт Республиканского информационного агентства РИА «Дагестан». URL: <https://riadagestan.ru/>
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

10. Ошкордина А.А., Белобородова О.Г. Социально-экономические аспекты развития амбулаторно-поликлинического звена здравоохранения в период экономической нестабильности // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22. № 1 (532). С. 90-104.
11. Размер пособий и выплат гражданам, имеющим детей. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83400/64d96fefa76629791938a959f3da64e17a14c8a4/?ysclid=labbh4dg7e640205031
12. Ситковский А.М. Взаимосвязь экономических и демографических процессов малого моногорода Урала // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Часть 1. Челябинск, 2019. С. 27-31.
13. Ситковский А.М. Демографический фактор в обеспечении устойчивого развития мегаполиса // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1 (2). С. 81-87.
14. Ситковский А.М. Методические аспекты развития малых центров социальных услуг муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 31-39.
15. Ситковский А.М. Некоторые парадоксы современных демографических процессов // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Часть 2. Челябинск, 2018. С. 70-74.
16. Сорокина С.Г. Дискурс потребления как инструмент формирования современных ценностей // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики. М.: Языки Народов Мира, 2023. С. 210-217.
17. Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
18. Шилкина Е.Л. Семейная политика как элемент демографической политики государства // Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности. Ростов-на-Дону, 2020. С. 209-213.

Problem aspects of implementation of family policy in the Republic of Dagestan

Gadzhi M. Guseinov

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Theory and History of Social Work,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Shanisat M. Budunova

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Fatima Sh. Nutsalkhanova

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Zukhra A. Soltanova

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Abstract

One of the key scientific problems in modern Russian political sociology is the issue related to the development of an integrated approach to the study of state family policy implemented in the regions of the Russian Federation. Regional sections are able to demonstrate the specifics of the issue at the level of a particular subject of the Russian Federation, but at the same time allow us to see the all-Russian situation in the context of existing demographic challenges and assess the effectiveness and efficiency of family policy by citizens. It must be said that social policy is an important part of the comprehensive state policy of Russia, without the implementation of which certain social groups and specific individuals are not able to fully satisfy vital needs. Social policy is a multi-level system focused on solving the problems of society, which is divided into various areas, and one of these areas, aimed at solving issues in the family sector, is family policy. Since modern family policy is characterized, first of all, by a demographic orientation, the research attention in this article is focused precisely on the analysis of citizens' assessment of the effectiveness of measures aimed at increasing the birth rate, a process that is the main criterion for the effectiveness of modern family policy both in Russia as a whole and in each subject separately.

For citation

Guseinov G.M., Budunova Sh.M., Nutsalkhanova F.Sh., Soltanova Z.A. (2023) Problemnye aspekty realizatsii semeinoi politiki v Respublike Dagestan [Problem aspects of implementation of family policy in the Republic of Dagestan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 280-290. DOI: 10.34670/AR.2023.38.21.035

Keywords

Implementation problem, family policy, Republic of Dagestan, modern period, social policy.

References

1. Burmakin V. et al. (2021) The cross-impact of corruption and consumer culture. *Journal of Financial Crime*, 29 (4), pp. 1155-1171.
2. Egorov A.M. (2022) Problema sokhraneniya istoricheskoi pamyati v kontekste sovremennosti [The problem of preserving historical memory in the context of modernity]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of history], 25, p. 6.
3. Gordeev S.S. (2019) «Effekt kolei» v prostranstvennom mezhmunitsipal'nom razvitii [“The track effect” in spatial intermunicipal development]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 4 (29), pp. 40-55.
4. Gordeev S.S. (2019) Otsenki kachestva zhizni i sotsial'nykh prioritetov razvitiya territorii [Assessment of the quality of life and social priorities for the development of territories]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 11 (433), pp. 38-47.
5. Gushchin A. (2015) “To teach learning”, or on the culture of thinking today's students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 214, p. 457.
6. Markvart E. (2021) Prostranstvennoe szhatie territorii Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, kriterii, sistema pokazatelei [Spatial compression of the territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators]. In: *Goroda budushchego: prostranstvennoe razvitie, souchastvuyushchee upravlenie i tvorcheskoe industrii* [Cities of the future: spatial development, participatory management and creative]. Moscow: Delo Publ.

7. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> [Accessed 10/10/2023]
8. *Ofitsial'nyi sait Respublikanskogo informatsionnogo agentstva RIA «Dagestan»* [Official website of the Republican Information Agency RIA "Dagestan"]. Available at: <https://riadagestan.ru/> [Accessed 10/10/2023]
9. Oshkordina A.A., Beloborodova O.G. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya ambulatorno-poliklinicheskogo zvena zdravookhraneniya v period ekonomicheskoi nestabil'nosti [Socio-economic aspects of the development of outpatient health care during the period of economic instability]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 22, 1 (532), pp. 90-104.
10. *Razmer posobii i vyplat grazhdanam, imeyushchim detei* [Amount of benefits and payments to citizens with children]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83400/64d96fef76629791938a959f3da64e17a14c8a4/?ysclid=labbh4dg7e640205031 [Accessed 10/10/2023]
11. Shilkina E.L. (2020) Semeinaya politika kak element demograficheskoi politiki gosudarstva [Family policy as an element of the state's demographic policy]. In: *Ekonomiko-pravovye mekhanizmy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti*. [Economic and legal mechanisms for ensuring national security]. Rostov-on-Don.
12. Sitkovskii A.M. (2018) Demograficheskii faktor v obespechenii ustoichivogo razvitiya megapolisa [Demographic factor in ensuring sustainable development of a metropolis]. *Nauchnyi ezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya* [Scientific yearbook of the Center for Analysis and Forecasting], 1 (2), pp. 81-87.
13. Sitkovskii A.M. (2019) Metodicheskie aspekty razvitiya malykh tsentrov sotsial'nykh uslug munitsipal'nogo obrazovaniya [Methodological aspects of the development of small centers of social services of a municipal formation]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 4 (29), pp. 31-39.
14. Sitkovskii A.M. (2018) Nekotorye paradoksy sovremennykh demograficheskikh protsessov [Some paradoxes of modern demographic processes]. In: *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya Rossii v issledovaniyakh studentov: upravlencheskii, pravovoi i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty. Chast' 2* [Current issues of sustainable development of Russia in student research: managerial, legal and socio-economic aspects. Part 2]. Chelyabinsk.
15. Sitkovskii A.M. (2019) Vzaimosvyaz' ekonomicheskikh i demograficheskikh protsessov malogo monogoroda Urals [Interrelation of economic and demographic processes of a small single-industry town in the Urals]. In: *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya Rossii v issledovaniyakh studentov: upravlencheskii, pravovoi i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty. Chast' 1* [Current issues of sustainable development of Russia in student research: managerial, legal and socio-economic aspects. Part 1]. Chelyabinsk.
16. Sitkovskiy A.M. (2019) Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity). In: *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Chast' 1* [Current issues in the humanities and social sciences. Part 1]. St. Petersburg: Fora-print Publ.
17. Sorokina S.G. (2023) Diskurs potrebleniya kak instrument formirovaniya sovremennykh tsennostei [Discourse of consumption as a tool for the formation of modern values]. In: *Segodnya i vsegda: aktual'nye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i lingvodidaktiki* [Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics]. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ.
18. *Ukaz Prezidenta RF ot 4 fevralya 2021 g. № 68 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditelei vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti) sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation of February 4, 2021 No. 68 "On assessing the effectiveness of the activities of senior officials (heads of the highest executive bodies of state power) of the constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation"]].

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2023.71.95.036

Реализация социальной программы поддержки малообеспеченных слоев населения Республики Дагестан

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович

Кандидат исторических наук, доцент,
и.о. завкафедрой теории и истории социальной работы,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Мусаева Сабият Гасбуллаевна

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Амиргамзаева Сапият Магомедовна

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Османов Гаджимурад Ибрагимович

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Аннотация

За последние годы Республика Дагестан столкнулась с масштабным проявлением комплекса взаимосвязанных политических, экономических и социально-гуманитарных проблем, обусловленных накоплением глубоких деформаций в производственной и социальной сфере и общественно-политических и социально-экономических отношениях. Часть этих проблем вызвана наследием советского периода, другие связаны с недостатками воспроизводственных процессов общественной системы, сложившихся в стране, третьи – проблемы, обусловленные спецификой региона. Дагестан располагает достаточным для преодоления бедности природно-ресурсным потенциалом и развитым человеческим капиталом. Однако по уровню социально экономического развития здесь наблюдается значительное отставание от других регионов. Одна из причин такого разительного несоответствия между потенциальными возможностями республики и

низким уровнем жизни ее населения – крайне неэффективные экономические и социальные механизмы, формы и методы управления рыночными преобразованиями в РФ. На фоне общего низкого уровня социально-экономического развития РД по сравнению со средними российскими показателями нарастают диспропорции в развитии отдельных территориальных зон, городов и районов республики. На фоне роста населения это приводит к продолжительному дефициту многих объектов социально-бытового и производственного назначения, в том числе с соответствующими современным стандартам условиями производства, труда и сервиса.

Для цитирования в научных исследованиях

Гусейнов Г.М., Мусаева С.Г., Амиргамзаева С.М., Османов Г.И. Реализация социальной программы поддержки малообеспеченных слоев населения Республики Дагестан // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 291-301. DOI: 10.34670/AR.2023.71.95.036

Ключевые слова

Социальная программа, социальный контракт, малообеспеченные категории, Республика Дагестан, Россия.

Введение

Республика Дагестан по численности населения (на 1 января 2021 года – 3133 тыс. человек) занимает 1 место в СКФО и 12-е место в Российской Федерации, а по абсолютной величине естественного прироста населения – 1 места как в СКФО, так и по Российской Федерации в целом; по объему ВРП (в 2019 году – 718,5 млрд. рублей) – 2-е место в СКФО и 34 место среди субъектов Российской Федерации. По показателю ВРП на душу населения, соответственно, 3 и 81 места; по объему инвестиций в основной капитал – 1 место в СКФО и 18 место в Российской Федерации, инвестициям в основной капитал на душу населения – соответственно, 1 и 46 места; по производству продукции сельского хозяйства – 14 место в Российской Федерации [Данные Дагстата, [www](http://www.dagstat.ru)].

Главной задачей службы социальной защиты названа поддержка малообеспеченных, малоимущих семей, инвалидов. По итогам 10 месяцев 2021 года среднемесячная зарплата в регионе увеличилась на 6,6% и составила 31 тысячу рублей, но ее размер, остается одним из самых невысоких в стране [там же].

Для обеспечения роста доходов граждан в 2021 году в республике была принята специальная региональная программа по снижению уровня бедности, в рамках которой задействован механизм социального контракта.

Региональная программа «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в Республике Дагестан» (далее – Программа) разработана во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и направлена на достижение в Республике Дагестан национальной цели развития на период до 2030 года по снижению уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года и обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения. Срок реализации Программы: 2021-2030 годы.

Целью Программы является снижение к 2030 году в два раза уровня бедности в Республике

Дагестан по сравнению с показателем 2017 года и обеспечение устойчивого роста денежных доходов граждан. Достижение цели Программы предусматривает решение следующих основных задач:

- повышение уровня доходов граждан и обеспечение превышения темпов роста средней заработной платы не ниже роста инфляции;
- развитие системы социальной помощи нуждающимся гражданам; развитие системы социального контракта;
- организация социальной адаптации малоимущих граждан [Гусейнов, 2019, 164-165].

Основная часть

За прошлый год органами соцзащиты заключено 7,7 тысяч контрактов на сумму более 871 млн. рублей, которые позволили гражданам организовать предпринимательскую деятельность, пройти профобучение, трудоустроиться, наладить подсобное хозяйство и выйти из сложной жизненной ситуации. В целях дополнительной поддержки семьи с прошлого года введена новая форма государственной поддержки – ежемесячная выплата на детей от 3 до 7 лет в размере от 5 378 до 10 757 рублей на каждого ребенка. В 2021 году эту помощь получили 195 тысяч семей на сумму более 17 млрд. руб. [Устойчивый рост экономики Дагестана, www].

Кроме того, в прошлом году в республике был увеличен размер ежемесячной социальной поддержки участников Великой Отечественной войны (до 20 тыс. рублей), членам семей погибших ветеранов войны в Афганистане (до 10 тыс. рублей). В целом на социальное обеспечение населения в 2021 году по линии министерства было направлено свыше 32 млрд. рублей, которые в виде выплат предоставили участникам войн, ветеранам труда, труженикам тыла, семьям с детьми, инвалидам и другим категориям граждан [Девришбеков, 2021, 467-469].

Другим направлением работы министерства является реализация государственных программ в сфере социального обслуживания населения, обеспечения доступной среды для инвалидов, улучшение жилищных условий для отдельных категорий граждан.

В 2021 году учреждениями Минтруда региона были оказаны разные социальные услуги более чем 120 тысячам человек. В прошлом году увеличилось количество некоммерческих организаций, оказывающих соцуслуги, из средств республиканского бюджета [там же].

За прошлый год по программе доступная среда было оборудовано для инвалидов и маломобильных граждан 100 объектов на сумму 82,6 млн рублей. Улучшили жилищные условия 389 очередников из числа ветеранов, инвалидов, семей с детьми-инвалидами, ликвидаторов аварии на ЧАЭС на общую сумму 316,3 млн рублей, что в 1,3 раза больше, чем в 2020 году. В целях снижения негативных последствий на рынке труда, связанных с пандемией COVID-19, в республике был разработан специальный комплекс мер по восстановлению в регионе занятого населения до уровня допандемических значений [Рейтинг уровня бедности регионов РИА Новости, www].

В результате принятых мер (трудоустройство, создание рабочих мест, субсидирование и микрофинансирование предпринимательства) за 2021 год удалось восстановить занятость более чем 156 тысячам человек, в частности восстановлены на постоянные/временные рабочие места свыше 51 тыс. человек. Около 750 человек прошли профобучение по программам содействия занятым [Данные Дагстата, www].

Свыше 1 300 граждан освоили новую профессию в рамках нацпроекта «Демография». В прошлом году в республике был задействован новый механизм стимулирования работодателей

при найме безработных граждан путем субсидирования за счет федеральных средств на сумму 32,3 млн рублей (всего трудоустроено 926 граждан). По данному показателю Дагестан на 7 месте среди субъектов РФ. В целом проделанная работа позволила сократить уровень безработных в республике в 3 раза со 106 до 34 тыс. человек [там же].

Социальная поддержка семьи и детей является важным направлением государственной семейной политики, одной из функций государства, направленной на поддержание и повышение уровня их денежных доходов в связи с нахождением в трудной жизненной ситуации. В целях решения поставленных задач Республикой Дагестан будут реализованы мероприятия, направленные на стимулирование рождения детей, поддержку многодетных семей.

В рамках данных мер планируется в приоритетном порядке обеспечить:

1) выплату государственного единовременного пособия и ежемесячной денежной компенсации гражданам при возникновении поствакцинальных осложнений в соответствии с Федеральным законом от 17 сентября 1998 г. N 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней».

На эти цели предусмотрены средства в объеме:

– на 2022 год - 146300,0 руб.,

– на 2023 год - 151300,0 руб.;

2) выплату единовременного пособия беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, а также ежемесячного пособия на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, в соответствии с Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»:

– на 2022 год - 28771700,0 руб.,

– на 2023 год - 29914400,0 рубля;

3) выплату государственных пособий лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и лицам, уволенным в связи с ликвидацией организаций (прекращением деятельности, полномочий физическими лицами), в соответствии с Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»:

– на 2022 год - 5373123800,0 руб.,

– на 2023 год - 5585664600,0 рубля;

4) осуществление ежемесячных выплат на детей в возрасте от 3 до 7 лет включительно:

– на 2022 год - 9037785368,42 руб.,

– на 2023 год - 9121983578,95 рубля;

5) выплату ежемесячного пособия на ребенка:

– на 2022 год - 1534469,20 руб.,

– на 2023 год - 1596677,40 рубля;

6) единовременную денежную выплату на детей, поступающих в первый класс, из малоимущих многодетных семей, проживающих в Республике Дагестан:

– на 2022 год - 16450,00 руб.,

– на 2023 год - 17110,0 рубля;

7) осуществление единовременной денежной выплаты семьям при рождении пятого и каждого последующего ребенка, десятого и каждого последующего ребенка, одновременно двух детей, одновременно трех и более детей:

- на 2022 год - 21220,50 руб.,
- на 2023 год - 21220,50 рубля;

8) осуществление ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка:

- на 2022 год - 3879796800,00 руб.,
- на 2023 год - 3757003700,00 рубля;

9) оказание мер государственной поддержки в связи с беременностью и родами, а также гражданам, имеющим детей:

- на 2022 год - 5373123,80 руб.,
- на 2023 год - 5585664,60 рубля [Устойчивый рост экономики Дагестана, www].

Как показали исследования, к основным проблемам регулирования уровня и качества жизни населения в Республике Дагестан относятся: массовый отток трудоспособных жителей из региона в столицу, что усугубляет проблему нехватки необходимых специалистов, сложная демографическая ситуация, наличие излишних административных барьеров для развития малого и среднего бизнеса, как на уровне региона, так и отдельных муниципалитетов, наличие диспропорций в уровне оплаты труда между территориями, входящих в РД, а также различными секторами экономики, и пр.

Решение указанных и других проблем заложено в стратегии социально-экономического развития РД.

Для реализации поставленных задач регион располагает необходимыми условиями, высокий уровень развития науки, хорошую экологию, поддерживаемую современными технологиями обращения с отходами.

Основным фактором долгосрочного экономического роста и решения многих социально-экономических проблем выступают инновации.

К организационным проблемам самого МЭР РД относятся проблемы межуровневой и межведомственной координации МЭР РД с другими структурами Правительства РД при разработке, планировании, регулировании и реализации стратегических документов, проблемы подбора высококачественных специалистов для эффективной работы самого МЭР, излишнее применение бумажных носителей в повседневной работе, что вызывает необходимость применения электронных современных носителей документооборота.

К основным направлениям регулирования и повышения уровня и качества жизни относятся: регулирование с помощью государственных минимальных социальных стандартов, регулирование оплаты труда и доходов населения, регулирование с помощью социального развития, постоянное совершенствование самого процесса предоставления государственных услуг населению региональными и муниципальными органами власти, совершенствование системы предоставления и раскрытия информации о подготавливаемых проектах правовых нормативных актов в сфере уровня и качества жизни населению региона с привлечением к их обсуждению широкой общественности и пр.

В целом, процесс государственного регулирования имеет ряд приоритетов, главный из которых – повышение уровня и качества жизни граждан региона.

Решение этой задачи основывается на экономическом развитии региона и потребует от всех уровней власти расширение масштабов их взаимодействия с гражданским обществом, повышения его информированности, роста эффективности в решении возникающих проблем как со стороны Министерства экономического развития РД, так и других органов власти региона.

Возникновение экономических кризисов и финансовой нестабильности в стране, как правило, отражается и на финансовом благополучии граждан. В условиях рыночной экономики так и выходит, что граждане полностью обеспечивают себя самостоятельно.

Ситуация в стране и в мире в 2021 году отразила существование слабой системы социального обеспечения. Несомненно, пандемия изначально коснулась юридических лиц, предпринимателей, самозанятых, а уже впоследствии отразилась и на тех лицах, чьи доходы граничили с величиной прожиточного минимума.

Многие люди потеряли работу, малый бизнес оказался под угрозой (официальное число закрытых предприятий и ликвидированных организаций – за пределами нормы, а неофициальные данные отражают совсем негативную обстановку).

Это прямо указывает на увеличение числа малоимущих граждан и малоимущих семей. При этом в группу риска в данном случае попали люди не только в силу возраста и состояния здоровья, но люди, попавшие в сложную финансовую ситуацию, потерявшие полностью источники дохода. Для данных категорий граждан и были предусмотрены меры социальной поддержки от государства.

Стоит обратить внимание на то, что в государственной поддержке могут нуждаться не только нетрудоспособное население, но и вполне трудоспособные, фактически выполняющие свои трудовые функции, граждане. Следовательно, граждане работают, но все равно не получают дохода, превышающего размер прожиточного минимума, что подтверждает нахождение таких людей на грани бедности. Это свидетельствует о неэффективности мер социальной поддержки малоимущих граждан.

Меры социальной поддержки представляют собой сформированный и сложный механизм, который в условиях рыночной экономики и кризисов было сложно создать.

Однако меры социальной поддержки действуют и показывают свои результаты. Россия прошла опыт замены льгот на выдачу денежных средств и при обнаружении неэффективности такой замены, льготы были возвращены с пересмотром категорий населения и условий выдачи льгот. Наличие дохода, не превышающего прожиточный минимум, у граждан является основанием получения мер социальной поддержки.

Существенным недостатком является отсутствие в полной мере принципа адресности, так как основная цель данного принципа – недопущение увеличения числа нуждающихся, а в некоторых случаях применение мер социальной поддержки порождает социальное иждивение. Наличие этого факта говорит о низкой эффективности мер социальной поддержки малоимущим гражданам и таким образом в большей мере страдает механизм борьбы с бедностью.

Поэтому на федеральном и региональном уровнях требуется разработка и реализация новых, более эффективных механизмов снижения ее уровня, направленных на улучшение ситуации на рынке труда, содействие занятости, повышение производительности труда, повышение заработных плат как в бюджетном, так и во внебюджетном секторах экономики в соответствии с результативностью труда работающих.

Региональные программы снижения бедности включают мероприятия, связанные с индексацией заработной платы работников бюджетной сферы, увеличением объема гарантий работодателей, предоставляемых работникам, реализацией активных программ содействия занятости, снижением неформальной занятости и легализацией «теневых» доходов, стимулированием инвестиционной активности, содействием развитию малого и среднего бизнеса, поддержкой индивидуальных предпринимателей и самозанятых [Sitkovskiy, 2019, 41-47].

С учетом сложившихся тенденций в системе государственной социальной помощи, меры социальной поддержки малоимущих граждан, предусмотренные в большинстве региональных программ снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, в настоящее время являются действенным инструментом по преодолению региональной бедности. Эффективность реализации мер социальной поддержки населения, в том числе заключение социальных контрактов, зависит от ориентированности их на основные целевые группы населения, формирующие профиль бедности субъектов РФ, адресности предоставляемой социальной помощи на основе соблюдения принципов нуждаемости, а также достаточной финансовой обеспеченности их проведения на весь период реализации программ.

Для сокращения абсолютной и относительной бедности, снижения дифференциации населения по уровню доходов необходимо:

- усиливать адресность поддержки слабозащищенных слоев населения (бедных и льготных слоев населения);
- укреплять основные социальные гарантии населению;
- развивать социальную инфраструктуру жизнедеятельности общества;
- за счет федерального бюджета обеспечить детей дошкольного возраста услугами дошкольного содержания и воспитания;
- учеников всех классов, а не только начальных классов обеспечить горячим питанием не реже одного раза в день;
- для снижения социальной напряженности на рынке труда инвалидов, создания им дополнительных возможностей трудоустройства, ежегодно в субъектах федерации сроком на один год определять размер квоты предприятиям региона (не менее 5 % от среднесписочной численности работников с учетом инвалидов, ранее принятых на работу);
- увеличить среднюю заработную плату врачам и учителям, для этого в первую очередь увеличить базовый оклад;
- увеличить уровень охвата детей в возрасте от 5 до 18 лет программами дополнительного образования за счет средств федерального бюджета;
- с целью полного удовлетворения потребности в постоянном постороннем уходе пожилых лиц увеличить финансирование социальных служб.

В связи с вышесказанным, следует отметить, что РД нуждается в широких политических, экономических и институциональных реформах для выхода из текущего кризиса и достижения средних по РФ показателей социально-экономического развития регионов.

Перед республикой в настоящее время должны стоять три взаимосвязанные задачи:

- 1) Разработать оперативные меры по стабилизации ситуации и преодолению нынешнего кризиса. Для ее решения необходимо, прежде всего, принять антикризисную программу и запустить стандартные антикризисные процедуры по изменению ситуации с доходами населения, а также в отраслях промышленности, строительства, торговли и т.д.
- 2) В течение 3-5 лет создать основы новой системы устойчивого роста и развития, а также программы, направленные на повышение уровня экономического развития республики.
- 3) Выстроить эффективную стратегию долгосрочного развития до 2030 г., на основе эффективной реализации национальных приоритетных проектов, в частности, реализуемых с 2007 года и дополнительно предусмотренных на период 2018-2024 годы.

Заключение

Подводя итоги, стоит констатировать следующее: при сохраняющемся естественном приросте населения важнейшими проблемами в республике остаются постоянный недостаток рабочих мест (соответствующих запросам нынешней молодежи и рынка труда) и низкие доходы населения, в том числе и работающих граждан. Данные проблемы не решить за счет развития сельского хозяйства или туризма с их преимущественно сезонной занятостью, а также «вытеснения» части трудовых ресурсов в другие регионы страны. В данном случае, необходимо в ближайшие годы принять и реализовать систему государственных мер по формированию в обрабатывающих отраслях региона кластеров промышленных предприятий с повышенным уровнем трудоемкости, а также передовых технологий.

Таким образом, грамотно сформулированные цели, ясная программа действий во времени и пространстве, четко поставленные задачи должны способствовать поиску адекватных методов решения проблем РД, и эти методы будут гораздо эффективней, если они еще будут дополнены мерами персональной ответственности исполнителей.

Библиография

1. Гордеев С.С. «Эффект колен» в пространственном межмуниципальном развитии // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 40-55.
2. Гордеев С.С. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 38-47.
3. Гусейнов Г.М. Бедность как социальная проблема // Актуальные проблемы социально-трудовых отношений. Махачкала, 2019. С. 164-165.
4. Данные Дагстата. URL: [https:// dagstat.gks.ru/](https://dagstat.gks.ru/)
5. Девришбеков Н.Р. Проблема бедности населения современного Дагестана и возможные пути ее решения // Неделя науки – 2021. С. 467-469.
6. Егоров А.М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности // Метаморфозы истории. 2022. № 25. С. 6.
7. Ефремова Л.А. Уровень жизни населения региона в оценке результатов социальной политики и экономической безопасности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. № 3. С. 98-102.
8. Маркварт Э. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии. М.: Дело, 2021. С. 63-93.
9. Ошкордина А.А., Белобородова О.Г. Социально-экономические аспекты развития амбулаторно-поликлинического звена здравоохранения в период экономической нестабильности // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22. № 1 (532). С. 90-104.
10. Рейтинг уровня бедности регионов РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200706/>
11. Ситковский А.М. Взаимосвязь экономических и демографических процессов малого моногорода Урала // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Часть 1. Челябинск, 2019. С. 27-31.
12. Ситковский А.М. Демографический фактор в обеспечении устойчивого развития мегаполиса // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1 (2). С. 81-87.
13. Ситковский А.М. Методические аспекты развития малых центров социальных услуг муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 31-39.
14. Ситковский А.М. Некоторые парадоксы современных демографических процессов // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Часть 2. Челябинск, 2018. С. 70-74.
15. Сорокина С.Г. Дискурс потребления как инструмент формирования современных ценностей // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики. М.: Языки Народов Мира, 2023. С. 210-217.
16. Устойчивый рост экономики Дагестана. URL: <https://riaderbent.ru/kak-dobitsya-ustojchivogo-rosta-ekonomiki-dagestana.html>
17. Burmakin V. et al. The cross-impact of corruption and consumer culture // Journal of Financial Crime. 2021. Vol. 29

(4). P. 1155-1171.

18. Gushchin A. "To teach learning", or on the culture of thinking today's students // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214. P. 457.
19. Sitkovskiy A.M. Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity) // *Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Часть 1*. СПб.: Фора-принт, 2019. P. 260-269.

Implementation of a social program to support low-income groups of the population of the Republic of Dagestan

Gadzhi M. Guseinov

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Theory and History of Social Work,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Sabiyat G. Musaeva

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Sapiyat M. Amirgamzaeva

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Gadzhimurad I. Osmanov

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Abstract

In recent years, the Republic of Dagestan has faced a large-scale manifestation of a complex of interrelated political, economic, social and humanitarian problems caused by the accumulation of deep deformations in the industrial and social sphere and socio-political and socio-economic relations. Some of these problems are caused by the legacy of the Soviet period, others are associated with shortcomings in the reproductive processes of the social system that have developed in the country, and still others are problems caused by the specifics of the region. Dagestan is a subject of

the Russian Federation, a region with an important geostrategic and attractive geographical position. The Republic has sufficient natural resource potential and developed human capital to overcome poverty. However, in terms of the level of socio-economic development, there is a significant lag behind other regions of the Russian Federation. One of the reasons for such a striking discrepancy between the potential of the republic and the low standard of living of its population is the extremely inefficient economic and social mechanisms, forms and methods of managing market transformations in the Russian Federation. Against the background of the general low level of socio-economic development of the Republic of Dagestan, in comparison with the average Russian indicators, disproportions in the development of individual territorial zones, cities and regions of the republic are growing. Against the background of population growth, this leads to a long-term shortage of many social and industrial facilities, including those with production, labor and service conditions that meet modern standards.

For citation

Guseinov G.M., Musaeva S.G., Amirgamzaeva S.M., Osmanov G.I. (2023) Realizatsiya sotsial'noi programmy podderzhki maloobespechennykh sloev naseleniya Respubliki Dagestan [Implementation of a social program to support low-income groups of the population of the Republic of Dagestan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 291-301. DOI: 10.34670/AR.2023.71.95.036

Keywords

Social program, social contract, low-income categories, Republic of Dagestan, Russia.

References

1. Burmakin V. et al. (2021) The cross-impact of corruption and consumer culture. *Journal of Financial Crime*, 29 (4), pp. 1155-1171.
2. *Dannye Dagstata* [Dagstat data]. Available at: [https:// dagstat.gks.ru/](https://dagstat.gks.ru/) [Accessed 10/10/2023]
3. Devrishbekov N.R. (2021) Problema bednosti naseleniya sovremennogo Dagestana i vozmozhnye puti ee resheniya [The problem of poverty in the population of modern Dagestan and possible ways to solve it]. In: *Nedelya nauki – 2021* [Science Week 2021].
4. Efremova L.A. (2020) Uroven' zhizni naseleniya regiona v otsenke rezul'tatov sotsial'noi politiki i ekonomicheskoi bezopasnosti [The standard of living of the region's population in assessing the results of social policy and economic security]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions], 3, pp. 98-102.
5. Egorov A.M. (2022) Problema sokhraneniya istoricheskoi pamyati v kontekste sovremennosti [The problem of preserving historical memory in the context of modernity]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of history], 25, p. 6.
6. Gordeev S.S. (2019) «Effekt kolei» v prostranstvennom mezhmunitsipal'nom razvitii [“The track effect” in spatial intermunicipal development]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 4 (29), pp. 40-55.
7. Gordeev S.S. (2019) Otsenki kachestva zhizni i sotsial'nykh prioritetov razvitiya territorii [Assessment of the quality of life and social priorities for the development of territories]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 11 (433), pp. 38-47.
8. Guseinov G.M. (2019) Bednost' kak sotsial'naya problema [Poverty as a social problem]. In: *Aktual'nye problemy sotsial'no-trudovykh otnoшений* [Current problems of social and labor relations]. Makhachkala.
9. Gushchin A. (2015) “To teach learning”, or on the culture of thinking today's students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 214, p. 457.
10. Markvart E. (2021) Prostranstvennoe szhatie territorii Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, kriterii, sistema pokazatelei [Spatial compression of the territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators]. In: *Goroda budushchego: prostranstvennoe razvitie, souchastvuyushchee upravlenie i tvorcheskije industrii* [Cities of the future: spatial development, participatory management and creative]. Moscow: Delo Publ.
11. Oshkordina A.A., Beloborodova O.G. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya ambulatorno-

- poliklinicheskogo zvena zdravookhraneniya v period ekonomicheskoi nestabil'nosti [Socio-economic aspects of the development of outpatient health care during the period of economic instability]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 22, 1 (532), pp. 90-104.
12. *Reiting urovnya bednosti regionov RIA Novosti* [RIA Novosti regional poverty level rating]. Available at: <https://ria.ru/20200706/> [Accessed 10/10/2023]
 13. Sitkovskii A.M. (2018) Demograficheskii faktor v obespechenii ustoichivogo razvitiya megapolisa [Demographic factor in ensuring sustainable development of a metropolis]. *Nauchnyi ezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya* [Scientific yearbook of the Center for Analysis and Forecasting], 1 (2), pp. 81-87.
 14. Sitkovskii A.M. (2019) Metodicheskie aspekty razvitiya mal'nykh tse'ntrov sotsial'nykh uslug munitsipal'nogo obrazovaniya [Methodological aspects of the development of small centers of social services of a municipal formation]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 4 (29), pp. 31-39.
 15. Sitkovskii A.M. (2018) Nekotorye paradoksy sovremennykh demograficheskikh protsessov [Some paradoxes of modern demographic processes]. In: *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya Rossii v issledovaniyakh studentov: upravlencheskii, pravovoi i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty. Chast' 2* [Current issues of sustainable development of Russia in student research: managerial, legal and socio-economic aspects. Part 2]. Chelyabinsk.
 16. Sitkovskii A.M. (2019) Vzaimosvyaz' ekonomicheskikh i demograficheskikh protsessov malogo monogoroda Urala [Interrelation of economic and demographic processes of a small single-industry town in the Urals]. In: *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya Rossii v issledovaniyakh studentov: upravlencheskii, pravovoi i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty. Chast' 1* [Current issues of sustainable development of Russia in student research: managerial, legal and socio-economic aspects. Part 1]. Chelyabinsk.
 17. Sitkovskiy A.M. (2019) Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity). In: *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Chast' 1* [Current issues in the humanities and social sciences. Part 1]. St. Petersburg: Fora-print Publ.
 18. Sorokina S.G. (2023) Diskurs potrebleniya kak instrument formirovaniya sovremennykh tsennostei [Discourse of consumption as a tool for the formation of modern values]. In: *Segodnya i vseгда: aktual'nye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i lingvodidaktiki* [Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics]. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ.
 19. *Ustoichivyi rost ekonomiki Dagestana* [Sustainable growth of the economy of Dagestan]. Available at: <https://riaderbent.ru/kak-dobitsya-ustojchivogo-rosta-ekonomiki-dagestana.html> [Accessed 10/10/2023]

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2023.90.58.037****Участие граждан в отправлении правосудия как субъективное право и форма реализации принципа народовластия в России, Беларуси, Казахстане****Новикова Анна Ивановна**

Аспирант,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: novikova.ai@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию категории «право граждан участвовать в отправлении правосудия» в современной науке конституционного права России, Беларуси и Казахстана, а также участие граждан как форма реализации принципа народовластия на территории данных стран. Исследуется соотношение «право граждан участвовать в отправлении правосудия», «институт участия граждан в отправлении правосудия», а также правовая природа и формы реализации права. Анализ законодательства России, Белоруссии и Казахстана свидетельствует о различиях в подходах к определению правомочий по отправлению правосудия гражданами в роли профессиональных судей, присяжных, арбитражных или народных заседателей. Однако, не смотря на это, законодателями схожим образом нормативно закреплены способы и средства непосредственного осуществления власти народом в целом или его части для принятия демократических решений, что обеспечивает реализацию конституционного принципа народовластия данных стран при отправлении правосудия.

Для цитирования в научных исследованиях

Новикова А.И. Участие граждан в отправлении правосудия как субъективное право и форма реализации принципа народовластия в России, Беларуси, Казахстане // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 302-314. DOI: 10.34670/AR.2023.90.58.037

Ключевые слова

Отправление правосудия, суд присяжных заседателей, арбитражные заседатели, народные заседатели, участие граждан в правосудии.

Введение

В условиях продолжающихся реформ, необходимости развития конституционного мировоззрения и конституционной культуры, особую роль приобретает деятельность по укреплению традиционных ценностей, выступающих незыблемой основой внутренней политики государства. Согласно стратегии национальной безопасности, российские духовно-нравственные идеалы положены в основу государственности и служат основой дальнейшего развития страны [Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»]. Патриотизм, гражданственность, гуманизм, служение Отечеству, приоритет духовного над материальным являются ценностными ориентирами для многонационального народа Российской Федерации и помогают сохранить общероссийскую гражданскую идентичность [Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»].

Как справедливо отмечает С.В. Кабышев, осознание Российского государства гражданами на уровне основополагающих ценностей – это отправной момент устойчивой легитимации институтов политической организации общества и готовности участвовать в их формировании и развитии [Кабышев, 2023, с. 6].

Развитие института участия граждан в отправлении правосудия выступает формой участия граждан в управлении делами государства, во многом определяется уровнем их правосознания, и способно в долгосрочной перспективе повысить уровень доверия к системе власти, авторитет и транспарентность судебной системы в целом.

Основная часть

Вопросы участия граждан в отправлении правосудия неоднократно поднимались учеными и нашли свое отражение в работах: Комковой Г.Н., Кулушевой М.А., Гончарова А.А., Лядновой Э.В., Руденко В.Н. Смирновой В.А. и др. Однако, в условиях продолжающейся судебной реформы и цифровизации многих процессов в государстве, остаются дискуссионными вопросы юридической природы этого конституционного права, форм участия граждан, совершенствования процедур включения граждан в отправление правосудия. Несомненный интерес представляет исследование особенностей реализации права граждан на участие в отправлении правосудия в странах постсоветского пространства (в рамках данной статьи на примере Белоруссии и Казахстана).

Председатель Конституционного суда Российской Федерации Зорькин В. Д. неоднократно отмечал возможность заимствования чужого опыта, выдержавшего проверку временем [Зорькин, 2018]. Исследуя развитие института участия граждан в отправлении правосудия в зарубежных странах, необходимо его рассматривать не только сквозь призму переноса действующих нормативных положений на отечественное законодательство, но и через понимание общемировых тенденций развития правового института. Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Макеева И.В., Цветкова Е.В. утверждают, что законодательство стран бывшего союзного государства имеет много общего ввиду единства исторического развития. С позиции Г.Б. Власовой, российская система права «тяготеет к романо-германской правовой семье», однако «совместно с Белоруссией, Украиной, Казахстаном, государствами Закавказья и Монголией она

постепенно образует самостоятельную подгруппу в названной правовой семье» [Власова, 2013, с. 25]. При этом, исследователи справедливо отмечают, что модели правосудия стран постсоветского пространства изначально были схожи по причине того, что строились на основе законодательства СССР [Ершов, Петухов, 2014, с. 5].

Основными Законами трех стран – Конституций России, Республики Беларусь, Республики Казахстан закреплён принцип народовластия, ст. 3 конституции этих государств закрепляют народ единственным источником государственной власти.

По мнению В.Т. Кабышева, народовластие рассматривается как принадлежность всей полноты власти народу и является основой конституционного строя [Кабышев, 2012, 43]. Через право граждан на участие в отправлении правосудия реализуется суверенитет народа в осуществлении важнейшего вида государственной деятельности.

Аналогичной точки зрения придерживаются ученые Республики Беларусь и Республики Казахстан. Председатель Южно-Казахстанского областного суда Н.К. Шарипов отмечает, что неотъемлемым элементом демократии в государстве является народное участие при отправлении правосудия [Суд присяжных – возможность осуществления правосудия народом, www...]. По мнению В.С. Крук участие народных заседателей в осуществлении правосудия является настоящим проявлением демократических основ народовластия в государстве [Крук, 2020, 137]. С ним солидарен заместитель председателя Верховного суда Республики Беларусь С. Кондратьев.

Исходя из того, что народ является источником всей власти в государстве, в том числе и судебной, в ч.5 ст. 32 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия. Подобные нормы по организации и деятельности судебной власти нашли свое отражение в ч.2 ст.5 и в Конституции Республики Казахстан, где в случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.

Конституция Республики Беларусь не закрепляет отдельного права граждан на участие в отправлении правосудия. Данное положение закреплено в ст.9 Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» и раскрывается через форму участия граждан в отправлении правосудия в роли народных заседателей.

В российской науке конституционного права отсутствует единство мнений по поводу содержания понятия «участие граждан в отправлении правосудия».

Так, Гончаров А.А., полагает, что «участие граждан в отправлении правосудия - это принятие юридически значимого решения с использованием опыта народных представителей...» [Гончаров, 2008, 10]. Ляднова Э.В. под конституционным правом граждан на участие в отправлении правосудия понимает право форму реализации суверенитета народа, при которой обеспечивается равный доступ граждан к замещению должностей судей, выполнение обязанностей присяжных и арбитражных при наличии законодательных ограничений [Ляднова, 2010, 6]. А И.С. Черепова - предоставленное (гарантированное) государством и закреплённое в его Основном законе обязательное для законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти субъективное политическое право гражданина России в установленных федеральным законом формах быть деятельным участником процесса отправления правосудия [Черепанова, 2013, 187]. Смирнова А.В. рассматривает это право как возможность граждан Российской Федерации участвовать в осуществлении государственной деятельности, направленной на рассмотрение и разрешении социальных конфликтов [Смирнова, 2006, 7-8].

Данные дефиниции, свидетельствуют о необходимости разграничения понятий «конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия» и «конституционно-правовой институт участия граждан в отправлении правосудия». Полагаем, что субъективное право участия граждан в отправлении правосудия – это конституционно закрепленная юридическая возможность гражданина быть субъектом, вовлеченным в процесс деятельности суда в установленных федеральным законом формах, направленных на рассмотрение и разрешение социальных конфликтов, связанных с нарушением норм права.

Рассматривая институт участия граждан в отправлении правосудия, стоит отметить, что он не создает новых отношений, а регулирует уже существующие. Поскольку институт права представляет собой элемент системы права и регулирует однородную группу общественных отношений [Лазарев, 2002, 11], критериями института участия граждан в отправлении правосудия являются единство правовых норм (положений, принципов института участия граждан в отправлении правосудия) и обособление норм, которые образуют правовой институт (отражение в структурных единицах нормативно-правовых актов).

На наш взгляд под определением института участия граждан в отправлении правосудия следует понимать – совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих участие граждан в осуществлении судебной власти.

Следует отметить, что институт участия граждан в отправлении правосудия выполняет функцию общественного контроля и служит индикатором оценки деятельности судебной системы. Согласно правовым позициям Конституционного Суда, конституционный принцип народовластия реализуется через форму участия граждан в отправлении правосудия, где граждане реализуют не только свое право, но и функцию общественного контроля над правосудием [Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 116-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябушкиной Веры Григорьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 348, пунктом 2 статьи 350, частью второй статьи 385 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», www...]. Такой включенный процесс позволяет не только объективно оценить и сформировать общественное мнение относительно действия судебной власти, но и проводить «обследование судебного организма» в целях обеспечения надлежащей реализации конституционных гарантий судебной защиты участников процесса.

Анализируя содержание понятия «участие граждан в отправлении правосудия», необходимо отметить его нетождественность с понятием «участие граждан в судопроизводстве». Подобной точки зрения придерживаются Т.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров [Хабриева, Тихомиров, 2014, 103]. В последнем случае, под участием граждан в судопроизводстве предлагается понимать их участие в производстве следственных действий, в роли представителей сторон.

Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса РФ, участие граждан в уголовном процессе РФ заключается не только в вовлечении их в качестве присяжных заседателей в судебное разбирательство, но и в привлечении граждан в качестве статистов, понятых [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года №174-ФЗ (ред. 17.02.2023), www...].

В юридической науке выделяют также понятие «лица, участвующие в отправлении правосудия». Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой к указанным лицам, следует относить присяжного заседателя, арбитражного заседателя, общественного защитника и общественного обвинителя. Таковую позицию разделяют, например, М.Н. Голоднюк, Г.Г. Криволапов, Т.В. Кондрашов.

Некоторые ученые, к примеру, А.С. Михлин комментируя ч.1 Ст.296 УК РФ, предлагает к лицам, участвующим в отправлении правосудия, относить секретаря, работника канцелярии и других лиц. Сторонник этого подхода явно смешивает лиц, участвующих в отправлении правосудия, с участниками, обеспечивающими деятельность судебного процесса.

Полагаем, что понятия участие граждан в судопроизводстве не следует отождествлять с участием граждан в отправлении правосудия. Такие формы участия охватывают не только разные функции и роли граждан в осуществлении процессов, но и существенно отличаются назначением данных институтов. В юридической литературе при анализе конституционно-правового института участия граждан в правосудии обычно основное внимание сводится к характеристике института присяжных или арбитражных заседателей, а исследованию иных форм участия в осуществлении правосудия и видах участия граждан в судебных процессах не уделяется должного внимания. Крайне важно проводить разграничения таких форм при определении содержания права, закрепленного в ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации. Они существенно находят свое отличие не только в процессуальном статусе, но и объеме правомочий, которые в одном случае оказывают влияние на принятие судебного решения о виновности или невиновности лица, а другие нет.

Можно выделить следующие виды участия граждан:

- 1) Участие граждан в целях обеспечения деятельности судебного механизма;
- 2) Участие граждан в отправлении правосудия;
- 3) Участие граждан в судопроизводстве.

Законодательство России, Беларуси и Казахстана демонстрирует различные подходы в определении объема правомочий права граждан на участие в отправлении правосудия.

По мнению Черемисовой Ю.С., это право включает в себя три правомочия в Российской Федерации: иметь равный доступ к замещению должностей судей, право участвовать в роли присяжных и арбитражных заседателей [Черемисова, 2020, 68].

Белорусский автор, рассматривая правовую природу участия граждан в отправлении правосудия, сводит это к праву участвовать в роли народного заседателя в судебном процессе [Антонова, 2017, 496].

Однозначного понимания в определении института участия граждан в осуществлении правосудия среди ученых Республики Казахстан мы не встретим. Зачастую авторы под правом участвовать в осуществлении правосудия приводят реализацию права через включенный процесс их деятельности в форме института присяжных заседателей [Шнабраев, 2019, 6]. По мнению Комбаровской Н.Ш., к лицам, оказывающим содействие в отправлении правосудия по гражданским делам, вообще можно отнести и судебных представителей [Комбарова, 2019, 65].

По мнению белорусских ученых Антонова О.А., Крук В.С., Матусевича В.М., Самарина В.И. институт участия граждан в отправлении правосудия рассматривается зачастую сквозь форму участия в судебных процессах в роли народных заседателей.

Соглашаясь с Черемисовой Ю.С. мы полагаем, что указанное право в России, Беларуси и Казахстане включает в себя также правомочия иметь равный доступ к замещению должностей судей, право участвовать в роли присяжных, арбитражных, народных заседателей и помимо этого иметь равный доступ для участия в составе квалификационной коллегии судей.

В контексте данной статьи представляет научный интерес юридическая природа конституционного права граждан участвовать в отправлении правосудия. В соответствии с ч. 1 Ст. 8 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» граждане имеют право участвовать в осуществлении правосудия, однако в ч. 2 этой

же статьи конкретизируется, что «участие граждан в роли присяжных и арбитражных заседателей при отправлении правосудия является гражданским долгом»¹.

По мнению Пушкина А.В., долг следует рассматривать как моральную и нравственную категорию, как личное представление гражданина о своих обязанностях [Пушкин, 2018, 60-61]. Введение законодателем понятия «долг» создает некий компромисс со смежной категорией «обязанность», что позволяет в полной мере обеспечить надлежащим образом реализацию конституционного права граждан принимать участие в отправлении правосудия.

Видный ученый конституционалист Эбзеев Б.С. утверждает, что обязанности прямо вытекают из факта общественного бытия и в целостности с правами образуют принцип демократической организации общественной жизни [Эбзеев, 2005, 43]. По его мнению, категория долга имеет этическое значение и является выражением привнесения в сферу конституционного регулирования нравственных начал; указывает на ценностные ориентиры, подлежащие особой заботе человека и гражданина и правовой защите [Зорькина, Лазарева, 2009, 514].

Стародубцева И.А. не разделяет смежных понятий «долг» и «обязанность» [Стародубцева, 2011, 20-21]. По ее мнению, Федеральный закон «превращает конституционное право на участие в отправлении правосудия в обязанность (долг)» и рассматривает институт участия граждан в отправлении правосудия как право, где вопрос участия должен решаться с согласия гражданина на этапе составления списков присяжных заседателей. Дудукина Т.Г. [Дудукина, 2007, 6-7] и Толоконников М.И. [Толоконников, 2010, 89-90] полагают, что право и долг носят взаимоисключающий характер. Залызина В.А. считает, что участие граждан в отправлении правосудия в форме участия в роли присяжного заседателя – субъективная обязанность гражданина, поскольку исполнение гражданского долга и отсутствие оснований на произвольный самоотвод дают все основания полагать это [Залызина, 2017, 74].

Анализируя эти позиции следует отметить, что право есть ничто иное как гарантированная государством возможность, долг представляет собой добровольное принятие на себя обязательства по отправлению процессов правосудия, а обязанность – правовая категория, которая налагается государством и находит правовую регламентацию в нормативно-правовых актах. Когда речь идет о работе института участия граждан в отправлении правосудия, необходимо принимать во внимание тот факт, что призванные лица к осуществлению функций по участию в правосудии уже включены в списки, и ответственность за неисполнение возможна только после завершения такой процедуры. В части форм реализации это право до того момента, до того момента, пока это право не превращается в долг, как с присяжными или арбитражными заседателями.

На наш взгляд, в этой связи институт участия граждан в отправлении правосудия как субъективное права каждого и конституционная обязанность гражданина не стоит рассматривать автономно, изолировано. Содержание адресованного гражданину долга определяется конституционным статусом личности.

Формы участия граждан в отправлении правосудия, обеспечивая реализацию принципа народовластия, определяются, в частности, ч.1 ст.1 Федерального конституционного закона от

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 01.01.2023) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 1. - Ст. 1. 2020. - № 50 (часть I). - Ст. 8029.

31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой, судебная власть в Российской Федерации осуществляется судами в лице судей, присяжными и арбитражными заседателями.

В научном сообществе отсутствует единая позиция по вопросам классификации форм участия граждан в отправлении правосудия.

Например, в комментариях к Конституции России Лазарев Л.В. приводит положения о двух формах участия граждан в отправлении правосудия - профессиональной и непрофессиональной, где непрофессиональная предполагает участие граждан в форме присяжных и арбитражных заседателей, а профессиональная – участие в лице судьи [Лазарев, www...].

Руденко В.Н так же выделял несколько моделей деятельности граждан в отправлении правосудия, которые функционируют в правовых системах современных государств [Руденко, 2011, 5]. Первая модель представляет собой непрофессиональную форму участия – модель непрофессионального суда (Великобритания – Северная Ирландия, Шотландия). Вторая модель заключается в форме автономного участия граждан в роли судебных присяжных заседателей. Такая модель нашла свое распространение в особенности в странах романо-германской правовой семьи – Аргентина, Бельгия, Испания, Панама, Сейшельские острова. Третья модель основана на форме участия граждан и профессионального судьи, что представляет собой модель смешанного суда (Австрия, Германия, Лихтенштейн). Четвертая модель представляет собой синтез: граждане участвуют в отправлении правосудия в составе присяжных заседателей, а при разрешении дела в смешанной форме суда – присяжные и профессиональный судья. Такая модель гибридного форма суда представлена в Бельгии, Венесуэле и Японии.

Рассматривая реализацию права граждан участвовать в отправлении правосудия нельзя не упомянуть и такую косвенную форму, как участие граждан в работе квалификационных коллегий судей [Федеральный закон от 14 марта 2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», www...]. Поскольку квалификационные коллегии судей формируются из числа судей федеральных судов, судей судов субъектов Российской Федерации, представителей общественности, представителей Президента Российской Федерации, то граждане опосредованно принимают участие в формировании судейского корпуса.

Анализируя предложенные классификации участия граждан в отправлении правосудия, сложно не согласиться с Лазаревым Л.В. и не отметить важность разграничения форм профессионального участия от форм непрофессионального участия. На современном этапе развития законодательства стран постсоветского пространства законодательно закрепляются только следующие формы: участие в роли профессионального судьи, присяжных или арбитражных заседателей в Российской Федерации, участие в роли судьи и народных заседателей в Республике Беларусь, а также в роли постоянного судьи и присяжных в Республике Казахстан.

Проводя анализ через призму такого деления на профессиональные и непрофессиональные, прямые и косвенные формы можно проследить не только единство правового регулирования института участие граждан в отправлении правосудия в России, Беларуси и Казахстане, но и выделить новые идеи относительно правовой регламентации форм такого участия.

Так, вопросы смешанной природы участия граждан в отправлении правосудия наравне с участием профессиональных судей одновременно задают векторы двойной оценки преступного деяния и усиливают роль объективной, всесторонней и беспристрастной формы исследования доказательств. Участие граждан в роли профессионального судьи и участие в форме присяжного

заседателя наводят на вывод, что судебный процесс при рассмотрении дел с участием заседателей по категории дел - это форма, при которой участие граждан в отправлении правосудия обеспечивается одновременно в двух формах сразу. Так, в Казахстане в ходе судебного заседания председательствующий ведет процесс, формулирует вопросы, подлежащие затем разрешению в совещательной комнате, контролирует составление протокола, решает вопрос о допустимости доказательств в суде. Такой объем правомочий судьи не влияет на независимость и самостоятельность присяжных при принятии решения в совещательной комнате.

Заключение

На наш взгляд, основными элементами механизма реализации права граждан на участие в отправлении правосудия выступает законодательная регламентация конкретных форм участия, их содержание, а также основные гарантии прав и свобод, ограничения, которые связаны с реализацией этого права и ответственность за их нарушение.

Таким образом, участие граждан в отправлении правосудия не стоит рассматривать исключительно только как субъективное право граждан, гарантированное Конституцией, нивелируя его функцию как института, выражения формы народовластия или формы контроля. Только комплексный подход позволяет выработать адекватное понимание его правовой природы и роли в современном государстве. Реализация права граждан на участие в отправлении правосудия как субъективного права и конституционной обязанности напрямую сопряжена с морально-этической категорией долга, которая накладывает на субъекта обязательства исполнить свое же право, в случаях, установленных законодателем.

Анализ законодательства России, Белоруссии и Казахстана свидетельствует о различиях в подходах к определению правомочий по отправлению правосудия гражданами в роли профессиональных судей, присяжных, арбитражных или народных заседателей. Однако, не смотря на это, законодателями схожим образом нормативно закреплены способы и средства непосредственного осуществления власти народом в целом или его части для принятия демократических решений, что обеспечивает реализацию конституционного принципа народовластия данных стран при отправлении правосудия.

Библиография

1. Абоян, А. А. О некоторых аспектах конституционной реформы в Республике Казахстан / А. А. Абоян, Г. Е. Бадмадоржиев, К. В. Гордеев // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11(174). – С. 87-89. – EDN WOZFTO.
2. Алиева, З. И. Принципы избирательного права РФ: понятие, виды и роль в правовом регулировании избирательных отношений / З. И. Алиева, Н. А. Гасанов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1(164). – С. 103-105. – EDN DRYGVL.
3. Антонова О.А. Участие граждан в отправлении правосудия как институт прямой демократии в Республике Беларусь // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / Минск: БГЭУ, 2017. Вып. 10. С. 495-501.
4. Антонова О.А. Участие граждан в отправлении правосудия как институт прямой демократии в Республике Беларусь // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / Минск: БГЭУ, 2017. Вып. 10. С. 495-501.
5. Байниязова, З. С. Место и роль Конституции РФ в правовой системе: ценностный аспект / З. С. Байниязова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 5(180). – С. 105-106. – EDN EKSNMC.
6. Власова Г.Б. Генезис правовой карты Европы и положение на ней правовой системы России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 10. С. 21-26.

7. Гончаров А.А. Реализация принципа народовластия в организации и деятельности судебной власти России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.А. Гончаров; место защиты: Белгород. гос. ун-т]. Белгород, 2008. 182 с.
8. Гончаров А.А. Реализация принципа народовластия в организации и деятельности судебной власти России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2008. 23 с.
9. Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Макеева И.В., Цветкова Е.В. Досудебное производство по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и иных государств - членов СНГ: учебное пособие // СПС КонсультантПлюс.
10. Дворянkin О. А. Контрафакт в общественном мнении //Право интеллектуальной собственности. – 2010. – №. 4. – С. 35-40.
11. Дворянkin О., Лукин Е., Авдеев А. Какой контрафакт для населения страшнее-" авторский" или" промышленный"? //Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2004. – №. 11. – С. 6-6.
12. Дудукина Т.Г. Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики: автореф. дис. ... кандидат. Н.Новгород, 2007. 35 с.
13. Егоров, А. М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности / А. М. Егоров, И. А. Егоров // Метаморфозы истории. – 2022. – № 25. – DOI 10.37490/S230861810023274-
14. Ершов В. В., Петухов Н. А. Судебные системы государств, образовавшихся на постсоветском пространстве // Российское правосудие. 2014. № 5 (97). С. 5-28.
15. Залызина В. А. Современные проблемы формирования коллегии присяжных заседателей в Российской Федерации // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). Казань, 2017. С. 73-75.
16. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции / В. Д. Зорькин // Российская газета. 2018. 9 окт.
17. Кабулов, С. Л. Модернизация взаимоотношений Президента и парламента в контексте поправок к Конституции Российской Федерации / С. Л. Кабулов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8(171). – С. 116-117. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-116-117. – EDN ATVSCN.
18. Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (№ 85). С. 39-45.
19. Кабышев С.В. О парадигме конституционного права России и новых исторических реалиях. // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 2-7.
20. Комбарова Н.Ш. Гражданское процессуальное право Республики Казахстан. Учебное пособие. — Алматы: Издательство «NURPRESS», 2019. 316 с.
21. Комкова Г.Н., Кулушева М.А. Конституционно-правовые основы участия граждан Российской Федерации в отправлении правосудия. Саратов: Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2006. 140 с.
22. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. 1056 с.
23. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. 1056 с.
24. Крук В.С. Принцип участия народных заседателей в осуществлении правосудия / Государство и право во времени и пространстве: сборник тезисов и докладов участников Республиканской научно-практической конференции; УО «Белорусский государственный экономический университет», 2020. С.135-138.
25. Крук В.С. Принцип участия народных заседателей в осуществлении правосудия // Государство и право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов участников Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов / Мн.: БГЭУ, 2020. С.135-138.
26. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 2002. 591 с.
27. Лазарев Л.В. Комментарий к Конституции Российской Федерации // Портал НПП «Гарант-Сервис». URL: <https://constitution.garant.ru/sciencework/comment/5366634/chapter/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c> / (дата обращения: 10.03.2023).
28. Лебедев А.В. Политические права и свободы граждан Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 38 с.
29. Ляднова Э.В. Право граждан на участие в отправлении правосудия: конституционно-правовое содержание и механизм реализации: дис... кандидата юрид. наук. Орёл, 2010. 175 с.
30. Ляднова Э.В. Право граждан на участие в отправлении правосудия: конституционно-правовое содержание и механизм реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010. 22 с.
31. Матусевич В. М. Народные заседатели и суд присяжных // Государство и право во врмени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов/ Минск: БГЭУ, 2022. С. 154-155.
32. Николаев, В. А. Особенности защиты права на развитие конституциями, уставами субъектов Российской Федерации / В. А. Николаев // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1(164). – С. 116-120. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-116-120. – EDN OUENBG.
33. Осипова Е. Народные, арбитражные, присяжные заседатели как субъекты уголовной ответственности за

- неправосудие / Е. Осипова // Уголовный процесс. 2003. №1. С. 68-70.
34. Пушкин А. В. Суд присяжных: право, долг, обязанность и гарантии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 60-63.
35. Радченко В.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред.. М, 1996. 699 с.
36. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 644 с.
37. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 644 с.
38. Самарин В.И. Участие граждан в отправлении правосудия в Республике Беларусь // Российское правосудие. 2015. № 6 (110). С. 48-56.
39. Смирнова В.А. Конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия: дис... кандидата юрид. наук. Хабаровск, 2006. 187 с.
40. Смирнова В.А. Конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 25 с.
41. Стародубцева И. А. Суды присяжных как элемент конституционного права на участие в отправлении правосудия: коллизии в регулировании и реализации // Администратор суда. 2011. № 4. С. 20-22.
42. Толоконников М.И. Суд присяжных в России: конституционный подход. М., 2010. С. 89-90.
43. Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. Концепции развития российского законодательства; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Юриспруденция, 2014. 544 с.
44. Хизриев, Г. М. Конституционно-правовые основы равноправия и самоопределения народов Российской Федерации / Г. М. Хизриев, К. Р. Курбанов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 5(180). – С. 122-123. – EDN ADUJEO.
45. Черемисова Ю.С. Право граждан на участие в отправлении правосудия: понятие, юридическая природа и содержание // Право: история и современность. 2020. №3 (12). С. 66-74.
46. Черепова И.С. Конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия: понятие и состав // Вестник ОГУ. 2013. №3(152). С. 186-190.
47. Чешин, А. В. Институциональные и организационные аспекты привлечения инвестиций в экономику региона / А. В. Чешин // Государственная служба. – 2019. – Т. 21, № 4(120). – С. 50-57.
48. Чешин, А. В. Использование фикций в гражданском праве: преимущества и недостатки / А. В. Чешин // Власть Закона. – 2023. – № 3(55). – С. 197-206.
49. Шнарбаев Б.К. Суд с участием присяжных заседателей в Казахстане: Учебное пособие / Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2019. 436 с.
50. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Москва: Юрид. лит., 2005. 574 с.
51. Egorov, A. Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian North during the northern wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries / A. Egorov // Arctic and North. – 2012. – No. 5. – P. 117-136.
52. The cross-impact of corruption and consumer culture / V. Burmakin, M. Dudareva, A. Egorov [et al.] // Journal of Financial Crime. – 2021. – DOI 10.1108/JFC-09-2021-0195.

Participation of citizens in the administration of justice as a subjective right and a form of implementation of the principle of democracy in Russia, Belarus, Kazakhstan

Anna I. Novikova

Postgraduate student,
Saratov State Law Academy,
410056, 104, Chernyshevsky str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: novikova.ai@inbox.ru

Abstract

The article discusses various approaches to understanding the category "the right of citizens to participate in the administration of justice" in the modern science of constitutional law in Russia,

Participation of citizens in the administration of justice ...

Belarus and Kazakhstan, as well as the participation of citizens as a form of implementation of the principle of democracy in these countries. The correlation "the right of citizens to participate in the administration of justice", "the institution of citizens' participation in the administration of justice", as well as the legal nature and forms of realization of the right is investigated. An analysis of the legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan indicates differences in approaches to determining the powers to administer justice by citizens in the role of professional judges, jurors, arbitration or people's assessors. However, despite this, legislators have similarly normatively established ways and means of direct exercise of power by the people as a whole or part of them to make democratic decisions, which ensures the implementation of the constitutional principle of democracy of these countries in the administration of justice.

For citation

Novikova A.I. (2023) Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudija kak subektivnoe pravo i forma realizacii principa narodovlastija v Rossii, Belarusi, Kazahstane [Participation of citizens in the administration of justice as a subjective right and a form of implementation of the principle of democracy in Russia, Belarus, Kazakhstan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 302-314. DOI: 10.34670/AR.2023.90.58.037

Keywords

Administration of justice, jury trial, arbitration assessors, people's assessors, citizens' participation in justice.

References

1. Aboyan, A. A. On some aspects of constitutional reform in the Republic of Kazakhstan / A. A. Aboyan, G. E. Badmadorzhiev, K. V. Gordeev // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 11(174). – pp. 87-89. – EDN WOZFTO.
2. Alieva, Z. I. Principles of electoral law of the Russian Federation: concept, types and role in the legal regulation of electoral relations / Z. I. Alieva, N. A. Gasanov // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 1(164). – pp. 103-105. – EDN DPYGVV.
3. Antonova O.A. Participation of citizens in the administration of justice as an institution of direct democracy in the Republic of Belarus // *Scientific works of the Belarusian State Economic University / Minsk: BSEU, 2017. Vol. 10. pp. 495-501.*
4. Antonova O.A. Participation of citizens in the administration of justice as an institution of direct democracy in the Republic of Belarus // *Scientific works of the Belarusian State Economic University / Minsk: BSEU, 2017. Vol. 10. pp. 495-501.*
5. Bainiyazova, Z. S. Place and role of the Constitution of the Russian Federation in the legal system: value aspect / Z. S. Bainiyazova // *Eurasian Legal Journal*. – 2023. – No. 5(180). – pp. 105-106. – EDN EKSNMC.
6. Vlasova G.B. Genesis of the legal map of Europe and the position of the Russian legal system on it // *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2013. No. 10. pp. 21-26.
7. Goncharov A.A. Implementation of the principle of democracy in the organization and activities of the judiciary of Russia: dissertation. ...cand. legal Sciences: 12.00.02 / A.A. Goncharov; place of protection: Belgorod. state University]. Belgorod, 2008. 182 p.
8. Goncharov A.A. Implementation of the principle of democracy in the organization and activities of the judiciary in Russia: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci. Belgorod, 2008. 23 p.
9. Grinenko A.V., Gudzhabidze G.A., Makeeva I.V., Tsvetkova E.V. Pre-trial proceedings under the criminal procedure legislation of the Russian Federation and other CIS member states: a training manual // *SPS ConsultantPlus*.
10. Dvoryankin O. A. Counterfeit in public opinion // *Intellectual property rights*. – 2010. – No. 4. – pp. 35-40.
11. Dvoryankin O., Lukin E., Avdeev A. Which counterfeit is more terrible for the population - "author's" or "industrial"? // *Intellectual property. Copyright and related rights*. – 2004. – No. 11. – pp. 6-6.
12. Dudukina T.G. Preparatory part of the court hearing: problems of regulatory regulation and law enforcement practice: abstract of thesis. dis. ...candid. N. Novgorod, 2007. 35 p.

13. Egorov, A. M. The problem of preserving historical memory in the context of modernity / A. M. Egorov, I. A. Egorov // *Metamorphoses of history*. – 2022. – No. 25. – DOI 10.37490/S230861810023274-
14. Ershov V.V., Petukhov N.A. Judicial systems of states formed in the post-Soviet space // *Russian justice*. 2014. No. 5 (97). pp. 5-28.
15. Zalyzina V. A. Modern problems of forming a jury in the Russian Federation // *Legal sciences: problems and prospects: materials of the VI International. scientific conf. (Kazan, October 2017)*. Kazan, 2017. pp. 73-75.
16. Zorkin V.D. Letter and spirit of the Constitution / V. D. Zorkin // *Rossiyskaya Gazeta*. 2018. 9 Oct.
17. Kabulov, S. L. Modernization of the relationship between the President and Parliament in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation / S. L. Kabulov // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 8(171). – pp. 116-117. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-116-117. – EDN ATVSCN.
18. Kabyshev V.T. Democracy in the system of the constitutional system of Russia: constitutional and political dimension // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. Additional issue (No. 85). pp. 39-45.
19. Kabyshev S.V. On the paradigm of Russian constitutional law and new historical realities. // *Constitutional and municipal law*. 2023. No. 2. P. 2-7.
20. Kombarova N.Sh. Civil procedural law of the Republic of Kazakhstan. Tutorial. - Almaty: NURPRESS Publishing House, 2019. 316 p.
21. Komkova G.N., Kulusheva M.A. Constitutional and legal basis for the participation of citizens of the Russian Federation in the administration of justice. Saratov: Sarat. state University named after N. G. Chernyshevsky, 2006. 140 p.
22. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation* / ed. V. D. Zorkina, L. V. Lazareva. M., 2009. 1056 p.
23. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation* / ed. V. D. Zorkina, L. V. Lazareva. M., 2009. 1056 p.
24. Kruk V.S. The principle of participation of people's assessors in the administration of justice / *State and law in time and space: a collection of theses and reports of participants in the Republican Scientific and Practical Conference; EE "Belarusian State Economic University"*, 2020. P.135-138.
25. Kruk V.S. The principle of participation of people's assessors in the administration of justice // *State and law in time and space: a collection of abstracts of reports of participants in the Republican Scientific and Practical Conference with the international participation of students, undergraduates, graduate students* / Mn.: BSEU, 2020. P.135-138.
26. Lazarev V.V. *General theory of law and state*. M.: Lawyer, 2002. 591 p.
27. Lazarev L.V. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation* // Portal of NPP "Garant-Service". URL: <https://constitution.garant.ru/sciencework/comment/53666/34/chapter/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c> / (date of access: 03/10/2023).
28. Lebedev A.V. Political rights and freedoms of citizens of the Russian Federation (constitutional and legal research): abstract. dis. ...cand. legal Sci. Chelyabinsk, 2003. 38 p.
29. Lyadnova E.V. The right of citizens to participate in the administration of justice: constitutional and legal content and mechanism of implementation: dis... candidate of jurisprudence. Sci. Orel, 2010. 175 p.
30. Lyadnova E.V. The right of citizens to participate in the administration of justice: constitutional and legal content and mechanism of implementation: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Belgorod, 2010. 22 p.
31. Matusевич V. M. People's assessors and jury // *State and law in time and space: collection of abstracts of reports of the Republican scientific and practical conference with the international participation of students, undergraduates, graduate students* / Minsk: BSEU, 2022. pp. 154-155.
32. Nikolaev, V. A. Features of the protection of the right to development by constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation / V. A. Nikolaev // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 1(164). – pp. 116-120. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-1-164-116-120. – EDN OUNBNG.
33. Osipova E. People's, arbitration, jurors as subjects of criminal liability for injustice / E. Osipova // *Criminal process*. 2003. No. 1. pp. 68-70.
34. Pushkin A.V. Jury: right, duty, obligation and guarantees // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 1. P. 60-63.
35. Radchenko V.I. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation* / resp. ed. M, 1996. 699 p.
36. Rudenko V.N. Citizen participation in the administration of justice in the modern world. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. 644 p.
37. Rudenko V.N. Citizen participation in the administration of justice in the modern world. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. 644 p.
38. Samarin V.I. Participation of citizens in the administration of justice in the Republic of Belarus // *Russian justice*. 2015. No. 6 (110). pp. 48-56.
39. Smirnova V.A. The constitutional right of citizens to participate in the administration of justice: dis... candidate of jurisprudence. Sci. Khabarovsk, 2006. 187 p.
40. Smirnova V.A. The constitutional right of citizens to participate in the administration of justice: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Omsk, 2006. 25 p.
41. Starodubtseva I. A. Jury trials as an element of the constitutional right to participate in the administration of justice: conflicts in regulation and implementation // *Court Administrator*. 2011. No. 4. P. 20-22.

42. Tolokonnikov M.I. Trial by jury in Russia: a constitutional approach. M., 2010. pp. 89-90.
43. Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. Concepts for the development of Russian legislation; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: Jurisprudence, 2014. 544 p.
44. Khizriev, G. M. Constitutional and legal foundations of equality and self-determination of the peoples of the Russian Federation / G. M. Khizriev, K. R. Kurbanov // Eurasian Legal Journal. – 2023. – No. 5(180). – pp. 122-123. – EDN ADUJEO.
45. Cheremisova Yu.S. The right of citizens to participate in the administration of justice: concept, legal nature and content // Law: history and modernity. 2020. No. 3 (12). pp. 66-74.
46. Cherepova I.S. The constitutional right of citizens to participate in the administration of justice: concept and composition // Bulletin of OSU. 2013. No. 3(152). pp. 186-190.
47. Cheshin, A.V. Institutional and organizational aspects of attracting investments into the regional economy / A.V. Cheshin // State Service. – 2019. – T. 21, No. 4(120). – P. 50-57.
48. Cheshin, A. V. The use of fictions in civil law: advantages and disadvantages / A. V. Cheshin // The Power of Law. – 2023. – No. 3(55). – pp. 197-206.
49. Shnarbaev B.K. Jury trial in Kazakhstan: Textbook / Kostanay: Kostanay branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chelyabinsk State University", 2019. 436 p.
50. Ebzeev B.S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation / Moscow: Legal. lit., 2005. 574 p.
51. Egorov, A. Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian North during the northern wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries / A. Egorov // Arctic and North. – 2012. – No. 5. – P. 117-136.
52. The cross-impact of corruption and consumer culture / V. Burmakin, M. Dudareva, A. Egorov [et al.] // Journal of Financial Crime. – 2021. – DOI 10.1108/JFC-09-2021-0195.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.40.87.038

Примирительные процедуры в исполнительном производстве как альтернативный способ исполнения судебных актов

Овчинников Алексей Александрович

Кандидат юридических наук,
доцент департамента правового регулирования
экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: ov4innickoff@ya.ru

Кирдяшева Дарья Александровна

Магистрант,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: kirdyasheva_d_a@mail.ru

Аннотация

Проведено исследование о перспективах участия пристава-исполнителя в процедуре примирения сторон на стадии исполнительного производства. Проанализирован зарубежный опыт, который показал положительный эффект и может быть заимствован в отечественную систему. Передача приставам полномочий по проведению переговоров и утверждению мирового соглашения позитивно скажется на скорости и количестве исполненных судебных актов. Необходимо предусмотреть и механизм защиты прав взыскателя на случай неисполнения условий мирового соглашения. Таким механизмом может служить возможность в сокращенные сроки отменять мировое соглашение и возобновлять исполнительное производство. Эффективным стимулом исполнять условия мирового соглашения будет сохранение ограничений в отношении как самого должника, так и его имущества до момента выполнения достигнутых договоренностей. Процесс примирения сторон является важной и ответственной работой, требующей не только специальных профессиональных навыков и знаний, но и достаточных познаний в области психологии, конфликтологии, умения убеждать. В связи с этим возникает необходимость в установлении обязанности приставам-исполнителям проходить дополнительные специализированные курсы повышения квалификации. Примирение сторон в процессе исполнительного производства является действенным инструментом для повышения числа исполненных судебных актов с оптимальным соблюдением интересов сторон, который в дополнение помогает оптимизировать нагрузку на государственные органы.

Для цитирования в научных исследованиях

Овчинников А.А., Кирдяшева Д.А. Примирительные процедуры в исполнительном производстве как альтернативный способ исполнения судебных актов // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 315-320. DOI: 10.34670/AR.2023.40.87.038

Ключевые слова

Исполнительное производство, примирение сторон, мировое соглашение, альтернативные способы исполнения судебных актов, судебные акты.

Введение

От года к году растет число разбирательств в арбитражных судах, а вместе с этим и исполнительных производств. На сотрудников приходится колоссальный объем работы, что негативно влияет на исполнимость судебных актов.

Помочь могли бы примирительные процедуры, которые возможны как на этапе судебного разбирательства, так и в процессе исполнения вынесенного акта.

Основная часть

Как показывает практика, в ходе судебного разбирательства стороны зачастую не готовы к заключению мирового соглашения. Сторона истца, уже будучи обманутой недобросовестными действиями контрагента, жаждет справедливого решения, от которого ответчик не сможет уклониться. Ответчик в свою очередь надеется, что суд встанет на его сторону или удовлетворит минимальный размер требований. Заключению мирового соглашения предшествует процесс переговоров и взаимных уступок, но стороны не всегда готовы поверить друг другу и прийти к компромиссу.

Однако, когда судебный акт уже вынесен и вступил в законную силу, исполнительное производство возбуждено, ситуация может резко измениться.

Истец, который теперь выступает в роли взыскателя, обнаруживает, что принудительное исполнение решения суда может быть затруднено по разным причинам, займет длительное время и, не исключено, что не принесет желаемого результата.

В то же время ответчик, который теперь становится должником, начинает испытывать на себе последствия введения ограничений, который пристав применяет в ходе исполнительного производства.

Обозначенные факторы способствуют принятию сторонами решения на альтернативные способы исполнения воли суда. Такой способ как проведение примирительных процедур имеет огромный потенциал.

Так, ст. 50 ФЗ «Об исполнительном производстве» закрепляет право сторон до окончания исполнительного производства заключить мировое соглашение, соглашение о примирении, утверждаемые в судебном порядке.

К сожалению, на текущий момент времени указанная норма почти не работает и показывает низкую эффективность [Любимов, Калинин, 2016]. Совокупное число исполнительных производств, оконченных мировым соглашением, ничтожно мало. В целом число споров, в которых стороны, при наличии материальных требований, приходят к мировому соглашению составляет менее 20%.

Отчасти это обусловлено сложностью процедуры заключения мирового соглашения в ходе исполнительного производства [Овчинников, 2013]. В тот момент, когда стороны уже прошли длинный и не всегда удачный путь судебного разбирательства, им не только нужно самостоятельно прийти к общему решению, подавив в себе недоверие друг к другу, но и

самостоятельно составить соглашение, вновь обратиться в суд, подав соответствующее заявление. При этом, окончательное решение остается за судом, который должен утвердить предложенный вариант мирового соглашения. Ввиду высокой загруженности судей решение вопроса может затягиваться. При долгом ожидании стороны утрачивают мотивацию на мирное урегулирование ситуации. Имеющийся подход заставляет стороны неохотно инициировать процесс заключения мирового урегулирования, вынуждает занимать пассивную позицию.

Пристав-исполнитель в используемой схеме как бы «выпадает» из процесса, в то время как именно он мог бы благоприятно повлиять на данный процесс.

Как показывает опыт зарубежных стран, закрепление в законе прямой обязанности пристава инициировать и контролировать процедуру примирения взыскателя и должника, благоприятно сказывается на всем процессе исполнения судебных актов.

Законодательство Бельгии дает возможность судебным приставам выступать в роли медиаторов. Статус судебного пристава, предусматривающий такие характеристики как независимость, высокий уровень знаний и компетенций, эксклюзивность владения информацией о возможностях должника, а также строгие правила этики служат надежной гарантией справедливого и беспристрастного ведения примирительной процедуры [Que fait l'huissier de justice..., www].

Схожий подход наблюдается во Франции. Государство считает, что пристав-исполнитель имеет необходимую специальную подготовку, соблюдает баланс интересов сторон и способен урегулировать имеющийся между ними конфликт. Мировое соглашение, заключенное сторонами и утвержденное судебным исполнителем, подобно исполнительному документу имеет юридическую силу и обязателен к исполнению.

Считаем, что целесообразно рассмотреть вопрос о наделении отечественных приставов аналогичным функционалом. Так, на законодательном уровне имеет смысл закрепить обязанность исполнителя инициировать процедуру примирения сторон, наделить его правом утверждать мировое соглашение. Такая процедура может выступать аналогом медиации, но с некоторыми отличиями от «классического» варианта.

Согласно нормам ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» главной целью медиации выступает урегулирование споров, в то время как процесс исполнения уже вынесенного судебного акта сам по себе бесспорен. Однако некая конфликтность между сторонами продолжает присутствовать, что объясняет необходимость присутствия стороннего участника для более успешного примирения сторон.

Реализовать новый процесс можно закреплением нормы в исполнительном законодательстве о том, что при неисполнении в добровольном порядке должником судебного акта после возбуждения исполнительного производства, сторонам надлежит явиться на прием в отделение ФССП для разъяснения права на заключения мирового соглашения, принципов добровольного исполнения, а также о негативных последствиях в виде взимания исполнительного сбора, наложения арестов и ограничений на имущество должника при принудительном исполнении. Сотрудник службы судебных приставов, владея необходимыми знаниями и практически полной информацией по конкретному делу, способен помочь примирить между собой различные точки зрения оппонентов, учитывая интересы обеих сторон.

Подобная процедура вызова сторон с целью примирения активно используется в Республике Молдова и закреплена в нормативно-правовом акте.

Также видится возможным пересмотреть нормы о исполнительном сборе в случае мирного

урегулирования вопроса. К примеру, можно поставить размер исполнительного сбора в зависимость от скорости заключения мирового соглашения между сторонами и добровольного исполнения: чем быстрее стороны придут к соглашению, а должник исполнит свою обязанность, тем меньший размер исполнительного сбора ему придется заплатить [Кобьлинская, Токарев, 2019]. Для должника это выступит дополнительным стимулом и направит на продуктивное обсуждение вариантов добровольного исполнения судебного акта.

Заключение

Утверждение мирового соглашения приставом-исполнителем поможет решить сразу несколько проблем.

Во-первых, суд будет освобожден от необходимости вновь рассматривать заявление сторон по уже ранее принятому решению. Исчезнет процесс увеличения нагрузки на судебный аппарат, увеличится скорость принятия и утверждения мирового соглашения. Стороны, понимая, что им не нужно будет снова проходить трудоёмкий процесс подачи заявления и утверждения достигнутых ими договоренностей, будут охотнее соглашаться на мирное разрешение ситуации.

Во-вторых, при заключении сторонами мирового соглашения будет приостановлено исполнительное производство. Государственным органам в лице службы судебных приставов не нужно будет тратить ресурсы на избыточную бумажную работу, которая обязательна при совершении исполнительных действий в рамках дела. Ранее наложенные ограничения на имущество должника будут сохранены с целью избежать незаконного вывода активов, но поскольку исполнительные действия не будут осуществляться в период добровольного исполнения, должник может быть уверен, что его имущество не будет реализовано в самый неожиданный момент.

Наконец, смежные государственные органы будут разгружены, так как исчезнет необходимость совершать все предписываемые действия в рамках получаемых от приставов постановлений.

Безусловно, необходимо предусмотреть и механизм защиты прав взыскателя на случай неисполнения условий мирового соглашения. Таким механизмом может служить возможность в сокращенные сроки отменять мировое соглашение и возобновлять исполнительное производство. Эффективным стимулом исполнять условия мирового соглашения будет сохранение ограничений в отношении как самого должника, так и его имущества до момента выполнения достигнутых договоренностей.

Процесс примирения сторон является важной и ответственной работой, требующей не только специальных профессиональных навыков и знаний, но и достаточных познаний в области психологии, конфликтологии, умения убеждать. В связи с этим возникает необходимость в установлении обязанности приставам-исполнителям проходить дополнительные специализированные курсы повышения квалификации.

Примирение сторон в процессе исполнительного производства является действенным инструментом для повышения числа исполненных судебных актов с оптимальным соблюдением интересов сторон, который в дополнение помогает оптимизировать нагрузку на государственные органы.

Библиография

1. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24 декабря 2004 г. № 443-XV.
2. Кобылинская С.В., Токарев А.С. Взаимосвязь институтов медиации и исполнительного производства: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 99-102.
3. Любимов А.П., Калинин А.Ю. Социология процессов правообразования в современной России. Коломна, 2016. 355 с.
4. Овчинников А.А. Исполнительное производство и мировое соглашение в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 8. С. 17-22.
5. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (последняя редакция).
6. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (посл. ред.).
7. Que fait l'huissier de justice? Site Chambre Nationale des Huissiers de Justice. URL: <http://www.gerechtsdeurwaarders.be/index.php/fr/l-huissier-dejustice/activites>
8. Mathews A. F. Litigation and Settlement of SEC Administrative Enforcement Proceedings //Cath. UL Rev. – 1979. – Т. 29. – С. 215.
9. Ferrara R. C., Khinda P. S. SEC Enforcement Proceedings: Strategic Considerations for When the Agency Comes Calling //Admin. L. Rev. – 1999. – Т. 51. – С. 1143.
10. Uzelac A. Improving Efficiency of Enforcement Proceedings //Recommendation on enforcement of the Council of Europe and its relevance for transition countries. – 2004.

Conciliation procedures in enforcement proceedings as an alternative method of execution of judicial acts

Aleksei A. Ovchinnikov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ov4innickoff@ya.ru

Dar'ya A. Kirdyasheva

Master's Student,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kirdyasheva_d_a@mail.ru

Abstract

A study was conducted on the prospects for the participation of the bailiff in the procedure for reconciliation of the parties at the stage of enforcement proceedings. Foreign experience has been analyzed, which has shown a positive effect and can be borrowed into the domestic system. Transferring the powers to conduct negotiations and approve a settlement agreement to bailiffs will have a positive impact on the speed and number of executed judicial acts. It is also necessary to provide a mechanism for protecting the rights of the claimant in the event of failure to comply with the terms of the settlement agreement. Such a mechanism could be the ability to quickly cancel a

settlement agreement and resume enforcement proceedings. An effective incentive to comply with the terms of the settlement agreement will be the preservation of restrictions in relation to both the debtor himself and his property until the agreements reached are fulfilled. The process of reconciliation of the parties is an important and responsible work, requiring not only special professional skills and knowledge, but also sufficient knowledge in the field of psychology, conflict management, and the ability to persuade. In this regard, there is a need to establish the obligation for bailiffs to undergo additional specialized training courses. Reconciliation of the parties in the process of enforcement proceedings is an effective tool for increasing the number of executed judicial acts with optimal respect for the interests of the parties, which helps to optimize the burden on government agencies.

For citation

Ovchinnikov A.A., Kirdyasheva D.A. (2023) Primiritel'nye potsedury v ispolnitel'nom proizvodstve kak al'ternativnyi sposob ispolneniya sudebnykh aktov [Conciliation procedures in enforcement proceedings as an alternative method of execution of judicial acts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 315-320. DOI: 10.34670/AR.2023.40.87.038

Keywords

Enforcement proceedings, reconciliation of the parties, settlement agreement, alternative methods of execution of judicial acts, judicial acts.

References

1. Federal'nyi zakon ot 2 oktyabrya 2007 g. № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings” (latest edition)].
2. Federal'nyi zakon ot 27 iyulya 2010 g. № 193-FZ «Ob al'ternativnoi protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» (posl. red.) [Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ “On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)” (last edition)].
3. Iсполnitel'nyi kodeks Respubliki Moldova ot 24 dekabrya 2004 g. № 443-XV [Executive Code of the Republic of Moldova of December 24, 2004 No. 443-XV].
4. Kobylinskaya S.V., Tokarev A.S. (2019) Vzaimosvyaz' institutov mediatsii i ispolnitel'nogo proizvodstva: problemy i perspektivy [The relationship between the institutions of mediation and enforcement proceedings: problems and prospects]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 5 (173), pp. 99-102.
5. Lyubimov A.P., Kalinin A.Yu. (2016) Sotsiologiya protsessov pravoobrazovaniya v sovremennoi Rossii [Sociology of legal formation processes in modern Russia]. Kolomna.
6. Ovchinnikov A.A. (2013) Iсполnitel'noe proizvodstvo i mirovoe soglasenie v arbitrazhnom protsesse [Enforcement proceedings and settlement agreement in the arbitration process]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 8, pp. 17-22.
7. Que fait l'huissier de justice? Site Chambre Nationale des Huissiers de Justice. Available at: <http://www.gerechtsdeurwaarders.be/index.php/fr/1-huissier-dejustice/activites> [Accessed 09/09/2023]
8. Mathews, A. F. (1979). Litigation and Settlement of SEC Administrative Enforcement Proceedings. *Cath. UL Rev.*, 29, 215.
9. Ferrara, R. C., & Khinda, P. S. (1999). SEC Enforcement Proceedings: Strategic Considerations for When the Agency Comes Calling. *Admin. L. Rev.*, 51, 1143.
10. Uzelac, A. (2004). Improving Efficiency of Enforcement Proceedings. Recommendation on enforcement of the Council of Europe and its relevance for transition countries.

УДК 347.1:347.92

DOI: 10.34670/AR.2023.55.82.039

Возникновение моделирования версионного иска**Галимов Артур Шафкатович**

Начальник управления кадров,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: ASGalimov@kpfu.ru

Аннотация

Актуальность выбранной темы обусловлена возрастающей необходимостью дифференциации и специализации норм и институтов защиты прав участников гражданских сделок в условиях рыночного механизма хозяйствования. В статье отмечаются генетические, исторические и типологические свойства системы неосновательного обогащения, а именно ее универсальность, прямая экономическая мотивация и сложность правоприменения, заключающаяся в конфликте между формализмом и справедливостью. Намечена перспектива использования результатов исследования в практических целях, а также для дальнейшего развития теории цивилистики.

Для цитирования в научных исследованиях

Галимов А.Ш. Возникновение моделирования версионного иска // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 321-326. DOI: 10.34670/AR.2023.55.82.039

Ключевые слова

Версионный иск, справедливость, правовая стабильность, историко-правовое развитие.

Введение

Особое значение права на богатство, на наш взгляд, является следствием уникальной двойственности этой системы, ее способности превращаться в свою противоположность. Так, с одной стороны, в новой ситуации, сложившейся в России после распада СССР, обогащение соответствует всеобщему интересу к экономическому росту, т.е. максимизации доходов для всех. Однако, с другой стороны, в соответствии с принципом «богатые любыми средствами» проблема возможной несправедливости по отношению к субъектам, незаконно приобретшим богатство за чужой счет, стала очень серьезной.

Учитывая, что в современной действительности товарно-денежные отношения не только повсеместно, но и практически доминируют во всех сферах жизни, обогащение можно назвать законной, легитимной и социально одобряемой целью участников рыночных гражданских сделок. В то же время существует «противоположная», или «теневая», сторона обогащения, проявляющаяся в виде определенных побочных эффектов обычных гражданских сделок. Она выражается в том, что обогатившийся получает имущество за счет других, без должных оснований и вопреки принципам справедливого распределения благ и баланса разнонаправленных интересов.

Анализ системы *conditio* как средства защиты и восстановления в системной связи с другими способами защиты гражданства неизбежно выявляет ограниченность чисто формального подхода к решению проблемы основания богатства. В ситуациях, когда имущество одного лица необоснованно увеличено за счет имущества другого и возникает спор о правах, основная задача – определить природу этой ситуации и понять, было ли обогащение допустимым не только по формальным основаниям, закрепленным в нормах материального права, но и с точки зрения добросовестности и справедливости.

Очевидно, что для устранения неосновательного обогащения необходимо правильное применение соответствующего правового толкования, а это возможно только при оценке фактических обстоятельств дела с учетом не только формальных положений закона, но и нравственных основ гражданского права.

Основная часть

Институт кондикционных обязательств, известный в современных национальных правовых порядках как наследие правовой культуры Древнего Рима, по своей природе уникален в силу органического сочетания экономического, юридического и этического (нравственного) содержания. Следовательно, его сложившаяся на протяжении многих веков догматическая интерпретация отнюдь не исключает, а, наоборот, с необходимостью предполагает обращение не только к букве, но и к духу закона, его правовому смыслу, заложенному в формально определенных положениях позитивного права именно для того, чтобы получить адекватное отражение комплексной – экономической, правовой, нравственной – природы обогащения [Муромцев, 1883].

Исследование юрисдикционных обязательств в этом направлении позволяет выявить проблему так называемых версионных исков как составной части норм о неосновательном обогащении. В настоящее время в российской правовой системе версионные иски не получили активного закрепления в действующем законодательстве. Однако его введение представляется логичным в связи с расширением сферы влияния нормативного гражданского принципа

добросовестности на отношения между участниками современного гражданского процесса и судебное разрешение возникающих между ними споров.

При таких исходных положениях моделирование представляется наиболее эффективным методом. Итак, моделирование – это метод исследования, при котором интересующий исследователя объект заменяется другим объектом, имеющим схожие отношения с исходным объектом. В дальнейшем, на основе теории аналогии и подобия, знания, полученные при изучении модели, переносятся на оригинал.

Кроме того, на основании приведенных выше положений можно утверждать, что эпистемологическими условиями моделирующей операции утверждения о версификации являются следующие:

- сходство между моделью и объектом-оригиналом;
- способность модели стать заместителем, «представителем» объекта-оригинала - в частности, получить новое знание об этом объекте;
- отражение в модели существенных свойств объекта-оригинала, которые являются предметом моделирования в теоретических или прикладных целях.

В конкретных познавательных ситуациях эти условия должны быть выражены не по отдельности, а в совокупности, в единстве и сочетании друг с другом.

Для целей данного исследования исходным объектом является условие-формула, а моделью – условие-версия. Моделирование редакционных притязаний не является легкомысленным академическим упражнением, оторванным от практических потребностей жизни и правового регулирования, а имеет важное значение для российской цивилистики и обусловлено глубоким убеждением, что это один из возможных путей понимания проблемы права на богатство, которая имеет как юридический, так и экономический и этический аспекты аргументировано. Система авторских исков не закреплена на формально-догматическом уровне российского правопорядка, однако она, безусловно, органично вписывается в общие закономерности, касающиеся развития и функционирования права. Как следствие, рассматриваемая система нуждается в развитии в качестве одного из новых элементов правовой защиты. Попытки моделирования авторских исков являются частью соответствующего исследовательского инструментария. Для того чтобы теоретически воспроизвести авторский иск в системе реляционного регулирования неосновательного обогащения, т.е. смоделировать авторский иск, необходимо учитывать следующие характеристики исходного предмета (условного иска): идеологическое содержание (этот термин был введен в научный оборот П.П. Сельковым при характеристике норм права и правоотношений); основную множественность видов несправедливого перераспределения имущественных благ при открытом характере института неосновательного обогащения (возможность расширения формально-юридических рамок с учетом многообразия видов и способов обогащения на практике, а также соотношения условного предоставления с оправданием и реституцией); аналитичность конструкции (возможность включения регулирования принципом добросовестности в конкретные правовые условия, связанные с применением норм о возврате обогащения).

Ключевыми конститутивными признаками модели версионного утверждения являются наличие обогащения и иррациональность в момент его возникновения, как и в объектно-оригинальном-объектно-условном утверждении. Более того, каждый из этих признаков подлежит конкретизации в зависимости от цели исследования. Это связано с тем, что без преувеличения можно сказать, что так называемая доктрина пандектов, сформировавшаяся в Германии в XIX веке на основе систематизации и обобщения текстов римского права, уже давно приобрела статус общей теории гражданского права в традициях европейской цивилистики

[Розов, 2013].

Эта система генетически связана с признанием необходимости создания правового механизма, регулирующего возврат неправомерно полученных благ. Впервые вопрос о создании такого механизма был поставлен в римском праве в конце III – начале II в. до н.э., когда возникла идея устранения несправедливых переходов имущественных интересов.

Хотя практика римского права не была систематизирована в современном смысле этого слова, тем не менее она оставила наследие, имеющее большое практическое значение, поскольку были сформированы важнейшие правовые теории и соответствующие им юридические конструкции, составившие общее наследие правовой культуры. Активные коммерческие операции привели в конечном итоге к торжеству зачатков индивидуальной собственности. Индивидуализм жизни породил соответствующий индивидуализм в гражданских сделках, который все больше ориентировал сделки на особенности каждого конкретного случая, и по мере развития и совершенствования сознания гражданских сделок в обществеросло чувство справедливости.

В дореволюционный период развития отечественного гражданского права позитивные положения об обязательствах (или условных обязательствах) вследствие неосновательного обогащения отсутствовали. Это объясняется тем, что и теория права, и судебная практика фактически признавали существование данной системы с позиций, закрепленных в римском правовом каноне и в трудах германских цивилистов.

Исходя из того, что полученная вещь является собственностью богатого человека, признается, что в этой вещи воплощено богатство. При этом размер богатства может быть как больше, так и меньше стоимости вещи. Если получатель получает от него доход или экономит расходы, то сумма больше; и наоборот, если богатство получателя неоправданно возросло, и он вынужден нести определенные расходы, то сумма меньше. В этом случае, т.е. когда богатство получателя меньше стоимости полученной вещи, потерпевший обязан возместить разницу в момент получения вещи от лица, у которого он приобрел это богатство.

В ситуации неосновательного получения услуг, а также пользования чужим имуществом немецкая доктрина времени подразумевала деньги, сбереженные состоятельным лицом в результате события, связанного с богатством, с учетом индивидуальных планов состоятельного лица.

То, что было необоснованно начислено, должно было быть возвращено потерпевшему. Следующим этапом динамичного эволюционного развития системы неосновательного обогащения в отечественном правопорядке стали десятилетия XX века, а именно с 1922 по 1964 год, ознаменовавшие советскую эпоху в истории российского гражданского законодательства, цивилистической доктрины и судебной практики.

Этот новый этап диктата и развития условных обязательств в отечественном праве был обусловлен и сопровождался коренным изменением взглядов на предмет условных обязательств и понятие обогащения.

При этом, согласно ст. 400 Гражданского кодекса СССР 1922 года, лицо, неосновательно обогатившееся, обязано возратить или возместить все доходы, которые оно получило или должно было получить от неосновательно приобретенного имущества, с того времени, когда оно узнало или должно было узнать, что неосновательно обогатилось. Одновременно он несет ответственность за ухудшение состояния имущества, которое он получил или должен был получить вследствие неосновательного обогащения, с момента, когда ему стало известно о неосновательности обогащения (до этого он отвечает только за умысел и грубую неосторожность). Со своей стороны, собственник вправе требовать возмещения необходимых

расходов, затраченных на имущество, с момента возникновения у него обязанности по возврату полученных средств.

Таким образом, вновь введенная конструкция принципиально отличается от модели, существовавшей в прежней доктрине. Ранее, если основанием возникновения обязательства и его предметом являлось неосновательное обогащение, то таковым являлся доход с определенного момента времени за вычетом необходимых расходов, понесенных на имущество.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что динамика историко-правового развития отношений по неосновательному обогащению разворачивалась через три хронологических этапа, каждый из которых характеризовался соответствующими изменениями в экономической системе, в том числе радикальными, определявшими вектор развития законодательства, судебной практики и гражданской доктрины можно сделать. В первом случае обогащением признается разница между состоянием имущества лица до и после события обогащения, т.е. между активами и пассивами до и после события обогащения. При втором подходе в категорию богатства включаются случаи приобретения и сбережения имущества, которые образуются не фактическим приобретением или сбережением, а самим фактом получения стоимости (товара). Конструкты, сформировавшие цивилизационное наследие прошлых эпох, лежат в основе современных научных знаний о системе условных обязательств и о праве версионных требований как ее составной части.

Библиография

1. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1883.
2. Розов Н.С. Философско-антропологические основания политико-правовой регуляции будущего миропорядка // Интелрос. 2013. № 2. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-buduschego-miroporjadka.html?ysclid=16kmefd6kg583272033.
3. Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки МГУ. 1949. Вып. 114. С. 85-118.
4. Андреевский И.Е., Арсеньев К.К., Петрушевский Ф.Ф. (ред.) Энциклопедический словарь. СПб., 1890-1907.
5. Mousourakis G. Roman law and the origins of the civil law tradition. – Berlin : Springer, 2015. – С. 221-224.
6. Stein P. G. Roman law, common law, and civil law //Tul. L. Rev. – 1991. – Т. 66. – С. 1591.
7. Yankwich L. R. Aspects of Roman Civil Law //S. Cal. L. Rev. – 1952. – Т. 26. – С. 292.
8. Chroust A. H. Legal Education in Ancient Rome //J. Legal Educ. – 1954. – Т. 7. – С. 509.
9. Johnston D. Limiting liability: Roman law and the civil law tradition //Chi.-Kent L. Rev. – 1994. – Т. 70. – С. 1515.
10. Marin M., Botinã M. Legal Rules in Ancient Rome between Law, Morality and Religion //SCIENTIA MORALITAS-International Journal of Multidisciplinary Research. – 2020. – Т. 5. – №. 2. – С. 16-23.

The emergence of the modeling of a versioned claim

Artur Sh. Galimov

Head of the Personnel Department,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan', Russian Federation;
e-mail: ASGalimov@kpfu.ru

Abstract

The relevance of the chosen topic is due to the increasing need for differentiation and specialization of norms and institutions for the protection of the rights of participants in civil transactions in the conditions of the market mechanism of management. The article highlights the genetic, historical and typological properties of the unjust enrichment system, namely its universality, direct economic motivation and the complexity of law enforcement, which consists in the conflict between formalism and justice. The prospect of using the results of the study for practical purposes, as well as for the further development of the theory of civil law is outlined.

For citation

Galimov A.Sh. (2023) *Vozniknovenie modelirovaniya versionnogo iska* [The emergence of the modeling of a versioned claim]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 321-326. DOI: 10.34670/AR.2023.55.82.039

Keywords

Versioned claim, justice, legal stability, historical and legal development.

References

1. Andreevskiy I.E., Arsen'ev K.K., Petrushevskiy F.F. (eds.) (1890-1907) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg.
2. Muromtsev S.A. (1883) *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [Civil law of Ancient Rome]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K^o Publ.
3. Rozov N.S. (2013) *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya politiko-pravovoy regulyatsii budushchego miroponyadka* [Philosophical and anthropological foundations of political and legal regulation of the future world order]. *Intelros*, 2. Available at: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyatsii-budushchego-miroponyadka.html?ysclid=l6kmefd6kg583272033 [Accessed 15/09/2023].
4. Ryasentsev V.A. (1949) *Obyazatel'stva iz tak nazyvaemogo neosnovatel'nogo obogashcheniya v sovetskom grazhdanskom prave* [Obligations from the so-called unjust enrichment in Soviet civil law]. *Uchenye zapiski MGU* [Scientific notes of Moscow State University], 114, pp. 85-118.
5. Mousourakis, G. (2015). Roman law and the origins of the civil law tradition (pp. 221-224). Berlin: Springer.
6. Stein, P. G. (1991). Roman law, common law, and civil law. *Tul. L. Rev.*, 66, 1591.
7. Yankwich, L. R. (1952). Aspects of Roman Civil Law. *S. Cal. L. Rev.*, 26, 292.
8. Chroust, A. H. (1954). Legal Education in Ancient Rome. *J. Legal Educ.*, 7, 509.
9. Johnston, D. (1994). Limiting liability: Roman law and the civil law tradition. *Chi.-Kent L. Rev.*, 70, 1515.
10. Marin, M., & Botinã, M. (2020). Legal Rules in Ancient Rome between Law, Morality and Religion. *SCIENTIA MORALITAS-International Journal of Multidisciplinary Research*, 5(2), 16-23.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.87.24.042

Актуальные вопросы срочного трудового договора с работодателем – субъектом малого предпринимательства

Перевалов Андрей Геннадьевич

Аспирант кафедры трудового и социального права,
Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66;
e-mail: perevalov-1993@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы заключения срочного трудового договора с лицами, поступающими на работу к работодателям – субъектам малого предпринимательства. Обосновывается тезис о том, что предоставленное трудовым законодательством право работодателей – малых предприятий вступать в срочные трудовые отношения с работниками является мерой поддержки российского малого бизнеса. Исследуется проблема неоднозначного понимания термина «работодатели – субъекты малого предпринимательства» в науке трудового права. На основе анализа законодательства, научных исследований и материалов судебной практики делается ряд выводов и представлены рекомендации, направленные на оптимальное правовое регулирование срочных трудовых отношений в малых предприятиях в целях соблюдения баланса прав и интересов работников и работодателей в данной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Перевалов А.Г. Актуальные вопросы срочного трудового договора с работодателем – субъектом малого предпринимательства // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 327-336. DOI: 10.34670/AR.2023.87.24.042

Ключевые слова

Трудовое право, срочный трудовой договор, малый бизнес, малые предприятия, работодатель, работник.

Введение

В научной среде одной из основных тенденций в развитии трудового права в конце XX – начале XXI века признается стремление к гибкости (нетипичности, нестандартности) трудовых отношений.

На сегодняшний день констатируется, что во всем мире происходит переосмысление роли классического трудового правоотношения; все более масштабно распространяются нестандартные трудовые правоотношения [Батусова, 2014].

Под гибкостью регулирования труда понимается необходимость разработки механизма обратной связи трудового права и постоянно меняющейся ситуации на рынке труда, учет всеми институтами трудового права особенностей и своеобразия различных сегментов рынка, специфики в применении труда различных категорий работников [Киселев, 2003]. Одним из проявлений гибкости (нетипичности) трудовых отношений является работа по срочному трудовому договору.

Основная часть

Трудовые договоры в России, по общему правилу, заключаются сторонами на неопределенный срок. Это гарантия для работников, направленная на обеспечение стабильности трудовых отношений. В то же время в отдельных случаях, поименованных в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ), допускается заключение трудового договора на определенный срок, но не более пяти лет, если иной срок не установлен ТК РФ или федеральными законами (статья 58 ТК РФ). Если в трудовом договоре установлен срок его действия, то он считается срочным, и, соответственно, у работодателя появляется дополнительное основание для увольнения работника – в связи с истечением срока трудового договора (пункт 2 статьи 77 ТК РФ).

Возможность ограничивать трудовую связь непродолжительным сроком привлекательна для работодателей, но в большинстве случаев не отвечает интересам работников, поскольку лишает их гарантии стабильной занятости, а также прав на материальную поддержку при увольнении.

Важно отметить, что срок трудового договора относится к его обязательным условиям (абзац 4 части 2 статьи 57 ТК РФ).

В настоящее время недостаточно одного лишь указания срока действия в тексте трудового договора для признания его срочным. Помимо этого, необходимо, чтобы имелись основания (условия) для заключения срочного трудового договора, которые в статье 58 ТК РФ разделены на две большие группы: а) случаи, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения; б) установление срочных трудовых отношений по соглашению сторон без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения.

Конкретный перечень оснований для заключения сторонами срочного трудового договора закреплен в статье 59 ТК РФ и не носит исчерпывающего характера.

Подобное ограничение возможности заключения срочных трудовых договоров первоначально было введено Законом РФ от 25.09.1992 №3543-1 [Закон РФ от 25.09.1992 № 3543-1, 1992], предусматривающим дополнение статьи 17 КЗоТ 1971 года [Кодекс законов о труде Российской Федерации 1971 г., 1998] положением об основаниях заключения срочного

трудового договора. Впоследствии данное положение было законодателем сохранено и получило развитие в статьях 58, 59 ТК РФ.

Поскольку использование срочного трудового договора при приеме на работу ставит работника в жесткую зависимость от работодателя, ущемляет его право на стабильную занятость, то очевидно, что ограничение возможности заключения срочных трудовых договоров необходимо для соблюдения баланса прав и интересов участников трудовых отношений.

Таким образом, для заключения срочного трудового договора юридически значимыми являются два условия: срок договора и основания к его заключению. Соблюдение этих двух условий является той характерной чертой, по которой можно отличить срочный трудовой договор от бессрочного.

В соответствии с абзацем 2 части 2 статьи 59 ТК РФ, по соглашению сторон срочный трудовой договор может заключаться с лицами, поступающими на работу к работодателям – субъектам малого предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей), численность работников которых не превышает 35 человек (в сфере розничной торговли и бытового обслуживания – 20 человек).

Такое основание для использования срочного трудового договора направлено на расширение гибкого правового регулирования труда и представляет собой отступление от общих требований трудового законодательства с целью создания благоприятных условий для работодателей – субъектов малого бизнеса.

В настоящее время поддержка и развитие малого предпринимательства является одним из приоритетов российской государственной политики, поскольку малый бизнес является источником рабочих мест, налоговых поступлений, и, следовательно, влияет на экономический рост страны и благосостояние общества.

Распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия) [Распоряжение Правительства РФ от 02 июня 2016 г. №1083-р, 2016], одним из принципов которой является создание выгодных условий для легальной работы субъектов малого предпринимательства. Стратегия предусматривает ряд различных мер для развития малого предпринимательства, в том числе повышение гибкости регулирования трудовых отношений на малых и средних предприятиях.

Как известно, трудовое право, помимо основной своей функции (регулятивной), выполняет еще ряд функций, в числе которых социальная (обеспечение приоритета прав и свобод человека в ходе трудовой деятельности) и производственная (обеспечение эффективности производства, рациональное использование рабочей силы, повышение качества продукции). Нередко эти две функции трудового права конкурируют между собой. Так, Н.В. Демидов отмечает, что трудовое право по своей сути – это средство управления человеческими ресурсами как ключевой составляющей экономики. Роль трудовозащитных норм видна из обращения к опыту советского трудового права 1930-х годов, которое преследовало цель всемерного форсирования промышленности и в русле этой идеи значительно ограничивало трудовые права работника. Такова норма о запрете на расторжение трудового договора с работником без ведома государственных органов (1918) или об уголовной ответственности за повторное двадцатиминутное опоздание на работу (1938) [Демидов, 2023].

То есть на разных исторических этапах нормы трудового права выступают инструментом для решения государственных задач, которые могут быть различными, а порой и взаимоисключающими в зависимости от социально-экономической обстановки. В свою

очередь, усиление или ослабление правовой защиты работника обусловлено целями, которые преследует законодатель при регулировании трудовых отношений.

Предоставление права работодателям – субъектам малого предпринимательства использовать по соглашению с работниками срочные трудовые договоры при приеме на работу дает им возможность в упрощенном порядке менять, увеличивать и сокращать свой кадровый состав. При этом, как верно отмечает Р.И. Тимошенко, слова о соглашении сторон в вышеуказанном случае не должны вводить в заблуждение: в условиях экономического преобладания работодателя над работником, они подразумевают в первую очередь усмотрение работодателя [Тимошенко, 2021]. Аналогичной точки зрения придерживается И. Андриановская, указывая, что, как правило, срок трудового договора устанавливается исходя из интересов работодателя, а работник лишь соглашается на предлагаемый срок [Андриановская, 2012].

Таким образом, право работодателей – субъектов малого бизнеса заключать с работниками срочные трудовые договоры без каких-либо объективных причин представляет собой «крен» правового регулирования в пользу интересов таких работодателей с целью поддержки малого предпринимательства в России. При таких обстоятельствах положение лиц, поступающих на работу в малые предприятия, ухудшается.

Помимо проблемы соблюдения баланса прав и интересов участников трудовых отношений, при заключении срочных трудовых договоров с работодателями – субъектами малого предпринимательства возникает ряд вопросов, связанных с применением трудовых норм.

Первый вопрос касается понимания термина «субъекты малого предпринимательства» и определения признаков указанного вида работодателей.

Из содержания статей 3, 4 Федерального закона от 24.07.2007 №209-ФЗ [Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, 2007] следует, что субъектами малого предпринимательства являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, отнесенные этим законом к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевыми признаками субъектов малого предпринимательства являются небольшая численность работников (не более 100 человек для малых предприятий, не более 15 человек – для микропредприятий) и небольшой объем предпринимательского дохода (не более 800 млн руб. в год для малых предприятий, не более 120 млн руб. в год – для микропредприятий).

Вместе с тем статья 59 ТК РФ называет иные численные критерии для работодателей – малых предприятий: количество работников не более 35 человек, а в сфере розничной торговли и бытового обслуживания – не более 20 человек.

В связи с этим есть точка зрения, что трудовое законодательство придает термину «субъекты малого предпринимательства» свой «оттенок» и использует его в специфическом понимании [Головина, Молодцов, 2008].

Несовпадение критериев отнесения работодателей к субъектам малого предпринимательства с позиций статьи 59 ТК РФ и специального Федерального закона от 24.07.2007 №209-ФЗ в научной литературе объясняется тем, что эти правовые акты регулируют различные общественные отношения [Гуслистая, 2006].

Тем не менее, вопрос установления единых критериев отнесения работодателей к субъектам малого предпринимательства обсуждался. Например, И.В. Ершова в монографии, посвященной малому и среднему предпринимательству, предлагала установить критерии работодателя – субъекта малого предпринимательства в соответствии с положениями Федерального закона от

24.07.2007 №209-ФЗ [Ершова, 2007].

20.07.2009 в Государственную думу Федерального собрания РФ был внесен законопроект № 233941-5 «О внесении изменений в статью 59 ТК РФ (о заключении срочных трудовых договоров с работодателями – субъектами малого предпринимательства)» [Законопроект № 233941-5, www], в пояснительной записке к которому было указано, что заложенные в статье 59 ТК РФ численные критерии для работодателей – субъектов малого предпринимательства не отвечают современным реалиям и во многом сдерживают развитие малого бизнеса. В этой связи проектом предлагалось внести в статью 59 ТК РФ изменение, в соответствии с которым срочный трудовой договор может заключаться с лицами, поступающими на работу к работодателям – субъектам малого предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей), признаваемым таковыми в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 №209-ФЗ. Однако Правительством РФ данный законопроект не был поддержан со ссылкой на то, что его принятие может снизить защищенность работников, трудящихся в малых предприятиях. В итоге 01.06.2010 законопроект был снят с рассмотрения в связи с отзывом авторами.

Сегодня в судебной практике [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15, 2018] выработана позиция о том, что статус малого предприятия у работодателя определяется в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ и необходимости подтверждения данного статуса трудовым законодательством не предусмотрено. Статья 59 ТК РФ закрепляет лишь дополнительные требования к численности работников, позволяющие работодателям – малым предприятиям использовать срочные трудовые договоры при приеме на работу.

Данное обстоятельство опровергает утверждение о том, что трудовое законодательство использует термин «субъекты малого предпринимательства» в его специфическом понимании. В целях достижения полного единообразия в толковании абзаца 2 части 2 статьи 59 ТК РФ предлагается дополнить его ссылкой на специальный Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ, определяющий признаки субъектов малого предпринимательства.

Второй вопрос, который возникает при применении абзаца 2 части 2 статьи 59 ТК РФ, касается статуса работников, трудящихся в малых предприятиях. Так, данная правовая норма предусматривает, что срочный трудовой договор по соглашению сторон может заключаться только с лицами, поступающими на работу к работодателям – субъектам малого предпринимательства.

Е.А. Ершова отмечала, что такая формулировка нормы ТК РФ предоставляет различные права для «лиц, поступающих на работу» и «уже работающих лиц», что вызывает сомнение с позиции статьи 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности... и от других обстоятельств [Ершова, 2007].

Думается, что в данном случае речь идет не о предоставлении преимуществ одним работникам перед другими, а об ограничении возможности работодателя преобразовывать бессрочные трудовые отношения с работником в срочные. В подтверждение можно привести правовую позицию Конституционного суда РФ [Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 378-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Х, 2007], согласно которой установление трудовых отношений на определенный срок без учета характера работы и условий ее выполнения допускается только с теми пенсионерами, кто поступает на работу. Закон не наделяет работодателя правом переоформить трудовой договор, заключенный с работником на неопределенный срок, на срочный трудовой договор.

Несмотря на то, что приведенная позиция Конституционного суда РФ касается срочных трудовых договоров с пенсионерами, полагаем, что ее можно применить и к отношениям с субъектами малого предпринимательства.

Вместе с тем в судебной практике [Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.06.2015 по делу №33-7659/2015, [www](#)] встречаются случаи неправильного применения абзаца 2 части 2 статьи 59 ТК РФ, когда признается законным заключенное между работником и работодателем – малым предприятием дополнительное соглашение к трудовому договору об изменении условия о его бессрочном характере на срочный.

Наконец, третий вопрос, возникающий при толковании абзаца 2 части 2 статьи 59 ТК РФ, касается способа определения численности работников (не более 35 человек, а для сферы бытового обслуживания и розничной торговли – не более 20 человек), при которой у малого предприятия возникает право вступать в срочные трудовые отношения.

Проблема состоит в том, что действующее законодательство не устанавливает какого-либо нормативного акта, которым можно руководствоваться при определении численности работников у работодателя – субъекта малого предпринимательства в целях применения части 2 статьи 59 ТК РФ. Следовательно, возникает вопрос: кто включается в число работников? Считаются ли работники, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, если на время их отсутствия работает еще один работник? Как следует считать работников: по количеству человек или по количеству ставок в штатном расписании, ведь могут быть люди на неполном рабочем времени (например, 0,25 ставки)?

Встречаются различные ответы на поставленные вопросы. Так, О.А. Курбангалеева полагает, что при расчете численности следует учитывать всех работников, которые находятся в трудовых отношениях с работодателем на день заключения срочного трудового договора с вновь принимаемым работником. При этом внешних совместителей, временных работников (за исключением тех, кто принят на время отсутствия работника) и работающих неполное время следует учитывать как целые единицы [Курбангалеева, 2019].

На официальном сайте «Онлайнинспекция.рф» (электронный ресурс, с помощью которого можно, помимо прочего, получить консультационную поддержку от специалистов Роструда) содержится позиция о том, что в число работников, указанных в абзаце 2 части 2 статьи 59 ТК РФ, включаются все работники, трудоустроенные у работодателя, в том числе находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. Расчет численности работников производится по количеству человек, а не ставок в штатном расписании [Срочный трудовой договор в малом предприятии, [www](#)].

Думается, что подход к исчислению работников, изложенный на сайте «Онлайнинспекция.рф», является правильным и основанным на буквальном толковании абзаца 2 части 2 статьи 59 ТК РФ в сочетании с частью 2 статьи 20 ТК РФ, по смыслу которой работник – это любое физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем.

Анализ судебной практики [Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 27.04.2016 № 33-36/2016, [www](#); Апелляционное определение Московского городского суда от 24.06.2021 по делу № 33-18028/2021, [www](#); Апелляционное определение Московского городского суда от 14.05.2021 по делу № 33-14364/2021, [www](#)] позволяет прийти к выводу, что суды при расчете численности работников в целях применения части 2 статьи 59 ТК РФ в качестве источника информации используют штатное расписание, утвержденное в малом предприятии на дату заключения с работником срочного трудового договора.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что право работодателей – субъектов малого предпринимательства вступать в срочные трудовые отношения с работниками направлено на повышение гибкости регулирования труда и представляет собой одну из мер поддержки российского малого бизнеса. То есть в данном случае имеется осознанный «перекос» правового регулирования труда в пользу работодателей – малых предприятий, который обусловлен приоритетами нашего государства.

Для обеспечения соблюдения баланса интересов участников трудовых отношений представляется важным обеспечить единое понимание терминов «работодатели – субъекты малого предпринимательства», «лица, поступающие на работу», «численность работников». Эта цель может быть достигнута за счет внесения определенных дополнений в абзац 2 части 2 статьи 59 ТК РФ, а также путем дачи разъяснений по правоприменению Пленумом Верховного суда РФ.

Библиография

1. Андреева Л.В. и др. Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение. М.: Юриспруденция, 2014. 460 с.
2. Андриановская И. Срочный трудовой договор: основания и пределы действия // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2012. № 3. С. 15-20.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.05.2021 по делу № 33-14364/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.06.2021 по делу № 33-18028/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.06.2015 по делу №33-7659/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 27.04.2016 № 33-36/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Батусова Е.С. Правовое регулирование срочных трудовых договоров в России и некоторых зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 132 с.
8. Борисова А.М. Финансово-правовой механизм государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
9. Головина С.Ю., Молодцов М.В. Трудовое право России. М., 2008. 704 с.
10. Гуслистая Т.В. Срочный трудовой договор: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
11. Демидов Н.В. (ред.) Трудовое право. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 203 с.
12. Ершова Е.А. Заключение срочного трудового договора // Трудовое право. 2007. № 2.
13. Киселев И.Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М., 2003. 160 с.
14. Кодекс законов о труде Российской Федерации 1971 г. // Свод законов РСФСР. 1998. Т. 2. С. 123.
15. Курбангалеева О.А. Срочный трудовой договор по соглашению сторон // Советник бухгалтера бюджетной сферы. 2019. № 11. С. 64-75.
16. О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР: закон РФ от 25.09.1992 № 3543-1 // Российская газета. 1992. № 219.
17. О внесении изменения в статью 59 Трудового кодекса Российской Федерации: законопроект № 233941-5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/233941-5>.
18. О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 // Российская газета. 2018. № 121.
19. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
20. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации: определение

- Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 378-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.
21. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 02 июня 2016 г. № 1083-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.
 22. Срочный трудовой договор в малом предприятии. URL: <https://онлайнинспекция.рф/questions/view/82848>.
 23. Тимошенко Р.И. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя: некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 49-52.

Topical issues of a fixed-term employment contract with an employer – small business entity

Andrei G. Perevalov

Postgraduate Student of the Department of labor and social law,
Ural Institute of Management – branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation,
620144, 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: perevalov-1993@mail.ru

Abstract

The article deals with topical issues of concluding a fixed-term employment contract with persons applying to work for employers - small business entities. The thesis is substantiated that the right of employers – small enterprises granted by labor legislation to enter into fixed-term labor relations with employees is a measure of support for Russian small business. The problem of ambiguous understanding of the term "employers – small business entities" in the science of labor law is investigated. Based on the analysis of legislation, scientific research and materials of judicial practice, a number of conclusions and recommendations are made aimed at optimal legal regulation of fixed-term labor relations in small enterprises in order to maintain a balance of the rights and interests of employees and employers in this area.

For citation

Perevalov A.G. (2023) Aktual'nye voprosy srochnogo trudovogo dogovora s rabotodatelem – sub"ektom malogo predprinimatel'stva [Topical issues of a fixed-term employment contract with an employer – small business entity]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 327-336. DOI: 10.34670/AR.2023.87.24.042

Keywords

Labor law, fixed-term employment contract, small business, small businesses, employer, employee.

References

1. Andreeva L.V. et al. (2014) *Maloe i srednee predprinimatel'stvo: pravovoe obespechenie* [Small and medium-sized businesses: legal support]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.
2. Andrianovskaya I. (2012) *Srochnyi trudovoi dogovor: osnovaniya i predely deistviya* [Fixed-term employment contract: grounds and limits of validity]. *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika* [Personnel officer. Labor law for personnel

- officers], 3, pp. 15-20.
3. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 14.05.2021 po delu № 33-14364/2021 [Appeal ruling of the Moscow City Court of May 14, 2021 in case No. 33-14364/2021]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
 4. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.06.2021 po delu № 33-18028/2021 [Appeal ruling of the Moscow City Court of June 24, 2021 in case No. 33-18028/2021]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
 5. Apellyatsionnoe opredelenie Suda Chukotskogo avtonomnogo okruga ot 27.04.2016 № 33-36/2016 [Appeal ruling of the Court of the Chukotka Autonomous District of April 27, 2016 No. 33-36/2016]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
 6. Apellyatsionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 23.06.2015 po delu № 33-7659/2015 [Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of June 23, 2015 in case No. 33-7659/2015]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
 7. Batusova E.S. (2014) *Pravovoe regulirovanie srochnykh trudovykh dogovorov v Rossii i nekotorykh zarubezhnykh stranakh (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Dokt. Diss.* [Legal regulation of fixed-term employment contracts in Russia and some foreign countries (comparative legal research). Doct. Diss.]. Moscow.
 8. Borisova A.M. (2020) *Finansovo-pravovoi mekhanizm gosudarstvennoi podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss.* [Financial and legal mechanism of state support for small and medium-sized businesses in the constituent entities of the Russian Federation: dissertation. Doct. Diss.]. Moscow
 9. Demidov N.V. (ed.) (2023) *Trudovoe pravo* [Labor Law], 2nd ed. Moscow.
 10. Ershova E.A. (2007) *Zaklyuchenie srochnogo trudovogo dogovora* [Conclusion of a fixed-term employment contract]. *Trudovoe pravo* [Labor Law], 2.
 11. Golovina S.Yu., Molodtsov M.V. (2008) *Trudovoe pravo Rossii* [Labor law of Russia]. Moscow.
 12. Guslistaya T.V. (2006) *Srochnyi trudovoi dogovor. Dokt. Diss.* [Fixed-term employment contract. Doct. Diss.]. Moscow.
 13. Kiselev I.Ya. (2003) *Novyi oblik trudovogo prava stran Zapada (proryv v postindustrial'noe obshchestvo)* [New look of labor law in Western countries (breakthrough into post-industrial society)]. Moscow.
 14. Kodeks zakonov o trude Rossiiskoi Federatsii 1971 g. [Code of Labor Laws of the Russian Federation 1971] (1998). *Svod zakonov RSFSR* [Code of Laws of the RSFSR], 2, pp. 123.
 15. Kurbangaleeva O.A. (2019) *Srochnyi trudovoi dogovor po soglasheniyu storon* [Fixed-term employment contract by agreement of the parties]. *Sovetnik bukhgaltera byudzhnetnoi sfery* [Advisor to a public sector accountant], 11, pp. 64-75.
 16. O primeneni sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego trud rabotnikov, rabotayushchikh u rabotodatelei - fizicheskikh lits i u rabotodatelei - sub"ektov malogo predprinimatel'stva, kotorye otneseny k mikropredpriyatiyam: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.05.2018 № 15 [On the application by courts of legislation regulating the labor of employees working for employers – individuals and for employers - small businesses that are classified as micro-enterprises: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 of May 29, 2018] (2018). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 121.
 17. O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 24 iyulya 2007 g. № 209-FZ [On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation: Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007] (2007). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4006* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 4006], 31.
 18. O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Kodeks zakonov o trude RSFSR: zakon RF ot 25.09.1992 № 3543-1 [On introducing amendments and additions to the Labor Code of the RSFSR: Law of the Russian Federation No. 3543-1 of September 25, 1992] (1992). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 219.
 19. O vnesenii izmeneniya v stat'yu 59 Trudovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: zakonoproekt № 233941-5 [On amendments to Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation: Bill No. 233941-5]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/233941-5> [Accessed 12/08/2023].
 20. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Amurskogo gorodskogo suda Khabarovskogo kraja o proverke konstitutsionnosti polozheniya stat'i 59 Trudovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredeleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.05.2007 № 378-O-P [On the refusal to accept for consideration the request of the Amur City Court of the Khabarovsk Territory to verify the constitutionality of the provision of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 378-O-P of May 15, 2007] (2007). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 6.
 21. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02 iyunya 2016 g. № 1083-r [On approval of the Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation for the period until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1083-r of June 2, 2016] (2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 3549* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 3549], 24..
 22. *Srochnyi trudovoi dogovor v malom predpriyatii* [Fixed-term employment contract in a small enterprise] Available at: <https://onlaininspektsiya.rf/questions/view/82848>.

23. Timoshenko R.I. (2021) *Differentsiatsiya pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii v zavisimosti ot osobennosti rabotodatelia: nekotorye aspekty* [Differentiation of legal regulation of labor relations depending on the characteristics of the employer: some aspects]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russia and abroad], 3, pp. 49-52.

УДК 347.1

DOI: 10.34670/AR.2023.23.12.043

**Правовая природа и соотношение права
гражданина на неприкосновенность
собственного изображения и интеллектуальных
прав автора произведения на примере
Российской Федерации и Республики Беларусь: *lus conditum***

Иванов Андрей Викторович

Адъюнкт,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117497, Российская Федерация, Москва, ул. Волгина, 12;
e-mail: ivanou1997@gmail.com

Аннотация

Предметом исследования выступили проблемные вопросы правового регулирования соотношения права гражданина на неприкосновенность собственного изображения и прав автора произведения изобразительного искусства на примере Российской Федерации и Республики Беларусь. Разработка направлений разрешения выявленных коллизионных аспектов в контексте различных правовых режимов охраны изображения гражданина как личного неимущественного права, так и воплощенного в произведении объекта авторских прав, предопределили цель настоящего исследования. Выявлены особенности правового регулирования осуществления и охраны права гражданина на неприкосновенность собственного изображения как нематериального блага и авторских прав автора произведения с воплощенным в данном произведении изображением гражданина, а также констатирована различная правовая природа и правовой режим охраны указанных правомочий. Новизна исследования продиктована выявленными проблемными обстоятельствами теоретико-доктринального и нормативно-правового характера, заключающиеся в отсутствии единообразного толкования и подходов к соотношению права гражданина на собственное изображение в рамках констатации последнего в ходе правоотношений как нематериального блага, выступающего объектом соответствующего личного неимущественного права, и авторскими правами автора произведения, в рамках которого опосредуется изображение гражданина. Выявлена коллизионная составляющая на примере Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках соотношения соответствующих правовых норм, регулирующих осуществление права гражданина на неприкосновенность собственного изображения и права автора произведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванов А.В. Правовая природа и соотношение права гражданина на неприкосновенность собственного изображения и интеллектуальных прав автора произведения на примере Российской Федерации и Республики Беларусь: *lus conditum* // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 337-345. DOI: 10.34670/AR.2023.23.12.043

Ключевые слова

Личное неимущественное право, авторские права, изображение гражданина, право гражданина на неприкосновенность собственного изображения, интеллектуальные права автора произведения.

Введение

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий с начала 2000-х годов, выразившееся в формировании цифрового пространства, доступность технических средств, утверждение сети Интернет посредством соответствующих веб-ресурсов в качестве доминирующего источника получения и обмена информацией обусловили ее общедоступность подавляющему большинству граждан и сиюминутность в удовлетворении внутренних потребностей индивида посредством информации, значительную долю среди которой занимает изображения тех или иных граждан. При этом, указанный всеобъемлющий характер доступа к изображениям граждан, продиктованный действительностью развития постиндустриального общества, объективно обусловил возросшее количество неправомерных фактов использования изображений граждан, что вызвало актуализацию обеспечения посредством правовых предписаний неприкосновенности изображения гражданина, установление соответствующего правового режима охраны. В рамках исследования автором было проведено анкетирование 145 респондентов, в ходе которого 62,1% опрошенных показали, что в ходе жизнедеятельности в той или иной мере сталкивались со случаями посягательства на неприкосновенность собственного изображения.

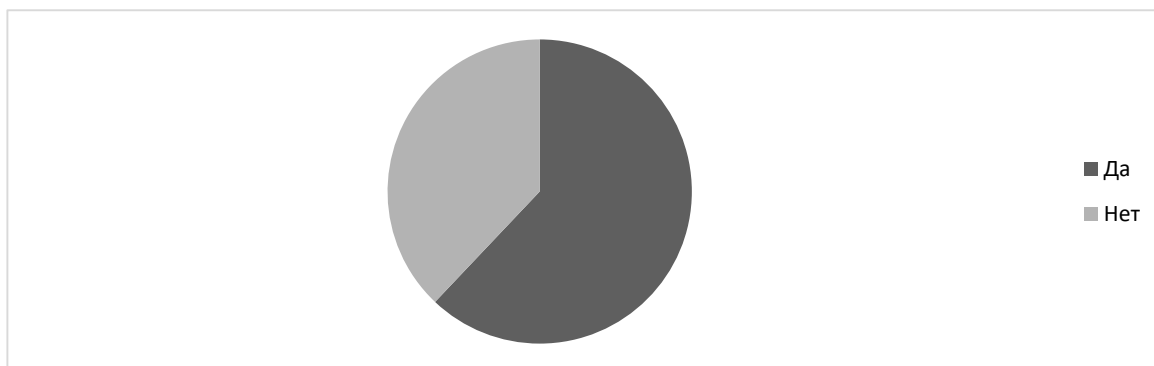

Рисунок 1 - Результаты опроса на предмет имевших место случаев посягательств на неприкосновенность собственного изображения

Результаты указанного опроса позволяют констатировать актуальность обеспечения надлежащей охраны права гражданина на неприкосновенность собственного изображения, в том числе в контексте отдельно взятых аспектов настоящего исследования.

Основная часть

Право гражданина на неприкосновенность собственного изображения получило свое законодательное регулирование в Российской Федерации с 1 января 2008 г., когда вступили в силу поправки в Гражданский кодекс, в рамках которых в кодифицированный нормативный

правовой акт была включена статья 152.1 «Охрана изображения гражданина». Данное обстоятельство не исключало возможности защиты данного личного неимущественного права и правовым инструментарием, который предоставлялся законодателем до вступления в силу вышеуказанных поправок. Так, после распада СССР на территории Российской Федерации в рамках регулирования исследуемых правоотношений действовала ст. 514 ГК РСФСР «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства». Указанная правовая норма была размещена в IV разделе ГК РСФСР «Авторское право», что позволяет констатировать, что до 2008 г. институт неприкосновенности изображения гражданина не имел самостоятельной правовой природы и предусматривался в связи и в рамках интересов автора произведения. На этот предмет О.С. Диановой было справедливо высказано разделяемое автором настоящего исследование мнение, что «...является не совсем оправданным помещением указанной статьи в IV разделе ГК РСФСР «Авторское право». Указанное право не входит в институт авторского права, хотя и предусмотрено в связи с ним» [Дианова, 2004, 33]. В условиях постиндустриального общества, в рамках которого представления о правовой природе личных неимущественных прав и права на неприкосновенность собственного изображения в частности претерпели эволюционные значительные изменения, восприятие указанных прав лишь с позиции регулирования нормами об авторском праве являлось объективной констатацией обстоятельства отставания теоретико-доктринальных и нормативно-правовых позиций от действительного существа указанных правоотношений. Эволюционная трансформация и выделение права на неприкосновенность собственного изображения из института авторского права удачно отмечена А.А. Богустовым, подчеркнувшим, что «право лица на изображение, первоначально получившее законодательное закрепление в качестве одного из элементов авторско-правового регулирования, в процессе эволюции трансформировалось в личное неимущественное право, имеющее самостоятельное значение» [Богустов, 2022, 135].

В гражданском законодательстве Республики Беларусь право гражданина на собственное изображение непоименовано в качестве личного неимущественного права, как и объект указанного права – изображение гражданина. Не обеспечивается и гражданско-правовая охрана данного личного неимущественного права. Указанное положение дел констатировано Конституционным Судом Республики Беларусь в качестве правового пробела¹. При этом, факт отсутствия соответствующих гражданско-правовых норм не исключает возможности защиты нарушенного права посредством применения аналогий и основ гражданского законодательства. Однако правоприменительная практика в данной области еще только находит свое становление и развитие. Автором настоящего исследования был посещен Витебский областной суд с целью установления интересующих прецедентов на предмет судебных решений по результатам рассмотрения дел о неправомерном использовании изображений граждан в Республике Беларусь, в ходе чего было установлено, что судебная практика на момент складывающейся действительности не знала интересующих автора настоящего исследования прецедентов. Данное суждение находит свое подтверждение и в рамках анализа Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь. Указанное обстоятельство, представляется, безусловно связаны с нормативной неурегулированностью исследуемых правоотношений. Белорусским законодателем предприняты прямые меры, направленные на регулирование

¹ О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 30 окт. 2018 г., № Р-1145/2018

правоотношений, возникающих в ходе осуществления и защиты права гражданина на собственное изображение, что нашло свое отражение в принятии в первом чтении 22.12.2021 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь Проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов», которым предполагается включить в Гражданский кодекс Республики Беларусь статью 153¹ «Охрана изображения гражданина»², которая видится автору имеющей содержательно возможности для совершенствования, что, однако, не соответствует исследуемой проблематике в рамках настоящей темы. С публично-правовых позиций защита права гражданина на неприкосновенность собственного изображения осуществляется в рамках констатации изображения гражданина в качестве биометрических персональных данных, за неправомерное использование которых административным законодательством установлена ответственность. К примеру, судом Центрального района г. Гомеля Я. Была признана виновной в неправомерном распространении фото и видеоизображений Ж. в социальном мессенджере В. Действия Я. Были квалифицированы по ч. 3 ст. 23.7 КоАП Республики Беларусь с назначением штрафа в размере 37 рублей³.

Таким образом, правовая действительность в Российской Федерации и Республике Беларусь на предмет охраны и защиты изображения гражданина как нематериального блага, выступающего объектом соответствующего личного неимущественного права, складывается по-разному. Если в Российской Федерации уже на протяжении пятнадцати лет действует гражданско-правовая норма, которая эффективно обеспечивает охрану, защиту и возможность осуществления указанного права, то в Республике Беларусь исследуемые правоотношения находятся лишь на стадии становления, развития и законодательного урегулирования.

В контексте охраны исключительных прав автора произведения законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь имеют схожий правовой инструментарий обеспечения охраны и защиты, а воззрения законодателей на регулирование правоотношений указанной категории развиваются в одном направлении, что констатировать позволяет соотношение соответствующих правовых норм.

Для установления произведений, в рамках которых по смыслу правовых норм может опосредовано изображение гражданина, представляется необходимым проанализировать соответствующие нормы гражданского законодательства. Так, в соответствии со ст. 1259 ГК РФ объектами авторских прав являются произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства. Отдельным пунктом указанной нормы объектами авторских прав называются фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии⁴. В ст. 993 ГК Республики Беларусь поименованы в качестве объектов авторских прав такие же произведения⁵. Для констатации лица, создавшего то или иное произведение в качестве автора произведения, необходимо чтобы указанное лицо относилось к категории физических лиц, труд которого при создании произведения носил характер творческого. Указанные требования содержатся в ст. 1257 ГК РФ и абз. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и

² Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов»

³ Мотивировочная часть постановления судьи суда Центрального района г. Гомеля от 9 августа 2023 г. по делу об административном правонарушении от 7 августа 2023 г. №49АП23862

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023)

⁵ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (изм. и доп. Закон Респ. Беларусь от 3 января 2023 г. № 240-3)

смежных правах»⁶. Творческий критерий при создании произведения изобразительного искусства в доктринальной среде является дискуссионным. Так, И.В. Цисик полагает, что признавать деятельность автора в качестве творческой необходимо в том случае, когда он «... использует наряду с техническими изобразительно-выразительные средства, выбирая оригинальную по своей форме композицию снимка, определенную точку съемки, ракурс, освещение, а также применяя различные способы изготовления фотографии» [Цисик, 2014, 57]. И.А. Юрловым высказана позиция, согласно которой «... творчество само по себе предполагает создание чего-то нового, ранее неизвестного... поэтому «присваивать» критерий творчества ... «первому встречному» объекту неправильно и противоречит здравому смыслу» [Юрлов, 2017, 57]. Автор настоящего исследования придерживается позиции, согласно которой творческий характер деятельности человека является оценочной категорией, возвести которую в абсолютно однозначные рамки представляется сложным. При этом, в рамках такого произведения в той или иной мере может найти свое отражение индивидуально-определенные интимно-духовные черты личности автора. При этом, представляется, что произведение, созданное посредством простого нажатия на клавишу или же дисплей технического устройства, в содержании которого не прослеживается воплощения авторской идеи, относить к категории созданного посредством творческой деятельности видится сомнительным.

Создание названных произведений может быть сопряжено с использованием в его рамках изображения гражданина, что обуславливает возникновение правомерного интереса как изображенного лица, так и автора произведения. При этом, в силу названных в рамках настоящего исследования причин, среди отраженных произведений, представляется, что фотографии находят свое наибольшее распространение в действительности, так как их создание не требует исключительных творческих усилий, что, безусловно, является субъективным мнением автора, а также значительных финансовых затрат. В данной связи С.С. Лосевым справедливо сформировано предложение контексте устранения и нивелирования потенциальной коллизии интересов указанных лиц, заключающееся в том, что исследователь считает нужным «...предложить фотографам, которые используют в своих работах образы лиц, а также субъектам хозяйствования, которые предполагают коммерческое использование таких фотографий, письменно оформлять договоренность с позирующим лицом и определять при этом цели, в которых будет использоваться фотография» [Лосев, 2023]. Данная позиция прямо находит свое подтверждение в проведенном автором настоящего исследования опросе 145 респондентов, по результатам которого было установлено, что в рамках гипотетической ситуации, при которой граждане позируют за плату, они лишь в 47,6% случаев предполагают свое согласие на опубликование и использование фотографом фотоизображений, полученных по результатам позирования. 52,4% опрошенных полагают, что несмотря на произведенную оплату, автор фотопроизведения должен получить отдельное согласие на опубликование и использование изображения.

Судебная практика при соблюдении критерия творческого характера произведения констатирует обстоятельство удовлетворения исковых требований. Так, учрежденное на территории Российской Федерации общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) обратилось с исковым заявлением к государственному учреждению Республики Беларусь на предмет правомерного использования фотографического произведения, созданного

⁶ Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З: (изм. и доп. Закон Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-З)

работником ООО. Верховным Судом иски были удовлетворены. Судом не были признаны в качестве имеющих значение для разрешения дела пояснения ответчика, отметившего, что им было допущено нарушение исключительных прав автора произведения в силу нахождения указанного изображения в свободном доступе в сети Интернет и отсутствии указания на произведении сведений о принадлежности его истцу⁷.

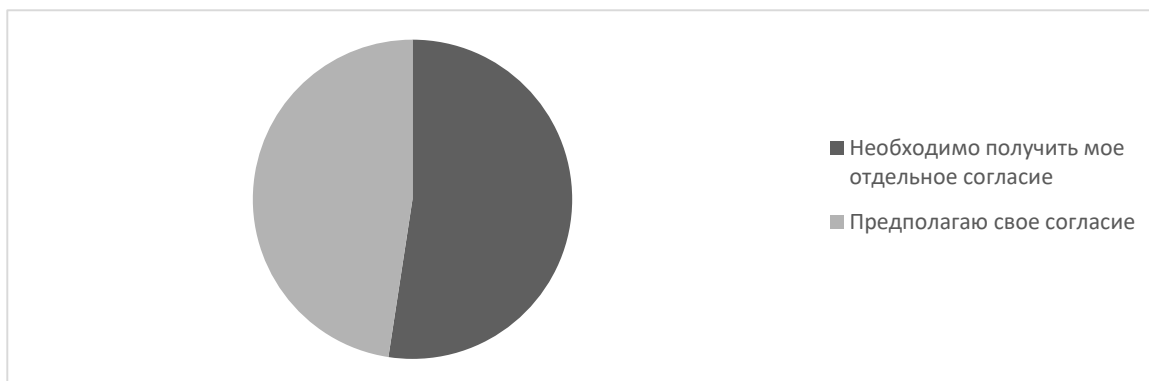

Рисунок 2 - Результаты опроса респондентов на предмет возможности опубликования и использования их изображения фотографом

В рамках соотношения правомочий изображенного лица в произведении и его автора представляется верным согласиться с Э.А. Кузбагаровым, отметившим, что «изображение гражданина и фотографию, как объект интеллектуальной собственности, следует разделять друг от друга, несмотря на то, что они являются частью целого» [Кузбагаров, 2020, 39]. Автором акцентировано внимание на фотографии, однако, представляется данное положение применимо и к иным объектам авторских прав.

В рамках конкуренции норм об охране изображения гражданина и норм, обеспечивающих охрану прав автора произведения Е.Ю. Маликов отмечает, что «...изображенное лицо вправе своим запретом на обнародование и использование произведения искусства практически полностью исключить использование автором своих исключительных прав. Такая ситуация недопустима... установленные в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ запрет противоречит не только нормам действующего законодательства, но и основным правам, заложенным в Конституции РФ» [Маликов, 2015, 40].

Подобная позиция представляется дискуссионной. Видится, что право гражданина на собственное изображение имеет превалирующее значение над интеллектуальными правами автора произведения в силу правовой природы рассматриваемых правовых категорий. Автор настоящего исследования придерживается позиции, согласно которой права гражданина на неприкосновенность собственного изображения носит абсолютный характер, и его охрана и защита имеет первоочередное значение в рамках гипотетически возможных ситуаций конкуренции интересов изображенного лица и автора произведения. При этом, для надлежащего обеспечения и соблюдения прав и законных интересов всех участников правоотношений, представляется необходимым соблюдение баланса интересов, который, к примеру, может обеспечиваться путем правомочия автора произведения требовать возмещения

⁷ Постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 5 июля 2023 г. по гражданскому делу № ИГИП2357

убытков фактом отзыва согласия гражданина на использование его изображения. Баланс интересов обеспечивается и путем признания права авторства за автором произведения, в силу чего гражданин, изображенный в рамках произведения, обязан при опубликовании и использовании изображения учитывать интеллектуальные права автора такого произведения. Автор настоящего исследования не усматривает нарушений каких-либо конституционных прав граждан и противоречий действующему законодательству в контексте необходимости получения согласия на опубликование и использование изображения.

Заключение

Таким образом, настоящее исследование позволяет заключить вывод о том, что правовые нормы, регулирующие порядок осуществления и охраны изображения гражданина как нематериального блага и как произведения по смыслу авторского права, являются самостоятельными правовыми институтами, с присущим каждому из них самостоятельному режиму правовой охраны, в рамках которых возможно возникновение коллизии соответствующих правомочий, разрешаемый путем установления соответствующих правовых предписаний, направленных на обеспечение баланса прав и законных интересов участников правоотношений. Представляется, что права гражданина на собственное изображение имеет преимущественный характер в рамках потенциального конфликта интересов, что вытекает из существа указанного права, неразрывно связанного с личностью.

Немаловажным представляется заключить, что правовое положение дел в Российской Федерации и Республике Беларусь на предмет охраны изображения гражданина по смыслу положений о нематериальных благах находится на различных этапах развития. Если в Российской Федерации существующие правовые нормы в достаточной степени позволяют эффективно обеспечивать осуществление, охрану и защиту соответствующих прав, в том числе в рамках их соотношения с исключительными правами автора произведения, то в Республике Беларусь на текущем этапе исторического развития происходит лишь становление названного института. В рамках исключительных прав автора произведения подходы российского и белорусского законодателя в контексте обеспечения прав и законных интересов граждан видится схожим, что, безусловно, продиктовано наследием советской правовой традиции и принадлежности государств к одной правовой системе.

Библиография

1. Богустов А.А. Эволюция соотношения права на изображение и авторского права в российском и советском законодательстве и правовой доктрине // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1(37). С. 132-136.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (изм. и доп. Закон Респ. Беларусь от 3 января 2023 г. № 240-3).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступил в силу с 29.06.2023).
4. Дианова О.С. Право на собственное изображение: понятие и защита // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 33-36.
5. Кузбагаров Э.А. Правомерность использования изображения гражданина органами внутренних дел Российской Федерации и способы защиты // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 35-39.
6. Лосев С.С. Авторское право на фотографии. Минск, 2023. 237 с.
7. Маликов Е.Ю. Авторские права и права изображенного лица: противоречия правового регулирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 3. С. 39-44.
8. Мотивировочная часть постановления судьи суда Центрального района г. Гомеля от 9 августа 2023 г. по делу об административном правонарушении от 7 августа 2023 г. №49АП23862.

9. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина: решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 30 окт. 2018 г., № Р-1145/2018.
10. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З: (изм. и доп. Закон Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-З).
11. Постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 5 июля 2023 г. по гражданскому делу № ИГИП2357.
12. Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов».
13. Цисик И.В. Фотографические произведения как объекты авторского права // Наука и инновации. 2014. № 1. С. 57-59.
14. Юрлов И.А. Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 51-58.

The legal nature and correlation of the citizen's right to inviolability of his own image and the intellectual rights of the author of the work on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus: *lus conditum*

Andrei V. Ivanov

Adjunct,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
117497, 12, Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ivanou1997@gmail.com

Abstract

The subject of the study was the problematic issues of legal regulation of the relationship between the citizen's right to inviolability of his own image and the rights of the author of a work of fine art on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The peculiarities of the legal regulation of the exercise and protection of the citizen's right to the inviolability of his own image as an intangible good and the copyright of the author of a work of fine art with the image of a citizen embodied in this work are revealed, as well as the different legal nature and legal regime of protection of these powers are stated. The scope of the results. The novelty of the study is dictated by the identified problematic circumstances of a theoretical, doctrinal and regulatory nature, which consist in the absence of a uniform interpretation and approaches to the correlation of a citizen's right to his own image within the framework of the latter's statement in the course of legal relations as an intangible good, acting as the object of the corresponding personal non-property right, and the copyright of the author of the work, within which the image of a citizen is mediated.

For citation

Ivanov A.V. (2023) *Pravovaya priroda i sootnoshenie prava grazhdanina na neprikosnovennost' sobstvennogo izobrazheniya i intellektual'nykh prav avtora proizvedeniya na primere Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus': lus conditum* [The legal nature and correlation of the citizen's right to inviolability of his own image and the intellectual rights of the author of the work on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus: *lus conditum*]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 337-345. DOI: 10.34670/AR.2023.23.12.043

Keywords

Personal non-property right, copyright, image of a citizen, the right of a citizen to the inviolability of his own image, intellectual rights of the author of the work.

References

1. Bogustov A.A. (2022) Evolyutsiya sootnosheniya prava na izobrazhenie i avtorskogo prava v rossiiskom i sovetskom zakonodatel'stve i pravovoi doktrine [Evolution of the relationship between image rights and copyright in Russian and Soviet legislation and legal doctrine]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik* [Altai Legal Bulletin], 1 (37), pp. 132-136.
2. Dianova O.S. (2004) Pravo na sobstvennoe izobrazhenie: ponyatie i zashchita [The right to one's own image: concept and protection]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 4, pp. 33-36.
3. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Belarus' ot 7 dekabrya 1998 g. № 218-3 (izm. i dop. Zakon Resp. Belarus' ot 3 yanvarya 2023 g. № 240-3)* [Civil Code of the Republic of Belarus dated December 7, 1998 No. 218-3 (amendment and additional Law of the Republic of Belarus dated January 3, 2023 No. 240-3)].
4. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 13.06.2023) (s izm. i dop., vstupil v silu s 29.06.2023)* [Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on June 13, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on June 29, 2023)].
5. Kuzbagarov E.A. (2020) Pravomernost' ispol'zovaniya izobrazheniya grazhdanina organami vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i sposoby zashchity [The legality of using the image of a citizen by the internal affairs bodies of the Russian Federation and methods of protection]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 35-39.
6. Losev S.S. (2023) *Avtorskoe pravo na fotografii* [Photo copyright]. Minsk.
7. Malikov E.Yu. (2015) Avtorskie prava i prava izobrazhennogo litsa: protivorechiya pravovogo regulirovaniya [Copyright and rights of the person depicted: contradictions of legal regulation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence], 3, pp. 39-44.
8. *Motivirovochnaya chast' postanovleniya sud'i suda Tsentral'nogo raiona g. Gomelya ot 9 avgusta 2023 g. po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 7 avgusta 2023 g. №49AP23862* [Reasoning part of the decision of the judge of the Central District Court of Gomel dated August 9, 2023 in the case of an administrative offense dated August 7, 2023 No. 49AP23862].
9. *O pravovom regulirovanii v grazhdanskom zakonodatel'stve ispol'zovaniya i okhrany izobrazheniya grazhdanina: reshenie Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus', 30 okt. 2018 g., № R-1145/2018* [On the legal regulation in civil legislation of the use and protection of a citizen's image: decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, October 30, 2018, No. R-1145/2018].
10. *Ob avtorskom prave i smezhnykh pravakh: Zakon Respubliki Belarus' ot 17 maya 2011 g. № 262-Z: (izm. i dop. Zakon Resp. Belarus' ot 9 yanvarya 2023 g. № 243-3)* [On copyright and related rights: Law of the Republic of Belarus dated May 17, 2011 No. 262-Z: (amended and supplemented by Law of the Republic of Belarus dated January 9, 2023 No. 243-3)].
11. *Postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus' ot 5 iyulya 2023 g. po grazhdanskomu delu № 11GIP2357* [Resolution of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated July 5, 2023 in civil case No. 11GIP2357].
12. *Proekt Zakona Respubliki Belarus' «Ob izmenenii kodeksov»* [Draft Law of the Republic of Belarus "On Amendments to Codes"].
13. Tsisik I.V. (2014) Fotograficheskie proizvedeniya kak ob"ekty avtorskogo prava [Photographic works as objects of copyright]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 1, pp. 57-59.
14. Yurlov I.A. (2017) Izobrazhenie fizicheskogo litsa: nematerial'noe blago ili proizvedenie? [Image of a natural person: intangible benefit or work?]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual property. Copyright and related rights], 8, pp. 51-58.

УДК 347.736.7

DOI: 10.34670/AR.2023.70.44.044

Субсидиарная ответственность в России

Барков Константин Борисович

Аспирант,
Российский университет кооперации,
141014, Российская Федерация, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30;
e-mail: barkov@resurspravo.ru

Аннотация

В статье анализируется субсидиарная ответственность с точки зрения наличия множественности лиц (должников). Изложены основные аргументы ученых, которые являются сторонниками и противниками множественности лиц в случае субсидиарной ответственности. Субсидиарный и основной должник не образуют множественности лиц, поскольку являются участниками различных обязательств, одно из которых является акцессорным. В модели «основной-субсидиарный должник» каждый из должников имеет свой собственный предмет обязательства, то есть не выполняется основное назначение норм о множественности лиц и существует необходимость разделения предмета обязательства между несколькими лицами. Субсидиарный должник может нести отдельную ответственность за нарушение своего обязательства, которая является дополнительной к ответственности основного должника. Субсидиарным является исключительно должник, тогда как в других обязательствах с множественностью лиц несколько лиц могут быть как на стороне кредитора, так и на стороне должника. Во всех случаях субсидиарной ответственности обращение к субсидиарному должнику не означает прекращения обязанности основного должника. Кредитор имеет право обращаться с требованием к субсидиарному должнику даже в том случае, если основной должник просто игнорирует требование кредитора. Кредитор, имея права в обоих правоотношениях, реализует их по своему выбору после нарушения основного обязательства и предъявления требований основному должнику. В статье проведен критический анализ аргументов для обоснования той или иной позиции относительно правовой природы субсидиарных обязательств, и формулировании взвешенного и однозначного заключения по указанной проблеме.

Для цитирования в научных исследованиях

Барков К.Б. Субсидиарная ответственность в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 346-357. DOI: 10.34670/AR.2023.70.44.044

Ключевые слова

Субсидиарные обязательства, субсидиарная ответственность, должник, кредитор, гражданское право, отношения, участник гражданских правоотношений, субсидиарность, ответственность.

Введение

Актуальность статьи заключается в том, что проблему субсидиарности в гражданском праве в основном традиционно исследуют в рамках сложившегося подхода к пониманию как субсидиарного применения норм гражданского и других отраслей права.

Общеизвестно, что именно гражданское право направлено на регулирование и упорядочение общественных отношений, с которыми каждый человек сталкивается ежедневно. На проблемы юридической и, в частности, субсидиарной ответственности обращено много внимания, поскольку именно она является одним из средств обеспечения законности и правопорядка в обществе. И для упорядочения такого массива общественных отношений, обеспечения наиболее эффективного осуществления надлежащих субъектам прав и поддержания баланса интересов всех участников гражданского оборота необходим широкий арсенал правовых средств. Последние в зависимости от функциональной направленности и значимости для участников гражданских правоотношений могут обладать основным характером или же нести дополнительное назначение в отношении первых, дополняя их, предоставляя определенные гарантии, стимулирующие участников к установлению соответствующих правоотношений.

Анализ последних исследований

Большинство ученых как советского периода, так и современных, в трудах которых непосредственно или косвенно речь шла о субъектном составе субсидиарных обязательств (А. С. Бакин, М. И. Брагинский, В. В. Ветрянский, Г. Г. Гриценко, Г. Н. Иванова, А. Г. Калпин, Ю. Я. Крюкова, М. В. Кротов, А. И. Масляев, Х. Т. Насиров, В. Ф. Попондопуло, С. В. Сарбаш, В. М. Слома, Д. В. Трут, К. А. Храпунова, Е. А. Харитонов, А. И. Чернилевская, А. С. Шевченко и др.), пытались определить их правовую природу, однако в основном это имело вид констатации фактов без аргументации и обоснования. Однако и в незначительном количестве работ, авторы которых подтверждают свое видение доводами, до сих пор нет однозначности в решении вопроса о правовой природе субсидиарных обязательств. Эти ученые акцентируют внимание на наличии в субсидиарных обязательствах таких специфических особенностей, которые нивелированы в работах сторонников отнесения субсидиарных обязательств к обязательствам с множественностью лиц.

Целесообразность проблематики субсидиарной ответственности в гражданском праве, является наименее разработанной из существующих аспектов субсидиарности. Однако, не умаляя значения существующих научных достижений, констатируем, что они являются фрагментарными, местами противоречивыми, и не исчерпывают всей существующей на сегодня проблематики изучаемого явления.

Научная новизна фокусируется на определении основных проблемных моментов правового регулирования субсидиарной ответственности в гражданском праве и на основе этого определены направления дальнейших научных исследований.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в ходе исследования выводы развивают и дополняют понятийный аппарат, сопутствующий аспектам субсидиарности, освещают и углубляют важные аспекты механизма правового регулирования субсидиарной ответственности в России.

Материалы и методы

В процессе выполнения работы использовались общенаучные методы и специальные юридические методы, в частности, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также методы системного анализа и синтеза.

Материалы работы могут служить основой для последующих исследований в этой области.

Результаты

В юридической литературе ответственность интерпретируется как реакция на правонарушение и как выполнение обязанностей, основанных на государственном или общественном принуждении. То есть эта обязанность проявляется в том, что правонарушитель испытывает негативные последствия личного или имущественного порядка.

Чтобы понять сущность такого сложного, многогранного правового явления, как субсидиарная ответственность, прибегнем к этимологии термина «субсидиарность». Характеристика понятия «субсидиарный» указывает на определенный дополнительный, резервный характер явления, в нашем случае – обязательства.

Несмотря на такие древнеримские истоки, дореволюционному гражданскому законодательству и цивилистической науке категория субсидиарности не свойственна.

Так же узко рассматривалась субсидиарность советскими теоретиками права, как способ восполнения пробелов или проявление генетической связи смежных отраслей права.

Отметим, что определенный интерес к другому аспекту субсидиарности в гражданском праве «субсидиарной ответственности» прослеживается в 20-х годах XX в. в СРСР, что связано с дискуссией ученых о субсидиарной ответственности треста по долгам предприятий, входящих в него [Рыков, 2022, 33].

В целом единства взглядов по рассматриваемой проблеме не наблюдалось на протяжении всего советского периода, да и комплексных исследований категории субсидиарной ответственности не проводилось. Только в последние годы наблюдается повышение активности исследования субсидиарной ответственности. Следует отметить, что основное внимание в работах, посвященных данной проблеме, было уделено объяснению природы субсидиарной ответственности, при этом избегая исследования субсидиарного обязательства как такового, или же имело место конструирование его через категорию субсидиарной ответственности.

Исследованиям отдельных вопросов субсидиарной ответственности посвящены труды С. В. Сарбаша, Д. В. Трута, и И. С. Канзафаровой и многих других отечественных и зарубежных ученых. Однако есть потребность комплексного анализа норм о субсидиарной ответственности с точки зрения множественности лиц в обязательстве, а именно сквозь призму основной цели норм о множественности лиц – поделить предмет обязательства между несколькими кредиторами (должниками). Можно ли утверждать, что она свойственна и субсидиарным обязательствам неизвестно. Для ответа необходимо проанализировать аргументацию, которая приводится как в пользу, так и против видения субсидиарных обязательств как обязательств с множественностью лиц.

Кредитор всегда заинтересован в дополнительных гарантиях исполнения обязательства. Одной из таких гарантий является наличие нескольких должников, к которым можно обратиться требования. В научной и учебной литературе наличие нескольких должников в гражданско-

правовом обязательстве связывают с явлением множественности лиц в обязательстве. Классическим примером обязательств с множественностью лиц являются солидарные и частичные обязательства [Сарбаш, 2004, 12]. Часто к таким обязательствам относят и субсидиарную ответственность. Однако такой подход вызывает споры, которые имеют не только теоретический, но и практический характер, поскольку ответ на него влияет на объем требований, которые могут быть предъявлены к субсидиарному должнику и условия обращения требований к субсидиарным должникам.

Исторически первыми свои аргументы привели противники множественности. Их критика сводится к таким тезисам. Как в договорных, так и в недоговорных обязательствах основной должник и лицо, на которое возлагается субсидиарная ответственность, являются участниками отдельных правоотношений.

Соответственно, это лицо является третьим для обязательства, за невыполнение которого оно отвечает за то, что «субсидиарные обязательства выступают как средство обеспечения исполнения основных обязательств» [Гриценко, 2016, 78]. Следовательно, они являются акцессорными. Кроме этого, еще несколько аргументов против множественности лиц, а именно:

- несовпадение предмета этих обязательств (субсидиарный должник только платит деньги);
- разный объем обязанностей основного и субсидиарного должника (субсидиарный должник платит то, что осталось);
- неоднородный характер обязательств основного и субсидиарного должника и их одновременное возникновение;
- различные интересы этих должников (основной должник имеет интерес в эквиваленте, который предоставит ему кредитор, а субсидиарный должник такого эквивалента требовать не может, поэтому интерес у него в другом);
- различные основания для обращения кредитора с требованием к должнику (для субсидиарного должника это не только долг, но и его неисполнение основным должником) [там же, 79].

По нашему мнению, последние три аргумента вряд ли свидетельствуют против множественности лиц в обязательстве. Те же характеристики можно дать и солидарной ответственности, хотя никто не подвергает сомнению множественность лиц в этих отношениях. А вот первые три аргумента заслуживают тщательного внимания и тесно переплетаются с доводами сторонников множественности лиц. Ученые, которые видят множественность лиц в субсидиарных обязательствах, как правило, не объясняют свою позицию.

Когда приводится аргументация, она, как правило, ограничивается тем, что ответственность субсидиарного должника нельзя вывести за рамки обязательства, связывающего основного должника и кредитора. На этом фоне выделяется работа С.В. Сарбаша, который утверждает, что не следует ограничиваться только субсидиарной ответственностью, потому что возможен и субсидиарный долг [Сарбаш, 2004, 23].

В качестве конструкции субсидиарного обязательства традиционно рассматривают правоотношения, в которых, с одной стороны, есть кредитор, а с другой – основной и субсидиарный должник.

Прежде всего ученые указывают на тот факт, что основной и субсидиарный должники являются участниками различных правоотношений как в договорных, так и в недоговорных обязательствах.

Ю.Ю Кочеулов высказывает такое же мнение, отмечая, что фактически это две формы

различных, самостоятельных, однако взаимосвязанных и взаимозависимых обязательственных правоотношений [Кочулов, 2020, 22].

Критически оценим основные аргументы сторонников толкования субсидиарных обязательств как обязательств с множественностью лиц на примере аргументации позиции Д.В. Трутом, которую он строит на основе опровержения доводов других ученых [Трут, 2012, 187]. Д.В. Трут акцентирует внимание на соотношении момента возникновения обязательства и момента возникновения множественности лиц в обязательстве и отмечает, что субсидиарная множественность возникает после юридического факта, как отказ в удовлетворении требования кредитора основным должником, а не заключение договора.

Однако в результате более глубокого анализа труда Л.А. Кулис становится очевидным, что автор ведет речь только о конкретном случае такого перехода: «в силу самого закона, в случае смерти вверителя или должника, когда после них осталось несколько наследников» [Кулис, 2023, 208]. Диссонанс проявляется также и в том, что сам ученый, труд которого цитируется Д.В. Трутом, доказывая трактовку субсидиарного обязательства как множественного, среди обязательств с множественностью лиц называет только паевые (частичные) и солидарные [Трут, 2012, 187].

Очевидно, что если толковать субсидиарные обязательства как разновидность обязательств с множественностью лиц, наряду с частичными и солидарными обязательствами, то оказываются нарушенными правила логических операций разделения, поскольку члены разделения должны исчерпывать понятие, подлежащее разделению, и при этом исключать друг друга. Исходя из этого утверждать, что субсидиарные обязательства наряду с солидарными и частичными являются видовыми понятиями одного рода (обязательств с множественностью лиц), считаем недопустимым.

Также Д.В. Трут подчеркивает, что из закона не следует, что субсидиарный должник или субсидиарный поручитель не может быть стороной в основном соглашении [Гриценко, 2016, 188]. Хотя теоретически сконструировать такую ситуацию не представляется проблематичным, однако это не меняет сути решения вопроса, поскольку основное обязательство будет возникать между кредитором и двумя должниками.

Собственно, только последнее из них, считаем, следует квалифицировать как субсидиарное. С практической стороны конструировать обязательства, в которых дополнительный должник является одновременно и стороной в основном обязательстве, нет практической целесообразности, так как аналогичную степень гарантирования удовлетворения имущественных интересов кредитора предоставляют солидарные обязательства, причем наделяя кредитора не только правом денежного требования, но и исполнения обязательства в натуре.

Зато субсидиарные обязательства имеют весомое значение, которое связано с тем, что среди участников гражданского оборота имеют место и такие, которые по тем или иным причинам могут оказаться неспособными к надлежащему выполнению возложенных на них имущественных обязанностей. Очевидным является то, что в таких случаях участники гражданских правоотношений (прежде всего, кредитор) стремятся обеспечить достаточную защиту имущественных интересов, в частности и путем получения потенциальной возможности исполнения дополнительным должником невыполненной части юридической обязанности основного должника.

По мнению же Д.В. Трута, основной должник никуда не «выпадает» до полного исполнения

обязательства и остается обязанным наравне с субсидиарным должником» [Трут, 2012, 190]. Даже принимая во внимание видение автором множественности лиц в субсидиарном обязательстве с аргументом об оставлении в субсидиарном обязательстве основного должника и после привлечения субсидиарного, исходя из анализа действующего законодательства, согласиться не представляется возможным из-за того, что правовым следствием неисполнения основным должником обязательства может быть только обращение к дополнительному должнику, на основного же должника никаких дополнительных обременений не возлагается.

Опуская за пределы нашего исследования извечную проблему отечественного законодательства относительно соотношения категорий «предмет обязательства» и «объект обязательства», отметим, что крайне странно, на наш взгляд, выглядит отождествление Д.В. Трутом предмета обязательства в основном и дополнительном обязательстве. Поддержим Н.В. Филипенко в критике цитируемого утверждения, которую автор мотивирует тем, что к субсидиарному (дополнительному) должнику невозможно предъявить требование по выполнению обязательства в натуре [Филипенко, 2023, 3]. На наш взгляд, очевидным является то, что предмет в первичном и субсидиарном обязательствах может быть разным: если от первичного должника кредитор может требовать исполнения обязательства в натуре (согласно п. 1, ст. 308.3 и ст. 396 ГК РФ), то от субсидиарного – удовлетворения своего требования, не выполненного основным должником в денежном эквиваленте исходя из положения ГК АРФ.

Между тем в силу свободы договора и диспозитивности гражданского законодательства основное и субсидиарное обязательство теоретически могут иметь одинаковый предмет в случае обусловленности сторонами возможности предоставления того же предмета исполнения, что и основной должник. Однако, если основной должник уже частично выполнил свое обязательство перед кредитором, объем обязательства дополнительного перед кредитором будет определяться невыполненной частью.

Итак, как отмечается в литературе, имеет место разный объем обязанностей основного и субсидиарного должника. Поэтому мы исходим из того, что обязанность субсидиарного должника не совпадает по содержанию с обязанностью основного должника, а следовательно, основное и дополнительное – самостоятельные обязательства. Исходя из этого, Д.В. Трут действительно прав в том, что выпадения стороны в субсидиарном обязательстве нет, но нет из-за того, что отсутствует множественность как таковая.

Как метко отмечает И.С. Канзафарова по избранию кредитором субъекта обращения с требованием о выполнении обязательства, «схема «или-или» действует в тех ситуациях, когда у кредитора есть право требования к различным должникам по отдельным правоотношениям [Канзафарова, 2006, 62].

Подавляющее большинство ученых к обязанности субсидиарного должника относят преимущественно несение ответственности. В качестве подтверждения указывают в том числе на размещение гл. 25, ст. 393 в положениях Гражданского кодекса (Ответственность за нарушение обязательств). Хотя есть авторы, которые считают, что на него возлагается обязанность «выполнить в пользу кредитора часть или все обязательства в случае неисполнения должником своего обязательства.

А уже за нарушение и основной, и субсидиарной обязанности наступает субсидиарная ответственность. Так же и в зарубежном законодательстве: если упоминается субсидиарный должник, то в большинстве стран он лишь несет ответственность. В то же время в законодательстве Республик Казахстан и Таджикистан наряду с субсидиарной

ответственностью существуют и субсидиарные обязательства [Арсентьев, Минаков, 2022, 284]. Недавно высказались, что положения статей о субсидиарной ответственности на самом деле регулируют не только охранные (недоговорные), но и регулятивные (договорные) правоотношения. Первые из них обусловлены виновным поведением самого субсидиарного должника, вторые не связаны с какими-либо нарушениями со стороны субсидиарного должника.

По нашему мнению, этот вопрос следует перевести в практическую плоскость. Здесь есть несколько важных моментов. Во-первых, это сущность обязанности субсидиарного должника: выполнение обязательства в натуре или все-таки уплата денег. Отечественные исследователи считают, что формулировка ч. 1., ст. 399 ГК РФ дает основание для вывода о том, что субсидиарная ответственность означает возможность принуждения субсидиарного должника к исполнению не только обязанностей основного должника, охватываемых категорией ответственности, но и основных обязанностей, составляющих содержание обязательства». С одной стороны, применение санкций за нарушение обязательства не прекращает обязанности исполнить обязанность в натуре (ст. 396 ч. 1 ГК РФ). С другой – субсидиарный должник появляется в интересах кредитора, но уже после того, как обязательство нарушено. Поэтому в интересах кредитора – не терять время, выясняя, сможет ли субсидиарный должник выполнить обязательства в натуре. Справедливо предоставить ему право как можно быстрее получить эквивалент-деньги.

Следовательно, для всех субсидиарных должников стоит установить следующее правило: от них можно требовать исполнения обязательства основного должника в натуре только тогда, когда стороны договорились об этом отдельно. Во-вторых, в зависимости от того, «обязательство» или «ответственность», будет разным объем обязанности субсидиарного должника. Если речь идет об ответственности, то нарушение субсидиарного должника не будет тянуть его самостоятельную ответственность. То есть максимум, что он уплатит, всю сумму обязательств основного должника, не более. Неустойка начисляется только на долг по основному обязательству. Другое дело, когда перед нами обязательства. В этом случае на субсидиарного должника вполне можно возложить отдельную ответственность за его собственное нарушение. То есть его можно обязать уплатить больше, чем весь долг и ответственность основного должника. При этом неустойка будет начисляться на всю сумму обязательств основного должника, ведь для субсидиарного должника все это является долгом.

В литературе этот аспект оговаривается только в исследовании поручительства. Впрочем, поручительство – это специфические отношения, и поручитель – далеко не единственный субсидиарный должник. В судебной практике не удалось найти примеров, когда истцы требуют большую сумму, чем ту, которую должен основной должник. Поскольку обобщения судебной практики по вопросу субсидиарной ответственности отсутствуют.

Также Пленум Верховного Суда РФ принял постановление, специально посвященное субсидиарной ответственности (Постановление Пленума от 21.12.2017 г. № 53). В постановлении указано, что ответственность субсидиарного должника может быть полной (равной ответственности основного должника) или ограниченной (меньшей, чем у основного). При этом отмечается, что она в любом случае не может превышать объем ответственности основного должника.

Так, Н.В Бельская считает, что «субсидиарный должник отвечает перед кредитором на тех же основаниях, что и основной должник, поэтому объем его ответственности не может

превышать объем ответственности основного должника» [Бельская, 2023, 20].

Итак, с одной стороны, большинство ученых говорят, что субсидиарный должник должен платить деньги, то есть говорят об обязательстве, отличном от нарушенного, а именно ответственность. С другой стороны, когда речь идет о размере долга субсидиарного должника, они утверждают, что он не может быть больше долга основного должника, потому что они отвечают на одинаковых основаниях. Тогда вполне закономерно встает вопрос: если два лица обязаны к одному и тому же, не свидетельствует ли это о множественности лиц, хотя бы и в другом обязательстве – ответственности? Пожалуй, это наиболее уязвимое место в аргументации «против» множественности лиц в субсидиарном обязательстве.

К.С. Крупина указывает, что ограничение является прямым следствием акцессорности этого обязательства. Все же думается, что если, по словам автора, «нарушение основного и субсидиарного должника – это два разных нарушения; более того, это нарушение двух разных обязательств» [Крупина, 2022, 69], тогда ничто не должно мешать начислять санкции за нарушение субсидиарного должника. Другое дело, что размер таких санкций должен устанавливаться в законе или договоре. Пока законом это не предусмотрено. Но если стороны договорятся об этом в договоре, такое положение не будет противоречить законодательству. Собственно, количество правоотношений, возникающих при субсидиарной ответственности, это ключ к решению о множественности лиц в субсидиарном обязательстве. Противники множественности всегда ссылаются на наличие нескольких обязательств. Сторонники, прямо этого не выражая, все-таки говорят о едином обязательстве.

В частности, когда субсидиарное обязательство относят к виду частичных или когда говорят, что субсидиарная ответственность имеет место тогда, когда в обязательстве участвуют два должника, один из которых основной, а другой – дополнительный. Довольно неожиданную позицию высказал В.П. Николаевский, который убежден, что субсидиарные обязательства могут состоять как из нескольких правоотношений (поручительство), так и из единого обязательства (ответственность родителей за ущерб, причиненный несовершеннолетним лицом) [Николаевский, 2022, 227].

По нашему мнению, любая субсидиарная ответственность означает наличие двух разных обязательств, отдельных правоотношений. Исходим из того, что обязанность субсидиарного должника не совпадает по содержанию с обязанностью основного должника. Кроме этого, он может отличаться и по объему и не только в меньшую сторону. При соответствующем условии договора можно применять санкции за нарушение обязательства субсидиарным должником. Эти обстоятельства предполагают, что субсидиарный должник, несмотря на название, является стороной другого обязательства.

Находясь в различных обязательствах, основной и субсидиарный должники не могут образовать множественность лиц. У них нет общего предмета, который нужно делить, а это основное назначение (цель) множественности лиц в обязательстве. В подтверждение различных правоотношений можно привести и другие аргументы. В частности, уже упомянута акцессорность обязательства дополнительного должника.

Существование одного правоотношения поставлено в зависимость от условия – нарушения другого обязательства. Вследствие этого должники занимают неоднородное положение. Следует отметить, что и положение солидарных должников может различаться: разные сроки выполнения или наличие условия. Тем не менее, существование их обязанностей поставлено в зависимость не от обязательств других должников, а от каких-то внешних обстоятельств. Их

наступление влияет на ту конкретную обязанность, к которой срок или условие привязаны, а не на обязательства других должников.

В субсидиарном обязательстве, напротив, любые манипуляции с обязанностью основного должника влияют на обязанность дополнительного должника. А вот прекращение, смена последнего никак не повлияют на основное обязательство. Основной должник может договориться с кредитором увеличить, уменьшить долг, вообще прекратить обязательства, и все это без согласия субсидиарного должника. Если бы эти должники были участниками одного обязательства, основной должник не смог бы так свободно обращаться с общим предметом обязательства.

Н.С. Перминов считает, что в случае причинения вреда несовершеннолетним лицом правоотношение возникает «либо между причинителем вреда и потерпевшим, либо (когда у причинителя отсутствуют доходы и имущество, достаточные для возмещения вреда) родителей (усыновителей, попечителя) и потерпевшего лица» [Перминов, 2023, 402]. Если несовершеннолетнее лицо не было стороной обязательства, когда субсидиарная ответственность была возложена на указанных третьих лиц, то на каком основании оно стало должником после появления доходов и имущества? Последнее обстоятельство подтверждает наличие здесь множественности.

То есть первый делает акцент на двух обязательствах, а второй – на том, что обязательство одно, но основной должник не выбывает из него. То, что он сейчас не может его выполнить, еще не значит, что впоследствии к нему нельзя предъявить требование. Так, И.С. Канзафарова считает, что в настоящем виде гл. 25 ГК РФ – «это ничто иное, как обычная (основная) гражданско-правовая ответственность с альтернативностью должников» [Канзафарова, 2006, 140].

По нашему мнению, во всех случаях субсидиарной ответственности основной должник действительно не выбывает из обязательства, но из своего обязательства. Кредитор, имея права в обоих правоотношениях, реализует их по своему выбору после нарушения основного обязательства и предъявления требований основному должнику. Эта схема «или-или» присуща отдельным правоотношениям. В обязательствах с множественностью лиц, наоборот, кредитор может воспользоваться своим правом по схеме «и-и», то есть одновременно задействовать всех должников.

Считаем, что вышеизложенные факты являются достаточными аргументами для подтверждения практической значимости субсидиарной ответственности. Сразу возникает логичный факт, что не используется правовой потенциал конструкции субсидиарной ответственности, заложенной в них законодателем. По нашему мнению, первоначальную причину этому следует искать в недостатках законодательного регулирования данного института, разобщенности, неполноте законодательного материала. А первопричину законодательного несовершенства усматриваем в недостаточной изученности проблемы на доктринальном уровне, отсутствии комплексного тщательного теоретического осмысления конструкции субсидиарной ответственности.

Действительно, более подробный анализ соответствующих правовых норм дает возможность проследить наделение субсидиарной ответственности дополнительной функциональной нагрузкой, заключающейся не только в регулировании порядка исполнения обязательства, как в солидарных и частичных обязательствах, а их значение дополнительно направлено и на большую степень гарантирования прав кредитора в договорных и внедоговорных правоотношениях.

Заключение

На основании вышеизложенного следует, что использование конструкции субсидиарной ответственности в целях реализации гражданско-правовой ответственности является лишь одним из аспектов данного правового явления. Значительно больший потенциал субсидиарной ответственности как правового средства обеспечительного характера. Однако, следует осознать, что несовершенство законодательного регламентирования, отсутствие самой дефиниции института субсидиарной ответственности, которой сегодня нет не только в законодательстве, но и в теории гражданского права, порождает множество неточностей, в частности относительно правовой природы, момента возникновения субсидиарного обязательства, его содержания и т.д. Только однозначное и четкое выяснение правовой природы субсидиарной ответственности, формирование логической, последовательной концепции правового регулирования позволит в полной мере использовать весь потенциал правовых средств.

Учитывая все вышеизложенное, утверждаем, что на сегодня назрела необходимость взгляда под другим углом зрения на проблему субсидиарной ответственности в гражданском праве, решение которой требует комплексности, системности исследования теоретических и практических проблем, что должно стать стимулом и основой для выработки стройной и логичной научной концепции исследования.

Перспективами дальнейших исследований должен быть анализ правового положения субсидиарного должника не только с точки зрения его материально-правового, но и с точки зрения процессуального статуса.

Библиография

1. Арсентьев М.В., Минаков К.В. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица как особый вид субсидиарной ответственности // Молодая наука Сибири. 2022. № 3 (17). С. 284-289.
2. Бельская Н.В. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности участника общества с ограниченной ответственностью // Устойчивость региональных систем в условиях глобальных изменений. Архангельск, 2023. С. 19-24.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изменениями и дополнениями, вступил в силу с 01.10.2023).
4. Гриценко Г.Г. Виды обязательств с множественностью лиц по гражданскому законодательству иностранных стран // Форум права. 2016. № 4. С. 77-83.
5. Канзафарова И.С. Теория гражданско-правовой ответственности. Одесса: Астропринт, 2006. 264 с.
6. Кочеулов Ю.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2020. 141 с.
7. Крупина К.С. Частные вопросы субсидиарной ответственности органов управления общества с ограниченной ответственностью // Научные исследования в высшей школе: новые идеи, проблемы внедрения, поиск решений. Уфа, 2022. С. 68-71.
8. Кулис Л.А. Субсидиарная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2023. № 1 (269). С. 207-210.
9. Николаевский В.П. Привлечение к субсидиарной ответственности должностных лиц при банкротстве: теоретико-правовой аспект // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 227-229.
10. Перминов Н.С. Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления на банкротство // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 402-404.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве».
12. Рыков И. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации: новая практика. М.: Статут, 2022. 233 с.
13. Сарбаш С.В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. М.: Статут, 2004. 112 с.
14. Трут Д.В. Субсидиарные обязательства как разновидность гражданско-правовых обязательств с множественностью лиц // Универ. наук. записки. 2012. № 4. С. 186-192.
15. Филипенко Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью // Арбитражные споры. 2023. № 1 (101). С. 3.

Subsidiary liability in Russia

Konstantin B. Barkov

Postgraduate,
Russian University of Cooperation,
141014, 12/30, Very Voloshinoi str., Mytishchi, Russian Federation;
e-mail: barkov@resurspravo.ru

Abstract

This article discusses the subsidiary liability for the existence of millions of dollars in debt. Scientists agree with the main argument that there is subsidiary responsibility. The author concluded that subsidiary debt and principal debt are unknown to many people because they are involved in various obligations, one of which is subsidiary debt. In the "main subsidiary debtor" model, each debtor has its own obligations, that is, there is no specific implementation of the rules on the collection of debtors, and obligations need to be divided among several people. Subsidiary debts may bear special liability for violations of their obligations, which allows you to bear additional responsibility for the main debt. The subsidiary company is only the debtor, because in other multilateral obligations, there may be several people on both the creditor and the debtor. The author concluded that resorting to subsidiary responsibilities does not mean terminating the duties of the main official. Even if the lender does not consider the lender's requirements, he can ask the affiliated supplier for help. After the creditor violates the main obligation and submits a claim to the main official, it enjoys two rights at the same time, and exercises these rights according to its own choice. Therefore, this article critically analyzes the arguments for approving any position on the legality of subsidiary obligations. These arguments are weighted on this issue and presented by a single target result.

For citation

Barkov K.B. (2023) Subsidiarnaya otvetstvennost' v Rossii [Subsidiary liability in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 346-357. DOI: 10.34670/AR.2023.70.44.044

Keywords

Subsidiary obligations, subsidiary liability, debtor, creditor, civil law, relations, participant in civil relations, subsidiarity, responsibility.

References

1. Arsent'ev M.V., Minakov K.V. (2022) Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchego dolzhnika litsa kak osobyi vid subsidiarnoi otvetstvennosti [Vicarious liability of a controlling debtor as a special type of subsidiary liability]. *Molodaya nauka Sibiri* [Young Science of Siberia], 3 (17), pp. 284-289.
2. Bel'skaya N.V. (2023) Problemy privlecheniya k subsidiarnoi otvetstvennosti uchastnika obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu [Problems of bringing a limited liability company participant to subsidiary liability]. In: *Ustoichivost' regional'nykh sistem v usloviyakh global'nykh izmenenii* [Stability of regional systems in the context of global changes]. Arkhangel'sk.
3. Filipenko N.V. (2023) Vnebankrotnaya subsidiarnaya otvetstvennost' lits, kontrolirovavshikh obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu [Out-of-bankruptcy subsidiary liability of persons who controlled a limited liability

- company]. *Arbitrazhnye spory* [Arbitration disputes], 1 (101), p. 3.
4. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya)*» ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 24.07.2023) (s izmeneniyami i dopolneniyami, vstupil v silu s 01.10.2023) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]” dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, came into force on October 1, 2023)].
 5. Gritsenko G.G. (2016) Vidy obyazatel'stv s mnozhestvennost'yu lits po grazhdanskomu zakonodatel'stvu inostrannykh stran [Types of obligations with a plurality of persons under the civil legislation of foreign countries]. *Forum prava* [Forum of Law], 4, pp. 77-83.
 6. Kanzafarova I.S. (2006) *Teoriya grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti* [The theory of civil liability]. Odessa: Astroprint Publ.
 7. Kocheulov Yu.Yu. (2020) *Subsidiarnaya otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii* [Vicarious liability in the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.
 8. Krupina K.S. (2022) Chastnye voprosy subsidiarnoi otvetstvennosti organov upravleniya obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu [Particular issues of subsidiary liability of management bodies of a limited liability company]. In: *Nauchnye issledovaniya v vysshei shkole: novye idei, problemy vnedreniya, poisk reshenii* [Scientific research in higher education: new ideas, problems of implementation, search for solutions]. Ufa.
 9. Kulis L.A. (2023) Subsidiarnaya otvetstvennost' kak raznovidnost' grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti [Vicarious liability as a type of civil liability]. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya* [Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy], 1 (269), pp. 207-210.
 10. Nikolaevskii V.P. (2022) Privlechenie k subsidiarnoi otvetstvennosti dolzhnostnykh lits pri bankrotstve: teoretiko-pravovoi aspekt [Bringing officials to subsidiary liability in bankruptcy: theoretical and legal aspect]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 4 (399), pp. 227-229.
 11. Perminov N.S. (2023) Subsidiarnaya otvetstvennost' za nepodachu (nesvoevremennuyu podachu) zayavleniya na bankrotstvo [Vicarious liability for failure to file (untimely filing) of a bankruptcy application]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 19 (466), pp. 402-404.
 12. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 № 53 «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s privilecheniem kontroliruyushchikh dolzhnika lits k otvetstvennosti pri bankrotstve»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 “On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy”].
 13. Rykov I. (2022) *Subsidiarnaya otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii: novaya praktika* [Subsidiary liability in the Russian Federation: new practice]. Moscow: Statut Publ.
 14. Sarbash S.V. (2004) *Obyazatel'stva s mnozhestvennost'yu lits i osobennosti ikh ispolneniya* [Obligations with multiple persons and features of their execution]. Moscow: Statut Publ.
 15. Trut D.V. (2012) Subsidiarnye obyazatel'stva kak raznovidnost' grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv s mnozhestvennost'yu lits [Subsidiary obligations as a type of civil obligations with a plurality of persons]. *Univer. nauk. zapiski* [University scientific notes], 4, pp. 186-192.

УДК 347.738

DOI: 10.34670/AR.2023.36.26.046

**Проблема разграничения института банкротства
индивидуальных предпринимателей и института банкротства
физических лиц**

Гуменюк Елена Валентиновна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского, предпринимательского
и транспортного права,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
680021, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Серышева, 47;
e-mail: shen.lav@list.ru

Салахова Эльмира Джалаловна

Магистрант,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: salakhova.elya98@bk.ru

Хабуда Евгения Сергеевна

Старший преподаватель кафедры права,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: khabuda.eva@mail.ru

Аннотация

В настоящее время индивидуальное предпринимательство является одной из наиболее распространенных и эффективных форм организации предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации. Распространенность данной формы реализации предпринимательской деятельности неумолимо обуславливает актуальность изучения отдельных аспектов его деятельности, в частности, оснований ее прекращения. В содержании настоящей статьи рассматриваются особенности института банкротства индивидуальных предпринимателей, пытаюсь отграничить его от крайне схожего по своему правовому регулированию института банкротства физических лиц. Авторы делают акцент на проблеме коллизионности данных институтов, что влечет за собой и проблемы применения их на практике, формулируя собственное видение решения данной проблемы в качестве результирующего вывода настоящего исследования. Авторы полагают необходимым и целесообразным сформулировать в качестве результирующего вывода настоящего исследования следующее. На сегодняшний день усматривается явная проблема коллизионности норм, регламентирующих институты банкротства индивидуальных предпринимателей и банкротства физических лиц. Для ее разрешения

необходимо либо установить более четкие критерии (особенности) процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей на законодательном уровне, либо же вовсе объединить две эти процедуры в один институт, так как принципиальных различий между ними на практике не выявляется (за исключением, правовых последствий).

Для цитирования в научных исследованиях

Гуменюк Е.В., Салахова Э.Д., Хабуда Е.С. Проблема разграничения института банкротства индивидуальных предпринимателей и института банкротства физических лиц // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 358-364. DOI: 10.34670/AR.2023.36.26.046

Ключевые слова

Банкротство, индивидуальный предприниматель, физическое лицо, коллизия, правовое регулирование, федеральный закон, правоприменение, пути решения.

Введение

В настоящее время индивидуальное предпринимательство является одной из наиболее распространенных и эффективных форм организации предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации (далее по тексту – Россия, РФ): так, согласно сводным статистическим данным, представленным на официальном сайте Федеральной налоговой службы РФ, по состоянию на 01 марта 2019 года в России зарегистрировано 89 234307 индивидуальных предпринимателей, при этом только за период с 01 января 2019 года по 01 февраля 2019 года их прирост составил 430 517, что свидетельствует о тенденции постоянного увеличения их числа [водные статистические данные..., www]. Распространенность данной формы реализации предпринимательской деятельности неумолимо обуславливает актуальность изучения отдельных аспектов его деятельности, в частности, оснований ее прекращения.

Основная часть

По общему правилу присвоенный физическому лицу правовой статус индивидуального предпринимателя является бессрочным, то есть не ограничен никакими временными рамками (границами), наступление которых бы влекло его прекращение: оно возможно только в силу желания самого гражданина, волеизъявления уполномоченного на то органа государственной власти, а также в связи с наступлением каких-либо объективных обстоятельств.

Одним из такого рода объективных обстоятельств является несостоятельность (или же банкротство) индивидуального предпринимателя как субъекта хозяйственной деятельности, порядок процедуры которой претерпел существенные изменения в недавнем времени: на сегодняшний день она урегулирована положениями параграфа 2 главы 10 действующего российского закона, направленного на урегулирование особенностей производства данной процедуры в отношении всевозможных субъектов предпринимательской деятельности.

Так, в отношении физических лиц, которые являются индивидуальными предпринимателями по своему правовому статусу, применяются исключительно лишь процедуры реструктуризации имеющихся у них задолженностей и реализации имущества, принадлежащего им на праве собственности. Основанием применения указанных процедур

также, как и прежде, выступает неплатежеспособность индивидуального предпринимателя, признаками которой является наличие у него задолженности по обязательствам в размере не менее пятьсот тысяч рублей, а также просрочка их исполнения сроком более, чем три месяца.

Тем самым становится очевидно, что отечественный законодатель в положениях указанного нормативного правового акта провозгласил презумпцию неплатежеспособности физического лица, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя. Иными словами, она предполагается в любом случае, когда:

- он прекратил всякие финансовые расчеты с кредиторами по возложенным на него обязательствам;
- более десяти процентов от общей суммы имеющегося долга по денежным обязательствам и (или) обязательным платежам, срок исполнения по которым наступил, не исполнены в течение более чем одного месяца с момента наступления срока исполнения;
- превышение пассивов над активами в имуществе индивидуального предпринимателя, выступающего в качестве должника;
- вынесение постановления судебным приставом об окончании исполнительного производства в отношении должника, являющегося по своему правовому статусу индивидуальным предпринимателем, в связи с тем, что имущество, принадлежащее ему на праве собственности, на которое может быть обращено взыскание, отсутствует.

Кроме того, основанием для начала проведения процедуры банкротства может выступить также и угрожающая неплатежеспособность индивидуального предпринимателя, иными словами, когда имеет место быть явно очевидная его невозможность исполнить денежные обязательства в установленные сроки, при условии, что у него уже имеются признаки недостаточности имущества.

Заявление о признании физического лица, являющегося индивидуальным предпринимателем, несостоятельным может быть подано как самим должником, так и его кредиторами, долги и требования которых связываются с осуществлением им предпринимательской деятельности. Кредиторы, чьи требования образовались не из обязательств, вытекающих из предпринимательской деятельности физического лица, зарегистрированного в рассматриваемом качестве, также могут предъявлять их в рамках судебного процесса о признании его должником, однако, не могут выступать в качестве субъектов подачи соответствующего заявления в суд.

Однако представляется, что индивидуальный предприниматель может быть признан банкротом и в том случае, если его задолженность была образована не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности. Например, в случае неисполнения договора ипотеки на жилое помещение, но, правила, установленные параграфом 2 главы 10 указанного федерального закона применяться уже не будут (то есть в данном случае идет речь о признании его банкротом именно как гражданина, но тем не менее, по обязательствам, вытекающим из предпринимательской деятельности он также отвечать не будет в случае установления факта его финансовой несостоятельности).

Еще одной особенностью банкротства физических лиц, зарегистрированных в рассматриваемом качестве, является то, что утрата ими такого статуса до подачи в суд соответствующего заявления в суд, не влияет на возможность признания факта их финансовой несостоятельности как бывшего индивидуального предпринимателя в судебном порядке (ранее, в прежней редакции указанного федерального закона такая возможность была исключена). Впрочем, благодаря внесенным в 2015 году изменениям, такая возможность не исключается и

после смерти физического лица, являющегося индивидуальным предпринимателем, или в случае признания его умершим по решению суда, вступившего в законную юридическую силу.

Между тем, описывая порядок реализации процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей, невозможно не отметить о наличии правовой коллизии между данным институтом и институтом банкротства физических лиц, не зарегистрированных в указанном качестве. Это прямо вытекает из положений ст. 214. 1 специального федерального закона, регламентирующего особенности банкротства всех субъектов, которая говорит о том, что процедура банкротства индивидуальных предпринимателей осуществляется в порядке, предусмотренном для процедуры банкротства именно физических лиц.

Никаких принципиальных отличий между двумя данными институтами, следовательно, не усматривается на законодательном уровне, что заставляет говорить о практически полном их тождестве с позиции правового регулирования: единственной особенностью института банкротства индивидуальных предпринимателей являются последствия его применения, не свойственные институту физических лиц. К их числу относятся, в частности, следующие:

- утрата юридической силы государственной регистрации физического лица в рассматриваемом качестве (соответственно, прекращается его правовой статус);
- аннулирование выданных ему лицензий на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности;
- невозможность повторное государственной регистрации его в рассматриваемом качестве в течение года со дня признания его несостоятельным, и в течение пяти лет со дня завершения реализации его имущества (равно как и в течение указанного периода времени он не вправе занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в его управлении, за исключением случаев, когда такое юридическое лицо является кредитной организацией, поскольку тогда этот срок составляет десять лет с обозначенного момента).

На практике вопрос коллизии данных институтов разрешается только по одному критерию: если у лица есть статус индивидуального предпринимателя, то процедура банкротства в отношении него будет реализована с учетом специфичных правовых последствий. При этом необходимо иметь в виду, что в случае, если индивидуальный предприниматель до момента обращения кредитором или самостоятельно в арбитраж с заявлением о банкротстве утратит статус индивидуального предпринимателя и снимется с учета в установленном порядке путем внесения соответствующих сведений в государственный реестр, применяться к нему в любом случае будет процедура банкротства физического лица в соответствии с параграфом 1 гл. X Федерального закона Российской Федерации от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ.

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, полагаем необходимым и целесообразным сформулировать в качестве результирующего вывода настоящего исследования следующее:

На сегодняшний день усматривается явная проблема коллизии норм, регламентирующих институты банкротства индивидуальных предпринимателей и банкротства физических лиц. Для ее разрешения необходимо либо установить более четкие критерии (особенности) процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей на законодательном уровне, либо же вообще объединить две эти процедуры в один институт, так как принципиальных различий между ними на практике не выявляется (за исключением, правовых последствий).

Библиография

1. Кутюков Д.В. Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя // Право и образование. 2010. № 9. С. 135-138.
2. О несостоятельности (банкротстве): ФЗ РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ.
3. О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 года № 51.
4. Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ РФ от 29.06.2015 г. № 154-ФЗ.
5. Сводные статистические данные о количестве зарегистрированных индивидуальных предпринимателей на территории Российской Федерации (по состоянию на 01.03.2022). URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376085/
6. Babakulovna I. F. Grounds for the introduction of bankruptcy procedures for an individual entrepreneur or an individual who has lost the status of an individual entrepreneur //International journal of professional science. – 2022. – №. 1. – С. 5-9.
7. Traczynski J. Personal bankruptcy, asset risk, and entrepreneurship: Evidence from tenancy-by-the-entirety laws //The Journal of Law and Economics. – 2019. – Т. 62. – №. 1. – С. 151-179.
8. Fossen F. M., König J. Personal bankruptcy law and entrepreneurship //CESifo DICE Report. – 2015. – Т. 13. – №. 4. – С. 28-34.
9. Peng M. W., Yamakawa Y., Lee S. H. Bankruptcy laws and entrepreneur–friendliness //Entrepreneurship theory and practice. – 2010. – Т. 34. – №. 3. – С. 517-530.
10. Primo D. M., Green W. S. Bankruptcy law and entrepreneurship //Entrepreneurship Research Journal. – 2011. – Т. 1. – №. 2. – С. 20122006.

The problem of institute delimitation bankruptcy of individual entrepreneurs and institute of bankruptcy of individuals

Elena V. Gumenyuk

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil, Business and Transport Law,
Far Eastern State Transport University,
680021, 47, Serysheva str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: shen.lav@list.ru

El'mira D. Salakhova

Master's Student,
Priamursky State University named after Sholem Aleichem,
679015, 70a, Shirokaya str., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: salaxova.elya98@bk.ru

Evgeniya S. Khabuda

Senior Lecturer at the Department of Law,
Priamursky State University named after Sholem Aleichem,
679015, 70a, Shirokaya str., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: khabuda.eva@mail.ru

Abstract

Currently, individual entrepreneurship is one of the most common and effective forms of organizing business activities on the territory of the Russian Federation. The prevalence of this form of implementation of entrepreneurial activity inexorably determines the relevance of studying certain aspects of its activity, in particular, the grounds for its termination. The content of this article examines the features of the institution of bankruptcy of individual entrepreneurs, trying to distinguish it from the institution of bankruptcy of individuals, which is extremely similar in its legal regulation. The authors focus on the problem of conflicts between these institutions, which entails problems of applying them in practice, formulating their own vision of solving this problem as the resulting conclusion of this study. The authors believe it is necessary and appropriate to formulate the following as the final conclusion of this study. Today, there is a clear problem of conflict of laws governing the institutions of bankruptcy of individual entrepreneurs and bankruptcy of individuals. To resolve it, it is necessary either to establish more clear criteria (features) of the bankruptcy procedure for individual entrepreneurs at the legislative level, or to completely combine these two procedures into one institution, since there are no fundamental differences between them in practice (except for legal consequences).

For citation

Gumenyuk E.V., Salakhova E.D., Khabuda E.S. (2023) Problema razgranicheniya instituta bankrotstva individual'nykh predprinimatelei i instituta bankrotstva fizicheskikh lits [The problem of institute delimitation bankruptcy of individual entrepreneurs and institute of bankruptcy of individuals]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 358-364. DOI: 10.34670/AR.2023.36.26.046

Keywords

Bankruptcy, individual entrepreneur, individual, conflict, legal regulation, federal law, law enforcement, solutions.

References

1. Kutuyukov D.V. (2010) Osobennosti pravovogo statusa individual'nogo predprinimatelya [Features of the legal status of an individual entrepreneur]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 9, pp. 135-138.
2. *O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): FZ RF ot 26.10.2002 g. № 127-FZ* [On insolvency (bankruptcy): Federal Law of the Russian Federation dated October 26, 2002 No. 127-FZ].
3. *O rassmotrenii del o bankrotstve individual'nykh predprinimatelei: postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 30 iyunya 2011 goda № 51* [On the consideration of bankruptcy cases of individual entrepreneurs: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 30, 2011 No. 51].
4. *Ob uregulirovanii osobennostei nesostoyatel'nosti (bankrotstva) na territoriyakh Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: FZ RF ot 29.06.2015 g. № 154-FZ* [On the regulation of the peculiarities of insolvency (bankruptcy) in the territories of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated June 29, 2015 No. 154-FZ].
5. *Svodnye statisticheskie dannye o kolichestve zaregistrirrovannykh individual'nykh predprinimatelei na territorii Rossiiskoi Federatsii (po sostoyaniyu na 01.03.2022)* [Summary statistical data on the number of registered individual entrepreneurs on the territory of the Russian Federation (as of 03/01/2022)]. Available at: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376085/ [Accessed 10/10/2023]
6. Babakulovna, I. F. (2022). Grounds for the introduction of bankruptcy procedures for an individual entrepreneur or an individual who has lost the status of an individual entrepreneur. *International journal of professional science*, (1), 5-9.
7. Traczynski, J. (2019). Personal bankruptcy, asset risk, and entrepreneurship: Evidence from tenancy-by-the-entirety laws. *The Journal of Law and Economics*, 62(1), 151-179.

8. Fossen, F. M., & König, J. (2015). Personal bankruptcy law and entrepreneurship. CESifo DICE Report, 13(4), 28-34.
9. Peng, M. W., Yamakawa, Y., & Lee, S. H. (2010). Bankruptcy laws and entrepreneur–friendliness. *Entrepreneurship theory and practice*, 34(3), 517-530.
10. Primo, D. M., & Green, W. S. (2011). Bankruptcy law and entrepreneurship. *Entrepreneurship Research Journal*, 1(2), 20122006.

УДК 347.9

DOI: 10.34670/AR.2023.66.28.047

Злоупотребление процессуальным правом в гражданском и арбитражном судопроизводствах

Марченко Алексей Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Юридический институт,
Тамбовский государственный технический университет,
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Советская, 106;
e-mail: alexey_ctk@mail.ru

Медведева Валерия Сергеевна

Студент,
Юридический институт,
Тамбовский государственный технический университет,
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Советская, 106;
e-mail: medvedeva.valeriya@yandex.ru

Аннотация

Различные злоупотребления в процессуальных действиях оказывают негативное воздействие на общественные отношения в сфере судопроизводства по делам, возникающим из гражданских правоотношений, нарушают права и законные интересы участников процесса. В российском законодательстве прямо не закреплен термин, в котором четко сформулировано и раскрыто фундаментальное понятие злоупотребления процессуальным правом. В результате тематика остается широко распространена среди ученых-практиков и по сей день вызывает дискуссии широкого спектра. Избранная тема является актуальной, ибо злоупотребление процессуальным правом является частым явлением при рассмотрении гражданских дел. Предметом исследования являются процессуальные правоотношения, связанные со злоупотреблением правом. Объектом исследования являются правовые институты и тенденции правоприменительной практики, связанные с феноменом злоупотребления процессуальным правом. Цель работы – раскрыть особенности злоупотребления процессуальным правом как умышленного либо неумышленного правонарушения. Методологической основой работы являются методы анализа нормативно-правовых актов, синтеза отдельных правовых понятий, а также сравнительно-правовой метод исследования. Содержание статьи посвящено проблеме понимания злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессах. Научная новизна статьи: в работе установлено, что в злоупотребление процессуальным правом может иметь двойственный характер: как умышленный, так и неумышленный.

Для цитирования в научных исследованиях

Марченко А.С., Медведева В.С. Злоупотребление процессуальным правом в гражданском и арбитражном судопроизводствах // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 365-376. DOI: 10.34670/AR.2023.66.28.047

Ключевые слова

Злоупотребления процессуальным правом, генеральный деликт, ответственность за злоупотребление процессуальным правом, случаи злоупотребления процессуальными правами в гражданских спорах, арбитраж.

Введение

Различные злоупотребления в процессуальных действиях оказывают негативное воздействие на общественные отношения в сфере судопроизводства по делам, возникающим из гражданских правоотношений, нарушают права и законные интересы участников процесса.

В российском законодательстве прямо не закреплён термин, в котором чётко сформулировано и раскрыто фундаментальное понятие злоупотребления процессуальным правом. В результате тематика остается широко распространена среди ученых-практиков и по сей день вызывает дискуссии широкого спектра.

Основная часть

Как большинство основополагающих принципов права в гражданском судопроизводстве, запрет на злоупотребление правом, в том числе процессуальным правом, выражается в совокупности правовых норм.

Основным нормативным источником правового регулирования является «Конституция Российской Федерации» (далее – Конституция РФ). Часть 3 статьи 17 предусматривает осуществление прав и свобод их правообладателем, параллельно не нарушая законные возможности иных лиц. Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации (далее КС РФ), это положение распространяется на организации, юридических, физических лиц. Так, правовая позиция КС РФ важна, поскольку представляет возможность привлечения юридических лиц к ответственности за нарушения принципов и норм законодательства.

Законом предусмотрены пределы осуществления гражданских прав, а именно согласно статье 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), не допускается осуществление гражданских прав, если в ходе судебного разбирательства сторона действовала с намерением причинить вред другим участникам судебного процесса.

Злоупотребление правом – явление малоизученное, поэтому отсутствие дефиниций в нормативных источниках приводят к ошибкам юристов при отстаивании своей позиции в суде. Исходя из этого следует рассмотреть мнение ученых-практиков относительно данной темы.

Адвокатами злоупотребление процессуальным правом расценивается «как тактический прием, используемый для получения возможности выиграть дело, что также свидетельствует о несоответствии воплощаемого поведения понятию справедливости» [Матвеева, 2022, 27].

Положения «п. 5 ст. 10 ГК РФ» свидетельствует, что лицо, участвующее в судебном процессе, должно добросовестно пользоваться всеми принадлежащими ему правами. Понятие злоупотребления в гражданском процессуальном праве также связано с понятием недобросовестности. Объединяющим признаком недобросовестности и злоупотребления является высокая степень оценочности. Это связано с тем, что только суд, рассматривающий спор, может сделать вывод о наличии добросовестности или недобросовестности, злоупотребления правами субъекта правоотношения.

А.В. Юдин в ходе рассуждений утверждает, что «процессуальная недобросовестность в гражданском судопроизводстве может означать только злоупотребление процессуальными правами, то есть действия, внешне соответствующие требованиям закона, однако совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу и (или) интересам правосудия» [Юдин, 2014, 42].

Во-первых, мы вынуждены не согласиться с точкой зрения А.В. Юдина. В настоящее время термин «злоупотребление процессуальным правом» не зафиксирован в ГК РФ и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Не следует исключать предположение о том, что у злоупотребляющих лиц отсутствует умысел на причинение вреда другим лицам или правосудию. При этом можно говорить, что и в данном случае сторона злостно нарушает пределы осуществления процессуального права, например, ввиду низкой правовой культуры. Таким образом, говорить об однозначности исключительного наличия умысла в ситуации злоупотребления процессуальным правом не уместно. Следует отметить актуальность классификации явления как умышленного злоупотребления правом и неумышленного злоупотребления правом.

В свою очередь, Шпаковский районный суд «под злоупотреблением правом понимает поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, сопряженное с нарушением установленных в статье 10 ГК РФ пределов осуществления гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия». Так, судебная практика свидетельствует о злоупотреблении правом как об умышленном поведении лица. Но насколько обосновано данное суждение, остается темой для дальнейшего исследования.

В качестве неумышленного злоупотребления правом выделяется ситуация, в которой участник гражданского процесса обжалует судебный акт и представляет в суд второй инстанции новые доказательства, которые не были представлены в суд первой инстанции, но без достаточных оснований невозможности своевременного предоставления этих доказательств (ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ).

Другим примером такого злоупотребления является «непредставление истребуемых доказательств лицом, участвующим в деле». ООО «Шарм» и ООО «Предприятие систем автоматики» обратились в суд с требованием об отмене наложения на них судом первой инстанции штрафа за несоблюдение требований арбитражного суда первой инстанции. Позиция суда заключалась в невыполнении требования арбитражного суда со стороны истцов. Так, не были вовремя представлены документы, которые потребовал суд: подтверждение права на акции и статуса акционеров. Поэтому позиция сторон не являлось достаточным основанием для судебного подтверждения данных обстоятельств. На основании непредставления сторонами доказательств наличия уважительных причин для невыполнения неоднократных требований суда, а также затягивания рассмотрения дела суд посчитал данные действия сторон проявлением неуважения к суду и злоупотреблением процессуальными правами.

В данной ситуации нельзя полагать, что истцы преднамеренно и с целью причинения вреда другим участникам судопроизводства по требованию суда в срок не предоставили документы, в результате чего был затянут процесс. Так, мы считаем, что можно утверждать о наличии вероятности неумышленного злоупотребления процессуального права.

Говоря об умышленном злоупотреблении лица правом и о результатах злоупотребления лицами своими процессуальными правами, проблемными моментами становятся такие

моменты, как затягивание процесса, нарушение сроков рассмотрения и разрешения ходатайств, принятие незаконных и необоснованных решений, что в конечном итоге негативно влияет на судебный процесс в целом, нарушая большинство принципов гражданского судопроизводства. При этом есть случаи, когда мотивом может служить материальный интерес либо действие истца совершено с целью причинения морального вреда и вреда репутации противной стороны в суде, направлено на затягивание судебного разбирательства. Как было нами замечено, не стоит ограничиваться лишь умышленным характером злоупотребления правом.

Согласно ст. 56 ГПК РФ, при указании обстоятельств, стороны должны предоставить доказательства в обеспечение своих доводов. При этом возможно несколько сценариев развития событий:

1. Приобретая имущество, лицо знает об обременении и старательно скрывает это обстоятельство при рассмотрении дела, с последующим отказом защиты права судом.

К примеру, судебный пристав обратился в Шарьинский районный суд с иском о признании договора купли-продажи недействительной сделкой. Ответчик, имеющий задолженность по сводному исполнительному производству, заключил договор купли-продажи торгового павильона, в результате чего погасить задолженность перед кредиторами за счет других активов стало невозможным, так как их нет в наличии.

Таким образом, злоупотребление правом со стороны должника связано с уклонением от исполнения решений судов и затягивание про так как задолженность должника не погашается, что в свою очередь является нарушением прав взыскателей. Сам договор купли-продажи свидетельствует о факте злоупотребления правом, а именно заключение договора купли-продажи свидетельствует о злоупотреблении правами со стороны должника.

2. Участвуя в судебном разбирательстве гражданин не понимал, как действовать, в какие сроки подавать документы, и иные процессуальные вопросы, что связано с низкой правовой культурой гражданина, отсутствия должного внимания и прочее.

Так, в апелляционном арбитражном суде Восточно-Сибирского округа одним из участников в качестве соответчика являлся гражданин Б по жалобе, в ходе которой арбитражный суд отменил решение суда первой инстанции. Дело было направлено в суд общей юрисдикции, так как гражданин Б посчитал решения и доводы апелляционной жалобы неподведомственные арбитражному суду. Суд округа не поддержал позицию гражданина Б, поскольку лицами первой инстанции не были приведены конкретные доводы в отношении данного иска. Апеллянт был извещен о судебном разбирательстве и оставил отзыв в отношении данного дела. В судебном разбирательстве его доводы оценили, как злоупотребление процессуальным правом, что стало причиной потери права на возражение в отношении суда, рассматривавшего его дело. Окружным судом было выявлено что дело рассматривалось судом первой инстанции длительное время без возражения сторон, что в свою очередь повлияло бы на увеличения срока рассмотрения дела, будь это дело передано в суд общей юрисдикции. И в конечном итоге нарушила бы права заинтересованных лиц, и не отвечала бы целям эффективного правосудия в установленные сроки.

Конституционный Суд Российской Федерации не только использует в своих правовых актах такие понятия, как «злоупотребление правом», «злоупотребление процессуальными правами», но и неоднократно ссылается на запрет применения таких деяний в судопроизводстве. Ленинский районный суд г. Махачкалы отметил, что в случае доказанности неправомερных действий одной из сторон суд может отказать в защите полностью или частично на основании ст. 2, ст. 10 ГК РФ.

Стоит сказать, что в процессе рассмотрения дела со злоупотреблением процессуального права, при вынесении решения судом немаловажную роль играют оценочные понятия, обладающие характерной противоречивостью и неоднозначностью. С одной стороны, злоупотребление процессуальным правом настолько тесно связано с поведением и психическим состоянием человека, что не может обойтись без понятия оценки. Не говоря уже о том, что само понятие «злоупотребление правом» носит оценочный характер.

Т.В. Кашанина определяет оценочное понятие как «выраженное в норме права положение, в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, детально не разъясняемые законодателем, с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и позволяло осуществлять в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений» [Матвеева, 2022, 8].

С.И. Вильнянский характеризует термин «оценочное понятие» как тот, который «...дает суду возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона» [Вильнянский, 1965, 14]. Ту же мысль продолжает С.С. Алексеев, утверждающий, что понятие оценки конкретно констатирует, что «судебная власть оценивает реальную ситуацию и выявляет общую формулу закона с учетом особенностей конкретной ситуации» [Алексеев, 1999, 105]. Такие оценки производятся судами на основе судебного усмотрения, существующего при толковании правовых норм, влекущих за собой оценочные понятия.

Из вышеизложенного делаем вывод, что термин «оценочное понятие» тесно взаимосвязан с субъективным состоянием лица при совершении им юридических фактов, формализмом законодателей и уровнем правосознания граждан.

Отсутствие четкой разработанности понятия злоупотребление правом, его сущности и подхода, а также отсутствие законодательного закрепления непосредственной ответственности за процессуальные правонарушения, затрудняют выявление и доказывание фактов превышения процессуального права.

Государственные органы судебной власти часто сталкиваются с проблемой противодействия неправомерным действиям участников гражданского судопроизводства. Злоупотребление процессуальными правами участников судопроизводства наносит серьезный вред судебной власти, нарушает права участников судопроизводства, а также подрывает судебную власть.

На примере судебной практики можно наглядно понять сущность злоупотребления процессуальным правом в виде необоснованного и неоднократного заявления отводов судье, но определить наличие или отсутствие умысла причинения вреда участникам процесса труднодоступно, так как было сказано выше, роль оценочных понятий является многогранной и неоднозначной.

Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 № Ф03-6462/2019 по делу № А51-6828/2018 было рассмотрено дело, в ходе которого судом было установлено, что А.С. Корсун (ответчик) более двух раз необоснованно заявляла отвод председательствующему судье Бойко Ю.К. Это подтверждается определениями об отказе в отводе. Но в отводе судьи было отказано в связи с необоснованностью и недоказанности оснований для отвода. Во-вторых, несмотря на неоднократный отказ судьи Бойко Ю.К. удовлетворить возражения, Корсун А.С. продолжала утверждать о пристрастности суда и заявлять отводы. За злоупотребление процессуальными правами, неуважение к суду и препятствие в осуществлении правосудия со стороны директора КПК «Тихоокеанский

Сберегательный» Корсун А.С., «судом взыскан штраф в размере 5 000 рублей».

Предоставление ложных сведений, являются одним из вариантов злоупотребления процессуальным правом. Так, в соответствии с Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.05.2018 г. по делу № А25-840/2013 о несостоятельности (банкротстве) выступал конкурсный управляющий Должника ООО «Партнер» в лице Бервинова А.В. и ООО «Альянс», подавшие заявление о признании недействительности протокола 08.06.2017 об определении участников и итогах первых торгов по продаже залогового имущества должника. Гражданин Павлов А.С., и Айдинов Р.Д. направляют кассационные жалобы, чтобы добиться отмены судебного акта, ссылаясь на статью 449 ГК РФ, что аукцион проводился в соответствии с утвержденными судом правилами о порядке, условиях реализации предмета залога должника. Но, как установил суд, руководствуясь ч. 2 ст. 448 ГК РФ извещение о проведении торгов содержит недостоверную информацию о реализуемых объектах, что препятствует фактическому формированию у потенциальных покупателей желания приобрести объект аукциона и оценке своих шансов на участие в торгах. Исходя из этого значительно сокращается количество участников. Соответственно в действиях Павлов А.С., и Айдинов Р.Д. прослеживается злоупотребление процессуальным правом.

Таким образом, суд делает вывод, что в данном случае действия сторон направлены на замедление процесса. И такая позиция суда логична. Это связано с тем, что в судебной практике под злоупотреблением процессуальными правами давно понимается именно акт намеренного затягивания рассмотрения дела – один из самых очевидных способов произвести негативные действия в отношении оппонента с одной стороны и получить дополнительное время для определенной цели с другой, т.е. продлить срок пользования денежными средствами, которые иначе будут взысканы. Но является ли это злоупотреблением права преднамеренно с целью причинения вреда? Есть ли вероятность, что недостоверная информация была предоставлена с учетом невнимательности?

Однако есть действия, которые сразу демонстрируют явный недобросовестный умысел стороны, и цель злоупотребления предельно ясна. Например, сторона может неоднократно вносить одно и то же ходатайство о приостановлении судебного разбирательства, чтобы замедлить процесс.

Например, в рамках дела о банкротстве супруга должника более 70 раз заявляла отвод судье, исходя из личного или косвенного интереса судьи. Однако, заявление было отклонено в связи с его необоснованностью. В конечном итоге суд считал такое поведение злоупотреблением процессуальными правами, системным проявлением субъективного недоверия суду, необоснованными обвинениями в адрес судьи. Суд, считая, что поведение супруги оказывает давление на суд, запутывает судебные заседания, затрудняет рассмотрение дела, пришел к выводу, что гражданка злоупотребляет процессуальным правом. В конечном счете за данные действия был судом был наложен штраф в размере 2500 руб. (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31.05.2019 № Ф08-3967/2019 по делу № А32-40520/2015).

Чаще всего стороны прибегают к более изощренным способам замедления процесса, вроде затягивания рассмотрения доказательств, даже если это чревато неприятными финансовыми последствиями, например, использование комбинированных методов, в том числе и с привлечением свидетелей, что может свидетельствовать о явном умысле причинить вред лицам, участвующим в деле.

Так, Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.07.2021 № Ф07-4262/2021, суд усмотрел в действиях истца злоупотребление процессуальными правами.

Согласно транскрибации аудиозаписи разговора (не оспариваемой истцом), адвокат истца организовал встречу со свидетелями, вызванными в суд, в ходе которой обсудили обстоятельства дела и дали свидетелям рекомендации относительно процессуальных действий. Данное обстоятельство свидетельствует о недобросовестном поведении истца в ходе судебного разбирательства дела. А чтобы замедлить процесс, истец накануне вечером подал в суд ходатайство об увеличении исковых требований, без доказательств того, что копия была направлена ответчику.

Говоря о рекомендациях по внесению изменений в правовые нормы с целью урегулирования, предотвращения и назначения ответственности злоупотребляющим лицам, стоит отметить, что О.А. Гошкодера и А.Н. Таран предложили законодателю включить в ГК РФ главу, посвященную «проблеме злоупотребления процессуальными правами и раскрыть в ней понятие, признаки данного явления, определить классификацию злоупотреблений процессуальными правами, а также регламентировать ответственность за процессуальную недобросовестность» [Гошкодера, Таран, 2022, 180].

По нашему мнению, внесение ГПК РФ норм, которые посвящены понятию, признакам данного явления, считается нецелесообразным, потому как перед гражданским судопроизводством стоит задача правильного и своевременного разрешения дел (ст.2 ГПК РФ), и дополнительную терминологию включать непосредственно в процессуальный кодекс не актуально.

Для решения проблемы разграничения злоупотребления правом от их законной реализации, а также для уменьшения таких злоупотреблений, З.Э. Гасанов предложил нормативно-правовую базу, специально регламентирующую составляющие злоупотребления:

- «Раскрытие понятия злоупотребления процессуальными правами.
- Дача конкретной и четкой характеристики отнесения к злоупотреблению правом.
- Предоставление исчерпывающего перечня мер ответственности за такое злоупотребление» [Гасанов, 2022, 637].

Так как на законодательном уровне не предусмотрена ответственность непосредственно за злоупотребление процессуальным правом, мы считаем, что идея З.Э. Гасанова является не однозначной, потому что нормативно-правовая база представляет собой совокупность нормативно-правовых актов, в то время, по-нашему мнению назревает вопрос: «А нужна ли вообще такая база и можно ли использовать иные способы?».

А.В. Юдин определяет, что «система мер противодействия злоупотреблениям процессуальными правами включает в себя меры гражданской процессуальной ответственности и иные меры гражданского процессуального принуждения» [Юдин, 2009, 34].

Действуя на основе нормативной базы А.Н. Марченко анализирует идеи А.В. Юдина и считает, что концепция, созданная А.В. Юдиным «является несколько умозрительной и схематичной, что затрудняет ее применение на практике» [Марченко, 2019, 130].

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 1064 ГК РФ: «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». В отрасли гражданского права предложенный принцип А.В. Юдиным является некой формой концепции, где лицо, причинившее вред в любом случае обязано возместить вред в полном объеме.

Таким образом, мы вынуждены согласиться с доводами А.Н. Марченко, что в силу принципа состязательности, стороны могут утверждать, оспаривать, заявлять ходатайства, оспаривать факты и обстоятельства, подавать ходатайство о фальсификации доказательств, требовать

дополнительной и повторного проведения экспертизы, оспаривать не вступившее в законную силу решение суда первой инстанции, просить об отложении судебного разбирательства. В результате стороны имеют противоположные интересы, и каждое процессуальное действие, предпринимаемое истцом или ответчиком, изначально противоречит интересам другой стороны и может нанести им потенциальный вред.

Ответственность за превышение пределов осуществления гражданских прав в форме злоупотребления процессуальным правом не предусмотрена в статьях ГК РФ и ГПК РФ. Одной из санкций, связанной опосредованно, является отказ в защите прав, как указано в п. 2 ст. 10 ГК РФ. Также судом может быть принято решение о возмещении ущерба в целях защиты нарушенных прав потерпевших, когда злоупотребляющим лицам отказывают в защите таких прав.

При злоупотреблении лицом своими процессуальными правами, на основании ст. 99 ГПК РФ, в случае заявления неосновательного иска одной стороны, либо систематическое препятствие правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дел, суд взыскивает в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. Размер компенсации будет определен судом в разумных пределах с учетом конкретных обстоятельств.

Относительно ответственности за злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе следует отметить, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) устанавливает ответственность в случае злоупотребления участником процессуальным правом (ч. 2 ст. 41), например, возложение расходов на участника процесса. Это зафиксировано в статьях 111, 159 и 225.12 АПК РФ.

Заключение

Таким образом, на основе анализа нормативно-правовых актов, синтеза отдельных правовых понятий, а также сравнительно-правового метода исследования позволяют нам сделать вывод, что злоупотребление правом в гражданском и арбитражном судопроизводствах стоит рассматривать как явление, имеющее две формы, а именно: злоупотребление процессуальным правом может являться умышленным деянием, и злоупотребление правом как деяние ввиду низкой правовой культуры, которое не несет цели причинения вреда участникам судебного процесса.

Единого мнения о содержании понятия «злоупотребление процессуальным правом» нет ни в научных источниках, ни в ГК РФ, ГПК РФ. Такая неопределенность снижает правозащитный потенциал гражданского судопроизводства, затрудняя борьбу с процессуальными нарушениями и применение мер ответственности к недобросовестным участникам гражданского судопроизводства.

Библиография

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Беляева О.М. Оценочные понятия и категории в российском праве // *Russian Journal of Economics and Law*. 2013. № 1 (25). С. 203-207.
3. Вильнянский С.И. Применение норм советского социалистического права // *Ученые записки*. 1956. Вып. 7. С. 3-18.
4. Гасанов З.Э. К вопросу об ответственности за злоупотребление процессуальными правами в рамках арбитражного процесса // *Бюллетень науки и практики*. 2022. № 6. С. 635-637.

5. Гошкодеря О.А., Таран А.Н. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-1. С. 179-181.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021).
7. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 185.
8. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).
9. Марченко А.Н. Злоупотребление процессуальным правом в гражданском судопроизводстве: проблемы квалификации // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 128-133.
10. Матвеева Е.С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135). С. 20-31.
11. Нурмагамбетов А.А. Понятия как критерии ограничения свободы гражданско-правового договора // Журнал российского права. 2007. № 2 (122). С. 129-137.
12. Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2020 № 303-ЭС19-24516 отказано в передаче дела № А51-6828/2018.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 г. № 1808-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шуклина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем первого пункта 1 и пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».
14. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 N 24-П.
15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.10.2021 г. по делу № А19-23395/2019.
16. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 № Ф03-6462/2019 по делу № А51-6828/2018.
17. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.07.2021 № Ф07-4262/2021 по делу № А26-4290/2019.
18. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.05.2018 г. по делу № А25-840/2013.
19. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31.05.2019 г. по делу № А32-40520/2015.
20. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2014 № 17АП-1598/2014-ГК по делу № А50-19460/2013.
21. Решение Ленинского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) № 2-253/2022 2-5492/2021 от 18.02.2022 по делу № 2-3882/2021.
22. Решение Шарьинского районного суда № 2-22/2022 2-22/2022(2-895/2021);~М-884/2021 2-895/2021 М-884/2021 от 14.02.2022 г. по делу № 2-22/2022.
23. Решение Шпаковского районного суда (Ставропольский край) № 2-698/2022 2-698/2022~М-342/2022 М-342/2022 от 24.02.2022 г. по делу № 2-698/2022.
24. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2009. 47 с.
25. Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «Добросовестность» и «Злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1 (15). С. 39-44.

Abuse of procedural law in civil and arbitration proceedings

Aleksei N. Marchenko

PhD in Law,
Associate Professor,
Law Institute of Tambov State Technical University,
392000, 106, Sovetskaya str., Tambov, Russian Federation;
e-mail: alexey_ckt@mail.ru

Valeriya S. Medvedeva

Student of the Law Institute,
Tambov State Technical University,
392000, 106, Sovetskaya str., Tambov, Russian Federation;
e-mail: medvedeva.valeriya@yandex.ru

Abstract

Various abuses in procedural actions have a negative impact on public relations in the field of legal proceedings in cases arising from civil legal relations and violate the rights and legitimate interests of participants in the process. Russian legislation does not directly establish a term in which the fundamental concept of abuse of procedural law is clearly formulated and disclosed. As a result, the topic remains widespread among academic practitioners and to this day provokes a wide range of discussions. The chosen topic is relevant, because the abuse of procedural law is a frequent occurrence in civil cases. The subject of the research is the procedural legal relations connected with the abuse of the right. The object of the study is the legal institutions and trends in law enforcement practice associated with the phenomenon of abuse of procedural law. The purpose of the work is to reveal the features of the abuse of procedural law as an intentional or unintentional offense. The methodological basis of the work is the methods of analysis of legal acts, the synthesis of individual legal concepts, as well as the comparative legal method of research. The content of the article is devoted to the institution of abuse of procedural law in civil and arbitration proceedings. Scientific novelty of the article: the work found that the abuse of procedural law can be of a dual nature: both intentional and unintentional.

For citation

Marchenko A.S., Medvedeva V.S. (2023) Zloupotreblenie protsessual'nym pravom v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstvakh [Abuse of procedural law in civil and arbitration proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 365-376. DOI: 10.34670/AR.2023.66.28.047

Keywords

Abuse of procedural law, general tort, liability for abuse of procedural law, cases of abuse of procedural rights in civil disputes, arbitration.

References

1. Alekseev S.S. (1999) *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – theory – philosophy. Experience of complex research]. Moscow: Statut Publ.
2. Belyaeva O.M. (2013) Otsenochnye ponyatiya i kategorii v rossiiskom prave [Valuation concepts and categories in Russian law]. *Russian Journal of Economics and Law*, 1 (25), pp. 203-207.
3. Gasanov Z.E. (2022) K voprosu ob otvetstvennosti za zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v ramkakh arbitrazhnogo protsesssa [On the issue of liability for abuse of procedural rights within the framework of the arbitration process]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 6, pp. 635-637.
4. Goshkoderya O.A., Taran A.N. (2022) Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve [Abuse of procedural rights in civil proceedings]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 9-1, pp. 179-181.
5. *Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon RF ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021)* [Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 28, 2021, as amended on October 26, 2021)].

6. Kashanina T.V. (1974) *Otsenochnye ponyatiya v sovetskom prave*. *Doct. Dis.* [Valuation concepts in Soviet law. *Doct. Dis.*]. Sverdlovsk.
7. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, OT 14.03.2020 № 1-FKZ)* [The Constitution of the Russian Federation (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, FROM 14.03.2020 No. 1-FKZ)].
8. Marchenko A.N. (2019) Zloupotreblenie protsessual'nym pravom v grazhdanskom sudoproizvodstve: problemy kvalifikatsii [Abuse of procedural law in civil proceedings: problems of qualification]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 3, pp. 128-133.
9. Matveeva E.S. (2022) Prichiny i usloviya zloupotrebleniya pravom v yuridicheskom protsesse Rossii v svete izderzhkek realizatsii sostyazatel'nogo nachala [Causes and conditions of abuse of right in the legal process in Russia in the light of the costs of implementing the adversarial principle]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian law], 2 (135), pp. 20-31.
10. Nurmagambetov A.A. (2007) Ponyatiya kak kriterii ogranicheniya svobody grazhdansko-pravovogo dogovora [Concepts as criteria for restricting the freedom of a civil contract]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2 (122), pp. 129-137.
11. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.07.2014 g. № 1808-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Shuklina Aleksandra Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav abzatsem pervym punkta 1 i punktom 2 stat'i 10 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 17, 2014 No. 1808-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexander Aleksandrovich Shuklin about the violation of his constitutional rights by the first paragraph of paragraph 1 and paragraph 2 of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation”].
12. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 12.05.2020 № 303-ES19-24516 otkazano v peredache dela № A51-6828/2018* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 12, 2020 No. 303-ES19-24516 refused to transfer case No. A51-6828/2018].
13. *Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 3 stat'i 11 Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 27 dekabrya 1991 goda «Ob osnovakh nalogovoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii»: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 12.10.1998 N 24-P* [In the case of verifying the constitutionality of paragraph 3 of Article 11 of the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 “On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation”: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 12, 1998 N 24-P].
14. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 15.01.2020 № F03-6462/2019 po delu № A51-6828/2018* [Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 15, 2020 No. F03-6462/2019 in case No. A51-6828/2018].
15. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 29.05.2018 g. po delu № A25-840/2013* [Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated May 29, 2018 in case No. A25-840/2013].
16. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 31.05.2019 g. po delu № A32-40520/2015* [Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated May 31, 2019 in case No. A32-40520/2015].
17. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 01.07.2021 № F07-4262/2021 po delu № A26-4290/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 07/01/2021 No. F07-4262/2021 in case No. A26-4290/2019].
18. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 28.10.2021 g. po delu № A19-23395/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated October 28, 2021 in case No. A19-23395/2019].
19. *Postanovlenie Semnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 27.03.2014 № 17AP-1598/2014-GK po delu № A50-19460/2013* [Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated March 27, 2014 No. 17AP-1598/2014-GK in case No. A50-19460/2013].
20. *Reshenie Leninskogo raionnogo suda g. Makhachkaly (Respublika Dagestan) № 2-253/2022 2-5492/2021 ot 18.02.2022 po delu № 2-3882/2021* [Decision of the Leninsky District Court of Makhachkala (Republic of Dagestan) No. 2-253/2022 2-5492/2021 dated 02/18/2022 in case No. 2-3882/2021].
21. *Reshenie Shar'inskogo raionnogo suda № 2-22/2022 2-22/2022(2-895/2021;)-M-884/2021 2-895/2021 M-884/2021 ot 14.02.2022 g. po delu № 2-22/2022* [Decision of the Sharya District Court No. 2-22/2022 2-22/2022(2-895/2021;)-M-884/2021 2-895/2021 M-884/2021 dated 02.14.2022 in case No. 2-22/2022].
22. *Reshenie Shpakovskogo raionnogo suda (Stavropol'skii krai) № 2-698/2022 2-698/2022~M-342/2022 M-342/2022 ot 24.02.2022 g. po delu № 2-698/2022* [Decision of the Shpakovsky District Court (Stavropol Territory) No. 2-698/2022 2-698/2022~M-342/2022 M-342/2022 dated February 24, 2022 in case No. 2-698/2022].
23. Vil'nyanskii S.I. (1956) *Primenenie norm sovetskogo sotsialisticheskogo prava* [Application of the norms of Soviet socialist law]. *Uchenye zapiski* [Scientific notes], 7, pp. 3-18.
24. Yudin A.V. (2014) *Shirokoe i uzkoie ponimanie kategorii «Dobrosovestnost'» i «Zloupotreblenie pravom» v*

grazhdanskom sudoproizvodstve [Broad and narrow understanding of the categories “Integrity” and “Abuse of Law” in civil proceedings]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law], 1 (15), pp. 39-44.

25. Yudin A.V. (2009) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve. Doct. Dis.* [Abuse of procedural rights in civil proceedings. Doct. Dis.]. St. Petersburg.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.63.38.048

Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве

Дитрих Дмитрий Константинович

Генеральный директор,
Единый центр кадастра и геодезии,
197348, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Богатырский пр., 5к1;
e-mail: jusi-frut@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является анализ развития законодательства о государственном контроле (надзоре) с целью выявления положительных тенденций развития в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации, а также проблемных аспектов, требующих доработки и совершенствования для лучшего функционирования системы государственного контроля в целом. Обеспечение законности в той или иной сфере или отрасли государственного управления является одним из основных направлений деятельности, прежде всего органов государственной исполнительной власти. В качестве основных организационно-правовых способов ее обеспечения выступают государственный контроль, государственный надзор и государственная контрольно-надзорная деятельность. Рассматривая этапы реформы контрольно-надзорной деятельности в РФ, нельзя не уделить внимание теоретическому вопросу соотношения понятий «контроль» и «надзор», используемых в современной научной и юридической литературе и действующем законодательстве. Теоретические и практические дискуссии вокруг указанных правовых категорий вызывает споры у правоведов, специалистов в области административного права, что свидетельствует о наличии проблематики в данной сфере. В этой связи, возникает ряд вопросов, в частности: имеет ли место схожесть понятий «контроль» и «надзор» по своему фактическому и юридическому содержанию?

Для цитирования в научных исследованиях

Дитрих Д.К. Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 377-383. DOI: 10.34670/AR.2023.63.38.048

Ключевые слова

Контроль, надзор, контрольная деятельность, проверка, реформа контроля.

Введение

Анализ действующих правовых норм показал, что нормативные акты содержат несколько определений понятий «надзор» и «контроль», которые законодатель чаще использует и раскрывает по смыслу словосочетаний – «государственный контроль (надзор)»; «контрольно-надзорный орган»; «контрольно-надзорные мероприятия»; «контрольно-надзорная деятельность».

В современной юридической практике путем научно-исследования проблемы, официальных разъяснений норм законодательства для придания определенности законодательных норм, складывается очевидная тенденция, направленная на расширение этих понятий, их содержания и роли в административном регулировании.

Основная часть

Прежде чем обратиться непосредственно к теме нашего исследования, уточним понятие слов «надзор» и «контроль», которым законодатель прибегает в зависимости от отраслевой и содержательной принадлежности.

Представляется очевидной высокая степень схожести данных юридических понятий, нередко их используют в качестве смежных и по юридическому смыслу, и по экономическим последствиям, и по административному признаку.

Для более глубокого понимания разных аспектов терминов «контроль» и «надзор» с позиции общетеоретических и правовых категорий, необходимо рассмотреть их сущность и содержание, плюс ко всему важно изучить исторические предпосылки их закрепления в законодательстве. Это позволит выделить уникальные аспекты в контексте нашей страны.

Понятия «контроль» и «надзор» являются двумя важными инструментами регулирования и соблюдения требований. Контроль обычно ориентирован на проверку соответствия определенных норм, правил или стандартов, надзор подразумевает более широкий спектр функций, включающих наблюдение, руководство и координацию в целях обеспечения эффективности и законности деятельности.

В нормах российского законодательства, посвященных данному вопросу, отсутствует формулировка легального определения каждого из этих понятий. В итоге вместо того, чтобы уточнить, конкретизировать определения, законодатель в ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и в ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» закрепил объединенную декларативную версию «государственный контроль (надзор)», частично устранив терминологический пробел.

Иначе обстоит дело с пониманием термина «надзор». На сегодняшний день нет единого подхода к его однообразной трактовке, и это связано прежде всего с тем, что дефиниция этой категории не содержит ни один нормативный акт.

Существует дискуссия относительно понятия «надзор». Разного рода толкования юридических норм и их применение приводят к разнообразным интерпретациям того, что такое, в сущности, «надзор», включающие особые признаки, уточняющих содержание и правовое основание для его осуществления.

Попробуем сформулировать собственное видение ответа на вопрос, что законодатель понимает под употребленным в ФЗ от 31.07.2020 № 248-ФЗ, термином «надзор», под ним понимается система мер, которая организована с целью обеспечения соблюдения законности и

предотвращения причинения ущерба охраняемым ценностям. Он осуществляется в различных сферах, также включает методы, направленные на соблюдение законов и обязательных требований.

Рассматриваемое определение, кроме его краткости хорошо тем, что нем отражен очень важный критерий характеристики «надзора», а именно целевое назначения и указание на юридический эффект. Надзор характеризуется следующими признаками:

- активная деятельность специальных органов;
- наблюдение за исполнением законодательства поднадзорными субъектами;
- надзор за организациями, которые не подчинены надзорным органам [Аржанов, 2020].

Именно эти характеристики, отражает суть «надзора», что отличает его от смежных понятий.

Попробуем провести краткий обзор указанных выше понятий, позволяющий выделить их основные характеристики.

Контроль и надзор – два понятия, которые имеют схожий, но несколько различный оттенок значения. Оба термина относятся к мерам и методам, применяемым для наблюдения и проверки соответствия определенных требований, норм или стандартов. Однако, контроль обычно охватывает широкий спектр действий, регулярные проверки, анализ и оценку, а надзор подразумевает активную, наблюдающую и регулирующую роль, его главной задачей считается соблюдение законодательства. В целом, контроль и надзор смежные, но несколько различающиеся понятия, которые совокупно образуют систему мер и методов.

Контроль обычно ориентирован на проверку соблюдения определенных норм, правил или стандартов [Горшенев, Шахов, 1987]. Он фокусируется на оценке соответствия требованиям и выявлении нарушений [Грабко, 2018]. Надзор, с другой стороны, охватывает шире функции, включающие не только проверку, но и наблюдение, регулирование и руководство.

Контроль является более пассивным и реактивным подходом. Он проводится периодически или по требованию для проверки соответствия и обнаружения нарушений. Надзор, напротив, предполагает более активное и постоянное наблюдение и предотвращение возможных нарушений [Пешин, 2019].

Существенная разница заключается в направленности и активности. Контроль более фокусирован на проверке и выявлении нарушений, надзор же охватывает более широкий спектр функций, включая наблюдение, регулирование и минимизацию нарушений.

Основная цель контрольных процедур состоит в обеспечении соответствия определенных норм, правил или стандартов. Контроль позволяет выявлять области, требующие улучшения или оптимизации процессов. Он помогает выявить слабые места и предлагает рекомендации по повышению эффективности. Контролирующие процедуры служат средством обеспечения соблюдения установленных норм, требований и правил. Они помогают гарантировать, что деятельность соответствует регулирующим положениям [Аманалиева, 2015].

Контроль, который подразумевает проверку соблюдения исполнения положений НПА (нормы права) производится согласно процедуре, закрепленной Административным регламентом по осуществлению федерального контроля, и производится в порядке текущего контроля, иными словами, непрерывно (без ограничения временными рамками) и/или выборочно (ограниченного рамками приоритета).

Контроль осуществляется в разные временные периоды, отсюда разделение на типы контроля: он бывает предварительный, текущий и последующий. Также он может быть проводимым систематически, периодически и эпизодически исходя из частоты проведения контрольных мероприятий [Зубарев, 2014].

«Надзор» как понятие рассматривается как специфическое направление контрольных мероприятий, основанное на наблюдении, руководстве делами поднадзорных субъектов [Телегин, 2020]. Надзор реализует важную функцию по регулированию отдельных аспектов организаций, которые часто скрыты от общего контроля. По всему своему содержанию надзор преследует цель – обеспечить исполнение закона в той или иной сфере. Более того, не стоит забывать и про примыкающую к этой цели задачу по устранению нарушений со стороны и общества, и власти. Ряд исследователей, например, Баранов, определяют контроль как главное средство обеспечения законного порядка путем регламентации правил и мер [Баранов, 2011].

Как нормативно-правовое понятие, «надзор» понимается как законодательно определенная форма, реализуемого разными органами и инстанциями. Другими словами, это также специфический механизм, который позволяет определять нормы дозволенного на разных уровнях власти и деятельности.

Правовые нормы и документы определяют полномочия надзорных органов, их компетенцию и требования, которые они наблюдают за соблюдением. Эти нормативные акты также включают инструкции относительно процедур надзора, прав и обязанностей надзорных органов, а также санкций, которые могут быть применены в случае выявления нарушений.

Надзор по сути своей предполагает непрерывное или периодическое следящее наблюдение за тем, как исполняются законы и подзаконные акты в сфере исполнительной власти. Их задача заключается в проверке соблюдения законности и оценке эффективности государственных органов. Они также контролируют соблюдение законодательных норм и требований, а в случае выявления нарушений предпринимают меры для их предотвращения и прекращения.

В сфере исполнительной власти надзор регулирует разного рода правоотношения. Надзорные органы могут проверять документы, проводить аудит, осуществлять контроль, выносить рекомендации и предписания, а при необходимости применять административные меры.

В теории выделяют два вида надзора.

В ФЗ «О прокуратуре РФ» говорится о том, что органы прокуратуры четко следят за исполнением закона в отношении соблюдения прав и свобод человека. В область надзора также включены все органы власти, предприятия, учреждения и их работники. Прокуратура контролирует исполнение всех видов законодательства, независимо от области, к которой они относятся. Прокурорский надзор характеризуется всеобщим и всеобъемлющим подходом.

Если говорить об административном надзоре, то существует следующее мнение: такой надзор охватывает деятельность большого количества служб и инспекций с законодательным акцентом на ту или иную отрасль экономики.

Заключение

Подводя краткие итоги, уместно отметить, что нынешнее состояние законодательства демонстрирует невозможность корректного разграничения «контроля» и «надзора», поскольку терминологического единства не наблюдается даже в пределах отдельных актов, их содержание сущность является дискуссионным вопросом, что может провоцировать неточность государственных целей ошибки в сфере правоприменения.

Изучение данной проблематики и анализ практики применения законодательства указывают на то, что понятия «контроль» и «надзор», которые регулируются ФЗ № 248, служат основой для определения «государственного контроля (надзора)» и «контрольно-надзорной деятельности». Но это переключает фокус с создания средств контроля для разных областей

деятельности на задачи и полномочия государственных и муниципальных контрольных органов (надзора).

Следовательно, возникает необходимость более ясного разграничения этих понятий. Следует иначе рассматривать их, чтобы предотвратить появление теоретических противоречий. Это позволит сосредоточиться на создании эффективных механизмов контроля и надзора, и достигнуть положительных результатов в различных сферах деятельности.

Библиография

1. Аманалиева Б.К. Ежегодник публичного права 2015: Административный процесс. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 464 с.
2. Андреева Ю.А. К вопросу о соотношении понятий «контроль» и «надзор» // Административное право и процесс. 2009. № 2. С. 6-8.
3. Андреева Ю.А. Соотношение контроля и надзора как функций органов исполнительной власти // Труды института государства и права РАН. Административные правоотношения: вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 83-90.
4. Аржанов В.В. Административно-правовые способы обеспечения законности и дисциплины (подходы Саратовской школы административного права) // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 47-50.
5. Баранов М. Соотношение понятий «государственный контроль» и «государственный надзор»: теория и практика вопроса // Право и жизнь. 2011. № 7-8. С. 68-100.
6. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 23.
7. Грабко О.В. Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9. С. 60-68.
8. Зубарев С.М. Система общественного контроля за деятельностью органов публичной власти // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 20-26.
9. Пешин Н.Л. Особенности муниципального публично-властного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 55-62.
10. Приказ МВД России от 28.06.2022 № 468 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции».
11. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Правовая политика в сфере государственного контроля и надзора // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 25.
12. Телегин А.С. Административное право. Пермь, 2020. С. 267.
13. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации».
14. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).

Control and supervision: problems of terminology in Russian legislation

Dmitrii K. Ditrikh

General Director,
“Unified Center for Cadastre and Geodesy” LLC,
197348, 1, 5, Bogatyrskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: jusi-frut@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is to analyze the development of legislation on state control (supervision) in order to identify positive development trends in the framework of the reform of control and supervisory activities in the Russian Federation, as well as problematic aspects that need to be finalized and improved for better functioning of the state control system as a whole. Ensuring

the rule of law in a particular area or branch of public administration is one of the main activities, primarily of the state executive authorities. The main organizational and legal methods of its provision are state control, state supervision and state control and supervisory activities. Considering the stages of the reform of control and supervisory activities in the Russian Federation, one cannot but pay attention to the theoretical issue of the relationship between the concepts of control and supervision used in modern scientific and legal literature and current legislation. Theoretical and practical discussions around these legal categories cause controversy among lawyers, experts in the field of administrative law, which indicates the presence of problems in this area. In this regard, a number of questions arise, in particular: is there a similarity between the concepts of control and supervision in their actual and legal content?

For citation

Ditrikh D.K. (2023) Kontrol' i nadzor: problemy terminologii v rossiiskom zakonodatel'stve [Control and supervision: problems of terminology in Russian legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 377-383. DOI: 10.34670/AR.2023.63.38.048

Keywords

Control, supervision, control activity, check, control reform.

References

1. Amanalieva B.K. (2015) *Ezhegodnik publichnogo prava 2015: Administrativnyi protsess* [Public Law Yearbook 2015: Administrative Process]. Moscow: Infotropik Media Publ.
2. Andreeva Yu.A. (2009) K voprosu o sootnoshenii ponyatii «kontrol'» i «nadzor» [On the issue of the relationship between the concepts of “control” and “supervision”]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 2, pp. 6-8.
3. Andreeva Yu.A. (2009) Sootnoshenie kontrolya i nadzora kak funktsii organov ispolnitel'noi vlasti [The relationship between control and supervision as functions of executive authorities]. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN. Administrativnye pravootnosheniya: voprosy teorii i praktiki* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Administrative legal relations: issues of theory and practice], 1, pp. 83-90.
4. Arzhanov V.V. (2020) Administrativno-pravovye sposoby obespecheniya zakonnosti i distsipliny (podkhody Saratovskoi shkoly administrativnogo prava) [Administrative and legal methods of ensuring legality and discipline (approaches of the Saratov school of administrative law)]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 3, pp. 47-50.
5. Baranov M. (2011) Sootnoshenie ponyatii «gosudarstvennyi kontrol'» i «gosudarstvennyi nadzor»: teoriya i praktika voprosa [Correlation of the concepts of “state control” and “state supervision”: theory and practice of the issue]. *Pravo i zhizn'* [Law and Life], 7-8, pp. 68-100.
6. *Federal'nyi zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 29.12.2022) «O prokurature Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 (as amended on December 29, 2022) “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”].
7. *Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 05.12.2022) «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023)* [Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020 (as amended on December 5, 2022) “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on January 11, 2023)].
8. Gorshenev V.M., Shakhov I.B. (1987) *Kontrol' kak pravovaya forma deyatelnosti* [Control as a legal form of activity]. Moscow.
9. Grabko O.V. (2018) Ponyatie i spetsificheskie cherty grazhdansko-pravovogo kontrolya [Concept and specific features of civil law control]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 9, pp. 60-68.
10. Peshin N.L. (2019) Osobennosti munitsipal'nogo publichno-vlastnogo kontrolya [Features of municipal public control]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 7, pp. 55-62.
11. *Prikaz MVD Rossii ot 28.06.2022 № 468 «Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva vnutrennikh del*

Rossiiskoi Federatsii po osushchestvleniyu federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migratsii» [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2022 No. 468 “On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the implementation of federal state control (supervision) in the field of migration”].

12. Sokolov A.Yu., Lakaev O.A. (2020) Pravovaya politika v sfere gosudarstvennogo kontrolya i nadzora [Legal policy in the field of state control and supervision]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 2, p. 25.
13. Telegin A.S. (2020) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Perm.
14. Zubarev S.M. (2014) Sistema obshchestvennogo kontrolya za deyatelnost'yu organov publichnoi vlasti [System of public control over the activities of public authorities]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 10, pp. 20-26.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.90.96.049

Понятие, виды и системообразующие признаки безвозмездных договоров в современном гражданском законодательстве

Абесалашвили Маринэ Зауровна

Кандидат юридических наук,
заместитель директора по научной работе
и дополнительному образованию,
Региональный институт в г. Темрюке,
Московский государственный университет технологий и управления,
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: abesala_m@mail.ru

Тутарищева Светлана Муратовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Пшизова Елена Насурдиновна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: e_n_0901@mail.ru

Аннотация

В статье авторы раскрывают виды и системообразующие признаки безвозмездных договоров, таких как договор дарения, договор пожертвования и договор безвозмездного пользования имуществом. В исследовании показано, что договор дарения выделен в отдельный тип договоров, поскольку ему присущи характерные признаки, отличающие его от других договоров. Основной квалифицирующий признак договора дарения – безвозмездность (даритель не получает встречного предоставления со стороны одаряемого и не рассчитывает на это). Передача дарителем имущества в качестве дара одаряемому имеет своим результатом непосредственное возникновение у одаряемого права собственности на подаренное имущество. Заключение договора дарения не порождает никаких обязательственно-правовых отношений, а приводит к возникновению права собственности на подаренное имущество у одаряемого. Важными как для теории, так и для правоприменительной практики являются вопросы о соотношении дарения и безвозмездной уступки права требования, а также прощения долга. Очевидно, что данные

институты не тождественны, но имеют общие признаки. Пожертвование является видом благотворительности, считается разумным отнести данные цели к направлениям общепользуемой деятельности. Договор пожертвования в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации на сегодняшний день занимает следующее положение – он является подвидом договора дарения. Подобной точки зрения придерживается большинство ученых, но данный вопрос по сей день остается предметом оживленных дискуссий.

Для цитирования в научных исследованиях

Абесалашвили М.З., Тутарищева С.М., Пшизова Е.Н. Понятие, виды и системообразующие признаки безвозмездных договоров в современном гражданском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 384-391. DOI: 10.34670/AR.2023.90.96.049

Ключевые слова

Безвозмездные договоры, договор дарения, безвозмездность, одаряемый, даритель, договор пожертвования, договор безвозмездного пользования имуществом, ссудополучатель, ссудодатель.

Введение

Согласно современной гражданско-правовой доктрине, договор характеризуется рядом традиционных признаков, а именно: а) свободное – волеизъявление сторон, б) согласие сторон по всем существенным условиям договора, в) юридическое равенство сторон, г) юридические гарантии исполнения договоров, д) возмездный (по общему правилу) характер действий сторон в решении предусмотренных задач, е) взаимная ответственность сторон за невыполнение принятых обязательств.

При всем многообразии существующих видов договоров необходимо констатировать, что сущность договора как гражданско-правового института и разновидности гражданско-правовой сделки не меняется в зависимости от субъектного состава, содержания, сферы применения или иного основания классификации.

В соответствии с принципом свободы договора в Российской Федерации стороны могут заключить, договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными, правовыми актами [Забоев, 2002, 16].

Основная часть

Классифицируя договоры на возмездные и безвозмездные, следует придерживаться устоявшейся в научной литературе точки зрения о том, что безвозмездные договоры, в отличие от возмездных, не предполагают со стороны контрагента какой-либо компенсации, ради которой заключается договор.

Безвозмездные договоры занимают, по нашему мнению, достаточно скромное место по сравнению с возмездными в системе договорных институтов. Следует отметить, что сфера применения безвозмездных договоров, ограниченная в советский период, в настоящее время расширяется. Мы предполагаем, что данная тенденция в будущем сохранится в связи с тем, что

отношения благотворительности являются характерной чертой экономически зрелого общества, на становление которого нацелена Российская Федерация. Логично предположить, что законодатель должен учитывать указанную тенденцию и формировать систему безвозмездных договорных институтов [Трофимова, 2015, 29].

В соответствии с п. 1 ст. 572 ГК РФ «по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом».

В данной норме, мы можем сделать вывод о том, что законодатель демонстрирует нам отношение к договору не как к односторонней сделке, а именно как к договору. Как отмечает Е. Суханов, «дарение является договором, а не односторонней сделкой, так как всегда требует согласия одаряемого» [Суханов, 2016, 225].

Договор дарения, по которому даритель передает одаряемому вещь, либо имущественное право, либо освобождает от имущественной обязанности, является реальным, т.е. считается заключенным в момент совершения соответствующего действия.

Договор дарения, по которому даритель обязуется передать одаряемому вещь, либо имущественное право, либо обязуется освободить от имущественной обязанности, является консенсуальным, т.е. считается заключенным в момент достижения соглашения по поводу всех существенных условий договора.

Любой договор дарения по мнению Княгницкой А.А. и Абесалашвили М.З. «всегда является безвозмездным, т.е. по данному договору даритель не получает встречного предоставления от одаряемого. Если же даритель получает какое-либо встречное предоставление, то такой договор дарения может быть признан притворной сделкой в силу п. 2 ст. 170 ГК РФ. При этом традиционное символическое встречное предоставление не порочит договор дарения» [Княгницкая, 2021, 107].

Основанием договора дарения является не само по себе желание одарить, а намерение передать имущество безвозмездно.

Безвозмездность как главный квалифицирующий признак договора дарения не означает, что одаряемый вообще свободен от любых имущественных обязанностей [Абесалашвили, 2023, 240].

Так, передача дара может быть обусловлена его использованием в общепользовных целях, в том числе по какому-либо определенному назначению (пожертвование). Существенным условием договора пожертвования по общим правилам является условие о предмете договора. Однако если речь идет об особых видах договора пожертвования, например о пожертвовании в целях сохранения культурных ценностей и развития деятельности в сфере культуры и образования, то в таком договоре существенными будут условия о цели, направлении, форме и содержании меценатской деятельности.

Таким образом, основное отличие пожертвования от дарения состоит в объявлении цели, назначения для использования передаваемого имущества. Пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. Если одаряемым является гражданин и в договоре отсутствует указание на цели и назначение использования имущества, то такой договор признается дарением (п. 3 ст. 582 ГК РФ).

Частным случаем договора пожертвования является договор пожертвования денежных

средств. Его существенными условиями (помимо цели и назначения использования) будут условия о предмете – размер и валюта денежных средств. Также можно предусмотреть порядок передачи денежных средств – одновременно или частями, способ передачи – наличными, безналичными перечислениями и срок их передачи [Гурьянова, 2023].

Рассматривая договор безвозмездного пользования имуществом, мы делаем вывод о том, что данный вид договора наибольшее распространение имеет в личных и бытовых некоммерческих отношениях, обусловленных родственными связями, дружбой, соседством.

По мнению Гришаева С.П., Свита Ю.П., Богачевой Т.В. «возрастание роли безвозмездного пользования в деятельности по обеспечению общественных и публичных интересов при реализации задач в области культуры, просвещения, библиотечного дела, социальной поддержки» [Гришаев, 2021]. Практикующие юристы отмечают, что вне зависимости от вида имущества довольно часто необходимость заключения договоров безвозмездного пользования (ссуды) возникает во взаимодействии коммерческих организаций (например, в целях рекламы, для тестирования потребительских свойств товарной продукции и др.) [Кузина, 2018, 105].

Цель договора безвозмездного пользования имуществом (договора ссуды) состоит в обеспечении предоставления имущества во временное пользование. «Ссудополучатель, как правило, нуждается в имуществе, передаваемом ему в пользование. Пользуясь имуществом, он удовлетворяет свои потребности. Но при этом ссудодатель делает ему одолжение (предоставление), не получая взамен никакого удовлетворения»

В качестве ссудодателя может выступать собственник или лицо, уполномоченное законом или собственником. Однако, согласно п.2 ст. 690 ГК РФ, если ссудодателем является коммерческая организация, то ссудополучателем не может выступать учредитель, участник, руководитель, член органов управления и контроля этой организации.

Договор ссуды может иметь как консенсуальный, так и реальный характер. Консенсуальный договор ссуды имеет место в случаях, когда стороны оговаривают, что обязательство ссудодателя передать вещь в безвозмездное пользование возникает с момента заключения договора. В тех случаях, когда стороны оговаривают, что договор ссуды считается заключенным с момента передачи вещи в безвозмездное пользование, договор имеет реальный характер.

Консенсуальные договоры ссуды являются двусторонними, но они лишены признака взаимности. Дело в том, что обязанность ссудодателя передать имущество в безвозмездное пользование не корреспондируется с правом ссудополучателя требовать такой передачи. В силу безвозмездного характера договора ссуды при неисполнении ссудодателем обязательства по предоставлению имущества в безвозмездное пользование ссудополучатель не располагает правом требования передачи имущества в натуре (как это происходит при реализации арендных обязательств), а может лишь потребовать от ссудодателя расторжения договора и возмещения понесенного им реального ущерба (ст. 692 ГК РФ).

Двусторонний характер договора ссуды, как консенсуального, так и реального, выражается в различных правах и обязанностях, лежащих на обеих сторонах, так на ссудодателе, помимо прав, лежит обязанность отвечать за недостатки имущества, переданного в безвозмездное пользование (ст. 693 ГК РФ), и за вред, причиненный третьему лицу в результате использования вещи (ст. 697 ГК РФ). Хотя законодатель выделил несколько разновидностей договора безвозмездного пользования, например, договор безвозмездного пользования жилым помещением, а также договоры социального и коммерческого найма жилого помещения.

При оформлении договора безвозмездного пользования применяются отдельные правила

договора аренды, но основное отличие договора аренды от договор безвозмездного пользования заключается в том, что «договор аренды предусматривает предоставление вещи во временное пользование на платной основе, а договор безвозмездного пользования – на бесплатной» [Кузьминова, 2017, 63].

По нашему мнению, к числу наиболее острых проблем правового обеспечения механизма безвозмездного пользования (ссуды) относится отсутствие примерных форм договора о безвозмездной передаче в собственность некоммерческих организаций имущества различного, в том числе культового назначения, составляющего государственную собственность договора безвозмездного пользования указанным имуществом, договора о совместном с государственными унитарными предприятиями (государственными учреждениями) использовании данного имущества, находящегося в государственной собственности, обязательства по сохранению объектов культурного наследия.

В современном мире безвозмездное пользование не типично для коммерческого оборота, так как предоставляющая сторона не преследует цели извлечения прибыли. Однако институт безвозмездного пользования, как полагает Евсеев Е.Ф. – «явление довольно распространенное в личных и бытовых отношениях, в государственном секторе, а также часто используется в просветительских, благотворительных и иные социально значимых целях» [Евсеев, 2014, 32].

На практике довольно часто возникает ситуация, когда коммерческим организациям необходимо заключить договор о безвозмездном предоставлении имущества в пользование. Подобного рода сделки могут совершаться в разных целях, например в целях «рекламы, укрепления и развития деловых связей, а также для освобождения ссудодателя от забот и затрат по содержанию части своего имущества, которое временно не эксплуатируется».

Другой распространенный случай – безвозмездный договор на тестирование/демонстрацию оборудования, дающий потенциальному покупателю возможность ознакомиться со всеми аспектами работы интересующего его устройства и в дальнейшем принять взвешенное решение о покупке товара либо об отказе от нее. В приведенной ситуации основной интерес покупателя состоит не в получении плодов/продукции/доходов (как в арендных отношениях), а в исследовании потребительских (эксплуатационных) качеств вещи.

Иногда такие договоры сразу содержат условие о праве на выкуп товара. При этом среди практикующих юристов отсутствует единая точка зрения на вопрос о том, насколько вероятен риск признания такой сделки ничтожной на основании норм о запрете дарения в отношениях между коммерческими организациями (подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ) [Кузина, 2018, 109].

Можно с уверенностью сказать, что нет никаких оснований применять положения о запрете дарения к договорам о безвозмездной передаче имущества во временное пользование в отношениях между коммерческими организациями.

Направленность обязательств, возникающих из договора безвозмездного пользования на предоставление имущества в пользование, делает возможным применение к нему некоторых положений законодательства о договоре аренды, а именно – норм ГК РФ о предмете договора (объекте) ссуды (ст. 607), сроке договора (п. 1 и ч. 1 п. 2 ст. 610), условиях пользования и последствиях их нарушения (п. 1 и 3 ст. 615), продлении договора на неопределенный срок путем совершения конклюдентных действий ссудополучателем и отсутствия возражений со стороны ссудодателя (п. 2 ст. 621) и о судьбе улучшений имущества, осуществленных ссудополучателем (п. 1 и 3 ст. 623).

По общему правилу бремя содержания имущества, переданного в безвозмездное пользование (например, расчеты по оплате эксплуатационных, коммунальных и

административно-хозяйственных услуг и пр.), несет ссудополучатель (если иное не предусмотрено договором). В силу различных причин отдельные расходы по содержанию имущества, возлагаемые в установленном порядке на ссудополучателей, могут производиться ссудодателями (в том числе по решению суда) с последующей компенсацией затрат первыми.

Заключение

Содержанием дарения является процесс передачи имущества (распорядительная сделка) вне зависимости от того, на каком основании это имущество стало принадлежностью имущественной сферы одаряемого. Отсутствие совершения распорядительной сделки в пределах установленной между субъектами обязательственной связи не может привести к изменению их имущественных сфер, а, следовательно, не может расцениваться в качестве дарения.

Таким образом, договор дарения выделен в отдельный тип договоров, поскольку ему присущи характерные признаки, отличающие его от других договоров:

Основной квалифицирующий признак договора дарения – безвозмездность (даритель не получает встречного предоставления со стороны одаряемого и не рассчитывает на это).

Передача дарителем имущества в качестве дара одаряемому имеет своим результатом непосредственное возникновение у одаряемого права собственности на подаренное имущество. Заключение договора дарения не порождает никаких обязательственно-правовых отношений, а приводит к возникновению права собственности на подаренное имущество у одаряемого.

Важными, как для теории, так и для правоприменительной практики являются вопросы о соотношении дарения и безвозмездной уступки права требования, а также прощения долга. Очевидно, что данные институты не тождественны, но имеют общие признаки.

Пожертвование является видом благотворительности, считается разумным отнести данные цели к направлениям общепользуемой деятельности.

Договор пожертвования в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации на сегодняшний день занимает следующее положение - он является подвидом договора дарения. Подобной точки зрения придерживается большинство ученых, но данный вопрос по сей день остается предметом оживленных дискуссий.

Современное регулирование договора ссуды направлено не на стирание его особенностей, а на индивидуализацию (спецификацию) норм указанного договора, что предполагает его самостоятельное существование в системе договоров, направленных на пользование имуществом.

Библиография

1. Абесалашвили М.З. Особенности договора дарения в современном гражданском праве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 7А. С. 239-244.
2. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС «КонсультантПлюс». 2021.
3. Гурьянова Н.В. Договор пожертвования // СПС «КонсультантПлюс». 2023.
4. Евсеев Е.Ф. Устная сделка // Законодательство и экономика. 2014. № 7. С.32.
5. Забоев К.И. Принцип свободы договора в Российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 26 с.
6. Княжницкая А.А. Развитие договора дарения в гражданском праве // Перспективы развития институтов права и государства. Курск, 2021. С. 106-110.
7. Кузина М.И. О возможности заключения договора ссуды коммерческими организациями // Российский

- юридический журнал. 2018. № 2. С. 105-109.
8. Кузьминова Д. Безвозмездное пользование недвижимым имуществом: спорные ситуации и практика их решения // Жилищное право. 2017. № 5. С. 63.
9. Суханов Е.А. (ред.) Российское гражданское право: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право. М.: Статут, 2016. 1208 с.
10. Трофимова Г.А. Дарение: разностороннее правовое регулирование // Гражданин и право. 2015. № 2. С. 29-35.

The concept, types and system-forming features of gratuitous contracts in modern civil legislation

Marine Z. Abesalashvili

PhD in Law,
Deputy Director for Research and Additional Education,
Regional Institute in Temryuk,
Moscow State University of Technologies and Management,
353500, 4E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: abesala_m@mail.ru

Svetlana M. Tutarishcheva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Elena N. Pshizova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: e_n_0901@mail.ru

Abstract

In the article, the authors reveal the types and system-forming features of gratuitous contracts, such as a gift agreement, a donation agreement and an agreement for the gratuitous use of property. The study shows that the gift agreement is singled out as a separate type of agreement, since it has characteristic features that distinguish it from other agreements. The main qualifying feature of a gift agreement is gratuitousness (the donor does not receive reciprocal provision from the donee and does not count on it). The transfer by the donor of property as a gift to the donee results in the immediate emergence of the donee's right of ownership of the donated property. The conclusion of a gift agreement does not give rise to any legal obligations, but leads to the emergence of ownership rights to the donated property in the donee. Important both for theory and for law enforcement practice are questions about the relationship between donation and gratuitous assignment of the right

of claim, as well as debt forgiveness. It is obvious that these institutions are not identical, but have common features. Donation is a type of charity; it is reasonable to classify these goals as areas of generally beneficial activity. The donation agreement in the system of civil law contracts of the Russian Federation today occupies the following position, it is a subtype of the gift agreement. This point of view is shared by most scientists, but this issue remains the subject of lively debate to this day.

For citation

Abesalashvili M.Z., Tutarishcheva S.M., Pshizova E.N. (2023) Ponyatie, vidy i sistemoobrazuyushchie priznaki bezvozmezdnykh dogovorov v sovremennom grazhdanskom zakonodatel'stve [The concept, types and system-forming features of gratuitous contracts in modern civil legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 384-391. DOI: 10.34670/AR.2023.90.96.049

Keywords

Gratuitous agreements, gift agreement, gratuitousness, donee, donor, donation agreement, agreement for gratuitous use of property, borrower, lender.

References

1. Abesalashvili M.Z., Bagova I.R., Tutarishcheva S.M. (2023) Osobennosti dogovora dareniya v sovremennom grazhdanskom prave [Features of a donation contract in modern civil law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (7A), pp. 239-244. DOI: 10.34670/AR.2023.22.92.028
2. Evseev E.F. (2014) Ustnaya sdelka [Oral transaction]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economics], 7, p. 32.
3. Grishaev S.P. (2021) Postateinyi kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chast' vtoraya [Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part two]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [Legal reference system "ConsultantPlus"].
4. Gur'yanova N.V. (2023) Dogovor pozhertvovaniya [Donation agreement]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [Legal reference system "ConsultantPlus"].
5. Knyagnitskaya A.A. (2021) Razvitie dogovora dareniya v grazhdanskom prave [Development of a gift agreement in civil law]. In: *Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva* [Prospects for the development of institutions of law and state].
6. Kuzina M.I. (2018) O vozmozhnosti zaklyucheniya dogovora ssudy kommercheskimi organizatsiyami [On the possibility of concluding a loan agreement by commercial organizations]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2, pp. 105-109.
7. Kuz'minova D. (2017) Bezvozmezdnoe pol'zovanie nedvizhimym imushchestvom: spornye situatsii i praktika ikh resheniya [Gratuitous use of real estate: controversial situations and the practice of resolving them]. *Zhilishchnoe pravo* [Housing Law], 5, pp. 63.
8. Sukhanov E.A. (ed.) (2016) *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 2. Obyazatel'stvennoe pravo* [Russian civil law: in 2 volumes. Vol. 2. Law of Obligations]. Moscow: Statut Publ.
9. Trofimova G.A. (2015) Darenie: raznostoronnee pravovoe regulirovanie [Donation: diverse legal regulation]. *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2, pp. 29-35.
10. Zaboiev K.I. (2002) *Printsip svobody dogovora v Rossiiskom grazhdanskom prave. Doct. Dis.* [The principle of freedom of contract in Russian civil law. Doct. Dis.]. Yekaterinburg.

УДК 343.13

DOI: 10.34670/AR.2023.34.88.050

Право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное право

Егорова Раиса Евгеньевна

Старший преподаватель кафедры специальной и автомобильной техники,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: egorova461a@yandex.ru

Аннотация

На основе анализа теоретических аспектов концепции субъективных прав в общей теории права и в уголовно-процессуальной науке в статье предпринята попытка определить, какие специфические черты присущи праву на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективного права публичной отрасли. Подробно проанализирован вопрос о том, является ли право на разумный срок уголовного судопроизводства субъективным правом, правом человека или «основным правом». Методология исследования представлена общенаучными методами исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение и частнонаучными методами юридического исследования: сравнительно-правовым, историческим и специально-юридическим. В ходе исследования были сформулированы теоретические положения, характеризующие право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное публичное право. В исследовании показано, что право на разумный срок уголовного судопроизводства является отраслевым проявлением права на судебную защиту. Обязанность государства организовать и реализовать производство судебного процесса в разумные сроки, таким образом, имеет принципиальное значение для защиты прав человека. В контексте права на разумный срок конвергенция частного и публичного прослеживается отчетливо: достижение блага – разумной продолжительности уголовного судопроизводства, отвечает и интересам конкретных участников уголовного процесса, и общества в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Егорова Р.Е. Право на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективное право // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 392-402. DOI: 10.34670/AR.2023.34.88.050

Ключевые слова

Разумный срок уголовного судопроизводства, субъективные права, основные права, уголовный процесс, субъективные публичные права частных лиц.

Введение

Вокруг концепции субъективных прав в уголовном процессе ведутся многочисленные теоретические споры. В рамках данной статьи мы сконцентрируем внимание на четырех основных моментах: обсудим содержание понятия «субъективное право»; рассмотрим соотношения между объективным законом и субъективным правом, а также законным интересом и субъективным правом; исследуем проблему самого существования субъективных прав в публичных отраслях права, к которым относится и уголовный процесс; и, наконец, предпримем попытку определить, какие специфические черты присущи праву на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективному праву публичной отрасли.

Основная часть

Анализ законодательства и академической литературы позволяет констатировать присутствие категории «субъективные права» на различных уровнях юридического дискурса (правотворчество, правоприменение, доктрина) и ее глубокие исторические корни.

С XIX века дискуссия по вопросу определения понятия «субъективное право» продолжала развиваться, но консенсуса по той или иной дефиниции не возникло. Правоведы пытаются объяснить сущность субъективного права с позиций одной из трех господствующих теорий. Первая – теория воли (Савиньи, Виндшайд, Кельзен), базовый постулат которой – «иметь право» означает «иметь право осуществлять власть». В данной теории сила воли – это исключительный контроль в области, предоставленной объективным законом, т.е. субъективное право – это право юридически санкционированного волеизъявления. Вторая – теория интереса (Иеринг, Тон), в рамках которой было сформулировано наиболее распространенное определение субъективных прав: «права есть охраняемые законом интересы», где интересы понимаются как регулятивная цель или просто фактическая выгода. И третья – комбинаторная (смешанная, эклектическая) теория (Еллинек), выступает за сочетание в различных пропорциях этих двух подходов и описывает субъективное право, как «юридическую власть», которая дарована индивиду правовой системой с целью удовлетворения человеческих интересов.

Признавая существование субъективных прав, юристы ведут полемику относительно их места в правовой системе: является ли субъективное право первичным (врожденным, естественным) или производным (продуктом верховенства объективного права)? В доминирующем сейчас позитивистском контексте преобладает тезис о логическом первенстве и хронологическом приоритете объективного права (закона): субъективные права существуют лишь в пределах, которые очерчиваются различными нормами права и на условиях, установленных ими [Юношев, Жирова, Убасев, 2019, 51]. Так, по мнению Е.А. Лукашевой, «субъективное право, как юридическая категория означает выраженные в *норме права и закрепленные в ней* (курсив – наш): свободу поведения индивида в границах, установленных нормой права; возможность для индивида пользоваться определенным социальным благом; полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других; возможность обратиться в суд для защиты нарушенного права» [Лукашева, 1996, 35]. Аналогичным образом рассуждает и Н.И. Матузов, утверждая, что «субъективное право – это *создаваемая и гарантируемая государством через нормы объективного права* (курсив – наш) особая юридическая возможность...» [Бакулина, 2017, 151]. Таким образом, объективное право очерчивает поле, внутри которого беспрепятственно должно осуществляться влияние воли

субъекта субъективного права для удовлетворения его интереса. Признание субъективных прав влечет за собой обязанность государства обеспечить реальное удовлетворение тех возможностей, которые входят в структуру субъективного права: пользоваться социальным благом, активно действовать для удовлетворения своего интереса или отказаться от действия, требовать должного поведения от обязанного лица; прибегать к мерам защиты.

Понятия субъективного права и интереса нельзя ни радикально противопоставить, ни полностью отождествлять. Право и интерес имеют общую область: хотя не всякий интерес обязательно соответствует субъективному праву, но признание всякого субъективного права предполагает в его основе наличие интереса.

Ряд исследователей, признавая существование субъективных прав, относят их исключительно к сфере частного права, вообще отрицая существование публичных субъективных прав, либо рассматривая их как распространение отдельных частных субъективных прав на публичную сферу [Токарев, 2020, 70]. Иеринг, например, писал, что есть законы, которые защищают наши интересы, не предоставляя нам прав – административные и уголовные законы защищают нас, но не в форме присущего нам права [Иеринг, 2006, 407-413].

Зарождение идеи о субъективации публичного права связывают со ставшим классическим трудом Г. Еллинека «Система субъективных публичных прав» (1892), в котором немецкий ученый обосновал необходимость отграничивать субъективные частные и субъективные публичные права. Он считал, что закон направляет, ограничивает первоначальную свободную волю людей, это «система возможностей воли». Данная идея работает для построения системы частного права, где необходимо уравнивание конкурирующих равноценных волей: свобода воли состоит в возможности делать то, что не причиняет вреда чужой воле, и закон, объективное правило, определяет эту границу, понимаемую как равновесие. Но если публичное право отличается от частного права тем, что обретает свою дисциплинарную автономию в идее господства, то идея воли в публичном праве не может быть балансирующей, поскольку единственная воля, которая может господствовать – это воля государственного лица. Далее Еллинек задается вопросом: как следует трактовать термин «публично-правовые отношения»? Для решения этой проблемы ученый выдвигает и обосновывает теорию о самоограничении государства: воля индивида не может быть противопоставлена чистой воле господства государства, однако воля личности может мыслиться как юридически способная остановить волю государства, когда речь идет об охране той сферы ее интересов, которой государство себя ограничивает.

Таким образом, исходя из рассуждений Еллинека, в самом общем смысле публичные права частных лиц – это указание на способность лица требовать определенного поведения от власти в качестве юридической обязанности по отношению к обладателю указанного права либо ожидать от органов государственной власти соблюдения закона.

Идеи Еллинека о существовании субъективных публичных прав получили развитие в трудах зарубежных и отечественных правоведов: Дюги, О. Майера, Л. Мари, Г. Мейера, А.И. Елистратова, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, Г.Ф. Шершеневича, Г.В. Мальцев, Ю.Н. Старилова и др.

Из множества подходов к понятию субъективных публичных прав, предложенных российскими правоведом, остановимся на определении, предложенном А.Б. Зеленцовым. Ученый исходит не из теории воли или интереса, а из факультативной способности делать или не делать и рассматривает субъективное публичное право как «установленную и гарантированную законом возможность действовать определенным образом ради достижения

определенного блага, которая выражает меру и вид допустимого поведения в сфере публичного управления и дозволение требовать соответствующего поведения от правообязанного субъекта» [Винницкий, 2018, 58]. Конкретизируя указанное определение, А.В. Винницкий отмечает, что субъективное право реализуется в публичном правоотношении, складывающемся между частным лицом и публичным субъектом [Зеленцов, 2012], причем направлено на достижение синкретичного интереса – и публичного и частного.

Применительно к уголовно-процессуальной сфере А.С. Александров в своей монографии «Диспозитивность в уголовном процессе» ставит весьма интересный вопрос: следует ли разграничивать понятия «процессуальные права» и «субъективные публичные права»? Ученый вначале дает утвердительный ответ, обосновывая свою позицию следующим образом. Признаком субъективного права, будь то частное или публичное, является диспозитивность, т.е. возможность распоряжаться своим правом для удовлетворения процессуального интереса, которая связана с состязательностью. Исходя из того, что состязательность предполагает отстаивание каждой из сторон конфликта своей позиции и интересов перед лицом независимого и беспристрастного суда, участники следственного вида уголовного процесса, по мнению А.С. Александрова, наделены преимущественно процессуальными правами, а стороны состязательного уголовного судопроизводства – субъективными публичными правами. Состязательная форма процесса фактически реализуется лишь в суде, а на досудебных стадиях у участников процесса практически нет субъективных прав, но есть права уголовно-процессуальные, которые следует расценивать как средства решения задач уголовного процесса. Впрочем, профессор делает оговорку: на досудебных стадиях уголовного процесса субъективными, а не процессуальными правами будут являться те права, реализация которых гарантирована возможностью судебного обжалования. В обосновании своей мысли ученый приводит пример с фактической невозможностью реализации обвиняемым своего права на защиту на досудебных стадиях в форме отказа [Александров, 1997, 74-80].

Мы согласны с тем, что на практике отказ от защитника на досудебных стадиях *de facto* невозможен, поскольку неучастие защитника с большой долей вероятности приводит к признанию показаний обвиняемого, подозреваемого недопустимым доказательством (п.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Вместе с тем, с юридической точки зрения, возможность отказаться от защитника прямо предусмотрена законом – ч. 1 ст. 52 УПК РФ, однако это право отказа ограничено – отказ от защитника не обязателен для уполномоченного лица, и невозможен в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ. В приведенном примере речь скорее должна идти не об отсутствии диспозитивности и/или состязательности, а о неправомерном поведении лица, проводящего предварительное расследование, выражающегося в принуждении участника уголовного процесса к реализации права.

Отметим, что идея об объеме власти над правом как критерия разграничения далеко не нова, однако традиционно этот критерий используется для отделения частного субъективного права от публичного. Начиная с работ Г. Еллинека, эта мысль получает развитие в трудах Б.А. Кистяковского, В. Случевского, Р.Е. Гукасяна, А.И. Елистратова. Считается, что для субъекта частнопроводимых отношений, существующих в формате личность–личность, характерен более широкий объем власти в сфере распоряжения своим субъективным правом, в частности, возможность передачи, отказа, действия, требования и предотвращения нарушения. Для невластного субъекта публично-правовых отношений, существующих в формате личность–государство, распоряжение своим правом возможно, самое большее, в форме отречения.

А.С. Александров, используя указанную аргументацию и высказывая сомнение в наличии у

субъективного права многоэлементной сложной структуры, приходит к выводу, что в уголовном процессе следует говорить не о субъективных правах, а о субъективных правопритязаниях как конкретно-активных «требованиях, вытекающих из субъективного права» [там же, 82-83]. Соответственно процессуальные права – «это субъективные публичные правопритязания субъектов уголовного судопроизводства» на вынесение судом «правильного решения, обладающего установленною законом правовой силой» [там же, 83-85]. Далее ученый, на наш взгляд несколько непоследовательно, уже говорит о процессуальных правах как субъективных публичных правах в форме правопритязаний, т.е. конкретных средствах и способах, посредством активного использования которых, субъект уголовного процесса достигает своей процессуальной цели [там же, 89]. Таким образом, не совсем ясно, разграничивает ли все-таки А.С. Александров понятия «процессуальные права», «субъективные публичные права» и «субъективные правопритязания» и где конкретно проходит демаркационная линия. Полагаем, что данный вопрос имеет лишь теоретический интерес, но не практическое значение.

Полагаем более взвешенным подход Л.В. Головки, согласно которому уголовно-процессуальные правоотношения включают в себя субъективные права и юридические обязанности частных лиц, властные полномочия публичных субъектов и профессиональные правомочия лиц, оказывающих частным лицам юридическую помощь [Головка, 2017].

Ученые-процессуалисты относительно субъективных прав в уголовном процессе, в целом, придерживаются классического для общей теории права подхода и рассматривают их как неразрывную взаимосвязь четырех выше обозначенных элементов: пользование благом, право действия/бездействия, право требования и право на государственную защиту [Масленникова, 2018].

Специфика субъективных публичных прав зависит от характера юридической связи индивидуума с публично-властным субъектом, т.е. от преобладающего метода регулирования общественных отношений, предмета, функций и принципов конкретной отрасли права. Какие же специфические черты можно определить в праве на разумный срок уголовного судопроизводства как субъективном праве публичной отрасли?

Пленум Верховного Суда РФ признает право на разумный срок уголовного судопроизводства неотчуждаемым и непередаваемым. Законодатель не связывает владение указанным правом со статусом участника уголовного судопроизводства – право на компенсацию имеют также «в предусмотренных федеральным законом случаях другие заинтересованные лица, при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок» (ч. 1 ст. 1 Федерального закона 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок ...»). К таковым лицам, в частности, можно отнести пострадавших, лиц, в отношении которых ведется проверка, лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Рассматривая право на разумный срок уголовного судопроизводства в международном контексте, отметим, что во Всеобщую декларацию прав человека 1948 года указанное право включено не было, и, соответственно к «первому поколению» прав отнесено быть не может. Впоследствии мировое сообщество, стремясь признать трансформацию правовых ожиданий индивидов, вытекающую из развития новых форм взаимоотношений между ними и государством, сначала включило в перечень прав «второго поколения» право арестованного или задержанного по уголовному обвинению на судебное разбирательство в течение разумного срока (ч. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах),

конкретизировало его в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, установив право каждого на справедливое и публичное разбирательство в течение разумного срока независимым и беспристрастным судом. Таким образом, рассмотрение судебных дел в разумные сроки становится международным обязательством, которое государство берет на себя, одобряя вышеупомянутые международные документы и делая их частью нашего внутреннего права.

Включение права на разумный срок в международные стандарты прав человека, порождает вопрос о том, является ли анализируемое право просто субъективным правом, правом человека или «основным правом»? Сложность ответа на данный вопрос проистекает из того, что в теоретических исследованиях и правоприменительной практике различие между этими понятиями зачастую не осознается, а общепризнаваемые критерии разграничения пока не выработаны. Кратко охарактеризуем основные теоретические моменты.

Концепция прав человека берет свое начало в доктрине естественного права, согласно которой индивид может обладать правами только исходя из его исключительной индивидуальности, а не в силу какой-либо установленной законом принадлежности, эти права (или их часть) являются «естественными правами человека». Таким образом, ключевая идея указанной доктрины в том, что существуют естественные, врожденные права человека, которые предшествуют любому позитивному правовому порядку, и зародилась она как противовес абсолютной власти монарха. Относительно «естественного права», критика какое-то время была единодушной, хоть и с разными аргументами: понятие прав личности немислимо вне рамок государства (Еллинек, Кельзен) или общества (Дюги), соответственно детерминирование понятия «права человека» из изолированного индивидуума, не имеющего сношений с другими, нежизнеспособно. Утверждая первенство права человека над властью государства, это учение, конечно, позволяло обосновывать негативные обязательства государства (права-свободы), но, с другой стороны, не позволяло аргументировать наличие позитивных обязательств (социальные права), которые также ложатся на плечи современного государства.

Определений прав человека бесконечное множество. Многие авторы подчеркивают, что это те, которые присущи индивидууму от рождения просто в силу человеческой природы, а не являются уступкой политического сообщества (концепция естественного права); что именно они определяют в каждый исторический момент те требования достойного существования человека, которые должны быть признаны национальным и международным правопорядком, и уважаться властью. Права человека возникают и существуют независимо от правового порядка, предшествуют ему, а государственная власть обязательно должна их признавать, если не хочет утратить свою легитимность. В основе концепции прав человека лежит понятие человеческого достоинства, которое является высшей ценностью любой политической системы и, следовательно, онтологической предпосылкой всех основных прав.

Основные права – это те права человека, которые воплощены в действующем позитивном праве, как правило, в документах высшей юридической значимости, и защищают целостное развитие личности в сообществе свободных людей. Основные права, поскольку они соответствуют в основном всеобщим ожиданиям и интересам каждого, составляют основу фактического правового равенства и зачастую именуется «конституционными».

Таким образом, понятие «права человека» имеет скорее философский и деонтологический характер, в то время как основные права – признаны и гарантируются национальным правом и международным правом в области прав человека. Впрочем, наблюдается тенденция к слиянию этих двух терминов: различия, которые традиционно подчеркивались, больше не являются

устойчивыми из-за эволюции международного права прав человека, интернационализации конституционализма и понимания того, что основа и сущность как прав человека, так и основных прав заключается в человеческом достоинстве.

Исторический анализ научных исследований, в которых авторы размышляют о правах человека и субъективных правах оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, оба эти понятия казались неприемлемыми многим теоретикам права. С другой, создается впечатление, что употребление данных терминов зависело не от сущностных различий, а от того, в рамках какой научной школы автор вел исследование – приверженцы юридического позитивизма говорят о субъективных правах, последователи школы естественного права – о правах человека. Одни авторы считают, что субъективные права являются не более и не менее чем индивидуальными прерогативами, происходящими из объективного права, другие полагают, что они ведут свое происхождение из естественного права, которое налагается на право объективное, третьи воспринимают эти термины синонимично. В настоящее время активно развивается теория о том, что между правами человека и иными категориями прав существует важное различие, однако методологический аппарат данной теории еще не в силах предложить четкие обоснование и критерии этого различия.

Одной из немногих научных работ по данной тематике является статья Л.Т. Глухаревой, в которой предлагается теоретическое определение основных прав как всех тех субъективных прав, которые универсально принадлежат всем человеческим существам, вне зависимости от их статуса и способности действовать, закрепленных правовой системой. Таким образом, следуя законам логики, все основные права – субъективные, но не все субъективные права – основные [Глухарева, 2009]. Такой подход нам представляется наиболее корректным. Однако он не дает ответа на вопрос, как вычленить из общего массива субъективных прав те, которые являются основными. Л.Т. Глухарева формулирует семь критериев по которым такое «вычленение» возможно: (1) санкционирование в особых юридических документах (конституциях и международных актах); (2) защита первоосновы жизнедеятельности индивидуума; (3) универсальность обладания; (4) несимметричный характер, т.е. отсутствие встречных прав и обязанностей; (5) возникновение и существование безотносительно юридических фактов; (6) реализация в рамках общерегулятивных, а не конкретных правоотношений; (7) это защитный инструмент индивидуума в его отношениях с государством [там же]. Позиция Л.Т. Глухаревой представляет определенный интерес, однако сама автор говорит об определенной ее недоработанности и условности.

Итак, используя теоретические разработки Л.Т. Глухаревой и вышеприведенные рассуждения о праве на разумный срок уголовного судопроизводства, предпримем попытку оценить данное право с позиции отнесения к основным (конституционным) правам человека.

В международных актах данное право получило формальное признание. Обращаясь к Конституции РФ, мы видим, что право на разумный срок уголовного судопроизводства непосредственно не закреплено, однако правовой наукой [Полухин, 2015] и Конституционным судом [Право на доступ..., www] признается взаимосвязь права на разумный срок и конституционных прав на судебную защиту (ст. 46) и на доступ к правосудию (ст. 52). Конституционным судом РФ право на доступ к суду расценивается как элемент права на судебную защиту. Это право позитивного статуса, т.е. обязывающие государство к действиям по созданию условий для реализации.

Право на судебную защиту и право на доступ к правосудию входят в так называемое «твердое ядро» прав, т.е. не подлежат ограничению (ст. 56 Конституции РФ). Полагаем, что

право на разумный срок уголовного судопроизводства, в силу неразрывной взаимосвязи с вышеуказанными правами так же не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах.

В данном контексте представляется интересным понимание зарубежными исследователями права на разумный срок судопроизводства как имплицитного проявления надлежащей правовой процедуры [Teleki, 2021]. Если надлежащую правовую процедуру рассматривать как установленный нормами уголовно-процессуального законодательства порядок проведения расследования и последующего рассмотрения дела в суде в рамках определенных сроков, установленных для различных фаз процесса, то изменение в установленном законом порядке процессуальных сроков (к примеру, их уменьшение, вызванное введением чрезвычайного или военного положения) не является ограничением права на разумный срок уголовного судопроизводства. Более того, именно право на разумный срок уголовного судопроизводства, как одно из проявлений права на разумность процессуальных действий и решений, позволяет найти баланс между требованиями скорости и соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, провести черту между дискреционным и произвольным в уголовном процессе. Именно критерий разумности отмечает пределы того, что является социально приемлемым в каждом конкретном историческом периоде: опасны как ускоренное, поспешное и небрежное судопроизводства, так и задержки в судебном процессе, поскольку способствуют кризису доверия к правосудию.

Заключение

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

В отличие от имущественных (патримониальных, экономических) прав, в большей мере присущих гражданской отрасли, право на разумный срок уголовного судопроизводства относится к другому ценностному порядку: оно больше касается защиты личности от произвола и некомпетентности публичной власти.

Субъективное право на разумный срок уголовного судопроизводства есть возможность, предоставляемая правовой системой (регулятивный элемент), участнику уголовного процесса или другому заинтересованному лицу, действовать правомерно в определенных пределах (внутренний элемент) и требовать от властных субъектов правоотношений надлежащего поведения (внешний элемент), для удовлетворения своего интереса в разумном сроке уголовного судопроизводства, в том числе и принудительными средствами (инструментальный элемент).

Право на разумный срок является субъективным публичным позитивным правом частных лиц, опосредованно встроено в систему конституционных прав, обусловлено контекстом уголовно-процессуальных отношений и влечет за собой соответствующие обязанности государства.

Не можем поддержать тезис об отнесении право на разумный срок уголовного судопроизводства к основным правам человека. Более корректным нам представляется следующий подход. Одним из элементов основного (конституционного) права – права на судебную защиту – является право на разумный срок судопроизводства, включающее в себя право на разумный срок каждой из форм судопроизводства. Таким образом, право на разумный срок уголовного судопроизводства является отраслевым проявлением права на судебную защиту. Обязанность государства организовать и реализовать производство судебного процесса в разумные сроки, таким образом, имеет принципиальное значение для защиты прав человека.

В контексте права на разумный срок конвергенция частного и публичного прослеживается отчетливо: достижение блага – разумной продолжительности уголовного судопроизводства, отвечает и интересам конкретных участников уголовного процесса, и общества в целом.

Библиография

1. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Нижний Новгород, 1997. 209 с.
2. Бакулина Л.Т. (ред.) Проблемы теории права и правореализации. М.: Статут, 2017. 384 с.
3. Винницкий А.В. Учение о субъективных публичных правах vs «государственно-управленческого подхода» в науке // Право и политика. 2018. № 12. С. 27-40.
4. Глухарева Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 50-61.
5. Головкин Л.В. (ред.) Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017. 1280 с.
6. Зеленцов А.Б. Субъективное публичное право. М., 2012. 145 с.
7. Иеринг Р. Избранные труды. СПб., 2006. Т. 2. 547 с.
8. Лукашева Е.А. (ред.) Общая теория прав человека. М.: Норма, 1996. 509 с.
9. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). С. 38-46.
10. Полухин В.М. Конституционные основы принципа разумного срока в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 169-171.
11. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».
12. Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Александра" и гражданина К.В. Бударина».
13. Право на доступ к правосудию в разумный срок в уголовном судопроизводстве. Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам (по состоянию на июль 2020 г.). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8483/>
14. Токарев В.А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 4. С. 62-80.
15. Юношев С.В., Жирова М.Ю., Убасев В.В. К вопросу о соотношении понятий «властные полномочия» и «субъективные права» в российском уголовном судопроизводстве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 2. С.51-56.
16. Teleki C. Introduction to Part 2. Due Process and Fair Trial in EU Competition Law. Leiden, 2021. 393 p.

The right to a reasonable time in criminal proceedings as a subjective right

Raisa E. Egorova

Senior Lecturer at the Department of Special and Automotive Engineering,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: egorova461a@yandex.ru

Abstract

Based on an analysis of the theoretical aspects of the concept of subjective rights in the general theory of law and in criminal procedural science, the article attempts to determine what specific features are inherent in the right to a reasonable period of criminal proceedings as a subjective right of the public sector. The question of whether the right to a reasonable period of criminal proceedings

is a subjective right, a human right or a “fundamental right” is analyzed in detail. The research methodology is presented by general scientific research methods: analysis, synthesis, comparison, generalization, and special scientific methods of legal research: comparative legal, historical and special legal. During the study, theoretical provisions were formulated that characterize the right to a reasonable period of criminal proceedings as a subjective public right. The study shows that the right to a reasonable period of criminal proceedings is a sectoral manifestation of the right to judicial protection. The State's duty to organize and carry out judicial proceedings within a reasonable time is therefore of fundamental importance for the protection of human rights. In the context of the right to a reasonable time, the convergence of private and public is clearly visible: achieving the good, a reasonable duration of criminal proceedings, meets the interests of specific participants in the criminal process and society as a whole.

For citation

Egorova R.E. (2023) Pravo na razumnyi srok ugovnogo sudoproizvodstva kak sub"ektivnoe pravo [The right to a reasonable time in criminal proceedings as a subjective right]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 392-402. DOI: 10.34670/AR.2023.34.88.050

Keywords

Reasonable term of criminal proceedings, subjective rights, fundamental rights, criminal procedure, subjective public rights of private individuals.

References

1. Aleksandrov A.S. (1997) *Dispozitivnost' v ugovnom protsesse* [Dispositiveness in criminal proceedings]. Nizhny Novgorod.
2. Bakulina L.T. (ed.) (2017) *Problemy teorii prava i pravorealizatsii* [Problems of the theory of law and legal implementation]. Moscow: Statut Publ.
3. Glukhareva L.I. (2009) Sub"ektivnye prava, osnovnye prava, prava cheloveka: edinstvo i razlichiya [Subjective rights, fundamental rights, human rights: unity and differences]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Control. Law], 11, pp. 50-61.
4. Golovko L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugovnogo protsessa* [Course of criminal procedure]. Moscow: Statut Publ.
5. Iering R. (2006) *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg. Vol. 2.
6. Lukasheva E.A. (ed.) (1996) *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [General theory of human rights]. Moscow: Norma Publ.
7. Maslennikova L.N. (2018) Sub"ektivnye prava i yuridicheskie obyazannosti – vnutrisistemnye faktory, opredelyayushchie tendentsii v razvitii ugovnogo sudoproizvodstva [Subjective rights and legal obligations are intrasystem factors that determine trends in the development of criminal proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the Kutafin University], 2 (42), pp. 38-46.
8. Polukhin V.M. (2015) Konstitutsionnye osnovy printsipa razumnogo sroka v ugovnom sudoproizvodstve [Constitutional foundations of the principle of a reasonable time in criminal proceedings]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social science], 1, pp. 169-171.
9. *Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29.03.2016 № 11 «O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyi srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyi srok»* [Resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 29, 2016 No. 11 “On some issues arising when considering cases of awarding compensation for violation of the right to a trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time”].
10. *Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.07.2020 № 37-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 3 stat'i 59, chasti 4 stat'i 61 i chasti 4 stat'i 63 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Aleksandra" i grazhdanina K.V. Budarina»* [Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2020 No. 37-P “In the case of verifying the constitutionality of Part 3 of Article 59, Part 4 of Article 61 and Part 4 of Article 63 of the Arbitration Procedure Code

- of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company “Alexandra” and citizen K.V. Budarin”].
11. *Pravo na dostup k pravosudiyu v razumnyi srok v ugovnom sudoproizvodstve. Pravovye pozitsii KS RF po otдельnym voprosam (po sostoyaniyu na iyul' 2020 g.)* [Right of access to justice within a reasonable time in criminal proceedings. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on certain issues (as of July 2020)]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8483/> [Accessed 09/09/2023]
 12. Teleki C. (2021) *Introduction to Part 2. Due Process and Fair Trial in EU Competition Law*. Leiden.
 13. Tokarev V.A. (2020) K voprosu o kontseptsiyakh sub"ektivnykh publichnykh prav v rossiiskoi yuridicheskoi nauke nachala XX v. [On the question of the concepts of subjective public rights in Russian legal science at the beginning of the 20th century]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 4, pp. 62-80.
 14. Vinnitskii A.V. (2018) Uchenie o sub"ektivnykh publichnykh pravakh vs «gosudarstvenno-upravlencheskogo podkhoda» v nauke [The doctrine of subjective public rights vs. the “state-administrative approach” in science]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 12, pp. 27-40.
 15. Yunoshev S.V., Zhirova M.Yu., Ubasev V.V. (2019) K voprosu o sootnoshenii ponyatii «vlastnye polnomochiya» i «sub"ektivnye prava» v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve [On the issue of the relationship between the concepts of “authority” and “subjective rights” in Russian criminal proceedings]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Legal science], 2, pp. 51-56.
 16. Zelentsov A.B. (2012) *Sub"ektivnoe publichnoe pravo* [Subjective public law]. Moscow.

УДК 343.34

DOI: 10.34670/AR.2023.66.22.051

Актуальные проблемные вопросы в профилактической работе с несовершеннолетними

Рогожкин Виктор Андреевич

Адъюнкт,
Академия управления МВД России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: vrogozhkin@internet.ru

Кубасов Игорь Анатольевич

Доктор технических наук, доцент,
Академия управления МВД России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: igorak@list.ru

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные проблемные вопросы в профилактической работе с несовершеннолетними с девиантным подведением, склонными к суициду. Обоснована необходимость мониторинга социальных сетей и поведения несовершеннолетних в цифровых медиа, а также определены перспективные способы профилактики детского суицида с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Выработаны предложения по совершенствованию модуля «Инспектор по делам несовершеннолетних» Сервиса охраны общественного порядка ИСОД МВД России.

Для цитирования в научных исследованиях

Рогожкин В.А., Кубасов И.А. Актуальные проблемные вопросы в профилактической работе с несовершеннолетними // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 403-409. DOI: 10.34670/AR.2023.66.22.051

Ключевые слова

Охрана общественного порядка, профилактика правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, инспектор по делам несовершеннолетних, искусственный интеллект.

Введение

В настоящее время в связи со сложной геополитической ситуацией и возникновением различных угроз информационной безопасности в сети Интернет для граждан, особенно несовершеннолетних, неотъемлемой частью государственной политики Российской Федерации является работа по привитию морально-этических ценностей подрастающему поколению. Так, традиционные ценности включают в себя человеческую жизнь и достоинство, соблюдение прав и свобод, уровень патриотизма, службу Родине и чувство долга перед ней, высокую нравственность, счастливую семью, кропотливый труд, уровень духовного богатства над материальным, человечность, снисходительность, равноправие, объединение, взаимовыручку и уважение, память предков и наследственность старших поколений, целостность народов Российской Федерации [Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, www].

В современной цифровой среде общественное сознание формируется из различных источников информации, значительную часть которой занимают социальные медиа, такие как группы по интересам, каналы, сообщества в социальных сетях, видео- и аудиоплатформы. Развитие цифровых технологий в современном обществе повлекло за собой «бум» числа авторов контента (блогеров и администраторов сообществ). При этом информация, подаваемая рядовому пользователю, не всегда носит положительный характер. Имеются случаи целенаправленного распространения деструктивного контента, направленного на сознание, с целью противодействия полезным целям общества, реализации государственной политики, создания негативного отношения к органам власти, формирования экстремистских и националистических убеждений.

Наиболее уязвимой частью населения является подрастающее поколение. Нескончаемый поток информации увеличил разрыв между поколениями, сформированный не только особенностью поведения подростков, вызванной половой незрелостью, но и целенаправленным негативным воздействием на «неокрепшие умы», который в корне меняет детскую идеологию [Кубасов, Минаев, 2022].

В силу вышеизложенного необходим постоянный мониторинг социальных сетей и поведения несовершеннолетних в цифровых медиа, а также определение эффективных способов профилактики детского суицида с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Open source intelligence – получение информации из открытых источников

Задачами профилактической работы органов государственной власти являются предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних, раннее выявление и устранение причин и условий этого поведения, установление случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных и асоциальных действий, а также склонение их к суицидальному поведению [Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ, www].

Огромный поток различной информации в сети Интернет, в том числе негативного характера, сводит работу к минимуму целых институтов общества по воспитательной и профилактической работе с несовершеннолетними. Цифровизация общества и доступ к практически неограниченной информации у подростков играет не только негативную тенденцию в области уровня правопорядка, но и дает широкие возможности для работы в

области мониторинга общественного мнения, круга интересов, трендов, лидеров общественного мнения у несовершеннолетних и позволяет выстроить государственную политику в этом направлении.

Научно-технический прогресс не обошел стороной и обыденную жизнедеятельность человека как индивида. «Всевидящее око» постоянно накапливает о нас информацию, полученную камерами видеонаблюдения, электронными платежами, взаимодействием друг с другом при помощи цифровых средств связи, используемого оборудования и др. Каждый человек, так или иначе сталкивающийся с информационно-телекоммуникационными технологиями, оставляет за собой так называемый уникальный «цифровой след».

Информацию о каждом человеке в целом и о его диванном поведении зачастую можно найти из открытых источников, таких как социальные медиа. Технология получения информации из открытых источников получила широкое распространение и приобрела название «OSINT» (Open source intelligence). История появления данной технологии уходит корнями в 1940-е гг. Центральное разведывательное управление США применяло данный метод, анализируя информацию из печатных изданий [Open Source Intelligence (OSINT) 2oolKit On The Go, 2012, 49].

В наше время на рынке IT-технологий гражданского применения широко используется программное обеспечение, целью которого является сбор данных о пользователях для последующего анализа, предложения услуг и товаров. Специализированное программное обеспечение позволяет анализировать поток текстовых публикаций; данные из профилей аккаунтов; информацию о действиях аккаунта (лайки, репосты, неявные связи и т.д.); поток изображений; поток видео из заданных источников.

Мониторинг социальных медиа обеспечивает повышение эффективности охраны общественного порядка и системы профилактики в целом, а именно предупреждать, выявлять и пресекать правонарушения различной направленности, экстремистские проявления, вовлечение несовершеннолетних в свершение противоправных действий и т.д. С каждым годом этот список только растет.

С целью профилактики диванного поведения подростков на основе автоматического социально-психологического анализа поведения аккаунта и его связей устанавливаются увлечения, круг общения и интересов, сообщества и иной контент в сети Интернет, используемый несовершеннолетним, требующим к себе внимания со стороны органов профилактики.

Большие данные из социальных медиа дают возможность анализа тональности. Анализ тональности – это сфера психологического и интеллектуального анализа текста, предназначенная для компьютерной лингвистики на основе субъективного мнения профилируемого лица. Анализ тональности принимает во внимание не содержание информации из контекста в сообщении, а ее тон. Иными словами, позволяет выделить эмоциональный окрас и субъективное отношение автора текста к событиям (ненависть, сарказм, ярость, цинизм и др.).

Новшеством в аналитике больших данных также является визуальная аналитика. Анализ визуального контента в социальных медиа при помощи искусственного интеллекта помогает в автоматическом режиме распознать на изображении предметы, запрещенные к обороту, орудия и средства правонарушения, местность, деятельность, выполняемые действия, эмоции, а также идентифицировать личность.

Правоохранительные органы обязаны реагировать не только на факты совершения

противоправных действий со стороны профилактируемых несовершеннолетних, но и на ранней стадии прогнозировать и пресекать противоправные действия. Меры превентивного характера в развивающемся цифровом обществе усложняются без получения больших данных из различных источников.

Реализация концепции по модернизации Сервиса обеспечения охраны общественного порядка

С 2016 г. эксплуатируется Сервис обеспечения охраны общественного порядка Единой информационно-аналитической системы обеспечения деятельности МВД России (далее – СООП), позволяющий автоматизировать деятельность инспектора по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) по работе с лицами, состоящими на профилактическом учете [Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации Сервиса обеспечения охраны общественного порядка: приказ МВД России от 11 января 2016 г. № 1, [www](http://www.mvd.ru)]. При этом бурное развитие цифровых технологий обуславливает появление новых вызовов, требующих от органов внутренних дел принятия инновационных решений. Большой объем работы инспектора ПДН по сбору и анализу персональных данных о профилактируемом, а также информации из различных социальных организаций и мультимедийного пространства требует не только временных и административных ресурсов, но и должной квалификации.

Для реализации намеченной цифровой трансформации органов внутренних дел необходимо провести мероприятия по созданию единого механизма, предоставляющего возможность проведения комплексного анализа информации от взаимодействующих органов и организаций, сети Интернет, основным драйвером которых является искусственный интеллект [Кубасов, 2023].

С целью совершенствования методов профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних предлагается внедрение анализа поведения аккаунтов и групп аккаунтов (круга общения) несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних на базе искусственного интеллекта в модуль «Инспектор ПДН» Сервиса охраны общественного порядка. Данная инновация многократно повысит результативность деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений, безнадзорности, а также по выявлению на ранней стадии суицидальных наклонностей у несовершеннолетних.

Большие данные из различных источников имеют вид и объем, которые не дают инспектору ПДН самостоятельно оперативно извлекать полезную информацию, даже если оператор имеет определенную техническую и аналитическую квалификацию. Работа с таким массивом данных предполагает использование программного обеспечения, замещающего ручной труд, мыслительный анализ, автоматизированное прогнозирование. Для принятия решения оператору должна предоставляться итоговая обобщенная табличная и графическая информация [Холостов, 2021].

На основе полученной информации из различных источников о профилактируемом несовершеннолетнем предлагается использование метода выбора множества признаков поведения несовершеннолетнего, которые имеют явное выражение девиантного поведения – рабостный метод. Данный метод сводит к минимуму погрешности и ошибки при анализе больших данных [Элементы теории нечетких множеств и измерения нечеткости, 1998].

Для выполнения поставленной задачи для машинного обучения целесообразно

использование датасетов. Датасет представляет собой обработанные и структурированные данные, объединенные в общий массив. Применимо к поставленной задаче для машинного обучения необходимо применять датасет, в котором массив имеет два значения подведения: «девиантное» и «нейтральное».

Потенциал искусственного интеллекта в деятельности инспектора ПДН не предполагает выполнения всей профилактической работы за него, в связи с чем необходимо применение «смешанного интеллекта»: искусственный интеллект собирает, обобщает, анализирует большие данные и предоставляет решение; интеллект оператора принимает решение на профилактическое воздействие.

Иначе говоря, искусственный интеллект будет искать информацию, обобщать, находить связи, прогнозировать и предоставлять варианты решения, а инспектор ПДН – принимать нужное решение на выполнение мероприятий профилактической направленности на основе предоставленного результата. Данные ограничения применения искусственного интеллекта в окончательном принятии управленческих решений связаны с несовершенством правового регулирования данной сферы в органах внутренних дел; недостаточным уровнем квалификации и профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел; с рисками использования технологий искусственного интеллекта в противоправных целях [Торопов, Гонов, 2022].

Заключение

По результатам проведенных исследований можно прийти к выводу о том, что в современных реалиях одной из информационных угроз общественной безопасности является использование социальных медиа, выражающееся в деструктивном искажении общественного сознания. Развитие цифрового общества быстрыми темпами переносит жизнь человека в виртуальный мир, что отражается в числе просмотров контента виртуальных лидеров общественного мнения, лайков, реакций, репостов, собственных публикаций видео-, аудиоконтента, статусов, изображений и активности в групповых чатах и комментариях.

Передовым инструментом поиска, сбора, анализа и предоставления результатов является технология «OSINT» в совокупности с искусственным интеллектом. «OSINT» является технологией двойного назначения и применяется в гражданской сфере для рекламы, продвижения товаров и слежки за конкурентами и силовиками для разведки, розыска, профилактики, выявления и пресечения противоправных действий.

Одной из наиболее значимых по профилактике правонарушений является работа с подростками. основополагающую роль в профилактической работе с несовершеннолетними в органах внутренних дел играет инспектор ПДН. В связи с этим необходима модернизация автоматизированного рабочего места инспектора ПДН в СООН ИСОД МВД России. Предлагается расширить инструменты модуля «Инспектор ПДН» путем импорта информации из внешних источников (социальных организаций и сети Интернет), также требуется ее обработка, обобщение, анализ и предоставление инспектору ПДН путем внедрения искусственного интеллекта.

Библиография

1. Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации Сервиса обеспечения охраны общественного порядка: приказ МВД России от 11 января 2016 г. № 1 // СПС «СТРАС ЮРИСТ».

2. Кубасов И.А. Искусственный интеллект, как драйвер цифровой трансформации МВД России // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 211-215.
3. Кубасов И.А., Минаев А.В. Внедрение технологии искусственного интеллекта для выявления девиантного поведения в молодежной среде // Охрана, безопасность, связь. 2022. № 7-1. С. 181-187.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС «СТРАС ЮРИСТ».
5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС «СТРАС ЮРИСТ».
6. Горопов Б.А., Гонов Ш.Х. Результаты исследования готовности сотрудников полиции к внедрению искусственного интеллекта в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2(62). С. 160-167.
7. Холостов К.М. Направления и проблемы внедрения в деятельность органов внутренних дел технологии искусственного интеллекта и робототехнических систем // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект на службе полиции». 2021. С. 71-78.
8. Элементы теории нечетких множеств и измерения нечеткости. М.: Диалог МГУ, 1998.
9. Open-Source Intelligence (OSINT) 2oolKit On The Go. 2012. 216 с.
10. Lelekov V. A., Kosheleva E. V. On the prevention of juvenile crime // Russian Education & Society. – 2008. – Т. 50. – №. 9. – С. 68-83.

Current problematic issues in preventive work with minors

Viktor A. Rogozhkin

Adjunct,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125171, 8 Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vrogozhkin@internet.ru

Igor' A. Kubasov

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125171, 8 Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: igorak@list.ru

Abstract

This article discusses current problematic issues in preventive work with minors with deviant behavior, prone to suicide. The necessity of monitoring social networks and the behavior of minors in digital media is substantiated, as well as promising ways of preventing child suicide using information and telecommunication technologies are identified. Proposals have been developed to improve the module "Inspector for Minors" of the Public Order Protection Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

For citation

Rogozhkin V.A., Kubasov I.A. (2023) Aktual'nye problemnye voprosy v profilakticheskoi rabote s nesovershennoletnimi [Current problematic issues in preventive work with minors]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 403-409. DOI: 10.34670/AR.2023.66.22.051

Keywords

Protection of public order, prevention of minors, juvenile affairs inspector, artificial intelligence.

References

1. *Elementy teorii nechetkikh mnozhestv i izmereniya nechetkosti* [Elements of the theory of fuzzy sets and measurement of fuzzyness] (1998). Moscow: Dialog MGU Publ.
2. Kholostov K.M. (2021) Napravleniya i problemy vnedreniya v deyatelnost' organov vnutrennikh del tekhnologii iskusstvennogo intellekta i robototekhnicheskikh sistem [Directions and problems of introducing artificial intelligence technology and robotic systems into the activities of internal affairs bodies]. In: *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Iskusstvennyi intellekt na sluzhbe politzii»* [Proc. Int. Conf. “Artificial Intelligence in the Service of the Police”], pp. 71-78.
3. Kubasov I.A. (2023) Iskusstvennyi intellekt, kak draiver tsifrovoi transformatsii MVD Rossii [Artificial intelligence as a driver of digital transformation of the Russian Ministry of Internal Affairs]. *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological Journal], 2, pp. 211-215.
4. Kubasov I.A., Minaev A.V. (2022) Vnedrenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta dlya vyyavleniya deviantnogo povedeniya v molodezhnoi srede [Introduction of artificial intelligence technology to identify deviant behavior among youth]. *Okhrana, bezopasnost', svyaz'* [Security, safety, communication], 7-1, pp. 181-187.
5. Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh: feder. zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ [On the basics of the system for preventing neglect and juvenile delinquency: Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ]. *SPS «STRAS YuRIST»* [SPS “STRAS LAWYER”].
6. Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei: ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 [On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809]. *SPS «STRAS YuRIST»* [SPS “STRAS LAWYER”].
7. *Open Source Intelligence (OSINT) ToolKit On The Go* (2012).
8. Toropov B.A., Gonov Sh.Kh. (2022) Rezul'taty issledovaniya gotovnosti sotrudnikov politzii k vnedreniyu iskusstvennogo intellekta v operativno-sluzhebnyu deyatelnost' organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Results of a study of the readiness of police officers to implement artificial intelligence in the operational activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2(62), pp. 160-167.
9. Voprosy ekspluatatsii programmno obespecheniya dlya realizatsii Servisa obespecheniya okhrany obshchestvennogo poryadka: prikaz MVD Rossii ot 11 yanvarya 2016 g. № 1 [Issues of operating software for the implementation of the Public Order Protection Service: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of January 11, 2016 No. 1]. *SPS «STRAS YuRIST»* [SPS “STRAS LAWYER”].
10. Lelekov, V. A., & Kosheleva, E. V. (2008). On the prevention of juvenile crime. *Russian Education & Society*, 50(9), 68-83.

УДК 343.140.02**DOI: 10.34670/AR.2023.61.35.052****Особенности оценки прокурором доказательств по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом, постановлением)****Рошко Николай Валериевич**

Аспирант,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
191104, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44;
e-mail: Roshko@mail.ru

Аннотация

Автором статьи проводится анализ особенностей оценки прокурором доказательств по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом, постановлением). Приводятся мнения ученых на данный предмет исследования, предлагается авторское видение по корректировке уголовно-процессуального закона. В качестве научных разработок автором приводится возможный алгоритм проверки прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, который включает в себя несколько этапов.

Для цитирования в научных исследованиях

Рошко Н.В. Особенности оценки прокурором доказательств по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом, постановлением) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 410-417. DOI: 10.34670/AR.2023.61.35.052

Ключевые слова

Уголовный процесс, прокурор, оценка доказательств, обвинительное заключение, критерии.

Введение

Воплощение в Российской Федерации идей демократического правового государства требует от законодателя создания эффективных механизмов регулирования общественных отношений, в том числе в сфере уголовного процесса.

Принятие действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) положило начало новому этапу развития уголовно-процессуального права. Вместе с тем многие положения УПК РФ вызвали среди учёных и правоприменителей оживлённые дискуссии. Это коснулось и института доказывания, поскольку неопределённость и противоречивость составляющих его норм, сформулированных законодателем, затрудняют формирование законной и единообразной правоприменительной практики.

Институт доказывания является одной из центральных частей системы уголовно-процессуального права. Несмотря на то, что его изучению посвящены многие научные труды представителей науки уголовного процесса, отдельные его аспекты остаются недостаточно разработанными и на сегодняшний день. Кроме того, по ряду ключевых вопросов доказывания отсутствует единая точка зрения.

Основная часть

Согласно структуре действующего УПК РФ, уголовное судопроизводство начинается стадией возбуждения уголовного дела и развивается в последующих его стадиях. В каждой из стадий уголовного процесса в соответствии с их конкретными задачами и процессуальными формами доказывание имеет свои особенности, характерные черты.

Значительная роль в осуществлении доказывания принадлежит прокурору, поскольку он, в отличие от других участников уголовного процесса, ответственных за его результаты, принимает участие во всех без исключения стадиях уголовного процесса.

В досудебном производстве он, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, обеспечивает законность собирания ими доказательств и создание надёжной доказательственной базы обвинения. При поддержании государственного обвинения в суде именно прокурор доказывает перед судом виновность обвиняемого (подсудимого). Для этого ему необходимо в совершенстве владеть теорией доказательств, иметь полное и ясное представление о каждом доказательстве по уголовному делу в отдельности и их значении в совокупности, что предопределяет его роль в современном уголовном судопроизводстве как ключевого субъекта доказывания.

Изучение прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением), представляет собой заключительный этап осуществления им надзорных функций в досудебном производстве (ст. 220, 225, 226.7 УПК РФ).

Именно на данном этапе прокурор получает возможность полноценно изучить уголовное дело и оценить все собранные доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все доказательства в совокупности – достаточности для направления уголовного дела в суд с целью рассмотрения по существу и постановления обвинительного приговора.

При выявлении обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, отсутствию достаточных доказательств виновности обвиняемого, неправильной квалификации содеянного прокурор обязан возвратить уголовное дело для дополнительного расследования со

своими письменными указаниями и не вправе, утвердив обвинительное заключение (акт, постановление), направить дело в суд в расчёте на восполнение недостатков расследования в судебном заседании.

Недостаточное внимание прокуроров к тем или иным важнейшим вопросам предварительного расследования является причиной возвращения уголовных дел судом в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, а также постановления судами оправдательных приговоров.

Изучение уголовного дела с обвинительного заключения (акта, постановления) с целью оценки его полноты, всесторонности, объективности, соответствия требованиям норм УПК РФ должно быть сделано лишь после ознакомления со всеми материалами уголовного дела. При этом изучать необходимо не только те материалы, на которые есть указания в обвинительном заключении (акте, постановлении), но и все другие, имеющиеся в уголовном деле. Их изучение позволяет более полно, всесторонне и объективно оценить качество проведенного расследования и составленного на его основе обвинительного заключения (акта, постановления).

Нельзя отрицать значимость деятельности прокурора как субъекта оценки доказательств в ходе детального изучения материалов уголовного дела. Реализация предоставленных прокурору полномочий при анализе и оценке результатов следственных действий на стадии досудебного производства является одним из актуальных вопросов в деятельности прокурора.

Общие вопросы анализа и оценки прокурором материалов уголовного дела неоднократно становились предметом исследования ученых-криминалистов [Данилова и др., 2013; Данилова, Николаева, 2014; Исаенко, 2013].

Н.А. Данилова определяет деятельность прокурора по анализу материалов уголовного дела как «определение содержания деятельности по выявлению и расследованию преступлений, осуществляемой на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, ее промежуточных и конечных результатов с позиции соблюдения требований уголовно-процессуального закона и использования криминалистических методических рекомендаций по организации и осуществлению расследования отдельных видов (разновидностей) преступлений с целью определения судебной перспективы уголовного дела» [Данилова и др., 2013].

Отсутствие унифицированного подхода к вопросу о содержании рассматриваемого этапа доказывания предопределяет тот факт, что в специальной литературе нет единства и в толковании соответствующей дефиниции. Сторонники отсутствия у данного этапа доказывания правового компонента определяют оценку доказательств как мыслительную деятельность, логическую операцию, выражающуюся в оценочных суждениях [Костенко, 2014].

Представляется, что основным принципом гносеологической составляющей деятельности прокурора по оценке доказательств является свобода оценки доказательств в уголовном процессе.

Данный принцип является одним из основополагающих при рассмотрении процесса уголовного судопроизводства, он является его необходимой составляющей, потому как позволяет человеку защитить свои права и исключает предвзятое отношение каждого конкретного субъекта к подозреваемому или обвиняемому, не даёт одним субъектам уголовного судопроизводства воздействовать на других.

Свобода оценки доказательств предполагает то, что судья, следователь, прокурор, дознаватель, присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь

при этом законом и совестью [Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, 2001]. Учитывая, что границы внутреннего убеждения и совести не имеют чёткого определения, зачастую возникают их неоднозначные определения.

Исходя из положения ст. 17 УПК РФ, законодатель предусмотрел три элемента свободы оценки доказательств: внутреннее убеждение, закон и совесть; одновременно установил, что внутреннее убеждение должно быть основано на совокупности имеющихся в деле доказательств, т.е. при производстве доказывания стороны должны руководствоваться уголовно-процессуальными нормами, определяющими виды доказательств и порядок их применения.

Однако нельзя при характеристике деятельности по оценке доказательств исходить исключительно из понятий логики и процесса, происходящего в сознании субъекта доказывания, не находящего никакого внешнего выражения. При таком подходе этап оценки доказательств в процессе доказывания не обладает никакой юридической силой, что не соответствует общей цели доказывания.

Таким образом, оценка доказательств представляет собой диалектическое единство гносеологической и уголовно-процессуальной деятельности.

В свою очередь, Г.А. Зорин, М.Г. Зорина и Р.Г. Зорин подходят к определению криминалистического анализа с позиций криминалистических технологий, соглашаясь с тем, что анализ – это система операций разделения целого на части [Зорин, Зорина, Зорин, 2001], при этом Р.Г. Зорин отмечает что «криминалистический анализ – явление глобальное и многоплановое в процессах оперативно-розыскной деятельности, расследования преступлений, обвинения и защиты по уголовным делам. Практически ни одно процессуально-криминалистическое действие не реализуется без предварительного анализа» [Зорин, 2001].

В.Г. Коломацкий раскрывает криминалистический анализ как «системно-специализированный комплекс познавательных криминалистических технологий, предназначенных для выявления, расследования, раскрытия преступной деятельности, серийных многоэпизодных и отдельных преступлений в целях обеспечения правосудия» [Коломацкий, 2007].

Сущность криминалистического анализа, производимого прокурором при изучении материалов уголовного дела, заключается в исследовании содержания деятельности лица, производящего предварительное расследование, по выявлению и расследованию конкретного преступления и последующей оценке ее промежуточных и конечных результатов с позиции надлежащей квалификации инкриминируемого деяния.

В ходе криминалистического анализа материалов уголовного дела прокурор должен чётко сформулировать конкретные цели, которых он хочет достичь. В данном случае уголовное дело следует рассматривать как единое целое, выявляя при этом последствия и взаимосвязь каждого принятого по нему решения.

Анализируя материалы дела, прокурор должен определить предмет и пределы доказывания, установить доказательства, свидетельствующие о доказанности события преступления: время, место, способ совершения преступления. При необходимости прокурор может провести сравнительный анализ доказательств, соотнеся их с типичными доказательствами, характерными для данного состава преступления, и выявить те из них, которые могли быть добыты в ходе предварительного следствия, но не были добыты, проанализировать возможность восполнения доказательств, в том числе и при назначении дополнительных судебных экспертиз в ходе проведения дополнительного расследования.

Несмотря на повышенный интерес со стороны исследователей и достаточное количество научных работ, посвящённых методу криминалистического анализа, требуется дальнейшее развитие теоретических основ по данной проблематике, ввиду того, что находясь на стыке наук криминалистики и уголовного-процесса, результаты научных исследований в указанной области могут быть применимы и в прокурорской практике.

Так, авторы монографии «Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов дела» совершенно справедливо выделяют анализ, осуществляемый прокурором в досудебном производстве, как один из методов практической деятельности поисково-познавательного характера, который имеет комплексный (процессуально-криминалистический) характер, основанный на изучении имеющейся в материалах уголовного дела информации о деятельности субъектов по выявлению и расследованию преступлений, ее промежуточных и конечных результатов [Данилова и др., 2013].

Представляется, что целям эффективного применения криминалистических знаний могло бы служить расширение предмета криминалистики, но лишь в той части, в которой прокурор, являясь полноправным субъектом уголовного преследования, отражается в нем как субъект применения данных знаний в специфике своей деятельности.

Деятельность прокурора по оценке доказательств по уголовным делам находится в тесной взаимосвязи с осуществлением им деятельности по надзору за органами предварительного расследования и возложенной на него функцией уголовного преследования.

В связи с тем, что прокурор несет ответственность за обоснованность обвинения, он заинтересован в соблюдении закона органами предварительного расследования, потому как его нарушение может повлечь за собой признание собранных доказательств недопустимыми, т.е. не имеющими юридической силы. Данное обстоятельство в конечном счете приведет к невозможности опровержения презумпции невиновности на основе сформированной по уголовному делу доказательственной базы.

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя прокурор должен оценить все их действия и решения, выявить пробелы и следственные ошибки в доказательственной базе, определить возможность их устранения. Формирование у прокурора целостной модели совершенного преступления является результатом оценки материалов уголовного дела с криминалистической позиции.

Однако нельзя не согласиться с распространенным мнением о необходимости создания системы переподготовки, стажировки на разных уровнях, введения института профильного наставничества и разработки алгоритмов проверок как отдельных процессуальных действий и решений следователя, дознавателя, так и всех материалов уголовного дела для подавляющего большинства прокурорских работников, не имеющего опыта следственной работы, который, несомненно, является источником практического навыка применения криминалистических методов исследования преступления [Организация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ответы на вопросы прокуроров)., 2012].

На важность систематического повышения квалификации и профессионального мастерства прокурорских работников обращается внимание и в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 20 февраля 2013 г. № 80 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации».

Анализируя материалы уголовного дела, прокурор, помимо знаний уголовного процесса и криминалистики, должен также применять знания уголовного права (оценка правильности

квалификации), теории оперативно-розыскной деятельности (при оценке допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе расследования), гражданского права (например, при решении вопросов, связанных с гражданским иском), об особенностях законодательного регулирования тех отношений, в сфере действия которых было совершено преступление (например, анализ материалов уголовного дела о незаконной банковской деятельности требует знания банковского дела и т. п.), и во многих других областях [Норец, 2016].

Кроме того, необходимо понимать, что уголовное преследование не является функцией отдельно взятых следователей, руководителя следственного органа и прокурора, это функция государства в целом, а для ее успешного исполнения позиция стороны обвинения на всех стадиях уголовного процесса должна быть единой.

С учётом изложенного, представляется необходимым изменить и дополнить уголовно-процессуальный закон:

- а) предоставив прокурору право рассматривать и разрешать ходатайства участников уголовного судопроизводства;
- б) предоставив прокурору право по собственному усмотрению участвовать в производстве следственных действий;
- в) закрепив за прокурором право своим постановлением направлять в органы предварительного расследования документы и материалы, полученные в ходе прокурорских проверок;
- г) предоставив прокурору право давать обязательные для исполнения письменные указания по уголовному делу независимо от формы предварительного расследования.

Право распоряжения обвинением после составления следователем (дознавателем) итогового документа предварительного расследования переходит к прокурору.

Поэтому прокурор по результатам проверки и оценки собранных по делу доказательств должен иметь право корректировать своим постановлением обвинение в сторону его смягчения, а также прекратить уголовное дело (уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых).

Заключение

Таким образом, представляется верным представить алгоритм проверки прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, в виде нескольких этапов, включающих:

- изучение содержания обвинительного заключения и постановления о привлечении в качестве обвиняемого;
- сравнительный анализ содержания обвинительного заключения с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого;
- сравнительный анализ содержания обвинительного заключения, постановления о привлечении в качестве обвиняемого с иными материалами уголовного дела.
- формальную «внешнюю» проверку процессуального документа, не затрагивающую его содержания, а касающуюся лишь правильности его оформления в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона;
- оценку изложенных в процессуальном документе сведений, в ходе которой изучается содержание документа по существу.

Эта оценка, в свою очередь, состоит из двух стадий: изучения содержания документа на предмет его полноты и, как следствие, убедительности, отсутствия противоречий; сопоставления содержания этого процессуального документа с иными взаимосвязанными с ним материалами уголовного дела.

Библиография

1. Данилова Н.А. и др. Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела. М., 2013.
2. Данилова Н.А., Николаева Т.Г. Анализ прокурором материалов уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2 (40). С. 67-72.
3. Зорин Г.А., Зорина М.Г., Зорин Р.Г. Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам. М., 2001.
4. Зорин Р.Г. Криминалистический анализ основных элементов преступления и материалов уголовного дела. Гродно, 2001.
5. Исаенко В.Н. Критерии комплексной оценки прокурором материалов предварительного расследования // Законность. 2013. № 9. С. 15-20.
6. Исаенко В.Н. Методика прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений // Законность. 2012. № 7. С. 10-14.
7. Коломацкий В.Г. Концепция учения о криминалистическом анализе // Материалы вузовской юбилейной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения проф. Р.С. Белкина и юбилеям его учеников «Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства». М., 2007. С. 240.
8. Костенко Р.В. Проблемы правовых последствий нарушения правил допустимости доказательств в уголовном процессе // Современное право. 2014. № 8. С. 84.
9. Норец А.М. Анализ прокурором материалов уголовного дела: понятие и содержание деятельности // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 1(31). С. 89.
10. Организация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ответы на вопросы прокуроров). М., 2012. С. 3.

Features of the prosecutor's assessment of evidence in a criminal case received with an indictment (act, resolution)

Nikolai V. Roshko

Postgraduate Student,
Saint Petersburg Law Institute (branch),
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
191104, 44, Liteinyi ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Roshko@mail.ru

Abstract

The author analyzes the features of the prosecutor's assessment of evidence in a criminal case received with an indictment (act, resolution). The opinions of scientists on this subject of research are given, the author's vision for the correction of the criminal procedure law is proposed. As a scientific development, the author provides a possible algorithm for the prosecutor to check the materials of a criminal case received with an indictment, which includes several stages.

For citation

Roshko N.V. (2023) Osobennosti otsenki prokurorom dokazatel'stv po ugovnomu delu, postupivshemu s obvinitel'nym zaklyucheniem (aktom, postanovleniemi) [Features of the prosecutor's assessment of evidence in a criminal case received with an indictment (act, resolution)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 410-417. DOI: 10.34670/AR.2023.61.35.052

Keywords

Criminal trial, prosecutor, evaluation of evidence, indictment, criteria.

References

1. Danilova N.A. et al. (2013) *Kriminalisticheskii analiz i otsenka prokurorom materialov ugovnogo dela* [Forensic analysis and assessment by the prosecutor of the materials of the criminal case]. Moscow.
2. Danilova N.A., Nikolaeva T.G. (2014) Analiz prokurorom materialov ugovnogo dela: ugovno-protsessual'nyĭ i kriminalisticheskii aspekty [Analysis by the prosecutor of the materials of the criminal case: criminal procedural and forensic aspects]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2 (40), pp. 67-72.
3. Isaenko V.N. (2013) Kriterii kompleksnoi otsenki prokurorom materialov predvaritel'nogo rassledovaniya [Criteria for a prosecutor's comprehensive assessment of preliminary investigation materials]. *Zakonnost'* [Legality], 9, pp. 15-20.
4. Isaenko V.N. (2012) Metodika prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri rassledovanii prestuplenii [Methodology of prosecutorial supervision over the implementation of laws during the investigation of crimes]. *Zakonnost'* [Legality], 7, pp. 10-14.
5. Kolomatskii V.G. (2007) Kontseptsiya ucheniya o kriminalisticheskom analize [The concept of the doctrine of forensic analysis]. In: *Materialy vuzovskoi yubileinoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchenoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya prof. R.S. Belkina i yubileyam ego uchenikov «Uchenye-kriminalisty i ikh rol' v sovershenstvovanii nauchnykh osnov ugovnogo sudoproizvodstva»* [Proc. Conf. "Criminal scientists and their role in improving the scientific foundations of criminal proceedings"]. Moscow, p. 240.
6. Kostenko R.V. (2014) Problemy pravovykh posledstviĭ narusheniya pravil dopustimosti dokazatel'stv v ugovnom protsesse [Problems of legal consequences of violating the rules of admissibility of evidence in criminal proceedings]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 8, p. 84.
7. Norets A.M. (2016) Analiz prokurorom materialov ugovnogo dela: ponyatie i sodержanie deyatel'nosti [Analysis by the prosecutor of the materials of the criminal case: the concept and content of the activity]. *Vestnik KRU MVD Rossii* [Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1(31), p. 89.
8. *Organizatsiya prokurorskogo nadzora za protsessual'noi deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo rassledovaniya (otvety na voprosy prokurorov)* [Organization of prosecutorial supervision over the procedural activities of preliminary investigation bodies (answers to questions from prosecutors)] (2012). Moscow, p. 3.
9. Zorin G.A., Zorina M.G., Zorin R.G. (2001) *Vozmozhnosti kriminalisticheskogo analiza v protsessakh predvaritel'nogo rassledovaniya, gosudarstvennogo obvineniya i professional'noi zashchity po ugovnym delam* [Possibilities of forensic analysis in the processes of preliminary investigation, public prosecution and professional defense in criminal cases]. Moscow.
10. Zorin R.G. (2001) *Kriminalisticheskii analiz osnovnykh elementov prestupleniya i materialov ugovnogo dela* [Forensic analysis of the main elements of a crime and materials of a criminal case]. Grodno.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.25.67.053

Институт наказания в уголовном праве: эволюция и современное состояние

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Наказание в уголовном праве является одним из основных инструментов общественного контроля и предотвращения преступности. Оно имеет долгую и сложную историю, эволюция которой отражает изменения в общественных ценностях, правовых системах и социально-экономических условиях. В представленном материале рассмотрены философские и социологические аспекты этого понятия, а также его применение в современной России. Начало статьи посвящено исторической эволюции института наказания. Рассматриваются различные формы наказания, используемые в древних цивилизациях, таких как Вавилон, Древний Египет и Римская империя. Приведены виды наказания применяемые в средневековой Европе. Далее фокус исследования смещается на современное состояние института наказания в уголовном праве России и ряда зарубежных стран. Совершен краткий анализ основных принципов и целей наказания, закрепленные в российском уголовном праве.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Институт наказания в уголовном праве: эволюция и современное состояние // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 418-424. DOI: 10.34670/AR.2023.25.67.053

Ключевые слова

Уголовное право, эволюция наказания, возмездие, предупреждение, альтернативные формы наказания, судебная система.

Введение

Вопрос о применении наказания в уголовном праве является одним из ключевых аспектов судебной системы. История развития наказания в уголовном праве имеет свои особенности, которые напрямую связаны с социально-экономическими условиями и культурными представлениями общества и преступлении и возмездии.

Основное содержание

Первые формы наказания можно обнаружить ещё в древних цивилизациях. В этих обществах применялись такие методы, как каменные побои, отрубление конечностей или смертная казнь. На тот момент наказание было не только способом возмездия за преступление, но и способом «отплаты» богам, жертвоприношением.

С развитием государства и появлением законодательной системы происходит переход от частных случаев возмездия к установлению общего порядка регулирования наказания. В Древнем Риме была создана первая систематизированная система уголовного права, где предусмотрены различные виды наказаний для разных категорий преступлений [Белоконь, 2016].

Средневековые характеризовались жестокими формами наказания, такими как пытки и сожжение на костре [Митюкова, 2023]. Это было связано с тем, что в то время государственные структуры не были достаточно автономны и организованными, а церковь играла важную роль в управлении обществом. В связи с этим наказания имели явный религиозный контекст и часто преследовали цель дать пример другим людям.

В эпоху Просвещения происходит пересмотр отношения к наказанию [Тищенко, 2012]. Философы и правовые мыслители выдвигают концепцию наказания как способа исправления преступника и предотвращения рецидива (повторных преступлений). Правовая идея реабилитации постепенно начинает занимать значимое место в системе уголовного правосудия.

В XIX веке происходят значительные изменения в системе наказания. Отрицается жестокость физических наказаний, постепенно заменяемых лишением свободы или исправительными работами [Стромов, 2012]. Конечной целью становится возможность реабилитации осужденного и его последующего возвращения в общество.

Следует отметить, что в разных странах существуют значимые различия в системе наказания. Например, в одних государствах акцент делается на репрессивных мерах, тогда как в других больше акцентируется на ресоциализации осужденных [Зубкова, 2018]. Наряду с этим, большинство государств стремятся создать баланс между защитой общества от преступных посягательств и преступников, а также возможностью их исправления.

Современное состояние системы наказания в уголовном праве характеризуется разнообразием видов и форм исполнения наказания. Кроме лишения свободы, используются штрафы, обязательные работы, а также программы психокоррекционного сопровождения и социальная реабилитация. Важным фактором при применении наказания становится индивидуализация подхода к каждому, совершившему преступление закона.

Таким образом, исторический обзор наказания в уголовном праве свидетельствует о постепенной эволюции подходов к его применению. От жестоких форм возмездия до концепции реабилитации – система наказания изменялась в соответствии с социальными потребностями и

ценностями общества. Однако, вне зависимости от конкретных форм наказания, его основные цели остаются неизменными, это неотвратимость наказания, воздаяние, тождество справедливости и защита общества от преступных посягательств.

От самых ранних времен до сегодняшнего дня, общество стремится разработать эффективные методы наказания для преступников. Эти изменения отражаются законодателем в федеральных законах и нормативных правовых актах и подразумевают перманентное совершенствование системы уголовного правосудия.

Одним из основных принципов наказания является принцип соответствия наказания совершенному преступному деянию. В процессе эволюции этого принципа, были разработаны различные категории наказаний, такие как уже отмечалось выше изоляция от общества, штрафы, обязательные и исправительные работы, статья 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, содержит исчерпывающий перечень видов наказания [УК РФ]. Каждая категория имеет свои особенности и используется в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления.

Следующий важный принцип - цель наказания. В прошлом главной целью было возмездие за совершенное зло [Бибик, 2012]. Однако со временем цели начали меняться и стали учитывать такие аспекты, как реабилитация преступника, предотвращение совершения новых преступлений и защита общества от опасных рецидивистов. В настоящее время наказание стало многоцелевым инструментарием, который стремится достичь вышепоименованных целей одновременно.

Важным элементом эволюции является особенности применения наказания. В прошлом наказания были часто связаны с физической болью или публичным унижением. Однако со временем подход к наказанию стал более гуманным и ориентированным на реабилитацию преступников. Это означает, что теперь большое внимание уделяется воспитательной и коррекционной работе с осужденными, чтобы помочь им вернуться к нормальной жизни после отбывания наказания [Казберов, 2018].

Необходимо также отметить изменение подхода к дополнительным видам наказания. Ранее использовались такие методы, как ссылка, изгнание или поругание. На текущий период времени, во исполнение со ст. 45 УК РФ, в приоритете осуждение лица без изоляции от общества (по «нетяжелым» преступлениям) возложение на преступника дополнительных обязанностей либо ограничений, например штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это позволяет преступнику отдать долг обществу и одновременно получить возможность сохранить свое реноме.

Следовательно, эволюция принципов наказания в уголовном праве является неотъемлемой частью развития общества. Она отражает стремление общества к более справедливому и эффективному воздействию на субъектов преступающих закон, основанному на принципах соответствия наказания совершенному преступлению, цели наказания, гуманном подходе к его применению

В современном мире концепции и подходы к наказанию в уголовном праве различаются в зависимости от страны и ее правовой системы.

Одним из наиболее распространенных подходов является ретрибутивная теория, которая основывается на принципе "око за око" [Воронин, 2021]. Согласно этой теории, целью наказания является возмездие за причиненное обществу зло. Наказание должно быть пропорциональным содеянному, чтобы достичь справедливости. По И.Канту этот принцип называется "возмездием" [Кант, 1999]. Такой подход используется, например, в США.

Другим популярным подходом является «предупредительная» теория [Зубкова, 2018]. Она заключается в том, что целью наказания является предотвращение будущих преступлений путем устрашения потенциальных преступников. Этот подход активно используется в странах Европейского Союза, где реабилитации преступников и их социальной адаптации уделяется особое внимание .

Следующим подходом к наказанию можно указать реабилитационную теорию, которая предполагает, что целью наказания является изменение поведения преступника и его реинтеграция в общество. В рамках этой теории акцент делается на помощи и поддержке преступника в процессе его ресоциализации. Такой подход используется, например, в Норвегии.

Помимо вышеперечисленных подходов, существуют также комбинированные модели наказания. Например, в Германии используется концепция «системы трех столпов», которая объединяет элементы ретрибуции (осуществление справедливости), предупреждения и реабилитации. Эта модель позволяет достигать баланса между различными целями наказания.

Сравнивая эти подходы к наказанию, можно отметить их различия и сходства. Ретрибутивная теория ориентирована на возмездие за причиненные ущербы и справедливость, предупредительная теория стремится предотвратить преступления через устрашение, а реабилитационная теория нацелена на изменение поведения преступника. Однако все эти подходы имеют общую цель – неотвратимость наказания, защита общества и достижение правосудия.

Международные стандарты и рекомендации декларируют, что наказание должно быть пропорциональным содеянному, необходимо учитывать характеристики каждого конкретного случая, тем самым обеспечить баланс между различными целями наказания – возмездием, предупреждением и реабилитацией.

Сравнивая современные подходы к наказанию в уголовном праве, можно отметить их разнообразие и способность адаптации к правовой системе каждой из стран, однако основные цели наказания – защита общества и достижение справедливости – остаются неизменными.

Приведем проблемы и вызовы современной системы наказания в уголовном праве. Современное общество сталкивается с рядом сложностей и вызовов, связанных с функционированием системы наказания в уголовном праве.

Одной из основных проблем является перегруженность уголовной юстиции. Большое количество уголовных дел, поступающих на рассмотрение в суд, приводит к процессуальным задержкам в процессе, что негативно отражается на качестве правосудия.

Другой актуальной проблемой является незначительное применение альтернативных форм наказания. Уголовно-исполнительная система не всегда эффективна в предотвращении рецидива (повторного совершения преступлений). Одним из возможных решений является более широкое внедрение альтернативных форм наказания без изоляции от общества, таких как условное осуждение, применение общественно полезных работ или электронного контроля за лицами [Габараев, 2020].

Еще одной серьезной проблемой является высокий процент рецидивистов, которые после отбывания наказания снова совершают преступления. Это свидетельствует о малой эффективности системы ресоциализации осужденных. Для уменьшения количества рецидивистов следует разработать программы реабилитации, включающие профессиональное обучение и социальную адаптацию.

Следующей проблемой можно указать юридическое неравенство в наказании. Судебная практика по уголовным делам иллюстрирует случаи, когда за одни и те же преступления, в

зависимости от множества факторов, включая социальный статус или общественное положение, обвиняемые получают разные судебные приговоры. Для устранения этой проблемы необходимо стремиться к большей степени компетентности и объективности суда при рассмотрении дел и вынесении приговоров, причем необходимо указать что: «Именем Российской Федерации».

Заключение

Резюмируем, современная система наказания в уголовном праве сталкивается с рядом сложностей и вызовов. Однако, путем оптимизации работы судебных и правоохранительных органов, применения альтернативных форм наказания, защиты прав заключенных и эффективной программы ресоциализации можно достичь более справедливого и эффективного функционирования системы исполнения наказания.

Отметим, что важным трендом развития системы исполнения наказания – это интеграция новых технологий в процесс исполнения приговоров. С помощью электронного контроля осужденные могут быть под наблюдением, с ограничением свободы их передвижения, но самое главное без изоляции от общества. Указанное позволяет достичь более гибкого и эффективного контроля за осужденными, а также снизить нагрузку на учреждения УИС.

Библиография

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023)
2. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023)
3. Белоконь, Г. Г. Уголовное право и процесс периода Республики Древнего Рима / Г. Г. Белоконь, Ю. А. Иванов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 56-63. – EDN XVILKV.
4. Бибик, О. Н. Возмездие как цель уголовного наказания / О. Н. Бибик // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 4(33). – С. 166-171. – EDN RPQROF.
5. Воронин, В. Н. Ретрибутивизм, справедливость наказания и учет общественного мнения в современном уголовном праве / В. Н. Воронин // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : Сборник докладов VIII Московского юридического форума (XIX Международная научно-практическая конференция): в 5 ч., Москва, 08–10 апреля 2021 года. Том Ч. 4.. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 16-19. – EDN IXWRZU.
6. Новиков, А. В. Особенности исправительного воздействия на осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы в деятельности уголовно-исполнительных инспекций / А. В. Новиков, А. Ш. Габараев // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 7-1. – С. 260-268. – EDN CRDSWB.
7. Дикопольцев, Д. Е. О некоторых аспектах индивидуальной работы с осужденными, как составляющей процесса исправления / Д.Е. Дикопольцев, А.В. Новиков // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 3. – Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. – С. 143-147. – EDN TEAZCL.
8. Зубкова В.И. Понятие наказания и его целей по УК России и некоторых стран Западной Европы: сравнительные аспекты // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 5 (813) / 2018. С. 194-202
9. Казберов, П.Н. Социализация и ресоциализация в пенитенциарной сфере : Учебник / П.Н. Казберов, А.В. Новиков, Д.Н. Слабая ; Под общей редакцией А.В. Новикова. Том 1. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2019. – 144 с. – ISBN 978-5-4365-3425-1. – EDN CDSMUP.
10. Кант И. Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности. М., 1999. С.713.
11. Мальцев Г.В., Справедливость возмездия и воздаяния: ретрибутивный подход // Социология власти. № 2. 2012. С. 5-19.
12. Митюкова Л.А. Средневековая инквизиция: история охоты на еретиков // : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 4-х частях, Новосибирск, 19–20 апреля 2023 года / Под редакцией А.В. Ефимова, Т.И. Монастырской. Том Часть 4. – Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2023. – С. 476-480. – EDN WPOEIO.
13. Новиков, А.В. Психолого-педагогические и гендерные особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы / А. В. Новиков, С. В. Кулакова, Д.

- Н. Кротова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8, № 2-1. – С. 130-138. – EDN DOUYFS.
14. Слабкая, Д. Н. К вопросу о классификации наказаний, применяемых в уголовном законодательстве России / Д.Н. Слабкая, А.В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 7-1. – С. 198-203. – DOI 10.34670/AR.2022.41.36.023. – EDN ТМННТМ.
15. Стромов В.Ю., Дворецкий М.Ю., Этапы развития отечественной системы уголовных наказаний в контексте совершенствования уголовной ответственности (XIX–XX вв.) // Вестник ТГУ, выпуск 12 (68), 2008. С. 586-594
16. Тищенко Н.В., Развитие системы наказания и типов преступлений от эпохи Просвещения до наших дней // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 96-100

The Institute of Punishment in Criminal Law: Evolution and Current State

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

Punishment in criminal law is one of the main tools of public control and crime prevention. It has a long and complex history, the evolution of which reflects changes in social values, legal systems and socio-economic conditions. The presented material examines the philosophical and sociological aspects of this concept, as well as its application in modern Russia. The beginning of the article is devoted to the historical evolution of the institution of punishment. Examines the various forms of punishment used in ancient civilizations such as Babylon, Ancient Egypt and the Roman Empire. The types of punishment used in medieval Europe are given. Next, the focus of the study shifts to the current state of the institution of punishment in the criminal law of Russia and a number of foreign countries. A brief analysis of the basic principles and purposes of punishment enshrined in Russian criminal law has been completed.

For citation

Slabkaya D.N. (2023) Institut nakazaniya v ugovnom prave: ehvolyutsiya i sovremennoe sostoyanie [The Institute of Punishment in Criminal Law: Evolution and Current State]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 418-424. DOI: 10.34670/AR.2023.25.67.053

Keywords

Criminal law, evolution of punishment, retribution, prevention, alternative forms of punishment, judicial system.

References

1. "Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 04.08.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 12.10.2023)
2. "Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh" ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 19.10.2023)
3. Belokon', G. G. Ugolovnoye pravo i protsess perioda Respubliki Drevnego Rima / G. G. Belokon', YU. A. Ivanov // Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess. – 2016. – № 4. – S. 56-63. – EDN XVILKV.

4. Bibik, O. N. Vozmezdiye kak tsel' ugolovnoy nakazaniya / O. N. Bibik // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2012. – № 4(33). – S. 166-171. – EDN RPQROF.
5. Voronin, V. N. Retributivizm, spravedlivost' nakazaniya i uchet obshchestvennogo mneniya v sovremennom ugolovnom prave / V. N. Voronin // Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye i kachestvo pravovoy sredy : Sbornik dokladov VIII Moskovskogo yuridicheskogo foruma (XIX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya): v 5 ch., Moskva, 08–10 aprelya 2021 goda. Tom CH. 4.. – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA), 2021. – S. 16-19. – EDN IXWRZU.
6. Novikov, A. V. Osobennosti ispravitel'nogo vozdeystviya na osuzhdennykh k nakazaniyam, ne svyazannym s lisheniym svobody v deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy / A. V. Novikov, A. SH. Gabarayev // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2019. – T. 9, № 7-1. – S. 260-268. – EDN CRDSWB.
7. Dikopol'tsev, D. Ye. O nekotorykh aspektakh individual'noy raboty s osuzhdennymi, kak sostavlyayushchey protsessa ispravleniya / D.Ye. Dikopol'tsev, A.V. Novikov // Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii : Nauchno-prakticheskoye yezhekvar'tal'noye izdaniye. Tom Vypusk 3. – Moskva : Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2021. – S. 143-147. – EDN TEAZCL.
8. Zubkova V.I. Ponyatiye nakazaniya i yego tseley po UK Rossii i nekotorykh stran Zapadnoy Yevropy: sravnitel'nyye aspekty // Vestnik MGLU. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki. Vyp. 5 (813) / 2018. S. 194-202
9. Kazberov, P.N. Sotsializatsiya i resotsializatsiya v penitentsiarnoy sfere : Uchebnyy / P.N. Kazberov, A.V. Novikov, D.N. Slabkaya ; Pod obshchey redaktsiyey A.V. Novikova. Tom 1. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Rusayns", 2019. – 144 s. – ISBN 978-5-4365-3425-1. – EDN CDSMUP.
10. Kant I. Metafizika npravstvennosti. Osnovy metafiziki npravstvennosti. M., 1999. S.713.
11. Mal'tsev G.V., Spravedlivost' vozmezdiya i vozdayaniya: retributivnyy podkhod // Sotsiologiya vlasti. № 2. 2012. S. 5-19.
12. Mityukova L.A. Srednevekovaya inkvizitsiya: istoriya okhoty na yeretikov // : Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. V 4-kh chastyakh, Novosibirsk, 19–20 aprelya 2023 goda / Pod redaktsiyey A.V. Yefimova, T.I. Monastyrskoy. Tom Chast' 4. – Novosibirsk: Sibirskiy gosudarstvennyy universitet telekommunikatsiy i informatiki, 2023. – S. 476-480. – EDN WPOEIO.
13. Novikov, A.V. Psikhologo-pedagogicheskiye i gendernyye osobennosti nesovershennoletnykh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniye v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy / A. V. Novikov, S. V. Kulakova, D. N. Krotova // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2019. – T. 8, № 2-1. – S. 130-138. – EDN DOUYFS.
14. Slabkaya, D. N. K voprosu o klassifikatsii nakazaniy, primenyayemykh v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii / D.N. Slabkaya, A.V. Novikov // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 7-1. – S. 198-203. – DOI 10.34670/AR.2022.41.36.023. – EDN TMHHTM.
15. Stromov V.YU., Dvoret'skiy M.YU., Etapy razvitiya otechestvennoy sistemy ugolovnykh nakazaniy v kontekste sovershenstvovaniya ugolovnoy otvetstvennosti (XIX–XX vv.) // Vestnik TGU, vypusk 12 (68), 2008. S. 586-594
16. Tishchenko N.V., Razvitiye sistemy nakazaniya i tipov prestupleniy ot epokhi Prosveshcheniya do nashikh dney // Sotsium i vlast'. 2012. № 5 (37). S. 96-10

Гуманизация института наказания за преступления небольшой и средней тяжести

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права, Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Гуманизация института наказания за преступления небольшой и средней тяжести – это актуальный и широко обсуждаемый вопрос. Современное общество стремится к более гуманному подходу к уголовной юстиции, особенно когда речь идет о преступлениях, которые не причиняют серьезного вреда обществу. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть существующие методы наказания и разработать новые, более эффективные. Одной из первостепенных задач гуманизации института наказания является уменьшение количества осужденных за мелкие правонарушения, вместе с тем предлагается использовать альтернативные формы наказания. Такой подход позволит не только сократить перегруженность исправительных учреждений, но и дать возможность лицам, совершившим мелкоуголовное правонарушение, вернуться к обществу без «клейма» бывших заключенных.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Гуманизация института наказания за преступления небольшой и средней тяжести // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 425-432. DOI: 10.34670/AR.2023.44.23.054

Ключевые слова

Уголовно-правовая политика, УК РФ, УПК РФ, судебный штраф, меры уголовно-правового характера.

Введение

Уголовно-правовая политика Российской Федерации последнего времени обусловлена гуманизацией института наказаний и вырабатывает нормы, смягчающие ответственность за преступления небольшой и средней тяжести.

Федеральный закон № 323-ФЗ от 3 июля 2016 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» дополнив УК РФ, стал результатом такой гуманизации, а именно: Ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» и Глава 15.2, объединяющая ст. 104.4 «Судебный штраф» и ст. 104.5 «Порядок определения судебного штрафа» [Федеральный закон № 323-ФЗ].

Вышеизложенным законодатель, реанимировав в части статью 50.1. «Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности» УК РСФСР, оформил новый интегративный институт, объединяющий нормы об освобождении от уголовной ответственности и регламентирующие иную меру уголовно-правового характера.

Основное содержание

Усиление дифференцированного подхода к регламентации уголовной ответственности для лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней степени тяжести, фактически привело к появлению новой систематизации категорий преступлений, объединяющей два элемента [Михайлов, 2018]:

- первый элемент – преступления небольшой и средней тяжести (ч.2 и ч. 3 ст. 15 УК РФ);
- второй элемент – тяжкие и особо тяжкие преступления (ч. 4 и ч. 5 ст. 15 УК РФ) [www, УК РФ].

Как отмечает Н.И. Пикуров: «...настало время внимательнее рассмотреть объективные предпосылки для выделения такой категории, как уголовный проступок, и разрешить данный вопрос в его системных связях со всеми остальными институтами уголовного права, а также с институтами ответственности в других отраслях права» [Пикуров, 267, 2017].

В октябре 2017 года Пленум Верховного суда Российской Федерации утвердил законопроект о введении понятия проступка в уголовное законодательство, в который предлагает за совершение проступка освобождать от уголовной ответственности и применять к нарушителям закона меры уголовно-правового характера [www, ВС РФ]. Данная инициатива предполагала введение нового способ освобождения от уголовной ответственности, декриминализацию ряда «мелкоуголовных» статей, применение принудительной меры воспитательного воздействия, перевод хищения с ущербом менее 5000 руб. в разряд «мелких».

В преддверии голосования председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев встречался с президентом России В.В. Путиным, Глава государства согласился с необходимостью внесения таких изменений и отметил, что в местах изоляции от общества немало людей, осужденных за «незначительные по современным меркам правонарушения», но вынуждены проходить эту «печальную и далеко не всегда самую эффективную школу жизни» [www, спецпроект].

Разработчики законопроекта аргументируя в пояснительной записке [www] целесообразность введения данной нормы, приводят данные о практической востребованности

предложенной инициативы Верховного Суда РФ, что : «... позволит более справедливо классифицировать преступные деяния, дифференцировать уголовную ответственность за их совершение в зависимости от характера общественной опасности, предусмотреть новое основание освобождения от уголовной ответственности, упростить судебную процедуру рассмотрения уголовных дел этой категории, существенно сократить сферу применения уголовного наказания за счет назначения иных мер уголовно-правового характера, не влекущих за собой судимости и связанных с ней негативных последствий» [Постановление ВС РФ № 42 от 31.10.2017, 17].

Как указывает Н.Ю. Скрипченко, законодатель своей инициативой прогнозируют «...дальнейшее снижение числа лиц, имеющих судимость, что будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества и поможет не калечить судьбу человека, который может еще исправиться» [Скрипченко, 144, 2021].

Следует отметить, что в отношении «уголовного проступка» совершенного впервые предложено применение иных мер уголовно-правового характера, к ним предлагается отнести выше уже указанный судебный штраф, кроме того обязательные и исправительные работы.

Таким образом, в уголовной политике фиксируются восстановительно-компенсационные функции, которые в свою очередь дают возможность в значительной мере улучшить положение лиц, совершивших преступные посяательства впервые. Условно вышепоименованные функции можно разделить на три вектора:

- *первый* – возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступным деянием;
- *второй* – компенсация морального вреда потерпевшей стороне [www, КонсультантПлюс];
- *третий* - выплаты в бюджет государства компенсационного характера.

Согласимся с мнением Д.О. Михайлова: «...дифференциация гуманизации наказания будет усиливаться и далее, что в дальнейшем может привести к законодательному признанию уголовных проступков, наряду с преступлениями. В социальной структуре общества это вызовет положительные изменения, так как число имеющих судимость лиц значительно сократится» [Михайлов, 146, 2018].

Предложенные ВС РФ нововведения в УК РФ допускают возможность в связи с применением иных уголовно-правовых мер, прекратить уголовное преследование, не только в процессе судебного разбирательства, но и ходе расследования уголовного дела. В результате, благодаря рассматриваемому основанию освобождения от уголовной ответственности, уголовного наказания ежегодно не подвергнутся порядка двадцати тысяч лиц.

Фабула законодателя заключается в предупреждении преступлений – основную нагрузку принимают на себя иные меры уголовно-правового характера, а механизм уголовной репрессии будет включаться только, если данные меры не достигнут своих целей.

Проект федерального закона о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации [Постановление ВС РФ № 42 от 31.10.2017] в качестве иных мер уголовно-правового характера, помимо судебного штрафа включал «общественные» и «ограниченно оплачиваемые работы».

Следует отметить, что изначальная редакция законопроекта была подвергнута критике как со стороны депутатского корпуса Государственной Думы, так и научного сообщества.

По мнению Н.А. Лопашенко: «В связи с введением понятия уголовного проступка Верховный суд РФ предлагает изменить ряд норм Общей части, и многие из этих изменений, обрушивают остатки системности российского уголовного закона» [Лопашенко, 230, 2019].

В свою очередь Н.Е. Крылова указала, что: «... законопроект не просто небрежен и противоречив с юридической точки зрения, но и может принести негативные последствия, то

есть является опасным. Кроме того, сам факт применения, в рамках освобождения от уголовной ответственности, мер уголовно-правового характера, аналогичных разновидностям уголовного наказания, лишает специфики соответствующие институты» [Крылова].

В пояснительной записке к проекту Федерального закона некоторые виды наказаний, не связанные с изоляцией осужденного от общества предлагалось применять в качестве иных мер уголовно-правового характера, что как утверждает Д.О. Михайлов: «...нарушало систему этих институтов» [Михайлов, 146, 2018].

Приведем позицию А.А. Вакутина и Е.Н. Бархотовой по данному вопросу: «Не до конца ясна и природа иных мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицу в случае освобождения от уголовной ответственности. С одной стороны, Верховный Суд вполне обоснованно считает уголовный проступок опаснее административных правонарушений, закрепляя ответственность в уголовном законе. С другой стороны, большинство мер воздействия примерно совпадает с административными наказаниями – штрафом и обязательными работами» [Вакутин, 18, 2018,].

Следует указать, что работа по законопроекту от 2017 года закончилась еще на стадии обсуждения в комитете Государственной Думы по госстроительству и законодательству. Уже во время первого чтения к законопроекту появились существенные претензии, так как вместе с освобождением от уголовной ответственности, его положения фактически закрепляли возможность внесудебного признания вины.

Против законопроекта ВС тогда высказалось правительство: министры отметили, что предлагаемые изменения не согласуются со ст. 52 Конституции, потому что не учитывают интересы потерпевших, которым причинят вред в результате уголовного проступка [www, спецпроект].

Считаем необходимым отметить, что кроме критики предложенного вышеуказанного законопроекта, некоторые исследователи видели в его реализации позитивные моменты, так Е.В. Рогова считает: «...введение уголовных проступков в соответствии с гуманизацией уголовной политики позволит снизить число лиц, осуждаемых к лишению свободы, снизить уровень судимости населения и уровень рецидива. Закрепление категории уголовных проступков даст возможность более быстрого и эффективного реагирования на уголовные проступки вследствие введения упрощенной процедуры уголовного производства, позволит применять медиационные процедуры по делам об уголовных проступках, а так же успешнее и эффективнее решать задачи предупреждения преступлений и уголовных проступков» [Рогова, 56, 2020].

Тем не менее, не получив поддержки введения «уголовного проступка» во властных коридорах, Верховный суд Российской Федерации в 2020 году отозвал законопроект законопроект №612292–7.

Однако следует отметить настойчивость ВС РФ по продвижению в органы законодательной власти законопроекта об уголовном проступке. Крайний проект, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» направлен в Государственную Думу РФ. На текущую дату законопроект № 1112019-7 получил официальный отзыв Правительства РФ № 1121п-П4 от 10.02.2021, внесен 15.02.2021 в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации, 25.05.2023 получено письмо Правового управления Аппарата ГД ФС РФ № вн.2.2-1/2522 и 31.05.2023 рассмотрен Советом ГД ФС РФ, Протокол № 105, п. 42 [www, Паспорт проекта].

Заключение

Несмотря на позитивную динамику гуманизации уголовного законодательства, критические отзывы в юридической литературе сублимировано указывают, что процесс законотворчества, в части рассматриваемых институтов, несколько не последователен и подлежит более четкой систематизации и структуризации. По нашему частно-научному мнению необходимо определить тактику совершенствования рассматриваемых уголовно-правовых институтов.

Библиография

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" от 03.07.2016 № 323-ФЗ
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a0182fc43a8bbf8974658cda72c860ddf210c52/?ysclid=lorewhpv9r368408930
3. «Уголовный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 "О практике применения судами норм о компенсации морального вреда": <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405614449/?ysclid=lorgq4159z157742768>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности"
6. Постановление Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24 "О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"
8. Анощенко, С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2017. – № 7. С. 114-125
9. Вакутин А.А., Бархатова Н.Е., Анализ проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 1 (84) 2018. С. 15-20
10. Габараев, А. Ш. Генезис исправительных и обязательных работ в системе уголовных наказаний России / А. Ш. Габараев, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 6А. – С. 293-300. – DOI 10.34670/AR.2022.94.15.041. – EDN CJNBOR.
11. Крылова, Н. Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы законодательной регламентации и правоприменения / Н. Е. Крылова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2016. – № 3. – С. 25-37. – EDN XHFHMP.
12. Михайлов, Д. О. Социально-правовые предпосылки появления судебного штрафа в российском уголовном праве / Д. О. Михайлов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 145-147. – EDN YTAOVF.
13. Михайлов, Д. О. Судебный штраф в российском уголовном праве: проблемы терминологии / Д. О. Михайлов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 167-169. – EDN YTAOXB.
14. Новиков, А. В. Альтернативные лишения свободы наказания. Исправительные и обязательные работы / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 6А. – С. 127-132. – DOI 10.34670/AR.2021.13.26.015. – EDN JTYWXX.
15. Интернет-ресурс, Когда и в каком размере можно требовать компенсации морального вреда?: https://www.consultant.ru/edu/student/consultation/kompensatsia_moralnogo_vreda/?ysclid=lorgmd9uda403877665
16. Интернет-источник. Верховный Суд Российской Федерации // Больше справедливости, меньше судимостей: ВС предложил дополнить УК проступком: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/24327/?ysclid=lorh96ha1o639248784
17. Интернет-ресурс. Спецпроект: Лебедев: "Человека останавливает не осознание того, что он станет уголовником" https://pravo.ru/court_report/view/120716/?ysclid=los6wofv4556032407

18. Интернет-ресурс. Спецпроект: Законопроект от Пленума ВС: кто и как избежит судимости .<https://pravo.ru/story/226510/?ysclid=lose2w53q5619627057>
19. Паспорт проекта № 1112019-7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=h2UZKA&base=PRJ&n=204181#zt3Z8vTiItnrjW791>
20. Лопашенко, Н. А. Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы / Н. А. Лопашенко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 сентября – 01 2019 года / Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 229-232. – EDN MIYRBH.
21. Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера по законодательству Российской Федерации и стран СНГ // Международное публичное и частное право. 2019. № 2. С. 39–44
22. Пикуров, Н. И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения / Н. И. Пикуров // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 января 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: Оригинал-макет, 2017. – С. 262-267. – EDN JNAACR.
23. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <http://www.supcourt.ru>
24. Рогова, Е. В. Уголовный проступок как проявление гуманизации уголовной политики России / Е. В. Рогова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 1(75). – С. 52-57. – EDN IPRAWN.
25. Скрипченко Н. Ю., Анощенко С. В. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 11. – С. 142–154. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.142-154

Humanization of the institution of punishment for crimes of minor and medium gravity

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

Humanization of the institution of punishment for crimes of minor and medium gravity is a pressing and widely discussed issue. Modern society strives for a more humane approach to criminal justice, especially when it comes to crimes that do not cause serious harm to society. In this regard,

Aleksei V. Novikov

there is a need to review existing methods of punishment and develop new, more effective ones. One of the primary tasks of humanizing the institution of punishment is to reduce the number of people convicted of minor offenses; at the same time, it is proposed to use alternative forms of punishment. This approach will not only reduce overcrowding in correctional institutions, but also enable individuals who have committed minor offenses to return to society without the “stigma” of former prisoners.

For citation

Novikov A.V. (2023) Gumanizatsiya instituta nakazaniya za prestupleniya nebol'shoi i srednei tyazhesti [Humanization of the institution of punishment for crimes of minor and medium gravity]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 425-432. DOI: 10.34670/AR.2023.44.23.054

Keywords

Criminal law policy, the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, court fines, measures of a criminal legal nature.

References

1. Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti" ot 03.07.2016 № 323-FZ
2. "Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 04.08.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 12.10.2023): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a0182fc43a8bbf8974658cda72c860ddfb210c52/?ysclid=orewhpv9r368408930
3. «Ugolovnyy kodeks RSFSR» (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 30.07.1996)
4. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15 noyabrya 2022 g. № 33 “O praktike primeneniya sudami norm o kompensatsii moral'nogo vreda”: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405614449/?ysclid=lorgq4159z157742768>
5. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) "O primeneni sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti"
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 31 oktyabrya 2017 g. № 42 «O vnesenii v Gosudarstvennyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii proyekta Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniyem ponyatiya ugolovnogo prostupka"
7. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 13.10.2020 № 24 "O vnesenii v Gosudarstvennyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii proyekta Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniyem ponyatiya ugolovnogo prostupka"
8. Anoshchenkova, S. V. Naznacheniye sudebnogo shtrafa: voprosy teorii i praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2017. – № 7. S. 114-125
9. Vakutin A.A., Barkhatova N.Ye., Analiz proyekta Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy Kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniyem ponyatiya ugolovnogo prostupka» // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 1 (84) 2018. S. 15-20
10. Gabarayev, A. SH. Genezis ispravitel'nykh i obyazatel'nykh rabot v sisteme ugolovnykh nakazaniy Rossii / A. SH. Gabarayev, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 6A. – S. 293-300. – DOI 10.34670/AR.2022.94.15.041. – EDN CJNBOR.
11. Krylova, N. Ye. Osvobozhdeniye ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa: problemy zakonodatel'noy reglamentatsii i pravoprimeneniya / N. Ye. Krylova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. – 2016. – № 3. – S. 25-37. – EDN XHFHMP.
12. Mikhaylov, D. O. Sotsial'no-pravovyye predposylki poyavleniya sudebnogo shtrafa v rossiyskom ugolovnom prave / D. O. Mikhaylov // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 7. – S. 145-147. – EDN YTAOVF.
13. Mikhaylov, D. O. Sudebnyy shtraf v rossiyskom ugolovnom prave: problemy terminologii / D. O. Mikhaylov // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 7. – S. 167-169. – EDN YTAOXB.

14. Novikov, A. V. Al'ternativnyye lisheniya svobody nakazaniya. Ispravitel'nyye i obyazatel'nyye raboty / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. – 2021. – T. 11, № 6A. – S. 127-132. – DOI 10.34670/AR.2021.13.26.015. – EDN JTYWXX.
15. Internet-resurs. Kogda i v kakom razmere mozno trebovat' kompensatsii moral'nogo vreda?: https://www.consultant.ru/edu/student/consultation/kompensatsia_moralnogo_vreda/?ysclid=lorgmd9uda403877665
16. Internet-istochnik. Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii // Bol'she spravedlivosti, men'she sudimostey: VS predlozhit dopolnit' UK prostupkom: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/24327/?ysclid=lorh96ha1o639248784
17. Internet-resurs. Spetsproyekt: Lebedev: "Cheloveka ostanavlivayet ne osoznaniye togo, chto on stanet ugolovnikom" https://pravo.ru/court_report/view/120716/?ysclid=los6wofv4556032407
18. Internet-resurs. Spetsproyekt: Zakonoprojekt ot Plenuma VS: kto i kak izbezhit sudimosti <https://pravo.ru/story/226510/?ysclid=lose2w53q5619627057>
19. Pasport proyekta № 1112019-7 O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniyem ponyatiya ugolovnogo prostupka <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=h2UZKA&base=PRJ&n=204181#zt3Z8vTiItrjW791>
20. Lopashenko, N. A. Ugolovnyy prostupok v sovremennoy Rossii: proyekty, problemy i prognozy / N. A. Lopashenko // *Ugolovno-pravovoye vozdeystviye i yego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (IV Saratovskiy ugolovno-pravovyye chteniya) : Sbornik statey po materialam IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Saratov, 30 sentyabrya – 01 2019 goda / Pod obshchey redaktsiyey N.A. Lopashenko. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2019. – S. 229-232. – EDN MIYRBH.*
21. Martynenko N.E., Martynenko E.V. Pravovaya priroda inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i stran SNG // *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*. 2019. № 2. S. 39–44
22. Pikurov, N. I. Osvobozhdeniye ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniym sudebnogo shtrafa: yuridicheskaya priroda i perspektivy primeneniya / N. I. Pikurov // *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 26–27 yanvarya 2017 goda / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii; Moskovskiy gosudarstvennyy yuridicheskii universitet imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA). – Moskva: Original-maket, 2017. – S. 262-267. – EDN JNAACR.*
23. Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks RF i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF v svyazi s vvedeniyem ponyatiya ugolovnogo prostupka» // URL: <http://www.supcourt.ru>
24. Rogova, Ye. V. Ugolovnyy prostupok kak proyavleniye gumanizatsii ugolovnoy politiki Rossii / Ye. V. Rogova // *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. – 2020. – № 1(75). – S. 52-57. – EDN IPRANW.
25. Skripchenko N. YU., Anoshchenkova S. V. Ugolovnyy prostupok: ob'yektivnaya potrebnost' ili deklariruyemaya neobkhodimost'? // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. – 2021. – T. 16. – № 11. – S. 142–154. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.142-154

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.30.10.055

Классификация осужденных по строгости наказания и их распределение в исправительных учреждениях и СИЗО

Котляров Андрей Андреевич

Старший преподаватель, кафедра режима и охраны в УИС,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: Andrew.kot.86@mail.ru

Спиридонова Юлия Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: upkiord@yandex.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Индивидуализация исполнения наказаний наравне с отдельным содержанием осужденных к лишению свободы и их распределением является в настоящее время актуальной задачей уголовно-исполнительной системы, поскольку количество исправительных учреждений сокращается, и вместе с этим растет концентрация осужденных с явно выраженной «криминальной зараженностью». Кроме того, обеспечение отдельного содержания является составной и важной частью проблемы укрепления конституционного института прав и свобод человека в России, решение которой связано с необходимостью оптимизации процесса реализации такого наказания, как лишение свободы и меры пресечения, как содержание под стражей в следственных изоляторах.

Для цитирования в научных исследованиях

Котляров А.А., Спиридонова Ю.Н., Слабкая Д.Н. Классификация осужденных по строгости наказания и их распределение в исправительных учреждениях и СИЗО // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 433-440. DOI: 10.34670/AR.2023.30.10.055

Ключевые слова

Раздельное содержание, размещение, дифференциация, условия отбывания наказания, индивидуализация.

Введение

Дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний закреплена в ст. 80 «Раздельное содержание осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях» Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [www, УИК РФ] и Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы [Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110].

Основное содержание

Следует отметить, что требования статьи 80 УИК РФ и статья 33 «Раздельное размещение в камерах» Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [Федеральный закон № 103-ФЗ] не являются исчерпывающими. Так помимо закрепленных в этих статьях норм отдельно отбывают наказание:

- вновь прибывшие в исправительное учреждение осужденные (карантин);
- которым предоставлено право передвижения без конвоя (отдельное общежитие);
- отбывающие меру взыскания в штрафных изоляторах, дисциплинарных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах;
- переведенные в безопасное место (камерное помещение);
- содержащиеся в запираемых помещениях на строгих условиях содержания;
- в тюрьмах находящиеся на общем и строгом режимах;
- переводимые из одного исправительного учреждения в другое;
- осужденные, оставленные в тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Необходимо указать, что в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее – СИЗО) находится различный контингент, содержащийся под стражей. Согласно действовавшему ранее Положению о следственном изоляторе УИС Министерства юстиции РФ, СИЗО предназначалось для:

- 1) Лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в том числе: подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, заключенные под стражу по уголовным делам, принятым к производству органами дознания и следствия; обвиняемые в совершении преступлений, заключенные под стражу, уголовные дела в отношении которых приняты к производству судами (подсудимые); осужденные по уголовным делам, в отношении которых обвинительные приговоры не вступили в законную силу; осужденные, привлекаемые к ответственности по другим уголовным делам, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу.

- 2) Свидетелей и потерпевших из состава осужденных, в том числе: осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии или воспитательной колонии, оставленные в следственном изоляторе в связи с производством следственных действий по делу о преступлении, совершенном другим лицом; осужденные, оставленные в следственном изоляторе по определению суда в связи с участием в судебном разбирательстве по делу о преступлении, совершенном другим лицом.
- 3) Осужденные к лишению свободы и смертной казни, подлежащие передаче конвоем для этапирования к месту назначения.
- 4) Осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию этого учреждения, отбывают уголовное наказание в виде лишения свобод [Приказ Минюста РФ от 25.01.1999 №20].

Как следствие из вышеперечисленного, из-за значительного количества категорий осужденных к ним применяются различные требования, касающихся, как и пропускного режима, так и бытовой составляющей жизни в учреждении [Булатов, 2020].

В исправительных учреждениях ФСИН России (далее – ИУ) содержатся различные категории осужденных, которым на основании вступившего в силу обвинительного приговора суда назначено наказание в виде изоляции от общества.

В соответствии со ст. 74 УИК РФ, ИУ классифицируются на воспитательные колонии, колонии-поселения, исправительные колонии, лечебно-исправительные учреждения и тюрьмы.

Воспитательные колонии необходимы для осужденных, которые не достигли совершеннолетия (по норме ст. 132 УИ РФ). Режим в данных колониях предусматривает обязательное получение образования, ограничение трудовых работ и большей психокоррекционной работой с спецконтингентом [Дикопольцев, 2021]. Считаю необходимым совершить краткое пояснение. В некоторых случаях, а именно: закрепление результатов исправления или завершение образования, по обращению учебно-воспитательный совета колонии, совета воспитателей отряда, родительского комитета, несовершеннолетний осужденный, достигшие возраста 18 лет, может быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет.

Условия отбывания наказаний в исправительных колониях общего режима также делятся по условиям отбывания наказаний:

- облегченные условия, средства находятся на личных счетах и их расход не ограничен, количество свиданий 12 в год, количества посылок и бандеролей 24 в год и продолжительность прогулки и количество телефонных разговоров не ограничены [www];
- обычные условия, место проживания предоставлено на территории учреждения в виде общежития, норма жилой площади для женщин не менее 2 кв. м., средства на лицевых счетах, которые можно тратить ограничены размером 9000 рублей, количество свиданий составляет десять раз в год, количество посылок также снижено до двенадцати в год, телефонные разговоры без ограничений и прогулки аналогично.
- строгие условия, место проживания – это запираемые помещения, норма жилой площади аналогична обычным условиям, материальные средства на личные расходы определяются суммой 7800 рублей в месяц, количество свиданий уменьшено до 3 краткосрочных и 3 длительных свидания в год, количество посылок ограничено шестью передачами и бандеролями в год, телефонные разговоры не разрешены, продолжительность прогулки составляет полтора часа в день, при хорошем поведении осужденного время прогулки может быть увеличено вдвое (ч. 4 ст. 121 УИК РФ).

Стоит отметить то, что строгие условия лишают осужденных телефонных разговоров на год. Прогулки также ограничены. Несомненно, данные ограничения являются средством достижения исправления и рычагом давления для сотрудников режима. В то же самое время, по частно-научному мнению авторов, справедливым будет ввести систему поощрений для осужденных, находящихся в строгих условиях. К примеру, в УИС уже существует система перехода и облегчения режимных требований за правопослушное поведение, но, чтобы понять осужденному, в чем положительность данного образа жизни, необходимо приучить его к лучшим условиям, продемонстрировав «демоверсию» данной жизни в учреждении. Не для всех осужденных эта мера воздействия будет действенна, но для 20% от общего количества осужденных будет возможно исправление из-за привыкания и желания достижения к себе более лояльного отношения.

Также стоит упомянуть временные показатели возможности перевода из строго режима в обычный. Только через девять месяцев содержания в условиях строго режима, при соблюдении ряда условий, становится возможен перевод осужденных на более облегченные условия отбывания наказаний. Обоснованно считаем, что данные временные показатели справедливы, так как изменение мышления человека происходит не за два-три месяца, введение привычки в повседневность – это долгий и трудоемкий процесс. Первое время осужденный осознает реальность режима, надзора изоляции на территории исправительного учреждения, и только после этого начинается путь к исправлению.

Особый режим является самым строгим из всех вышеперечисленных режимов. В колонии особого режима, в соответствии со ст.125 УИК РФ, также существуют различные условия отбывания наказания:

- 1) Облегченные условия, место проживания – общежития на территории учреждения, норма жилой площади не меняется, ежемесячный разрешенный расход на личные нужды не превышает размер 7800 рублей из средств на личных счетах, количество свиданий ограничено до шести в год, количество посылок и бандеролей в год до восьми, количество телефонных разговоров не ограничено и продолжительность прогулки также не ограничена.
- 2) Обычные условия, место проживания, норма жилой площади, количество телефонных разговоров аналогична облегченным условиям, личные средства в размере 7200 рублей, не более шести посылок и бандеролей в год и не более четырех свиданий.
- 3) Строгие условия, место проживания – помещения камерного типа, норма площади аналогична, ежемесячные расходы на личные нужды равны 6600 рублей, количество свиданий не более двух краткосрочных и одно длительное в год, не более одной посылки и бандероли в год и отсутствие телефонных разговоров, ежедневные прогулки не более полутора часа в день.

Заключение

Таким образом, в исправительных учреждениях особого режима условия отбывания наказания самые строгие. В колониях особого режима содержатся лица, приговоренные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы. Осужденные обычно содержатся в камерах более чем по два человека, но по постановлению начальника учреждения, возможно одиночное содержание.

В дополнение к вышесказанному, необходимо подчеркнуть то, что в СИЗО главными различиями являются для осужденных список разрешенных им личных вещей. В ИУ определяющий фактор – это режимность, что определяет, как условия содержания осужденных, так и количество средств на личных счетах, число телефонных разговоров, и так далее.

Библиография

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997: в редакции Федерального закона от 11.06.2021 № 217-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2022). Консультант Плюс: [справочно-правовая система] (дата обращения 20.08.2023)
2. Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 Консультант Плюс: [справочно-правовая система] (дата обращения 20.08.2023).
3. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: [федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759
4. Приказ Минюста РФ от 25.01.1999 №20 «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ» (дата обращения 01. 08.2023)) – Текст непосредственный.
5. Баландюк, О. В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу (постановка проблемы) / О. В. Баландюк // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2(34). – С. 470-472. – EDN WCMEEZ.
6. Булатов, Б.В., Горобцов В.И., Шутов Ю.И. Правовое регулирование исполнения предварительного заключения под стражу: Лекция. — Омск: Изд-во Омск. высш. шк. милиции МВД РФ, 2020. 40 с. (дата обращения 02.08.2023) – Текст непосредственный.
7. Дергачев, А. В. Чрезвычайное положение как основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях: проблемы регулирования / А. В. Дергачев, А. П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12 (1-4), № 3. – С. 244–248.
8. Дикопольцев, Д. Е. О некоторых аспектах индивидуальной работы с осужденными, как составляющей процесса исправления / Д. Е. Дикопольцев, А. В. Новиков // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 3. – Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. – С. 143-147. – EDN TEAZCL.
9. Интернет-источник, Порядок перевода осуждённых на облегчённые условия содержания: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_70/activity/legal-education/explain?item=56339703
10. Кряжева, С. Г. Уголовно-правовая характеристика осужденных к пожизненному лишению свободы / С. Г. Кряжева, О. П. Пименова, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 2А. – С. 265-272. – DOI 10.34670/AR.2022.14.84.031. – EDN VEFNEJ.
11. Овчинников, О. М. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России, детерминирующая специфику воспитательной работы с ними / О. М. Овчинников, А. Д. Ким // Проблемы правового обеспечения устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса в современных политических и социально-экономических условиях : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 09 апреля 2020 года / Под научной редакцией А.П. Соколова. – Москва: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2020. – С. 217-223. – EDN APXKBV.
12. Нарусланов, Э. Ф. К вопросу о детерминантах внутрикамерных конфликтов в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Экспертное мнение / Э. Ф. Нарусланов, А. В. Новиков, Е. Н. Полякова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 3А. – С. 173-180. – EDN XSEUVF.
13. Поникаров, В. А. Сущность административно-правового статуса следственного изолятора в правоохранительной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России / В. А. Поникаров, Р. К. Габитов // Полицейская деятельность. – 2016. – № 1. – С. 5-10. – DOI 10.7256/2222-1964.2016.1.16757.
14. Савушкин С. М. О видах исправительных учреждений. Пенитенциарная наука, 2021, т. 15, № 4 (56), с. 742–752. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742–752.
15. Слабая, Д. Н. К вопросу о классификации наказаний, применяемых в уголовном законодательстве России / Д. Н. Слабая, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 7-1. – С. 198-203. – DOI 10.34670/AR.2022.41.36.023. – EDN ТМННТМ.
16. Федоров, А. Ф. Организационная основа деятельности учебно-воспитательного совета в воспитательных колониях / А. Ф. Федоров // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 67-3. – С. 40-43. – DOI 10.18411/lj-11-2020-90. – EDN NZJQUJ.

17. Шурухнов, Н. Г. Подозреваемые, обвиняемые, содержащиеся под стражей в СИЗО и ПФРСИ: характеристика, виды совершаемых правонарушений и преступлений / Н. Г. Шурухнов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3(130). – С. 290-292. – EDN KTDPPW.

**Classification of convicts by severity of punishment
and their distribution in correctional institutions
and pre-trial detention centers**

Andrei A. Kotlyarov

Senior Lecturer,
Department of Regime and Security in the Penal Enforcement System,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: andrew.kot.86@mail.ru

Yuliya N. Spiridonova

PhD in Law,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigative Activities,
Faculty of Law,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
160002, 2, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: upkiord@yandex.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

Individualization of the execution of sentences, along with the separate maintenance of those sentenced to imprisonment and their distribution, is currently an urgent task of the penal system, since the number of correctional institutions is decreasing, and at the same time the concentration of convicts with a clear “criminal infestation” is growing. In addition, ensuring separate detention is an integral and important part of the problem of strengthening the constitutional institution of human rights and freedoms in Russia, the solution of which is associated with the need to optimize the process of implementing such punishment as imprisonment and preventive measures such as detention in pre-trial detention centers.

For citation

Kotlyarov A.A., Spiridonova Yu.N., Slabkaya D.N. (2023) Klassifikatsiya osuzhdennykh po strogosti nakazaniya i ikh raspredelenie v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh i SIZO [Classification of convicts by severity of punishment and their distribution in correctional institutions and pre-trial detention centers]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 433-440. DOI: 10.34670/AR.2023.30.10.055

Keywords

Separate detention, placement, differentiation, conditions for serving a sentence, individualization.

References

1. Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997: v redaktsii Federal'nogo zakona ot 11.06.2021 № 217-FZ (s izm. i dop. ot 29.12.2022). Konsul'tant Plyus: [spravochno-pravovaya sistema] (data obrashcheniya 20.08.2023)
2. Ob utverzhdenii pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy, pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdeniy i pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: Prikaz Minyusta Rossii ot 04.07.2022 № 110 Konsul'tant Plyus: [spravochno-pravovaya sistema] (data obrashcheniya 20.08.2023).
3. O sodержanii pod strazhey podozrevayemykh i obvinayemykh v sovershenii prestupleniy: [federal'nyy zakon ot 15 iyulya 1995 g. № 103-FZ] // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 1995. – № 29. – St. 2759
4. Prikaz Minyusta RF ot 25.01.1999 №20 «Ob utverzhdenii Polozheniya o sledstvennom izolyatore ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Ministerstva yustitsii RF» (data obrashcheniya 01. 08.2023)) – Tekst neposredstvennyy.
5. Balandyuk, O. V. Pravovaya priroda i otraslevaya prinadlezhnost' deyatel'nosti po ispolneniyu mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu (postanovka problemy) / O. V. Balandyuk // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2(34). – S. 470-472. – EDN WCMEEZ.
6. Bulatov, B.V., Gorobtsov V.I., Shutov YU.I. Pravovoye regulirovaniye ispolneniya predvaritel'nogo zaklyucheniya pod strazhu: Lektsiya. — Omsk: Izd-vo Omsk. vyssh. shk. militsii MVD RF, 2020. 40 s. (data obrashcheniya 02.08.2023) – Tekst neposredstvennyy.
7. Dergachev, A. V. Chrezvychaynoye polozheniye kak osnovaniye vvedeniya rezhima osobykh usloviy v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: problemy regulirovaniya / A. V. Dergachev, A. P. Skiba // Ugolovno-ispolnitel'noye pravo. – 2017. – T. 12 (1–4), № 3. – S. 244–248.
8. Dikopol'tsev, D. Ye. O nekotorykh aspektakh individual'noy raboty s osuzhdennymi, kak sostavlyayushchey protsessa ispravleniya / D. Ye. Dikopol'tsev, A. V. Novikov // Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii : Nauchno-prakticheskoye yezhekvartal'noye izdaniye. Tom Vypusk 3. – Moskva : Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2021. – S. 143-147. – EDN TEAZCL.
9. Internet-istochnik, Poryadok perevoda osuzhdonnykh na oblegchonnyye usloviya sodержaniya: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_70/activity/legal-education/explain?item=56339703
10. Kryazheva, S. G. Ugolovno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody / S. G. Kryazheva, O. P. Pimenova, A. V. Novikov // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 2A. – S. 265-272. – DOI 10.34670/AR.2022.14.84.031. – EDN VEFNEJ.
11. Ovchinnikov, O. M. Kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniye v vospitatel'nykh koloniyakh FSIN Rossii, determiniruyushchaya spetsifiku vospitatel'noy raboty s nimi / O. M. Ovchinnikov, A. D. Kim // Problemy pravovogo obespecheniya ustoychivogo razvitiya oboronno-promyshlennogo kompleksa v sovremennykh politicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh : Sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 09 aprelya 2020 goda / Pod nauchnoy redaktsiyey A.P. Sokolova. – Moskva: Zakrytoye aktsionernoye obshchestvo "Universitetskaya kniga", 2020. – S. 217-223. – EDN APXKBB.
12. Naruslanov, E. F. K voprosu o determinantakh vnutrikamernykh konfliktov v sledstvennykh izolyatorakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. Ekspertnoye mneniye / E. F. Naruslanov, A. V. Novikov, Ye. N. Polyakova // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – T. 8, № 3A. – S. 173-180. – EDN XSEUVF.
13. Ponikarov, V. A. Sushchnost' administrativno-pravovogo statusa sledstvennogo izolyatora v pravookhranitel'noy deyatel'nosti Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossii / V. A. Ponikarov, R. K. Gabibov // Politseyskaya deyatel'nost'. – 2016. – № 1. – S. 5-10. – DOI 10.7256/2222-1964.2016.1.16757. – EDN VLETZT.
14. Savushkin S. M. O vidakh ispravitel'nykh uchrezhdeniy. Penitentsiarnaya nauka, 2021, t. 15, № 4 (56), s. 742–752. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742–752.
15. Slabkaya, D. N. K voprosu o klassifikatsii nakazaniy, primenyayemykh v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 7-1. – S. 198-203. – DOI 10.34670/AR.2022.41.36.023. – EDN TMHHTM.

16. Fedorov, A. F. Organizatsionnaya osnova deyatel'nosti uchebno-vospitatel'nogo soveta v vospitatel'nykh koloniyakh / A. F. Fedorov // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2020. – № 67-3. – S. 40-43. – DOI 10.18411/lj-11-2020-90. – EDN NZJQUJ.
17. Shurukhnov, N. G. Podozrevayemye, obvinyayemye, soderzhashchiesya pod strazhey v SIZO i PFRSI: kharakteristika, vidy sovershayemykh pravonarusheniy i prestupleniy / N. G. Shurukhnov // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2019. – № 3(130). – S. 290-292. – EDN KTDPWW

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.29.72.056

История развития и применения смертной казни в России

Дзыбова Саида Гиссовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Цеева Светлана Касимовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Курбанова Елена Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Аннотация

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний. Истоком смертной казни стал обычай кровной мести, в основе которого лежал принцип талиона: кровь за кровь, зуб за зуб. Она всегда существовала в истории всех государств. Смертная казнь – лишение человека жизни в качестве наказания, узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. Конечно, сейчас ряд государств уже отказались от смертной казни, так как признали ее незаконной по гуманным соображениям. В статье авторы рассматривают исторические и правовые аспекты смертной казни. Сквозь призму исторического анализа данного вида наказания, современной практики его применения (или неприменения) устанавливается, имеется ли возможность, необходимость и целесообразность использования смертной казни в противодействии преступности в России. Согласно докладом ООН, в странах, где разрешена смертная казнь, чаще случаются преступления, за которые она полагается. Исторический опыт показал, что наличие такого наказания как смертная казнь не влияет на уровень преступности. А «теория устрашения» и «теория ужесточения» содержат исследовательские ошибки.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзыбова С.Г., Цеева С.К., Курбанова Е.М. История развития и применения смертной казни в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 441-448. DOI: 10.34670/AR.2023.29.72.056

Ключевые слова

Смертная казнь, кровная месть, приговор суда, высшая мера социальной защиты – расстрел, смертные приговоры.

Введение

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний. Истоком смертной казни стал обычай кровной мести, в основе которого лежал принцип талиона: кровь за кровь, зуб за зуб. Она всегда существовала в истории всех государств

Смертная казнь – лишение человека жизни в качестве наказания, узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. Конечно, сейчас ряд государств уже отказались от смертной казни, так как признали ее незаконной по гуманным соображениям.

Основная часть

Что касается Российского государства, в краткой редакции «Русской Правды» было закреплено право кровной мести за убийство, при этом строго определялся круг родственников, участвующих в ней: «Убьет муж мужа, то мстить брату брата, или сынове отца, либо отцу сына, или брату-чаду, либо сестрину сынове». Закреплялся обычай денежного выкупа в случае отсутствия законных мстителей [Чистяков, 1984]. Обычай кровной мести представляет собой достижение справедливости путем мести, чаще всего выраженной в форме убийства. При этом нужно понимать, что данный обычай, хотя и являясь варварским в призме современной морали, для членов рода есть «высокий нравственный и религиозный долг, забвение которого порождает изгнание из рода, и, наоборот, месть влекла за собой общий почет» [Шелкопляс, 2000, 172]. Отвергать связь смертной казни и обычая кровной мести нельзя. И то, и то является убийством, но стоит отметить, что, в то время как в протогосударственных образованиях убийство является привычкой, смертна казнь выносится по приговору суда и согласно существующему законодательству.

Отмена кровной мести произошла в начале 50-х гг. XI в. на княжеском съезде и в XII в. была законодательно оформлена в редакции «Русской Правды» [Волошина, 2019, 32].

Но «Русская правда» еще не предусматривала смертную казнь в качестве меры наказания. «Только в 1389 г. в Двинской уставной грамоте впервые на Руси была санкционирована смертная казнь» [Жильцов, 2001, 99].

Резкий поворот в истории смертной казни произошел в царствование Елизаветы Петровны. По преданию, участвуя в дворцовом перевороте, в результате которого она и взшла на престол, Елизавета Петровна дала клятву, что став императрицей, никого не лишит жизни. Действительно, в 1744 г. был принят Сенатский указ, согласно которому выдержки из смертных приговоров предписывалось присылать в Сенат для утверждения императрицей. Ни одного

смертного приговора Елизаветой утверждено не было [Первый в Советской России смертный приговор, [www](#), 120].

Таким образом, хоть отмена смертной казни и прошла в своеобразной форме, Россия к концу первой половины XVIII в. стала первым европейским государством, отменившим этот вид наказания.

Анализируя историю, мы видим, что смертная казнь то отменялась (указами), то снова восстанавливалась.

Подходы Советской власти к смертной казни не были однозначными. Первоначально, 26 октября 1917 г., эта мера наказания была отменена. Но уже 21 февраля 1918 г. Декрет СНК разрешил расстреливать, даже без суда.

Первый в Советской России смертный приговор был оглашен 21 июня 1918 года в отношении начальника Морских сил Балтийского моря Алексея Щастного. Ему предъявили обвинение «в контрреволюционной агитации, попустительстве таковой во флоте, неисполнении приказов советской власти и планомерной дискредитации ее в глазах матросов».

С 1920 по 1950 год к высшей мере наказания приговаривали за самые разные преступления: заключение убыточных договоров, вынесение неправоудного приговора, незаконное задержание, получение взятки, бесхозяйственное использование рабочей силы в военное время, неисполнение обязательств по договору, хищение из государственных складов.

В 1922 г. был принят Уголовный Кодекс РСФСР, он предусматривал применение смертной казни в 38 случаях. Смертная казнь не применялась в отношении несовершеннолетних и в отношении женщин, находящихся в состоянии беременности. При этом смертная казнь применялась даже во внесудебном порядке [Основные начала..., [www](#)].

После реформы судеустройства УК РСФСР в редакции 1923 г. допускал применение смертной казни только по делам, находящимся в производстве Верховного Суда, губернских судов и трибуналов всех категорий.

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. рассматривали смертную казнь как временную меру социальной защиты, применяемую впредь до ее отмены ЦИК СССР для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам власти и советского строя. Если со времени совершения преступления проходило не менее 10 лет, то расстрел подлежал обязательной замене по выбору суда изгнанием из пределов Союза ССР или лишением свободы со строгой изоляцией.

Особенностям применения расстрела в те годы были посвящены и другие нормативные акты, в частности Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)», большинство положений которого в юридических составах содержали в качестве наказания «высшую меру социальной защиты – расстрел».

Создание советских судов, принятие Конституции СССР в 1936 г., поставили, если можно так сказать, смертную казнь на законодательную основу и в дальнейшем она широко применялась, особенно в довоенный и военный периоды для укрепления режима, общественной безопасности и ликвидации бандитизма.

Исключительная мера охраны государства, как правило, осуществлялась в виде расстрела. Во время войны и сразу после ее окончания также в ряде случаев прибегали к публичному повешению.

В 1947 г. имела место новая попытка отмены смертной казни, однако она было восстановлена в 1950 г. «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также деятелей культуры», Указом Президиума

Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» смертная казнь была восстановлена в отношении изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов, причем с обратной силой. Поводом к восстановлению смертной казни стало в первую очередь «Ленинградское дело», в основе которого лежали борьба за власть и доступ к вождю.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» [Бастрыкин высказался за отмену моратория на смертную казнь, www] распространил применение смертной казни и на лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» смертная казнь была предусмотрена за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, за изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, совершенные в виде промысла, а также в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, терроризирующих в местах лишения свободы вставших на путь исправления заключенных или совершающих нападения на администрацию, или организующих с этой целью преступные группировки, или активно участвующих в таких группировках.

В последующем – в 1962 г. смертная казнь, была восстановлена за изнасилование и взяточничество и ряд экономических преступлений. Глава государства мог принять решение о помиловании, но делал это довольно редко. В случае помилования расстрел заменялся лишением свободы на 25 лет либо пожизненным заключением.

С конца 1980-х количество смертных приговоров начало сокращаться. А Конституция РФ 1993 года и вовсе установила: «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

28 февраля 1996 года Россия вошла в Совет Европы, в связи, с чем обязалась подписать и ратифицировать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, отменяющую смертную казнь, – что в дальнейшем и было сделано. Президент РФ Борис Ельцин 16 мая 1996 года издал указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы».

16 апреля 1997 года РФ подписала протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому «смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен; государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны». Госдума должна была ратифицировать его до мая 1999 года, но так и не сделала этого.

Формально документ для РФ не вступил в силу, но по международным правилам после подписания договора страна должна вести себя как в случае его ратификации – поэтому на смертную казнь в России с 16 апреля 1997 года наложен мораторий.

В феврале 1999 года Конституционный суд принял постановление № 3-П, которым запретил применять смертную казнь до появления на всей территории России судов с участием присяжных заседателей.

Несмотря на запрет применения высшей меры наказания, норма о ней до сих пор содержится в УК. Согласно кодексу, преступника можно расстрелять за убийство с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 105 УК), геноцид (ст. 357 УК), посягательство на жизнь

государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК), сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК) либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК). В УК прописано: эта мера наказания является исключительной и не может быть назначена совершившим преступления в возрасте до 18 лет, женщинам и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 60 лет. Порядок исполнения смертной казни установлен гл. 23 УИК. Нормы о смертной казни будут исключены из действующего законодательства (или установлены за действия, совершенные во время войны либо при неизбежной угрозе войной) в случае ратификации протокола № 6.

Несмотря на однозначную позицию Конституционного Суда – в России смертная казнь не применяется – споры о ней не утихают и по сей день.

В мае 2015 года Госдума выступила против возврата смертной казни в качестве наказания для террористов. При этом в конце 2015 года председатель СКР Александр Бастрыкин заявил: «Я лично выступаю за смертную казнь, прежде всего как человек». По его мнению, тем, кто совершает тяжкие преступления, не место на земле [Крашенинников предложил убрать смертную казнь из Уголовного кодекса, [www](#)].

В январе 2017 года глава думского комитета по законодательству и госстроительству Павел Крашенинников предложил убрать из УК все упоминания о смертной казни. Он считает, что фактически такого вида наказания в РФ уже нет, поскольку оно не только не применяется, но и не может выноситься судом [В Думе предложили применять к террористам смертную казнь с отсрочкой, [www](#)].

В мае 2017 года председатель КС Валерий Зорькин заявил на VII Петербургском международном юрфоруме: «В России сложился конституционно-правовой режим на протяжении длительного времени, в результате которого граждане получили право не быть приговоренными к смертной казни».

Летом 2017 года глава думского комитета по безопасности и противодействию коррупции Василий Пискарев предложил выносить смертные приговоры террористам, но с отсрочкой до тех пор, пока в Европе не снимут на них запрет. «Мы идем к гуманизации, но я бы хотел, чтобы в случаях, когда речь идет об особо тяжких преступлениях, когда страдает огромное количество людей, когда погибают люди от взрывов, от терактов, все-таки прописывали в приговоре, что нужно применять именно эту меру наказания, но отсрочить исполнение до того, как появится всеобщее осознание, что эту меру надо применять», – сказал он [ЕСПЧ подвел итоги 2018 года, [www](#)].

Заключение

Согласно докладом ООН, в странах, где разрешена смертная казнь, чаще случаются преступления, за которые она полагается. «Исторический опыт показал, что наличие такого наказания как смертная казнь не влияет на уровень преступности. А «теория устрашения» и «теория ужесточения» содержат исследовательские ошибки», – подтвердил Лактионов.

Библиография

1. Бастрыкин высказался за отмену моратория на смертную казнь. URL: <https://pravo.ru/news/view/124748/>
2. В Думе предложили применять к террористам смертную казнь с отсрочкой. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/06/08/10713917.shtml>
3. Волошина И.А. Смертная казнь: «за» или «против» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 99-104.

4. ЕСПЧ подвел итоги 2018 года. Россия – лидер по числу жалоб и нарушений. URL: <https://pravo.ru/news/208489/>
5. Жильцов С.В. Смертная казнь в России до конца XVIII столетия: социально-политические аспекты // Право и политика. 2001. № 10. С. 119-130.
6. Крашенинников предложил убрать смертную казнь из Уголовного кодекса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3194006>
7. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и другие союзные уголовные законы. 1924-1926 гг. URL: <http://музейреформ.рф/node/13946>
8. Первый в Советской России смертный приговор. URL: <https://pravo.ru/process/view/95518/>
9. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»).
10. Указ Президиума ВС СССР от 26.05.1947 (с изм. от 12.01.1950) «Об отмене смертной казни».
11. Указ Президиума ВС СССР от 30.04.1954 «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство».
12. Чистяков О.И. (ред.) Российское законодательство X-XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. 430 с.
13. Шелкопляс Н.А. Смертная казнь в России: история становления и развития (IX – середина XIX в.). Минск: Амалфея, 2000. 112 с.

History of the development and application of the death penalty in Russia

Saida G. Dzybova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional
Construction and Political Science,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Svetlana K. Tseeva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Criminal Procedure,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Elena M. Kurbanova

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Criminal Law,
Maikop State Technological University,
385016, 191, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Abstract

The death penalty is one of the oldest punishments. The origin of the death penalty was the custom of blood feud, which was based on the principle of talion: blood for blood, tooth for tooth. It has always existed in the history of all states. The death penalty is the deprivation of a person's

life as a punishment legalized by the state and carried out by a court verdict that has entered into force or (historically) by decision of other state or military bodies. Of course, now a number of states have already abandoned the death penalty, since they have recognized it as illegal for humanitarian reasons. In the article, the authors examine the historical and legal aspects of the death penalty. Through the prism of historical analysis of this type of punishment, modern practice of its application (or non-use) it is established whether there is a possibility, necessity and expediency of using the death penalty in combating crime in Russia. According to United Nations reports, in countries where the death penalty is allowed, crimes for which it is imposed are more likely to occur. Historical experience has shown that the presence of such a punishment as the death penalty does not affect the crime rate. And the “theory of deterrence” and the “theory of tightening” contain research errors.

For citation

Dzybova S.G., Tseeva S.K., Kurbanova E.M. (2023) *Istoriya razvitiya i primeneniya smertnoi kazni v Rossii* [History of the development and application of the death penalty in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 441-448. DOI: 10.34670/AR.2023.29.72.056

Keywords

Death penalty, blood feud, court verdict, the highest measure of social protection – execution, death sentences.

References

1. *Bastrykin vyskazalsya za otmenu moratoriya na smertnuyu kazn'* [Bastrykin spoke in favor of abolishing the moratorium on the death penalty]. Available at: <https://pravo.ru/news/view/124748/> [Accessed 10/10/2023]
2. Chistyakov O.I. (ed.) (1984) *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi* [Russian legislation of the X-XX centuries. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus]. Moscow.
3. *ESPCh podvel itogi 2018 goda. Rossiya – lider po chislu zhalob i narushenii* [The ECHR summed up the results of 2018. Russia is the leader in the number of complaints and violations]. Available at: <https://pravo.ru/news/208489/> [Accessed 10/10/2023]
4. *Krashennnikov predlozhil ubrat' smertnuyu kazn' iz Ugolovnogo kodeksa* [Krashennnikov proposed removing the death penalty from the Criminal Code]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3194006> [Accessed 10/10/2023]
5. *Osnovnye nachala ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik 1924 g. i drugie soyuznye ugolovnye zakony. 1924-1926 gg.* [The main principles of the criminal legislation of the USSR and union republics of 1924 and other union criminal laws. 1924-1926]. Available at: <http://muzeireform.rf/node/13946> [Accessed 10/10/2023]
6. *Pervyi v Sovetskoj Rossii smertnyi prigovor* [The first death sentence in Soviet Russia]. Available at: <https://pravo.ru/process/view/95518/> [Accessed 10/10/2023]
7. *Postanovlenie VTsIK ot 01.06.1922 (red. ot 25.08.1924) «O vvedenii v deistvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.»)* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 06/01/1922 (as amended on 08/25/1924) “On the implementation of the Criminal Code of the R.S.F.S.R.” (together with the “Criminal Code of the R.S.F.S.R.”)].
8. Shelkopyas N.A. (2000) *Smertnaya kazn' v Rossii: istoriya stanovleniya i razvitiya (IX – seredina XIX v.)* [The death penalty in Russia: history of formation and development (IX – mid-XIX centuries)]. Minsk: Amalfeya Publ.
9. *Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26.05.1947 (s izm. ot 12.01.1950) «Ob otmene smertnoi kazni»* [Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of May 26, 1947 (as amended on January 12, 1950) “On the abolition of the death penalty”].
10. *Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 30.04.1954 «Ob usilenii ugolovnoi otvetstvennosti za umyshlennoe ubiistvo»* [Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of April 30, 1954 “On strengthening criminal liability for premeditated murder”].
11. *V Dume predlozhili primenyat' k terroristam smertnuyu kazn' s otsrochkoi* [The Duma proposed applying the death penalty to terrorists with a deferment]. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2017/06/08/10713917.shtml> [Accessed 10/10/2023]

12. Voloshina I.A. (2019) Smertnaya kazn': «za» ili «protiv» [The death penalty: pro et contra]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University. Legal Science], 5 (71), 2, pp. 99-104.
13. Zhil'tsov S.V. (2001) Smertnaya kazn' v Rossii do kontsa XVIII stoletiya: sotsial'no-politicheskie aspekty [The death penalty in Russia until the end of the 18th century: socio-political aspects]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 10, pp. 119-130.

Понятие доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников СНГ

Щерба Сергей Петрович

Доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2/1;
e-mail: zaurbii.tlehuch@mail.ru

Тлехуч Заурбий Азметович

Кандидат юридических наук,
старший прокурор отдела по надзору за исполнением федерального законодательства,
Прокуратура Республики Адыгея,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Жуковского, 32;
e-mail: zaurbii.tlehuch@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются нормативно-правовые положения уголовно-процессуального законодательства государств Содружества, закрепляющие понятие доказательств в уголовном процессе, исследуются вопросы его легального определения в национальном законодательстве государств СНГ, раскрывается перечень доказательств, рассматриваются проблемы их собирания при производстве по уголовным делам. Очевидно, что в УПК государств – участников Содружества имеются противоречия в определении понятия доказательств по уголовным делам и существуют различия в перечне доказательств, имеющих юридическую силу, что может затруднить проведение компетентными органами Запрашиваемой стороны по запросу Запрашивающей стороны процессуальных действий, направленных на собирание доказательств. Для разрешения указанной проблемы представляется необходимым использовать возможности гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в рамках Устава Содружества. В случае противоречий между нормами национального законодательства государств – участников СНГ, регулирующими отношения в сфере совместной деятельности, государства Содружества проводят консультации и переговоры с целью выработки предложений по устранению этих противоречий. Полагаем, что в современной ситуации и в перспективе такой формат сотрудничества государств – участников СНГ в сфере сближения национального законодательства является наиболее разумным и эффективным.

Для цитирования в научных исследованиях

Щерба С.П., Тлехуч З.А. Понятие доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников СНГ // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 449-457. DOI: 10.34670/AR.2023.33.61.057

Ключевые слова

Доказательства, следственные действия, правовая помощь по их собиранию, СНГ, уголовно-процессуальное законодательство.

Введение

Установление субъектами доказывания всех обстоятельств совершенного деяния, свидетельствующих о его общественной опасности, виновности (невиновности) лица или об отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления – важнейшая составляющая процесса доказывания по уголовным делам в любом государстве – участнике Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество).

Основная часть

В России субъекты доказывания при осуществлении процессуальных действий всегда руководствуются правилом о том, что уголовный процесс – это строго формализованная отрасль права, где возможно использование только тех доказательств, которые соответствуют требованиям, установленным уголовно-процессуальным законом.

Согласно ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

С учетом этих фундаментальных нормативных положений можно сделать вывод о том, что собирание доказательств – это деятельность по производству следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, направленная на обнаружение, получение и закрепление в установленном порядке доказательств, уполномоченными на то должностными лицами и иными участниками уголовного судопроизводства, в целях установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [Щерба, Тлехуч, 2023].

В общем и целом, собирание доказательств сводится к обнаружению, восприятию и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела [Россинский, 2020, 94].

В этой связи заслуживает особого внимания определение самого понятия доказательств, поскольку оно, по справедливому мнению ученых, является «краеугольным» для всего доказательственного права [Капинус, 2021]. Такой вывод является объективным.

В современной теории государства и права общепризнанно, что юридические понятия (категории) имеют исходное значение для правопонимания, правотворчества и правоприменения [Власенко, 2015] во всех правовых системах стран мира, в том числе государств Содружества.

В соответствии с ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе

которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Данное легальное понятие доказательств представляет собой целостную уголовно-процессуальную категорию, содержание которой включает в себя следующие юридически значимые элементы: а) любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию; б) любые сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела; в) круг субъектов уголовного процесса, уполномоченных законом собирать такие сведения; г) порядок собирания любых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, определенных УПК РФ.

В качестве доказательств законом допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 3.1) заключение и показания специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Анализ изложенных нормативных положений порождает вполне закономерный вопрос: как быть с доказательствами, собранными в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам на территориях иностранных государств, уголовно-процессуальное законодательство которых отлично от отечественного, а определения и перечень видов доказательств не соответствуют закрепленным в УПК РФ?

Данный вопрос является актуальным, ведь рост преступности, в том числе транснациональной, обуславливает необходимость международного сотрудничества компетентных органов России и зарубежных стран в сфере уголовного судопроизводства на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Для успешного взаимодействия иностранных государств в борьбе с преступностью необходимо, чтобы доказательства, собранные и представленные компетентными органами запрашиваемого государства, можно было использовать в уголовном судопроизводстве запрашивающего государства. Это в значительной мере зависит от юридических формальностей, обусловленных различиями между их национальными правовыми системами [Быкова, 2006, 119].

В условиях нынешней санкционной политики, проводимой в отношении Российской Федерации со стороны ее западных партнеров, необходимость совершенствования международного сотрудничества с государствами – участниками Содружества является архиважной.

В то же время наличие исчерпывающего и строго регламентированного в ст. 74 УПК РФ перечня доказательств создает искусственные барьеры в использовании иных сведений [Щерба и др., 2021], полученных в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам, в соответствии с национальным законодательством других стран Содружества.

В советский период правовую базу Уголовно-процессуальных кодексов всех союзных республик составляли Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республики (далее – Основы), принятые 25.12.1958 Верховным Советом СССР.

Согласно ст. 16 Основ доказательствами по уголовному делу являлись любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливали наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица,

совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Примечательно, что данные нормативные положения были отражены в полном объеме в ст. 69 УПК РСФСР от 27.10.1960.

Однако вследствие распада Советского Союза и образования СНГ в составе бывших республик СССР (сюда не вошли страны Балтии) эти законы в прежнем виде не могли действовать.

В этой ситуации возникла необходимость разработки Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ и принятия новых УПК в странах Содружества.

Модельный УПК (далее – МУПК) был принят в виде рекомендательного законодательного акта 17.02.1996 на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, целью которого стало сближение и гармонизация уголовно-процессуальных законов государств – участников Содружества для выработки общих правовых подходов и единых правовых понятий в сфере уголовного судопроизводства [Еникеев, 2010, 24].

Согласно первому варианту, закрепленному в ст. 142 МУПК, доказательствами являются полученные в установленном законом порядке без ограничения конституционных прав человека и гражданина либо с их ограничениями с дозволения суда достоверные данные, которые устанавливают действительные обстоятельства совершения преступления и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

В соответствии с вторым вариантом той же статьи под доказательствами, следовало понимать любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке дознаватель, следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, совершение или несвершение этого деяния обвиняемым, и виновность либо невиновность обвиняемого, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Однако ни один из указанных вариантов не был закреплен в законодательстве государств – участников СНГ.

Анализ определений понятия доказательств, содержащихся в УПК стран Содружества показал, что уголовно-процессуальное законодательство каждой страны по-разному трактует его и более того закрепляет различный (неодинаковый) перечень доказательств.

Так, понимание под доказательствами сведений, на основе которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, использовано в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, ч. 1 ст. 80 УПК Кыргызской Республики, а также в ч. 1 ст. 72 УПК Республики Таджикистан.

В соответствии с нормативными положениями ч. 1 ст. 88 УПК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 111 УПК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 93 УПК Республики Молдова¹ и ч. 1 ст. 81 УПК Республики Узбекистан, доказательствами по уголовному делу являются фактические данные, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие общественно опасного деяния.

Из приведенных определений следует, что понятия «данные» и «сведения» являются юридическими категориями одного рода или понятиями, в определенной части совпадающими

¹ В настоящее время Молдова денонсировала Соглашение об участии республики в составе СНГ. Однако в научном плане опыт законодательства Молдовы в сфере уголовного судопроизводства представляет большой интерес для проведения сравнительно-правовых исследований.

по объему, но тем не менее видовым отличием понятия «данные» выступает их качественный признак, который в процессе уголовно-процессуального доказывания позволяет им служить средством доказывания, основаниями для выводов и принятия решений в ходе производства по уголовному делу [Корнакова, 2020, 150].

Вместе с тем в соответствии с п. 39 ст. 6 УПК Республики Армения под доказательствами понимаются «данные о факте», на основании которых следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также прочие обстоятельства, имеющие значение для производства.

И только в ч. 1 ст. 124 УПК Азербайджанской Республики закреплено широкое, лишенное узости, определение, согласно которому доказательствами по уголовному преследованию признаются заслуживающие доверия улики (сведения, документы, вещи), полученные судом или сторонами уголовного процесса. Из содержания этой дефиниции вытекает вывод о том, что доказательствами по уголовному делу являются прямые или косвенные улики, на основе которых осуществляется уголовное преследование.

Касательно перечня доказательств, закрепленных в нормах УПК государств – участников СНГ, необходимо отметить, что перечисленные в них источники схожи между собой.

Вместе с тем в УПК Азербайджанской Республики (ст. 272), УПК Республики Беларусь (ст. 237), УПК Республики Молдова (ст. 153), УПК Туркменистана (ст. 300) в перечне отсутствует нормативное закрепление такого источника доказательств, как показания эксперта.

Кроме того, такой источник доказательств, как показания специалиста, не предусмотрен законодательством Азербайджана, Армении, Беларуси, Туркменистана и Узбекистана, несмотря на наличие в уголовно-процессуальных законах этих стран данного участника уголовного судопроизводства.

Анализ соответствующих норм УПК указанных стран позволяет сделать вывод о том, что специалист вовлекается в уголовный процесс исключительно с целью содействия в обнаружении и закреплении доказательств в рамках процессуальных (следственных) действий, в протоколах которых отражаются сведения, полученные с помощью специалиста.

Однако лишь в двух странах (России и Таджикистане) уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены такие источники доказательств, как заключения и показания специалиста. Выделение вместе с заключением в качестве источника доказательств и показаний специалиста можно объяснить расширенным содержанием норм, определяющих самостоятельный статус данного участника уголовного процесса, а также тем, что содержанием показания специалиста являются сообщаемые им в ходе допроса сведения об обстоятельствах, которые требуют специальных знаний, разъяснения сторонам и суду своего мнения по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию [Корнакова, 2020, 153].

В отличие от российского, уголовно-процессуальное законодательство Молдовы, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана предусматривает возможность использования в качестве источника доказательств также показаний подсудимого, а УПК Республики Молдова – гражданского истца и гражданского ответчика.

В данном контексте представляется непоследовательным и противоречивым решение российского законодателя об исключении из числа допустимых доказательств показания гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

Противоречивость и неразумность такого решения заключается в том, что УПК РФ с одной стороны признает гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей самостоятельными и равноправными участниками уголовного судопроизводства со стороны

обвинения (статьи 44 – 45) и стороны защиты (статьи 54 – 55), наделяет их правом собирать и представлять доказательства, давать показания и объяснения по существу возникшего и предъявленного иска.

Однако их допрос УПК РФ допускает только в случае, если гражданский истец (п. 7 ч. 4 ст. 44) или гражданский ответчик (п. 4 ч. 2 ст. 54) согласны дать показания по существу предъявленного иска. И это притом, что при производстве по уголовному делу подлежат обязательному доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73), а гражданский ответчик, гражданский истец и их представители наделены правом не только давать показания, но и собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86) [Хрусталева, Зайцев, 2011, 45-46].

Более того, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 (г. Кишинев), ратифицированная Федеральным законом Российской Федерации от 21.12.2021 № 452-ФЗ, признает, что показания гражданских истцов, гражданских ответчиков и их представителей имеют юридическую силу наравне с другими доказательствами и устанавливают правила их допроса по запросам взаимодействующих сторон (ст. 6). Данный международный договор Российской Федерации закрепляет в этой сфере правоотношений иные правила, чем предусмотренные УПК РФ. Поэтому согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ при допросе указанных участников уголовного процесса должны применяться правила международного договора Российской Федерации.

Однако и в этой ситуации возникает правовая коллизия. В соответствии со ст. 6 Кишиневской конвенции Российская Федерация, как запрашиваемая Сторона, может допросить гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в рамках процессуальных и иных действий, предусмотренных УПК РФ.

Между тем порядок вызова на допрос, получение показаний гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в УПК РФ вообще не регламентирован, что затрудняет исполнение поручений компетентных органов других стран о производстве данных следственных действий на территории Российской Федерации.

Заключение

Очевидно, что в УПК государств – участников Содружества имеются противоречия в определении понятия доказательств по уголовным делам и существуют различия в перечне доказательств, имеющих юридическую силу, что может затруднить проведение компетентными органами Запрашиваемой стороны по запросу Запрашивающей стороны процессуальных действий, направленных на собирание доказательств.

Для разрешения указанной проблемы представляется необходимым использовать возможности гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в рамках Устава Содружества.

В ст. 20 Устава СНГ предусмотрено, что государства Содружества осуществляют сотрудничество в области права, в частности, путем заключения многосторонних и двусторонних договоров об оказании правовой помощи и способствуют сближению национального законодательства.

В случае противоречий между нормами национального законодательства государств – участников СНГ, регулирующими отношения в сфере совместной деятельности, государства

Содружества проводят консультации и переговоры с целью выработки предложений по устранению этих противоречий.

Полагаем, что в современной ситуации и в перспективе такой формат сотрудничества государств – участников СНГ в сфере сближения национального законодательства является наиболее разумным и эффективным.

Библиография

1. Быкова Е. Получение доказательств в ходе международно-правового сотрудничества // Уголовное право. 2006. № 2. С. 119.
2. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 59-69.
3. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
4. Еникеев З.Д. Проблемы гармонизации уголовно-процессуального законодательства стран СНГ // Евразийский юридический журнал. 2010. № 6 (25). С. 24.
5. Капинус О.С. (ред.) Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2020 году: Вып. 9. М., 2021. С. 186-218.
6. Корнакова С.В. Нормы о доказательствах и доказывании в уголовном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ // LEX RUSSICA. 2020. Т. 73. № 11 (168). С. 150.
7. Россинский С.Б. Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2020. № 3 (6). С. 94.
8. Хрусталева В.Н., Зайцев В.В. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях. Саратов, 2011. С. 45-56.
9. Щерба С.П. и др. Собираение электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2020 году. Вып. 9. М., 2021. С. 186-218.
10. Щерба С.П., Тлехуч З.А. Собираение доказательств по уголовным делам на территориях иностранных государств по запросам Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 8-9.

The concept of evidence in the criminal procedure legislation of the CIS member States

Sergei P. Shcherba

Doctor of Law,
Professor,

Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
117638, 2/1, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zaurbii.tlehuch@mail.ru

Zaurbii A. Tlekhuch

PhD in Law,
Senior Prosecutor of the Department for Supervision of the Execution of Federal Legislation,
Prosecutor's Office of the Republic of Adygea,
385000, 32, Zhukovskogo str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: zaurbii.tlehuch@mail.ru

Abstract

The article analyzes the normative-legal provisions of the criminal procedure legislation of the Commonwealth states that consolidate the concept of evidence in criminal proceedings, examines the issues of its legal definition in the national legislation of the CIS states, reveals the evidence list, considers the problems with evidence collection in criminal proceedings. It is obvious that in the Code of Criminal Procedure of the Commonwealth member states there are contradictions in the definition of the concept of evidence in criminal cases and there are differences in the list of evidence that has legal force, which may make it difficult for the competent authorities of the Requested Party to carry out procedural actions aimed at collecting evidence at the request of the Requesting Party. To resolve this problem, it seems necessary to use the possibilities of harmonizing the national legislation of the CIS member states within the framework of the Charter of the Commonwealth. In case of contradictions between the norms of the national legislation of the CIS member states regulating relations in the field of joint activities, the Commonwealth states conduct consultations and negotiations in order to develop proposals to eliminate these contradictions. We believe that in the current situation and in the future, this format of cooperation between the CIS member states in the field of approximation of national legislation is the most reasonable and effective.

For citation

Shcherba S.P., Tlekhuch Z.A. (2023) Ponyatie dokazatel'stv v ugovovno-protsessual'nom zakonodatel'stve gosudarstv-uchastnikov SNG [The concept of evidence in the criminal procedure legislation of the CIS member States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 449-457. DOI: 10.34670/AR.2023.33.61.057

Keywords

Evidence, investigative actions, legal assistance in collecting them, CIS countries, criminal procedure legislation.

References

1. Bykova E. (2006) Poluchenie dokazatel'stv v khode mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva [Obtaining evidence in the course of international legal cooperation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2, p. 119.
2. Elagina A.S. (2018) Doktrinal'nyye osnovaniya prav lichnosti v mezhdunarodnom prave: poisk novoy paradigmy [Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (9A), pp. 282-287.
3. Enikeev Z.D. (2010) Problemy garmonizatsii ugovovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva stran SNG [Problems of harmonization of criminal procedural legislation of the CIS countries]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 6 (25), p. 24.
4. Kapinus O.S. (ed.) (2021) *Nauchnoe obespechenie deyatel'nosti organov prokuratury v 2020 godu: Vyp. 9* [Scientific support for the activities of prosecutors in 2020: Vol. 9]. Moscow.
5. Khrustalev V.N., Zaitsev V.V. (2011) *Uchastie spetsialista-kriminalista v sledstvennykh deistviyakh i operativno-rozysknykh meropriyatiyakh* [Participation of a forensic specialist in investigative actions and operational search activities]. Saratov.
6. Kornakova S.V. (2020) Normy o dokazatel'stvakh i dokazyvanii v ugovovnom protsesse stran SNG: sravnitel'no-pravovoi analiz [Rules on evidence and proof in criminal proceedings of the CIS countries: comparative legal analysis]. *LEX RUSSICA*, 73, 11 (168), p. 150.
7. Rossinskii S.B. (2020) Sobiranie dokazatel'stv kak «pervyi» etap dokazyvaniya po ugovovnomu delu [Collection of evidence as the “first” stage of proof in a criminal case]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara State University], 3 (6), p. 94.
8. Shcherba S.P. et al. (2021) Sobiranie elektronnykh dokazatel'stv po ugovovnym delam na territorii Rossii i zarubezhnykh stran: opyt i problemy [Collection of electronic evidence in criminal cases in Russia and foreign countries: experience

-
- and problems]. In: *Nauchnoe obespechenie deyatel'nosti organov prokuratury v 2020 godu: Vyp. 9* [Scientific support for the activities of prosecutors in 2020: Vol. 9]. Moscow.
9. Shcherba S.P., Tlekhuch Z.A. (2023) *Sobiranie dokazatel'stv po ugovnym delam na territoriyakh inostrannykh gosudarstv po zaprosam Rossiiskoi Federatsii* [Collection of evidence in criminal cases on the territories of foreign states at the request of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform Publ.
10. Vlasenko N.A. (2015) *Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii* [Reasonableness and certainty in legal regulation]. Moscow: INFRA-M Publ.

УДК.343.12

DOI: 10.34670/AR.2023.31.19.058

Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и криминологии как фактор повышения эффективности борьбы с преступностью

Никитин Александр Макарович

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: vipnauka@list.ru

Аннотация

Необходимость широкого использования криминологических знаний в развитии теории и практики оперативно-розыскной деятельности еще в 70-х гг. прошлого столетия отмечали в своих первых фундаментальных работах основоположники современной теории оперативно-розыскной деятельности. Наряду с этим была отмечена специфика использования оперативно-розыскных средств и методов в углубленном познании преступности, ее причин и условий, особенностей личности преступника. В настоящее время оперативно-розыскная криминология признается как представителями теории оперативно-розыскной деятельности, так и криминологами. В предлагаемой статье предпринята очередная попытка поиска теоретической модели использования криминологических знаний в оперативно-розыскной деятельности и наоборот. Возможности оперативно-розыскной криминологии как междисциплинарного направления исследований преступности с привлечением сил, средств, методов криминологии, теории и практики оперативно-розыскной деятельности представляются весьма перспективными, фактически не используемыми, но потенциально неисчерпаемыми. Предлагаемое соединение двух научных дисциплин способно обогатить как теорию ОРД, так и криминологию. Конечно, становление оперативно-розыскной криминологии сопряжено со значительными теоретическими и практическими трудностями, но это, как представляется, процесс неизбежный.

Для цитирования в научных исследованиях

Никитин А.М. Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и криминологии как фактор повышения эффективности борьбы с преступностью // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 458-462. DOI: 10.34670/AR.2023.31.19.058

Ключевые слова

Криминология, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная криминология, оперативно-розыскная профилактика, оперативно-криминологическое исследование.

Введение

Попытка обосновать объективную необходимость оперативно-розыскной криминологии как междисциплинарного направления исследований общей преступности ранее уже предпринималась. В последние десятилетия в развитии отечественной и зарубежной криминологии наблюдается ярко выраженная тенденция к обособлению исследований отдельных сторон, в частности видов и сфер проявления, преступности, отличающихся значительной спецификой. Закономерно в этой связи возникновение таких понятий как «военная», «политическая», «пенитенциарная» и тому подобные «криминологии». Однако, из-за тавтологии («криминология ... преступности») они вряд ли могут быть приемлемыми, но важен сам факт выделения отраслей криминологии, исходящего из необходимости учета специфики многообразных проявлений преступности [Яковлев, 2017, 152].

В ряду отраслевых «криминологий» пока не находится должного места направлению исследований, которое мы называем оперативно-розыскной криминологией, хотя специфика изучения преступлений и преступности, их причин и условий, личности потенциальных и реальных преступников, проблем профилактики преступлений в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) едва ли может вызвать сомнение. До недавнего времени криминологические проблемы здесь рассматривались преимущественно, если не исключительно, теорией ОРД. При этом отмечается, что многие категории и понятия криминологии, такие как причины и условия преступности, криминологическое учение о личности преступника, являются для данной теории основополагающими, исходными [Быков, 2018, 160], а многие научные выводы и достижения криминологической теории стали фундаментом формирования принципов и теоретических концепций ОРД [Исиченко, 2011, 98].

Основная часть

Справедливости ради следует отметить, что в последние годы, ознаменовавшиеся интенсивным развитием не только криминологии, но и теории оперативно-розыскной деятельности, исследователи последней уделяют криминологическим проблемам ОРД все более пристальное внимание. Так, В.С. Овчинский, отмечая органическую связь теории ОРД с криминологической наукой и как бы подытоживая предшествующие изыскания, подчеркивает: «Все категории криминологии, отражая углубленные знания многочисленных явлений, порождаемых преступностью, оказывают непосредственное влияние на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности» [Горяинов, 2020, 487].

Становится очевидным, что без привлечения криминологических знаний и умений в настоящее время не мыслится ни одно масштабное оперативно-профилактическое мероприятие как федерального, так и регионального уровня. Закономерным итогом такого «взаимодействия» являются:

- раскрытия преступлений;
- розыск и задержание виновных лиц;
- пресечение деятельности криминальных группировок;
- изъятие оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- предотвращение и пресечение контрабандного вывоза за пределы России стратегически важного сырья и металлов;
- незаконный ввоз, перемещение внутри страны и транзитная переброска оружия;

- наркотиков;
- нелегальных мигрантов;
- предупреждение террористических актов;
- похищения людей и захват заложников;
- обнаружение угнанных автомобилей;
- выявление и постановка на оперативный или профилактический учеты новых лиц и групп, представляющих повышенный оперативный интерес тоже [Антонян, 2009, 187-188].

Сказанное, безусловно, свидетельствует о важности научных исследований, направленных на выявление, пресечение, раскрытие и предупреждение пенитенциарных преступлений, не только с точки зрения оперативно-розыскной деятельности, но и с учетом криминологических достижений.

Постепенная переориентация криминологии на более тесную связь с теорией и практикой ОРД примечательна по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, это показатель достаточной зрелости отечественной криминологии, от которой общество ждет более объективного, обоснованного и оперативного объяснения процессов, происходящих в состоянии и динамике преступности в период рыночных реформ. Во-вторых, такое взаимодействие криминологических и оперативно-розыскных знаний позволит своевременно прогнозировать тенденции развития преступности, на ранних стадиях осуществлять предупредительную деятельность [Алексеев, 2018, 203].

Заключение

Таким образом, возможности оперативно-розыскной криминологии как междисциплинарного направления исследований преступности с привлечением сил, средств, методов криминологии, теории и практики оперативно-розыскной деятельности представляются весьма перспективными, фактически не используемыми, но потенциально неисчерпаемыми. Предлагаемое соединение двух научных дисциплин способно обогатить как теорию ОРД, так и криминологию. Конечно, становление оперативно-розыскной криминологии сопряжено со значительными теоретическими и практическими трудностями, но это, как представляется, процесс неизбежный.

Библиография

1. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М.: Щит-М, 2018. 340 с.
2. Антонян Ю.М. (ред.) Пенитенциарная криминология. Рязань, 2009. 567 с.
3. Быков А.В. Личность как объект оперативно-розыскной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 157-164.
4. Горяинов К.К. Теория оперативно-розыскной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2020. 772 с.
5. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
6. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
7. Исиченко А.П. Оперативно-розыскная криминология: пенитенциарный аспект. М., 2011. 122 с.
8. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Машиностроение, 2017. 248 с.
9. Shendryk V. V. The Subject of Crime Prevention in Operational and Investigative Activity // Law & Safety. – 2011. – С. 165.
10. Kuleshov R. The Theory of Operational and Investigative Activities: Philosophical, Legal, Organizational and Tactical Aspects // Internal Security. – 2014. – Т. 6. – №. 1.

The relationship between operational investigative activities and criminology as a factor in improving the effectiveness of the fight against crime

Aleksandr M. Nikitin

Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vipnauka@list.ru

Abstract

The need for widespread use of criminological knowledge in the development of the theory and practice of operational investigative activities was noted by the founders of the modern theory of operational-search activity in their first fundamental works, back in the second half of the last century. Along with this, the specificity of the use of operational investigative means and methods in in-depth knowledge of crime, its causes and conditions, and the personality characteristics of the criminal was noted there, too. Currently, operational investigative criminology is recognized both by representatives of the theory of operational investigative activity and by criminologists. This article makes another attempt to search for a theoretical model of the use of criminological knowledge in operational investigative activities and vice versa. The possibilities of operational investigative criminology as an interdisciplinary area of crime research involving the forces, means, methods of criminology, theory and practice of operational investigative activities seem to be very promising, not actually used, but potentially inexhaustible. The proposed combination of two scientific disciplines can enrich both the theory of operational intelligence and criminology. Of course, the development of operational investigative criminology is associated with significant theoretical and practical difficulties, but this seems to be an inevitable process.

For citation

Nikitin A.M. (2023) *Vzaimosvyaz' operativno-rozysknoi deyatel'nosti i kriminologii kak faktor povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu* [The relationship between operational investigative activities and criminology as a factor in improving the effectiveness of the fight against crime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 458-462. DOI: 10.34670/AR.2023.31.19.058

Keywords

Criminology, operational investigative activity, operational investigative criminology, operational investigative prevention, operational criminological research.

References

1. Alekseev A.I. (2018) *Kriminologiya. Kurs lektsii* [Criminology. Lecture course]. Moscow: Shchit-M Publ.
2. Antonyan Yu.M. (ed.) *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary criminology]. Ryazan.
3. Bykov A.V. (2018) *Lichnost' kak ob"ekt operativno-rozysknoi kriminologii* [Personality as an object of operational investigative criminology]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 12, 2, pp. 157-164.

4. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
5. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
6. Goryainov K.K. (2020) *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Theory of operational-search activity]. Moscow: INFRA-M Publ.
7. Isichenko A.P. (2011) *Operativno-rozysknaya kriminologiya: penitentsiarnyi aspekt* [Operational investigative criminology: penitentiary aspect]. Moscow.
8. Kuleshov, R. (2014). The Theory of Operational and Investigative Activities: Philosophical, Legal, Organizational and Tactical Aspects. *Internal Security*, 6(1).
9. Shendryk, V. V. (2011). The Subject of Crime Prevention in Operational and Investigative Activity. *Law & Safety*, 165.
10. Yakovlev A.M. (2017) *Teoriya kriminologii i sotsial'naya praktika* [Theory of criminology and social practice]. Moscow: Mashinostroenie Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.81.22.059

Уголовно-процессуальная форма: понятие, признаки и соотношение с иными процессуальными категориями

Питько Роман Юрьевич

Аспирант,
Пятигорский государственный университет,
357532, Российская Федерация, Пятигорск, пр. Калинина, 9;
e-mail: pitko99@list.ru

Аннотация

В правовой доктрине дефиниция «уголовно-процессуальная форма» часто раскрывается через понятия «процессуальная процедура» или «атрибуты процессуальной процедуры», тем не менее, нет единого мнения о сути данного критерия. Понятие «уголовно-процессуальная форма» может раскрываться как: условия, порядок и гарантии уголовно-процессуальной деятельности. От точности данного понятия зависит ряд теоретических и практических вопросов. При совершенствовании процессуального законодательства необходимо решение проблемы общности и дифференциации уголовно-процессуальной формы так как для правоприменительного процесса требуется использование специальной процедуры, что позволяет соблюсти цели и задачи уголовного судопроизводства в разумный срок, защитить нарушенные права и разрешить уголовно-правовой конфликт. Наряду с категорией «уголовно-процессуальная форма» в доктрине уголовного процесса выделяют такие основополагающие понятия, как: «стадия уголовного судопроизводства» и «процессуальное производство». Данные категории не являются тождественными между собой, но имеют тесную и последовательную взаимосвязь, которую нам и предстоит рассмотреть в рамках данного научного исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Питько Р.Ю. Уголовно-процессуальная форма: понятие, признаки и соотношение с иными процессуальными категориями // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 463-472. DOI: 10.34670/AR.2023.81.22.059

Ключевые слова

Уголовно-процессуальная форма, процессуальные стадии, принципы, условия, процессуальная процедура, процессуальное производство, процессуальная деятельность, правовая регламентация, доказательства, доказательственная деятельность.

Введение

Вопросы, связанные с дифференциацией уголовного судопроизводства и применение альтернативных средств общего порядка производства по уголовному делу, до сих пор являются предметом споров среди правоведов. Эти вопросы непосредственно связаны с уголовно-процессуальной формой – категорией, относящейся к числу базовых категорий науки уголовно-процессуального права.

Уголовно-процессуальная форма является важнейшей категорией, характеризующей уголовный процесс в аспекте соотношения содержания — форма уголовно-процессуальной деятельности. Возникает вопрос, что понимать под данной категорией права, что оно обозначает. Здесь можно брать за основу понятия, даваемые правоведами классиками. [Манова, 2003, 45]

Процессуальная форма относится к фундаментальным понятиям уголовно-процессуальной науки, которые, несмотря на исключительную роль и значение в юридическом процессе, остаются недостаточно разработанными на уровне как доктрины, так и законодательного закрепления. Между тем от точности ее определения зависит решение ряда важных проблем не только теоретического, но и практического характера. В период реформирования уголовно-процессуального законодательства проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы приобретает особое значение, ведь правоприменительный процесс, разновидностью которого как раз и есть процесс уголовный, требует внедрения наиболее целесообразной процедуры, что позволяет решить его задачи в оптимальные сроки, защитить права и законные интересы его участников, урегулировать уголовно-правовой конфликт.

Это обуславливает необходимость обращения к исследованию сущности уголовно-процессуальной формы как важнейшей составляющей механизма правового регулирования, выявления сущностных признаков и элементов, образующих ее содержание, выяснения его роли и значения в современном правоприменительном процессе.

В общетеоретическом плане юридическая процессуальная форма комплексно проанализирована такими учеными как Азаров В.А., Боярская А.В., Витрук Н.В., Гаврилов Б.Я., Крымов В.А., Гимазетдинов Д.Р., Григорьев В.Н., Дикарев И.С., Якуб М.Л., Якимович Ю.К.

Теория юридического процесса и, в частности, процессуальная форма, на современном этапе разрабатывается и другими исследователями общетеоретических проблем процесса – Головкин Л.В., Манова Н.С., Макарова З.В., Погорельский А.А., Поляков М.П., Смирнов М.Е., Скобкарёва Е.А.

Целью представленного исследования рассмотрение и анализ проблем доктрины права относительно института процессуальной формы и ее взаимосвязи с иными категориями уголовного судопроизводства.

Методологическую основу работы составил диалектический подход и совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, индукция и дедукция, логический, системный и сравнительно правовой.

Основная часть

Уголовно-процессуальная деятельность является законодательно установленной деятельностью, раскрывающей систему действий участников в сфере уголовно-процессуальных отношений проводимых для достижения целей и задач уголовного процесса. Ее основу

составляет деятельность властных участников процесса (правоохранительных органов), а также заинтересованных лиц (стороны процесса, свидетели, иные участники), которые с помощью своих прав и действий могут влиять на ход расследования и разрешения уголовного дела. Реализация участниками процессуальных прав или отказ от их реализации, выступает юридическим фактом, от которого зависят уголовно-процессуальные отношения. [Гаврилов, Крымов, 26]

С помощью установленной формы происходит упорядочение процессуальной деятельности, указываются условия и порядок её протекания. [Зотова, Миронова, 2004, 165] Для уголовного судопроизводства особенно важна его форма: она четко устанавливается законом, а любое отступление от нее вызывает ничтожность действий. В процессуальной сфере форма является внешним выражением процессуальной деятельности. [Гимазетдинов, 2013, 10]

В доктрине права уголовно-процессуальная форма раскрывается как совокупность условий реализации следственных и иных процессуальных действий и принятия процессуальных решений [Гимазетдинов, 2013, 5]; и как установленные законодательством требования, от которых зависит суть поведения субъектов уголовно-процессуальных отношений для достижения необходимых результатов.[Смирнова, 2009, 81] Это также общность процессуальных норм, с помощью которых устанавливается порядок деятельности участников уголовного судопроизводства, осуществления прав и свобод.[Григорьев, 2015, 116]

Также процессуальная форма может раскрываться как общность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и необходимых для достижения процессуальных целей и результатов. В данном контексте можно говорить о том, что уголовно процессуальная форма представляет собой отдельную юридическую конструкцию, с помощью которой осуществляются принципы и процедуры осуществления некоторых компетенций. [Погорельский, 2021, 84]

Такое понятие может быть использовано во всех видах юридического процесса, а не только в работе правоохранительных и специализированных государственных органов. Для уголовного процесса понятие может быть конкретизировано с учетом его особенностей и положений.[Якимович, 1992, 18]

Отдельные специфические атрибуты уголовно-процессуальной деятельности форма получает в зависимости от уголовного дела и его характерных черт. Процессуальная форма как общее понятие конструируется не путем механического сложения всех этих частных форм, а с помощью объединения их через взаимосвязи [Цыганенко, 2020, 73].

Процессуальная форма является неотъемлемой стороной уголовного производства, так как является основой работы и деятельности правоохранительных органов. Ее понятие раскрыто М.Л. Якубом, который выделил такие аспекты этой формы:

- гарантии реализации демократических принципов производства;
- соблюдение правового производственного режима;
- реализация условий активности работы правоохранительных органов;
- соблюдение прав участников процесса;
- соблюдение условий для полноценного рассмотрения дела;
- использование средств для выяснения причин, мотивов и особенностей совершения преступления, а также проведения профилактических мероприятий в данной области;
- обеспечение авторитета правоохранительных органов [Якуб, 1981, 8-9].

Именно уголовно-процессуальная форма раскрывает специфические условия и порядок проведения того или иного вида производства, его юридически определенный режим, что говорит о ее определенной ценности. Многоаспектность данного понятия указывает на важность установления его социальной ценности, которая раскрывается через принятие решений и реализации задач уголовного процесса. К подобным ценностям относится защита прав и интересов участников процесса и государства. [Скобкарева, 2017, 106]

Тем не менее, важно помнить, что для реализации данных задач могут быть применены только соответствующие процессуальные средства, которые согласованы с правами и интересами личности, имеющие гарантийные средства защиты от незаконного вмешательства, физического или психического давления, применения незаконных методов. Значение процессуальной формы заключается в оформлении единства и общности следственно-прокурорской и судебной практики, что позволяет осуществлять принцип равенства всех перед законом и судом [Головко, 2017, 159].

Как отмечают В.А. Азаров и А.В. Боярская, с помощью уголовно-процессуальной формы устанавливается четкое понятие процессуальной деятельности и ее правил, которые должны исполняться правоприменителем. С помощью процессуальной формы реализуются теоретически закрепленные и практически проверенные способы уголовно-процессуального познания, отсюда действия участников становятся упорядоченным и соответствующими закону. [Азаров, Боярская, 2020, 8]

Нарушение правоохранительными органами требований процессуальной формы влечет за собой нарушение принципа законности, который в свою очередь подразумевает обязательность соблюдения требований закона при осуществлении процессуальных действий и вынесения процессуальных решений.

Исходя из вышеперечисленного, к признакам уголовно процессуальной формы можно отнести: а) строгая правовая регламентация, б) всеобщность, которая подразумевает влияние на все стадии процессуальной деятельности вне зависимости от категории расследуемого уголовного дела, в) императивный характер, без возможности отступления от её предписаний, г) наличие последовательно сменяющихся этапов (ступеней) развития уголовно-процессуальной деятельности. Это позволяет рассматривать ее как гарантию правильного разрешения уголовного дела и соблюдения прав и свобод участников процесса. [Макарова, 2017, 33]

Анализируя признаки уголовно-процессуальной формы мы сталкиваемся с тем, что по своей природе процессуальная форма имеет множество сходных черт с уголовно-процессуальной нормой. Но, недопустимо приравнивать процессуальную форму к законодательным нормам. Именно законодательная норма наделяет процессуальную форму нормативностью, свойством общеобязательности, формальной определенности и неограниченного действия во времени и пространстве.

В теории уголовного процесса для обозначения такого присущего любому виду юридической процедуры (формы) признака, как наличие определенных, последовательно сменяющихся друг друга ступеней деятельности, отражающих ее иерархическое построение, применяется понятие стадий судопроизводства, которое служит важной частью уголовно-процессуальной формы. Институт стадий в доктрине права раскрывается не только в контексте процессуальной формы, но и в вопросе структуры уголовного процесса. [Дикарев, 2013, 19]

Выражением уголовно процессуальной формы является стадийное построение уголовно-процессуальной деятельности. Вопрос о стадиях уголовного процесса до сих пор считается до конца не разрешенным в правовой доктрине. Для каждой стадии предусмотрены свои непосредственные задачи, свой круг субъектов, определенная форма процессуальной деятельности, специфический характер уголовно-процессуальных правоотношений, и, наконец, итоговое процессуальное решение, завершающее деятельность на данной стадии и знаменующее переход дела на следующую ступень процесса. Это отражено в мнениях большинства правоведов и соответствующей литературе. [Головко, 2017, 64-66]

Процессуальная форма включает в себя все стадии процессуальной деятельности. Это относится и к порядку уголовного процесса в целом, а также отдельных процессуальных действий. Уголовно-процессуальная форма обладает несколькими составляющими: ее основой считается общий порядок осуществления процессуальной деятельности, основанный на положениях принципов уголовного процесса. [Азаров, Боярская, 2020, 6]

Принципы уголовного процесса объясняют все правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности, которые затрагивают все стадии процесса рассмотрения дела, и отдельно каждое действие.

С помощью понятия "стадия процесса" традиционно обозначается последовательность развития уголовно-процессуальной деятельности, ее изменение во времени.

Сейчас существует шесть основных и две исключительных стадии процесса рассмотрения дела: основными считаются возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, назначение и подготовку судебного разбирательства, судебное разбирательство, производство в суде второй инстанции, исполнение приговора. Исключительный характер носят такие стадии, как пересмотр приговоров и иных решений суда, вступивших в законную силу. Это рассмотрение дела в рамках надзорной инстанции и возобновление производства по делу по вновь открывшимся обстоятельствам. [Головко, 2017, 66]

Но одной дефиниции "стадия процесса" недостаточно для раскрытия структуры современного уголовного процесса как общей системы, при этом, необходимо учитывать и их содержание, так как в данный институт не входят все структурообразующие элементы. К примеру, здесь не используется ускоренное производство. Оно не является отдельной стадией или этапом, нельзя его считать и предварительным расследованием.

Не считается верным отнесение к процессуальным стадиям пересмотр судебных решений в надзорной инстанции и по вновь открывшимся обстоятельствам. [Манова, 2003, 150]

Не совсем правильным будет и использование понятия "стадия процесса" по окончании уголовно-процессуальной деятельности на стадии исполнения приговора.

Указанная в нормах права возможность возобновления уголовно-процессуальной деятельности после вступления судебного решения в силу в надзорной инстанции или по вновь открывшимся обстоятельствам не обладает теми признаками, которые отмечаются у стадии уголовного процесса.

Тем не менее, важно упомянуть и то, что только стадий недостаточно, чтобы раскрыть все аспекты уголовно-процессуальной деятельности. В структуре уголовного-процесса выделяется отдельный институт - уголовно-процессуальное производство, которое выступает комплексной и содержательной категорией уголовного судопроизводства. [Цыганенко, 2020, 74] В отличие от понятий стадий и этапов уголовного процесса, в отношении сущности уголовно-

процессуального производства нет единого мнения.

В доктрине права процессуальное производство определяется как некая форма, способы осуществления уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц государственных органов, направленной на рассмотрение и разрешение определенных категорий уголовных дел в порядке, регламентированном уголовно-процессуальными нормами. [Витрук, 2008, 257-260]

Некоторые ученые раскрывают суть данного института иначе. Ю.К. Якимович раскрывает производство как часть уголовно-процессуальной деятельности, указывая в качестве классифицирующего признака направленность производства, выражающуюся в его задачах и предмете, направленное на упорядочивание уголовного судопроизводства, классифицируя производства на: основные, дополнительные и особые. [Якимович, 1992, 8-15]

С.С. Цыганенко выделял в структуре уголовно-процессуальной деятельности два вида производств: материальные, которые не решают вопросы о виновности и назначении наказания, и специальные, «имеющие обеспечительный для защиты прав личности характер и предназначенные для выполнения иных, связанных с деятельностью процессуальных органов задач». [Цыганенко, 2003, 90-91]

Н.С. Манова определяет производства как самостоятельную часть процессуальной деятельности по делу, куда входит деятельность нескольких субъектов – носителей властных управленческих полномочий, выполняющими определенную процессуальную функцию, где используется отдельная форма для реализации полномочий (процедурой, порядком осуществления) уголовно-процессуальной деятельности». [Манова, 2005, 20]

Иванова О.Г. под уголовно-процессуальным производством понимает определенный и последовательный порядок движения уголовного дела от одной стадии уголовного судопроизводства к другой, который характеризуется реализацией собственных функций и целей субъектов уголовно-процессуальной деятельности, обладающий индивидуальным предметом и особенностями доказывания. [Иванова, 2019, 13]

В тексте УПК РФ термин «производство» употребляется многократно, например, в оглавлении Кодекса в названии целого ряда разделов и глав (так, раздел 11 закона называется «Особенности производства у мирового судьи», раздел 12 – «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей» и т.д.). Кроме того, в структуре УПК РФ выделено досудебное и судебное производства (часть 2 и часть 3).

При этом в ст. 5 УПК РФ, посвященной разъяснению понятийного аппарата Кодекса, дается определение понятия «досудебное производство»: «это уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу». То есть, законодатель использует термин «производство» либо как синоним понятия «уголовно-процессуальная деятельность», либо как еще одно структурное образование (наряду со стадиями) в системе уголовно-процессуальной деятельности. [Поляков, 1999, 87-88]

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что уголовно-процессуальная деятельность находится в постоянной динамике, которая характеризуется движением уголовного дела из одного состояния в другое. То есть, на определенном этапе расследования преступления перед правоохранительными органами стоит ряд задач, в случае решения которых уголовное дело может перейти из одной стадии в другую. В этом случае меняется и функциональная направленность, процессуальные методы и средства деятельности государственных органов и должностных лиц в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Именно такая категория, как «процессуальное производство» позволяет отразить характер уголовно-

процессуальной деятельности властных субъектов уголовного процесса, полномочия по осуществлению которой передаются другому компетентному органу в случае перехода уголовного дела из одного производства в другое.

Заключение

По нашему мнению, уголовно-процессуальное производство – это элемент уголовно-процессуальной формы, определяющий стадийный порядок реализации уголовного процесса, где устанавливаются цели и функции участников, предполагающий статусно-ролевую организацию деятельности, с имеющимся предметным и доказательственным содержанием, а также способами завершения.

Процессуальную форму следует определить как систему и структуру уголовно-процессуальных институтов, правил, стадий, закрепленных уголовно процессуальным законодательством, которые определяют императивный порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, направленной на собирание и исследование доказательств, порядок их процессуального закрепления в соответствующих процессуальных актах, а также порядок принятия и оформления решения по отдельным вопросам и по делу в целом, выступая важной гарантией для соблюдения прав и свобод человека при рассмотрении и разрешении уголовного дела.

Использование рассматриваемых уголовно-процессуальных категорий вызвана необходимостью упорядочить уголовно-процессуальную деятельность, выделить в уголовном судопроизводстве логические и последовательные этапы, в рамках которых участвуют определенные субъекты и решаются необходимые задачи в целях эффективного достижения истины в рамках расследования и раскрытия преступлений.

Такие элементы, относимые к составу процессуальной формы как условия, сроки и способы совершения процессуальных действий, права и обязанности участников процесса, форма правоприменительных актов и т.д., могут быть отнесены к дефиниции «процессуальный порядок», отсюда нельзя сказать, что они относятся к форме. Любой вид процессуальной деятельности урегулирован нормами права, что позволяет сделать ее законной и проверяемой.

Важно помнить, что указание элементов уголовно-процессуальной формы именно в таком порядке не приравнивается к стандартной временной потребности, так как иногда могут происходить действия по собиранию, проверке и оценке сведений, на которых основывается процессуальное решение, но призвано указать на определяющее значение первого из них.

Существует строгий порядок для каждого процессуального мероприятия и принятия каждого решения. В него входит совокупность определенных действий, установленных сроками, особенностями фиксации и т. д. отдельные виды имеют следственные и судебные действия и судебные процедуры.

Особенности реализации уголовно-процессуальных действий и принимаемых уголовно-процессуальных решений относятся к дефиниции «установленный законом порядок». Отсюда процессуальная форма в каждом конкретном случае имеет свои особенности, зависящие от характера дела, решений и особенностей уголовно-процессуальных действий.

Соответствием деятельности участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальной форме обеспечивается не только ее законность (на это указывается всеми исследователями), но и обоснованность при производстве по каждому уголовному делу.

Библиография

1. Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета, Право. 2020. № 37. С. 5-20.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: М.: Изд-во РАП, 2008. 611с.
3. Гаврилов Б.Я., Крымов В.А. Уголовно-процессуальные правоотношения в досудебном производстве: учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 203с.
4. Гимазетдинов Д.Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 147с.
5. Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 116-122.
6. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Росс. юстиция. 2013. № 12. С. 18—21
7. Егоров, А. М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности / А. М. Егоров, И. А. Егоров // *Метаморфозы истории*. – 2022. – № 25. – DOI 10.37490/S230861810023274-1.
8. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 28 с.
9. Каламов, Ж. С. Проблема применения электронных доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и стран с континентальной системой права / Ж. С. Каламов // *Евразийский юридический журнал*. – 2022. – № 6(169). – С. 302-306. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-302-306. – EDN DVDKQR.
10. Костенко, А. И. Карательное содержание ограничения свободы, его отражение в уголовном законе и конкретизация в процессе правоприменения / А. И. Костенко // *Евразийский юридический журнал*. – 2023. – № 4(179). – С. 286-289.
11. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1300с.
12. Макарова З.В. Понятие и структура уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 31-33.
13. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и дифференциация процессуальных форм. Саратов: изд-во СГАП, 2003. 172с.
14. Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 159 с.
15. Манова Н.С. Уголовный процесс: учебник. М: Дашков и К., 2010. 258с.
16. Погорельский А.А. Содержание, значение и дифференциация уголовно-процессуальной формы // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2021. № 1. С. 82-89.
17. Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // *Государство и право*. 1999. № 9. С. 87-92.
18. Скобкарева Е.А. Уголовно-процессуальная форма: понятие и структура // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. №1 (40). С.103-107
19. Смирнов М.Е. К вопросу дифференциации уголовно-процессуальной формы в особом производстве о применении принудительных мер медицинского характера // *Сибирский юридический вестник*. 2009. № 2. С. 79-85.
20. Таджибов, З. Р. Институт привлечения в качестве обвиняемого и его особенности в уголовном процессе России / З. Р. Таджибов // *Евразийский юридический журнал*. – 2023. – № 1(176). – С. 268-269.
21. Таова, Л. Ю. Доказательства в уголовном процессе / Л. Ю. Таова, М. М. Ардавов // *Евразийский юридический журнал*. – 2022. – № 8(171). – С. 297-298. – EDN SMCJDC.
22. *Философия: Учебник* / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект; Трикста, 2004. 456с.
23. Цибульская, Г. З. Понятие и юридические свойства доказательств в уголовном процессе / Г. З. Цибульская, Г. В. Курбатова // *Евразийский юридический журнал*. – 2022. – № 9(172). – С. 344-345. – EDN BHYNRG.
24. Цыганенко С.С. Актуальные вопросы развития формы в уголовном судопроизводстве с позиций системно-структурного подхода // *JER*. 2020. №1. С.72-84
25. Цыганенко С.С. *Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе*. Ростов-на-Дону: Изд-во «Проф-Пресс», 2003. 448 с.
26. Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. М., 1992. 312с.
27. Якуб М.Л. *Процессуальная форма в советском уголовном процессе*. М.: Юридическая литература, 1981. 144с.
28. The cross-impact of corruption and consumer culture / V. Burmakin, M. Dudareva, A. Egorov [et al.] // *Journal of Financial Crime*. – 2021. – DOI 10.1108/JFC-09-2021-0195.
29. Implementing the aarhus convention / R. Yerezhepkyzy, A. Egorov, A. Sadvokassov, V. Shestak // *European Energy and Environmental Law Review*. – 2021. – Vol. 30, No. 4. – P. 120-127.

Criminal procedural form: concept, features and relation with other procedural categories

Roman Yu. Pit'ko

Postgraduate student
Pyatigorsk State University,
357532, 9, Kalinina ave., Pyatigorsk, Russian Federation,
e-mail: pitko99@list.ru

Abstract

In the legal doctrine, the definition of "criminal procedural form" is often revealed through the concepts of "procedural procedure" or "attributes of procedural procedure", however, there is no consensus on the essence of this criterion. The concept of "criminal procedural form" can be disclosed as: conditions, procedure and guarantees of criminal procedural activity. A number of theoretical and practical issues depend on the accuracy of this concept. When improving procedural legislation, it is necessary to solve the problem of generality and differentiation of the criminal procedural form, since the law enforcement process requires the use of a special procedure, which allows you to comply with the goals and objectives of criminal proceedings within a reasonable time, protect violated rights and resolve a criminal legal conflict. Along with the category of "criminal procedural form", the doctrine of criminal procedure distinguishes such fundamental concepts as: "stage of criminal proceedings" and "procedural proceedings". These categories are not identical with each other, but have a close and consistent relationship, which we have to consider in the framework of this scientific study.

For citation

Pit'ko R.Yu. (2023) Ugolovno-protsessual'naya forma: ponyatie, priznaki i sootnoshenie s inymi protsessual'nymi kategoriyami [Criminal procedural form: concept, features and relation with other procedural categories]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 463-472. DOI: 10.34670/AR.2023.81.22.059

Keywords

Criminal procedural form, procedural stages, principles, conditions, procedural procedure, procedural proceedings, procedural activity, legal regulation, evidence, evidentiary activity.

References

1. Azarov V.A., Boyarskaya A.V. Criminal procedural form: concept, properties, system // Bulletin of Tomsk State University, Law. 2020. No. 37. P. 5-20.
2. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility: M.: RAP Publishing House, 2008. 611 p.
3. Gavrilov B.Ya., Krymov V.A. Criminal procedural legal relations in pre-trial proceedings: textbook. allowance. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 203 p.
4. Gimazetdinov D.R. Criminal procedural form: general theoretical, regulatory and law enforcement analysis: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Saratov, 2013. 147 p.
5. Grigoriev V.N. Themis in search of a convenient form (about some modern trends in the development of the criminal procedural form) // Current problems of Russian law. 2015. No. 12. P. 116-122.
6. Dikarev I.S. Differentiation of the criminal procedural form and the factors that determine it // Ross. justice. 2013. No.

12. P. 18-21
7. Egorov, A. M. The problem of preserving historical memory in the context of modernity / A. M. Egorov, I. A. Egorov // *Metamorphoses of history*. – 2022. – No. 25. – DOI 10.37490/S230861810023274-1.
 8. Ivanova O.G. Criminal procedural proceedings for choosing a preventive measure by the court: criminal procedural form and features of proof: abstract. dis... cand. legal Sci. M., 2019. 28 p.
 9. Kalamov, Zh. S. The problem of using electronic evidence in criminal proceedings in the Russian Federation and countries with a continental legal system / Zh. S. Kalamov // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 6(169). – pp. 302-306. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-302-306. – EDN DVDKRQ.
 10. Kostenko, A. I. Punitive content of restriction of freedom, its reflection in the criminal law and specification in the process of law enforcement / A. I. Kostenko // *Eurasian Legal Journal*. – 2023. – No. 4(179). – pp. 286-289.
 11. *Course in criminal procedure* / ed. Doctor of Law, Prof. L.V. Golovko. 2nd ed., rev. M.: Statute, 2017. 1300 p.
 12. Makarova Z.V. Concept and structure of criminal procedural activity // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2017. No. 2. P. 31-33.
 13. Manova N.S. *Pre-trial and judicial proceedings: essence and differentiation of procedural forms*. Saratov: SGAP publishing house, 2003. 172 p.
 14. Manova N.S. *Theoretical problems of criminal procedural proceedings and differentiation of their forms: abstract of thesis. dis. ... doc. legal Sci. M.*, 2005. 159 p.
 15. Manova N.S. *Criminal procedure: textbook*. M: Dashkov and K., 2010. 258 p.
 16. Pogorelsky A.A. Content, meaning and differentiation of the criminal procedural form // *Legal science and law enforcement practice*. 2021. No. 1. P. 82-89.
 17. Polyakov M.P. On the value of the ritual side of criminal proceedings // *State and law*. 1999. No. 9. pp. 87-92.
 18. Skobkareva E.A. Criminal procedural form: concept and structure // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 1 (40). P.103-107
 19. Smirnov M.E. On the issue of differentiation of the criminal procedural form in special proceedings on the use of compulsory measures of a medical nature // *Siberian Legal Bulletin*. 2009. No. 2. P. 79-85.
 20. Tadzhibov, Z. R. Institute of attraction as an accused and its features in the criminal process of Russia / Z. R. Tadzhibov // *Eurasian Legal Journal*. – 2023. – No. 1(176). – pp. 268-269.
 21. Taova, L. Yu. Evidence in criminal proceedings / L. Yu. Taova, M. M. Ardavov // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 8(171). – pp. 297-298. – EDN SMCJDC.
 22. *Philosophy: Textbook* / ed. A.F. Zotova, V.V. Mironova, A.B. Razin. 2nd ed., revised. and additional M.: Academic Project; Trixta, 2004. 456 p.
 23. Tsibulskaya, G. Z. Concept and legal properties of evidence in criminal proceedings / G. Z. Tsibulskaya, G. V. Kurbatova // *Eurasian Legal Journal*. – 2022. – No. 9(172). – pp. 344-345. – EDN BHYNRG.
 24. Tsyganenko S.S. Current issues of development of forms in criminal proceedings from the perspective of a systemic-structural approach // *JER*. 2020. No. 1. P.72-84
 25. Tsyganenko S.S. *Criminal proceedings in Russian criminal proceedings*. Rostov-on-Don: Prof-Press Publishing House, 2003. 448 p.
 26. Yakimovich Yu.K. *The structure of the Soviet criminal process: a system of stages and a system of proceedings*. M., 1992. 312 p.
 27. Yakub M.L. *Procedural form in Soviet criminal proceedings*. M.: Legal literature, 1981. 144 p.
 28. The cross-impact of corruption and consumer culture / V. Burmakin, M. Dudareva, A. Egorov [et al.] // *Journal of Financial Crime*. – 2021. – DOI 10.1108/JFC-09-2021-0195.
 29. Implementing the aarhus convention / R. Yerezhepkyzy, A. Egorov, A. Sadvokassov, V. Shestak // *European Energy and Environmental Law Review*. – 2021. – Vol. 30, No. 4. – P. 120-127.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.81.75.061

Ответственность за преступления с двумя формами вины: теоретико-правовые проблемы

Алиева Сурижат Юсуфовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин,
Филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте,
368600, Российская Федерация, Дербент, ул. Гейдара Алиева, 11;
e-mail: alievasurizhat@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются пути совершенствования на современном этапе законодательных норм об ответственности за преступления с двумя формами вины. Автором была изучена правоприменительная практика, которая свидетельствует о том, что больше всего юридических ошибок и иных процессуальных нарушений возникает как раз при квалификации субъективной стороны преступления. Также проанализированы различные точки зрения представителей экспертного сообщества по некоторым теоретическим аспектам внутренней стороны преступного деяния. В контексте исследуемого вопроса обозначены и имеющиеся особенности квалификации множественности и повторности преступлений. Отдельные нормы, регламентирующие ответственность за преступления с двумя формами вины, впервые появились в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. Однако юридическая формулировка данных преступлений имеет свои недостатки и нуждается в совершенствовании. Общие признаки данных преступлений обладают рядом специфических отличий: виновность, которая выражается в одновременном наличии в преступлении двух форм вины, особый характер и повышенная степень общественной опасности, обусловленные наступлением тяжких последствий и наличием у виновного обеих форм вины, деяние выражается в форме «умышленного преступления», состав преступления с двумя формами вины в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации всегда квалифицированный, декларируется более строгая наказуемость.

Для цитирования в научных исследованиях

Алиева С.Ю. Ответственность за преступления с двумя формами вины: теоретико-правовые проблемы // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 473-478. DOI: 10.34670/AR.2023.81.75.061

Ключевые слова

Субъективная сторона преступления, две формы вины, уголовное законодательство, уголовная ответственность, вопросы квалификации.

Введение

В начале статьи проанализируем юридическую сущность преступлений с двумя формами вины. Данные преступления в целом характеризуют как умышленное оконченное преступление, повлекшее по неосторожности, не описанные в основном составе преступления с двумя формами вины общественно опасные последствия, которые по закону влекут более строгое наказание.

Непосредственная причина наступления тяжкого неосторожного последствия, в силу ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершение «умышленного преступления», а не «умышленного деяния», причем оконченного преступления.

Основная часть

Учитывая сказанное выше, необходимо изложить ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

1. Если в результате совершения оконченного умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно.

2. Умышленное деяние, не повлекшее вышеуказанных последствий, не является неоконченным преступлением, совершенным с двумя формами вины.

Подобная трактовка берет во внимание то, что тяжкие последствия могут быть лишь последствием выполнения оконченного основного состава преступления, а причиной тяжких последствий должно быть совершение умышленного преступления, предусмотренного основным составом преступления, а не самого умышленного деяния, но предварительная преступная деятельность (приготовление и покушение) в преступлениях с двумя формами вины невозможна.

В связи с этим следует исключить из состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 227 Уголовного кодекса Российской Федерации, указание на следующие квалифицирующие признаки: «повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия», поскольку основной состав «морского разбоя» является усеченным и причинная связь между нападением и данными тяжкими последствиями отсутствует [Платонов, 1997].

Также необходимо исключить из состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, квалифицирующий признак «повлекли по неосторожности смерть человека», поскольку отношение субъекта преступления к содеянному в данном составе преступления к этой разновидности последствий может быть выражено лишь в умысле. Здесь субъект преступления желает создать опасность, то есть реальную возможность наступления этих последствий для достижения своей цели.

От преступлений с двумя формами вины следует отграничить понятия «множественности или повторности преступлений». В действующем законодательстве повторность, совокупность и рецидив преступлений не объединены единым понятием. Лишь в теории, в частности в

учебниках и в учебных пособиях, соответствующие нормы объединяют в институт множественности. При этом, как правило, упускается, что единственного критерия, на основании которого можно было бы осуществить разделение множественности преступлений на виды, то есть совокупность, повторность и рецидив, фактически не существует.

Вопрос о видах множественности преступлений в теории уголовного права до сих пор дискуссионный [Курсаев, 2019; Родин, 2010]. Причем, как отметил А.В. Вядищев, речь идет не о видах множественности, поскольку все знают, что ими являются совокупность, повторность и рецидив преступлений, а о классификации этих видов, их соотношении друг с другом [Вядищев, 2019].

Как следствие, указанный уголовно-правовой институт характеризуется внутренней противоречивостью, порождающей трудности при квалификации множественности преступлений, особенно во время разграничения их совокупности и повторности.

Как представляется, такая ситуация в определенной степени обусловлена тем, что вопрос о месте повторности преступлений в институте множественности так и не получило однозначного научного определения.

Квалификация совершенного субъектом преступления по субъективной стороне состава преступления представляет собой установление соответствия (идентичности) между внутренними (психическими) признаками совершенного лицом деяния и признаками субъективной стороны состава конкретного преступления, предусмотренного УК РФ. Общепринятым в доктрине уголовного права и следственно-судебной практике является утверждение, что субъективная сторона преступления – это психическое отражение объективных признаков преступления.

По данным отдельных исследователей, ошибки у квалификации преступления по субъективной стороне состава преступления, приводящие к отмене или изменению приговора, составляют 31,4% от общего количества квалификации, ошибок в квалификации преступления по элементам состава преступления [Балашов, 2007, 100].

Во время квалификации преступления по субъективной стороне состава преступления необходимо установить:

- 1) вину (ее форму и вид), с которой совершено преступление, что является обязательным для квалификации совершенного деяния;
- 2) мотив и цель совершения преступления, которые в квалификации преступления могут иметь значение: а) обязательные б) квалифицирующие их в привилегированные признаки состава преступления.

Устанавливая вину и ее содержание, в каждом конкретном случае целесообразно исходить из ее объективного существования в реальной действительности.

Действующее законодательство (в частности, ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации) подчеркивает принцип назначения более строгого наказания за данные преступления. При этом в ряде составов преступлений с двумя формами вины, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса РФ, видами тяжких последствий являются причинение смерти человеку, а в некоторых, помимо этого, причинение смерти двум или более лицам (например, ст. 167 и ст. 220 УК РФ, соответственно).

Из буквального толкования уголовного закона следует, что в составах первого вида в случае гибели двух человек от одного и того же умышленного преступления необходимо

квалифицировать действия виновного как идеальную совокупность двух преступлений, предусмотренных одной и той же статьей.

В связи с этим необходимо изменить уголовный закон следующим образом: так сформулировать тяжкие последствия данного вида в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, чтобы ответственность наступала бы за причинение по неосторожности смерти «одному или нескольким лицам», с соответствующей градацией вида и срока, размера наказания в зависимости от числа потерпевших.

В связи с этим законодателю необходимо в каждой конкретной статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации определить конкретные тяжкие последствия [Зелинский, 1990].

Заключение

Таким образом, необходимо отметить следующие выводы.

Отдельные нормы, регламентирующие ответственность за преступления с двумя формами вины, впервые появились в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. Однако юридическая формулировка данных преступлений имеет свои недостатки и нуждается в совершенствовании.

Общие признаки данных преступлений обладают рядом специфических отличий: виновность, которая выражается в одновременном наличии в преступлении двух форм вины, особый характер и повышенная степень общественной опасности, обусловленные наступлением тяжких последствий и наличием у виновного обеих форм вины, деяние выражается в форме «умышленного преступления», состав преступления с двумя формами вины в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации всегда квалифицированный, декларируется более строгая наказуемость.

Библиография

1. Балашов С.К. Логико-правовой анализ понятий форм и видов вины // *Философия права*. 2007. № 1. С. 99-102.
2. Вядищев А.В. Отдельные вопросы уголовной ответственности за преступления с двумя формами вины // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1. С. 163-167.
3. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
4. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
5. Зелинский А.Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. 72 с.
6. Курсаев В.К. Состав поставления в опасность в уголовном праве // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 3. С. 166-180.
7. Платонов К.К. *Занимательная психология*. СПб.: Питер Пресс, 1997. 288 с.
8. Родин С.Г. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности в зависимости от форм и видов вины // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. Воронеж, 2010. С. 169-170.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.).
10. Dorokhina I. A. Subjective Side of Crimes against Property // *Jurid. Sci.* – 2014. – С. 52.

Responsibility for crimes with two forms of guilt: theoretical and legal problems

Surizhat Yu. Alieva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Legal and Humanitarian Disciplines,
Branch of the Dagestan State University in Derbent,
368600, 11, Geidara Alieva str., Derbent, Russian Federation;
e-mail: alievasurizhat@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the ways of improvement at the present stage of legislative norms on liability for crimes with two forms of guilt. The author studied law enforcement practice, which indicates that most of all legal errors and other procedural violations occur precisely when qualifying the subjective side of the crime. Various points of view of representatives of the expert community on some theoretical aspects of the inner side of the criminal act are also analyzed. In the context of the issue under study, the existing features of the qualification of the multiplicity and repetition of crimes are also indicated. Separate rules governing liability for crimes with two forms of guilt first appeared in the Criminal Code of the Russian Federation in 1996. However, the legal formulation of these crimes has its drawbacks and needs to be improved. The general features of these crimes have a number of specific differences: guilt, which is expressed in the simultaneous presence of two forms of guilt in the crime, a special nature and an increased degree of public danger, due to the onset of grave consequences and the presence of both forms of guilt in the perpetrator, the act is expressed in the form of “intentional crime”, the corpus delicti with two forms of guilt in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is always qualified, more severe punishment is declared.

For citation

Alieva S.Yu. (2021) Otvetstvennost' za prestupleniya s dvumya formami viny: teoretiko-pravovye problemy [Responsibility for crimes with two forms of guilt: theoretical and legal problems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 473-478. DOI: 10.34670/AR.2023.81.75.061

Keywords

Subjective side of the crime, two forms of guilt, criminal law, criminal liability, questions of qualification.

References

1. Balashov S.K. (2007) Logiko-pravovoi analiz ponyatii form i vidov viny [Logical and legal analysis of the concepts of forms and types of guilt]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 1, pp. 99-102.
2. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
3. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the

- improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
4. Kursaev V.K. (2019) Sostav postavleniya v opasnost' v ugolovnom prave [Composition of endangering in criminal law]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 3, pp. 166-180.
 5. Platonov K.K. (1997) *Zanimatel'naya psikhologiya* [Entertaining psychology]. St. Petersburg: Piter Press Publ.
 6. Rodin S.G. (2010) K voprosu o differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti v zavisimosti ot form i vidov viny [To the question of the differentiation of criminal liability depending on the forms and types of guilt]. In: *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii* [Public security, legality and the rule of law in the III millennium]. Voronezh.
 7. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (posl. red.)* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (last edition)].
 8. Vyadishchev A.V. (2019) Otdel'nye voprosy ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya s dvumya formami viny [Separate issues of criminal liability for crimes with two forms of guilt]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 1, pp. 163-167.
 9. Zelinskii A.F. (1990) *Kriminal'naya motivatsiya khishchenii i inoi korystnoi prestupnoi deyatel'nosti* [Criminal motivation for theft and other mercenary criminal activity]. Kiev.
 10. Dorokhina, I. A. (2014). Subjective Side of Crimes against Property. *Jurid. Sci.*, 52.

УДК 347.963

DOI: 10.34670/AR.2023.86.88.062

Полномочия прокурора по надзору за соблюдением законов учреждениями УИС

Фетищева Лидия Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
подполковник внутренней службы,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Прикамский социальный институт,
614002, Российская Федерация, Пермь, ул. Чернышевского, 28;
e-mail: lidiafetisheva@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Роль прокурора в системе надзора заключается в контроле за действиями органов исполнительной власти, оценке их законности и обоснованности. Прокурорская деятельность в России является одним из важнейших элементов правопорядка и соблюдения законности. В представленном научном исследовании рассматриваются полномочия прокурора по надзору за соблюдением законов исполнительными

учреждениями ФСИН России. Прокурору для выполнения возложенных на него обязанностей предоставлены необходимые для данной деятельности полномочия. Эти полномочия определяют определенные пределы, в которых прокурор имеет возможность вмешиваться и реагировать на выявленные правонарушения. Органы прокуратуры, осуществляя свою деятельность, не в коей мере не подменяют другие государственные властные органы. Прокуратура не вмешивается в оперативную и хозяйственную деятельность учреждения и не имеет права вмешиваться в деятельность других государственных органов, если эта деятельность не противоречит законам. Основная задача прокуратуры – обеспечить надлежащее исполнение законодательства Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Фетищева Л.М., Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Полномочия прокурора по надзору за соблюдением законов учреждениями УИС // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 479-487. DOI: 10.34670/AR.2023.86.88.062

Ключевые слова

Прокурорский надзор, УИС, исправительные учреждения, осужденный, сотрудник ИУ, прокурор.

Введение

Прокуратура имеет широкие полномочия по выявлению нарушений прав граждан, злоупотреблений должностными лицами, коррупции и других преступлений. Также прокуратура осуществляет контроль за соблюдением процедуры при проведении расследований и следствий.

В рамках своих полномочий прокурор имеет возможность предъявлять требования, направлять предписания по устранению нарушений, а также подавать жалобы на незаконные действия или бездействие службы. Прокуратура активно работает на предотвращение нарушений законности и недопущение правонарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Однако, несмотря на широкие полномочия прокурора, существуют определенные ограничения. Прокуратура не имеет права вмешиваться в деятельность других государственных органов, если эта деятельность не противоречит законам. Кроме того, прокурор должен действовать исключительно на основе закона и не может превышать своих полномочий.

Прокурор проводит проверки в соответствии с поступившей к нему информацией о фактах нарушения закона. Эти факты соответственно требуют принятия прокурорских мер. Прокурор действует не только тогда, когда к нему поступила информация по установленным правилам уведомления, также информация может быть получена из различных источников, а именно:

- заявление граждан о противоправных действиях;
- сообщения должностных лиц о нарушении закона;
- информация, полученная из средств массовой информации;
- из рассмотренных прокурором материалов уголовных дел;
- из обобщенных материалов ранее проведенных проверок;
- статистические показатели.

Основное содержание

Обращение граждан о нарушении законности обязательно для проведения прокурором соответствующей проверки, также обязательны проведения проверок, «без сигналов» (обращения граждан) о их нарушении, законности издаваемых руководителями учреждений правовых актов. Такие заявления, обычно в письменной форме поступают как правило от осужденных или их родственников.

При этом, вмешательство прокурора в оперативную и/или хозяйственную деятельность учреждения возможно в случаях прямого допущения там нарушения закона. В этом случае прокурор ставить в известность вышестоящие контролирующие органы объекта проверки для исправления этих нарушений, используя свои полномочия.

За соблюдением законов в исправительных учреждениях (далее – ИУ) надзор осуществляется Генпрокурором и подчиненными ему прокуратурами [Приказ Генпрокуратуры от 16.01.2014 № 6].

Причем в соответствии с законодательством, полномочия прокуроров по проведению надзорной деятельности в ИУ в силу специфики объектов надзора носят властный, жесткий характер и являются средством эффективного выявления нарушений и оперативного их устранения администрацией ИУ.

Это непосредственно связано с работой административных органов ИУ, с существующими режимными условиями, в которых им приходится работать, с содержанием их деятельности, с государственным принуждением к осужденным [Южанин, 2019].

Прокурор наделен полномочиями посещать ИУ, причем посещать эти учреждения и органы прокурор может в любое время и без специального разрешения. Законодательно прокурор не ограничен временем посещения ИУ, следовательно, он самостоятельно его определяет [Легостаев, 2021].

Это правовое положение является условием добросовестного выполнения прокурором служебных обязанностей, так как в ИУ доступ на территорию ограничен, строгая система пропусков, исключая вход на территорию учреждения посторонних лиц. Прокурор посещает ИУ по представлению своего служебного удостоверения.

В то же самое время, полномочия прокурора по осуществлению данного вида надзора, в соответствии с вышепоименованными нормативными правовыми актами, следующие:

- В любое время посещать поднадзорные органы и объекты;
- Проверять соответствие законодательству РФ, издаваемых администрацией поднадзорных органов и учреждений юридически значимых актов;
- Опрашивать задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принуждения;
- Знакомиться с документами, на основании которых эти лица задержаны, заключены под стражу, осуждены либо подвергнуты мерам принудительного характера, кроме того с оперативными материалами и данными;
- Вносить протесты и представления. При этом обеспечивается направление копий, внесенными подчиненными прокурорами протестов и представлений об устранении нарушений закона при задержании подозреваемых, обвиняемых и осужденных в следственных изоляторах, исполнении наказаний в виде лишения свободы, а также наказаний, не связанных с лишением свободы, в 5-дневный срок со дня

- подписания оных в Генпрокуратуру РФ с последующим информированием о полученных ответах;
- Требовать от администрации ИУ создания условий, обеспечивающих права задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера;
 - Отменять дисциплинарные взыскания, наложенные в нарушении закона на лиц, заключенных под стражу, осужденных, немедленно освобождать их своим постановлением из штрафного изолятора, помещения камерного типа, карцера;
 - Возбуждать производства об административных правонарушениях;
 - От подчиненных прокуроров Генпрокурор требует посещение ими следственных изоляторов не реже одного раза в месяц, для обеспечения правового положения лиц, находящихся под стражей.

Осуществление надзора, как правило, вышестоящим прокурором получается городскому прокурору или прокурору района проведение проверки следственного изолятора, по его месту нахождения. Это может быть получено и специализированному прокурору по надзору за ИУ.

Проведение проверки начинается с обхода внутри территории ИУ и помещений: жилых, коммунально-бытовых, столовой, а также объектов производственного значения. Проверка штрафных изоляторов должна завершаться оценкой законности нахождения там конкретного осужденного.

Обход территории ИУ производится совместно с должностными лицами учреждения, которые дают пояснения прокурору в случае необходимости. Следует отметить, что прокурор осматривает любые помещения ИУ, лично осуществляет прием заключенных. Заключенный может подать непосредственно прокурору жалобу наедине с ним. При проверке прокурор оценивает действия и решения должностных лиц ИУ на предмет их законности и принятых юридических актов.

Прокурор при проведении проверок в ИУ осуществляет законность содержания под стражей, сроков содержания, законность содержания и водворения осужденных в штрафной изолятор (далее – ШИЗО).

Прокурор с целью выявления нарушений имеет право опрашивать задержанных, осужденных и подвергнутых мерам принудительного характера лиц. Заявления, жалобы, обращения вышеуказанных лиц проверяются из «первых рук». В связи с тем, что права вышеуказанных лиц ограничены, возможность собственными средствами защищать их также ограничены, то прокурор для проводимых проверок использует вышеуказанный источник получения сведений, с «поправкой» на индивидуальные и медицинские данные жалующих граждан, находящихся в изоляции от общества [Бурмистрова, 2011, с. 59]. Посредством опроса осужденных выявляется имело ли место применение к ним противозаконных мер принуждения в ИУ.

Помимо этого, прокурор имеет право знакомиться с документами о задержания или заключения лиц под стражу, а также с документами на осужденных. При ознакомлении с данными документами прокурор устанавливает, составлены ли они в точном соответствии с требованиями закона, оформлены ли они надлежащим образом, не пропущены ли сроки содержания под стражей лиц и сроки исполнения наказания.

Дополнительно прокурор имеет право требовать у администрации ИУ документы оперативно-служебной деятельности. Проверка этих документов осуществляется для своевременного раскрытия преступлений в ИУ, предупреждения нарушений режимных условий.

Проверке подлежат оперативные материалы служебного пользования:

- делопроизводство оперативного учета;
- материалы оперативно-розыскных мероприятий;
- учетная регистрационная документация;
- нормативные правовые акты ведомственного назначения [Зюбанов, 2017].

Сведения о лицах, осуществляющих агентурную работу в среде преступных группировок, прокурор может получить только с согласия этих лиц [Бабичев, 2019]. Такая проверка эта очень важна. Особенно следует выделить преступления, совершаемые сотрудниками ИУ, вместо выполнения служебного долга при осуществлении оперативных мероприятий. К примеру, если имеются сведения о получении телесных повреждений заключенными, прокурор лично разговаривает с данным лицом для установления подлинных обстоятельств. Следующим элементом прокурорской проверки является сверка данных в медицинском учреждении о доставке осужденного с телесными повреждениями. Данная проверка осуществляется с целью контроля по сокрытию преступлений на территории ИУ. В этой связи еще одним объектом прокурорского надзора является учетно-регистрационной дисциплина в ИУ, которая проводится не реже раза в месяц [Худорожков, 2020]. Это необходимо для анализа состояния законности, а также предотвращения нарушений, которые не были установлены прокуратурой при предыдущих проверках.

Осуществляя полномочия по надзору за ИУ, прокурор уделяет внимание на бытовые и материальные условия содержания заключенных, созданные администрацией ИУ. Вышеуказанная деятельность прокурора реализует право заключенных на подачу ими жалоб, заявлений, право на безопасность, предоставлении им юридической и социальной помощи. В соответствии со ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, верующим предоставляется право на свободу совести и вероисповедания [УИК РФ]. Иностранцы осужденные лица поддерживают связь с диппредставительствами [Филлипов, 2023].

При проверке режима ИУ прокурором в том числе принимается во внимание: полноценность мер по обеспечению защиты прав и гарантий личной безопасности осужденных; достаточность мер по обеспечению охраны осужденных, защиту человеческого достоинства и прав человека; обеспечения охраны здоровья осужденных, предотвращение проникновения на территории ИУ посторонних лиц и запрещенных предметов [Упоров, 2011].

Посещая производственные объекты [Смирнова, 2022] прокурор устанавливает: продолжительность работы осужденных; предоставление заключенным время на отдых; выдачу в определенных случаях спецодежды; соблюдаются правила безопасности.

Заключение

Практика проведения прокурорских проверок в ИУ – эффективная и полезна. При проведении прокурорской проверки анализируются результаты, определяются векторы и методы дальнейшей работы по соблюдению законности и гарантий прав граждан.

Однако, несмотря на многочисленность проведения в исправительных учреждениях проверок, осуществляемых прокурорскими работниками, все же остаются вопросы вне поля надзорной деятельности прокуратуры. Причины заключаются в том, что в ИУ существует внутриведомственный документооборот, не позволяющий по объему информации провести объективную оценку. Кроме того, на территории ИУ находится большое количество недвижимого имущества, административных и жилых помещений, зданий коммунально-

бытового назначения, производственные площадки и другие объекты имущественного назначения, что не позволяет в кластерной локации на территории ИУ дать целостную объективную оценку.

Библиография

1. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) "О прокуратуре Российской Федерации"
3. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" (с изменениями и дополнениями)
4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" (с изменениями и дополнениями): <https://base.garant.ru/1305540/?ysclid=lp56uj5vee661389956>
5. Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 № 6 (ред. от 13.02.2023) «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»
6. О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур: приказ Генпрокурора России от 07.05.2008 № 84 // Сетевое издание «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256817/>
7. Бабичев, Д. А. Прокурорский надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности: к расширению границ правоприменения / Д. А. Бабичев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 47–51. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051.
8. Богданов, С. В. Некоторые особенности осуществления прокурорского надзора за следственными изоляторами / С. В. Богданов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 11(222). – С. 31-39. – EDN NAIXZZ
9. Бурмистрова Е.А и др., Основные направления прокурорской деятельности: учебное пособие / сост... Е.А Бурмистрова, Г.В. Дытченко, Н.П. Дудин, И.А. Захарова, О.Н. Коршунова, Н.В. Кулик, Е.Л. Никитин, А.Е. Скачкова. – Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ, -2011. – 132 с.
10. Винокуров, Ю. Е. Прокурорский надзор : учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров ; под редакцией Ю. Е. Винокурова. – 16-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 571 с.
11. Ендольцева А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Вестник Московского университета МВД России. 2018; (5) :127–130.
12. Зюбанов Ю.А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» // М., Проспект, 2017. 400 с.
13. Легостаев, С. В. О некоторых особенностях надзорной деятельности прокурора в исправительных учреждениях / С. В. Легостаев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 5 (228). – С. 65-70. – DOI 10.51522/2307-0382-2021-228-5-65-70. – EDN ASIKUI.
14. Михайлов, А. Е. Вопросы правоприменения в современных условиях (на примере организации деятельности прокуратуры РФ) / А. Е. Михайлов // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 31 марта 2023 года / Сост. И.В. Хмиль, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 175-184. – EDN OZRUMM.
15. Некрасов, А. П. Обеспечение пенитенциарной безопасности осужденных в местах лишения свободы / А. П. Некрасов, Ж. Я. Резник // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 203-208. – EDN VXLWAN.
16. Смирнова С.А. Особенности прокурорского надзора в сфере исполнения законов, регулирующих труд осужденных // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 538-547.
17. Упоров, А. Г. Правовое обеспечение безопасности осужденных в исправительных учреждениях и особенности его правового регулирования / А. Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2011. – № 4(7). – С. 46-55. – EDN RVUPFB.
18. Худорожков, С. В. Обеспечение прокурорского надзора при осуществлении предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях ФСИН России / С. В. Худорожков, В. Н. Михалев // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – С. 193-195. – DOI 10.24411/2312-0444-2020-10227. – EDN HVIYQX.
19. Филиппов Р.А., Николаев В.И. Правовой институт гражданства в нормах уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающих учет личностных особенностей осужденных // Аграрное и земельное право. 2023. № 2 (218). С. 112-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_2_112

20. Южанин, В. Е. Принуждение при исполнении наказания в виде лишения свободы / В. Е. Южанин // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2(33). – С. 100-106. – EDN ZXAAZO.

Powers of the prosecutor to supervise compliance with laws by penal institutions

Lidiya M. Fetishcheva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Lieutenant Colonel of the Internal Service,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics,
Prikamsky Social Institute,
614002, 28, Chernyshevsky str., Perm, Russian Federation;
e-mail: lidiafetisheva@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The role of the prosecutor in the supervisory system is to monitor the actions of executive authorities, assessing their legality and validity. Prosecutor's activity in Russia is one of the most important elements of law and order and compliance with the rule of law. The presented scientific research examines the powers of the prosecutor to supervise compliance with laws by the executive

agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia. To fulfill the duties assigned to him, the prosecutor has been granted the powers necessary for this activity. These powers define certain limits within which the prosecutor has the ability to intervene and respond to identified offenses. The prosecutor's office, while carrying out its activities, in no way replaces other state authorities. The prosecutor's office does not interfere in the operational and economic activities of the institution and does not have the right to interfere in the activities of other government bodies, if these activities do not contradict the laws. The main task of the prosecutor's office is to ensure proper implementation of the legislation of the Russian Federation.

For citation

Fetishcheva L.M., Slabkaya D.N., Novikov A.V. (2023) Powers of the prosecutor to supervise the observance of laws by institutions of the criminal justice system [Powers of the prosecutor to supervise compliance with laws by penal institutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 479-487. DOI: 10.34670/AR.2023.86.88.062

Keywords

Prosecutorial supervision, penal system, correctional institutions, convict, correctional officer, prosecutor.

References

1. «Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 24.06.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2023)
2. Federal'nyy zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 24.07.2023) "O prokurature Rossiyskoy Federatsii"
3. Federal'nyy zakon ot 15 iyulya 1995 g. № 103-FZ "O sodержanii pod strazhey podozrevayemykh i obvinyayemykh v sovershenii prestupleniy" (s izmeneniyami i dopolneniyami)
4. Federal'nyy zakon ot 15 iyulya 1995 g. N 103-FZ "O sodержanii pod strazhey podozrevayemykh i obvinyayemykh v sovershenii prestupleniy" (s izmeneniyami i dopolneniyami): <https://base.garant.ru/1305540/?ysclid=lp56uj5vee661389956>
5. Prikaz Genprokuratury Rossii ot 16.01.2014 № 6 (red. ot 13.02.2023) «Ob organizatsii nadzora za ispolneniyem zakonov administratsiyami uchrezhdeniy i organov, ispolnyayushchikh ugovolnyye nakazaniya, sledstvennykh izolyatorov pri sodержanii pod strazhey podozrevayemykh i obvinyayemykh v sovershenii prestupleniy»
6. O razgranichenii kompetentsii prokurorov territorial'nykh, voyennykh i drugikh spetsializirovannykh prokuratur: prikaz Genprokurora Rossii ot 07.05.2008 № 84 // Setevoye izdaniye «GARANT.RU». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256817/>
7. Babichev, D. A. Prokurorskiy nadzor v sfere operativno-rozysknoy deyatel'nosti: k rasshireniyu granits pravoprimereniya / D. A. Babichev // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2019. – T. 27(1-4), № 1. – S. 47–51. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051.
8. Bogdanov, S. V. Nekotoryye osobennosti osushchestvleniya prokurorskogo nadzora za sledstvennymi izolyatorami / S. V. Bogdanov // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy. – 2020. – № 11(222). – S. 31-39. – EDN NAIXZZ
9. Burmistrova Ye.A i dr., Osnovnyye napravleniya prokurorskoй deyatel'nosti: uchebnoye posobiye / sost... Ye.A Burmistrova, G.V. Dytchenko, N.P. Dudin, I.A. Zakharova, O.N. Korshunova, N.V. Kulik, Ye.L. Nikitin, A.Ye. Skachkova. – Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut (filial) Akademii Genprokuratury RF, -2011. – 132s.
10. Vinokurov, YU. Ye. Prokurorskiy nadzor : uchebnik dlya vuzov / YU. Ye. Vinokurov, A. YU. Vinokurov ; pod redaktsiyey YU. Ye. Vinokurova. – 16-ye izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2023. – 571 s.
11. Yendol'tseva A.V. Prokurorskiy nadzor za ispolneniyem zakonov administratsiyami mest sodержaniya zaderzhannykh i zaklyuchennykh pod strazhu. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018; (5) :127–130.
12. Zyubanov YU.A. Kommentariy k Federal'nomu zakonu «O prokurature Rossiyskoy Federatsii» // M., Prospekt, 2017. 400 s.
13. Legostayev, S. V. O nekotorykh osobennostyakh nadzornoй deyatel'nosti prokurora v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh / S. V. Legostayev // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy. – 2021. – № 5 (228). – S. 65-70. – DOI 10.51522/2307-0382-2021-228-5-65-70. – EDN ASIKUI.

14. Mikhaylov, A. Ye. Voprosy pravoprimeneniya v sovremennykh usloviyakh (na primere organizatsii deyatel'nosti prokuratury RF) / A. Ye. Mikhaylov // Voprosy sudebnoy deyatel'nosti i pravoprimeneniya v sovremennykh usloviyakh : Sbornik statey po rezul'tatam II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh tomakh, Simferopol', 31 marta 2023 goda / Sost. I.V. Khmil', pod redaktsiyey S.A. Trofimova, Ye.V. Yevsikovoy. Tom 1. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2023. – S. 175-184. – EDN OZRUMM.
15. Nekrasov, A. P. Obespecheniye penitentsiarnoy bezopasnosti osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody / A. P. Nekrasov, ZH. YA. Reznik // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2016. – T. 1, № 2. – S. 203-208. – EDN VXLWAH.
16. Smirnova S.A. Osobennosti prokurorskogo nadzora v sfere ispolneniya zakonov, reguliruyushchikh trud osuzhdennykh // Voprosy rossiyskoy yustitsii. 2022. № 22. S. 538-547.
17. Uporov, A. G. Pravovoye obespecheniye bezopasnosti osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh i osobennosti yego pravovogo regulirovaniya / A. G. Uporov // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2011. – № 4(7). – S. 46-55. – EDN RVUPFB.
18. Khudorozhkov, S. V. Obespecheniye prokurorskogo nadzora pri osushchestvlenii predvaritel'noy proverki zayavleniy i soobshcheniy o prestupleniyakh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii / S. V. Khudorozhkov, V. N. Mikhalev // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2020. – № 4. – S. 193-195. – DOI 10.24411/2312-0444-2020-10227. – EDN HVIYQX.
19. Filippov R.A., Nikolayev V.I. Pravovoy institut grazhdanstva v normakh ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva, predusmatrivayushchikh uchet lichnostnykh osobennostey osuzhdennykh // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2023. № 2 (218). S. 112-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_2_112
20. Yuzhanin, V. Ye. Prinuzhdeniye pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody / V. Ye. Yuzhanin // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2019. – № 2(33). – S. 100-106. – EDN ZXAAZO

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.44.44.063

Уголовная ответственность за подкуп третейского судьи (арбитра)

Лудилин Денис Борисович

Аспирант кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. Калинина, 13;
e-mail: d.ludilin1998@gmail.com

Аннотация

В 2020 г. в положения Уголовного кодекса РФ была введена ст. 200.7, предусматривающая ответственность за подкуп третейского судьи. В рамках данной статьи рассматриваются особенности конструкции данной нормы, а также последствия ее введения, прогнозируются результаты ее действия и применения. Помимо этого, дана оценка предусмотренным санкциям, а также рассматривается вопрос о необходимости наделения арбитров в данной связи дополнительными гарантиями их деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Лудилин Д.Б. Уголовная ответственность за подкуп третейского судьи (арбитра) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 488-494. DOI: 10.34670/AR.2023.44.44.063

Ключевые слова

Уголовная ответственность, подкуп, третейский судья, коррупция, международные обязательства.

Введение

До принятия Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» в 2015 г. было указано, что рассмотрение вопроса о введении уголовной ответственности за подкуп арбитров является преждевременным. Такое заключение было основано на отсутствии обоснований в необходимости данных поправок [Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"», 2014]. Прежде всего, не приводились положения о необходимости криминализации действий арбитра. В настоящее время положения УК РФ рассматривают арбитра как должностное лицо, что следует признать спорным. Поправки в нормы уголовного законодательства разрабатывались с участием Министерства юстиции РФ. Среди предложений было предусмотрено рассмотрение арбитра как специального субъекта уголовной ответственности, а также действие в отношении арбитра норм об уголовной ответственности за получение и дачу взятки, посредничество во взяточничестве, провокации и коммерческом подкупе [Скворцов, Савранский, 2016].

В разработке соответствующих поправок также принимала участие Генеральная прокуратура РФ, которой предлагалось ввести специальную норму об уголовной ответственности за подкуп третейских судей. Однако данные предложения остались без реализации [Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"», www]. Положения уголовного законодательства не регламентировали вопросы об уголовной ответственности третейских судей. Помимо этого, не был урегулирован вопрос об ответственности третейского судьи за злоупотребление полномочиями, получение взятки, вынесение заведомо неправосудного решения. Уголовная ответственность за совершение таких деяний была предусмотрена только для лиц, обладающих статусом федерального или мирового судьи, а арбитр не являлся должностным лицом или судьей, на него не распространялись положения, предусмотренные в примечании к ст. 285 УК РФ. Кроме того, арбитр, в соответствии с нормами уголовного законодательства, не является специальным субъектом [Хвалея, www].

Арбитр также не несет уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве, фальсификацию материалов разбирательства, несмотря на то, что за совершение таких деяний предусмотрена ответственность для мировых и федеральных судей. Предполагается, что такое положение дел обусловлено тем, что государство не придает большой значимости арбитражу, действующему на основании соглашения сторон. В 2016 г. в Государственной Думе РФ был рассмотрен законопроект, содержащий предложение о том, чтобы распространить действие ст. 202 и 204 УК РФ на третейских судей. Однако данное предложение так и не получило своего закрепления в нормах УК РФ [Проект Федерального закона № 3633-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию», www]. Отказ о внесении соответствующих изменений объяснялся тем, что возникновение возможности для проверки решений, принятых арбитражным судом, будет противоречить природе арбитража.

Вместе с тем необходимость установления уголовной ответственности для арбитра является вполне очевидной, поскольку решения третейского суда являются обязательными для сторон, они имеют такую же юридическую силу, что и решения мировых и федеральных судей. Соответственно, подкуп третейского судьи должен быть уголовно наказуемым. Однако при

формировании норм об уголовной ответственности третейского судьи необходимо принимать во внимание особенности третейского разбирательства. Важно, чтобы нормы уголовного права не применялись в качестве инструмента давления недобросовестными участниками, которые не довольны принятым решением.

Основная часть

Дискуссии о необходимости введения в положения УК РФ специальных норм, предусматривающих ответственность за подкуп арбитра, незаконное получение денег, иного имущества, использования услуг имущественного характера, ведутся и в настоящее время. Сторонники установления уголовной ответственности третейских судей указывают на то, что уголовная ответственность данных субъектов соответствует рекомендациям международного права, в частности Группы государств против коррупции, в которую входит и Российская Федерация.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, взяв на себя обязательства принять законодательные меры для квалификации в качестве преступлений деяний, предусмотренных в Конвенции. Например, преступлениями признаются деяния арбитров, связанные с предоставлением неправомерных преимуществ, совершением действий в интересах участника или воздержании от действий. Соответственно, участники Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию устанавливают соответствующие нормы в своем внутреннем законодательстве. В том числе речь идет о нормах, которые предусматривают ответственность третейских судей.

Во исполнение данного положения было предложено введение ст. 202.2 УК РФ, которая предусматривала ответственность за подкуп национальных третейских судей. Было предусмотрено, что данная норма будет введена в главу, посвященную преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Однако установление уголовной ответственности в отношении третейских судей противоречит требованиям Дополнительного протокола к Конвенции. Например, указывается, что понятие «подкупа» является излишне узким. Помимо этого, необходимо введение специальной нормы об уголовной ответственности за дачу взятки и получение.

По данному поводу также высказался Верховный Суд РФ, который в официальном отзыве на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию» отметил, что отсутствие специального понятия «иностранный арбитр» в законе РФ о международном коммерческом арбитраже может создать сложности в процессе правоприменения.

Пояснительная записка к данному законопроекту предусматривает, что рассматриваемые дополнения УК РФ устанавливают уголовную ответственность за подкуп третейского судьи, а также за незаконное получение денег и иного имущества иностранным арбитром. Данные положения разработаны на основе Рекомендаций ГРЕКО. Риск коррупционных нарушений возрастает в связи с отсутствием уголовной ответственности за получение арбитрами незаконного вознаграждения. В законе об арбитраже, в положениях об ответственности арбитра, предусмотрено, что ненадлежащее исполнение арбитром своих полномочий не влечет за собой гражданско-правовой ответственности.

Исключением из данного положения является ответственность по иску, который предъявляется в рамках уголовного дела. Данное положение основано на нормах УПК РФ, предусматривающих возмещение ущерба, причиненного преступлением, к которому причастен

арбитр. Согласно правилам арбитража, арбитр не вправе получать вознаграждение от участников или третьих лиц, докладчики или арбитры не получают гонорары, соответствующие договоренности также не допускаются. Таким образом, иск о возмещении ущерба может быть предъявлен только в случае совершения арбитром преступления, признания его виновным. При таких обстоятельствах иск может быть заявлен в рамках уголовного судопроизводства.

Анализ положений ст. 51 Закона об арбитраже предусматривает, что уголовная ответственность арбитра или третейского судьи может быть установлена не только за получение или дачу взятки либо фальсификацию документов, но и для иных действий третейского судьи. На сегодняшний день нормы УК РФ предусматривают только одну статью об уголовной ответственности арбитра. Так, в 2020 г. введена ст. 200.7, предусматривающая ответственность за подкуп арбитра. Положения данной статьи в качестве уголовно наказуемого деяния предусматривают незаконную передачу денег, ценных бумаг или иного имущества, а также оказание услуг имущественного характера арбитру за оказание содействия или осуществление иных действий в интересах лица, передающего имущество. Третейский судья, получив ценности, должен своими действиями способствовать положению заинтересованного лица. Квалифицирующими признаками является совершение преступления в составе организованной группы либо группой лиц по предварительному сговору [Федеральный закон от 27.10.2020 № 352-ФЗ, 2020]. Квалифицирующими признаками также является размер причиненного ущерба.

При квалификации деяния необходимо обращаться к разъяснениям Верховного Суда РФ по делам, связанным с коррупционными преступлениями. Например, Верховный Суд РФ указывает, что незаконное оказание услуг представляет собой предоставление имущественных выгод или освобождение от имущественного бремени, а также занижение стоимости услуг. В качестве предмета подкупа могут выступать имущественные права. Так, у лица возникает возможность вступить во владение или распорядиться имуществом [Ильичев, Савранский, 2013].

Положения УК РФ предусматривают основания освобождения от уголовной ответственности в случаях, когда лицо своими действиями способствовало раскрытию преступления либо когда добровольно сообщило в правоохранительные органы о преступлении, подвергшись вымогательству. Однако на самого арбитра не распространяются положения об освобождении от уголовной ответственности. Рассматриваемое преступление является оконченным после принятия лицом переданных ценностей. Для признания преступления оконченным не имеет значения, получило ли лицо возможность самостоятельно распоряжаться полученными ценностями. В случае отказа третейского судьи принять ценности совершенное деяние следует рассматривать как покушение на подкуп третейского судьи.

По данной категории уголовных дел предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия следователями Следственного комитета РФ. Санкция рассматриваемой статьи УК РФ предусматривает в качестве наиболее строгого наказания лишение свободы сроком от 7 до 12 лет, а также штрафы, кратные размеру передаваемого подкупа. Вопросом о том, адекватны ли указанные санкции степени общественной опасности подкупа третейского судьи, задаются многие исследователи. При ответе на данный вопрос следует обратиться к санкциям, которые предусмотрены в статьях УК РФ за совершение преступлений против правосудия. Так, положения ст. 305 УК РФ предусматривают уголовную ответственность судей за вынесение заведомо неправосудного судебного акта. В случае, если такое деяние повлекло тяжкие последствия, наказание предусмотрено в виде лишения свободы сроком до десяти лет.

Можно сказать, что размер санкции для федерального или мирового судьи ниже, чем для третейского. Установление в ст. 200.7 УК РФ столь серьезной санкции не оправданно. Очевидно, что в данном случае речь идет о разных деяниях. В ст. 305 УК РФ речь идет о

вынесении заведомо неправосудного приговора, а в ст. 200.7 УК РФ речь идет о подкупе арбитра, т.е. о совершении действий в пользу лица, которое предоставило взятку. Вместе с тем следует отметить, что судья обладает более высоким статусом, который имеет большее значение для государства и общества. Федеральный или мировой судья имеет неприкосновенность, а также иные гарантии своей деятельности, которых лишен третейский судья.

Более того, арбитр имеет право на ошибку. Его ошибка не является основанием для отмены решения. Поэтому не вполне ясно, как может быть арбитр обвинен в неправомерности действий, если ошибки допустимы. Более того, не вполне ясно, каким образом следует оценивать правомерность действий арбитра. Не ясно, каким образом суд общей юрисдикции будет оценивать правомерность действий арбитра. Такое положение дел может привести к формированию противоречивой практики. Положения ст. 200.7 УК РФ предусматривают, что суд в рамках производства по уголовному делу устанавливает факт незаконного получения имущества, а также факт совершения действий или бездействий в интересах лица, которое передало взятку. Суду также надлежит установить, предпринимал ли арбитр попытки совершить действие или бездействие в чужих интересах [Михайлов, 2017].

Если судом не будет установлен факт совершения арбитром действий в чужих интересах или попытки совершить такое действие, то необходимо проводить квалификацию совершенного деяния с применением положений ст. 159 УК РФ.

Учитывая нормы международного права, необходимо дополнить положения УК РФ нормами об уголовной ответственности за обещание или предложение взятки или коммерческого подкупа. Обещание коммерческого подкупа представляет собой достижение договоренности между третейским судьей и заинтересованным лицом о передаче имущества и совершении действий в интересах последнего. Наличие в уголовном законодательстве РФ ответственности за посредничество во взяточничестве либо установление оснований для освобождения лица, которое передает взятку, а также посредника, законодатель создает предпосылки для сотрудничества указанных лиц с правоохранительными органами в рамках проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [Ильичев, Савранский, 2020].

Необходимо также отметить, что в настоящее время на практике сохраняется вероятность необоснованного уголовного преследования судей в отставке. Это связано с наличием возможности осуществления такого преследования за преступления, совершенные в прошлом. Кроме того, вероятность необоснованного уголовного преследования третейских судей выше, поскольку они не имеют гарантий неприкосновенности, которые предусмотрены для федеральных или мировых судей. Несмотря на активное обсуждение данного вопроса, необходимых поправок, предусматривающих гарантии для третейских судей, так и не было принято. Исследователи, оценивая практическое значение положений ст. 200.7 УК РФ, указывают, что на практике данная норма не пользуется востребованностью, в целом может привести к негативному влиянию на деятельность системы третейских судов [Гладких, 2021].

Заключение

Таким образом, введение в нормы УК РФ специальной статьи об уголовной ответственности за подкуп арбитра подвергается активной критике со стороны исследователей и практических работников. Единственным обоснованием необходимости введения данной нормы являются обязательства РФ в связи с ратификацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Многие авторы указывают, что данная норма не будет востребована на практике либо и вовсе может привести к ухудшению ситуации, поскольку станет инструментом давления

на третейского судью, что в целом снизит популярность арбитража. Третейское разбирательство развивается низкими темпами, а установление уголовной ответственности не улучшает ситуацию и не способствует популяризации арбитража. Отсутствие судебной практики говорит о не востребованности, однако сохраняется угроза осуществления давления на третейского судью путем применения данной нормы. В целом, следует заключить, что введение уголовной ответственности за подкуп третейского судьи является преждевременным. Учитывая тенденции последнего времени и осуществления процессов денонсации многих Конвенций, можно предположить, что в ближайшем будущем возникнут обсуждения о необходимости исключения ст. 200.7 из положений УК РФ.

Библиография

1. Гладких В.И. Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи): объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // Российский судья. 2021. № 3. С. 34-40.
2. Заключение Государственно-правового управления Президента РФ от 03.07.2014 № А6-6328 // Третейский суд. 2014. № 4. С. 76-79.
3. Ильичев П.А., Савранский М.Ю. О проектах введения уголовной ответственности для арбитров // Lex russica. 2020. № 9.
4. Михайлов В.И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex russica. 2017. № 6. С. 85-150.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.10.2020 № 352-ФЗ // Российская газета. 2020. № 245.
6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Российская газета. 2013. № 154.
7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Проект Федерального закона № 3633-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/biU/3633-7>.
9. Севастьянов Г.В. Неожиданный, но вполне логичный разворот третейской реформы // Третейский суд. 2018. № 4. С. 12.
10. Скворцов О.Ю., Савранский М.Ю. (ред.) Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический). М., 2016.
11. Хвалея В.В. (ред.) Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах // СПС «КонсультантПлюс».

Criminal liability for bribery of an arbitrator

Denis B. Ludilin

Postgraduate Student of the Department of criminal law,
Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilin,
350044, 13 Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: d.ludilin1998@gmail.com

Abstract

In 2020, Article 200.7 was introduced into the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, providing for liability for bribery of an arbitrator. Within the framework of this article,

the design features of this norm are considered, as well as the consequences of its introduction, the results of its action and application are predicted. In addition, the assessment of the sanctions provided for is given, and the question of the need to provide arbitrators with additional guarantees of their activities in this regard is also considered.

For citation

Ludilin D.B. (2023) Ugolovnaya otvetstvennost' za podkup treteyskogo sud'i (arbitra) [Criminal liability for bribery of an arbitrator]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 488-494. DOI: 10.34670/AR.2023.44.44.063

Keywords

Criminal liability, bribery, arbitrator, corruption, international obligations.

References

1. Gladkikh V.I. (2021) Ugolovnaya otvetstvennost' arbitra (treteyskogo sud'i): ob"ektivnaya neobkhodimost' ili eshche odna mertvorozhdennaya norma? [Criminal liability of an arbitrator (arbitrator): an objective necessity or another stillborn norm?]. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge], 3, pp. 34-40.
2. Il'ichev P.A., Savranskiy M.Yu. (2020) O proektakh vvedeniya ugolovnoy otvetstvennosti dlya arbitrov [On projects to introduce criminal liability for arbitrators]. *Lex russica*, 9.
3. Khvaleya V.V. (ed.) Nauchno-prakticheskiy postateynny kommentariy k zakonodatel'stvu o treteyskikh sudakh [Scientific and practical article-by-article commentary on the legislation on arbitration courts]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
4. Mikhaylov V.I. (2017) Kommercheskiy podkup i vzyatochnichestvo: napravleniya razvitiya zakonodatel'stva [Commercial bribery and bribery: directions of legislative development]. *Lex russica*, 6, pp. 85-150.
5. sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsiyonnykh prestupleniyakh: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 09.07.2013 № 24 (red. ot 24.12.2019) [On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 (as amended on December 24, 2019)] (2013). *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 154.
6. vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 27.10.2020 № 352-FZ [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of October 27, 2020 No. 352-FZ] (2020). *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 245.
7. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "Ob arbitrazhe (treteyskom razbiratel'stve) v Rossiyskoy Federatsii"» [Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation"']. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. Proekt Federal'nogo zakona № 3633-7 «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v tselyakh usileniya otvetstvennosti za korruptsiyu» [Draft Federal Law No. 3633-7 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to strengthen liability for corruption"']. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/biU/3633-7> [Accessed 12/09/2023].
9. Sevast'yanov G.V. N(2018)eozhidanny, no vpolne logichnyy razvorot treteyskoy reformy [Unexpected, but quite logical turn of the arbitration reform]. *Treteyskiy sud* [Arbitration Court], 4, pp. 12.
10. Skvortsov O.Yu., Savranskiy M.Yu. (eds.) (2016) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu «Ob arbitrazhe (treteyskom razbiratel'stve) v Rossiyskoy Federatsii» (postateynny, nauchno-prakticheskiy)* [Commentary on the Federal Law "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" (article-by-article, scientific-practical)]. Moscow.
11. Zaklyuchenie Gosudarstvenno-pravovogo upravleniya Prezidenta RF ot 03.07.2014 № A6-6328 [Opinion of the State Legal Administration of the President of the Russian Federation dated July 3, 2014 No. A6-6328] (2014). *Treteyskiy sud* [Arbitration Court], 4, pp. 76-79.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.41.37.064

Регионализация международных организаций как тенденция развития современных международно-правовых отношений

Саунина Елена Валентиновна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры европейского и международного права,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: saounina@mail.ru

Аннотация

Основными целями данного исследования будет являться анализ развития региональных организаций и их влияние на современное международное право и международные отношения. Объектом изучения является региональная международная организация Африканский союз, этапы его формирования, состав, направления деятельности. Создание Африканского союза и Африканской архитектуры мира и безопасности в 2003 году символизировало амбиции Африки в области безопасности и коллективной обороны, которые последовали за бездействием Организации Африканского единства перед лицом конфликтов в Либерии, Сьерра-Леоне и районе Великих озер (Заир, Руанда и Бурунди). Спустя двадцать лет после принятия Учредительного акта Африканского союза положение дел с этим африканским стремлением к коллективной безопасности вызывает много вопросов. Действительно, природа нестабильности на африканском континенте существенно изменилась с появлением террористических мятежей и новых форм проблем, связанных с внутренним управлением. В связи с этим возникает вопрос об адекватности вышеупомянутой нормативной базы и различных инструментов. Помимо нормативных рамок и связанных с ними документов, главный вопрос связан с концепцией безопасности в Африке. Тезис, защищаемый в этой статье, заключается в том, что африканская архитектура мира и безопасности, первоначально задуманная исходя из предпосылки безопасности человека, постепенно скатывается к более традиционной концепции безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Саунина Е.В. Регионализация международных организаций как тенденция развития современных международно-правовых отношений // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 495-505. DOI: 10.34670/AR.2023.41.37.064

Ключевые слова

Международное право, международные отношения, международные межправительственные организации, Африканский Союз, Организация Африканского Единства, Учредительный Акт Африканского Союза, международная интеграция, региональная интеграция.

Введение

В современном мире растет число участников международной и региональной интеграции различных стран и государств. Данные интеграционные проекты чаще всего создаются странами одного континента или странами, имеющие схожие политические признаки.

В XXI веке человечество вступило в новую фазу развития международных отношений. Она характеризуется расширением и углублением международного экономического, политического и культурного сотрудничества, а также процессов интернационализации и глобализации [Le Gouriellec, 2022, 2].

Мировое сообщество стремится к большей интеграции, большей предсказуемости, укреплению механизмов организации и управления развитием и одновременно повсеместно происходит укрепление национальных структур, что является необходимым условием успешного продвижения вперед отдельных стран [там же].

В этих условиях изучение опыта и деятельности международных организаций, постепенно становящихся центрами координации усилий по решению глобальных проблем, становится весьма актуальным и востребованным. Ускорение темпов развития несет с собой новые угрозы и вызовы, требующие адекватных действий со стороны международного сообщества, учитывая, что одним из условий демократизации международных отношений становится принцип субсидиарности.

Основная часть

Африканский союз был создан 9 июля 2002 года, заменив собой старейшую организацию на африканском континенте под названием Организация Африканского Единства (ОАЕ). Нормативно-правовой акт, закрепляющий создание Африканского Союза – Учредительный акт Африканского Союза принят 11 июля 2000 года. Он, как и предыдущий Устав ОАЕ, состоит из 33 статей.

Африканский Союз представляет собой международную межправительственную организацию африканского континента, созданную с целью объединения и сближения народов данного континента.

Несмотря на то, что Союз стал правопреемником бывшей Организации африканского единства, он начал развивать свою интеграционную политику с создания органов континентального масштаба. Эти органы позволят народам континента принимать активное участие в его деятельности и развитии. Важно отметить, что число стран-членов Союза в условиях современной политической обстановки на континенте крайне нестабильно и постоянно меняется. В настоящий момент членами этой региональной организации являются 55 государств африканского континента.

В соответствии со ст. 27 Акта, «Настоящий Акт открыт для подписания, ратификации и присоединения Государствами – членами ОАЕ в соответствии с их соответствующими конституционными процедурами». [ст. 27 Акта]

После вступления Учредительного Акта в силу 26 мая 2001 года, в июле 2003 года, на саммите в Мапуту (Мозамбик) были созданы интеграционные институты организации, в том числе Комиссия Африканского союза, Панафриканский парламент и Совет мира и безопасности.

Важно отметить появление названий новых для африканских региональных организаций

органов и институтов, которые призваны сыграть эффективную роль в интеграции региона.

Среди них особое внимание обращает на себя экономический институт под названием «Африканское Экономическое Сообщество» (АЭС), который напоминает бывшее Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС). Кроме него появляются и Суд Африканского Союза, Комиссия (Генеральный секретариат), Парламент. Создание указанных институтов предусмотрено перечнем целей, закрепленных в ст. 3 Учредительного Акта Африканского Союза цели:

- достигать большего единства и сплоченности между африканскими странами и народами Африки;
 - защищать суверенитет, территориальную целостность и независимость ее государств-членов;
 - ускорять политическую и социально-экономическую интеграцию континента;
 - поддерживать и защищать общие африканские позиции по интересующим континент и его народы вопросам;
 - поощрять международное сотрудничество, придавая должное внимание Уставу Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека;
 - поддерживать мир, безопасность и стабильность на континенте;
 - поддерживать демократические принципы и учреждения, участие народа и хорошее управление;
 - поддерживать и защищать права человека и народов в соответствии с Африканской хартией прав человека и народов и другими соответствующими документами по правам человека;
 - создавать необходимые условия, которые позволят континенту по праву играть соответствующую ему роль в глобальной экономике и в международных переговорах;
 - способствовать устойчивому развитию на экономическом, социальном и культурном уровнях, а также интеграции африканских экономик;
 - поддерживать сотрудничество во всех областях человеческой деятельности в целях поднятия жизненного уровня африканских народов;
 - координировать и гармонизировать политику между существующими и будущими Региональными экономическими сообществами для постепенного достижения целей Союза;
 - продвигать развитие континента путем содействия исследованиям во всех областях, в частности в науке и технике;
 - работать с соответствующими международными партнерами в искоренении болезней, которые поддаются профилактике, и поддержании хорошего здоровья на континенте.
- [ст. 3 Акта]

Таким образом, в особое внимание уделяется социально-экономической интеграции, а также интересам африканских народов, их жизненному уровню, правам человека, в том числе охране здоровья, развитию науки и техники. В частности, были установлены следующие цели организации:

- способствование устойчивому развитию на экономическом, социальном и культурном уровнях, а также интеграции африканских экономик;
- поддержание сотрудничества во всех областях человеческой деятельности в целях поднятия жизненного уровня африканских народов;

- работа с соответствующими международными партнерами в искоренении болезней, которые поддаются профилактике, и поддержании хорошего здоровья на континенте;
- продвижение развития континента путем содействия исследованиям во всех областях, в частности в науке и технике.

Также внимание уделено существующим и будущим региональным экономическим сообществам с целью координации и гармонизации политики между ними и Африканским Союзом для постепенного достижения целей Союза.

Наряду с целями, в ст. 4 Акта провозглашаются принципы, которыми должны руководствоваться государства-члены Союза, а именно: принцип суверенного равенства государств, принцип взаимозависимости между государствами-членами АС и принцип уважения границ, существующих на момент достижения независимости. [ст. 4 Акта]

Здесь же говорится о возможности участия африканского народа в деятельности Союза.

Одними из новейших принципов являются принципы учреждения общей оборонной политики континента, право Союза вмешиваться в дела государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в связи с серьезными обстоятельствами (такими, как военные преступления, геноцид и преступления против человечности), а также право Государств-членов просить вмешательства со стороны Союза в целях восстановления мира и безопасности.

Последние принципы являются очень важными для Союза, так как предупреждают возможность переворотов на континенте и обеспечивают права и свободы человека и его социально-экономическое развитие, а именно:

- содействие равенству полов;
- уважение демократических принципов, прав человека, верховенства закона и хорошего управления;
- содействие социальной справедливости в целях обеспечения сбалансированного экономического развития;
- уважение священности человеческой жизни, осуждение и неприятие безнаказанности и политического убийства, актов терроризма и подрывной деятельности;
- осуждение и неприятие неконституционных изменений правительств.

В соответствии с Учредительным Актом, Африканский Союз является единственным представителем Африки на международной арене посредством системы институтов и органов.

Именно в лице своих институтов и органов Союз реализует свои полномочия, способствуя тем самым достижению поставленных перед ним целей.

Вместе взятые, органы Союза образуют целостную систему, которая в совокупности с Учредительным актом может быть обозначена термином «механизм». Каждое учреждение Союза выступает в этом механизме в качестве отдельного элемента, тесно связанного с остальными.

Организационный механизм Африканского Союза является системой институтов и органов, посредством которых данная организация осуществляет свою компетенцию. С точки зрения структуры, механизм складывается из 4 частей:

- политические институты,
- судебный институт,
- финансовый и экономический институт,
- иные органы.

К политическим институтам относятся Ассамблея Глав Государства и Правительств Союза.

Согласно п.2 ст.6 Акта, Ассамблея является верховным органом Союза. [ст. 6 Акта] Она состоит из глав государств и правительств или их должным образом аккредитованных представителей. Являясь главным институтом организации, Ассамблея выполняет следующие функции:

- определяет общую политику Союза, получает, рассматривает и принимает решения по докладам и рекомендациям других органов Союза и следует за выполнением политики и решений Союза, а также обеспечивает исполнение всеми Государствами-членами; рассматривает обращения о Членстве в Союзе,
- принимает бюджет Союза, назначает и освобождает от должности судей Суда,
- назначает Председателя Комиссии и его или ее заместителя или заместителей и членов комиссии и определяет их функции и сроки пребывания в должности;
- дает указания Исполнительному Совету по урегулированию конфликтов, войн и других чрезвычайных ситуаций и восстановлению мира.

Ассамблея имеет право на учреждение любого органа Союза, и вправе любому из этих органов делегировать свои полномочия и функции.

Решение принимается, согласно п. 1 ст. 7 Акта, консенсусом или, при недостижении такового, большинством в две трети от числа Государств-членов Союза. Однако процедурные вопросы, включая вопрос о том, является ли он процедурным или нет, решается простым большинством, но две трети общего членства Союза формируют кворум на любой встрече Ассамблеи. Ассамблея собирается, по крайней мере, один раз в год на обычной сессии. По просьбе любого Государства-члена и при согласии двух третей Государств-членов, Ассамблея собирается на внеочередной сессии [ст. 7 Акта].

Должность Председателя Ассамблеи занимает в течение одногодичного периода Глава одного из государств-членов или правительств, избранный после консультаций между Государствами-членами.

В целях обеспечения полного и всестороннего участия африканских народов в развитии и экономической интеграции континента, Акт предусматривает создание Panaфриканского Парламента, который и был учрежден в 2004 году. Со временем Парламент должен стать главным законодательным учреждением континента. Он состоит из 275 представителей от 55 государств-членов Союза. Каждое государство-член должно присылать 5 назначенных или выбранных депутатов. В Парламенте должны быть представлены основные политические партии и движения, а также не менее одна представительница-депутат женского пола.

Полномочия и функции Panaфриканского Парламента определяются в соответствующем протоколе. До сих пор данный орган играет лишь консультативную роль.

Исполнительный Совет состоит из Министров иностранных дел или других министров, или представителей власти, которые назначены правительствами Государств-членов. Данный орган координирует и принимает решения относительно политики в областях общих интересов Государств-членов, включая следующие:

- внешняя торговля, энергетика, промышленность и минеральные ресурсы;
- продовольствие, сельскохозяйственные и животные ресурсы, производство скота и лесоводство;
- водные ресурсы и ирригация;
- защита окружающей среды, гуманитарная акция и отклик, и помощь при бедствии;
- транспорт и коммуникации;
- страхование;

- образование, культура, здоровье и развитие людских ресурсов;
- наука и техника;
- гражданство, постоянное проживание и вопросы иммиграции;
- социальное обеспечение, включая определение политики охраны материнства и детства, а также политики, касающейся получивших увечье и инвалидов.
- учреждение системы африканских наград, медалей и премий.

Исполнительный Совет ответственен перед Ассамблеей. Он рассматривает касающиеся его вопросы и следит за выполнением политики, определенной Ассамблеей. Как и Ассамблея, Исполнительный Совет может делегировать любое из его полномочий и функций, упомянутых в предыдущем параграфе, Специализированному Техническому Комитету, учрежденному в соответствии со Статьей 14 Акта.

Исполнительный Совет принимает свои решения консенсусом или, при не достижении такового, большинством в две трети от числа Государств-членов Союза. Однако, процедурные вопросы, включая вопрос того, является ли он процедурным или нет, решается простым большинством. Две трети общего членства Союза формирует кворум на любой встрече Исполнительного Совета.

Исполнительный Совет собирается, по крайней мере, два раза в год на обычные сессии. Он также собирается на внеочередную сессию по просьбе любого Государства-члена и при согласии двух третей всех Государств-членов принимает собственные Правила процедуры.

Комиссия Союза состоит из Председателя, который является президентом, его или ее заместителя, который играет роль вице-президента, и членов комиссии – комиссаров. Численный состав комиссаров – 8 человек.

Каждый комиссар занимает определенную должность:

- комиссар по делам мира и безопасности;
- комиссар по политическим делам;
- комиссар по социальным вопросам;
- комиссар по развитию сельских районов;
- комиссар по вопросам инфраструктуры;
- комиссар по делам энергетики и транспорта;
- комиссар по вопросам отдела кадров;
- комиссар по научному исследованию.

Комиссары являются должностными лицами Союза со сроком деятельности 4 года. Каждый комиссар управляет своим отделом. Им оказывает содействие персонал, необходимый для нормального функционирования комиссии. В составе комиссий работает около 400 лиц. Существуют также внешние представители Союза (послы), которые играют роль наблюдателей в Брюсселе при Европейском Союзе, в Женеве и Нью-Йорке при ООН, и в Каире при Лиге Арабских государств.

Устав предшественницы Африканского союза – Организации африканского единства – предусматривал создание Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу для реализации цели мирного разрешения споров между государствами-членами (Ст. 19 Устава Организации африканского единства в Приложении). Учредительный акт Африканского союза предусмотрел создание судебного органа – буквально «Суда справедливости Союза», Статут которого планировалось определить отдельным протоколом [ст. 18 Акта].

Государства Африки приняли два Протокола о создании двух судебных органов: Африканского суда прав человека и народов (принят в 1998 году, вступил в силу в 2004 году) и

Суда (буквально «Суда справедливости») Африканского союза (принят в 2003 году, вступил в силу в 2009 году). На основе еще одного Протокола, принятого в 2008 году в Шарм-эль-Шейхе, два судебных органа должны быть объединены в один – Африканский суд справедливости и прав человека. Этим же Протоколом, который должен вступить в силу после 15 ратификаций, утвержден и Статут суда. Таким образом, в перспективе Африканский суд справедливости и прав человека должен совместить функции главного судебного органа международной организации и международного суда по правам человека в рамках этой организации.

Согласно п.1 ст.3 Приложения к Статуту африканского суда справедливости и прав человека, Африканский суд состоит из 16 судей – граждан государств-участниц. Они избираются Исполнительным советом, а затем назначаются Ассамблеей Союза. Исполнительный совет, состоящий из министров иностранных дел или других министров либо представителей власти, назначенных правительствами государств-членов, избирает судей (см. статью 10 Учредительного акта Африканского союза), а затем Ассамблея – верховный орган Союза, состоящий из глав государств и правительств или их представителей, – назначает избранных судей Африканского суда (См. статью 6 Учредительного акта Африканского союза).

В целях проведения выборов составляются два списка кандидатов в алфавитном порядке: один (список А) включает имена кандидатов, имеющих признанную компетенцию и опыт в международном праве, другой (список В) – имена кандидатов, обладающих признанной компетенцией и опытом в сфере права прав человека. На первых выборах должны быть избраны 8 судей из первого списка и 8 судей – из второго. Выборы должны быть организованы таким образом, чтобы сохранить неизменной пропорцию судей, избранных по двум спискам. Важно отметить то, что в состав суда не могут быть избраны два кандидата от одного и того же государства. В противном случае избирается самый старший из кандидатов.

Суд Союза является главным судебным органом Африканского союза и имеет собственную предметную юрисдикцию/компетенцию. Предметная юрисдикция Африканского суда включает все дела и все правовые споры, переданные ему в соответствии с этим Статутом, которые касаются:

- толкования и применения Учредительного акта;
- толкования, применения или действительности других договоров Союза и всех вспомогательных правовых актов, принятых в рамках Союза или Организации африканского единства;
- толкования и применения Африканской хартии, Хартии прав и благополучия ребенка, Протокола к Африканской хартии о правах человека и народов о правах женщин в Африке или любого другого касающегося прав человека правового документа, ратифицированного заинтересованными государствами-участниками;
- любого вопроса международного права;
- всех актов, решений, правил и директив органов Союза;
- всех вопросов, специально предусмотренных любыми другими соглашениями, которые государства-участники могут заключить между собой или с Союзом и которые предоставляют Суду юрисдикцию;
- существования любого факта, который, если он будет установлен, будет представлять собой нарушение любого обязательства перед государством-участником или перед Союзом;
- характера или размера возмещения вреда за нарушение международного обязательства.

Комиссия африканского союза по международному праву была создана в 2010 году на

основе ст. 14 Устава. Она является независимым консультативным органом, который играет совещательную роль. Комиссия имеет также научную функцию.

Ее основная цель заключается в том, чтобы выступать для всего континента органом интеграции в политической и юридической сферах. Она должна также способствовать гармонизации различных правовых систем государств-членов Союза с целью проведения дальнейшей общей кодификации. Комиссия является местом, где пересекаются международное право и различные правовые системы государств-членов. Таким образом, деятельность комиссии направлена на разрешение с помощью научно обоснованного подхода возникающих юридических конфликтов. Поэтому существуют научные отношения между комиссией и комитетом международного права при ООН.

Африканский союз тесно сотрудничает с региональными межправительственными организациями и отдельными государствами-партнерами.

В частности, стратегическое партнерство АС и ЕС является официальным каналом, через которого АС и ЕС осуществляют свое взаимодействие. Сотрудничество этих институтов основано на соглашении о партнерстве, которое было подписано в 2007 на саммите глав государств и правительствами ЕС и Африки. Они определяют совместную дорожную карту на основе соглашения.

Партнерство АС и ЕС отражает желание обеих сторон работать вместе. Основными целями, которого являются:

- подчеркнуть и укрепить политические отношения между АС и ЕС и совместно решать общие и глобальные проблемы, такие как экологические проблемы, защита природы, обеспечение мира и порядка. Тогда АС и ЕС вместе окажут большое влияние на международной сфере;
- расширять и развивать общую кооперацию, в новых перспективных сферах имеющую для обеих сторон общий интерес. Эти сферы: управление и права человека, торговля и региональная интеграция, энергия, изменение климата, иммиграция, мобильность, занятость или наука, информационные и коммуникационные технологии, а также применение космической техники;
- облегчать и поощрять на широкой основе и широкие интересы людей партнерства путем обеспечения эффективного участия гражданского общества и частного сектора, а также обеспечивая прямые выгоды для африканских и европейских граждан.

Среди давних и дружеских партнеров АС традиционно выделяется Российская Федерация.

В последнее время Россия вновь активизирует африканское направление своей глобальной политики. Главными сдвигами здесь стали успешные проекты российского бизнеса и целый пакет торгово-экономических межгосударственных соглашений, которые позволили расширить экономического сотрудничества с африканскими государствами. Было обновление договорно-правовой базы российско-африканских отношений. Так за последние пять лет были подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве с Эфиопией, ЮАР, Ганой, Анголой, Намибией, соглашения о культурном и научном сотрудничестве с Ботсваной, Ганой, соглашения о взаимной защите капиталовложений с Эфиопией, Ливией, Египтом, ЮАР и т.д.

Россия активно участвует в поисках решений большинства африканских проблем, которые обсуждаются членами Организации Объединенных Наций в ходе Генассамблей и в Совете Безопасности. Россия получила статус наблюдателя в Организации Африканского Союза и вносит посильный вклад в развитие ее деятельности. Руководители МИД РФ, курирующие африканское направление внешней политики страны, проводят регулярные политические

консультации со своими африканскими коллегами.

Весьма важной сферой взаимодействия между министерствами иностранных дел России и африканских государств является модернизация и совершенствование правовой основы торгово-экономического сотрудничества. Поэтому МИД РФ совместно с коллегами в странах Африки, проводит систематическую работу по подготовке к подписанию проектов соглашений о поощрении и защите инвестиций, протоколов о сотрудничестве в области науки и образования, медицины и здравоохранения, культуры и искусства.

Заключение

Создание Африканского Союза означает безусловный шаг вперед в развитии идеи и практики африканской интеграции и может способствовать выработке государствами континента единой позиции перед лицом глобальных вызовов современности. Руководители Африки, понимая важность и неизбежность интеграции, активно ее осуществляют на региональном уровне, как в политической, так и экономической, и особенно юридической сферах через объединение усилий в рамках региональной универсальной организации.

Библиография

1. Учредительный акт Африканского Союза. URL: <https://docs.cntd.ru/>
2. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
3. Елагина А.С. Согласительные процедуры при распределении полномочий между федеральными и региональными уровнями власти: опыт США // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 12А. С. 137-143.
4. Le Gouriellec S. Géopolitique de l'Afrique. Presses Univaisiteres de France, 2022. P. 7-8.
5. Grigorescu A. Transparency of intergovernmental organizations: The roles of member states, international bureaucracies and nongovernmental organizations //International Studies Quarterly. – 2007. – Т. 51. – №. 3. – С. 625-648.
6. Johnson T., Urpelainen J. International bureaucrats and the formation of intergovernmental organizations: Institutional design discretion sweetens the pot //International Organization. – 2014. – Т. 68. – №. 1. – С. 177-209.
7. Vabulas F. The importance of informal intergovernmental organizations //The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration. – Oxford University Press, 2019. – С. 401.
8. Lupu Y., Greenhill B. The networked peace: Intergovernmental organizations and international conflict //Journal of Peace Research. – 2017. – Т. 54. – №. 6. – С. 833-848.
9. Groulier C., Tordjman S. Intergovernmental organizations //Global diplomacy: An introduction to theory and practice. – 2020. – С. 139-153.
10. Johnson T. Guilt by association: The link between states' influence and the legitimacy of intergovernmental organizations //The Review of International Organizations. – 2011. – Т. 6. – С. 57-84.

Regionalization of international organizations as a trend in the development of modern international legal relations

Elena V. Saunina

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of International and European Law,
National Research Nizhny Novgorod State University,
603950, 23, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: saounina@mail.ru

Abstract

The main objectives of this study will be to analyze the development of regional organizations and their impact on modern international law and international relations. The object of study is the regional international organization of the African Union, the stages of its formation, composition, areas of activity. The creation of the African Union and of the African Peace and Security Architecture in 2003 symbolised an African ambition in terms of security and collective defence which followed the inaction of the Organisation of African Unity in the face of the conflicts in Liberia, Sierra Leone and the Great Lakes (Zaire, Rwanda and Burundi). Twenty years after the adoption of the Constitutive Act of the African Union, the state of affairs of this African ambition for collective security raises many questions. Indeed, the nature of instability on the African continent has changed significantly with the advent of terrorist insurgencies and new forms of challenges related to internal governance. The question therefore arises about the adequacy of the above-mentioned normative framework and the different instruments. Beyond the normative framework and related instruments, the main question has to do with the conception of security in Africa. The thesis defended by this article is that the African Peace and Security Architecture, initially conceived on the premise of human security, is gradually sliding towards a more traditional conception of security.

For citation

Saunina E.V. (2023) Regionalizatsiya mezhdunarodnykh organizatsii kak tendentsiya razvitiya sovremennykh mezhdunarodno-pravovykh otnoshenii [Regionalization of international organizations as a trend in the development of modern international legal relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 495-505. DOI: 10.34670/AR.2023.41.37.064

Keywords

International law, international relations, international intergovernmental organizations, African Union, Organization of African Unity (OAU), Constitutive Act of the African Union, international integration, regional integration.

References

1. Le Gouriellec S. (2022) *Géopolitique de l'Afrique*. Presses Univaisiteres de France.
2. *Uchreditel'nyi akt Afrikanskogo Soyuzu* [Constitutive Act of the African Union]. Available at: <https://docs.cntd.ru/> [Accessed 10/10/2023]
3. Elagina A.S. (2018) Doktrinal'nyye osnovaniya prav lichnosti v mezhdunarodnom prave: poisk novoy paradigmy [Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (9A), pp. 282-287.
4. Elagina A.S. (2018). Soglasitel'nyye protsedury pri raspredelenii polnomochiy mezhdru federal'nymi i regional'nymi urovnyami vlasti: opyt SSHA [Conciliation procedures in the distribution of powers between the federal and regional levels of government: the US experience] *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (12A), pp. 137-143.
5. Grigorescu, A. (2007). Transparency of intergovernmental organizations: The roles of member states, international bureaucracies and nongovernmental organizations. *International Studies Quarterly*, 51(3), 625-648.
6. Johnson, T., & Urpelainen, J. (2014). International bureaucrats and the formation of intergovernmental organizations: Institutional design discretion sweetens the pot. *International Organization*, 68(1), 177-209.
7. Vabulas, F. (2019). The importance of informal intergovernmental organizations. In *The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration* (p. 401). Oxford University Press.
8. Lupu, Y., & Greenhill, B. (2017). The networked peace: Intergovernmental organizations and international conflict. *Journal of Peace Research*, 54(6), 833-848.

-
9. Groulier, C., & Tordjman, S. (2020). Intergovernmental organizations. *Global diplomacy: An introduction to theory and practice*, 139-153.
 10. Johnson, T. (2011). Guilt by association: The link between states' influence and the legitimacy of intergovernmental organizations. *The Review of International Organizations*, 6, 57-84.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.63.69.065

Содержание Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе

Нуцалханов Гамзат Нуцалханович

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
Северо-Кавказский институт,
Всероссийский государственный университет юстиции,
367008, Российская Федерация, Махачкала, ул. Агасиева, 87;
e-mail: gamzat940@mail.ru

Аннотация

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе стал важной вехой в деле становления режима нераспространения ядерного оружия. История создания зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), в Латинской Америке берет свое начало с глубокого военно-политического кризиса. Это, как мы описали в нашей предыдущей публикации, оказало значительное влияние на формирование первой безъядерной зоны на густонаселенной территории. Задача написания данной статьи состоит в комплексном исследовании обязательств по Договору Тлателолко. Предметом данной статьи является содержание договора о создании безъядерной зоны в Латинской Америке, его недостатки. Автор рассматривает эволюцию отношения стран региона к данному соглашению. Кроме того, в статье анализируются причины успешного формирования безъядерной зоны в данном регионе. Задача написания данной статьи состоит в комплексном исследовании обязательств по Договору Тлателолко. Методология исследования основывается на историческом подходе и теории режимов. Автор приходит к выводу о значительной роли Договора Тлателолко в процессе продвижения идеи ЗСЯО, охватившей в совокупности уже свыше ста государств мира. Несмотря на двусмысленность отдельных положений Договора, он продолжает выполнять свою главную функцию по ограничению горизонтального распространения ядерного оружия. Кроме того, он послужил примером для создания других зон, свободных от ядерного оружия.

Для цитирования в научных исследованиях

Нуцалханов Г.Н. Содержание Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 506-514. DOI: 10.34670/AR.2023.63.69.065

Ключевые слова

Латиноамериканская безъядерная зона, разоружение, Договор Тлателолко, ядерное оружие, нераспространение ядерного оружия.

Введение

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе стал важной вехой в деле становления режима нераспространения ядерного оружия. История создания зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), в Латинской Америке берет свое начало с глубокого военно-политического кризиса. Это, как мы описали в нашей предыдущей публикации, оказало значительное влияние на формирование первой безъядерной зоны на густонаселенной территории. Задача написания данной статьи состоит в комплексном исследовании обязательств по Договору Тлателолко.

Основная часть

Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе состоит из преамбулы, 31 статьи, одной статьи, касающейся переходного периода и двух дополнительных протоколов.

В преамбуле перечисляются резолюции ООН, касающиеся создания безъядерных зон, говорится о связи создания таких зон с другими мерами по разоружению. Особо подчеркивается, что наличие ядерного оружия в любой стране Латинской Америки превратило бы эту страну в мишень для возможных ядерных атак и неизбежно породило бы во всем регионе гонку ядерных вооружений.

Основные обязательства договаривающихся сторон определены в статье 1 Договора, согласно которой государства-участники взяли на себя обязательства использовать исключительно в мирных целях ядерные материалы и средства, находящиеся под их юрисдикцией, и запрещать и предотвращать на своей территории:

А – испытание, изготовление, производство или приобретение любым путем любого ядерного оружия самими этими сторонами, прямо или косвенно, от имени кого-либо другого или любой другой форме;

Б – получение, хранение, установку, размещение или любую форму владения любым ядерным оружием, прямо или косвенно, самими этими сторонами, кем-либо другим от их имени или в любой другой форме СНОСКА.

Согласно Дополнительному протоколу I к Договору, находящиеся вне пределов Латинской Америки Великобритания, Нидерланды, США и Франция, под контролем которых находятся некоторые территории, расположенные в пределах латиноамериканской географической зоны, как она определена в Договоре, должны принять обязательство применять статус безъядерной зоны к тем территориям, за которые они де-юре или де-факто несут международную ответственность.

Согласно Дополнительному протоколу II, государства, обладающие ядерным оружием, должны принять обязательства полностью соблюдать статус безъядерной зоны в Латинской Америке и Карибском регионе и обязательство не использовать и не угрожать применением ядерного оружия против участников Договора [Redick, 1981, 112].

Договор предусматривает возможность введения его в действие отдельными государствами посредством специального заявления об этом, не дожидаясь выполнения условий, необходимых для превращения в безъядерную зону всего континента. В этом случае зона действия Договора распространяется лишь на территории этих государств – участников Договора. Договор о безъядерной зоне в Латинской Америке предусматривает такую процедуру его полной

реализации, осуществить которую очень трудно. Для того, чтобы Договор начал применяться в полном объеме, требуется выполнение четырех условий:

А – его ратификация всеми латиноамериканскими государствами, имеющими право стать участниками данного соглашения;

Б – ратификация Дополнительного протокола I всеми государствами, имеющими владения в «зоне действия» Договора;

В – ратификация Дополнительного протокола II всеми ядерными державами;

Г – заключение соглашений с Международным агентством по атомной энергии о гарантиях исполнения Договора. Данные условия обозначены в первом параграфе статьи 28 Договора.

Статья 28 Договора Тлателолко, описывающая механизм вступления в силу Договора, представляет собой компромисс между интересами разных государств. Таким образом, имеется четырехступенчатый механизм вступления в силу Договора. Однако второй параграф статьи предусматривает возможность отказаться полностью или частично от требований, изложенных в предыдущем пункте. При сдаче на хранение ратификационной грамоты или в более поздний период государства могут сделать заявление, которое прилагается к их ратификационным грамотам. В этом случае для таких государств Договор вступает в силу после сдачи на хранение декларации или сразу после выполнения всех требований, которые не были специально отвергнуты.

Подобная двойственность была результатом компромисса между Мексикой и Бразилией. Причем первый параграф был предложен Бразилией, а второй Мексикой. Компромисс позволяет каждому государству гибко решать, когда Договор вступит в силу для него. Из 22 государств-членов Договора, только Аргентина, Бразилия и Чили воспользовались этим правом позже остальных. Без этого права на отказ весь режим Тлателолко был бы поставлен в зависимость от его ратификации каждым государством и, как выразился эксперт по нераспространению Джон Редик, Договор был бы мертв по прибытию [там же, 117].

Возможность денонсации договора сформулирована в его тексте весьма расплывчато. Право на денонсацию появляется, если у какой-либо стороны «возникли или могут возникнуть» связанные с содержанием договора или протоколов к нему «обстоятельства, затрагивающие ее высшие интересы, мир и безопасность одной или более стран-участниц» (ст. 30). Любопытно, что нарушение договора, согласно ст. 20, не связывается с этими обстоятельствами, и должно повлечь за собой, в случае угрозы миру и безопасности, передачу информации об этом одновременно Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, а также Совету ОАГ [Declaration made by the French Republic..., www].

Транзит ядерного оружия подразумевает заход в порты зоны судов или приземление на региональных аэродромах самолетов, которые являются носителями ядерного оружия, принадлежащего внерегиональным державам. В заявлении СССР была подтверждена советская позиция: «допущение транзита в любой форме противоречило бы целям Договора» [Громько, 1987]. США же подчеркнули, что документ «не затрагивает прав договаривающихся сторон разрешать или отказывать в транспортных и транзитных привилегиях государствам, не участвующим в договоре». В тексте договора этот вопрос обойден, а в заключительном акте подготовительной комиссии дана его трактовка в том смысле, что выдача разрешения на транзит ядерного оружия по просьбе стран, не являющихся участниками договора, входит в компетенцию каждой отдельной страны-участницы. Мексика и Панама, ключевые в плане транзита государства региона, приняли на себя специальные обязательства о запрещении транзита ядерного оружия через свои территории. 27 Со стороны СССР было также отмечено,

что подписание Дополнительного протокола II «никоим образом не означает признания возможности распространения действия Договора, как это предусматривается в п. 2 ст. 4, за пределы территории государств-участников, включая воздушное пространство и территориальные воды, установленные в соответствии с международным правом». Аналогичная оговорка содержится в заявлении Франции, сделанном ею 2 марта 1979 г. при подписании Дополнительного протокола I [Contribution of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America..., 2017]. В связи с этим в представленном OPANAL 31 мая 2018 г. материале к докладу Генерального секретаря ООН по морскому праву в разд. IV говорится: «Юридическая природа зоны применения Договора Тлателолко никоим образом не означает претензии на суверенитет или юрисдикцию над частью открытого моря, включенной в эту зону» [Gallacher, 1975, 79].

Оговорки внерегиональных держав по содержанию Договора 25

При ратификации Дополнительного Протокола II к Договору Тлателолко США в 1971 г. и СССР в 1978 г. высказали наиболее серьезные оговорки по ст. 18 текста договора, разрешающей странам-участницам осуществлять мирные ядерные взрывы, «включая взрывы, предполагающие использование устройств, аналогичных тем, которые применяются в ядерном оружии». Разрешается сотрудничество в этих целях участвующих в договоре государств с третьими сторонами, при этом не должны нарушаться ст. 1 и 5. В статье 5 дано весьма широкое определение ядерного оружия, фактически включающее всякое ядерное взрывное устройство: «В настоящем договоре под ядерным оружием подразумевается всякое устройство, способное высвободить неконтролируемую ядерную энергию и имеющее такую группу характеристик, которая подходит для использования его в военных целях» [Орлов, 2002, 425]. С точки зрения государств, обладающих ядерным оружием в соответствии с ДНЯО, это означает, что изготовление устройства для проведения мирных ядерных взрывов государством – участником договора явилось бы нарушением ст. 1, запрещающей испытание, использование, изготовление, производство и приобретение любым путем ядерного оружия, а также получение, хранение, установку, размещение или любую форму владения таким оружием. 26 СССР и США разошлись в вопросе о возможности транспортировки или транзита ядерного оружия через зону применения договора. Советский Союз принял к сведению толкование, данное в заключительном акте Подготовительной комиссии по объявлению Латинской Америки ЗСЯО, о том, что транспортировка ядерного оружия сторонами договора охватывается запрещениями, предусмотренными в ст. 1.

Поправки к тексту договора и дополнительные протоколы

Расширение круга участвующих в договоре государств произошло благодаря принятию специальных поправок к его тексту. Первая, принятая генеральной конференцией OPANAL 3 июля 1990 г., добавила в название документа и в ст. 7 слова «а также страны Карибского бассейна» (and the Caribbean), что облегчило присоединение к нему англоговорящих островных государств этого субрегиона. 21 Согласно второй поправке, принятой на генеральной конференции OPANAL 10 мая 1991, был отменен параграф 2 ст. 25, благодаря чему Белиз и Гайана* смогли стать полноправными участниками договора. Изначально эта статья гласила: «Генеральная конференция не выносит решение о принятии в состав членов политического

объединения государства, часть или вся территория которого были до даты открытия настоящего договора для подписания предметом спора между внеконтинентальным государством и одним или более латиноамериканскими государствами, до тех пор, пока этот спор не будет решен мирными средствами». Новая формулировка допускала участие в договоре всех независимых государств в зоне его применения по ст. 4 и 28.1. Она распространялась на государства, которые были членами ООН по состоянию на 10 декабря 1985 г., и неавтономные (зависимые от иностранных государств) территории, как только они обретут независимость [Status of Signatures and Ratifications..., www]. Хотя в ст. 13 договора не оговаривался «всеобъемлющий характер» контроля со стороны МАГАТЭ, по уже заключенным соглашениям о гарантиях был введен контроль над всеми ядерными материалами, имеющимися у государств-участников. Система международных гарантий была дополнена процедурами регулярных и специальных отчетов и налаженным обменом информацией. 26 августа 1992 г. на специальной сессии Генеральной конференции OPANAL была одобрена третья поправка к тексту договора. Изменения коснулись ст. 14-16 и 19-20, в результате чего предусматривалось усиление роли МАГАТЭ в регионе, при этом за всемирным агентством оставлялось исключительное право на проведение специальных инспекций. Первоначальный текст договора предоставлял право на специальные инспекции как МАГАТЭ, так и OPANAL (ст. 16). Эта поправка, предложенная Аргентиной, Бразилией, Мексикой и Чили, должна будет вступить в силу после выполнения требований ст. 28. Отметим, что на 1 февраля 2020 г. первая поправка была в силе для 24 стран (еще 7 государств ее подписали), вторая – для 24 (подписали еще 6 стран), третья – для 28 (подписали еще 3 государства) [Robles, 1987, 261].

Дополнительный протокол II предусматривает принятие ядерными державами обязательства соблюдать статус безъядерной зоны в отношении участников Договора Тлателолко. Статья 1 данного протокола констатирует: статус безъядерной зоны латинской Америки в отношении военных целей, как определен, разграничен и изложен в Договоре, будет полностью соблюдаться участниками протокола во всех его целях и положениях.

Дополнительный протокол II включает обязательства ядерных держав не содействовать в какой-либо форме тому, чтобы на территориях, в которых применяется Договор, осуществлялись акты, являющиеся нарушением обязательств, изложенных в статье 1 настоящего Договора. Кроме того, ядерные державы берут на себя обязательства не использовать ядерное оружие против участников Договора Тлателолко. Дополнительный протокол II Договора Тлателолко подписали и ратифицировали все пять ядерных государства.

Недостатки Договора

Общепризнанным недостатком договора является излишняя примирительность некоторых его положений. Это – и компромисс о вступлении Договора в силу, и намеренное отсутствие четкости в запрете на проведение мирных ядерных взрывов, и отсутствие в самом договоре нормы о транзите ЯО, позволившее ядерным государствам выбрать наиболее выгодный им вариант. Здесь хотелось бы выделить еще один недостаток, на который ранее эксперты по нераспространению не обращали внимания, а именно – участие государств ЛА в системе коллективной безопасности совместно с США [Lopez-Doriga, 1984].

Но предварительно необходимо сделать следующую ремарку: в настоящее время, «ядерная тройка» – США, Великобритания и Франция – отказываются признавать другой договор об установлении безъядерной зоны (в Центральной Азии). Одним из аргументов является наличие

ранее заключенного соглашения о коллективной безопасности, в котором состоят центральноазиатские государства и Россия, а именно Ташкентский договор, или Договор о коллективной безопасности 1992 г. Так вот, примечательно, что латиноамериканские государства также участвовали в системе коллективной безопасности с США в рамках Межамериканского договора о взаимной помощи («Договор Рио», 1947 г.) и Организации американских государств (ОАГ), созданной в 1948 г.

Например, в ст. 3 Договора Рио обращается внимание на региональную систему коллективной безопасности: «...вооруженное нападение со стороны любого государства на американское государство рассматривается как нападение на все американские станы и, следовательно, каждая из указанных договаривающихся сторон обязуется помочь в отражении атаки на основании неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций». В ст. 8 указано, что одной из мер, которую может предпринять консультационный орган, является использование вооруженных сил. При этом две трети участников договора должны быть согласны с решением о предоставлении такой помощи [Gene, 1974, 270].

Что касается устава ОАГ, то его ст. 28 гласит: «Любой акт агрессии государством против территориальной целостности или неприкосновенности территории или против суверенитета и политической независимости американского государства считается актом агрессии против других американских государств». Следующая статья, без упоминания самого Договора Рио, все же содержит ссылку на этот документ: при вооруженном нападении или любой другой ситуации, «которая может поставить под угрозу мир Америки, американские государства, в соответствии с принципами континентальной солидарности или коллективной самообороны, применяют меры и процедуры, установленные в специальных договорах по этому вопросу» [Lopez-Doriga, 1984].

Связь между Договором Тлателолко и вышеперечисленными договорами можно проследить через ст. 21 Договора Тлателолко, в котором подчеркивается: «Ни одно из положений настоящего договора не означает умаления прав и обязанностей сторон по Уставу Организации Объединенных Наций или прав и обязанностей членов Организации американских государств в соответствии с существующими региональными договорами». Следовательно, государства – участники Договора Тлателолко при возникновении ситуации, «которая может поставить под угрозу мир Америки», имеют право действовать в условиях коллективной самообороны, т.е. использовать вооруженные силы американских государств, что по определению включает и возможность применения ядерного оружия [Кутнаева, 2013, 36].

Значение Договора Тлателолко для режима нераспространения ядерного оружия

При оценке Договора Тлателолко следует иметь в виду, что это – первый документ, провозгласивший создание ЗСЯО в густонаселенном регионе Земли. Многие недостатки документа, например, отсутствие окончательного решения вопроса о транзите ядерного оружия, связаны с проблемой внешнего влияния на регион. Разработчики Договора, прежде всего мексиканский дипломат А. Гарсиа Роблес, заложили солидную базу для дальнейшего развития идеи ЗСЯО, создав важные прецеденты на будущее. На наш взгляд, среди них особо следует выделить следующее: максимально широкое определение понятия «ядерное оружие», включающее взрывные устройства для осуществления ядерных взрывов в мирных целях;

присоединение к договору протоколов, обязательных для исполнения внерегиональными державами; положение о негативных гарантиях безопасности; обязательное заключение соглашений с МАГАТЭ о применении гарантий; на практике – о всеобъемлющих гарантиях по типу INFCIRC/153; оригинальное решение сложной проблемы вступления договора в силу; бессрочное действие договора. 31 Оценивая значение Договора Тлателолко для режима нераспространения ядерного оружия в целом, можно подчеркнуть, что он положил начало принятию целой серии международно-правовых актов, позволивших более чем ста независимым государствам обрести безъядерный статус. Весной (26-28 апреля) 2005 г. в Мехико, в районе Тлателолко, где расположен мексиканский МИД, проходила первая Конференция государств-участников и государств, которые подписали договоры о создании ЗСЯО в своих регионах. В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 73/71 с 24 апреля 2020 г. проведена уже четвертая такая конференция. На втором саммите Сообщества латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) в Гаване в январе 2014 г. весь этот регион был объявлен «Зоной мира». Движение в пользу создания ЗСЯО в странах ЛКА стало первостепенным фактором поддержки режима нераспространения и позитивной формой приобщения государств ЛКА, Азии и Африки к политике ядерного нераспространения.

Заключение

Таким образом, несмотря на двусмысленность отдельных положений Договора, он продолжает выполнять свою главную функцию по ограничению горизонтального распространения ядерного оружия. Кроме того, он послужил примером для создания других зон, свободных от ядерного оружия.

Библиография

1. Громько А.А. (ред.) Заявление СССР при подписании Дополнительного протокола II // Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений, за разоружение: Документы и материалы. МИД СССР. М.: Политиздат, 1987. С. 431-433.
2. Кутнаева Н.А. Договор о безъядерной зоне в латинской Америке и Карибском бассейне // Латинская Америка. 2013. № 12. С. 30-43.
3. Орлов В.А. (ред.) Ядерное нераспространение. М.: ПИР-Центр, 2002. Том II. 561 с.
4. Contribution of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (OPANAL) to the Report of the Secretary-General on Oceans and the Law of the Sea, Pursuant to United Nations General Assembly resolution 72/73 of 5 December 2017.
5. COPREDAL/76, p.8, annexed to United Nations General Assembly Document A/6663 of 23 February 1967.
6. Declaration made by the French Republic upon Signing and Ratifying Additional Protocol I to the Treaty of Tlatelolco. URL: http://disarmament.un.org/treaties/a/tlatelolco_p1/france/rat/mexico+city
7. Gallacher J. Article VII, The Treaty of Tlatelolco and Colonial Warfare in the 20th Century // Arms Control. 1975. 5 (3). P. 75-89.
8. Gene A. Session. The Multilateralization of The Monroe Doctrine: The Rio Treaty, 1947 // World Affairs. Winter 1973-1974. Vol. 136. No. 3. P. 259-274.
9. Lopez-Doriga V. Figueiredo criticizes Tlatelolco Treaty. Interview with President Joao Figueiredo. México, 1984. P. 1-11.
10. Redick J.R. The Tlatelolco Regime and Nonproliferation in Latin America // International Organization. 1981. Vol. 35 (1). P. 103-134.
11. Robles A.G. The treaty for the prohibition of nuclear weapons in Latin America // Nuclear-Free Zones. Routledge, 1987. P. 9-22.
12. Status of Signatures and Ratifications of the Treaty of Tlatelolco and its Additional Protocols I and II. URL: <https://www.opanal.org/en/status-of-the-treaty-of-tlatelolco/>

Contents of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean

Gamzat N. Nutsalkhanov

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of State and Legal Disciplines,
North-Caucasian Institute,
All-Russian State University of Justice,
367008, 87, Agasieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gamzat940@mail.ru

Abstract

The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean has become an important milestone in the establishment of the nuclear non-proliferation regime. The history of the creation of a nuclear-weapon-free zone (NWFZ) in Latin America begins with a deep military-political crisis. This, as we described in our previous publication, had a significant impact on the formation of the first nuclear-free zone in a densely populated area. The purpose of writing this article is to comprehensively study the obligations under the Treaty of Tlatelolco. The subject of this article is the content of the treaty on the establishment of a nuclear-free zone in Latin America, its shortcomings. The author examines the evolution of the attitude of the countries of the region to this agreement. In addition, the article analyzes the reasons for the successful formation of a nuclear-free zone in this region. The task of writing this article is a comprehensive study of the obligations under the Treaty of Tlatelolco. The research methodology is based on the historical approach and the theory of regimes. The author concludes about the significant role of the Tlatelolco Treaty in the process of promoting the idea of the NWFZ, which has already covered more than a hundred countries of the world. Despite the ambiguity of certain provisions of the Treaty, it continues to fulfill its main function of limiting the horizontal proliferation of nuclear weapons. In addition, it served as an example for the creation of other nuclear-weapon-free zones.

For citation

Nutsalkhanov G.N. (2023) Soderzhanie Dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya v Latinskoi Amerike i Karibskom regione [Contents of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 506-514. DOI: 10.34670/AR.2023.63.69.065

Keywords

Latin American nuclear-free zone, disarmament, Tlatelolco Treaty, nuclear weapons, non-proliferation of nuclear weapons.

References

1. Contribution of the Agency for the Prohibition of Nuclear Weapons in Latin America and the Caribbean (OPANAL) to the Report of the Secretary-General on Oceans and the Law of the Sea, Pursuant to United Nations General Assembly

- resolution 72/73 of 5 December 2017.
2. COPREDAL/76, p.8, annexed to United Nations General Assembly Document A/6663 of 23 February 1967.
 3. Declaration made by the French Republic upon Signing and Ratifying Additional Protocol I to the Treaty of Tlatelolco. Available at: http://disarmament.un.org/treaties/a/tlatelolco_p1/france/rat/mexico+city [Accessed 10/10/2023]
 4. Gallacher J. (1975) Article VII, The Treaty of Tlatelolco and Colonial Warfare in the 20th Century. *Arms Control*, 5 (3), pp. 75-89.
 5. Gene A. (1974) Session. The Multilateralization of The Monroe Doctrine: The Rio Treaty, 1947. *World Affairs*, 136, 3, pp. 259-274.
 6. Gromyko A.A. (ed.) 91987) Zayavlenie SSSR pri podpisanii Dopolnitel'nogo protokola II [Statement of the USSR upon signing Additional Protocol II]. In: *Bor'ba SSSR protiv yadernoi opasnosti, gonki vooruzhenii, za razoruzhenie: Dokumenty i materialy. MID SSSR* [The USSR's struggle against nuclear danger, the arms race, for disarmament: Documents and materials. USSR Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Politizdat Publ.
 7. Kutnaeva N.A. (2013) Dogovor o bez"yadernoi zone v latinskoj Amerike i Karibskom basseine [Treaty on a Nuclear Free Zone in Latin America and the Caribbean]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 12, pp. 30-43.
 8. Lopez-Doriga V. (1984) Figueiredo criticizes Tlatelolco Treaty. Interview with President Joao Figueiredo. México.
 9. Orlov V.A. (ed.) (2002) *Yadernoe nerasprostranenie* [Nuclear Non-Proliferation]. Moscow: PIR-Tsentr Publ. Vol. II.
 10. Redick J.R. (1981) The Tlatelolco Regime and Nonproliferation in Latin America. *International Organization*, 35 (1), pp. 103-134.
 11. Robles A.G. (1987) The treaty for the prohibition of nuclear weapons in Latin America. In: *Nuclear-Free Zones*. Routledge.
 12. Status of Signatures and Ratifications of the Treaty of Tlatelolco and its Additional Protocols I and II. Available at: <https://www.opanal.org/en/status-of-the-treaty-of-tlatelolco/> [Accessed 10/10/2023]

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.42.54.066

Развитие института международно-правового признания государств

Табуева Медея Юрьевна

Старший преподаватель кафедры гражданского права,
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
100001, Республика Южная Осетия, Цхинвал, ул. Путина, 8;
e-mail: medeya_tabueva@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются акты международно-правового признания Российской Федерацией Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Автором обосновывается вывод о формировании практики принятия актов признания, детерминированных необходимостью обеспечения безопасности самоопределившихся народов и наций. По мнению автора, данная практика соответствует основополагающим принципам международного права, целям и принципам Устава ООН; она направлена на обеспечение мира и безопасности, развитие сотрудничества, основана на уважении к правам и основным свободам человека. В сочетании с такими признаками, как правомерность, продолжительность и единообразие, практика признания Российской Федерацией новых государств может способствовать развитию и кодификации института международно-правового признания государств.

Для цитирования в научных исследованиях

Табуева М.Ю. Развитие института международно-правового признания государств // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 515-523. DOI: 10.34670/AR.2023.42.54.066

Ключевые слова

Международно-правовое признание, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, кодификация международного права.

Введение

Институт признания государств, являясь одним из древнейших правовых институтов, тем не менее, остается одним из наиболее дискуссионных как в науке международного права, так и в практике его применения. Межгосударственные отношения, возникающие в процессе признания одних государств другими либо воздержания от такого признания, как правило, не подвергаются единообразному правовому регулированию. Это связано с отсутствием в международном праве специальных норм, регулирующих данные отношения.

Как и другие пробелы в кодификации международного права, неурегулированность отношений признания государств отчасти восполняется общими принципами права и обычно-правовыми нормами. Однако на практике общие принципы права, такие как, к примеру, принцип законности, справедливости, становятся предметом раздора между заинтересованными в конкретной сфере признания участниками межгосударственных отношений. Ведь признание государства, наверняка, соответствует принципам законности и справедливости как с позиции самого признающего государства, так и, в особенности, с позиции признаваемого. Но то же самое признание может представляться вопиющим нарушением норм международного права, его основных принципов, незаконным и несправедливым другими акторами, прямо или косвенно заинтересованными в непризнании данного субъекта.

В настоящее время вполне очевидна неготовность субъектов международного нормотворчества к выработке общепризнанных критериев признания новых государств и (или) установлению обстоятельств, исключающих возможность признания. Также очевидны причины такого явления – несовпадение геополитических и иных интересов сообщества современных государств. Поэтому создание универсального конвенционного источника института международно-правового признания в ближайшей перспективе представляется маловероятным.

Тем не менее, развитие международных отношений и в целом международная жизнь в мире определяют условия, способствующие формированию практики совершения и повторения действий, которые, в свою очередь, порождают формирование обычно-правовых норм.

Основная часть

В этой связи внешнеполитическая деятельность Российской Федерации последних лет в сфере международно-правового признания государств в силу своей последовательности и непротиворечивости представляется практикой, обогащающей и в некоторой степени упорядочивающей международно-правовую обычай как источник международного права и источник института международно-правового признания. Речь идет о международно-правовом признании Российской Федерацией Республики Абхазия [Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. № 1260, [www](#)], Республики Южная Осетия [Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. № 1260, [www](#)], Донецкой Народной Республики [Указ Президента Российской Федерации «» от 21 февраля 2022 г. № 71, [www](#)] и Луганской Народной Республики [Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 72, [www](#)].

Последние две республики, как известно, прекратили свое существование в качестве суверенных государств и вошли в состав Российской Федерации. Вхождению Крыма в состав Российской Федерации также предшествовало признание Республики Крым в качестве «суверенного и независимого государства» [Указ Президента Российской Федерации от 17

марта 2017 г. № 147, www].

Не углубляясь в анализ процессов принятия указанных субъектов в Российскую Федерацию, тем не менее, необходимо обратить внимание на то, что происходили эти процессы не только в соответствии с национальным правом России (Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ), но и на основании результатов народного волеизъявления и принятых в соответствии с ними актов о государственном суверенитете данных иностранных государств.

Поэтому совершенно очевидно, что без признания государственной независимости Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Крыма их вхождение в состав Российской Федерации не представлялось бы возможным или легитимным. Это же признание способствовало заключению между Российской Федерацией и соответствующими республиками – уже признанными субъектами международного права международных договоров о взаимном согласии на принятие в Российскую Федерацию в качестве новых субъектов. По смыслу Федерального конституционного закона РФ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» принятию в состав Российской Федерации иностранного государства должно предшествовать заключение двустороннего международного договора суверенных государств. Здесь не имеется в виду, что международно-правовое признание Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Крыма имело инструментальный характер в процессе принятия их в состав Российской Федерации. Такое толкование было бы некорректным хотя бы в силу того, что международное признание государств по своей правовой природе не способно сообщать адресату признания качество субъекта международного права. В этом вопросе автор разделяет убеждения ученых – представителей декларативной теории признания государств (Ф. Мартенс, А. Броунли, Д. Фельдман, Л. Моджорян и др.) [Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71, 1977; Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71, 1965; Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71, 1887-1888; Фельдман, 1965]. Однако надо также признать, что международно-правовое признание, бесспорно, создает либо расширяет возможности реализации международной правосубъектности в сфере заключения международных договоров. Но подчеркнем, что речь здесь идет именно о создании или расширении возможностей, а не наделинии способностями.

Процессы государствообразования каждой из тех республик, которые впоследствии были признаны Российской Федерацией в разное время, конечно, не единообразны и имеют различные политико-правовые основания, однако в основе всех этих процессов лежат стремления соответствующих народов к национальному самоопределению, объективированные в результатах референдумов. И именно волеизъявления народов данных республик ложатся в основу актов международно-правового признания российского государства.

Право на национальное самоопределение в современном международном праве наделяется качеством основной, универсальной, императивной нормы наряду с иными нормами – принципами международного права. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 года, в частности, закреплено, что принципы являются взаимосвязанными; при истолковании и применении каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов.

Если реализация принципа права наций на самоопределение, выраженная в провозглашении

независимого государства, а также признание этого государства в целом взаимосвязаны с такими принципами, как принцип суверенного равенства государств, принцип сотрудничества государств, принцип мирного разрешения споров и др., то в свете принципа территориальной целостности государств возникает проблема. Понятно, что конфликт между принципами права наций на самоопределение и территориальной целостности государств не может быть решен путем дискуссий о преимущественном значении того или другого принципа. Сама постановка такого вопроса противоречила бы смыслу основных начал современного международного права. Однако не видится никаких правовых препятствий к разрешению подобного правового конфликта с учетом мотивов и обстоятельств, детерминировавших конкретный процесс самоопределения. Такими обстоятельствами могут быть соображения безопасности и необходимость обеспечения сохранения народа (нации) конкретной территории от физического уничтожения. А непризнание территориальной целостности государства – агрессора – это обычай, наиболее ярко отраженный в итогах Ялтинской и Потсдамской конференций, в правовых и политических последствиях Второй мировой войны.

Итак, следующей особенностью указов Президента Российской Федерации о признании, в частности, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики является отражение в текстах этих указов стремления к обеспечению безопасности соответствующих народов.

Так, в указах о признании Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики содержится ссылка на «отказ Украины от мирного урегулирования конфликта в соответствии с Минскими соглашениями» в качестве, как мы понимаем, веского основания для признания этих государств; дающего легитимную возможность осуществления Вооруженными Силами Российской Федерации на этих территориях функций по поддержанию мира.

Конституционный суд Российской Федерации по делам о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой и между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии их в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов подтвердил, что принятие данных субъектов в состав Российской Федерации является «прежде всего основанием для реализации необходимых мер по прекращению антиправовых действий внешних сил, причиняющих смерть, увечья и ранения гражданам на указанных территориях ... и для налаживания мирной жизни» [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2022 года № 37-П, [www](#); Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П, [www](#)]. То обстоятельство, что заключение указанных договоров «вызвало у ряда стран упреки в нарушении существующих международных границ другого государства, не может оцениваться вне учета его цели и обстоятельств заключения, а также вне известной в международно-правовой практике конкуренции этого принципа с принципом равноправия и самоопределения народов и с правом на самооборону», – говорится в соответствующих постановлениях Конституционного суда Российской Федерации.

Осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации функций по поддержанию мира по обращениям глав признаваемых государств предусмотрено указами о признании не только Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики, но и актами признания Республики Южная Осетия и Республики Абхазия.

Обозначенный «лейтмотив» признания Российской Федерацией Республики Южная Осетия и Республики Абхазия находит выражение в международных договорных нормах этих

государств [Ватаман, 2021, 20-26; Сакания, 2012, 61-63; Табуева, 2022, 159-162]. Посредством заключения межгосударственных соглашений установлено сотрудничество в области внешней политики, в деле укрепления мира, повышения стабильности и безопасности в Закавказском регионе в целях урегулирования региональных конфликтов и др.; урегулировано взаимодействие сторон в деле защиты суверенитета, территориальной целостности и обеспечения безопасности друг друга, обеспечения совместной обороны, в случае возникновения угрозы нападения на одну из договаривающихся сторон [Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 г., 2015; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о сотрудничестве в военной области от 15 сентября 2009 г., www; Договор между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г., www; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия, www; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о сотрудничестве в военной области 15 сентября 2009 г., www; Договор между Республикой Абхазия и Российской Федерацией о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г., www].

В целом, из анализа актов Российской Федерации, касающихся международно-правового признания государств, можно сделать вывод о том, что они не просто констатируют факт возникновения новых государств, (в чем, собственно, и заключается смысл международно-правового признания), но и представляют собой меры, направленные на своевременное обеспечение безопасности народов и основанные на волеизъявлениях этих же народов.

Односторонние акты государств, которыми являются и акты признания, наука относит к числу вспомогательных источников международного права [Договор между Республикой Абхазия и Российской Федерацией о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г., 2006, 24]. Режим односторонних актов государств, по мнению В.Л. Толстых, устанавливается обычным правом [Толстых, 2022, 233]. Однако к содержанию односторонних актов государств, принятых в определенной сфере международных отношений, думается, что обычно-правовые нормы не всегда могут быть применимы попросту ввиду их отсутствия. В таком случае сама практика регулирования определенных вопросов межгосударственных отношений посредством принятия односторонних актов государств способна складываться в международно-правовой обычай, конечно, в случае если она правомерна, продолжительна и единообразна. При наличии признаков правомерности, продолжительности и единообразия практики кажется неизбежным еще и ее всеобщее признание либо признание большинством государств, что, в принципе, тоже не исключает признака всеобщности практики. Ведь, как справедливо отмечает Р.А. Каламкарян, «...отдельные протесты одного или даже нескольких государств не могут воспрепятствовать становлению определенной практики в новую обычную норму международного права, когда эта практика последовательно осуществляется и не оспаривается подавляющим большинством государств» [Каламкарян, 1984, 120].

Поскольку становление правового обычая, безусловно, – вопрос длительного времени, вовлечение других участников международного общения в сферу признания определенной практики также может происходить не одномоментно. Что же касается непризнания государства, самоопределение которого являлось не целью, а средством обеспечения безопасности, то такой отказ от признания, на наш взгляд, равнозначен отказу от целей и принципов Устава ООН – организации, состоящей из подавляющего большинства государств.

Заключение

Анализируемая практика признания Российской Федерацией новых государств соответствует целям и принципам Устава ООН, она направлена на обеспечение мира и безопасности, развитие сотрудничества, основана на уважении к правам и основным свободам человека. Обозначенная практика заслуживает внимания и могла бы стать стержневой конструкцией в процессе кодификации института международно-правового признания государств. Впрочем, данная практика уже установилась, а ее правомерность, продолжительность, единообразие и неизбежное всеобщее признание дадут основания констатировать возникновение по меньшей мере нового правового обычая.

Библиография

1. Бекашев К.А. (ред) Международное публичное право. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2006.
2. Броунли Я. Международное право. В 2 кн. Кн. 1. М., 1977.
3. Ватаман А.В. Участие Российской Федерации в обеспечении безопасности Республики Абхазия // Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития. 2021. № 1-2 (6-7).
4. Договор между Республикой Абхазия и Российской Федерацией о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г. URL: <http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/47f/z8.pdf>.
5. Договор между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. URL: <http://alaniamil.org/124-dogovor-mezhdu-rossiyskoy-federaciy-i-respublikoy-yuzhnaya-osetiya-o-soyuznichestve-i-integracii.html>.
6. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 г. // Газета Координационного совета. 2015. № 1.
7. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/200>.
8. Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М.: Наука, 1984.
9. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Т. 1. 2-е изд., доп. и испр. СПб, 1887-1888.
10. Моджорян Л.А. Основные права и обязанности государств. М, 1965.
11. О признании Донецкой Народной Республики: указ Президента Российской Федерации «» от 21 февраля 2022 г. № 71. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202202220002>.
12. О признании Луганской Народной Республики: указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 72. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202202220001>.
13. О признании Республики Абхазия: указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. № 1260. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27957>.
14. О признании Республики Крым: указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2017 г. № 147. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001201403180002>.
15. О признании Республики Южная Осетия: указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. № 1261. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958>.
16. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики: федер. конституц. закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202210050005>.
17. О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики: федер. конституц. закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202210050006>.
18. По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2022 года № 37-П // СПС «КонсультантПлюс».
19. По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: постановление Конституционного

- Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П // СПС «КонсультантПлюс».
20. Сакания И.Н. Международно-правовые аспекты обеспечения безопасности Республики Абхазия // Материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко «Актуальные проблемы современного международного права». В 2 частях. Часть 2. М.: Российский университет дружбы народов, 2012.
 21. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о сотрудничестве в военной области 15 сентября 2009 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902198778>.
 22. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о сотрудничестве в военной области от 15 сентября 2009 г. URL: <http://alaniamil.org/125-soglashenie-mezhdu-rossiyskoy-federaciey-i-respublikoy-yuzhnaya-osetiya-o-sotrudnichestve-v-voennoy-oblasti.html>.
 23. Табуева М.Ю. Становление и развитие международных двусторонних отношений между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией // Юридическая наука. 2022. № 11.
 24. Тостых В.Л. Курс международного права. М.: Международные отношения, 2022.
 25. Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. 258 с.

Development of the institution of international legal recognition of states

Medeya Yu. Tabueva

Senior Lecturer at the Department of civil law,
South Ossetian State University named after. A.A. Tibilov,
100001, 8 Putina str., Tskhinval, Republic of South Ossetia;
e-mail: medeya_tabueva@mail.ru

Abstract

The article analyzes acts of international legal recognition by the Russian Federation of the Republic of Abkhazia, the Republic of South Ossetia, the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic. The author substantiates the conclusion about the formation of the practice of accepting acts of recognition, determined by the need to ensure the security of self-determined peoples and nations. According to the author, this practice is consistent with the fundamental principles of international law, the purposes and principles of the UN Charter; it is aimed at ensuring peace and security, developing cooperation, and is based on respect for human rights and fundamental freedoms. In combination with such characteristics as legality, duration and uniformity, the practice of recognizing new states by the Russian Federation can contribute to the development and codification of the institution of international legal recognition of states.

For citation

Tabueva M.Yu. (2023) Razvitie instituta mezhdunarodno-pravovogo priznaniya gosudarstv [Development of the institution of international legal recognition of states]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 515-523. DOI: 10.34670/AR.2023.42.54.066

Keywords

International legal recognition, Republic of Abkhazia, Republic of South Ossetia, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, codification of international law.

References

1. Bekyashev K.A. (ed.) (2006) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International public law], 4th ed. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publ.
2. Brounli Ya. (1977) *Mezhdunarodnoe pravo. V 2 kn. Kn. 1* [International law. In 2 books. Book 1]. Moscow.
3. *Dogovor mezhdru Respublikoy Abkhaziya i Rossiyskoy Federatsiyey o soyuznichestve i strategicheskom partnerstve ot 24 noyabrya 2014 g.* [Agreement between the Republic of Abkhazia and the Russian Federation on alliance and strategic partnership dated November 24, 2014]. Available at: <http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/47f/z8.pdf> [Accessed 17/09/2023].
4. *Dogovor mezhdru Respublikoy Yuzhnaya Osetiya i Rossiyskoy Federatsiyey o soyuznichestve i integratsii ot 18 marta 2015 g.* [Agreement between the Republic of South Ossetia and the Russian Federation on alliance and integration of March 18, 2015] Available at: <http://alaniamil.org/124-dogovor-mezhdru-rossiyskoy-federatsiyey-i-respublikoy-yuzhnaya-osetiya-o-soyuznichestve-i-integratsii.html> [Accessed 17/09/2023].
5. *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoy pomoshchi mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Yuzhnaya Osetiya ot 17 sentyabrya 2008 g.* [Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia dated September 17, 2008] (2015). *Gazeta Koordinatsionnogo soveta* [Newspaper of the Coordination Council], 1.
6. *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoy pomoshchi mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Abkhaziya* [Treaty of friendship, cooperation and mutual assistance between the Russian Federation and the Republic of Abkhazia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/200> [Accessed 19/09/2023].
7. Fel'dman D.I. (1965) *Priznanie gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Recognition of states in modern international law]. Kazan': Kazan University Publishing House.
8. Kalamkaryan R.A. (1984) *Mezhdunarodno-pravovoe znachenie odnostoronnikh yuridicheskikh aktov gosudarstv* [International legal significance of unilateral legal acts of states]. Moscow: Nauka Publ.
9. Martens F.F. (1887-1888) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. V 2 t. T. 1* [International legal significance of unilateral legal acts of states. In 2 vols. Vol. 1], 2nd ed. Saint Petersburg.
10. Modzhoryan L.A. (1965) *Osnovnye prava i obyazannosti gosudarstv* [Fundamental rights and obligations of states]. Moscow.
11. *O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta - Donetskoy Narodnoy Respubliki: feder. konstituts. zakon ot 04.10.2022 № 5-FKZ* [On the admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the formation of a new entity within the Russian Federation - the Donetsk People's Republic: Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 5-FKZ]. Available at: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202210050005> [Accessed 22/09/2023].
12. *O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta - Luganskoy Narodnoy Respubliki: feder. konstituts. zakon ot 04.10.2022 № 6-FKZ* [On the admission of the Lugansk People's Republic to the Russian Federation and the formation of a new entity within the Russian Federation - the Lugansk People's Republic: Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 6-FKZ]. Available at: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202210050006> [Accessed 17/09/2023].
13. *O priznanii Donetskoy Narodnoy Respubliki: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii «» ot 21 fevralya 2022 g. № 71* [On recognition of the Donetsk People's Republic: Decree of the President of the Russian Federation of February 21, 2022 No. 71]. Available at: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202202220002> [Accessed 17/09/2023].
14. *O priznanii Luganskoy Narodnoy Respubliki: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21 fevralya 2022 g. № 72* [On the recognition of the Lugansk People's Republic: Decree of the President of the Russian Federation of February 21, 2022 No. 72]. Available at: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202202220001> [Accessed 11/09/2023].
15. *O priznanii Respubliki Abkhaziya: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 26 avgusta 2008 g. № 1260* [On recognition of the Republic of Abkhazia: Decree of the President of the Russian Federation of August 26, 2008 No. 1260]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27957> [Accessed 17/09/2023].
16. *O priznanii Respubliki Krym: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 17 marta 2017 g. № 147* [On recognition of the Republic of Crimea: Decree of the President of the Russian Federation of March 17, 2017 No. 147]. Available at: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001201403180002> [Accessed 17/09/2023].
17. *O priznanii Respubliki Yuzhnaya Osetiya: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 26 avgusta 2008 g. № 1261* [On recognition of the Republic of South Ossetia: Decree of the President of the Russian Federation of August 26, 2008 No. 1261]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958> [Accessed 12/09/2023].
18. *Po delu o proverke konstitutsionnosti ne vstupivshego v silu mezhdunarodnogo Dogovora mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Luganskoy Narodnoy Respublikoy o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 oktyabrya 2022 goda № 37-P* [the case of verifying the constitutionality of the international Treaty between the Russian Federation and the Lugansk People's Republic on the admission of the Lugansk People's Republic to the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation: Resolution of the

- Constitutional Court of the Russian Federation dated October 2, 2022 No. 37- P]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
19. Po delu o proverke konstitutsionnosti ne vstupivshego v silu mezhdunarodnogo Dogovora mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Donetskoy Narodnoy Respublikoy o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.10.2022 № 36-P [In the case of verifying the constitutionality of the international Treaty between the Russian Federation and the Donetsk People's Republic on the admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 2, 2022 No. 36-P]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
 20. Sakaniya I.N. (2012) Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespecheniya bezopasnosti Respubliki Abkhaziya [International legal aspects of ensuring the security of the Republic of Abkhazia]. *Materialy X ezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora I. P. Blishchenko «Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava»*. V 2 chastyakh. Chast' 2 [Proc. All-Russian Conf. "Current problems of modern international law". In 2 parts. Part 2]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.
 21. *Soglashenie mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Abkhaziya o sotrudnichestve v voennoy oblasti 15 sentyabrya 2009 g.* [Agreement between the Russian Federation and the Republic of Abkhazia on cooperation in the military field September 15, 2009] Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902198778> [Accessed 17/09/2023].
 22. *Soglashenie mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Yuzhnaya Osetiya o sotrudnichestve v voennoy oblasti ot 15 sentyabrya 2009 g.* [Agreement between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia on cooperation in the military field of September 15, 2009] Available at: <http://alaniemil.org/125-soglashenie-mezhdu-rossiyskoy-federatsiyey-i-respublikoy-yuzhnaya-osetiya-o-sotrudnichestve-v-voennoy-oblasti.html> [Accessed 17/09/2023].
 23. Tabueva M.Yu. (2022) Stanovlenie i razvitie mezhdunarodnykh dvustoronnikh otnosheniy mezhdu Respublikoy Yuzhnaya Osetiya i Rossiyskoy Federatsiyey [Formation and development of international bilateral relations between the Republic of South Ossetia and the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal science], 11.
 24. Tostykh V.L. (2022) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
 25. Vataman A.V. (2021) Uchastie Rossiyskoy Federatsii v obespechenii bezopasnosti Respubliki Abkhaziya [Participation of the Russian Federation in ensuring the security of the Republic of Abkhazia]. *Analiticheskiy byulleten' Instituta sotsial'no-politicheskikh issledovaniy i regional'nogo razvitiya* [Analytical Bulletin of the Institute of Socio-Political Research and Regional Development], 1-2 (6-7).

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как
[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

